3 1761 06606564 0

М. Г. ЛУНЦЪ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

Изъ исторіи фабричнаго законодательства, фабричной инспекціи и рабочаго движенія въ Россіи.

HD
8521
L86
1909
c.1
ROBARTS

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ.
МОСКВА.
1909.

Presented to the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

by

R. E. JOHNSON

Род. 9 марта 1872—† 31 марта 1907.

М. Г. Лунцъ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

Изъ исторіи фабричнаго законодательства, фабричной инспекціи и рабочаго движенія въ Россіи.

UNIVERSITY OF TORONTO
JUL 25 2005

Посмертное изданіе съ портретомъ автора и предисловіемъ И. Степанова.

МОСКВА.
1909.

LIBRARY
JUL 25 2002
UNIVERSITY OF TORONTO

МОСКВА.
Тип. „Печатное Дѣло“; Ф. Я. Бурче. Тверск. бул., д. Яголковскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ V

Памяти М. Г. Лунца XII

Фабричное законодательство въ Россіи 1

Къ исторіи фабричной инспекціи въ Россіи 78

Рабочій вопросъ и фабричное законодательство въ Россіи 114

Законъ 2 іюня 1903 г. и примѣненіе его на практикѣ 222

Полицейскій соціализмъ въ Россіи (Зубатовщина) 248

По поводу книги проф. И. Х. Озерова „Изъ жизни труда“ . . . 304

Программные вопросы 317

Фабрикантъ и рабочій. Двѣ жизни 366

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/sbornikstateizis00lunt

Михаилъ Григорьевичъ Лунцъ.

Михаилъ Григорьевичъ Лунцъ родился 9 марта 1872 года въ городѣ Ковно. Окончивъ съ золотой медалью курсъ ковенской гимназіи, онъ въ 1891 году поступилъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ, который окончилъ въ 1896 году.

По окончаніи курса М. Г. предпринялъ поѣздку за-границу, гдѣ слушалъ лекціи извѣстныхъ экономистовъ и Куно Фишера.

Литературная дѣятельность его началась очень рано, съ 1898 года, когда появляются его первыя статьи въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ". Скоро М. Г. становится постояннымъ сотрудникомъ этой газеты. Въ одинъ изъ труднѣйшихъ моментовъ жизни М. Г. Лунца, когда его, тогда еще почти юношу, охватили тяжелыя сомнѣнія въ своихъ силахъ, только поддержка со стороны проф. Чупрова, этого удивительно сердечнаго и обаятельнаго человѣка, позволила М. Г-чу справиться со своимъ душевнымъ кризисомъ.

На темахъ первыхъ работъ М. Г. сказалось вліяніе А. И. Чупрова. Въ это время Н. Г. нерѣдко останавливается на вопросахъ крестьянскаго быта. Довольно большая статья въ «Рус. Мысли» (1898 годъ, февраль) посвящена кредитнымъ товариществамъ Райфейзена въ Германіи.

Съ теченіемъ времени главнымъ предметомъ занятій М. Г. все болѣе становятся вопросы промышленной жизни и въ особенности фабричнаго законодательства. Уже къ концу 90-хъ годовъ М. Г. занимаетъ выдающееся положеніе въ соотвѣтствующей области литературы. Да и теперь, по истеченіи двухъ лѣтъ съ его смерти не явилось преемниковъ, которые по своему знанію дѣла, по широтѣ кругозора, могли бы замѣнить М. Г-ча.

Марксистомъ по своимъ общественно-политическимъ воззрѣніямъ М. Г. становится въ концѣ 90-хъ годовъ. Въ старый, патріархальный, дореволюціонный періодъ нашей общественности марксистскія убѣжденія не были несовмѣстимы съ постояннымъ сотрудничествомъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Съ одной стороны, марксистъ по своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ можетъ проявиться какъ соціалъ-демократъ по своей политической

программѣ лишь при обсужденіи такихъ вопросовъ, которыхъ дореволюціонная легальная пресса не касалась по цензурнымъ условіямъ. Съ другой стороны, со страницъ „Русскихъ Вѣдомостей“ не было изгнано ни выраженіе симпатій къ марксизму, какъ къ теоретическому направленію, ни выраженіе сочувственнаго отношенія къ соціалъ-демократическимъ партіямъ другихъ странъ.

Такимъ образомъ М. Г. сдѣлался не только постояннымъ сотрудникомъ, но и однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ „Рус. Вѣд.“ по отдѣламъ фабричнаго законодательства, различныхъ видовъ страхованія рабочихъ, жилищной нужды въ городахъ и т. д. Нельзя отрицать, впрочемъ, что цензурныя условія должны были отразиться и на выборѣ темъ, и на ихъ разработкѣ.

Статьи 1903—4 года, напечатанныя въ „Рус. Богатствѣ“ и вошедшія въ настоящій сборникъ, относятся по своему характеру ко второму, переходному періоду въ литературной дѣятельности М. Г. Лунца. Онѣ уже ясно показываютъ, въ какого блестящаго литературнаго работника развернулся бы М. Г. при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ; но и онѣ кое-гдѣ носятъ слѣды вынужденнаго приспособленія къ тяжелымъ внѣшнимъ условіямъ.

Съ начала 1904 года М. Г. вошелъ въ составъ редакціи только что возникшаго тогда московскаго ежемѣсячнаго журнала „Правда“, въ которомъ онъ сдѣлался редакторомъ и главнымъ авторомъ „Внутреннихъ Обозрѣній“. Журналъ съ самаго начала предполагалось сдѣлать выдержанно марксистскимъ. Но вслѣдствіе суровыхъ цензурныхъ условій марксизмъ могъ получить выраженіе лишь въ нѣкоторыхъ философскихъ, отвлеченно-теоретическихъ и литературно-критическихъ статьяхъ. Не мало внутреннихъ обозрѣній М. Г. цѣликомъ погибло въ цензурѣ, лучшая часть напечатанныхъ осталась тамъ же. Уже въ концѣ 1904 года, въ разгаръ пресловутой „весны“ кн. Святополкъ-Мірскаго, М. Г. цѣлыми недѣлями носилъ въ карманѣ совершенно готовыя, иногда даже набранныя обозрѣнія, вынималъ ихъ изъ кармана, пересматривалъ и опять съ глубокимъ страданіемъ пряталъ, не рѣшаясь отправить ихъ въ цензуру, почти на вѣрную гибель.

Изъ статей, написанныхъ для „Правды“, въ настоящій сборникъ вошла работа о законѣ 2 іюня 1903 г. и внутреннее обозрѣніе: „Программные вопросы“. Внѣшнимъ поводомъ для послѣдняго послужили неопредѣленныя реформаторскія обѣщанія Святополкъ-Мірскаго. Оно написано въ ноябрѣ—декабрѣ 1904 года, уже набрано (въ гранкахъ), но такъ и осталось ненапечатаннымъ. Въ ноябрѣ нѣсколько петербургскихъ газетъ получили предостереженія; въ декабрѣ событія, связанныя съ московскими де-

монстраціями, показали, что ноябрскіе банкеты и земскія резолюціи не произвели прочнаго впечатлѣнія на носителей стараго строя,—если только произвели какое-нибудь впечатлѣніе. Когда старый строй недвусмысленно показалъ, что словеснымъ увѣщаніямъ онъ не уступитъ, представлять такое внутреннее обозрѣніе въ цензуру стало излишне. А когда старымъ отношеніямъ были нанесены дѣйствительные удары, и когда можно было бы разсчитывать на пропускъ статьи, М. Г. уже не принималъ участія въ „Правдѣ“.

Это печатающееся здѣсь впервые внутреннее обозрѣніе цѣликомъ носитъ программный характеръ. Хотя при составленіи его М. Г-чу тоже приходилось считаться съ внѣшними условіями существованія „Правды“ и хотя требованія, намѣченныя въ немъ, съ того времени сдѣлались достояніемъ широкихъ массъ, однако благодаря способу обоснованія ихъ и литературному таланту М. Г-ча статья сохраняетъ свое значеніе даже теперь, когда съ ея написанія прошло четыре переполненныхъ событіями года.

Къ началу того же 1904 года относится и вошедшая сюда небольшая замѣтка объ одной книгѣ проф. И. Х. Озерова. Злобой дня для Москвы были тогда зубатовскія организаціи. Немногіе профессора, которые по наивности не сразу поняли, въ чемъ дѣло, быстро отшатнулись отъ него, какъ только увидали его связь съ охраннымъ отдѣленіемъ и его дѣятельностью. Г-нъ И. Х. Озеровъ и его ближайшій помощникъ г. Л. Л. Кобылинскій оставались въ организаціяхъ до конца, получали за свое содѣйствіе публичную благодарность отъ начальника охраннаго отдѣленія и его помощника, своимъ присутствіемъ санкціонировали охранную теорію о „большой и малой интеллигенціи, скрѣпляли „авторитетомъ науки“ всю „соціальную дѣятельность“ охраннаго отдѣленія. Имъ не приходилось бояться противодѣйствія. Въ зубатовскихъ собраніяхъ можно было говорить лишь въ зубатовскомъ направленіи. На печати былъ надежный намордникъ.

М. Г. обратился къ литературнымъ произведеніямъ И. Х. Озерова и блестяще вскрылъ полное тожество его теоретическихъ воззрѣній съ его соціально-политической дѣятельностью. Не говоря о послѣдней прямо, М. Г. тѣмъ не менѣе сумѣлъ надлежащимъ образомъ охарактеризовать ее. Уже этой статьей, а потомъ еще болѣе „Полицейскимъ соціализмомъ“ М. Г. завоевалъ себѣ почетное вниманіе со стороны нѣкоторыхъ литераторовъ, которые отъ времени до времени разражаются по его адресу статьями, полными ядовитой, но совершенно безсильной злобы. По всей вѣроятности, такъ же почтятъ они и настоящій сборникъ; вѣдь онъ такъ вразумительно напомнитъ имъ, что прошлое не умираетъ: ни прошлое М. Г. Лунца, ни прошлое гг. Озеровыхъ и Кобылинскихъ.

Въ началѣ 1905 г., выйдя изъ „Правды“, М. Г. задумалъ обшир-

ную работу о положеніи рабочаго класса въ Россіи и о развитіи его борьбы. Тогда же онъ приступилъ и къ осуществленію этого плана. Уже весной 1905 года онъ выступилъ въ засѣданіи Музея содѣйствія труду съ обширнымъ рефератомъ объ общихъ основахъ фабричнаго законодательства въ Россіи. Кто былъ на этомъ засѣданіи, у того никогда не изгладится воспоминаніе о немъ: сплошная масса слушателей, преимущественно рабочихъ; нельзя поднять руку, чтобы вытереть потъ; нечѣмъ дышать. Но всѣ жадно слушаютъ, не пропускаютъ ни одного слова талантливаго лектора, который ясно, просто и глубоко вскрываетъ основныя пружины фабричнаго законодательства и замыслы „полицейскаго соціализма“.

Этотъ рефератъ положенъ въ основу статьи, которой открывается настоящій сборникъ. Къ ней непосредственно примыкаетъ статья о фабричной инспекціи въ Россіи, появляющаяся здѣсь впервые. Рукопись этой статьи видимо не вполнѣ закончена и не подверглась окончательному просмотру. Но М. Г. имѣлъ обыкновеніе предварительно обдумывать свои работы до мельчайшихъ деталей; первая рукопись обыкновенно являлась вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательной редакціей статьи. Впослѣдствіи требовались лишь незначительныя измѣненія, преимущественно стилистическаго характера. Такова и рукопись о фабричной инспекціи.

Эти двѣ статьи должны были войти какъ особыя главы въ книгу о рабочемъ классѣ въ Россіи. Новую главу той же книги долженъ былъ составить „Полицейскій соціализмъ“, написанный въ 1905 году.

Только что названныя три статьи, относящіяся къ 1905—7 годамъ, характеризуетъ послѣдній, наиболѣе яркій періодъ литературной дѣятельности М. Г., оказавшійся къ несчастью столь кратковременнымъ. По этимъ главамъ можно судить, какимъ крупнымъ по богатству матеріала и глубинѣ его разработки вкладомъ въ нашу литературу была бы книга М. Г., если бы ему удалось довести ее до конца и дать главы объ отвѣтственности предпринимателей (переработка упомянутыхъ выше статей изъ „Рус. Б.“ и „Правды“, вошедшихъ въ этотъ сборникъ), движеніи заработной платы, жилищныхъ условіяхъ и питаніи рабочихъ, стачкахъ, фабричныхъ лавкахъ и т. д. Но и то, что успѣлъ дать М. Г., представляетъ высокую цѣнность, которая нисколько не уменьшилась до настоящаго времени, и которая еще болѣе возрастетъ, когда вопросы, трактуемые въ статьяхъ М. Г-ча, вновь властно потребуютъ разрѣшенія. Поэтому уже давно слышались жалобы на трудность отысканія статей М. Г-ча, разбросанныхъ въ старыхъ журналахъ.

Къ этому же, послѣднему періоду относится блестяще написанная параллель: „Двѣ жизни“, первоначально (въ 1904 г.) появившаяся въ „Рус. Вѣд.“, а впослѣдствіи, въ 1905 году, изданная брошюрой, которая уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлалась библіографической рѣдкостью.

Развивающееся общественное движеніе открыло возможность помышлять о такихъ работахъ и выполнять ихъ. Но это же самое общественное движеніе было процессомъ дифференціаціи, соціальнаго опредѣленія элементовъ, которые въ старой, патріархальной Россіи болѣе или менѣе мирно, безъ треній или сравнительно съ незначительными треніями, уживались вмѣстѣ и вмѣстѣ работали. Старый гнетъ могъ объединять разнородные элементы на общей, неоформленной ближе оппозиціонности. Новая, мощно развивающаяся жизнь не мирилась съ такими общими скобками. Она требовала политически-опредѣленныхъ, или, точнѣе, партійно-опредѣленныхъ отвѣтовъ на основные вопросы нашей общественности. Размежеваніе разнородныхъ элементовъ сдѣлалось неизбѣжнымъ. Такой литераторъ, для котораго, какъ для М. Г. Лунца, слово являлось выраженіемъ глубокаго убѣжденія, не могъ не увидать этого и не сдѣлать необходимыхъ практическихъ выводовъ. Въ этомъ и заключается основная причина его выхода (въ 1905 году) изъ „Рус. Вѣд.“.

Дѣлая это, М. Г. конечно зналъ, что ожидаетъ его. Онъ зналъ, что у него, страстно преданнаго газетному дѣлу работника, цѣлыми мѣсяцами не будетъ ни одного органа, въ которомъ онъ могъ бы примѣнить свои силы. Онъ зналъ, что на его дѣло, на дѣло его партіи, будутъ сыпаться клеветническія нападки,—озлобленность которыхъ можетъ сравняться только съ ихъ невѣжествомъ,—и у него не будетъ возможности хотя бы однимъ словомъ отразить эти нападки. Онъ зналъ, что его ожидаетъ масса работы, а маленькій гонораръ только какъ рѣдкое случайное исключеніе. И все это ему пришлось испытать за послѣдніе два года жизни.

Въ концѣ ноября 1905 года въ Москвѣ возникла газета „Борьба“, въ редакціонный комитетъ которой М. Г. вошелъ съ самаго начала. Его дѣятельность не успѣла здѣсь развернуться. На 9-мъ нумерѣ газета была закрыта. Изъ статей М. Г—ча, напечатанныхъ въ ней, особенно выдѣляется статья по поводу забастовки почтово-телеграфныхъ служащихъ.

Въ концѣ декабря М. Г., совершенно больной, отправился за-границу, гдѣ онъ оставался около полугода.

По возвращеніи въ Москву М. Г. дѣлается въ концѣ 1906 и началѣ 1907 года членомъ редакціи газетъ „Вопросы Дня“ и „Истина“. Каждая изъ нихъ до закрытія успѣла дать только по 5 нумеровъ. Работа въ этихъ газетахъ, поставленныхъ на кустарный ладъ, съ совершенно случайными и крайне мизерными средствами, которыхъ едва хватало на печатаніе, была въ особенности трудна. Изъ 10 нумеровъ этихъ газетъ лишь въ одномъ или двухъ нѣтъ его статей, но за то въ остальныхъ по крайней мѣрѣ по одной, иногда по двѣ и даже по три статьи, подписанныхъ «М. Григорьевскій», «М. Григорьевъ», иногда просто «М. Г.».

Въ нихъ вполнѣ проявился блестящій литературный работникъ съ рѣдкой для русскаго газетнаго дѣла научной подготовкой.

Весной 1907 года возникла газета «Профессіоналъ», которую предполагалось превратить въ центральный органъ нашего профессіональнаго движенія. М. Г. былъ однимъ изъ главныхъ организаторовъ этой газеты и несомнѣнно сдѣлался бы фактически главнымъ ея редакторомъ. Но онъ успѣлъ подготовить только одинъ, первый нумеръ, въ который, не ограничиваясь редактированіемъ, далъ нѣсколько своихъ статей. Этотъ нумеръ „Профессіонала“ былъ послѣднимъ для М. Г—ча: на первой страницѣ этого нумера редакція „Профессіонала“ даетъ выраженіе своему чувству скорби по поводу безвременной кончины М. Г—ча. „Профессіоналъ“, кстати сказать, ненадолго пережилъ своего перваго редактора: уже въ маѣ, на 5-мъ нумерѣ, онъ былъ закрытъ.

Дѣятельность М. Г—ча въ послѣдніе годы не ограничивалась его участіемъ въ марксистскихъ органахъ печати. Съ конца 1904 и особенно съ 1905 г., когда можно было надѣяться, что Музей труда окажетъ извѣстное содѣйствіе поднимающемуся рабочему движенію (анкеты, рефераты, съ конца 1905 года—помощь организаціи профессіональныхъ союзовъ, впослѣдствіи—газетамъ этихъ союзовъ и т. д.), М. Г—ичъ принялъ энергичное участіе въ его работахъ, сначала въ качествѣ рядового члена, потомъ въ качествѣ товарища предсѣдателя. И еще за какую-нибудь недѣлю до смерти онъ—утомленный, измученный, больной—горячо организовалъ силы для того, чтобы отразить отъ Музея опасность, надвинувшуюся со стороны Техническаго общества.

Въ организованныя отношенія къ с.-д. партіи М. Г. вступилъ съ 1904 года. Публично, въ качествѣ лектора, онъ не выступалъ послѣ того случая, о которомъ упомянуто выше. При состояніи его здоровья всякое выступленіе въ значительномъ собраніи было равносильно самоубійству особаго рода. Но тѣмъ энергичнѣе работалъ М. Г. въ разнообразныхъ учрежденіяхъ при Московскомъ Комитетѣ, въ которыхъ онъ былъ незамѣнимымъ помощникомъ и по своей научной подготовкѣ, и по своимъ личнымъ качествамъ, на рѣдкость мягкій, отзывчивый, сердечный товарищъ.

Съ конца 1906 года М. Г. больше всего занимался въ области молодого, но быстро развивающагося профессіональнаго движенія: въ постоянныхъ и подготовительныхъ комиссіяхъ, въ совѣщаніяхъ и конференціяхъ, въ центральномъ бюро профессіональныхъ союзовъ, въ которомъ онъ скоро занялъ отвѣтственное положеніе секретаря. Въ началѣ 1907 года онъ принялъ участіе въ организаціи „первой областной конференціи союзовъ по обработкѣ волокна“, а потомъ, въ февралѣ, и въ самой этой конференціи, на которой онъ прочиталъ докладъ о „прядильно-ткацкой промыш-

ленности въ Россіи". Онъ же редактировалъ и протоколы этой конференціи, которые въ апрѣлѣ 1907 года появились особой брошюрой.

Покойный боленъ былъ давно. Онъ нисколько не скрывалъ отъ себя, что каждый изъ тѣхъ припадковъ болѣзни сердца, которые повторялись, все учащаясь, то въ сравнительно легкой, то въ самой серьезной формѣ, можетъ окончиться роковымъ исходомъ. Онъ зналъ, что, если бы обставить жизнь достаточно спокойно, отказаться отъ берущей всего человѣка дѣятельности въ партійныхъ и профессіональныхъ организаціяхъ, отъ совѣщаній въ тѣсныхъ и душныхъ комнатенкахъ съ испорченнымъ и переполненнымъ копотью воздухомъ, отъ путешествій по высокимъ лѣстницамъ, отъ всѣхъ тревогъ и волненій такой дѣятельности,—то можно было бы продлить существованіе на большое количество лѣтъ.

Но такъ существовать М. Г. не могъ. Жизнь требовала такихъ людей, какъ онъ, и М. Г. пошелъ на ея зовъ. Въ ночь на 1 апрѣля 1907 года его не стало.

М. Г. похороненъ на Дорогомиловскомъ еврейскомъ кладбищѣ. Скромные вѣнки отъ организацій и органовъ печати рабочаго класса, прощальныя рѣчи на могилѣ покойнаго напомнили, чѣмъ онъ былъ для этихъ организацій.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о соображеніяхъ, которыми опредѣлился составъ настоящаго сборника.

Многочисленныя газетныя статьи покойнаго не вошли въ сборникъ. По харатеру газетной работы, онѣ,—если даже касаются общихъ вопросовъ, до сихъ поръ не утратившихъ интереса, пріурочены къ явленіямъ и событіямъ своего времени, относятся къ области текущихъ статей, написаны по такимъ поводамъ, которые теперь представлялись бы случайными.

Кромѣ того, на статьяхъ перваго періода газетной дѣятельности М. Г. не могли не отразиться слишкомъ тягостныя цензурныя условія, съ которыми съ самаго начала вынужденъ былъ считаться каждый газетный работникъ. Поэтому изъ газетныхъ статей въ сборникъ вошли только „Двѣ жизни".

Главное содержаніе сборника составили журнальныя статьи и впервые появляющаяся въ немъ статья о фабричной инспекціи. Краткія свѣдѣнія объ условіяхъ, при которыхъ онѣ написаны, даны выше. Расположеніе матеріала въ сборникѣ опредѣлилось соображеніями о содержаніи статей.

И. Степановъ.

28 февраля 1909 года.

Памяти М. Г. Лунца.

Не какъ о другѣ, но какъ о человѣкѣ хочу сказать о немъ нѣсколько словъ.

Онъ былъ студентомъ, когда я впервые узналъ его. Серьезный, знающій, интересный, онъ особенно привлекалъ прямотой характера, пылкой убѣжденностью, способностью къ чистому воодушевленію. Истинная юность почти всегда такова. Но проходятъ годы,— и эти свѣтлые дары юности блекнутъ. Мы постигаемъ жизненную мудрость компромисса, изнашиваемся, теряемъ способность горѣть прежними увлеченіями и вѣрой. Онъ былъ не таковъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе крѣпла въ немъ эта святая способность. Роковая болѣзнь безжалостно подтачивала его тѣло, но духъ, какъ свѣча подъ напоромъ вѣтра, горѣлъ все возбужденнѣе и ярче. Онъ терялъ послѣднія силы въ припадкѣ сердечной болѣзни, но, еще не оправившись, вновь закипалъ и бросался въ работу. „Лучше два года полной жизни, чѣмъ 20 лѣтъ покоя“,— говорилъ онъ, когда врачи требовали отдыха, соотвѣтственнаго режима и т. п.

Онъ горячо любилъ науку и съ увлеченіемъ рылся въ архивахъ фабричныхъ инспекторовъ, въ статистическихъ сборникахъ, въ томахъ Маркса, его комментаторовъ и продолжателей, въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ и источникахъ, но не меньше манила его и злободневная практическая дѣятельность,—пробужденіе сознательности въ рабочихъ классахъ, ихъ организація, литература брошюръ, публицистика, работа въ Музеѣ труда, въ бюро и конференціяхъ профессіональныхъ союзовъ. И въ то же время онъ искренно любилъ и глубоко чувствовалъ искусство, которому отводилъ широкое мѣсто въ своихъ мечтахъ о воплощеніи идеаловъ соціализма, бывшаго для него не только научной догмой, но и пламенной вѣрой.

Въ другое время онъ могъ бы и при болѣзни прожить еще годы, но въ наши дни непрерывныхъ волненій, ужасовъ, томительныхъ упованій и разочарованій онъ быстро сгорѣлъ...

Угасъ духъ чистый, пылкій, духъ истиннаго борца,—столько же сильный любовью къ добру, сколько лютой ненавистью ко всему злому. Середины онъ не зналъ... Оттого, — особенно въ послѣднее время, — онъ могъ быть при всей своей сердечности и чуткости запальчивъ, рѣзокъ, даже неправъ, но всегда чувствовалось въ немъ мощное обаяніе цѣльности, убѣжденности, несокрушимой нравственной силы. И чистая память объ этомъ обаяніи,— лучшее наслѣдіе, которое навсегда оставилъ дорогой покойникъ въ сердцахъ всѣхъ, кто близко зналъ его...

Ю. Энгель.

Фабричное законодательство въ Россіи.*)

Кто не помнитъ ожесточенной и страстной полемики девяностыхъ годовъ, разгорѣвшейся вокругъ вопроса о судьбахъ капитализма въ Россіи между старымъ народническимъ и молодымъ марксистскимъ движеніемъ! Несмотря на всю простоту и убѣдительность аргументаціи своихъ противниковъ, народники съ упрямствомъ, шедшимъ наперекоръ очевиднымъ фактамъ, твердили свое: капитализмъ—это вампиръ, присосавшійся къ крестьянству, разрушающій трудовое начало и общину, которыя могли бы перевести насъ, минуя капитализмъ, къ высшимъ формамъ соціалистическаго государства. Капитализмъ въ Россіи—нѣжный цвѣтокъ, искусственно пересаженный на чуждую ниву и обреченный на гибель. Законамъ капиталистическаго хозяйства, опредѣлившимъ жизнь европейскихъ народовъ, народники противопоставляли какія-то особыя судьбы Россіи, непреложнымъ, хотя бы и жестокимъ, этапамъ капиталистическаго развитія—какіе-то особые идеалы интеллигенціи, проникнутой братствомъ и справедливостью и нежелающей мириться съ печальной дѣйствительностью. Марксисты утверждали: всѣ ваши сомнѣнья о судьбахъ Россіи предрѣшены, потому что Россія уже давно вступила на путь капиталистическаго развитія, и капитализмъ имѣетъ подъ собою и прочную почву и благодарное поле дѣятельности. Всѣ жалобы и печали о разрушеніи натуральнаго крестьянскаго хозяйства и гибели хозяйственнаго мужичка не могутъ ни на шагъ отодвинуть развитіе страны въ сторону, вамъ желанную. Капитализмъ острымъ и широкимъ клиномъ врѣзался въ народохозяйственную жизнь, и, разсѣкая ее, онъ приноситъ съ собою смерть старому, но на развалинахъ отживающаго онъ создаетъ новую жизнь, новыя общественныя силы, которыя напишутъ на своемъ

*) Печаталось въ журн. „Образованіе“ за 1906 г. кн. 3 и 4.

знамени неизвѣстныя народу слова и выведутъ его на путь хозяйственнаго подъема и политической свободы. Нарождается новый общественный классъ — рабочій пролетаріатъ, новые люди, которые, пройдя черезъ страданія, найдутъ въ общности пережитого горя и интересовъ огромную сближающую другъ съ другомъ силу, и съ этой силой, задыхающейся въ тѣсныхъ стѣнахъ буржуазнаго и бюрократическаго строя, выступятъ въ роли творцовъ новой Россіи, бодрой и свободной. Дыханіе капитализма не безвредно для старыхъ формъ хозяйства; его шествіе усѣяно погибшими и изувѣченными. Но зачѣмъ считать жертвы и плакать, когда ничто не въ силахъ ихъ устранить, когда Россія должна пойти тѣмъ же путемъ, что и западъ, когда въ концѣ этого пути ждутъ уцѣлѣвшихъ не кнутъ и цѣпи, а новое счастіе еще неизвѣданной свободы. Такъ смѣлѣе впередъ безъ сожалѣній о прошломъ и съ довѣріемъ къ будущему! Но народники угрюмо и упрямо твердили свое: русское крестьянство можетъ и должно миновать стадію капитализма. И съ радостью заявляли во всеуслышаніе, что капитализмъ не развивается въ Россіи, что число фабрично-заводскихъ рабочихъ не только не опережаетъ роста всего населенія, но даже абсолютно сокращается, что къ общинѣ прививается травосѣяніе, и,—съ вѣрой въ свою правоту, продолжали разрабатывать программу, которая сдѣлала-бы крестьянина крѣпкимъ землѣ, а кустаря—свободнымъ отъ гнета капитала.

Противники разошлись, не переубѣдивъ другъ друга. Но сама жизнь поспѣшила доказать, кто былъ правъ. Глубокій процессъ объединенія, происходящій въ нѣдрахъ фабрики, сплачивающій общностью нуждъ и интересовъ недавно еще чуждыхъ людей и шагъ за шагомъ выдвигающій кадры рабочихъ въ борьбу за лучшія условія труда, сорганизовалъ и вывелъ на арену русской исторіи новый, сильный числомъ и ненавистью къ существующему строю классъ, который громко и дружно повѣдалъ о своемъ горѣ и своихъ требованіяхъ. Уже петербургскія стачки 1896 и 1897 года и еще болѣе огромное стачечное движеніе, развившееся по всему югу лѣтомъ 1903 года и въ особенности въ бакинскомъ районѣ, показали, что въ Россіи растетъ рабочій классъ, что въ немъ пробудилось классовое самосознаніе, что не сегодня-завтра онъ явится творцомъ исторіи. Но власти,

готовыя по старинной привычкѣ видѣть во всякомъ проявленіи общественной самодѣятельности исключительно результатъ агитаціи злонамѣренныхъ лицъ, проглядѣли вновь народившуюся силу, а общество, классовое общество современности, не имѣло основаній заботиться о чужихъ интересахъ больше, чѣмъ о своихъ; да его мнѣнія и не спрашивали: то было время Плеве, охватившаго страну желѣзными тисками преслѣдованій.

Прошло полтора года, и ручьи рабочихъ силъ, незамѣтно просочившихся наружу сквозь гнетъ бюрократіи и экономическія невзгоды, слились въ широкій, глубокій, могучій потокъ, залившій всѣ сколько-нибудь значительные центры промысловой жизни. Въ декабрѣ 1904 года разыгралась грандіозная бакинская стачка, длившаяся нѣсколько недѣль и закончившаяся частичной побѣдой рабочихъ. Не успѣло еще дойти извѣстіе о прекращеніи стачки на бакинскихъ промыслахъ, какъ 3 января 1905 года забастовалъ въ Петербургѣ Путиловскій заводъ, и стачка, охвативъ весь Петербургъ съ окрестностями, пожаромъ перенеслась на Москву, Варшаву, Лодзь, Сосновицы, Домброва, Вильно, Ковно, Гродно, Минскъ, Ригу, Ревель, Митаву, Либаву, Дерптъ, Самару, Саратовъ, Полтаву, Кіевъ, Казань, Баку, Тифлисъ, Батумъ, Поти, Екатеринославъ, Юзовку, Тулу, Гомель, Сормово, Красноярскъ, Томскъ. За фабрично-заводскими и даже ремесленными рабочими послѣдовали во многихъ городахъ служащіе въ торговыхъ заведеніяхъ и наконецъ на многихъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ забастовалъ весь желѣзнодорожный персоналъ. Это движеніе, внесшее сильнѣйшее потрясеніе въ нашъ политическій строй, во всю торговопромышленную жизнь и въ сферу обмѣна, не прекращалось затѣмъ въ теченіе всего 1905 года.

Оно стало исходнымъ пунктомъ великой русской революціи. Весну, лѣто, осень и зиму одна забастовочная волна смѣнялась другой, разрушая старый полицейскій міръ и закладывая основы величаваго зданія народной свободы. Политическій характеръ борьбы пролетаріата, протекавшій подъ знаменемъ всеобщей забастовки, съ каждымъ днемъ становился яснѣе. Громаднымъ натискомъ октябрьской забастовки онъ сломилъ наконецъ самодержавную бюрократію и вырвалъ у нея туманное отреченіе отъ самодержавія, реализованное подъ непрекращавшимся напоромъ пролетаріата въ декабрьской „конституціи“.

Капитализмъ черезъ рабочаго привелъ къ политической свободѣ. Именно такъ, какъ говорили марксисты. Въ первые же дни своего открытаго революціоннаго выступленія пролетаріатъ обнаружилъ глубокое пониманіе органической связи между экономическимъ его положеніемъ и правовымъ, между правовымъ и политическимъ строемъ страны. 9-го января рабочіе не только сказали: „Наше матеріальное положеніе невыносимо. Нашъ заработокъ скуденъ и непроченъ. Нашъ рабочій день великъ и изнурителенъ. Наши жилища мрачны и сыры", — это говорилось еще въ 80-хъ годахъ. Поднявшись въ своемъ сознаніи ступенью выше и оглянувъ безчисленные ряды своихъ товарищей, сгорбившихся надъ работой, но не склонившихъ головы, они прибавили: „Намъ плохо живется, потому что у насъ нѣтъ никакихъ правъ. Наше фабричное законодательство не охраняетъ насъ; но не только наши профессіональныя, фабричныя права, и наши гражданскія права не обезпечены отъ самыхъ грубыхъ нарушеній въ каждодневномъ быту. Мы безправны какъ рабочіе и какъ граждане, политическихъ правъ нѣтъ у насъ даже на бумагѣ". И мысль, подгоняемая печальной жизнью и жаждой лучшаго, поднялась еще выше и добралась до корня зла. „Наше безправіе—сказали петербургскіе рабочіе и за ними всѣ другіе — не случайно. Оно явилось прямымъ результатомъ существующаго государственнаго строя. Намъ нужна свобода личности, союзовъ, собраній, стачекъ, печати, совѣсти, передвиженія, занятій, намъ нуженъ просторъ для свободнаго развитія. Но этихъ правъ вы намъ не можете дать, потому что они несовмѣстимы съ вашимъ строемъ. Всѣ эти свободы, всѣ права личности и гражданскаго равенства могутъ быть только тамъ, гдѣ самъ народъ въ лицѣ его свободно избранныхъ представителей обладаетъ полнотой законодательной власти и опредѣляетъ свои права. И мы требуемъ этого участія и этихъ правъ". Таковъ былъ смыслъ январьской петиціи. Въ октябрьскіе и ноябрьскіе дни пролетаріатъ, въ полномъ сознаніи своихъ классовыхъ интересовъ, говорилъ уже о демократической республикѣ и соціализмѣ.....

Въ ряду требованій, упорно предъявлявшихся рабочими, въ теченіе всего великаго года, реформа фабричнаго законодательства занимала одно изъ первыхъ мѣстъ.

Но имѣлось ли основаніе къ такимъ жалобамъ, не были ли онѣ преувеличены, или подсказаны „злонамѣренными“ лицами, которымъ, по оффиціальному представленію, нѣтъ никакого дѣла до истинныхъ интересовъ рабочаго класса? На этотъ вопросъ лучшимъ отвѣтомъ послужитъ сжатый очеркъ основъ нашего фабричнаго законодательства.

I.

Наше фабричное законодательство состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ законовъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ и постепенно регулировавшихъ разныя стороны фабрично-заводскаго быта. Законы 1 іюня 1882 года о работѣ малолѣтнихъ, 3 іюня 1885 г. о воспрещеніи ночной работы подросткамъ и женщинамъ на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ, 3 іюня 1886 г. о наймѣ рабочихъ на фабрики, заводы и мануфактуры и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, 24 апрѣля 1890 г. о работѣ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ, 2 іюня 1897 г. о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской и горной промышленности, 2 іюня 1903 г. о вознагражденіи владѣльцами промышленныхъ предпріятій за несчастные случаи съ рабочими, 10 іюня 1903 г. объ учрежденіи старостъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, законы объ учрежденіи и дѣятельности фабричной инспекціи—всѣ эти законы со множествомъ изданныхъ къ нимъ административныхъ распоряженій образуютъ содержаніе фабричнаго законодательства въ Россіи. Если спросить правительство, чѣмъ руководилось оно при изданіи отдѣльныхъ фабричныхъ законовъ, и что представляютъ собой эти законы, оно отвѣтило бы: „вмѣшательство государства является слѣдствіемъ сознанія имъ ненормальности положенія рабочихъ въ экономическомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ“... „Во всѣхъ законодательныхъ актахъ сказалась политика разумнаго предупрежденія всякихъ поводовъ къ возникновенію у насъ основательныхъ неудовольствій въ средѣ рабочихъ, выразившаяся въ правительственномъ вмѣшательствѣ въ фабричную жизнь для устраненія тѣхъ явленій, которыя были признаны ненормальными и не отвѣчающими требованіямъ справедливости“... „Взглядъ на событія въ фабричной жизни, какъ на борьбу двухъ элементовъ, именуемыхъ трудомъ и капи-

таломъ, вполнѣ оправдываемый положеніемъ этого вопроса на Западѣ, совершенно не соотвѣтствуетъ нашей дѣйствительности. Въ силу особыхъ причинъ у насъ не можетъ быть рѣчи о борьбѣ между фабрикантами и рабочими въ западно-европейскомъ смыслѣ“...

„Важнѣйшіе вопросы, выдвинутые нашей промышленностью, были разрѣшены законодательнымъ путемъ безъ всякой борьбы между рабочими и капиталистами. Проявленія рабочими недовольства, выражавшіяся въ стачкахъ, волненіяхъ и безпорядкахъ, имѣли въ этомъ отношеніи значеніе лишь постольку, поскольку они обращали на нихъ вниманіе правительства, которое и принимало на себя заботы объ устраненіи ихъ. Поэтому наше законодательство и проникнуто стремленіемъ оградить справедливые интересы рабочихъ и устранить всякіе поводы и причины къ неудовольствію въ ихъ средѣ“... „Наше законодательство имѣетъ значеніе мѣропріятій, направленныхъ не только къ справедливому согласованію интересовъ рабочихъ съ интересами предпринимателей, но и къ согласованію интересовъ самихъ же фабрикантовъ...“ [1]) Эта оцѣнка нашихъ фабричныхъ законовъ, представляющая мнѣніе правительства почти въ подлинныхъ выраженіяхъ, раздѣлялась всѣми „вѣдомствами“ и въ частности нашимъ министерствомъ финансовъ, которое долгое время рѣшительно подчеркивало различіе въ постановкѣ рабочаго вопроса на Западѣ и у насъ и неискренно лицемѣрило, что законы 1882—1897 г.г. „останутся приснопамятными въ исторіи нашего рабочаго законодательства, проникнутаго принципами справедливости и попеченія о благосостояніи всѣхъ безъ различія подданныхъ„ [2]). Но не надо большихъ усилій для доказательствъ, что истинныя причины, двигавшія развитіемъ фабричнаго законодательства, заключались не въ справедливости или какихъ-то особыхъ истинно-русскихъ началахъ нашей государственной и общественной жизни, что умилительная характеристика нашихъ фабричныхъ законовъ не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью, что основнымъ моментомъ въ ихъ со-

---

[1]) См. *Литвиновъ-Фалинскій*. Фабричное Законодательство, Спб. 1900. Введеніе. Всѣ эти цитаты принадлежатъ не лично г. Фалинскому, а правительственнымъ актамъ, откуда онѣ имъ переписаны и выданы за изслѣдованіе.

[2]) Изъ объяснительной записки къ проекту объ отвѣтственности предпринимателей.

зданіи являлся всегда такъ называемый рабочій вопросъ и при томъ именно въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова.

Первые зачатки нашего фабричнаго законодательства относятся къ 30-мъ и 40-мъ годамъ прошлаго вѣка [1]). Правила 24 мая 1835 г. о наймѣ рабочихъ и 7 августа 1845 г. о запрещеніи ночного труда на фабрикахъ дѣтей до 12-лѣтняго возраста — уже эти первые акты, несмотря на всю ничтожность фабричной промышленности того времени и, слѣдовательно, малочисленность рабочаго класса, были вызваны къ жизни не справедливостью и заботливостью властей, а прямымъ давленіемъ самихъ рабочихъ: законъ 24 мая—жалобами рабочихъ и отчасти жалобами фабрикантовъ на рабочихъ, главнымъ образомъ на московскихъ фабрикахъ, законъ 7 августа—крупными безпорядками на одной изъ подмосковныхъ бумагопрядиленъ, возникшими изъ-за безграничной эксплоатаціи дѣтскаго труда и подавленными при помощи военной силы. Но первый законъ принесъ охрану интересовъ однимъ лишь фабрикантамъ, второй—остался мертвой буквой. Такъ суждено было уже первымъ фабричнымъ законамъ стать символомъ всего ихъ дальнѣйшаго развитія. Какъ ни плохо было освѣдомлено правительство о порядкахъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, оно не могло не знать, какой чудовищной эксплоатаціи подвергались рабочіе. Самое элементарное чувство справедливости, самое грубое представленіе о заботливости и покровительствѣ слабымъ, подъ знакомъ котораго будто бы проходило наше законодательство, должно бы подсказать правительству о необходимости вмѣшательства во внутренніе распорядки на фабрикахъ и заводахъ. Но на дѣлѣ не было ничего подобнаго. Шли комиссія за комиссіей (комиссія 1859 г. при Спб. генералъ-губернаторѣ, 1859 г. Штакельберга, 1870 г. Игнатьева, 1874 г. Валуева), проектъ за проектомъ, но вся эта канцелярщина не привела къ какимъ-нибудь результатамъ: комиссіи выводили тѣми же чернилами на той же всевыносящей бумагѣ разные разводы—чернилъ и бумаги, по бюрократическимъ традиціямъ, никогда не жалѣли,—и все благополучно оставалось по-старому. Суетились въ кан-

[1]) Болѣе ранніе акты мы оставляемъ въ сторонѣ.

целяріяхъ и выносили бумагу изъ душныхъ архивовъ на улицу, только когда пролетаріатъ подымался на защиту своихъ интересовъ или эпидемія грозила гибелью самой бюрократіи. Стойло возникнуть рабочимъ безпорядкамъ при работахъ на Волго-Донской желѣзной дорогѣ въ 1860 г., и появились временныя правила о наймѣ рабочихъ для исполненія казенныхъ и общественныхъ работъ; возгорѣлись безпорядки на одной изъ петербургскихъ фабрикъ—и немедленно (1878 г.) приступили къ проектированію особой правительственной комиссіи; пригрозилась холера—и комитетъ министровъ написалъ положеніе 1866 г. о врачебной помощи фабричнымъ рабочимъ. Все остальное время творческая работа законодателя, несомнѣнно покровительствовавшаго интересамъ фабрикантовъ и умышленно закрывавшаго глаза на всѣ безпорядки, затихала.

Сорокъ лѣтъ прошло почти со времени бумажнаго закона 1845 года, и только въ 1882 г., подъ давленіемъ промышленнаго застоя и вызванныхъ имъ стачекъ и безпорядковъ, былъ изданъ законъ, подтвердившій ранѣе изданное запрещеніе ночныхъ работъ малолѣтнихъ и дополнившій его нормировкой денного ихъ труда.

Послѣ этого акта, открывающаго собою новѣйшее фабричное законодательство, почти всѣ важнѣйшіе законы были непосредственно вызваны рабочими безпорядками, слѣдовательно, прямымъ давленіемъ рабочихъ. Если ужъ въ первой половинѣ XIX вѣка волненія рабочихъ заставляли правительство чѣмъ-нибудь успокоить рабочихъ, то во второй половинѣ съ ростомъ фабрично-заводской промышленности, съ пробужденіемъ стихійныхъ классовыхъ инстинктовъ, а потомъ сознанныхъ классовыхъ интересовъ, требованія рабочихъ, поддержанныя крупными забастовками и волненіями, должны были оказать свое дѣйствіе на власти. И дѣйствительно, въ 1884 и 1885 годахъ произошли крупные безпорядки, охватившіе фабрики Московской и Владимірской губерній, и вслѣдъ за ними появляются фабричные законы 1885 и 1886 годовъ. Въ маѣ 1896 года произошли крупныя стачки на фабрикахъ Петербурга, съ единодушнымъ требованіемъ сокращенія рабочаго времени, и появляется законъ 1897 г. о продолжительности рабочаго дня. Двадцать лѣтъ бюрократія раздумывала надъ разработкой

закона объ отвѣтственности, и только грандіозныя стачки, разыгравшіяся лѣтомъ 1903 года, заставили поспѣшить обнародованіемъ закона. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ же стачекъ правительство издало и законъ 1903 г. о фабричныхъ старостахъ. Наконецъ, наступилъ историческій 1905 годъ, и правительство съ неслыханной для бюрократіи быстротой выдвинуло цѣлый рядъ правительственныхъ комиссій по рабочему вопросу (комитетъ министровъ, комиссія министерства финансовъ и комиссія т. с. Шидловскаго), выработавшихъ рядъ новыхъ фабричныхъ законопроектовъ [1]).

Такимъ образомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи все наше фабричное законодательство оказалось не плодомъ произвольно зарожденной въ бюрократическихъ нѣдрахъ мысли объ обязанности властей пещись о слабыхъ, а результатомъ протеста рабочихъ массъ противъ невыносимыхъ условій труда, результатомъ давленія рабочихъ на самого законодателя. Это—уступка, вырванная противъ воли правительства. И если-бы кто-нибудь сомнѣвался въ этомъ, то его убѣдили-бы тѣ разговоры въ правительствѣ, которые происходили за закрытыми дверьми. Мысль, что законъ будетъ сочтенъ рабочими за уступку, отравляла министрамъ существованіе. Такъ, обсуждая законопроектъ объ ограниченіи рабочаго времени, они неоднократно возвращались къ угнетавшей ихъ идеѣ, что рабочіе „будутъ смотрѣть на этотъ законъ, какъ на вынужденную уступку со стороны правительства требованіямъ рабочихъ, которыя неоднократно предъявлялись въ совершенно незаконной формѣ“; „отсюда можно ожидать развитія притязательности рабочихъ“..[2]).

Что фабричные законы возникли подъ давленіемъ именно этихъ силъ,—въ этомъ нетрудно убѣдиться путемъ аналогіи съ крестьянскимъ вопросомъ. Крестьянскія нужды значительно лучше изучены, чѣмъ рабочія; крестьянская масса несравненно численнѣе, чѣмъ фабрично-заводская;

---

[1]) Мы не говоримъ о законѣ 1890 года, ибо онъ кодификаціонный. Необходимо помнить, что если наши фабричные законы вызваны стачками и рабочими безпорядками, то отсюда не слѣдуетъ еще, что всѣ эти законы ограждаютъ интересы рабочихъ. Напротивъ, какъ будетъ видно ниже, только часть законовъ такого характера; другая же имѣетъ значеніе прямого нападенія на рабочихъ.

[2]) Матеріалы по изданію зак. 2 іюня 1897 г. Спб. 1905. Стр. 96.

общественныя симпатіи, издавна выпадавшія на долю мужика, имѣли гораздо больше простора для проявленія своего вовнѣ, хотя-бы потому, что крестьянскій вопросъ всегда былъ объектомъ изученія и предстательства различнаго рода общественныхъ учрежденій, тогда какъ рабочій вопросъ систематически устранялся изъ сферы широкой публичности; наконецъ, крестьянскій вопросъ насчитываетъ за собой далекое прошлое, измѣряющееся столѣтіями, между тѣмъ какъ рабочій существуетъ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ,—и, несмотря на все это, тяжеловѣсный бюрократическій механизмъ въ первомъ случаѣ отвѣчалъ покоемъ, а во второмъ—движеніемъ. Этотъ усиленный „интересъ“ власти къ фабрично-заводской жизни и эта безрезультатность всевозможныхъ правительственныхъ комиссій, изслѣдовавшихъ крестьянскій вопросъ, это различное отношеніе одной и той-же бюрократіи къ рабочему и крестьянскому вопросу объясняются только тѣмъ, что рабочій классъ дружно вставалъ на защиту своихъ интересовъ, тогда какъ инертная крестьянская масса не находила въ себѣ силъ для сознательнаго отстаиванія своихъ нуждъ [1]). Такъ было не только у насъ. И во Франціи Наполеона III по тѣмъ-же причинамъ правительство реагировало только на требованія рабочихъ. „Крестьяне, въ отличіе отъ рабочихъ, не подымали никакого шума: трудолюбивые, невѣжественные, приверженные къ Имперіи, крестьяне напоминали тѣ счастливые народы, у которыхъ нѣтъ исторіи. Ихъ страданія, часто неслыханныя, привлекали мало вниманія; въ земледѣліи не произошло революціи подобно той, которая потрясла промышленность; большинство крестьянъ владѣло клочкомъ земли, и бѣдняки, не имѣя союзныхъ группъ и организацій, ничуть не стремились дать выраженіе своимъ желаніямъ„ [2]). Фабричные законы выплывали наружу не тогда, когда этого хотѣло правительство, и не потому что оно этого хотѣло,—ихъ выдавливала сила самого рабочаго движенія. Конечно, заднимъ числомъ авторы законопроектовъ

---

[1]) Когда крестьянство начнетъ давать отпоръ враждебнымъ ему силамъ и защищать свои интересы, правительство вынуждено будетъ отказаться отъ традиціонной политики выжидательной бездѣятельности. Одно лишь аграрное движеніе можетъ вынудить аграрную реформу. И жизнь уже идетъ въ этомъ направленіи.

[2]) Weil „Histoire du mouvement social en France“. Paris, 1904. P. 11.

и ихъ оффиціальные прихвостни приписывали вмѣшательство властей сознанію правительствомъ ненормальности или несправедливости тѣхъ или иныхъ явленій въ жизни рабочихъ, но такое сознаніе уже потому одному не являлось двигательной силой фабричнаго законодательства, что самое понятіе „справедливости“ у феодальной бюрократіи и буржуазіи не имѣло ничего общаго съ понятіемъ пролетарской справедливости: самыя возмутительныя формы эксплоатаціи труда, доходя до сознанія правительства, длились годами и не вызывали, однако, законодательныхъ репрессій, пока рабочій классъ собственными силами не заставлялъ притти въ движеніе законодательный аппаратъ. У насъ, слѣдовательно, повторился тотъ-же процессъ, какой имѣлъ мѣсто во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. „Научная исторія фабричнаго законодательства всѣхъ странъ приводитъ къ выводу, что оно всюду и всегда представляетъ плодъ реакціи самого рабочаго класса противъ совершенно невыносимыхъ условій, въ которыя ставитъ его необузданное капиталистическое производство“ [1]). И если, напр., комитетъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ настаивая на законодательной нормировкѣ рабочаго времени, заявлялъ въ одной изъ своихъ записокъ правительству о желательности того, чтобы такое разрѣшеніе „исходило непосредственно отъ самого правительства, а не вызывалось требованіями рабочихъ, какъ это наблюдается на западѣ Европы“ [2]), то такое наивное пожеланіе свидѣтельствовало лишь о невѣжествѣ господъ фабрикантовъ.

Вопреки утвержденіямъ близкихъ къ оффиціальнымъ сферамъ „бутербродныхъ“ изслѣдователей о полномъ отличіи рабочаго вопроса въ Россіи и на Западѣ и непримѣнимости къ нашимъ условіямъ тѣхъ законовъ, которыми опредѣлялся процессъ рабочаго движенія и фабричнаго законодательства въ Европѣ, у насъ имѣлъ мѣсто и второй факторъ, опредѣляющій фабричные законы,— борьба между капиталомъ и трудомъ. Вопреки желаніямъ г. Литвинова-Фалинскаго, отражающаго распространенный въ оффиціальныхъ кругахъ лживый символъ вѣры въ какія-то особыя истинно-русскія на-

---

[1]) Шульцъ-Геверницъ. „Крупное производство“. Спб. 1897.. Стр. II—III предисловія П. Б. Струве къ русскому переводу.

[2]) Литвиновъ-Фалинскій. Стр. 98.

чала, все наше фабричное законодательство представляетъ собою вѣхи въ борьбѣ между интересами капитала и труда. Это ясно уже изъ предыдущаго: если правительство не реагировало законами на неурядицы въ области отношеній между нанимателями и рабочими, то такое спокойствіе отвѣчало только интересамъ нанимателей и было однимъ изъ проявленій могущественнаго вліянія классовыхъ интересовъ капитала. Безъ лишнихъ словъ легко понять, что каждый актъ фабричнаго законодательства, вносящій съ собою вмѣшательство въ сферу свободныхъ отношеній между предпринимателями и рабочими и принятый подъ давленіемъ этихъ послѣднихъ, долженъ сопровождаться ограниченіемъ прежней власти капитала. Но въ такомъ случаѣ нетрудно понять, что представители капитала должны были встрѣтить большинство фабричныхъ законовъ рѣшительнымъ сопротивленіемъ. Оно оказывалось и въ стадіи подготовки законовъ, и во время ихъ дѣйствія. Исторія нашего фабричнаго законодательства—сплошная иллюстрація такого именно отношенія представителей промышленнаго капитала къ новымъ законамъ. Это выразилось прежде всего въ поразительномъ для нашего бюрократическаго строя фактѣ призыва предпринимателей къ участію въ разработкѣ законовъ. Интересы капитала оказались сильнѣе бюрократическаго самовластія. Правительство такъ остерегалось неосторожныхъ дѣйствій, могущихъ повредить интересамъ предпринимателей, что при обсужденіи закона о трудѣ малолѣтнихъ сочло нужнымъ пригласить представителей промышленности въ государственный совѣтъ. При выработкѣ законовъ 1886 г. въ комиссію Плеве были приглашены представители фабрично-заводской промышленности губерній — Петербургской, Московской и Владимірской. Законъ 1897 года былъ въ концѣ подготовительной его стадіи разсмотрѣнъ въ особомъ совѣщаніи министерства финансовъ въ декабрѣ 1896 г. и въ особой комиссіи въ январѣ 1897 г. при участіи представителей всѣхъ отраслей промышленности. Закону 2 іюня 1903 г. объ отвѣтственности предпринимателей предшествовали работы комиссіи подъ предсѣдательствомъ Ковалевскаго при участіи представителей промышленности и биржевыхъ комитетовъ. При обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ закона 1903 г. о старостахъ были выслушаны объясненія пригла-

шенныхъ въ засѣданіе представителей промышленности. Въ результатѣ такой политики — представители капитала получили возможность непосредственнаго вліянія на содержаніе предполагаемыхъ законовъ, и законы, вычеканенные подъ такимъ давленіемъ, должны быть выйти на свѣтъ съ рѣзкой печатью классовыхъ капиталистическихъ интересовъ. Нечего и говорить, что приглашеніе предпринимателей производилось всегда негласно, что о представительствѣ рабочихъ въ оффиціальныя комиссіи ни правительство, ни фабриканты не заикались. Такимъ путемъ одностороннее представительство интересовъ капитала не встрѣчало даже противодѣйствія со стороны и безъ того поставленныхъ въ неравныя условія рабочихъ, и власть капитала надъ трудомъ достигала въ законѣ поразительнаго перевѣса. Все воздѣйствіе рабочаго класса на выработку закона происходило косвеннымъ путемъ —правительство вынуждалось къ роли защитника интересовъ рабочихъ, опасаясь неблагопріятныхъ послѣдствій стачечнаго движенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиной вмѣшательства явилась борьба между различными группами промышленности. Борьба эта, отразившаяся на содержаніи законовъ 1885 и 1897 гг., происходила между московской промышленностью, пользовавшейся ночными работами, женскимъ и дѣтскимъ трудомъ, и петербургской, отчасти лодзинской, болѣе молодыми промышленными центрами, съ лучше оборудованными фабриками, съ меньшей продолжительностью рабочаго дня, съ болѣе культурными рабочими, съ большей производительностью труда, но и болѣе дорогими рабочими руками [1]).Въ силу такихъ условій московская промышленность, пользовавшаяся ночнымъ трудомъ и неограниченнымъ

---

[1]) Крайне любопытно, что въ вопросѣ о фабричныхъ старостахъ произошелъ расколъ между представителями петербургскихъ и привислинскихъ фабрикъ съ московскими. Въ то время, какъ первый утверждалъ, что „такая мѣра можетъ на практикѣ повести всего скорѣе лишь къ тому, что рабочіе будутъ предъявлять все большія требованія относительно увеличенія заработной платы и сокращенія продолжительности рабочаго дня“, а второй полагалъ, что старосты „будутъ поощрять рабочихъ къ возбужденію неосновательныхъ претензій“, представители московскаго района, въ отличіе отъ ранѣе принятой ими позиціи по отношенію къ фабричному законодательству, настаивали на принятіи новой мѣры, такъ какъ „этимъ способомъ значительно были бы облегчены взаимныя между заводчиками и рабочими сношенія“ (стр. 190—191). Московскіе представители признавали неосновательными опасенія, будто институтъ старостъ облегчитъ доступъ къ рабочимъ лицамъ, занимающимся антиправительственной пропагандой.

временемъ производства, выступала сильнымъ конкуррентомъ названныхъ районовъ; единственнымъ средствомъ къ уравненію условій конкурренціи представлялось законодательное регулированіе труда женщинъ, подростковъ, взрослыхъ, примѣнительно къ фактическимъ условіямъ работы петербургскаго и лодзинскаго районовъ [1]).

Наряду съ неравенствомъ конкурренціи дѣйствовало въ томъ же направленіи и критическое положеніе хлопчатобумажной промышленности, заставлявшее фабрикантовъ думать о сокращеніи производства, какъ единственномъ средствѣ размѣщенія перепроизведенныхъ товаровъ. Такимъ образомъ конкурренція и кризисъ—вотъ добавочныя силы, толкавшія иногда правительство на путь фабричныхъ законовъ, нормирующихъ условія и продолжительность рабочаго дня. Конечно, фабриканты не чужды были сентиментальности — они вспоминали про справедливость, настаивая въ своихъ запискахъ на вредномъ вліяніи ночного или слишкомъ продолжительнаго труда на здоровье и добрую нравственность рабочихъ, предупреждая властей, что въ случаѣ отказа ихъ отъ регулированія производства послѣдуютъ банкротства, а съ ними „волненія рабочихъ, бѣдность между ними вслѣдствіе естественнаго пониженія цѣны на ихъ трудъ“ (въ прошеніи 25-го января 1884 г.). Но этотъ фиговый листъ успѣшно срывали ихъ конкурренты—московскіе фабриканты: поводомъ къ возбужденію вопроса о прекращеніи ночныхъ работъ малолѣтнихъ и женщинъ, говорили они въ отвѣтъ, служитъ никакъ ужъ не поднятіе нравственности, а исключительно сокращеніе производства на фабрикахъ, въ виду чрезвычайнаго переполненія мануфактурнаго рынка...

Итакъ, основной принципъ законодательства остается неизмѣннымъ: законодательный аппаратъ приходитъ въ движеніе отъ активной силы рабочаго класса, но это движеніе въ дальнѣйшемъ подвергается видоизмѣненію подъ давленіемъ противодѣйствующихъ интересовъ капитала, а при такихъ условіяхъ фабричные законы должны были и по содер-

---

[1]) Такъ, еще въ ходатайствѣ 1883 года владѣльцы нѣкоторыхъ петербургскихъ мануфактуръ писали: „Петербургскіе фабриканты уже давно чувствуютъ невыгоду положенія, довольствуясь обыкновенно одной только дневною работою, въ то время какъ московскіе фабриканты продолжаютъ пагубную практику работать день и ночь...“ См. „Матеріалы“, Стр. 108.

жанію своему получить значеніе малодѣйствительныхъ и слабыхъ попытокъ къ огражденію рабочаго класса. И, дѣйствительно, это основное свойство нашихъ фабричныхъ законовъ выражается прежде всего въ ихъ временномъ характерѣ. Почти всѣ важнѣйшіе законы, опредѣляющіе время и условія работъ,—законы 1882, 1885 и 1897 года—имѣли значеніе правилъ, изданныхъ лишь на короткій срокъ: правительство, опасаясь затронуть интересы предпринимателей, оставляло за собой возможность отступленія, хотя въ обнародованномъ текстѣ этихъ законовъ объ этомъ тщательно умалчивалось [1]). Законъ 1903 г. объ отвѣтственности, подготовлявшійся двадцать лѣтъ, тоже, въ сущности, изданъ на срокъ, такъ какъ государственный совѣтъ постановилъ по истеченіи 5 лѣтъ замѣнить его закономъ о страхованіи [2]). Первый же законъ (1882 года) казался властямъ, подъ вліяніемъ агитаціи промышленниковъ, такой вредной мѣрой, что его введеніе въ дѣйствіе было отсрочено на годъ (вмѣсто 1 мая 1883 г.—1 мая 1884 года). Но самое характерное, что и эти профильтрованные подъ зоркимъ глазомъ хозяевъ и съ ихъ вѣдома законы подвергались затѣмъ дальнѣйшему умаленію и обезвреживанію. Дѣлалось это или путемъ замѣны временныхъ законовъ (1882 и 1885 г.) новымъ, постояннымъ (1890), или путемъ всякаго рода циркуляровъ и административныхъ распоряженій, частью явно беззаконныхъ. По существу, административное толкованіе фабричнаго законодательства представляло собой низведеніе закона къ пустой формѣ: утихало рабочее движеніе, вызвавшее законъ, и бюрократія успокаивалась, считала себя внѣ опасности, а промышленники стали заходить съ задняго крыльца въ министерство финансовъ. Какъ сильна была волна реакціи послѣ каждой законодательной потуги, какъ энергично дѣйствовали предприниматели,—покажетъ исторія линянія первыхъ трехъ законовъ. По закону 1882 года ма-

[1]) Такъ, отдѣлы III и IV закона 2 іюня 1897 года гласили: „III. Предоставить министру финансовъ не позднѣе трехъ лѣтъ по изданіи настоящаго узаконенія войти установленнымъ порядкомъ съ представленіемъ о дополненіи онаго тѣми изъ изданныхъ на основаніи ст. 9 отд. I правилами, которыя окажутся на практикѣ цѣлесообразными и требующими утвержденія въ законодательномъ порядкѣ. IV. Постановленіе, изложенное въ предыдущемъ (III) отдѣлѣ, *не публиковать во всеобщее свѣдѣніе*".

[2]) Не былъ опубликованъ. Законъ, не публикующійся во всеобщее свѣдѣніе,—какое истинно-русское изобрѣтеніе!

лолѣтніе, не достигшіе 12-лѣтняго возраста, не принимались въ промышленныя заведенія, ночныя работы малолѣтнихъ 12 — 15 лѣтъ были запрещены, а дневныя должны были продолжаться не долѣе 4-хъ часовъ сряду и не долѣе 8 часовъ въ сутки. Но законъ—самъ по себѣ, изъятіе—само по себѣ. Прежде всего закономъ 1882 года предоставлено было министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, „временно въ теченіе двухъ лѣтъ“ разрѣшать дѣтямъ, имѣющимъ не менѣе 10 лѣтъ, работу денную, а малолѣтнимъ, достигшимъ 12 — 15-ти лѣтняго возраста,—четырехчасовую ночную работу. Основная норма закона стала почти декораціей. И почему это было сдѣлано? Да потому, что законъ „могъ-бы невыгоднымъ образомъ отразиться не только на экономическихъ интересахъ фабрикантовъ, но и *самого рабочаго класса*“! Требованіе закона 1882 г. о 8 часовомъ рабочемъ днѣ малолѣтнихъ въ возрастѣ 12 — 15 лѣтъ и притомъ не болѣе 4 часовъ сряду оказалось также не по сердцу предпринимателямъ. Представители нѣкоторыхъ значительныхъ фабрикъ и заводовъ Петербурга подали правительству заявленіе, что „осуществленіе указаннаго постановленія имѣло-бы послѣдствіемъ отказъ со стороны фабрикантовъ отъ работы означеннымъ малолѣтнимъ, вслѣдствіе чего рабочее населеніе понесло-бы весьма чувствительный ущербъ, который вызвалъ-бы въ его средѣ неудовольствіе... При невозможности перемѣнять малолѣтнихъ подручныхъ черезъ каждые 4 часа, необходимо было-бы ограничить ихъ работу 4 часами въ сутки, что должно гибельно отразиться на участи тысячи рабочихъ семействъ и повести къ весьма серьезнымъ замѣшательствамъ. Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ надлежало-бы, по убѣжденію заводчиковъ, въ измѣненіе закона 1882 года разрѣшить малолѣтнимъ 12—15 лѣтъ заниматься работою въ теченіе шести часовъ сряду [1]). Мало того, они просили разрѣшить малолѣтнимъ, достигшимъ 14-ти лѣтн. возраста, 12 часовой рабочій день (дневными работами)! Второе ходатайство было отклонено, но первое получило благопріятное для фабрикантовъ разрѣшеніе: по закону 12 іюня 1884 года министру финансовъ предоставлено было „временно“ въ те-

[1]) Отчетъ государ. совѣта за 1894 годъ. Спб. 1886. Стр. 440.

ченіе двухлѣтняго срока разрѣшать занятія малолѣтнихъ 12—15 лѣтъ работою по шести часовъ сряду. Что оно шло въ разрѣзъ съ закономъ 1882 г.,—объ этомъ не слишкомъ безпокоились. Даже государственный совѣтъ призналъ, что „такой постепенный и осмотрительный образъ дѣйствій (предоставленіе министру финансовъ права дѣлать изъятіе изъ закона) вѣрнѣе можетъ привести къ преслѣдуемой правительствомъ цѣли, нежели настойчивое примѣненіе предписаній закона“ [1])!!

Наступаетъ время пересмотра этихъ временныхъ правилъ (законовъ 1882 и 1885 гг.), которыя замѣняются закономъ 1890 года, какъ постояннымъ актомъ [2]). И что-же происходитъ? Государственный совѣтъ призналъ необходимымъ возстановить въ полной силѣ норму предѣльнаго 12-ти лѣтняго возраста и высказался за запрещеніе труда 10-ти-лѣтнихъ дѣтей (законъ 1882 года, слѣдовательно, въ этой части возстановленъ закономъ 1890 года); хотя министерство финансовъ и промышленники цинически предлагали сохранить въ *интересахъ самихъ малолѣтнихъ 10-ти-лѣтняго возраста* право такой работы — вреднаго вліянія на здоровье, говорили тѣ, она не имѣетъ, а при фабричномъ надзорѣ положеніе 10-ти-лѣтнихъ дѣтей даже лучше въ сравненіи съ ихъ сверстниками, не занятыми въ семьяхъ какимъ-либо трудомъ! Правительство и фабриканты разсуждали совсѣмъ, какъ тотъ тайный финансовый совѣтникъ рейнской провинціи, который доносилъ въ Берлинъ (около 20-хъ годовъ прошлаго вѣка) про дѣтей, изнемогавшихъ отъ фабричнаго труда: „Дѣти дневной смѣны отличаются отъ блѣдныхъ берлинцевъ своимъ здоровымъ и цвѣтущимъ видомъ; ночная работа такъ мало утомляетъ ихъ, что по дорогѣ домой, тянущейся болѣе $^1/_4$ мили, они предаются всякаго рода шалостямъ; спать днемъ

---

[1]) Отчетъ, стр. 469.

[2]) Такъ какъ законъ 1882 года вступилъ въ силу всего лишь черезъ два года по изданіи, а именно 1 мая 1884 г., то временныя правила о малолѣтнихъ должны были бы потерять свое значеніе 1 мая 1886 года, о ночномъ трудѣ женщинъ и подростковъ—1 октября 1888 года. Но временность благополучно была продлена: сначала, по утвержденному 15 августа 1886 года положенію комитета министровъ, всѣ временныя правила разрѣшено было продлить до 1 октября 1888 года, а затѣмъ, „въ виду оказавшейся невозможности закончить разработку новаго о работѣ малолѣтнихъ узаконенія къ 1 октября 1888 года“, были испрошены разрѣшенія на продленіе срока дѣйствія до... 1 апрѣля 1890 года. См. Отчетъ госуд. сов. за 1890 г. Спб. 1891. Стр. 340—341.

такъ-же здорово, какъ ночью“ [1]). Но зато по закону 1890 г. разрѣшена ночная работа малолѣтнихъ 12—15-ти лѣтняго возраста въ теченіе шести часовъ въ стекляномъ производствѣ, одномъ изъ самыхъ вредныхъ для здоровья рабочей молодежи; дозволенъ шестичасовой непрерывный трудъ малолѣтнихъ 12—15 лѣтъ и девятичасовой, по $4^1/_2$ часа сряду, въ заведеніяхъ, работающихъ 18 часовъ двумя смѣнами. Что касается допущеннаго закономъ 1885 г., „въ видѣ опыта на три года“, воспрещенія ночной работы подросткамъ, не достигшимъ 17 лѣтъ, и женщинамъ въ производствахъ хлопчато-бумажномъ, полотняномъ и шерстяномъ,— запрещенія, распространеннаго въ 1886 г. административнымъ путемъ на производства—льнопрядильное, льнотрепальное и смѣшанныхъ тканей, то оно сохранено и въ законѣ 1890 г., но съ важнѣйшей оговоркой, уничтожающей самый принципъ: съ разрѣшенія мѣстныхъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій и губернатора допускается ночная работа подростковъ и женщинъ въ случаяхъ особо уважительныхъ и въ случаяхъ совмѣстной работы этихъ лицъ съ главами ихъ семействъ. И эта новая норма лицемѣрно объяснялась „соображеніями нравственнаго характера“, „въ видахъ огражденія добрыхъ нравственныхъ основъ семейной жизни, которыя могутъ быть поколеблены при разобщеніи на ночное время родителей съ дѣтьми, а женъ съ мужьями“. Въ дѣйствительности, конечно, эти уступки были предприняты въ интересахъ капитала, представители котораго, главнымъ образомъ московскіе фабриканты, не переставали осаждать правительство жалобами на законы 1882 и 1885 годовъ [2]). Въ этихъ-же интересахъ, по закону 1890 г., понятіе ночного времени было сужено—ночь стали считать не съ 9 час.

---

[1]) См. Мерингъ. „Исторія германской соціалъ-демократіи“, т. I. Такъ разсуждали фабриканты всего міра. Не кричали-ли англійскіе фабриканты послѣ изданія закона 1834 года о воспрещеніи работы дѣтямъ до 12-ти лѣтняго возраста, что благодаря закону „лишенныя легкаго и полезнаго труда, дѣти теперь не получаютъ никакого воспитанія: изгнанныя изъ теплаго прядильнаго отдѣленія въ холодный міръ, они существуютъ только нищенствомъ и воровствомъ и ведутъ жизнь, очень отличающуюся и притомъ въ дурную сторону отъ ихъ положенія на фабрикѣ...“. См. Энгельсъ. „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“, Стр. 187.

[2]) Чтобы понять, почему господъ фабрикантовъ такъ интересовала „нравственность“ дѣтей, подростковъ и женщинъ, стоитъ только напомнить, что въ мануфактурной промышленности эти категоріи рабочихъ составляли около 45% всего ихъ числа! См. матеріалы къ закону 1897 г. Стр. 41.

вечера до 5 утра, а съ 10 до 4 (гдѣ введена непрерывная 18 часовая денная работа двумя смѣнами). Наконецъ, малолѣтнимъ, моложе 15 лѣтъ, было запрещено работать въ воскресные и высокоторжественные дни, но и тутъ административной власти было предоставлено право разрѣшать работы въ тѣ воскресные и высокоторжественные дни, въ которые производятся работы взрослыми лицами. Такимъ образомъ законъ 24 апрѣля 1890 г. о работѣ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ въ корнѣ подорвалъ всѣ ранѣе установленныя въ законодательномъ порядкѣ нормы—законъ явился актомъ сильнѣйшей реакціи законодателя въ угоду предпринимателямъ. Справедливости, которой будто-бы проникнуты всѣ наши законы, не оказалось здѣсь и слѣда.

Не менѣе рѣзкій поворотъ произошелъ и съ закономъ 2 іюня 1897 г., нормирующимъ рабочій день взрослыхъ. Для рабочихъ, занятыхъ исключительно въ дневное время, гласилъ законъ, рабочее время не должно превышать одиннадцати съ половиною часовъ въ сутки [1]), а по субботамъ и въ кануны двунадесятыхъ праздниковъ—десяти часовъ (ст. 4). Для рабочихъ, занятыхъ хотя-бы отчасти въ ночное время, рабочее время не должно превышать десяти часовъ въ сутки (ст. 5). Въ расписаніе праздниковъ, въ которые не полагается работы, обязательно включаются всѣ воскресные и опредѣленные праздничные дни. Казалось-бы, все просто и ясно. Нормы точно опредѣлены. Но уже въ самомъ законѣ открыты были лазейки для обхода закона. Правило о воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ сопровождено было статьей 7-ой: по взаимному соглашенію завѣдующаго и рабочихъ послѣдніе могутъ быть занимаемы, въ отступленіе отъ статьи 6-ой, работой въ воскресный день взамѣнъ будничнаго; фабричнымъ органамъ не предоставлено право

[1]) Витте, завѣрявшій въ январьскихъ засѣданіяхъ комитета министровъ (1905), что Россія чуть-ли не ему лично обязана фабричнымъ законодательствомъ, въ виду постояннаго сопротивленія остальныхъ вѣдомствъ, а въ ноябрѣ называвшій петербургскихъ рабочихъ своими „братцами“, въ дѣйствительности игралъ такую-же реакціонную роль, какъ и его коллеги. Комиссія по составленію закона 1897 г. предлагала 11 часовой рабочій день, а Витте заявилъ, что „онъ не считалъ бы, по соображеніямъ экономическаго характера, возможнымъ остановиться на болѣе низкой нормѣ, нежели одиннадцать съ половиной часовъ“. См. Матеріалы Стр. 14. Впрочемъ, общеизвѣстно, что министерство внутреннихъ дѣлъ проявляло, какъ это ни странно на первый взглядъ, больше активнаго интереса къ огражденію рабочихъ, чѣмъ министерство финансовъ.

препятствовать подобному соглашенію—они должны быть о томъ лишь оповѣщены. Правило объ $11^1/_2$ часовомъ рабочемъ днѣ встрѣтило въ законѣ невинную по формѣ статью о сверхурочныхъ работахъ, подорвавшую, однако, все значеніе нормировки. „Сверхурочною считается работа, производимая рабочимъ въ промышленномъ заведеніи въ такое время, когда, по правиламъ внутренняго распорядка, ему не полагается работы. Сверхурочныя работы допускаются не иначе, какъ по особому соглашенію завѣдывающаго промышленнымъ заведеніемъ съ рабочими. Въ договоръ найма могутъ быть включаемы условія только о такихъ сверхурочныхъ работахъ, которыя оказываются необходимыми по техническимъ условіямъ производства". Другими словами, $11^1/_2$ часовой рабочій день—это та норма, дольше которой рабочій не обязанъ работать по договору найма, насколько онъ регулируется правилами внутренняго распорядка [1]); да и то въ этотъ договоръ, въ эти правила можетъ быть прямо внесено условіе о болѣе продолжительномъ трудѣ для „необходимыхъ" сверхурочныхъ работъ. Все-же остальное время, сверхъ $11^1/_2$ часовъ, не регулируется правилами внутренняго распорядка, и рабочій можетъ продавать свой сверхурочный трудъ по особому соглашенію съ предпринимателемъ, до котораго никому нѣтъ дѣла. Въ довершеніе этого законодатель предоставилъ надлежащимъ министрамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, „допускать, когда сіе будетъ признано необходимымъ по свойству производства (непрерывность и т. д.) или по свойству работъ (уходъ за паровыми котлами, приводами, ремонтъ текущій и экстренный) и въ другихъ особо важныхъ исключительныхъ случаяхъ отступленія отъ требованій настоящаго узаконенія" (ст. 9); слѣдовательно, что не удастся предпринимателю достигнуть соглашеніемъ съ рабочими, то можно будетъ провести черезъ административныя власти. Законъ, его нормы были уничтожены въ самомъ-же законѣ. И дѣйствительно, вслѣдъ за изданіемъ закона 2 іюня 1897 года,

---

[1]) Въ инструкціи 20 сентября 1897 г. чинамъ надзора такъ и заявлялось: „Рабочее время нормируется лишь постольку, поскольку оно является объектомъ договора найма, или, точнѣе той части договора о наймѣ, которая именуется правилами внутренняго распорядка". Отсюда были сдѣланы очень важные, ограничивающіе законъ, выводы.

частью въ согласіи съ нимъ, частью вопреки ему началось систематическое искаженіе $11^1/_2$ часовой нормы и другихъ правилъ о воскресно-праздничномъ отдыхѣ и ночномъ трудѣ. Уже въ циркулярѣ министра финансовъ 20 октября 1897 г. напоминалось чинамъ фабричной инспекціи, что „законъ не имѣетъ въ виду ставить какого-бы то ни было стѣсненія фабрично-заводскимъ производствамъ, съ процвѣтаніемъ коихъ тѣсно связаны интересы фабрикантовъ и рабочихъ. Законъ нисколько не стѣсняетъ продолжительности работъ самаго промышленнаго заведенія“. Но законъ, по толкованію высшей административной власти, не стѣснилъ и продолжительности труда рабочихъ. Изданныя министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, правила 20 сентября 1897 года, внесли рядъ отклоненій отъ закона 2 іюня 1897 года. При 18-часовой работѣ заведенія двумя смѣнами, заявлялось въ правилахъ 20 сентября, число рабочихъ часовъ въ сутки можетъ быть увеличено до двѣнадцати [1]) (съ тѣмъ чтобы въ среднемъ, по расчету за 2 недѣли, рабочее время для каждаго не превышало девяти часовъ въ сутки). По отношенію къ рабочимъ, занятымъ непрерывными работами, т. е. такими, которыя не могутъ быть прерываемы въ произвольное время безъ порчи приборовъ, допущено важнѣйшее отступленіе отъ правилъ (объ $11^1/_2$ часовомъ днѣ, 10-часовомъ ночномъ трудѣ, часовомъ перерывѣ при болѣе, чѣмъ 10-часовой работѣ и о праздничномъ отдыхѣ): для такихъ рабочихъ былъ дозволенъ трудъ въ 24 часа въ теченіе двухъ послѣдовательныхъ сутокъ, т.-е. 12-часовой рабочій день, и въ 30 часовъ въ теченіе тѣхъ двухъ сутокъ, на которыя приходится ломка смѣнъ, т.-е. 15-часовой; что касается отдыха, то каждый рабочій долженъ быть освобождаемъ отъ работы на 24 часа сряду не менѣе трехъ разъ въ мѣсяцъ, если число его рабочихъ часовъ въ сутки не превосходитъ восьми, и не менѣе четырехъ разъ въ мѣсяцъ, если оно болѣе восьми (ст. 13);

---

[1]) Фабриканты добились узаконенія рабочаго дня въ 12 часовъ. Какой „прогрессивный“ характеръ имѣла эта норма, видно изъ того, что по проекту министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева, составленному въ 1811 году, работа на фабрикахъ по будняхъ должна была продолжаться 12 часовъ въ сутки, а по субботамъ—лишь 6 часовъ. Такой-же рабочій день въ 12 часовъ былъ установленъ и Положеніемъ Купавинской шелковой фабрики, Высочайше утвержденнымъ 11 декабря 1803 года. См. Туганъ-Барановскій. „Фабрика“. Стр. 120—121.

другими словами, число свободныхъ дней сокращено было съ 66 до 36 и 48 въ годъ [1]). Отступленія отъ тѣхъ-же правилъ были допущены по отношенію къ рабочимъ, занятымъ вспомогательными работами при различныхъ производствахъ (текущимъ ремонтомъ, уходомъ за котлами, двигателями и приводами, отопленіемъ, водоснабженіемъ и освѣщеніемъ фабрично-заводскихъ зданій, сторожевой и пожарной службой и т. д.). Безъ соблюденія постановленій о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени, празднованія воскресныхъ и праздничныхъ дней и съ отступленіемъ отъ правилъ внутренняго распорядка, разрѣшено было производить: a) необходимый ремонтъ въ случаяхъ внезапной порчи котловъ, двигателей и вообще непредвидѣнныхъ разстройствъ въ механизмахъ и b) временныя работы въ какомъ-либо отдѣлѣ заведенія въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе пожара, поломокъ и т. п. непредвидѣнныхъ обстоятельствъ работа того или иного отдѣленія была на нѣкоторое время сокращена или пріостановлена и когда то необходимо для полнаго хода другихъ отдѣловъ заведенія (ст. 15). Но и всѣхъ этихъ изъятій, въ корнѣ уничтожающихъ значеніе закона 2 іюня, оказалось недостаточнымъ. Законодатель, какъ мы видѣли, въ самой общей формѣ выставилъ принципъ: „Меня не касаются ваши сверхурочныя работы“. Но такъ какъ рядомъ съ такимъ принципомъ $11^1/_2$ часовая норма становится ненужнымъ балластомъ въ законодательствѣ, то высшей административной власти пришлось установить какія-нибудь границы. Въ правилахъ 20 сентября и было разъяснено, что необходимыми сверхурочными работами, которыя могутъ быть включаемы даже въ договоръ найма, называются лишь „вызываемыя исключительно случайными и притомъ зависящими отъ самаго производства отклоненіями отъ нормальнаго хода“; и главное — было установлено, что число сверхурочныхъ часовъ на каждаго рабочаго не должно превосходить 120 въ годъ, но въ это число не включаются ни обязательныя сверхурочныя работы, ни тѣ, которыя были исполнены рабочими по случаю вне-

---

[1]) Въ инструкціи чинамъ фабричнаго надзора по примѣненію закона 2 іюня, утвержденной 20 сент. 1897 г., былъ приложенъ огромный списокъ непрерывныхъ производствъ, съ теченіемъ времени еще болѣе расширившійся. Дополненія установлены циркуляромъ 5 янв. 1898 г. № 219.

запной порчи механизмовъ, пожаровъ и пр. (указанныя выше въ ст. 15). Но даже эти необъятныя рамки для производства сверхурочныхъ работъ показались предпринимателямъ тяжелой и вредной ихъ интересамъ обузой. Началась ожесточенная кампанія противъ правилъ о сверхурочныхъ работахъ, приведшая промышленниковъ къ побѣдѣ надъ рабочими. Министерствомъ финансовъ былъ изданъ циркуляръ 14 марта 1898 г. (№ 7,290), отмѣнившій норму допустимыхъ сверхурочныхъ работъ въ 120 часовъ въ годъ. Министерство открыто признало, что сдѣлано это „по возбужденнымъ чинами фабричной инспекціи вопросамъ о порядкѣ примѣненія закона 2 іюня 1897 г., равно *по поступившимъ въ министерство финансовъ прошеніямъ фабрикантовъ и заводчиковъ* о разрѣшеніи въ принадлежащихъ имъ заведеніяхъ нѣкоторыхъ отступленій отъ вышеозначенныхъ правилъ".

Необузданному господству капитала былъ предоставленъ полный просторъ. Въ циркулярѣ 15 мая 1899 года хотя и напоминали фабричнымъ инспекторамъ, что на ихъ обязанности лежитъ тщательно удостовѣряться каждый разъ въ полной добровольности соглашенія между заводоуправленіемъ и рабочими о производствѣ необязательныхъ сверхурочныхъ работъ, но эта обязанность, разумѣется, была чисто-формальной, потому что рабочій не имѣетъ свободы выбора: какъ многократно было удостовѣрено даже фабричными инспекторами, рабочій, слабѣйшая сторона въ договорѣ найма, фактически постоянно вынуждается соглашаться на сверхурочныя работы. Для рабочихъ обязанность эта фабричныхъ инспекторовъ не представляла никакого значенія, потому что *чины фабричной инспекціи*, какъ заявлялось въ томъ-же циркулярѣ, *не могутъ препятствовать подобнымъ соглашеніямъ*. При такихъ условіяхъ отъ всѣхъ правилъ о сверхурочныхъ работахъ не осталось и помина. Въ какомъ-бы объемѣ предприниматель ни практиковалъ этихъ работъ, на его обязанности до самаго послѣдняго времени было лишь незамедлительно увѣдомлять инспекцію—и больше ничего. Единственный оплотъ противъ безчеловѣчной эксплоатаціи трудовыхъ силъ — требованіе закона объ отдыхѣ—и тотъ былъ сорванъ подъ давленіемъ заинтересованныхъ сферъ: сначала было признано (циркуляръ 24 февраля 1898 г.),

что въ заведеніяхъ, гдѣ установлена восьмичасовая трехкомплектная работа, необязательно исполненіе правила о предоставленіи рабочимъ 3 или 4 свободныхъ отъ работы дней; затѣмъ (циркуляръ 21 апрѣля 1901 года) было „разъяснено", что заводоуправленіямъ *не воспрещается вступать въ соглашеніе съ рабочими о производствѣ сверхурочныхъ работъ въ воскресные дни* [1]).

Важнѣйшій актъ нашего фабричнаго законодательства былъ сведенъ къ нулю.

Съ изумительнымъ лицемѣріемъ, цинизмомъ, ложью фабриканты, жадно оберегая каждый свой грошъ и выступая потому противъ каждой стѣснительной для нихъ статьи закона, всегда и всюду увѣряли, что вѣнцомъ ихъ требованій—интересы рабочихъ, что только ради нихъ они желаютъ смягченія фабричныхъ законовъ. Они разсуждали какъ тотъ безсмертный мануфактуръ-совѣтникъ Х. К. Небе, который при обсужденіи фабрикантами и чиновниками проекта закона 2 іюня 1897 г. выступилъ съ протестомъ противъ четырехъ дней отдыха въ мѣсяцъ, смиренно заявляя въ своемъ особомъ мнѣніи: „*Въ интересахъ моихъ рабочихъ* я не нашелъ возможнымъ подписать протоколъ... Тридцать пять процентовъ рабочихъ моей фабрики должны быть *лишены работы четверо сутокъ* въ мѣсяцъ и тѣмъ самымъ должны быть лишены *части своего заработка*... четырехъ рублей. Установленіе закономъ этой нормы, очевидно, будетъ принято рабочимъ, какъ *несправедливое ограниченіе свободы его труда*... Въ интересахъ своего личнаго благосостоянія и для поддержки обыкновенно многочисленной семьи, рабочіе въ настоящее время *добиваются и предоставленія имъ сверхурочныхъ работъ*... Новый законъ въ предполагаемой его редакціи не можетъ внести въ жизнь рабочаго *никакого улучшенія* въ нашемъ (т. е. вашемъ, г. Небе!) производствѣ и *въ гигіеническомъ отношеніи*, такъ какъ... рабочій, самъ добивающійся сверхурочной работы, проводитъ въ фабрикѣ лишнюю часть дня и пользуется несравненно лучшими гигіеническими условіями, нежели можетъ ему дать

---

[1]) Правила о сверхурочныхъ работахъ были измѣнены въ 1903 году; но и въ обновленной редакціи ничуть не ограничиваютъ безсовѣстной эксплоатаціи рабочихъ силъ капиталомъ. См. „Внутреннее Обозрѣніе" наше въ январьск. кн. „Правды" за 1904 г.

тѣсное и скученное его собственное жилище... Устанавливая *нежелательный для рабочихъ отдыхъ* въ теченіе 48 дней въ году.., законъ предоставилъ рабочимъ большую возможность *предаваться бездѣлью и пьянству...*“ Вотъ что говорилъ благородный мануфактуръ-совѣтникъ Небе „во имя дѣйствительнаго интереса своихъ рабочихъ и *личной* ихъ просьбы...“ [1]). Прикрываясь безгласностью своихъ рѣчей и дѣйствій, пользуясь властью господъ положенія, не опасаясь отвѣтнаго противодѣйствія рабочихъ (такъ какъ рабочихъ не пускали въ комиссію по изготовленію законовъ), гг. Небе — число-же ихъ легіонъ—отъ имени рабочаго вымаливали *себѣ* подаяніе. Рабочіе не хотятъ отдыха, потому что онъ лишаетъ ихъ части заработка, несправедливо ограничиваетъ свободу труда, вынуждаетъ сидѣть въ отвратительныхъ квартирахъ и предаваться бездѣлью и распутству, вмѣсто того, чтобы работать круглый годъ, зашибать копейку, дышать воздухомъ свѣтлыхъ и чистыхъ мастерскихъ и благословлять хозяина за его милосердіе и предусмотрительныя заботы о благосостояніи и нравственной чистотѣ рабочаго. Такъ выходило по евангелію капитала въ то самое время, когда рабочіе вопили къ небесамъ: „Мы не хотимъ и не можемъ работать съ ранняго утра до глубокой ночи; мы не можемъ изо дня въ день быть прикованными къ машинѣ, бѣгущей безъ устали и каждымъ своимъ оборотомъ высасывающей изъ нашего труда профитъ капиталу; мы не въ силахъ день за днемъ напряженно слѣдить глазами за головокружительной быстротой движеній механизма, напрягать свой мозгъ за работой и притуплять его однообразіемъ работы, дышать въ томъ душномъ, пыльномъ, дымномъ аду, что зовется фабрикой; мы отдыха хотимъ и требуемъ, потому что безъ отдыха мы теряемъ человѣческій образъ, силы, семью, и за эти дни отдыха вы не посмѣете взять изъ грошей нашего заработка. Вы купили наши силы, такъ отдайте-же за шесть рабочихъ дней, чтобы прожить намъ седьмой день въ отдыхѣ“.

Господа фабриканты хорошо понимали, что введеніе отдыха должно повысить расцѣнку будничнаго труда, сокра-

---

[1]) Матеріалы по изданію закона 2 іюня 1897 года, изд. министерства финансовъ. Спб. 1905. Стр. 155. Курсивъ нашъ.

тить обороты и понизить прибыль,—и они благочестиво воздыхали о рабочемъ и громко шептали земной власти: сжальтесь надъ рабочимъ и его дѣтьми, какъ мы жалѣемъ ихъ.

Подъ вліяніемъ предпринимательскихъ интересовъ, оказывавшихъ непрекращающееся воздѣйствіе на правительственный аппаратъ, правительство за каждымъ шагомъ впередъ дѣлало десять назадъ, отмѣняя административнымъ порядкомъ главнѣйшія статьи закона. То-же самое происходило и съ другими законами, изданными въ послѣдніе годы, въ частности съ закономъ 1903 г. объ отвѣтственности предпринимателей [1]).

II.

Законъ 1886 года,—краса и гордость публицистовъ изъ министерства финансовъ, вѣчный памятникъ „истинно-русскихъ“ началъ, альфа и омега нашего фабричнаго законодательства,—протягивающій руку и фабриканту, и рабочимъ, и власти [2]), поклонился капиталу, а не труду. Забота о рабочемъ выражалась въ немногихъ правилахъ, неопредѣленность которыхъ конкуррировала съ безнаказанностью ихъ нарушенія. Если исключить статьи, относящіяся къ обѣимъ сторонамъ или видоизмѣняющія общегражданское право въ приложеніи къ особенностямъ фабричной среды (о срокахъ договора, способѣ его прекращенія, запрещеніи досрочныхъ измѣненій условій договора), то защита рабочихъ интересовъ сведется къ двумъ пунктамъ. Законодатель предоставилъ фабричной инспекціи право утверждать всѣ условія работы и жизни на фабрикахъ, предлагаемыя рабочимъ фабрикантами, но не измѣнять ихъ, т.-е. чисто-формальное право, которое даетъ фабричной инспекціи поводъ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь промышленнаго предпріятія, позволяетъ ей быть болѣе или менѣе освѣдомленнымъ органомъ правительства о настроеніи рабочей массы, но зато вынуждаетъ ее къ болѣе, чѣмъ скромной, помощи рабочимъ [3]).

---

[1]) Мы не станемъ здѣсь говорить о законѣ объ отвѣтственности, какъ и другихъ вообще законахъ 1903 года, потому что они уже разсмотрѣны нами на страницахъ другихъ журналовъ. См. „Правду“, „Русское Богатство“, за 1904 г. Статьи эти вошли въ сборникъ. Смотри ниже.

[2]) О политическомъ характерѣ закона см. ниже.

[3]) О правахъ фабричной инспекціи и ея значеніи для рабочихъ—особо. Смотри слѣд. статью этого сборника.

Неопредѣленность права, замѣненная усмотрѣніемъ административныхъ органовъ съ ничтожной карательной властью, открывала широкій просторъ для дѣйствія сильныхъ интересовъ капитала и правительства,—такая нормировка могла итти только во вредъ труду или, въ лучшемъ случаѣ, оставляла по-старому установившіяся отношенія между капиталомъ и трудомъ. Внимательность законодателя къ рабочимъ выразилась въ немногихъ положительныхъ указаніяхъ закона, гласившихъ: выдача заработной платы должна производиться одинъ или два раза въ мѣсяцъ; воспрещены: расплата съ рабочими, вмѣсто денегъ, купонами, условными знаками, хлѣбомъ, товаромъ и иными предметами, вычеты изъ заработной платы на покрытіе долговъ рабочихъ, взиманіе процентовъ за деньги, выдаваемыя рабочимъ заимообразно, взиманіе съ рабочихъ платы за врачебную помощь, освѣщеніе мастерскихъ и орудія производства,—и все. На шестьдесятъ слишкомъ статей, образующихъ содержаніе закона 1886 г. всего нѣсколько нормъ, да и то частью не снабженныхъ никакой карательной санкціей! Вотъ въ чемъ выражалось все покровительство закона: въ формальномъ надзорѣ инспекціи, въ признаніи двухъ-трехъ матеріальныхъ правъ и въ запрещеніи нѣкоторыхъ эксплоататорскихъ дѣйствій фабрикантовъ, частью платоническомъ. „Благодѣянія“ закона 1886 года оказались миѳомъ. Законъ созданный, казалось, для блага рабочихъ, въ дѣйствительности наибольшія выгоды принесъ... капиталу. Прежде всего онъ подтвердилъ и призналъ, что наемъ рабочихъ производится на основаніи общихъ постановленій о *личномъ* наймѣ. Фабрикантъ, слѣдовательно, заключаетъ договоръ не со всей фабрикой или цѣлыми ея отдѣлами, не съ группой работниковъ, имѣющихъ однородные интересы, а съ каждымъ отдѣльнымъ рабочимъ, разрозненно борющимся за свои требованія. Въ основу фабричнаго найма былъ положенъ и признанъ единственно допустимымъ единоличный, а не коллективный договоръ. Передъ фабрикантомъ оказался въ качествѣ нанимающагося неорганизованный, гонимый нуждой, работникъ, вынужденный соглашаться на всякія условія. Фабрикантъ вывѣшиваетъ свои условія въ правилахъ внутренняго распорядка, и рабочему остается либо согласиться на нихъ, либо пройти мимо. Измѣняя условія труда, фабри-

кантъ россійскій не обязанъ предварительно выслушивать мнѣніе своихъ рабочихъ, какъ этого требуетъ германское фабричное законодательство. Рабочій—одинокій, безгласный рабъ. И если-бы эти рабы вздумали пожелать улучшенія условій труда и попытались коллективными усиліями добиться этой цѣли путемъ стачки, законъ 1886 г. предлагалъ рабочимъ... усиленныя наказанія за стачки, одновременно созданныя съ правилами о наймѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ [1]). Получился удивительный кругъ. Правительство запрещаетъ какія-бы то ни было союзныя соединенія рабочихъ въ формѣ-ли собраній, стачекъ или союзовъ, на томъ основаніи, что законъ 1886 г., мелочно регламентирующій всю фабричную жизнь, достаточно ограждаетъ интересы рабочихъ и дѣлаетъ ненужнымъ самозащиту; въ дѣйствительности-же законъ создалъ безконечную канцелярщину и полицейщину, которая всего менѣе защищаетъ рабочихъ; и такъ какъ тѣ, не находя въ законодательствѣ опоры и помощи, собственными силами пытаются оберечь себя отъ обиды и эксплоатаціи, то законодатель въ томъ-же 1886 году издалъ суровыя кары противъ всякихъ стачечныхъ организацій и дѣйствій. Законъ 1886 года поставилъ такимъ образомъ рабочій классъ въ безправное и невыносимое положеніе,—къ этому, и только къ этому, сводилась благодѣтельная „опека“, распростертая на него законодательствомъ 1886 года.

Но то была опека не надъ рабочими, а противъ рабочихъ, имѣющая цѣлью заглушить самодѣятельность и самостоятельность рабочихъ, разобщить ихъ другъ съ другомъ и съ остальными культурными слоями населенія, подчинить экономическія и политическія нужды труда интересамъ промышленной буржуазіи и бюрократическаго правительства. Опека-же, составляющая, по словамъ апологетовъ, благодать, почіющую надъ русскими рабочими и выгодно отличающую истинно-русскій Востокъ отъ гнилого Запада, дѣлавшая, по мнѣнію правительства, излишней самооборону рабочаго класса и потому дававшая „нравственное“ право къ

---

[1]) Подобно тому, какъ въ 1845 году, одновременно съ изданіемъ закона о воспрещеніи ночной работы малолѣтнимъ до 12 лѣтъ, были изданы усиленныя кары за стачки и безпорядки. Правительство одной рукой давало пряникъ, другой било въ три кнута!

рѣшительному непризнанію свободы собраній, стачекъ и союзовъ,—эта опека, по существу, заключалась въ томъ, что надъ рабочими въ лицѣ фабрикантовъ, завѣдывающихъ, фабричныхъ инспекторовъ и полиціи ставилось безконечное начальство, замѣнявшее собою право и права. Опека сводилась къ гражданскому и политическому безправію, и если первое было въ интересахъ капитала, то второе—въ интересахъ правительственной власти. Опека, попечительство, вмѣшательство имѣли на Руси всегда одинъ и тотъ-же смыслъ. Что составлялъ для фабричныхъ рабочихъ законъ 1886 г., тѣмъ былъ для крестьянъ законъ 12 іюня 1889 г. о земскихъ начальникахъ, создавшій „твердую и близкую народу“ правительственную власть, которая, выражаясь словами закона, „соединяла въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями съ заботами по завершенію крестьянскаго дѣла и съ обязанностями по охраненію благочинія общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ“. Если законъ 1889 г. въ лицѣ земскаго начальника, совмѣщавшаго въ себѣ представителя дворянства съ представителемъ полицейской власти, создавалъ орудіе для подавленія крестьянъ въ интересахъ помѣстнаго землевладѣнія и правительства, то законъ 1886 г. въ органахъ фабричной и правительственной власти проводилъ ту-же цѣль во благо капитала и правительства. Опека была синонимомъ не помощи и льготы, а непривилегированности и безправія. И нѣтъ ничего удивительнаго, что законъ 1886 года, принесшій съ собой такъ много опеки, заключалъ въ себѣ такъ мало повелительныхъ требованій, обращенныхъ къ капиталу, облеченныхъ содержаніемъ истиннаго закона, такъ какъ исполненіе закона не было обезпечено карой.

Однако, когда опека могла сколько-нибудь стѣснить фабрикантовъ, законъ 1886 года предусмотрительно ее устранялъ. И дѣйствительно, вопреки общимъ правиламъ (ст. 2.202, т. X, ч. I св. зак.) законъ опредѣлилъ, что при наймѣ замужнихъ женщинъ и несовершеннолѣтнихъ, имѣющихъ отдѣльный видъ на жительство, не требуется особаго позволенія родителей, опекуновъ или мужей (ст. 90). Почему Да потому, что фабрикамъ нуженъ былъ трудъ женщинъ и подростковъ, и было-бы чудовищнымъ затруднять фабрикан-

товъ въ эксплоатаціи этихъ силъ. Такъ и признался законодатель. „Это разрѣшеніе, очевидно, письменное, не соотвѣтствуя ни нравамъ, ни степени распространенія грамотности въ сельскомъ населеніи, затрудняетъ наемъ малолѣтнихъ и женщинъ, трудъ коихъ, однако, необходимъ для фабричнаго дѣла“ [1]). Не помѣшала опека и тому, чтобы дать фабрикантамъ безграничную почти власть по расторженію договора найма съ рабочими. Случаи, въ которыхъ фабрикантамъ предоставлено прогнать рабочаго, такъ многочисленны, что фабрикантъ во всякое время можетъ раздѣлаться съ любымъ рабочимъ по любому поводу. Закономъ прежде всего указанъ рядъ обстоятельствъ, въ силу которыхъ договоръ прекращается ipso jure [2]); къ числу ихъ отнесено и пріостановленіе въ теченіе болѣе семи дней (по закону 1886 г.—трехъ дней)работъ на фабрикѣ вслѣдствіе пожара, наводненія, взрыва и т. д. Рабочій, слѣдовательно, остается привязаннымъ къ фабрикѣ въ теченіе семи дней и—такъ какъ большинство рабочихъ получаетъ плату поденно, поштучно и сдѣльно—безъ заработка. Ему можетъ представиться заработокъ въ другой фабрикѣ и другомъ заводѣ,но онъ не смѣетъ наняться туда. Онъ долженъ ждать.., потому что этого требуютъ интересы погорѣвшаго фабриканта, потому что „пріисканіе знающихъ дѣло и искусныхъ рабочихъ составляетъ дѣло далеко нелегкое“; потому-то съ 3-хъ дней въ законѣ 1886 г. перешли на 7 дней въ 1893 г. Но договоръ найма можетъ быть расторгнутъ собственной волей фабриканта или завѣдующаго вслѣдствіе: 1) неявки рабочаго на работу болѣе 3-хъ дней сряду или въ сложности болѣе 6 дней въ мѣсяцъ безъ уважительныхъ причинъ, 2) неявки рабочаго на работу болѣе двухъ недѣль сряду по уважительнымъ причинамъ, 3) привлеченія рабочаго къ слѣдствію и суду, 4) вслѣдствіе дерзости или дурного поведенія рабочаго, если оно угрожаетъ имущественнымъ интересамъ фабрики или личной безопасности

---

[1]) См. у Кобеляцкаго. Стр. 76.
1906 г. № 3 отд. 1.

[2]) По взаимному соглашенію, истеченіи срока найма, окончаніи условленной работы, по 2-хъ-недѣльномъ предупрежденіи одной изъ сторонъ, за административной высылкой рабочаго, поступленіемъ на военную службу, отказомъ присутственнаго мѣста въ паспортѣ, пріостановленіемъ работъ вслѣдствіе пожара и т. п. случая (ст. 104).

кого-либо изъ лицъ фабричной администраціи и 5) вслѣдствіе обнаруженія у рабочаго заразительной болѣзни (ст. 105). Какой необузданно-широкій просторъ открытъ капиталу для избавленія отъ неудобныхъ почему-либо рабочихъ! Не говоримъ уже о томъ, какой односторонній, покровительственный капиталу характеръ имѣетъ право увольнять рабочаго, заболѣвшаго, можетъ быть, именно отъ фабричной работы, и тѣмъ давшее капиталу возможность превратить въ фразу обязанность по лѣченію заболѣвшихъ, установленную ст. 102-й[1]). Право-же увольнять всякаго „дерзкаго“ и „дурно ведущаго себя“ рабочаго допускаетъ такое широкое толкованіе, что всякій почему-либо неугодный рабочій подойдетъ подъ эту терминологію. Такъ оно въ дѣйствительности и происходитъ: объ этомъ единодушно заявляютъ фабричные инспектора. Если-бы такого права оказалось недостаточно, то фабрикантъ, пользуясь правомъ наказывать за неисправную работу и прогулъ, можетъ довести штрафы до того размѣра, при которомъ по закону позволяется совсѣмъ уже прогнать рабочаго. Всѣми этими правами фабрикантъ поставленъ въ такое исключительное привилегированное положеніе надъ трудомъ, что однѣхъ этихъ статей объ увольненіи было-бы достаточно для характеристики закона 1886 года, какъ рѣзко выраженной классовой капиталистической побѣды. Конечно, законодатель соблюлъ декорумъ безпристрастія и равенства, признавъ и за рабочими право не расторженія договора—нѣтъ, до этого „слава Богу“, какъ говорятъ фабриканты, еще не дошло—а право требовать расторженія договора по суду. Но въ какихъ случаяхъ! Вслѣдствіе побоевъ, тяжкихъ оскорбленій и вообще дурного обращенія съ рабочимъ, вслѣдствіе нарушенія условій по снабженію рабочихъ пищей и помѣщеніемъ, вслѣдствіе работы, разрушительно дѣйствующей на здоровье или неуплаты рабочему заработной платы (ст. 106 и 98).[2]) Отъ фабриканта требуется почти уголовщина,

---

[1]) Министерскимъ циркуляромъ и было разъяснено, что „обязывать хозяевъ лѣчить на свой счетъ заболѣвшаго заразною болѣзнью рабочаго, съ коимъ договоръ найма расторгнутъ, не представляется законнымъ основаніемъ“!!

[2]) Кромѣ того, въ двухъ случаяхъ, не имѣющихъ какого-либо отношенія къ виновности предпринимателя: въ случаѣ 4) смерти мужа или жены или другихъ членовъ семейства и 5) поступленія на военную службу члена семейства, доставлявшаго послѣднему средства къ существованію.

чтобы рабочій могъ потребовать расторженія договора. Но даже при этихъ условіяхъ нелегко рабочему развязаться съ фабрикой. До суда далеко, а уйти нельзя, потому что... у фабриканта на рукахъ паспортъ, безъ котораго рабочій не можетъ поступить на другую фабрику. Это правило о паспортахъ прикрѣпляетъ тѣло и душу рабочаго къ фабрикѣ, дѣлаетъ его въ буквальномъ смыслѣ крѣпостнымъ, несмотря на неоднократныя напоминанія финансоваго вѣдомства, что фабрикѣ запрещено задерживать паспорта[1]) Неорганизованный рабочій валяется въ ногахъ, кланяется, молитъ: дайте паспортъ, и фабричныя управленія, сознавая, что и на это правонарушеніе рабочій можетъ найти отвѣтъ у далекаго суда, обратили правила о паспортахъ въ орудіе жесточайшей эксплоатаціи рабочихъ.

Вотъ какова была опека и заботливостъ о рабочихъ, проявленныя закономъ 1886 года.

Огромное вліяніе капитала сказалось въ чудовищномъ неравенствѣ наказаній, установленныхъ нашими законами для предпринимателей и рабочихъ. *Самовольное увольненіе* рабочаго фабрикантомъ составляетъ въ глазахъ законодателя простое гражданское правонарушеніе, за которое не полагается никакой кары: рабочій имѣетъ въ такомъ случаѣ лишь право искать судомъ вознагражденія за убытки, но такъ какъ судъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ недоступенъ рабочимъ, то предпринимателю фактически открывается возможность безвозбранно и безнаказанно выгонять рабочихъ до срока по своему усмотрѣнію. Рабочій-же, напротивъ, за самовольный отказъ отъ работы до истеченія срока найма или безъ предупрежденія подвергается аресту не свыше одного мѣсяца (ст. 51[4] уст. нак.). Если содержатели фабрикъ или заводовъ до истеченія срока найма *самовольно понизятъ заработную плату* или—что равносильно тому-же пониженію—будутъ заставлять рабочихъ, вмѣсто слѣдуемой имъ платы деньгами, получать ее товаромъ, купонами, или хлѣбомъ [2]), то они подвергаются за это денеж-

---

[1]) Послѣдній изъ такихъ циркуляровъ—циркуляръ 1901 г. главнаго по фаб. и горн. дѣламъ присутствія о порядкѣ возвращенія видовъ на жительство рабочимъ, самовольно оставившимъ работу,—напомнилъ, что фабричная контора обязана немедленно выдать паспортъ по требованію рабочаго.

[2]) Какъ ни снисходительно наказаніе за расплату съ рабочими купонами, хлѣбомъ, товаромъ и проч., расплата эта преслѣдуется уголовнымъ судомъ

ному взысканію отъ 100 до 300 рублей (ст. 1359), за расплату-же купонами—отъ 50 до 300 рублей (ст. 1359[2]). Между тѣмъ рабочіе за стачку прекратить работы съ цѣлью понудить хозяевъ къ возвышенію заработной платы, т. е. за совершенно аналогичное дѣйствіе, отличающееся въ юридической правотѣ рабочихъ лишь тѣмъ, что тамъ фабрикантъ уже исполнилъ свое намѣреніе и измѣнилъ въ свою пользу плату, тогда какъ здѣсь рабочіе еще только имѣютъ намѣреніе,—подвергаются аресту: зачинщики отъ 3 недѣль до 9 мѣсяцевъ, а прочіе — отъ 7 дней до 3 недѣль (ст. 1358); за прекращеніе-же работъ по стачкѣ—тюремному заключенію отъ 2 до 8 мѣсяцевъ, смотря по степени виновности (1358[1]). За пониженіе въ третій разъ платы рабочимъ или-хотя-бы въ первый и во второй разъ, но когда эти проступки *вызвали на фабрикѣ или заводѣ волненіе и повлекли принятіе чрезвычайныхъ мѣръ для подавленія безпорядковъ*, завѣдывающій фабрикой или заводомъ [1]) подвергается аресту до 3 мѣсяцевъ. Итакъ, надо своими беззаконными дѣйствіями возмутить рабочую массу до глубины души, довести ее до состоянія бѣлаго каленія и вызвать на открытые безпорядки, подавляемые чрезвычайными мѣрами, т. е. войсками [2]), чтобы завѣдующій попалъ подъ 3-хъ мѣсячный арестъ; рабочіе-же, вызванные дѣйствіями завѣдующихъ или другими причинами на подобные безпорядки, могутъ быть привлечены къ суду по ст. 269[1] улож. о наказ. и подвергнуты либо ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачѣ въ арестантскія отдѣленія, либо каторжной работѣ отъ 4 до 8 лѣтъ [3]). Завѣдующій *расторгаетъ*

лишь въ томъ случаѣ, когда она имѣетъ характеръ *принудительный*—такъ разъяснилъ сенатъ въ 1876 году. (См. Кобеляцкій. Стр. 93). Очевидно, высшее судебное учрежденіе полагаетъ, что могутъ бывать случаи расплаты купонами или товаромъ по желанію рабочихъ. Ну, конечно, вѣдь договоръ свободенъ!

[1]) Какая трогательная заботливость о спокойствіи фабрикантовъ; если наказаніе выражается въ деньгахъ, платитъ фабрикантъ, если въ арестѣ, то въ кутузку просятъ не фабриканта, а завѣдующаго!

[2]) За тѣ-же дѣйствія, вызывающія безпорядки, но подавляемыя *безъ принятія чрезвычайныхъ мѣръ*, завѣдующій платится лишь денежнымъ штрафомъ до 300 рублей!

[3]) Юрисконсульты министерства финансовъ рѣшеніемъ своимъ 4 ноября 1895 года признали, что статья эта, предусматривающая безпорядки изъ вражды религіозной, племенной или сословной или изъ *экономическихъ отношеній*, примѣнима и къ безпорядкамъ рабочихъ. См. Кобеляцкій. Стр. 90. Суды впослѣдствіи отказывались отъ обвиненія рабочихъ по этой каторжной статьѣ.

договоръ съ рабочими по своему личному усмотрѣнію, безъ всякаго участія суда, хотя-бы вслѣдствіе неявки рабочаго на работу болѣе трехъ дней сряду (см. ст. 105 уст. пром.); рабочій-же, не получившій въ срокъ причитающейся ему платы и потому, быть можетъ, не явившійся въ теченіе трехъ дней на работу, имѣетъ только право требовать судебнымъ порядкомъ расторженія договора (см. ст. 98 уст. пром.); завѣдующій расторгаетъ своей властью договоръ вслѣдствіе обнаруженія у рабочаго *заразительной болѣзни*, а рабочій, *подвергшійся побоямъ*, тяжкимъ оскорбленіямъ или дурному обращенію со стороны фабриканта или завѣдующаго, долженъ еще просить судъ о расторженіи договора! Административныя наказанія—*штрафы*—налагаются на завѣдующихъ по рѣшенію фабричныхъ присутствій, которое подлежитъ обжалованію; на рабочихъ-же налагаютъ штрафы завѣдующіе собственной властью, и это распоряженіе завѣдующихъ не подлежитъ обжалованію со стороны рабочихъ. Фабрикантъ можетъ искать съ рабочихъ въ размѣрѣ понесенныхъ имъ убытковъ и пользоваться общегражданскими *сроками давности*, для исковъ же рабочихъ къ фабрикантамъ о заработной платѣ установлена сокращенная давность—мѣсячная, и вознагражденіе ограничено извѣстными предѣлами: сверхъ должной фабрикантомъ суммы, рабочему уплачивается при срочномъ договорѣ двухмѣсячный заработокъ, при договорѣ на срокъ неопредѣленный—двухнедѣльный (ст. 98 уст. пром.). Какъ выгоденъ такой порядокъ фабрикантамъ, можно судить по тому, что по общегражданскому праву при наличности срочнаго договора фабриканту пришлось-бы уплатить, сверхъ зажитой рабочимъ платы, все вознагражденіе до конца срока договора. Сокращенная-же давность установлена для предъявленія рабочими иска о вознагражденіи за несчастные случаи.

И на языкѣ правительства и чиновника Литвинова-Фалинскаго, добросовѣстно переписавшаго оффиціальные матеріалы по рабочему вопросу и недобросовѣстно выдавшаго ихъ за свое изслѣдованіе, это называлось: „законодательство наше проникнуто стремленіемъ оградить справедливые интересы рабочихъ“, „проникнуто принципами справедливости и попеченія о благосостояніи всѣхъ безъ различія подданныхъ“!! Фабрикантамъ и рабочимъ предписывалось все по-разному—

и мораль, и права, и наказанія—и притомъ такъ, что фабриканту—все выгодно, рабочимъ—все накладно.

Какъ-бы ни были плохи законы, ихъ реальное значеніе для рабочихъ зависитъ отъ того, какія гарантіи установлены противъ ихъ нарушенія, какими карами обезпечено ихъ исполненіе. И съ этой стороны фабричное законодательство Россіи обнаруживаетъ огромные пробѣлы, сквозь которые явно проглядываетъ хорошо знакомая намъ сила классовыхъ интересовъ капитала. Вліяніе этого фактора, самымъ рѣшительнымъ образомъ опредѣлившаго содержаніе фабричныхъ законовъ, сказалось во всей карательной системѣ. Неравенство въ отношеніяхъ закона къ капиталу и труду превратилось здѣсь въ полное потворство и попустительство предпринимателямъ. Въ то время, какъ рабочіе за нарушеніе тѣхъ частей законодательства, которыя почему-либо казались правительству особенно важными, подвергаются жестокимъ карамъ, какихъ не знаетъ ни одно культурное государство, предприниматели пользуются такимъ снисхожденіемъ, какого опять нигдѣ не найти. Прежде всего за нарушеніе главныхъ, самыхъ жизненныхъ для рабочаго класса законовъ, русское право не установило никакихъ карательныхъ статей. За нарушеніе правилъ объ $11^1/_2$ часовомъ рабочемъ днѣ, сверхурочныхъ работахъ, воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ, отвѣтственности предпринимателей, врачебной помощи, фабричныхъ старостахъ, главныхъ частей закона 1886 г. о взаимныхъ отношеніяхъ, какъ-то: о досрочномъ увольненіи, своевременной выдачѣ заработка (стр. 97, 98)—для всѣхъ этихъ правонарушеній нѣтъ фабрикантамъ никакихъ наказаній! Очевидно, законодательство наше понимаетъ подъ фабричнымъ закономъ правоученіе, которое должно глубоко потрясти душу фабриканта и умильно склонить его къ послушанію волѣ закона. Но въ Россіи, этой счастливой Аркадіи, гдѣ фабриканты добродѣтельны и покорны, какъ агнцы, а рабочіе, какъ демонъ, коварны и злы, даже для тѣхъ немногихъ законовъ, за нарушеніе которыхъ полагаются наказанія, послѣднія такъ смѣхотворно ничтожны, что фабрикантамъ нѣтъ никакого основанія трепетать передъ закономъ. Дѣйствительно, за нарушеніе закона о работѣ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ фабриканту угрожаетъ арестъ *не свыше мѣсяца* или денежное взысканіе *не свыше 100 рублей*

(ст. 1404[1] улож. о нак.); тогда какъ въ сосѣдней Германіи, гдѣ промышленная буржуазія во всякомъ случаѣ не можетъ пожаловаться на безмѣрную къ ней свирѣпость законодательной власти, ибо тамъ она во всякомъ случаѣ сильнѣе, чѣмъ у насъ, за то-же правонарушеніе законъ угрожаетъ *тюремнымъ заключеніемъ до шести мѣсяцевъ* или *денежнымъ штрафомъ до 2000 марокъ*, т.е. до тысячи рублей. Фабриканты, виновные въ непредоставленіи малолѣтнимъ, не имѣющимъ свидѣтельства объ окончаніи одноклассной школы, возможности посѣщать ее, подвергаются денежному штрафу въ 100 руб. (ст. 1404[2]), но наказаніе это, въ сущности, фиктивно, потому что законъ... не обязываетъ фабрикантовъ къ устройству школъ.

За пониженіе платы и расчетъ съ рабочими не деньгами, а товаромъ, хлѣбомъ, купонами наказаніе по нашимъ законамъ, какъ мы уже видѣли, составляетъ отъ 100 или *50 до 300 рублей*, а по германскому промышленному уставу расплата не деньгами карается тюрьмой до *6 мѣсяцевъ или штрафомъ въ 2000 марокъ*. Неисполненіе обязательныхъ постановленій фабричныхъ присутствій по санитарно-технической части и законныхъ распоряженій правительственныхъ и полицейскихъ властей карается у насъ до 50 рублей, тогда какъ въ Германіи за неисполненіе тѣхъ-же правилъ объ огражденіи жизни, здоровья и нравственности рабочихъ полагается штрафъ до 300 марокъ (и въ необходимыхъ случаяхъ пріостановка промышленнаго предпріятія до выполненія требуемыхъ мѣропріятій). За несоблюденіе правилъ о паровыхъ котлахъ у насъ наказываютъ арестомъ до 3-хъ мѣсяцевъ или взысканіемъ до 300 рублей (ст. 118[2] уст. о нак.), а если отъ того кому-либо причинится смерть или поврежденіе въ здоровьѣ—тюрьма отъ 2 до 16-ти мѣсяцевъ (ст. 989[2] улож. о наказ.), въ Германіи-же, помимо штрафовъ за несоблюденіе правилъ объ охраненіи здоровья и перевода предпріятія въ болѣе высокій по опасности классъ производства,—перевода, сопряженнаго съ значительнымъ матеріальнымъ ущербомъ въ видѣ повышенныхъ страховыхъ премій,—предприниматель можетъ быть привлеченъ къ уголовной отвѣтственности за убійство или причиненіе тѣлеснаго поврежденія по неосторожности. Наконецъ, денежные штрафы на завѣдующихъ, налагаемые фабричными присут-

ствіями за несоблюденіе разныхъ формальныхъ требованій закона 1886 года въ размѣрѣ 5—25 руб., 25—100 и 50—300 руб. (ст. 153, 154 и 155 уст. пром.) и въ нѣкоторыхъ частяхъ совпадающіе съ аналогичными штрафами германскаго устава (за неимѣніе правилъ распорядка — 300 марокъ, за наложеніе незаконныхъ или непредусмотрѣнныхъ взысканій—150 мар. и др.)—вотъ все, чѣмъ ограничиваются кары, бумажные громы и молніи, которыми грозитъ наше право фабрикантамъ. Мы видимъ, у насъ или вовсе нѣтъ наказаній, или они очень слабы—такая система могла имѣть мѣсто только въ странѣ, гдѣ промышленная буржуазія по-домашнему устраивала свои дѣла, гдѣ фабричное законодательство дрожало за волосъ на головѣ фабрикантовъ, больше, чѣмъ за всю голову рабочаго. Наши законодатели гордились, какъ истинно-русской добродѣтелью, что фабричные законы, во все вмѣшиваясь, ограждаютъ интересы рабочихъ, и на этомъ лицемѣрномъ основаніи признавали ненужнымъ и вреднымъ корпоративное единеніе рабочихъ, а между тѣмъ даже въ Германіи, гдѣ за рабочими признано право союзовъ и стачекъ, законодатель счелъ необходимымъ установить гораздо больше каръ, чѣмъ у насъ. Тамъ караютъ за нарушеніе воскреснаго и праздничнаго отдыха (600 марокъ), за удержаніе заработной платы и невыдачу ея въ срокъ (150 марокъ), а такое возмутительное преслѣдованіе рабочихъ, широко и безнаказанно практикующееся у насъ, какъ мѣтка условными знаками рабочихъ документовъ (у насъ—паспортовъ) наказывается въ Германіи тюремнымъ заключеніемъ до 6 мѣсяцевъ или штрафомъ въ 2,000 марокъ. Конечно, зачѣмъ намъ такія тонкости! Вѣдь во всѣхъ нашихъ законодательныхъ актахъ сказалась „политика разумнаго предупрежденія всякихъ поводовъ къ возникновенію у насъ основательныхъ неудовольствій въ средѣ рабочихъ, выразившаяся въ правительственномъ вмѣшательствѣ въ фабричную жизнь для устраненія тѣхъ явленій, которыя были признаны ненормальными и не отвѣчающими требованіямъ справедливости“—такъ наивно или, точнѣе, лицемѣрно утверждали въ министерствѣ финансовъ. Отсюда послѣдовательно было заключеніе: разъ все разумно предупреждено, зачѣмъ-же... карательныя статьи!!

III.

Мы показали, какую исключительную роль сыграли классовые интересы капитала въ опредѣленіи всего содержанія нашихъ фабричныхъ законовъ. Рабочіе возстаютъ противъ гнета, эксплоатаціи и безправія, капиталъ съ безпощадностью кидается на защиту своихъ интересовъ подъ покровомъ „свободы“ труда, и бюрократическое правительство разрѣшается актами неискренняго и половинчатаго вмѣшательства въ промышленную жизнь. Побѣда остается до поры до времени за капиталомъ: экономическое превосходство капитала въ предѣлахъ фабрики переносится и въ государственную жизнь, отражаясь въ актахъ законодательной власти. Но такой политическій результатъ агитаціи капитала противъ фабричныхъ законовъ былъ возможенъ только потому, что бюрократія опиралась на силу промышленной буржуазіи и защищала ея интересы. Со времени освобожденія крестьянъ, съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній, съ ростомъ торговопромышленнаго капитала, русскій бюрократическій строй покоился на поземельной и промышленной буржуазіи, поддерживая ихъ и пользуясь ихъ поддержкой. Услуги были взаимныя. Бюрократія съ величайшей энергіей защищала хозяйственныя и политическія привилегіи дворянскаго землевладѣнія и купечества, отдавъ въ пользованіе одного—крестьянство и другого—рабочій классъ, а дворянство и купечество платили въ отвѣтъ вѣрноподданническими чувствами и „патріотизмомъ“. Взаимоотношеніе этихъ двухъ привилегированныхъ группъ съ теченіемъ времени мѣнялось, и съ 80-хъ годовъ, съ упроченіемъ таможеннаго протекціонизма, торговопромышленная буржуазія заняла экономически болѣе выгодное положеніе, чѣмъ помѣстное дворянство; но эта перемѣна не отразилась на общихъ отношеніяхъ бюрократіи къ земельной и промышленной буржуазіи,—единственной опорѣ государственнаго и общественнаго порядка, какъ его понимала самодержавная власть. Фабричные законы съ этой точки зрѣнія были не чѣмъ инымъ, какъ покровительствомъ государственной власти капиталу, результатомъ его политическаго вліянія въ существующемъ строѣ. Государственная власть въ ея дѣйствіяхъ по отношенію къ народнымъ массамъ принимала, слѣдовательно,

классовый буржуазный характеръ, вопреки всякимъ славянофильскимъ бреднямъ о внѣклассовомъ или даже сверхклассовомъ характерѣ самодержавія. Издавая фабричные законы, власть охраняла и потворствовала промышленной буржуазіи. Это показало намъ содержаніе законодательныхъ актовъ, въ этомъ признавалось и... само правительство. Въ оффиціальныхъ документахъ нерѣдко прорывалось открытое заявленіе о покровительствѣ государственной власти капиталу и капиталистамъ, какъ о естественномъ и основномъ ея свойствѣ, не вызывающемъ въ правительствѣ никакихъ больше сомнѣній. „Государство, относящееся покровительственно къ предпринимателямъ, не можетъ въ то же время, хотя бы въ видахъ общественнаго блага и спокойствія, игнорировать интересы рабочихъ“[1])-такъ разсуждало большинство членовъ государственнаго совѣта въ 1903 г., разсматривая проектъ закона объ отвѣтственности предпринимателей,—и въ этомъ опредѣленіи, несмотря на всю его расплывчатость, ярко сказались всѣ особенности нашего фабричнаго законодательства. *Государство относится покровительственно къ интересамъ предпринимателей, и если не игнорируетъ интересовъ рабочихъ, то по соображеніямъ общественнаго спокойствія.* Еще ярче высказалъ ту же мысль В. К. Плеве при обсужденіи закона о старостахъ. „Движимое желаніемъ облегчить по возможности положеніе рабочихъ, правительство не должно забывать и о надлежащемъ охраненіи интересовъ фабрикантовъ,тѣмъ болѣе,что послѣдніе безспорно составляютъ классъ, ближайшимъ образомъ заинтересованный въ охраненіи общественнаго порядка. Указанное обстоятельство должно особенно побуждать благоразумное правительство опираться на этихъ лицъ при введеніи различнаго рода мѣропріятій въ области фабричнаго законодательства“ [2]).

И „благоразумное“ россійское правительство, еще при Николаѣ I понимавшее, что „фабриканты по собственному интересу привязаны вездѣ къ существующему порядку“, всегда такъ и поступало. И фабричные законы, безсмертный памятникъ этого благоразумія, тѣмъ болѣе ужасная русская дѣйствительность, воплощавшая въ себѣ эти законы. Примѣромъ того, какъ трогательно заботилась самодержавная

---

[1]) Отчетъ Госуд. Совѣта за 1903 г. Стр. 181.

[2]) Отчетъ, Стр. 19.

бюрократія о капиталѣ, какую огромную власть она предоставила капиталу надъ рабочими, съ какимъ самовластьемъ третировали фабриканты убогіе россійскіе законы, подъ покровительствомъ благоразумнаго правительства,—можетъ служитъ классическій циркуляръ [1]) владимірскаго губернатора исправникамъ отъ 8 февраля 1902 г. за № 385. Оказалось, что фабриканты вопреки закону устроили у себя не болѣе не менѣе какъ... фабричныя тюрьмы, въ которыя собственной властью ввергали провинившихся рабочихъ. Фабриканты присвоили себѣ власть законодателя.

„До свѣдѣнія моего—говорилось въ циркулярѣ—дошло, что *устроенныя при нѣкоторыхъ фабрикахъ арестантскія помѣщенія находятся въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, представляя собою часто маленькую комнату безъ оконъ и печей, съ земляянымъ или каменнымъ поломъ, не снабжены кроватями или нарами.* Принимая во вниманіе, что существованіе такихъ помѣщеній на фабрикахъ, куда могли бы быть помѣщаемы пьяные до вытрезвленія или задержанные полиціею по другимъ законнымъ основаніямъ фабричные рабочіе, *вызывается практическою необходимостью, хотя они и не относятся къ числу установленныхъ закономъ мѣръ заключенія*, — тѣмъ не менѣе нельзя допустить, чтобы арестуемые подвергались такимъ неудобствамъ, которыя могутъ вредно отзываться на ихъ здоровьѣ. Поэтому предлагаю гг. Уѣзднымъ Исправникамъ лично осмотрѣть всѣ арестантскія помѣщенія на фабрикахъ ввѣренныхъ имъ уѣздовъ, и, въ случаѣ ихъ неудовлетворительнаго состоянія, предложить фабрикантамъ сдѣлать надлежащія исправленія. Помѣщенія должны быть свѣтлыя и отопляемыя и настолько обширныя, чтобы заключенные могли свободно лежать и стоять; полъ можно допускать каменный или асфальтовый, но въ такомъ случаѣ должны быть устроены деревянныя нары. Если въ назначенный гг. Исправниками срокъ помѣщенія не будутъ приведены въ состояніе, соотвѣтствующее основнымъ условіямъ ареста, то содержаніе въ нихъ лицъ, арестуемыхъ по распоряженію чиновъ полиціи, должно быть безусловно запрещено, съ объявленіемъ о томъ фабрикантамъ. Не сомнѣваюсь, что настоя-

[1]) Опубликованъ въ „Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 22 февр. 1902 г. № 8. Курсивъ нашъ.

щій циркуляръ, правильно разъясненный и въ соотвѣтствующей формѣ предъявленный фабрикантамъ, не встрѣтитъ отказа съ ихъ стороны въ исполненіи, такъ какъ въ противномъ случаѣ арестуемыхъ придется отвозить въ законно устроенныя мѣста заключенія, что будетъ ихъ отрывать отъ работы, которую они могли бы возобновлять немедленно по миновании повода, послужившаго къ ихъ личному задержанію".

Такимъ образомъ власть оффиціально заявила о существованіи въ XX вѣкѣ фабрикантскихъ тюремъ, содержимыхъ хуже, чѣмъ собачьи конуры! И этотъ ужасающій фактъ, противный даже россійскимъ законамъ, не только не повлекъ за собой преслѣдованіе фабрикантовъ въ уголовномъ порядкѣ, но, наоборотъ, губернская власть подтвердила „право" фабрикантовъ, признала, что фабричныя тюрьмы „вызываются практической необходимостью", и преподала наставленіе, какъ должно устраивать эти „не относящіяся къ числу установленныхъ закономъ мѣста заключенія". Злѣйшій врагъ россійскаго правопорядка и россійскихъ фабричныхъ законовъ не могъ бы больше заклеймить безправіе рабочихъ, эксплуатацію ихъ капиталомъ, разнузданность фабричныхъ королей и потворство имъ со стороны администраціи, чѣмъ это сдѣлалъ собственноручно владимірскій губернаторъ.

Потворствуя капиталу въ фабричныхъ законахъ, бюрократія заботилась не только о промышленной буржуазіи, но и о себѣ самой, ставя конечной задачей такой политики сохраненіе существующаго государственнаго строя, т. е. сохраненіе своей безмѣрной политической власти. Но эти интересы могли быть достигнуты и прямымъ путемъ. Бюрократія могла итти къ цѣли, не сворачивая въ сторону капитала. И дѣйствительно фабричные законы опредѣлились въ своемъ содержаніи подъ могучимъ натискомъ третьей силы—политическихъ интересовъ государства, или, точнѣе, бюрократическаго правительства. Подобно тому какъ буржуазія возвела классовые свои интересы на степень „отечественныхъ", такъ и правительство отождествило свои интересы съ интересами государственными. Но государство не имѣетъ никакой цѣли—ее имѣютъ только обладающіе въ немъ властью. Государства, какъ самостоятельной юридиче-

ской личности, не существуетъ: только зависимые отъ господствующихъ классовъ юристы создали миѳическое существо и приписали этому вымышленному существу цѣли наиболѣе вліятельныхъ группъ населенія, выдавъ ихъ за „всеобщее“ благо. Государство есть организмъ, въ которомъ отдѣльныя части—различныя соціальныя группы, съ опредѣленными, предназначенными отъ природы и неизмѣнными функціями: такое органическое пониманіе права и государства съ давнихъ поръ старались внушить только заинтересованныя группы—образованные и владѣющіе, занимающіе въ современномъ обществѣ наиболѣе выгодныя позиціи мозга и желудка. Всѣ существующія правовыя учрежденія до государства включительно возникли путемъ насилія и всегда преслѣдуютъ одну цѣль: способствовать выгодамъ немногихъ за счетъ широкихъ народныхъ массъ[1]). Такимъ образомъ политическіе интересы государства представляютъ не что иное, какъ интересы господствующихъ и правящихъ—буржуазіи и правительства. Въ то время, какъ правительство главнымъ образомъ заинтересовано въ сохраненіи власти, буржуазія и владѣющіе вообще—въ охраненіи собственности и связанныхъ съ нею выгодъ—этими двумя крупными задачами и покрывается дѣятельность современнаго государства[2]). Правительство и буржуазія, какъ мы уже видѣли, имѣютъ и общіе интересы, взаимно поддерживая другъ друга за счетъ народныхъ массъ. Но у правительства оказались и свои специфическіе, отдѣльные отъ буржуазіи интересы, которые въ извѣстный историческій моментъ могли притти—и дѣйствительно пришли—къ конфликту. Какъ ни защищало правительство буржуазію, все же оно, въ особенности въ монархической Россіи, гдѣ члены правительства набираются изъ феодальнаго класса, гдѣ правительство тѣсно связано съ интересами помѣстнаго землевладѣнія, не было точнымъ ея представительствомъ. Отношеніе бюрократическаго самовластія къ владѣющимъ всего

---

[1]) См. *Антонъ Менгеръ*. Новое ученіе о государствѣ. М. 1905, изд. С. Скирмунта, стр. 211, 216, 217. 140, 403.

[2]) *Менгеръ*, стр. 24—25. Въ такомъ именно смыслѣ характеризовалъ буржуазію и Лассаль, когда говорилъ: буржуазное представленіе о государствѣ—„это идея ночного сторожа, потому что государство представляется здѣсь только въ образѣ караульщика, все назначеніе котораго предупреждать разбои и грабежи“.

меньше напоминало по существу отношеніе избранныхъ депутатовъ къ избравшему его населенію. Бюрократическое правительство никто не выбиралъ: оно восполняло свои ряды путемъ самоизбранія, не раздѣляя власти съ народомъ и тщательно устраняя его отъ нея. Бюрократія имѣла совершенно обособленные политическіе интересы, и они заключались въ сохраненіи во что бы то ни стало захваченной ею власти. И чѣмъ тѣснѣе примыкала она къ феодальному обществу, чѣмъ ярче отражала въ себѣ его специфическіе интересы и самодержавные инстинкты, тѣмъ рѣзче отдѣлялась она отъ буржуазіи своими обособленными, какъ класса правящихъ, правительства, интересами. Такое именно мѣсто занимала бюрократія въ монархическомъ строѣ Россіи. Буржуазія была несомнѣнно менѣе заинтересована въ сохраненіи даннымъ правительствомъ своей политической власти, въ сохраненіи данной формы политическаго строя. Экономическая власть буржуазіи покоится на владѣніи средствами производства или капиталомъ. Но экономическія отношенія обладаютъ значительной устойчивостью—несравненно большей, чѣмъ политическія формы. Государственный строй можетъ подвергнуться крупнымъ политическимъ реформамъ — отъ неограниченной монархіи до конституціонной и до республики безъ ослабленія экономической власти буржуазіи: республика можетъ быть такимъ же буржуазнымъ государствомъ, какъ и монархія. Вотъ почему россійская буржуазія должна была сравнительно спокойно относиться къ вопросу о судьбѣ самодержавнаго строя. Самодержавіе не было по существу политическимъ представительствомъ крупной буржуазіи; идеаломъ развитого классоваго сознанія буржуа было всегда непосредственное участіе въ правительствѣ, т. е. конституціонный строй, основанный на высокомъ имущественномъ цензѣ, устраняющемъ отъ власти народныя массы, — тѣхъ, кого по-прежнему полагалось стричь. Такіе политическіе идеалы буржуазіи не имѣли уже ничего общаго съ политическими интересами самодержавной бюрократіи. Вотъ почему у бюрократическаго правительства были самостоятельные, обособленные политическіе интересы, не совпадавшіе съ интересами буржуазіи, и эти интересы оставили рѣзкую печать и на фабричномъ законодательствѣ.

Но что за политическіе интересы имѣла самодержавная

бюрократія? Они вытекали изъ сущности политическаго строя, заключавшагося въ сосредоточеніи всей политической власти въ рукахъ бюрократическаго правительства и полномъ политическомъ безправіи гражданъ. Самодержавная бюрократія вмѣшивалась во всѣ правоотношенія гражданъ не только въ публичной, но и частной жизни. Гражданской добродѣтелью празнавалась покорность и молчаніе. Власть все дѣлала за гражданъ, увѣряя, что они не доросли еще до пользованія такимъ опаснымъ правомъ, какъ политическая свобода. Все, что бюрократія считала для себя полезнымъ и нужнымъ, она превращала въ законъ. Не имѣя никакихъ ограниченій въ основахъ государственнаго строя и въ правахъ гражданъ, самодержавная бюрократія въ конечномъ счетѣ осуществляла свои цѣли путемъ неограниченнаго произвола своихъ агентовъ, возводившихъ интересы правящихъ въ высшія задачи государства.

Бюрократія соединяла въ себѣ безраздѣльно функціи законодательной, судебной и исполнительной власти; всѣ эти функціи были перемѣшаны и покрывались сущностью полицейской власти. Политическіе интересы и идеалы бюрократіи внутри государства покрывались понятіемъ полицейскихъ. Они были полицейскими не только по средствамъ, по органамъ власти, но и по цѣлямъ. Цѣль полицейскаго государства, т. е. самовластной бюрократіи, заключалась въ томъ, чтобы держать народъ въ повиновеніи, чтобы въ странѣ господствовала ненарушимая тишина, т. е. чтобы никто со стороны управляемыхъ не посягалъ на права и привилегіи бюрократіи. Для нея особенно опасны и страшны были массовыя движенія, такъ какъ массы не столько разсуждаютъ, сколько дѣйствуютъ. И бюрократія сосредоточила всѣ свои силы для борьбы съ массовыми движеніями—рабочими прежде всего. На оффиціальномъ языкѣ это называлось охраненіемъ интересовъ общественной тишины и спокойствія.

Политическіе интересы государства или точнѣе самодержавной бюрократіи являлись, слѣдовательно, полицейскими—и по органамъ власти, и по характеру ихъ, и по существу конечной цѣли. Эти политическіе и полицейскіе интересы оказали огромное вліяніе на наше фабричное законодательство. Мы знаемъ уже, что правительство вынужда-

лось къ фабричнымъ законамъ лишь подъ давленіемъ рабочаго движенія. Фабричные законы были уступкой силы силѣ. Но подобно тому какъ промышленная буржуазія успѣвала обезвредить эту уступку съ точки зрѣнія своихъ матеріальныхъ интересовъ, такъ точно и правительство умѣло профильтровать ее сквозь призму своихъ политическихъ и полицейскихъ интересовъ. Издавая фабричные законы, правительство современнаго классового государства ставило цѣлью не защиту интересовъ рабочихъ, а защиту государства, т. е. правительства, противъ и отъ рабочихъ. Фабричные законы въ глазахъ правящихъ были только средствомъ къ политическому умиротворенію рабочихъ, къ предупрежденію и, если нужно, къ подавленію всякихъ попытокъ дѣйствительнаго или мнимаго противоправительственнаго движенія. Въ этомъ заключалось для правительства главное назначеніе фабричныхъ законовъ; на оффиціальномъ языкѣ это значило: „государство не можетъ, хотя бы въ видахъ общественнаго блага и спокойствія, игнорировать интересовъ рабочихъ“. Послѣдніе составляли для правительства совершенно постороннее обстоятельство. Поскольку фабричные законы регулируютъ взаимныя отношенія предпринимателей и рабочихъ, они, естественно, ограничивали иногда интересы первыхъ въ пользу вторыхъ, но это ограниченіе никогда не составляло въ буржуазномъ государствѣ самостоятельной цѣли, а было лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ самаго факта регламентаціи. Регламентація же была необходима правительству спеціально въ своихъ политическихъ интересахъ — въ цѣляхъ предупрежденія неудовольствій, какъ фермента политическихъ теченій въ рабочемъ классѣ. Но тамъ, гдѣ конечная цѣль — охрана интересовъ т. н. общественнаго спокойствія—могла быть достигнута одними карательными средствами, законодатель не останавливался передъ ними: въ самый разгаръ фабричныхъ законовъ были санкціонированы... усиленныя уголовныя наказанія за стачки (1886 г.). Страхъ передъ рабочими, какъ политической силой, которая не мирится съ существующимъ строемъ и способна вступить съ нимъ въ борьбу—вотъ что заставляло бюрократію вмѣшиваться въ рабочій вопросъ, т.е. регулировать отношенія капитала къ труду съ одной стороны и карать рабочихъ съ другой. Если бы законодатель заботился

о благѣ рабочихъ, а не объ огражденіи правительства отъ рабочихъ, то какъ можно было бы примирить одновременное примѣненіе двухъ радикально-противоположныхъ мѣръ—фабричнаго „покровительства“ и репрессій! Что репрессіи отъ тяжелыхъ уголовныхъ каръ до не менѣе жестокой административной расправы съ рабочими шли не на благо рабочимъ,—объ этомъ не стоитъ и распространяться. Такимъ образомъ если буржуазія, перехватывая движенія законодательнаго аппарата, не позволяла рабочимъ использовать экономическіе результаты рабочаго движенія, то бюрократія парализовывала его возможныя политическія послѣдствія. Фабричные законы мало давали рабочимъ, но крѣпко ихъ били. Въ рукахъ бюрократіи фабричные законы были только средствомъ полицейскаго предупрежденія или укрощенія рабочихъ движеній.

Въ чемъ же проявилось вліяніе полицейскихъ и политическихъ интересовъ? Прежде всего въ огромномъ участіи полицейской власти въ рабочемъ вопросѣ. Полицейская власть не только призывалась къ контролю надъ исполненіемъ извѣстныхъ отдѣловъ фабричнаго законодательства, напр. обязательныхъ постановленій фабричныхъ присутствій по санитарной части, но и къ своеобразной творческой роли фабричнаго законодателя. Какъ это ни странно, но оно было такъ. Первымъ съ начала 80-хъ годовъ актомъ правительства по урегулированію отношеній между фабрикантами и рабочими было Положеніе о временной комиссіи по фабричнымъ дѣламъ при С.-Петербургскомъ оберъ-полиціймейстерѣ (1881 г.), комиссіи, учрежденной позднѣе (1884 г.) и при Московскомъ оберъ-полиціймейстерѣ. На комиссію было возложено ни болѣе ни менѣе какъ изданіе обязательныхъ санитарныхъ и врачебныхъ постановленій, „принятіе мѣръ къ предупрежденію споровъ и недоразумѣній между хозяевами и рабочими, а также изслѣдованіе уже возникшихъ неудовольствій съ цѣлью прекращенія ихъ преимущественно путемъ миролюбиваго соглашенія сторонъ“ и надзоръ за соблюденіемъ фабрикантами и рабочими законовъ, опредѣляющихъ гражданскія между ними отношенія и направленныхъ къ огражденію общественной безопасности [1])...Но фабричныхъ законовъ еще не существовало,—ихъ

[1]) См. Литвиновъ-Фалинскій. Фабричн. законод., стр. 58.

замѣняли законы о личномъ наймѣ,—и надъ дѣятельностью комиссій виталъ лишь духъ общественной безопасности: къ ней сводилось все назначеніе комиссіи. Полицейская по органамъ, она не могла не быть полицейской и по цѣлямъ: чѣмъ инымъ и во имя чего иного можно было тогда предупреждать и улаживать недоразумѣнія между фабрикантами и рабочими! И никто иной, какъ петербургскій градоначальникъ Грессеръ былъ однимъ изъ первыхъ сторонниковъ повсемѣстнаго запрещенія ночныхъ работъ,—уже въ 1883 г. по полицейскимъ соображеніямъ онъ указывалъ на опасность значительнаго скопленія въ столицѣ безработныхъ фабричныхъ за сокращеніемъ производства. Эта печать идейнаго руководительства фабричныхъ законовъ полицейской властью осталась до нашихъ дней. Правда, обязанности комиссій при столичныхъ оберъ-полиціймейстерахъ въ подлинныхъ почти выраженіяхъ стали обязанностью спеціальной фабричной инспекціи, но отъ этого не измѣнился прежній охранительно-полицейскій характеръ надзора. Полицейская власть сохранила въ своихъ рукахъ и развила спеціальныя обязанности по „миролюбивому“ соглашенію сторонъ въ случаѣ возникшихъ неудовольствій, направивъ все свое вниманіе противъ стачечниковъ. Здѣсь она была полновластнымъ законодателемъ и исполнителемъ. Стачки были строжайше запрещены и влекли за собой уголовный судъ. Но такой порядокъ оказался „неудобнымъ“: нельзя же въ самомъ дѣлѣ посадить на скамью подсудимыхъ и затѣмъ въ тюрьму десятки тысячъ бастующихъ рабочихъ, и стачечники были отданы на правежъ административной и полицейской власти. Ихъ полномочія замѣнили собой фабричный законъ современныхъ европейскихъ государствъ, признавшихъ за рабочими право стачекъ и союзовъ. Правительство боялось стачекъ больше чѣмъ моровой язвы и повело противъ нихъ ожесточенную борьбу соединенными силами полиціи и фабричной инспекціи. Вслѣдъ за стачкой петербургскихъ рабочихъ въ 1896 г. циркуляромъ 23 іюня министръ финансовъ предписалъ фабричнымъ инспекторамъ: „о всякомъ замѣченномъ вами явленіи, указывающемъ на преступную пропаганду среди рабочихъ, какъ и вообще о стачкахъ на фабрикахъ и заводахъ, вамъ надлежитъ незамедлительно сообщать не только департаменту торговли и

мануфактуръ, но и мѣстной полиціи". Знаменитый циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 августа 1897 года предписывалъ мѣстной административной и полицейской власти „безусловно воспрещать всякія сходки рабочихъ и выяснять зачинщиковъ этихъ сборищъ, подвергая послѣднихъ аресту, если сходки собрались съ цѣлью уговора къ стачкѣ или забастовкѣ"; въ случаѣ возникновенія стачки или забастовки, назначить забастовщикамъ кратчайшій срокъ стать вновь на работу или получить разсчетъ, и, по истеченіи этого срока, всѣхъ не ставшихъ на работу иногородныхъ рабочихъ, прекратившихъ работу съ соблюденіемъ законныхъ сроковъ, удалять безотлагательно въ мѣста родины или приписки". Помимо такихъ полномочій, циркуляръ рекомендовалъ властямъ во всѣхъ случаяхъ стачекъ и забастовокъ направлять дѣла преимущественно въ порядкѣ положенія объ усиленной охранѣ. Вотъ какія огромныя права получила мѣстная административная власть по отношенію къ нѣсколькимъ милліонамъ рабочихъ. Министръ упразднилъ законъ о судебномъ разборѣ и наказаніи стачечниковъ. Бюрократическая Россія боялась стачекъ не меньше конституціонной Пруссіи: у нашихъ милыхъ сосѣдей съ Запада взяла примѣръ наша бюрократія, увѣрявшая всѣхъ и себя въ самобытности русскаго рабочаго вопроса и всѣхъ русскихъ началъ. Несмотря на то, что въ Пруссіи признавалась свобода стачекъ и союзовъ, прусское министерство внутреннихъ дѣлъ подобно русскому, увидѣло въ стачечномъ движеніи политическую опасность и рѣшило подавить его полицейскими мѣрами. Министръ Путткаммеръ заявилъ, что „за каждой стачкой скрывается гидра революціи"—для борьбы съ нею былъ изданъ знаменитый путткаммеровскій стачечный циркуляръ полицейскимъ управленіямъ. „Несравненно болѣе опасными, чѣмъ чисто экономическіе результаты стачекъ, могутъ быть, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, ихъ политическія слѣдствія—когда ими овладѣваетъ соціалъ-демократическая агитація, направленная на ниспроверженіе существующаго государственнаго и общественнаго порядка. Вожаки этого революціоннаго движенія смотрятъ на стачки не какъ на средство для достиженія какого-либо законнаго результата, а какъ на самодовлѣющую цѣль (?!). Когда факты обнаружатъ въ стачкѣ эту революціонную тенденцію, необходимо

примѣнять предписанія закона 21 октября 1878 года противъ опасныхъ для общественнаго порядка стремленій соціалъ-демократіи съ той же строгостью, съ какой они примѣняются вообще противъ названныхъ стремленій. Въ особенности же... должно, смотря по обстоятельствамъ, примѣнять эти мѣры также къ вожакамъ стачечнаго движенія, если полиція убѣждена, что отъ этихъ лицъ можно ожидать нарушенія общественной безопасности и порядка“ [1]).

За всякой забастовкой мерещилась и нашей бюрократіи гидра революціи. Но даже исключительныхъ полицейскихъ полномочій оказалось мало для разрѣшенія рабочаго вопроса, т. е. для подавленія рабочихъ движеній. У бюрократіи явилась тогда мысль проникнуть въ глубь самой рабочей массы и здѣсь, у корня политической заразы, подрѣзать его жизненный нервъ, организуя рабочихъ въ правительственные негласные союзы, руководимые агентами власти. Эта мысль, зародившаяся въ полицейскихъ сферахъ и переданная для осуществленія полицейскимъ агентамъ, привела къ знаменитымъ опытамъ полицейскаго соціализма въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ. Полицейскій соціализмъ, дѣйствовавшій въ разрѣзъ съ существующими законами о союзахъ и стачкахъ и присвоившій полицейской власти права законодателя, завершилъ собой систему полицейскаго воздѣйствія на рабочихъ—дальше этого некуда было итти. Власть исчерпала всю свою фантазію и всѣ свои средства.

Полицейскія вожделѣнія самодержавной бюрократіи были такъ необузданы, что она до самаго послѣдняго времени не разставалась съ мыслью воспретить вообще устройство фабрикъ въ крупныхъ городахъ и тѣмъ... спасти себя отъ революціоннаго пролетаріата. Еще московскій генералъ-губернаторъ Закревскій, опасаясь скопленія фабричныхъ рабочихъ въ Москвѣ, доказывалъ въ обширной запискѣ Николаю I, что „правительство не должно допускать скопленія бездомныхъ и безнравственныхъ людей, которые легко пристаютъ къ каждому движенію, нарушающему общественное или частное спокойствіе“, и потому предлагалъ совершенно запретить устройство въ Москвѣ новыхъ фабрикъ и

[1]) Шмеле. Соціалъ-демократическіе профессіональные союзы въ Германіи. Спб. 1904, стр. 206—207.

заводовъ и не дозволять существующимъ заведеніямъ расширенія производства [1]). Очевидно, что борьба во имя полицейскихъ интересовъ съ устройствомъ крупныхъ фабрикъ въ столицахъ или городахъ равносильна борьбѣ съ крупной промышленностью, являющейся *неизбѣжнымъ* результатомъ капиталистическаго развитія и потому обречена на полное безплодіе. Но полицейскому государству—„море по колѣно". Рабочіе, скопленные въ городахъ, бунтуютъ и представляютъ опасность для бюрократическаго правительства, слѣдовательно, не надо допускать насажденія крупной промышленности въ городскихъ центрахъ, и тогда водворится миръ и тишина на благо самовластной бюрократіи. Какъ ни невѣроятно подобное практическое заключеніе, подобный шагъ полицейской соціальной политики, но онъ былъ сдѣланъ и не болѣе не менѣе какъ въ... 1905 году. „Неудобство скопленія рабочаго элемента въ большихъ городахъ и въ населенныхъ центрахъ страны побудило,—какъ передавали газеты,—всѣ новыя просьбы, представляемыя въ министерство финансовъ о разрѣшеніи тѣхъ или другихъ промышленныхъ предпріятій (фабрикъ или заводовъ), отклонять на томъ основаніи, что всѣ крупныя промысловыя учрежденія въ будущемъ должны быть открываемы только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣется сырой продуктъ для переработки на этихъ фабрикахъ и заводахъ. Этимъ мѣропріятіемъ предполагается достигнуть двоякой цѣли: удешевить продукты производства и избѣжать концентраціи рабочихъ" [2]).

Тѣ же полицейскія и политическія соображенія нашли себѣ яркое выраженіе и въ собственно фабричныхъ законахъ. Чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ яснѣе выступалъ истинный смыслъ общественной безопасности, во имя которыхъ издавались законы, тѣмъ больше полицейскія цѣли уступали свое мѣсто чисто политическимъ. Смутно тревожимая первыми массовыми движеніями пролетаріата, убаюкивающая

---

[1]) *Туганъ-Барановскій.* „Фабрика", стр. 179. Закревскій добился изданія соотвѣтствующаго закона 28 іюня 1849, но оставшагося мертвой буквой. Собственно въ изданіи новаго закона не было никакой надобности, потому что по ст. 73 Уст. о Пр „устраивать вновь въ столицахъ и губерніяхъ столичныхъ заведенія, предполагающія въ дѣйствіи своемъ *великое число рукъ* и употребленіе въ знатномъ количествѣ дровъ запрещается". (У. Т.-Барановскаго по ошибкѣ напечатано *или* употребленіе и т. д.). Законъ этотъ изданъ былъ уже въ 1805 году!

[2]) *Сынъ Отечества*, 6 авг. 1905.

себя самоувѣреніями въ несуществованіи у насъ рабочаго вопроса въ европейскомъ смыслѣ, власть съ теченіемъ времени все же перестаетъ видѣть въ нихъ простое нарушеніе общественной тишины и, не смѣя себѣ самой признаться, третируетъ рабочее движеніе какъ несомнѣнное политическое теченіе: не издавая закона о соціалистахъ, бюрократія обнаруживаетъ не меньше политическихъ репрессій противъ рабочихъ, чѣмъ правительство Бисмарка.

Полицейскій и политическій характеръ нашего фабричнаго законодательства даетъ себя знать уже въ первомъ актѣ—законѣ 1882 года о малолѣтнихъ, продиктованномъ, казалось, только жалостью и жалостью. „Дѣти недостаточныхъ классовъ—говорилось въ Государственномъ Совѣтѣ—привлекались въ огромномъ числѣ къ преждевременнымъ, по ихъ возрасту, и утомительнымъ по своей продолжительности, работамъ въ разныхъ промышленныхъ заведеніяхъ. Разрушая физическія силы этихъ дѣтей, подобныя работы лишали ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможности усваивать въ школѣ твердыя начала религіи и нравственности и пріобрѣтать необходимыя для осмысленной жизни, а также для техническихъ производствъ, познанія. Надломленныя физически и нравственно, они оказывались впослѣдствіи неспособными быть полезными гражданами и *легко поддавались воспріятію революціонныхъ ученій*“. Но еще рельефнѣе обрисовывается этотъ мотивъ въ остальныхъ законахъ. Такъ и должно было быть: вѣдь почти всѣ законы были непосредственно вызваны предшествовавшими забастовками—и правительство каждый разъ сызнова ставило себѣ цѣлью предупредить ихъ въ будущемъ. Законъ о наймѣ и взаимныхъ отношеніяхъ снизу до верху проникнутъ одной полицейско-политической цѣлью—какъ въ основаніи, такъ и отдѣльныхъ его частяхъ. По откровенному заявленію Государственнаго Совѣта, законъ 1886 года вызванъ къ жизни потому, что правительство, „озабочивалось изысканіемъ способовъ къ возможному устраненію на будущее время фабричныхъ забастовокъ и безпорядковъ“ [1]). Правительство не скрывало отъ себя, что цѣль закона—чисто полицейская. По характерному опредѣленію общаго собранія Государственнаго Совѣта, „издавае-

[1]) Отчетъ по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта за 1886 годъ. СПБ. 1888, стр. 428.

мыя правила, имѣя цѣлью водвореніе должнаго благоустройства и порядка на фабрикахъ, касались такихъ предметовъ, которые *всецѣло относятся къ кругу вѣдѣнія полиціи*...“[1]). Надзоръ за исполненіемъ закона не былъ порученъ полиціи только по ненадобности. „Выборъ палъ на фабричную инспекцію, которая хотя и состоитъ въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, но исполняетъ чисто полицейскія обязанности по наблюденію за фабричными работами малолѣтнихъ. Представляя собою готовый уже кадръ спеціально фабричной полиціи, инспекція, конечно, съ выгодой можетъ замѣнить общую полицію...“[2]). Карательныя постановленія закона 1886 года, по мнѣнію комиссіи В. К. Плеве, оправдывались особыми свойствами фабричнаго найма. „Порождаемыя симъ послѣднимъ отношенія между массами рабочихъ и крупными промышленными предпріятіями не только затрагиваютъ важнѣйшіе экономическіе интересы страны, но, въ случаяхъ возникновенія столкновенія между сторонами, легко становятся почвою, на которой возникаютъ явленія, *потрясающія общественный строй*“. Поэтому необходимо установить уголовныя кары за допускаемыя тою и другою стороною злоупотребленія[3]). Въ концѣ то концовъ уголовныя кары были назначены только рабочимъ, но вся система наказаній преслѣдовала однѣ полицейскія цѣли. Жестокія наказанія за стачки были установлены въ виду „опаснаго характера стачекъ и недостатка угрожающаго и сдерживающаго вліянія суда и наказанія“. Даже различіе наказаній за самовольное расторженіе договора найма— уголовное для рабочихъ и гражданское для фабрикантовъ— мотивировалось тѣми же полицейскими соображеніями. „Необходимость означенной мѣры вызывается соображеніями совершенно исключительными, ибо недостаточное обезпеченіе, при исполненіи договоровъ личнаго найма на фабрикахъ, можетъ иногда угрожать общественному порядку и спокойствію. Въ виду этого привлеченіе рабочаго, самовольно оставившаго работу на фабрикѣ, къ личной отвѣтственности составляетъ мѣру, оправдываемую цѣлями государственны-

[1]) Отчетъ, стр. 459.

[2]) Отчетъ, стр. 462. Мы не говоримъ пока о полицейскомъ характерѣ фабричной инспекціи, ея политическомъ назначеніи. Этому вопросу будетъ посвящена отдѣльная статья.

[3]) См. Кобеляцкаго, стр. 124.

ми, охраненіе которыхъ лежитъ на обязанности правительства“ [1]). Во имя якобы государственныхъ интересовъ оправдывалась самая возмутительная несправедливость и жестокость!

Исключительныя полицейскія цѣли, руководившія законодателемъ въ этомъ случаѣ, привели къ тому, что и содержаніе закона 1886 года, особенно въ той его части, которая регулируетъ взаимныя отношенія предпринимателей и рабочихъ, составилось почти исключительно изъ нормъ полицейскаго характера. Если въ правилахъ о наймѣ, образующихъ первую половину закона 1886 г., получили рѣшительное преобладаніе интересы капитала, то здѣсь безраздѣльно властвовали политическіе интересы правительства. Конкретныхъ матеріальныхъ нормъ, регулирующихъ отношенія капитала къ труду, почти нѣтъ въ законѣ 1886 г.; ихъ замѣняютъ либо формальности, опредѣляющія порядокъ дѣйствій фабричной инспекціи, имѣющія конечной и главной задачей охранять политическую безопасность государства отъ волнующейся рабочей массы, и еще больше—правила, облекающія собственно фабричную администрацію огромной „попечительной“ властью надъ рабочими.

Законъ 1886 года возложилъ на владѣльцевъ фабрикъ и завѣдующихъ чисто полицейскія обязанности. Владѣльцы принимаютъ мѣры по охраненію благоустройства *и порядка* на фабрикахъ (ст. 128 Уст. Пром.); въ заведеніяхъ же, не состоящихъ въ личномъ завѣдываніи ихъ владѣльцевъ или принадлежащихъ нѣсколькимъ лицамъ, товариществамъ или акціонернымъ компаніямъ, обязанности владѣльца исполняются особымъ завѣдующимъ фабрикой лицомъ по назначенію владѣльца (ст. 129). Права и обязанности этихъ лицъ по охраненію порядка являются въ буквальномъ смыслѣ слова правами и обязанностями полицейскаго участка. Подобно тому, какъ участокъ управляетъ Россіей посредствомъ паспортовъ и утонченной паспортной волокиты, такъ фабричное управленіе, владѣлецъ и, въ особенности, завѣдующій, господствуютъ тѣми же средствами надъ рабочими. Но полицейскія обязанности влекутъ за собой извѣстную отвѣтственность за ихъ неисполненіе. Передавъ владѣльцамъ

[1]) Отчетъ, стр. 434.

огромную полицейскую власть надъ рабочими, правительство было заинтересовано, чтобы эта власть дѣйствовала, проявлялась. Можно и полезно превратить фабриканта въ полицейскаго, но неудобно наказывать его за нерачительность,— и вся обязанность и вся отвѣтственность въ этой области была почти полностью переложена на особое лицо—завѣдующаго фабрикой или заводомъ (по ст. 153, 154, 155). Въ противоположность къ ст. 128-ой, крайне неопредѣленно угрожающей отвѣтственностью предпринимателей „за предъявленіе“ къ рабочимъ требованій, несогласныхъ съ правилами о взаимныхъ отношеніяхъ, законъ совершенно категорически заявляетъ, что „завѣдывающій признается отвѣтственнымъ“ за нарушеніе какъ этихъ правилъ, такъ и правилъ о наймѣ (ст. 182). Въ мотивахъ къ закону 1886 года рѣшительно подчеркивалась крайняя необходимость опредѣленнаго указанія въ законѣ „*на какое лицо должна падать отвѣтственность за неправильныя распоряженія или злоупотребленія, возбудившія безпорядки между рабочими*“ [1]). Такимъ лицомъ былъ признанъ завѣдывающій. Это не владѣлецъ, не директоръ технической или коммерческій, даже не технической или торговый агентъ,—это фабричный полицейскій надзиратель и паспортистъ, несущій на себѣ лишь дополнительную обязанность—отсидки за фабриканта. Завѣдывающій—прежде всего паспортистъ. Заводское или фабричное управленіе при наймѣ рабочихъ обязано требовать отъ нихъ предъявленія вида на жительство (ст. 87); фабрикантъ, принявшій рабочаго безъ паспорта, подвергается по ст. 1352 Улож. о Нак. взысканіямъ, опредѣленнымъ ст. 61 Устава о нак. налаг. миров. суд. Завѣдующему вручаются виды на жительство рабочими, живущими на фабричныхъ квартирахъ (ст. 88). Завѣдывающій сносится съ властями о высылкѣ рабочему новаго вида при истеченіи срока старому (ст. 89). Завѣдывающій возвращаетъ рабочимъ виды на жительство немедленно по прекращеніи договора о наймѣ (ст. 91). Такимъ образомъ цѣлый рядъ статей закона говоритъ не о чемъ иномъ, какъ объ обязанностяхъ завѣдывающихъ по паспортной части. Подобно старшему дворнику, онъ долженъ зорко слѣдить, чтобы ни одинъ рабо-

---

[1]) Кобеляцкій.

чій не миновалъ фабричной паспортной книги. Слишкомъ очевидно, что всѣ эти требованія къ завѣдывающему вошли въ уставъ промышленности не для блага рабочихъ, а ради полицейскаго за ними надзора. Фабричное управленіе обязано вести именной списокъ рабочихъ (ст. 133), но и это правило признано было необходимымъ „для контроля за соблюденіемъ на фабрикѣ надлежащаго *порядка*“. Каждому рабочему должна быть выдана расчетная книжка (ст. 134). Казалось, такое требованіе вызывалось заботливостью законодателя объ интересахъ рабочихъ, а между тѣмъ, какъ видно изъ мотивовъ къ закону 1886 г., и разсчетная книжка создана была ради полицейскихъ соображеній. „Договоромъ фабричнаго найма порождаются отношенія, требующія охраны ихъ не только въ общегражданскихъ интересахъ частныхъ правъ, но и *въ видахъ государственныхъ, ради поддержанія порядка публичнаго*“. Расчетная книжка, поэтому, не только напоминаетъ сторонамъ о правахъ и обязанностяхъ, но и „должна давать правительственному надзору рядъ свѣдѣній, облегчающихъ наблюденіе за порядкомъ и благоустройствомъ на фабрикахъ“[1]).

Получивъ съ рабочаго паспортъ и закрѣпивъ его такимъ образомъ за фабрикой, записавъ его въ именной списокъ и снабдивъ расчетной книжкой, т. е. облегчивъ правительственной власти надзоръ за тишиной и порядкомъ, завѣдывающій приступаетъ къ своимъ чисто полицейскимъ обязанностямъ: онъ караетъ собственной властью рабочихъ, налагая денежныя взысканія не только за неисправную работу и прогулъ, т. е. въ явныхъ интересахъ капитала, но и за „нарушеніе порядка“ (ст. 143). И законъ подробно перечисляетъ, въ чемъ усматривается нарушеніе порядка (ст. 146). Карательная власть завѣдывающаго безапелляціонна, и распоряженія его обжалованію не подлежатъ (ст. 151). Почему? Да потому, что если бы наложенные штрафы по жалобѣ рабочихъ подлежали возвращенію, то это, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, „до извѣстной степени ослабитъ въ ихъ глазахъ самое значеніе, которое имѣется въ виду присвоить завѣдывающему фабрикой въ видахъ поддержанія среди рабочихъ дисциплины“[2]). Правда,

[1]) Кобеляцкій, стр. 128.
[2]) Кобеляцкій, стр. 164.

взысканія съ рабочихъ не должны превышать одной трети заработка, причитающагося рабочему къ сроку уплаты (ст. 148), но эта норма не обезпечиваетъ рабочихъ: если штрафы превысятъ одну треть заработка, тогда завѣдывающему предоставляется расторгнуть договоръ найма и вытолкать рабочаго въ шею (ст. 149). Чѣмъ же вызвана такая огромная власть завѣдывающаго надъ рабочими, почему фабрика точно объявлена на положеніи объ усиленной охранѣ, а завѣдывающій снабженъ полномочіями высшей губернской власти? Опять-таки тѣмъ, что „своевременное удаленіе съ фабрикъ и заводовъ худшихъ рабочихъ, дурной примѣръ которыхъ можетъ быть соблазнителенъ для ихъ товарищей, будетъ служить весьма серьезнымъ обезпеченіемъ порядка въ средѣ фабрично заводскаго населенія“ [1]).

Вотъ что представляетъ собою завѣдывающій. И если вспомнить, что законъ 1886 г. далъ и фабриканту право по цѣлому ряду поводовъ расторгать договоръ и прогонять рабочихъ съ фабрики, что многочисленность и неопредѣленность этихъ поводовъ позволяетъ фабриканту подводить подъ законъ любой случай и такимъ путемъ даетъ ему возможность раздѣлаться съ неугоднымъ почему-либо рабочимъ, то мы поймемъ, какую огромную полицейскую власть создалъ законъ 1886 года въ лицѣ завѣдывающихъ и фабрикантовъ.

На фабрикахъ фабрикантами былъ организованъ цѣлый корпусъ фабричной полиціи. По даннымъ Государственнаго Совѣта, на частныя средства владѣльцевъ фабрикъ, заводовъ и промысловъ было учреждено съ 1880 года 572 полицейскія должности. Но этой полицейской помощи оказалось недостаточно: по закону 1 февраля 1890 года было учреждено новыхъ 160 должностей полицейскихъ надзирателей и 2.320 городовыхъ на фабрикахъ и заводахъ, имѣющихъ по 200 и болѣе рабочихъ [2]). На господъ фабрикантовъ былъ возложенъ отводъ квартиръ. Чтобы облегчить фабрикантамъ устройство полицейскихъ постовъ на фабрикахъ и заводахъ, правительство упростило процедуру разрѣшенія: положеніемъ комитета министровъ 12 мая 1900 года министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено учреждать повсемѣстно по ходатайству

---

[1]) Кобеляцкій, стр. 162.
[2]) См. С. Н. Прокоповичъ. Къ рабочему вопросу Россіи, СПБ. 1905, 7 стр.

общественныхъ учрежденій и частныхъ обществъ и лицъ на ихъ счетъ пѣшихъ и конныхъ полицейскихъ стражниковъ; положеніемъ же 22 іюня 1900 года министру предоставлено было учреждать на частныя средства должности полицейскихъ урядниковъ во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Европейской и Азіатской Россіи, полицейскихъ чиновъ какъ въ городахъ, такъ и внѣ послѣднихъ. Какъ воспользовались фабриканты упрощеннымъ способомъ разрѣшенія, мы не знаемъ. Правительство во всякомъ случаѣ не отставало. Закономъ 21 апрѣля 1903 года положено было увеличить на 418.000 руб. кредитъ на содержаніе фабрично-заводской полиціи.

И какъ близко напоминаетъ полицейскій режимъ, установленный русскими законами и фабрикантами надъ рабочими, наполеоновскіе порядки!

И тамъ законъ 22 іюня 1854 года призналъ обязательнымъ для каждаго рабочаго рабочую книжку, дабы усилить власть полиціи. Въ рабочемъ видѣли несовершеннолѣтняго, который долженъ постоянно пребывать въ опекѣ. Лишь только рабочіе обнаруживали желаніе освободиться отъ нея, съ ними раздѣлывались безъ пощады. Всякій рабочій, подозрѣваемый въ участіи въ тайныхъ обществахъ, подвергался постояннымъ разслѣдованіямъ и арестамъ, часто удлинявшимся; ему трудно было получить работу у хозяевъ; нѣкоторыя заводоуправленія требовали даже свидѣтельства о политической благонадежности. Правительство наказывало не только за дѣла, но и рѣчи (Вейль, 9—10). Чего не договаривали законы, то додѣлывали фабриканты, издавая свои правила. „Нисколько не стѣсняясь фабричными законами, предприниматели умѣли за то заставить рабочихъ уважать свои правила. Недовѣрчивые къ массамъ рабочихъ, приходившимъ изъ деревни, фабриканты усиливали и увеличивали драконовскія предписанія, встрѣчая поддержку со стороны правительства, желавшаго во что бы то ни стало дисциплины. Особой жестокостью отличались желѣзнодорожныя компаніи. Согласно правиламъ службы, кладчики рельсовъ должны быть на линіи съ пяти часовъ утра до семи вечера; отдыхъ въ два часа назначается на время, установленное расписаніемъ; рабочіе должны всегда находиться на линіи, даже въ часы отдыха и въ плохую погоду. Надзоръ былъ установленъ съ

суровой мелочностью: на каждую сотню рабочихъ приходилось въ мастерской семнадцать надсмотрщиковъ. „Этотъ режимъ, украшенный именемъ административнаго — говорилъ Прудонъ — царствуетъ повсюду — въ мануфактурахъ, горныхъ заводахъ, вплоть до типографій. Полиція организована въ мастерскихъ какъ въ городахъ: нѣтъ больше довѣрія между рабочими, нѣтъ больше связей. Стѣны имѣютъ уши!“ (Вейль, 14).

Законъ 1897 г. о продолжительности рабочаго дня былъ прямымъ отвѣтомъ на петербургскія стачки. Политическіе мотивы закона были съ откровенностью изложены Витте, всего больше волновавшимся вопросомъ, „успокоитъ-ли умы рабочихъ новый законъ, или нѣтъ“. Бывшій министръ финансовъ „былъ далекъ отъ мысли, что изданіемъ закона о нормировкѣ будетъ положенъ окончательный предѣлъ безпорядкамъ... Причина безпорядковъ—не въ продолжительности рабочаго дня, а въ подстрекательствѣ пропагандистовъ... Поэтому министръ находилъ, что сущность дѣла заключается въ подавленіи этой пропаганды самыми энергичными мѣрами“ (Матеріалы, стр. 96). Господинъ министръ очень хорошо показалъ „сущность дѣла“. Еще характернѣе были рѣчи Побѣдоносцева. „Для чего нуженъ самый законъ? Конечно, нельзя ожидать, чтобы съ его изданіемъ прекратились безпорядки, распространяющіеся все болѣе и болѣе. Законъ необходимъ потому, что онъ вызывается нравственными побужденіями—человѣколюбіемъ, милосердіемъ, заботливостью о слабыхъ. Опасеніямъ за послѣдствія закона не слѣдуетъ придавать значенія. Указываютъ на то, что законъ не успокоитъ умовъ рабочихъ, что они въ требованіяхъ своихъ пойдутъ дальше. Да, восьмичасовая норма, 1 мая и многое другое — это бездна, въ которую стремится человѣчество. Но у насъ все это чужое, наносное и отражается своеобразно. У насъ нѣтъ условій, которыя существуютъ на западѣ; до сихъ поръ еще у насъ удерживаются патріархальныя отношенія между фабрикантами и рабочими, не порвана связь съ землею...“[1])

Вотъ что говорилось у насъ всего девять лѣтъ тому назадъ! Но правительство ничего болѣе не боялось какъ

[1]) Отчетъ по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта за сессію 1896—1897 гг. Спб. 1897, стр. 100.

„бездны“, и ея то хотѣло избѣгнуть, ублажая рабочихъ нормировкой рабочаго времени. Человѣколюбія, милосердія и справедливости было въ законѣ такъ много, что восьмичасовой день считался уже бездной; нравственныхъ побужденій хватило лишь настолько, чтобы признать формально $11^1/_2$ часовой трудъ и освободить фабрикантовъ отъ всякой отвѣтственности за его нарушеніе. Эта безнаказанность, лишившая законъ всякаго значенія, была единственнымъ актомъ милосердія.

Въ 1903 г. появился законъ объ отвѣтственности. Какое отношеніе, казалось, имѣютъ несчастные увѣчные къ высокой политикѣ правительства, направленной на сохраненіе самодержавнаго строя! Но послушаемъ бывшаго министра финансовъ С. Ю. Витте.

„Происходившія въ послѣдніе годы волненія среди фабричнаго населенія подтверждаютъ необходимость принятія мѣръ, направленныхъ къ улучшенію быта рабочихъ. Нынѣшняя же неопредѣленная постановка этого вопроса ведетъ къ цѣлому ряду крайне нежелательныхъ явленій. Съ одной стороны, сами рабочіе дѣлаютъ попытки собственными силами добиться желательныхъ для себя мѣръ, подпадая при этомъ нерѣдко подъ вліяніе неблагонадежныхъ элементовъ. Съ другой стороны—дѣйствія низшей администраціи, въ отношеніяхъ своихъ къ рабочимъ не руководимой точно опредѣленными постановленіями закона, имѣютъ нерѣдко произвольный характеръ“. Введеніе закона объ отвѣтственности должно успокоить рабочихъ, „предоставленіе же этого рода вопросовъ естественному ихъ теченію, какъ тому бывали примѣры и въ исторіи другихъ государствъ, нерѣдко приводило къ серьезнымъ потрясеніямъ общественнаго строя“ [1]) Въ объяснительной запискѣ къ законопроекту С. Ю. Витте еще опредѣленнѣе подчеркивалъ, что законопроектъ „является лучшимъ оплотомъ противъ развитія пагубныхъ ученій“, ибо хотя „сознаніе въ средѣ самихъ рабочихъ ненормальности ихъ положенія дѣлаетъ дѣйствительно лишь весьма медленные шаги впередъ, однако это убѣжденіе не можетъ имѣть успокаивающаго значенія“ [2]). Еще любопытнѣе и от-

[1]) Отчетъ по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта за сессію 1902—1903 гг. Томъ II, Спб. 1904, стр. 139—140.

[2]) Объяснительная записка.

кровеннѣе высказались департаменты государственнаго совѣта. Департаменты находили, что мѣропріятія, подобныя закону объ отвѣтственности, проводились на западѣ элементами консервативными. „Конечно, въ Россіи не имѣется соціально-демократической партіи (?!), но тѣмъ не менѣе правительству все же приходится считаться съ подпольною дѣятельностью лицъ, которыя избрали рабочихъ орудіемъ для противоправительственной агитаціи. Изданіе обсуждаемаго узаконенія можетъ имѣть послѣдствіемъ значительное уменьшеніе успѣха упомянутой пропаганды“ [1]).

Всѣ помыслы и у всѣхъ вертѣлись на одномъ и томъ же.

Что законъ 1903 г., поставившій фабричныхъ инспекторовъ въ прямую служебную зависимость отъ губернаторовъ, градоначальниковъ и оберъ-полицеймейстеровъ, преслѣдовалъ исключительно политическія цѣли,—это само собой очевидно. Ради той же цѣли былъ изданъ и законъ того же года о старостахъ. Старосты должны служить въ качествѣ представителей рабочихъ для сношеній съ заводоуправленіемъ и властями и выбираются не всей фабрикой, а отдѣльными ея разрядами. Нетрудно понять, что если бы бюрократія дѣйствительно интересовалась созданіемъ органа для представительства интересовъ рабочихъ, необходимо было бы признать за рабочими право профессіональныхъ союзовъ. Но дѣло заключалось не въ помощи рабочимъ.

Если предпринимателей интересовала главнымъ образомъ экономическая сторона института старостъ—ихъ возможное вліяніе на предпринимательскую прибыль, то *правительство*, вызывая къ жизни этихъ своеобразныхъ представителей рабочихъ, преслѣдовало исключительно политическія цѣли. С. Ю. Витте, обративъ вниманіе, что при нынѣшнемъ состояніи рабочихъ массъ органы фабричнаго надзора лишены возможности знать настроеніе рабочихъ, полагалъ, что „извѣстное расчлененіе рабочей массы можетъ оказать существенныя услуги интересамъ общественнаго порядка“. Покойный министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве еще опредѣленнѣе вскрылъ мотивы закона. „Это нужно, прежде всего, въ интересахъ наиболѣе правильнаго руководства рабочими. Трудно имѣть сношенія съ массою, недисциплинированною и необъединен-

[1]) Отчетъ, стр. 147.

ною. *Искусство управленія состоитъ именно въ томъ, чтобы между лицомъ, стоящимъ у власти, и управляемыми находились во главѣ отдѣльныхъ группъ органы, при посредствѣ которыхъ лицо это могло бы передавать свои распоряженія и получать нужныя свѣдѣнія и заявленія управляемыхъ*". Съ другой стороны, 47 членовъ Государственнаго Совѣта и въ томъ числѣ В. К. Плеве признали „мало вѣроятною возможность подчиненія проектируемыхъ старостъ вліянію политическихъ агитаторовъ". „Основною причиною безпорядковъ, происходящихъ въ послѣднее время въ рабочей средѣ,— полагали великіе старцы—являлись недоразумѣнія между фабрикантами и рабочими, основанныя почти исключительно на почвѣ экономическихъ интересовъ той или другой стороны". Примѣръ Западной Европы долженъ, казалось бы, служить для нашего правительства побужденіемъ къ принятію своевременно рѣшительныхъ мѣръ для введенія рабочаго движенія въ подобающее русло и ограниченія его извѣстными предѣлами [1]).

Цѣли законодателя были просты и понятны,—и фабричные старосты были низведены на жалкую и двусмысленную роль современныхъ дворниковъ, послушныхъ участку болѣе, чѣмъ хозяину.

IV.

Рабочій вопросъ оказался въ Россіи на лицо со всѣми тѣми особенностями, какими онъ отмѣченъ въ гиломъ Западѣ. Рабочій классъ выступилъ съ ясно сознанной противоположностью экономическихъ интересовъ капитала и труда и политическихъ цѣлей бюрократіи и пролетаріата. Рабочіе постепенно организовывались, стачечное движеніе дѣлалось обычнымъ явленіемъ промышленной жизни, завершаясь политическими требованіями. И фабричное законодательство Россіи появилось на сцену по тѣмъ же причинамъ и съ той же задачей, что и на Западѣ. Но правительство не желало замѣчать этого поразительнаго сходства въ постановкѣ и развитіи рабочаго и фабричнаго вопроса у насъ и въ Европѣ. Съ первыхъ дней фабричныхъ законовъ вплоть до великаго

[1]) Отчетъ по дѣлопроизводству Госуд. Совѣта, стр. 194, 195, 207. Курсивъ нашъ.

1905 года правительство утверждало: рабочаго вопроса нѣтъ въ Россіи. Происходило ли это изъ-за классическаго ослѣпленія бюрократіи, или лицемѣрной вѣры въ особыя судьбы Россіи, или нежеланія и неспособности взглянуть мужественно въ лицо опасности, но бюрократическое правительство упорно повторяло: все это чужое, наносное, у насъ нѣтъ условій, которыя существуютъ на Западѣ — у насъ удерживаются патріархальныя отношенія между фабрикантомъ и рабочими. Это говорилось по поводу всѣхъ фабричныхъ законовъ 80-хъ годовъ, съ значительностью подчеркивалось въ 90-хъ годахъ и не безъ удовлетворенія твердилось и въ XX вѣкѣ почти наканунѣ ликвидаціи стараго строя!

Еще въ запискахъ Канкрина Николаю I, помѣченной 1 ноября 1834 года, министръ финансовъ утверждалъ: „у насъ положеніе дѣла въ семъ отношеніи совсѣмъ другое, ибо работники на городскихъ фабрикахъ почти исключительно состоятъ изъ приходящихъ крестьянъ, или имѣютъ дома у себя хлѣбопашество и при остановкѣ работъ возвращаются домой“; поэтому то рабочіе „не составляютъ опаснаго цѣлаго“ [1]).

Въ 30-хъ годахъ утвержденіе о крестьянской подоплекѣ рабочаго имѣло за себя непреложные факты русской экономической дѣйствительности, такъ какъ вліяніе капитализма къ тому времени еще не успѣло сколько-нибудь рѣзко проявиться наружу. Но власти крѣпко держались за свое представленіе о рабочемъ классѣ даже тогда, когда капитализмъ до неузнаваемости разложилъ старый хозяйственный строй. Въ такомъ теоретическомъ упорствѣ не было ничего удивительнаго. Правительство лишь слѣдовало за теоретической мыслью извѣстной части общества. Не самъ ли Н. Г. Чернышевскій повторялъ за консервативнымъ Гакстгаузеномъ, что „благодѣтеленъ принципъ общиннаго владѣнія, который ограждаетъ насъ отъ страшной язвы пролетаріата въ сельскомъ населеніи“. Не онъ ли училъ: „экономическое движеніе въ Западной Европѣ породило страданія пролетаріата... У насъ, принимающихъ нынѣ участіе въ экономическомъ движеніи Европы, сохранилось противоядіе отъ болѣзни“ [2]).

---

[1]) Туганъ-Барановскій, стр. 178.

[2]) Чернышевскій. Сочиненія. Статьи по крестьянскому вопросу. СПБ. 1905, стр. 34, 48.

И это положеніе полностью перешло къ народничеству, до самыхъ послѣднихъ дней продолжавшему настаивать на томъ, что рабочій вопросъ это крестьянскій вопросъ. Разумѣется, правительство было не столько заинтересовано въ правильности своей теоріи съ научной точки зрѣнія, сколько въ политическихъ выводахъ, вытекавшихъ изъ нея. И если лѣвое крыло съ Чернышевскимъ стремилось къ соціалистическому строю и въ своихъ политическихъ идеалахъ не имѣло ничего общаго съ полицейскимъ правительствомъ, то правое крыло народничества приходило къ выводамъ, близкимъ къ правительственнымъ. Утверждало же правое, оппортюнистическое крыло народничества въ лицѣ В. В., что „вмѣстѣ съ невозможностью въ Россіи капиталистическаго производства теряетъ и свои корни подраженіе исторіи политическаго развитія Запада; послѣднее должно пойти у насъ много отличнымъ путемъ".

Въ дѣйствительности, конечно, правительство черпало свои политическіе выводы, какъ и научныя предпосылки, не у народничества а у славянофильства. „Москвитянинъ" писалъ въ 1841 г.: „У насъ фабричными работами занимаются крестьяне имѣющіе землю для пашни и сѣнокосовъ... Работники изъ большихъ семействъ идутъ въ свободное время на фабрики. Одинокіе, устроивъ хозяйство, берутъ отъ фабрикантовъ основы по домамъ... Наши фабричные мастеровые ведутъ себя не только удовлетворительно, но даже хорошо". „Кому не случалось слышать, проѣзжая мимо фабрикъ, какими веселыми пѣснями сопровождается работа нашихъ фабричныхъ. Можно ли гдѣ-нибудь, кромѣ святой Руси, имѣть рабочему средства, кромѣ лучшаго хлѣба и каши гречневой, употребить въ день два фунта говядины" [1]). Идеализировались не только экономическія основы фабричнаго быта, не только политическія его послѣдствія, но и матеріальное положеніе рабочихъ. На святой Руси въ мрачную николаевскую пору рабочіе не мало получали каши, но не гречневой, а березовой. На этомъ фактѣ, вѣроятно, и основывалось приравненіе фабриканта къ отцу семейства. „Хозяинъ фабрики есть отецъ семейства, работники—его дѣти. Изъ сихъ взаимныхъ отношеній истекаютъ взаимныя права и обязан-

[1]) Туганъ-Барановскій, 287.

ности“ — такъ писалъ „Москвитянинъ“ въ 1835 году [1]). Славянофильство давало правительству не только научныя основы для теоріи о мужикѣ—фабричномъ. Оно вѣрило въ особыя политическія судьбы Россіи, отличныя отъ Запада, и это было какъ разъ то, что нужно правительству Николая I и дальнѣйшихъ эпохъ. Разъ русскій фабричный не то, что европейскій смутьянъ, разъ основы его существованія иныя, чѣмъ тамъ, разъ политическое будущее Россіи идетъ особымъ путемъ, то нечего бояться рабочаго класса и возникающихъ въ его средѣ теченій. Святой Руси оно ничѣмъ не грозитъ. Рабочее движеніе вызывается не экономическими и политическими условіями существованія рабочаго класса въ Россіи, а отдѣльными злонамѣренными людьми. Изловить бунтовщиковъ и подтянуть рабочихъ, чтобъ впредь не повадно было,—и все пойдетъ тихо и мирно.

Теорія, раздѣлявшаяся правительствомъ съ 80-хъ годовъ, повторяла лишь зады. „Основаніемъ къ указанному положенію служилъ существовавшій тогда взглядъ на существо рабочаго вопроса въ Россіи, будто условія фабричной жизни у насъ и на Западѣ совершенно между собою различны. Число рабочихъ, занятыхъ на нашихъ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, весьма незначительно; благодаря счастливымъ условіямъ землепользованія, большая часть русскихъ рабочихъ тѣсно связана съ землею и на фабричныя работы идетъ, какъ на отхожіе промыслы, ради подсобнаго заработка, сохраняя постоянную, живую связь съ деревнею; никакой систематической борьбы рабочихъ съ предпринимателями въ Россіи нѣтъ; нѣтъ въ ней и самого рабочаго вопроса, а потому и не приходится создавать, по западнымъ образцамъ, фабричнаго законодательства“ [2]). Такъ излагалась оффиціально теорія 80-хъ годовъ. Въ 90-хъ, какъ показываютъ рѣчи оберъ-прокурора, она не вызываетъ еще никакихъ сомнѣній. Въ 1903 г. соединенное присутствіе государственнаго совѣта, обсуждая законопроектъ объ отвѣтственности, заявляло:

„Отъ такого положенія (какъ въ Западной Европѣ) еще далека Россія. Сама промышленность наша, въ сущности

---

[1]) Туганъ-Барановскій, 286.

[2]) Извлеченіе особаго журнала комитета министровъ 28-го и 31-го январ. 1905 г.

лишь въ недавнее время начавшая свое развитіе, разбросана въ разныхъ краяхъ нашего обширнаго отечества. При этомъ условія, въ коихъ она находится, въ виду особенностей какъ мѣстнаго населенія, такъ и нѣкоторыхъ сторонъ нашего соціальнаго быта, далеко не однородны. Да и число собственно фабрично-заводскихъ рабочихъ... едва достигаетъ $2^1/_2$ милліоновъ человѣкъ. Сравнительно съ общимъ количествомъ населенія имперіи число это, очевидно, весьма незначительно. При этомъ рабочіе на нашихъ фабрикахъ и заводахъ не составляютъ какого-либо обособленнаго среди всего населенія класса. Въ большинствѣ случаевъ самое пребываніе ихъ на заводскихъ работахъ является временнымъ, и рабочіе не утрачиваютъ связи съ своими сельскими обществами. Существованіе поэтому особаго рабочаго вопроса, какое это понятіе имѣетъ на Западѣ, у насъ является еще далеко не доказаннымъ“ [1]). И только когда грянулъ громъ, правительство публично покаялось, что эта доктрина была ложной, заявляя даже, что „возражать противъ этого взгляда въ настоящее время нѣтъ болѣе надобности“ [2]). Правда, бывшій глава министерства финансовъ С. Ю. Витте заднимъ числомъ пытался увѣрить, что одно только министерство финансовъ правильно глядѣло на сущность дѣла, вызывая противъ себя обвиненія въ выдумываніи несуществующаго рабочаго вопроса. Послѣднее—вѣрно, но по существу точка зрѣнія С. Ю. Витте и другихъ министровъ финансовъ ничѣмъ не отличалась отъ сужденія остальныхъ членовъ правительства. Во дни господства Плеве, еще въ 1903 г., тотъ же С. Ю. Витте, при обсужденіи закона о старостахъ, заявлялъ: „Конечно, рабочій вопросъ у насъ далеко еще не находится въ томъ положеніи, какъ въ Западной Европѣ“ [3]). Но даже въ 1905 году правительство было настолько ослѣплено, что, отказавшись отъ ложной теоріи, оно продолжало повторять старые выводы, изъ нея вытекавшіе. Правительство по-прежнему ставило своей задачей взять въ руки рабочее движеніе, отвести его отъ политической жизни, и по новому вѣрило, что если бы власть

---

[1]) Отчетъ по дѣлопроизводству Госуд. Совѣта, стр. 142.

[2]) Извлеченіе; то же отношеніе къ этой теоріи и въ журналѣ комитета министровъ 15 янв. 1905 г.

[3]) Отчетъ по дѣлопроизводству Государ. Совѣта, стр. 193.

щедрѣе раздавала фабричные законы, эта цѣль была бы достигнута: среди рабочихъ не было бы и помину о политикѣ.

„Послѣдствіемъ задержки въ развитіи нашего фабрично-заводского законодательства, —говорилъ комитетъ министровъ, послѣ кроваваго 9-го января—было то, что рабочее наше движеніе, не будучи удерживаемо въ теченіи своемъ опредѣленными рамками положительнаго закона, уклонилось со свойственнаго ему пути экономическаго и подпало подъ вліяніе политической агитаціи и полицейскаго воздѣйствія". Между тѣмъ какъ „исторія фабричнаго законодательства, напримѣръ, Германіи показываетъ, что государственные люди страны и, во главѣ ихъ, князь Бисмаркъ, своевременно оцѣнили значеніе рабочаго вопроса и, настоявъ на изданіи наиболѣе существенныхъ по нему законовъ (о государственномъ страхованіи рабочихъ, о союзахъ ихъ, стачкахъ и т. д.), взяли рабочее движеніе въ свои руки. Благодаря этому, происшедшая одновременно съ нашею стачка въ бассейнѣ р. Руръ—весьма значительная по числу забастовавшихъ—протекала мирно, безъ нарушенія общественнаго, а тѣмъ менѣе государственнаго порядка [1]).

Какое непостижимое ослѣпленіе! Комитетъ министровъ, признавъ наконецъ, что у насъ существуетъ такой же рабочій вопросъ, какъ и на Западѣ, продолжалъ вѣрить, что фабричными законами можно удержать рабочихъ отъ освободительнаго движенія! Но гдѣ и когда фабричные законы достигали такой цѣли? Во всей Европѣ, и въ Германіи въ частности, изъ сущности рабочаго вопроса съ желѣзной необходимостью вытекало политическое движеніе пролетаріата. Бисмарку не только не удалось „взять рабочее движеніе въ свои руки", какъ мечтательно воздыхалъ комитетъ, но, наоборотъ, при немъ и послѣ него соціалъ-демократическая пропаганда достигла колоссальныхъ успѣховъ—настолько значительныхъ, что въ послѣдніе парламентскіе выборы за эту партію было подано наибольшее число голосовъ. Но если въ странѣ, какъ ни какъ конституціонной, рабочее движеніе приняло рѣзкую политическую противоправительственную окраску, то какимъ же образомъ бюрократическое пра-

[1]) Извлеченіе изъ журнала 28 и 31 января 1905 г.

вительство могло хоть на минуту тѣшить себя иллюзіей, будто при существующемъ политическомъ строѣ, обратившемъ рабочихъ въ безправныхъ илотовъ на фабрикѣ и въ государствѣ, передъ классомъ капиталистовъ и правительствомъ, русскіе рабочіе удовлетворятся своимъ жалкимъ положеніемъ труженниковъ и гражданъ! Теорія, будто рабочему классу „свойственны“ пути экономическаго характера, такъ же глубокомысленна и вѣрна, какъ теорія о несуществованіи рабочаго вопроса въ Россіи. Дѣйствительность принудила отказаться отъ послѣдней фикціи, логика требовала выбросить и первую. Рабочему классу какъ и въ Россіи всюду такъ же свойственны экономическіе, какъ и политическіе пути. Они не разъединимы и оба ведутъ его къ человѣкообразному существованію и свободѣ. Чтобы поднять экономическое и правовое свое положеніе, рабочій классъ долженъ добиться политическихъ правъ и политической власти: только участвуя въ законодательствѣ страны, рабочіе могутъ сдѣлаться судьями собственнаго дѣла и съ успѣхомъ бороться противъ эксплоататорскихъ наклонностей буржуазіи и полицейскихъ замысловъ правительства, но такихъ правъ и такого участія рабочимъ массамъ не могъ дать русскій бюрократическій строй. Не въ немъ, а внѣ его могли разсчитывать рабочіе на защиту своихъ интересовъ, — отношеніе ихъ къ существующему строю могло быть только однимъ: политически непримиримымъ. Такъ было и вездѣ. И если комитетъ министровъ указывалъ на мирную экономическую стачку германскихъ углекоповъ, противополагая ее петербургской и всероссійской, то это былъ не доводъ, а диверсія: рурскіе углекопы боролись лишь съ гнетомъ угольныхъ бароновъ, рабочій же классъ въ Россіи и противъ капитала, и противъ политическаго строя. Тамъ была экономическая стачка, здѣсь политическая революція. И если рурская стачка давала поводъ къ аналогіямъ, то лишь къ одной: только тамъ, гдѣ рабочимъ даны политическія права, гдѣ за ними признано право союзовъ и стачекъ, крупныя массовыя движенія экономическаго характера могутъ проходить безъ всякихъ внѣшнихъ замѣшательствъ; но этихъ правъ не далъ и не могъ дать самодержавный строй[1]).

[1]) Еще въ 1897 г. Государственный Совѣтъ признался, что свобода союзовъ и стачекъ „не соотвѣтствуетъ условіямъ нашего государственнаго строя“.

V.

Перепуганное событіями 9 января и послѣдовавшей за нимъ всеобщей политической забастовкой, правительство, покаявшись въ своихъ прошлыхъ „грѣхахъ“, сдѣлало попытку ублажить рабочихъ, успокоить ихъ и тѣмъ сохранить за собою старую самодержавную власть. Правительство рѣшило показать наконецъ, что соціальная монархія способна заботиться объ интересахъ рабочихъ и помнить завѣты Бисмарка. Съ неслыханной для русской бюрократіи энергіей правительство приступило къ разработкѣ цѣлаго ряда законопроектовъ по рабочему вопросу. Изъ архивовъ вытаскивались на свѣтъ старые, пылью покрывшіеся дѣла и прожекты. Законопроекты пеклись какъ блины: государственное страхованіе рабочихъ на случай болѣзни, несчастныхъ случаевъ, старости и инвалидности, сокращеніе рабочаго дня, свобода союзовъ, стачекъ,—такова была широкая перспектива реформъ, которой бюрократія пожелала осчастливить русскихъ рабочихъ. Министерство финансовъ, желая во что-бы то ни стало сгладить убійственное впечатлѣніе, произведенное разстрѣломъ мирной 200,000-ой толпы рабочихъ на улицахъ и площадяхъ столицы, стало напирать на фабрикантовъ, чтобы заручиться ихъ согласіемъ на предположенныя реформы. Но тутъ-то и выступила на сцену та противоположность интересовъ феодальной бюрократіи и промышленной буржуазіи, о которой мы говорили выше. Правительство заявило: въ неслыханномъ забастовочномъ движеніи, охватившемъ пролетаріатъ всей страны, повинно невыносимое экономическое положеніе рабочихъ, созданное чрезмѣрной эксплоатаціей ихъ капиталомъ; чтобы облегчить это положеніе, необходимо законодательное вмѣшательство въ экономическія отношенія между капиталомъ и трудомъ въ видѣ усиленнаго фабричнаго законодательства. Буржуазія категорически и рѣшительно отвѣтила протестомъ. Нѣтъ, рабочіе требуютъ не экономическихъ правъ, а политической свободы, и все движеніе, возникнувъ на почвѣ неудовлетворенности пролетаріата существующимъ строемъ, носитъ политическій антиправительственный характеръ; успокоить рабочее движеніе можно только коренной ломкой самодержавнаго бюрократическаго строя. Исконные друзья,

временно не познавшіе своя своихъ, вступили въ рѣшительный конфликтъ. Бюрократія призывала удовлетворить экономическія нужды пролетаріата, буржуазія—его политическія требованія. Бюрократія предлагала буржуазіи поступиться частью своихъ экономическихъ привилегій, буржуазія требовала отъ бюрократіи пожертвовать частью своей политической власти. Обѣ партіи въ своей борьбѣ выдвигали то, что имъ было выгодно, освѣщали рабочее движеніе съ одной стороны, умышленно умалчивая о другой. Бюрократія и буржуазія, каждая порознь, были правы и обѣ вмѣстѣ неправы. Пролетаріатъ грозно протестовалъ и противъ экономическаго гнета буржуазіи и политическаго безправія, и оба вида эксплоатаціи и безправія были неразъединимы. И бюрократія и буржуазія десятки лѣтъ съ одинаковой энергіей и успѣшностью давили пролетаріатъ, сдирая съ него двѣ шкуры: одни—политическую, другіе—экономическую. И обѣ господствующія группы, мирно и дружески усѣвшись на спинѣ пролетаріата, ревностно дѣлали свое дѣло, пока пролетаріатъ не нашелъ въ себѣ силъ отважнымъ и быстрымъ ударомъ сбросить съ себя дружно работавшихъ сосѣдей. Сброшенные на землю, они разбранились. Бюрократія крикнула: вы виноваты, потому что безъ разума драли съ пролетаріата экономическую шкуру; а буржуазія, все сильнѣе подымая голосъ вопила: нѣтъ вы, потому что съ ненужной жестокостью сдирали съ него политическую шкуру. И бюрократія и буржуазія не хотѣли признаться, что шкура то одна, и принадлежитъ одному существу, что драть ее можно было съ двухъ концовъ только потому, что бюрократія занимала голову пролетаріата, чтобы дать возможность буржуазіи дѣйствовать на спинѣ пролетаріата, а буржуазія держала его за руки, чтобы бюрократіи спокойнѣе было работать надъ головой. Ни тѣ, ни другіе не хотѣли признаться, что экономическій гнетъ со стороны капитала былъ возможенъ благодаря политическому безправію, а политическое безправіе благодаря экономическому гнету. Одинъ только пролетаріатъ хорошо понималъ аппетиты спорящихъ и значеніе разразившагося событія, и съ нескрываемой враждой и недовѣріемъ отнесся и къ бюрократіи, и къ буржуазіи.

Протестъ фабрикантовъ противъ затѣянныхъ правительствомъ законодательныхъ актовъ по рабочему вопросу на-

чался дождемъ докладныхъ записокъ, исходившихъ отъ различныхъ торгово-промышленныхъ корпорацій. Фабриканты настаивали на политическомъ характерѣ рабочаго движенія и заключали отсюда о необходимости коренного политическаго переустройства. „Безъ проведенія въ жизнь коренныхъ реформъ нашего государственнаго строя всѣ мѣропріятія, проектируемыя нынѣ министерствомъ финансовъ, не приведутъ къ успокоенію рабочаго населенія. Возбужденное настроеніе его не является вовсе результатомъ систематической борьбы рабочихъ съ предпринимателями, не является даже и результатомъ настоящаго экономическаго положенія рабочаго населенія, а отражаетъ на себѣ всеобщее броженіе и недовольство политическаго характера"... [1]) Записки московскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ, уральскихъ и южныхъ горнопромышленниковъ, какъ и всѣ другія, повторяли почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ одну и ту же мысль. Но сводя причины движенія къ политическимъ условіямъ, промышленники не упускали изъ вида основной цѣли: задушить правительственные законопроекты, прежде чѣмъ они успѣютъ стать фабричными законами. Для этого всѣми силами подчеркивалась непонятная трусливость и уступчивость правительства. „Едва-ли не ошибка въ томъ, что правительство быстро реагируетъ на грубое проявленіе рабочаго движенія... Ни одинъ слой общества не имѣетъ такой удачи въ своихъ домогательствахъ, какъ рабочіе, которые уже отлично усвоили и помнятъ, что каждая крупная забастовка приносила имъ существенное улучшеніе, они помнятъ даты стачекъ и даты узаконеній по рабочему вопросу. Они увѣрены и сейчасъ, что настойчивымъ единодушнымъ домогательствомъ, подкрѣпленнымъ массовыми демонстраціями, они быстро достигнутъ всего возможнаго"... И господа петербургскіе заводчики и фабриканты угрожающе напоминали правительству, что такое „вниманіе къ демонстраціямъ служитъ прямой помѣхой успокоенію рабочихъ..." [2]). Такъ говорила съ правительствомъ промышленная буржуазія, ве-

---

[1]) Памятная записка костромского комитета торговли и мануфактуръ. См *Право*, № 16, 1905.

[2]) Докладная записка спб. заводчиковъ и фабрикантовъ См. *Право*, 1905, № 6.

личавшая себя „классомъ интеллигентнымъ и преданнымъ престолу“ [1]).

Правительство сначала не поддавалось агитаціи капитала, но мало-по-малу убѣждалось, что гораздо выгоднѣе жить въ мирѣ съ классомъ „преданнымъ престолу“, чѣмъ съ революціоннымъ пролетаріатомъ, идущимъ все дальше въ своихъ политическихъ требованіяхъ и питающимъ полное недовѣріе къ желаніямъ и творческимъ силамъ разслабленной бюрократіи. Скандальный финалъ комиссіи Шидловскаго, когда рабочіе открыто выразили все свое презрѣніе департаментскимъ вершителямъ рабочаго вопроса, подѣйствовалъ ошеломляюще. Энергія правительства въ роли фабричнаго законодателя падаетъ. Въ январѣ обѣщаютъ рабочимъ скорѣйшаго удовлетворенія „справедливыхъ“ экономическихъ требованій, въ мартѣ (на пріемѣ зубатовской депутаціи) уже призываютъ къ спокойному выжиданію законодательныхъ работъ, требующихъ де такого значительнаго труда и осторожнаго къ себѣ отношенія, что и т. д. Формально правительство не отказывается еще отъ своей попытки и сзываетъ коммисію, съ участіемъ представителей капитала, подъ предсѣдательствомъ Коковцева. Фабриканты шлютъ въ комиссію пудами всякія критическія записки на правительственные законопроекты по рабочему вопросу. Фабриканты уже дипломатически умалчиваютъ о необходимости коренного политическаго переустройства или робко и нехотя заявляютъ о началахъ, „возвѣщенныхъ“ рескриптомъ 18 февраля 1905. Все ихъ вниманіе сосредоточено на жесточайшей критикѣ законопроектовъ, чтобы окончательно и безслѣдно провалить ихъ. Для этого опять подчеркивается непонятная уступчивость правительства. „Правительство съ самаго начала рабочихъ волненій стало на путь „уступокъ“: къ уступкамъ были приглашены промышленники Петербуга, гдѣ прежде всего возникли безпорядки; къ уступкамъ поручено особымъ циркуляромъ начальникамъ губерній склонять фабрикантовъ и заводчиковъ имперіи; уступки были сдѣланы на прямыя требованія рабочихъ въ казенныхъ мастерскихъ и заводахъ, и къ уступкамъ же,

---

[1]) Записка СПБ. Общества для содѣйствія улучшенію и развитію фабр.-завод. промышленности. Къ предстоящимъ занятіямъ комиссіи о мѣрахъ по упорядоченію быта и положенія рабочихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ Имперіи.

чрезвычайнымъ, сводятся поставленные на очередь законопроекты"... [1]) Послѣ такого предисловія промышленники принялись „раздѣлывать" законопроекты и все громче кричать: промышленность въ опасности. Отъ законопроектовъ не остается камня на камнѣ. Каждое положеніе, каждая норма вызываетъ ожесточенный протестъ. Правительство, напуганное стачками, хочетъ сразу дать рабочимъ „наивысшее, что достигнуто на Западѣ вѣковымъ опытомъ". Законопроектъ о врачебной помощи представляетъ „безпримѣрное явленіе". Законопроектъ о 10-ти-часовомъ рабочемъ днѣ грозитъ устранить Россію „навсегда отъ какой-либо роли въ международномъ соревнованіи", и господа фабриканты великодушно предлагаютъ вмѣсто $67\frac{1}{2}$ часовъ недѣльной работы (по закону 1897 года) 75 часовъ, считая вмѣстѣ урочные ($67\frac{1}{2}$) и сверхурочные часы! Такъ же рѣшительно фабриканты критиковали и законы по страхованію рабочихъ, пугая правительство, что охрана труда по новымъ законамъ потребуетъ дополнительнаго обложенія промышленности или населенія на 150 милл. рублей въ годъ. Всего меньше негодовали фабриканты противъ законопроекта о свободѣ стачекъ, но они ввели въ него множество поправокъ, клонящихся къ выгодѣ капитала и въ ущербъ труду. И не кто иной, какъ горнопромышленники обратили вниманіе правительства на то, что непослѣдовательно наказывать рабочихъ за стачки въ общественно-необходимыхъ предпріятіяхъ по водоснабженію, канализаціи и освѣщенію и оставлять безъ наказаній стачки въ такихъ учрежденіяхъ, какъ почта, телефонъ, телеграфъ, желѣзныя дороги [2])—замѣчаніе, не оставшееся безъ практическихъ послѣдствій. Представители капитала дружно нападали на проекты, не встрѣчая возраженій со стороны недопущенныхъ въ комиссію представителей пролетаріата.

Но правительство продолжало настаивать на необходимости изданія хотя бы смягченныхъ законопроектовъ, лишь бы въ чемъ-нибудь проявить свое положительное отношеніе къ рабочимъ. Чтобы помѣшать этому, промышленники пошли на демонстрацію: воспользовавшись извѣстіемъ о страшномъ

---

[1]) См. докладную записку совѣщательной конторы желѣзозаводчиковъ.

[2]) Записки комиссіи при совѣтѣ по горнопромышленнымъ дѣламъ по вопросу объ измѣненіи законовъ о стачкахъ. Стр. 5.

разгромѣ эскадры Рожественскаго при Цусимѣ, фабриканты, подъ предлогомъ сильнаго волненія и неспособности заниматься дѣломъ, покинули залъ засѣданія. Господа капиталисты, не имѣя мужества открыто порвать съ правительствомъ, какъ это сдѣлалъ петербургскій пролетаріатъ, сыграли обструкцію, лицемѣрно прикрывшись патріотизмомъ. Буржуа понималъ, что послѣ такого разгрома погибли послѣдніе шансы бюрократическаго правительства, что самодержавный строй долженъ уступить свое мѣсто конституціонному, въ которомъ они, представители капитала, уже сумѣютъ отстоять свои кровные интересы отъ бюрократическаго посягательства и пролетаріата. Правительство торжественно заявило, что съ уходомъ представителей промышленности работы комиссіи отнюдь не прекратятся; формально онѣ и не прекратились, но по существу дѣло было кончено: капиталъ побѣдилъ. Правительство поняло, что оно не можетъ висѣть въ воздухѣ, что, отринутое пролетаріатомъ, оно должно опереться на буржуазные классы и протянуть имъ руку, и втихомолку пошло на сдѣлку. Замѣчанія промышленниковъ на законопроекты мало-по-малу пролѣзали въ оффиціальный текстъ; интересы рабочихъ, ограждаемые законопроектами, стали отходить на задній планъ. На сцену появились и прежніе полицейскіе интересы бюрократіи, въ лицѣ министерства юстиціи, категорически настаивавшей на сохраненіи наказанія по новому уголовн. уложенію за возбужденіе рабочихъ къ устройству или продолженію стачки [1]) (стачка ненаказуема, а возбужденіе къ ней наказуемое преступленіе!!!). Комиссія Коковцева стихла, сдѣлавъ одно полезное дѣло: давъ правительственнымъ членамъ Комиссіи нѣсколько десятковъ тысячъ добавочнаго „заработка“.

Все заглохло. Тѣнь Бисмарка, къ которой взывали министры послѣ 9 января, не могла имъ „разрѣшить“ рабочій вопросъ. Законопроекты были заброшены. Но стачечная волна все приливала. Безсильное задавить стачечное движеніе и расправиться со стачечниками въ административномъ или судебномъ порядкѣ, правительство исподтишка вынуждено было признать свободу стачекъ, фактически завоеванную

[1]) *Торг. Пром. Газета*, 5 августа 1905.

пролетаріатомъ. Еще 21 апр. 1905 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ отмѣненъ знаменитый циркуляръ 1897 года, а 4 августа было утверждено положеніе комитета министровъ, предоставившее министру юстиціи временно пріостановить уголовное преслѣдованіе по дѣламъ о стачкахъ и самовольномъ оставленіи работы (по ст. 51 Уст. нак. и ст. ст. 1358 и 1358[1] улож. о нак.). Положеніе комитета министровъ отъ 4 августа не было однако оглашено, и циркуляръ министра юстиціи отъ 16 августа 1905 г. былъ секретнѣйшимъ и наискретнѣйшимъ образомъ доведенъ до свѣдѣнія прокуроровъ судебныхъ палатъ и фабричной инспекціи. Административная власть упразднила законъ. Не знаемъ, послѣдовалъ-ли новый наисекретнѣйшій циркуляръ въ отмѣну предыдущихъ, но полицейскія и иныя власти раздѣлывались по прежнему со стачечниками старымъ, упрощеннымъ способомъ.

Побѣдоносная октябрская всеобщая забастовка вырвала изъ рукъ бюрократическаго правительства манифестъ 17 октября. Попытки пролетаріата осуществить „возвѣщенныя свободы“ разбились о жестокую реакцію въ правительствѣ и буржуазіи. Недавніе враги опять примирились на общихъ интересахъ и общемъ врагѣ. Задушить пролетаріатъ, не дать ему использовать плоды его политической побѣды стало общимъ лозунгомъ „конституціоннаго“ правительства и „конституціонной“ буржуазіи. Старые законопроекты были окончательно забыты и сданы въ архивъ. Буржуазія, лицемѣрно опираясь на „возвѣщенныя свободы“, подаетъ министру юстиціи ходатайство: „Съ изданіемъ манифеста 17 окт.,— пишутъ фабриканты—Россія стала правовымъ государствомъ, управляемымъ на точномъ основаніи дѣйствующихъ законовъ, недопускающихъ частичныхъ отступленій, зависящихъ отъ случайнаго усмотрѣнія тогоилиного органа административной власти“. И потому они ходатайствовали о точномъ примѣненіи къ забастовщикамъ „дѣйствующихъ“ законовъ и просили... „давать законный ходъ дѣламъ о насиліяхъ на фабрикахъ и заводахъ *внѣ очереди* [1])! Оживилось и реакціонное правительство Витте-Дурново. Та самая бюрократія, которая семь лѣтъ „соображала“ проектъ о сво-

[1]) *Начало*, 29 ноября 1905 г.

бодѣ стачекъ [1]), въ нѣсколько недѣль сочинила и провела законъ противъ стачекъ. Правительство, такъ усердно, казалось, хлопотавшее о свободѣ стачекъ, еще 4 августа пріостановившее уголовное преслѣдованіе по стачкамъ „впредь до разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ общаго вопроса о наказуемости стачекъ и забастовокъ“, разразилось четырьмя мѣсяцами спустя, тоже „впредь до изданія общаго о стачкахъ закона“, драконовскими „временными правилами о наказуемости наиболѣе опасныхъ проявленій въ забастовкахъ“. Бюрократія „признала за благо“ установить жестокія уголовныя кары за участіе и возбужденіе къ стачкѣ въ предпріятіяхъ, имѣющихъ общественное или государственное значеніе (на желѣзныхъ дорогахъ, телефонѣ и др.). Декабрскія событія въ Москвѣ, на югѣ, въ Сибири, когда пролетаріатъ, частью съ оружіемъ въ рукахъ, сдѣлалъ попытку отстоять тѣ самыя свободы, которыя такъ лицемѣрно были отняты правительствомъ манифеста 17 октября, подали поводъ къ новымъ неслыханнымъ по своей жестокости репрессіямъ. Забастовщики, особенно почтово-телеграфнаго и желѣзнодорожнаго союза, злодѣйски разстрѣливались и безъ слѣдствія и суда и со слѣдствіемъ и по суду. Свобода стачекъ и союзовъ, которой правительство такъ кокетничало передъ фабрикантами, была безслѣдно затоплена въ морѣ пролетарской крови, при радостныхъ кликахъ буржуазіи изъ торгово-промышленной партіи и союза 17 октября. О страхованіи рабочихъ, дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго дня на фабрикахъ и заводахъ не было больше ни помину. Подробно разработанный министерствомъ финансовъ законопроектъ объ ограниченіи рабочаго дня торговыхъ служащихъ былъ отвергнутъ государственнымъ совѣтомъ на томъ основаніи, что это дѣло будущей государственной Думы. И то же бюрократическое самодержавіе, такъ, „конституціонно-лойяльно“склоняющееся передъ волей подрумяненнаго народнаго представительства, ничтоже сумняшеся сочло себя вправѣ облагодѣтельствовать рабочихъ... новымъ закономъ о „свободѣ“ союзовъ. Каковы временныя правила 4 марта 1906 г. о профессіональныхъ обществахъ, видно изъ того, что въ числѣ дозволенныхъ цѣлей союзовъ

[1]) Первый проектъ составленъ былъ, кажется, въ 1898 году.

не оказалось самой важной—накопленіе стачечнаго фонда и вообще поднятіе матеріальныхъ условій труда! Правительство Дурново, точно затѣмъ, чтобы провоцировать рабочихъ, дозволило зато... „*выясненіе* размѣровъ заработной платы и другихъ условій труда...“ Запрещено и соединеніе двухъ или нѣсколькихъ профессіональныхъ обществъ въ союзъ. Не давая рабочимъ въ этихъ дозволенныхъ союзахъ никакой возможности поднять свое положеніе, новый законъ зато угрожаетъ жестокимъ наказаніемъ тѣмъ изъ существующихъ союзовъ, которые не подчинятся новымъ правиламъ —и въ этомъ все назначеніе правилъ. Задушить возникшіе явочнымъ порядкомъ союзы—вотъ единственная цѣль Дурново. И пролетаріатъ на второй конференціи профессіональныхъ союзовъ отвѣтилъ недвусмысленной резолюціей: новый законъ—сказалъ онъ—„является попыткой лишить рабочій классъ его основныхъ политическихъ правъ; конференція считаетъ легализацію профессіональныхъ союзовъ при современныхъ политическихъ условіяхъ безусловно невозможною; при организаціи и дѣятельности профессіональныхъ союзовъ конференція рекомендуетъ продолжать примѣнять такъ называемый явочный порядокъ“ [1]).

Такъ окончилась „реформа“ фабричнаго законодательства. Все осталось по-старому. Новы лишь новые акты репресіи. Съ этимъ наслѣдіемъ бюрократія, объединившись съ буржуазіей, вступаетъ въ Государственную Думу. Но пусть не ждетъ отъ нея пролетаріатъ нужныхъ ему фабричныхъ законовъ. Государственная Дума — сборище буржуазныхъ и реакціонныхъ элементовъ—сумѣетъ защитить и будетъ защищать интересы собственности и капитала отъ „дерзкихъ“ притязаній рабочаго класса. Фабричные законы не даются, а берутся организованнымъ натискомъ познавшаго свои классовые интересы пролетаріата. Этому научила его и многострадальная исторія всего русскаго фабричнаго законодательства. И пролетаріатъ твердо запомнитъ ея уроки. Онъ не ждетъ ничего хорошаго ни отъ полицейскаго правительства, ни отъ своекорыстной буржуазіи, не вѣритъ ея „хорошимъ“ словамъ и не поручитъ защиты своихъ нуждъ ни одной либеральной партіи: всѣ онѣ буржуазны, всѣ онѣ

---

[1]) *Рус*, 11 марта 1906.

на сторонѣ капитала. Въ буржуазномъ обществѣ и государствѣ пролетаріатъ можетъ положиться только на себя самого, только на свою соціалъ-демократическую рабочую партію. Но политическая борьба за интересы пролетаріата не можетъ имѣть мѣста въ нынѣшней Государственной Думѣ, этомъ жалкомъ ублюдкѣ фальсифицированнаго народнаго представительства. И добиваясь новыхъ фабричныхъ законовъ, которые-бы закрѣпили завоеванные имъ результаты экономической борьбы, пролетаріатъ не можетъ остановиться на полъ-дороги...

Къ исторіи фабричной инспекціи въ Россіи.*)

Надзоръ за исполненіемъ фабричныхъ законовъ былъ переданъ спеціальному органу—фабричной инспекціи. Было бы странно, если бы тѣ силы и тѣ причины, которыя съ такой опредѣленностью отпечатлѣли свое дѣйствіе на фабричномъ законодательствѣ, прошли мимо института фабричныхъ инспекторовъ. Какъ и тамъ, всѣ основныя черты организаціи и правомочій инспекціи, кажущіяся на первый взглядъ ничѣмъ инымъ, какъ технической подробностью, привнесенной законодателемъ по соображеніямъ техническаго свойства, въ дѣйствительности сложились подъ вліяніемъ совершенно опредѣленныхъ интересовъ. И то, что иной благодушный и благожелательный либералъ считаетъ случайнымъ „недостаткомъ", который легко было бы устранить, если бы власть объ этомъ подумала, на самомъ дѣлѣ представляетъ естественный результатъ воздѣйствія опредѣленныхъ историческихъ интересовъ, съ измѣненіемъ которыхъ только и могутъ измѣниться „недостатки", чтобы уступить свое мѣсто другимъ, быть можетъ, „недостаткамъ" иного порядка.

Организацію и права фабричной инспекціи опредѣлили прежде всего политическіе и полицейскіе интересы государства, а затѣмъ классовые интересы капитала. Фабричная инспекція, какъ извѣстно, была создана въ 1882 году для надзора за исполненіемъ перваго фабричнаго акта—закона о малолѣтнихъ того же года.

Съ ростомъ фабричнаго законодательства росли и обязанности фабричной инспекціи, и въ настоящее время функціи фабричнаго инспектора достигли въ Россіи такихъ размѣровъ, какихъ не знаетъ ни одно западно-европейское государство. Фабричная инспекція въ Россіи не только слѣдитъ за исполненіемъ фабричныхъ законовъ и возбуждаетъ преслѣдованіе за ихъ нарушеніе—въ чемъ только и заклю-

*) Эта статья раньше нигдѣ не была напечатана.—*Примѣч. изд. сборника.*

чается обязанность фабричной инспекціи въ Западной Европѣ,—но и обязана принимать мѣры „къ предупрежденію споровъ и недоразумѣній между фабрикантами и рабочими путемъ изслѣдованія на мѣстѣ возникшихъ неудовольствій и миролюбиваго соглашенія сторонъ“ (изъ Наказа 1900 года). Фабричная инспекція, слѣдовательно, исполняетъ обязанности не только наблюдающаго и карающаго органа, но и посредника, предупреждающаго несогласія и столкновенія между заинтересованными сторонами и примиряющаго ихъ. Въ этой второй половинѣ обязанностей правительственная бюрократія и видѣла главное назначеніе инспекціи. Для правительства не столько было важно, чтобъ исполнялись фабричные законы, а въ случаѣ ихъ нарушенія виновники подвергались заслуженной карѣ [1]), сколько то, чтобы на фабрикахъ, согласно идеалу полицейскаго государства, царили миръ и тишина, или вѣрнѣе, чтобы несогласія и непорядки на фабрикѣ не выходили наружу до свѣдѣнія общества и не тревожили его. По крайней мѣрѣ правительство въ инструкціяхъ фабричной инспекціи рѣшительно подчеркивало важность этой второй половины функцій, напоминая, что „согласно съ *основнымъ* требованіемъ закона, возлагающимъ на фабричныхъ инспекторовъ ближайшій надзоръ за *благоустройствомъ и порядкомъ* на фабрикахъ и заводахъ, чины фабричной инспекціи должны обращать *главнѣйшее* свое вниманіе на устраненіе всякихъ поводовъ къ недоразумѣніямъ между фабрикантами и рабочими“ [2]). Но эта предупредительная дѣятельность русской фабричной инспекціи, составляющая истинно русское начало, вовсе не представляла однородности. Она въ сущности обнимаетъ двоякаго рода функціи: во-первыхъ, разрѣшеніе уже наступившихъ несогласій [3]) путемъ миролюбиваго соглашенія сторонъ,

---

[1]) Въ цирк. мин. фин. отъ 11 іюня 1894 г. проводилась такая мысль, что „при нравственномъ авторитетѣ разумный совѣтъ фабричнаго инспектора, его толковыя указанія сдѣлаютъ больше, нежели примѣненіе кары за нарушеніе закона“ (см. Сборникъ узаконеній, правилъ и распоряженій по дѣламъ, касающимся фабричной инспекціи. Выпускъ I, СПБ., 1898 г., стр. 27). Итакъ, предпочтительнѣе совѣтовать, чѣмъ карать!

[2]) Сборникъ, стр. 27.

[3]) Это видно изъ неудачной редакціи Наказа (п. д. § 3): предупрежденіе споровъ и недоразумѣній путемъ изслѣдованія *возникшихъ* неудовольствій и миролюбиваго соглашенія. Разъ „неудовольствіе“ уже возникло, то недоразумѣніе поздно предупреждать: оно наступило уже и требуетъ миролюбиваго соглашенія.

ту именно дѣятельность, которая въ Германіи изъята изъ рукъ фабричной инспекціи и выполняется т. н. Промышленными Судами (Gewerbe Gerichte), составленными изъ представителей предпринимателей и рабочихъ и разрѣшающими „промышленныя несогласія“ между ними; во-вторыхъ, предупрежденіе въ собственномъ смыслѣ, не составляющее въ культурныхъ странахъ обязанности ни фабричной инспекціи, ни промышленныхъ судовъ, ни другихъ какихъ либо органовъ: это чисто русское изобрѣтеніе. Если фабричный инспекторъ, какъ органъ, разрѣшающій споры, не имѣетъ у насъ никакой принудительной юридической власти, являясь въ отличіе отъ промышленныхъ судовъ германскихъ простымъ совѣтчикомъ, мнѣніе котораго необязательно ни для одной стороны, то какъ органъ, предупреждающій недоразумѣнія, русскій фабричный инспекторъ получилъ совершенно исключительныя полномочія. Чтобы предупреждать нежелательныя, съ точки зрѣнія власти, явленія во внутренней жизни промышленнаго заведенія надо имѣть возможность вторгаться въ нее и вліять на нее въ желательномъ власти духѣ, т. е. опекать. Фабричная инспекція и дѣйствительно получила у насъ огромныя полномочія опекуна. Такой характеръ дѣятельность инспекціи должна была принять въ полномъ согласіи съ изданнымъ, при содѣйствіи Плеве, закономъ 1886 года о наймѣ рабочихъ и взаимныхъ отношеніяхъ между нанимателями и рабочими. Зачѣмъ правительству понадобилось снабдить его органы властью опекуна, своимъ вмѣшательствомъ ограничивающаго не только рабочихъ, но и фабрикантовъ, мы уже видѣли выше. Правительство видѣло, что экономическое положеніе рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ тяжело, что среди нихъ все чаще разгорается недовольство, которымъ начинаетъ питаться политическое движеніе; улучшить это положеніе можно было бы, предоставивъ рабочимъ полную свободу въ отстаиваніи своихъ интересовъ и прежде всего свободу стачекъ и союзовъ; но эти права были несовмѣстимы съ бюрократическимъ самовластіемъ и правительство, стремившееся лишь къ должному благоустройству и порядку на фабрикахъ и заводахъ, замѣнило самодѣятельность рабочихъ своей опекой, мелочно регламентируя взаимныя отношенія между предпринимателями и рабочими. Такимъ путемъ не только

создавалась иллюзія защиты интересовъ рабочихъ, но и открывался для власти путь воздѣйствовать на внутреннюю жизнь промышленнаго заведенія, а съ передачей этой функціи фабричной инспекціи создавался новый административный органъ, черезъ который можно было бы защищать на фабрикахъ и заводахъ неприкосновенность существующаго строя.

Предупредительныя функціи фабричной инспекціи были такимъ образомъ въ неразрывной органической связи съ тѣми полицейскими соображеніями, которыми продиктовано было содержаніе закона 1886 года, съ той системой опеки, которая являлась носительницей политическихъ интересовъ даннаго времени. Эта опека и эти функціи имѣли своей непосредственной цѣлью также мало защиту интересовъ фабричныхъ рабочихъ, какъ и система правительственной опеки, распространяемая на всѣ стороны крестьянской жизни. Какъ тамъ, такъ и здѣсь опека стала источникомъ не благоденствія и свободы, а закрѣпощенія и безправія, въ которомъ могло быть заинтересовано только бюрократическое самовластіе, но не рабочіе и крестьяне. Въ правовомъ западноевропейскомъ государствѣ, гдѣ граждане лично свободны, гдѣ опека, гнетущая опека, замѣнена самодѣятельностью ихъ, фабричная инспекція не снабжена тѣми предупредительными правами и обязанностями, какими ее наградилъ бюрократическій строй. И въ Германіи отношенія рабочихъ и фабриканта регулируются закономъ и договоромъ найма въ формѣ правилъ внутренняго распорядка, но права и дѣятельность инспекціи сводятся лишь къ надзору за исполненіемъ требованій закона, а не къ вмѣшательству въ область нерѣдко чисто хозяйственныхъ отношеній между рабочими и фабрикантомъ. Германскій фабричный инспекторъ долженъ убѣдиться, что на фабрикѣ вывѣшены правила внутренняго распорядка, что постановленія ихъ о рабочемъ времени, воскресномъ отдыхѣ, санитарныхъ мѣропріятіяхъ отвѣчаютъ закону, но не больше.

Не то у насъ. Во исполненіе предупредительной функціи фабричные инспектора *разрѣшаютъ*: а) выдачи нѣсколькимъ лицамъ одной общей расчетной книжки, б) открытіе фабричныхъ лавокъ, в) выдачи изъ штрафного капитала, г) производство работъ съ отступленіями отъ правилъ о

продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени; *утверждаютъ*: а) таксы для рабочихъ за пользованіе отъ фабрики квартирами, банею, чайными, столовыми; б) расписанія, расцѣнки или таксы предметовъ, продаваемыхъ изъ фабричныхъ лавокъ и лавокъ потребительныхъ товариществъ; в) правила внутренняго распорядка; 2) табели взысканій, налагаемыхъ завѣдывающими на рабочихъ собственной властью; д) правила и формы учета сверхурочныхъ работъ; *свидѣтельствуютъ*: общія расцѣночныя вѣдомости и табели, урочныя правила и тарифы, по которымъ исчисляется слѣдующая рабочимъ задѣльная заработная плата; *скрѣпляютъ... выдаютъ...* (ст. 50 Наказа 1900). И чего только еще не дѣлаютъ! Устанавливаютъ продолжительность перерывовъ въ работѣ малолѣтнихъ, имѣютъ попеченіе о школьномъ ихъ обученіи, даютъ подробныя разъясненія завѣдывающимъ о мѣрахъ къ огражденію жизни, здоровья и нравственности рабочихъ (но не предписываютъ!), разслѣдуютъ несчастные случаи съ рабочими, участвуютъ въ опредѣленіи имъ вознагражденія за увѣчья... Эта дѣятельность по опекѣ взаимоотношеній рабочихъ и предпринимателей идетъ такъ далеко, что при свидѣтельствованіи расцѣнковъ инспектора не ограничиваются уже простымъ удостовѣреніемъ неизмѣнности ихъ въ теченіе извѣстнаго времени, но входятъ даже въ разсмотрѣніе ихъ содержанія по существу; „въ случаѣ же явнаго несоотвѣтствія представленныхъ расцѣнокъ *съ существующими на однородныхъ фабрикахъ* и *возможности нежелательныхъ отъ того послѣдствій*“ фабричные инспектора возвращаютъ ихъ обратно для исправленія и при неуспѣшности такихъ переговоровъ даже сообщаютъ о семъ мѣстному губернскому начальству [1]). Но начальство не можетъ ничѣмъ грозить непокорнымъ; вся процедура не приноситъ рабочимъ никакой пользы, и тѣмъ не менѣе инспекція опекаетъ и дѣйствуетъ и не во имя справедливыхъ интересовъ рабочихъ, а „возможности нежелательныхъ послѣдствій“, т. е. нарушенія фабричнаго благоустройства... стачкой! Этой наивной аргументаціей вскрывается истинная цѣль опекунства. И если мы вспомнимъ, что законъ, поставившій рабочихъ подъ опеку,—что

[1]) Наказъ, § 53.

тотъ же законъ представилъ завѣдывающимъ „патріархальную“ власть для административныхъ расправъ съ рабочими,— право денежныхъ штрафовъ и расторженія договора, то мы поймемъ, что эти истинно русскія начала имѣли въ виду не интересы рабочихъ, а укрощеніе рабочихъ, предупрежденіе нарушеній ими тишины и спокойствія. Каковы были экономическіе результаты опекунства для рабочихъ и полицейскіе— для бюрократіи,—объ этомъ мы здѣсь подробнѣй говорить не будемъ. Невыполнимость той и другой задачи слишкомъ очевидна. Пусть не подумаютъ, что возражая противъ опеки въ той нелѣпой формѣ [1]), какую она приняла у насъ, мы возстаемъ противъ законодательной охраны интересовъ труда. Ничуть не бывало. Если правительство имѣло въ виду обезпечить за рабочими скромный заработокъ или оградить ихъ отъ косвенной эксплоатаціи посредствомъ штрафовъ и произвольныхъ таксъ, для этого существуютъ такія простыя средства, какъ законодательное опредѣленіе минимальной заработной платы (по примѣру австралійскихъ колоній) или допустимыхъ вычетовъ. Но цѣль была не эта, и вмѣсто твердыхъ нормъ закона, обезпеченныхъ со стороны исполненія опредѣленной карой, вводится всепроникающая опека, не имѣющая твердой опоры въ законѣ и не дающая ея носителямъ никакой почти карательной власти. Фабричный инспекторъ германскій не „разрѣшаетъ“, не „утверждаетъ“, не „свидѣтельствуетъ“ и не продѣлываетъ множество тѣхъ предупредительныхъ манипуляцій, которыя поручены нашей инспекціи. Фабричный инспекторъ только надзираетъ за тѣмъ, чтобы правила распорядка, штрафы, таксы отвѣчали требованіямъ закона, но совершенно не входитъ въ ихъ экономическое содержаніе и не санкціонируетъ дѣйствій фабрики своимъ рукоприкладствомъ: призрачная опека инспектора

[1]) Какой нелѣпый характеръ носятъ опекунскія требованія нашего закона, какъ мало они расчитаны на дѣйствительную охрану нуждъ рабочихъ, а не на полицейское усмиреніе, показываетъ слѣдующая любопытная ихъ иллюстрація. Администрація одной изъ фабрикъ уступая просьбѣ рабочихъ, сократила продолжительность работы на 1 часъ, *не увѣдомивъ* предварительно фабричнаго инспектора. Казалось, что за бѣда? Вѣдь рабочіе не только не пострадали, но даже выгадали. Но Министерство Финансовъ циркуляромъ 28 іюня 1895 года обратило вниманіе администраціи на допущенное ею нарушеніе дѣйствующихъ постановленій о взаимныхъ отношеніяхъ фабриканта и рабочихъ, „такъ какъ расписаніе начала и окончанія работъ опредѣляется правилами внутренняго распорядка, которыя утверждаются фабричнымъ инспекторомъ“... (у Кобеляцкаго, стр. 156).

замѣняется самообороной рабочихъ, имѣющихъ за своей спиной рабочіе союзы, вмѣшательство въ детали правилъ внутренняго распорядка, расцѣнокъ, штрафовъ—требованіемъ закона о предварительномъ заслушаніи мнѣнія рабочихъ о правилахъ распорядка. Если бы потребовалось короче опредѣлить различіе полномочій фабричной инспекціи въ Европѣ и у насъ, мы сказали бы, что оно соотвѣтствуетъ различію полномочій администраціи при явочномъ и разрѣшительномъ порядкѣ. Вся внутренняя жизнь фабричнаго предпріятія, поскольку она выражается во взаимоотношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ, нормируется тамъ въ явочномъ порядкѣ, тогда какъ у насъ—въ разрѣшительномъ порядкѣ. Различію этихъ двухъ порядковъ соотвѣтствуетъ различіе административнаго вмѣшательства фабричной инспекціи, выступающей тамъ при нарушеніи закона, у насъ—для исполненія закона.

Мы показали, что полномочія фабричной инспекціи въ Россіи главнымъ образомъ опредѣлялись полицейскими задачами бюрократическаго самовластія, стремившагося всячески къ подавленію политическаго движенія среди рабочихъ и предупрежденію всякихъ поводовъ къ его возникновенію. Фабричная инспекція должна не столько наблюдать за исполненіемъ фабричныхъ законовъ и карать за правонарушенія, сколько вмѣшиваться во взаимоотношенія фабрикантовъ и рабочихъ, опекать и предупреждать нарушеніе государственнаго и общественнаго спокойствія.

Такому назначенію инспекціи соотвѣтствовали не только ея функціи, но и положеніе въ ряду другихъ административныхъ органовъ. И прежде всего по отношенію къ полиціи. Пока обязанности инспекціи заключались лишь въ надзорѣ за исполненіемъ закона о малолѣтнихъ и школьномъ ихъ обученіи, взаимныя отношенія инспекціи и полиціи не представляли чего-либо ненормальнаго: послѣдней нечего было вмѣшиваться въ область инспекціи, сохранявшей такимъ образомъ полную независимость отъ полиціи. Но вотъ издается законъ 1886 года, создавшій цѣлую систему опекунскихъ и карательныхъ мѣръ противъ нарушенія рабочими благоустройства и порядка, и рядомъ съ инспекціей въ роли „опекуна“ или, вѣрнѣе, пресѣкателя и предупредителя столь опасныхъ правительству стачекъ и рабочихъ волненій все больше и больше выступаетъ поли-

ція. Съ этого момента вплоть до нашихъ дней идетъ непрекращающееся вмѣшательство полиціи въ дѣйствія фабричной инспекціи. Россія не представляла въ этомъ отношеніи какого-либо принципіальнаго отличія отъ западноевропейской практики. И тамъ полиція имѣетъ извѣстное отношеніе ко внутренней промышленной жизни, такъ какъ буржуазное государство не можетъ обойтись безъ полиціи; но во-первыхъ, полиція во многихъ мѣстахъ, хотя бы той же Германіи, является общиннымъ, а не правительственнымъ учрежденіемъ, а во вторыхъ вмѣшательство ея въ фабричныя дѣла ничтожно: надзоръ не переходитъ въ вмѣшательство и опеку и поручается либо исключительно фабричной инспекціи, либо рядомъ съ полицейской властью (послѣдняя главнымъ образомъ интересуется фабричной жизнью съ санитарной стороны). Не то у насъ. Полицейскія и политическія цѣли фабричнаго законодательства привели къ конкуренціи полиціи съ фабричной инспекціей, къ стремленію полиціи вытѣснить ее, къ стремленію центральной власти подчинить инспекцію общей администраціи. „Признавалось необходимымъ—говорилось въ мотивахъ къ закону 1886 г. обезпечить губернскому начальству руководящее значеніе въ дѣлѣ охраненія благоустройства на фабрикахъ, опредѣливъ его дѣятельность въ этой области управленія такими условіями, которыя открывали бы ему возможность восполнить существовавшіе пробѣлы въ законодательствѣ путемъ административныхъ распоряженій [1]) и удовлетворяли бы потребности въ неотлагательныхъ распоряженіяхъ по такимъ дѣламъ, гдѣ этого требуютъ интересы общественнаго порядка". Итакъ законодателя всего болѣе безпокоили не интересы рабочихъ, не эксплоатація ихъ капиталомъ, а интересы т. н. общественнаго порядка. Назначеніе инспекціи понималось законодателемъ именно въ такомъ освѣщеніи, и потому то за ней сохранена была и съ изданіемъ закона 1886 года функція фабричнаго надзора. „Инспекція несомнѣнно располагаетъ всѣми средствами для наблюденія за исполненіемъ закона вообще, въ частности же для своевременнаго выясненія такихъ явленій фабричнаго быта, о которыхъ въ интересахъ общественнаго порядка должно быть своевремен-

[1]) Недурная иллюстрація для представленія правительства о сущности *административной* власти, восполняющей пробѣлы въ... *законодательствѣ!*

но извѣщаемо губернское начальство". [1])Предположенія законодателя (вѣрнѣе В. К. Плеве) осуществились. Губернское начальство въ цѣляхъ фабричнаго надзора было организовано въ губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія, въ составъ которыхъ вошли губернаторъ, вице-губернаторъ, прокуроръ окружнаго суда или его товарищъ, начальникъ губернскаго жандармскаго управленія, окружной фабричный инспекторъ или его помощникъ, предсѣдатель или членъ губернской земской управы, городской голова губернскаго города или членъ городской управы (см. 49 Уст. о Пром.). Самый составъ Присутствія достаточно ярко опредѣляетъ цѣли его, цѣли фабричнаго надзора и роль инспекціи. Институтъ фабричныхъ инспекторовъ, подчиненный министерству финансовъ, захватывается зубчатыми колесами министерства внутреннихъ дѣлъ и подчиняется его руководительству и программѣ, выдвигающей на первый планъ спокойствіе государства. „Надзоръ за соблюденіемъ на фабрикахъ и заводахъ должнаго благоустройства и порядка возлагается на мѣстное губернское начальство и осуществляется имъ при содѣйствіи губернскихъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій, чиновъ фабричной инспекціи и полиціи",—такъ опредѣлилъ законъ (ст. 48 Уст. о Пром.) цѣли фабричнаго надзора и его организацію. Присутствія поставлены надъ инспекціей высшей инстанціей и координируютъ дѣйствія инспекціи и полиціи. Фабричная инспекція еще сохранила видимую самостоятельность, но по идеѣ законодателя она ни что иное, какъ усовершенствованный полицейскій органъ: только этимъ и оправдывали въ государственномъ совѣтѣ при обсужденіи законопроекта 1886 года непередачу дѣлъ фабричной инспекціи полиціи. Хотя „фабричная инспекція и состоитъ въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, но исполняетъ чисто полицейскія обязанности по наблюденію за фабричными работами малолѣтнихъ рабочихъ. Представляя собой готовый уже кадръ спеціально фабричной полиціи, инспекція, конечно, съ выгодою замѣнитъ общую полицію, которая съ своей стороны будетъ оказывать ей помощь по мѣрѣ предста-

---

[1]) *Объяснительная Записка къ Законопроекту (1886 г.* См. *А. Кобеляцкій*, стран. 20.

вляющейся надобности". Подчиненіе инспекціи *непосредственно* губернскому начальству еще не признавалось тогда необходимымъ. „Успѣшная дѣятельность инспекціи... доказываетъ, что непосредственное руководство ею со стороны центральныхъ вѣдомствъ, нисколько не колебля вліянія губернскаго начальства, во многомъ обезпечило *спокойное и согласное съ видами правительства* примѣненіе закона о работѣ малолѣтнихъ" — такъ говорили въ государственномъ совѣтѣ. [1])

Съ 1886 года, слѣдовательно, фабричная инспекція, по идеѣ законодательства, должна была по преимуществу выполнять полицейскія обязанности. Надзоръ за фабричными законами, въ тѣсномъ смыслѣ, отошелъ на второй планъ и съ тѣхъ поръ ни разу не возвращенъ къ прежнему своему мѣсту. Изъ органа спеціальной фабричной полиціи, надзирающей за исполненіемъ фабричныхъ законовъ, направленныхъ въ огражденіе интересовъ рабочихъ отъ эксплоатаціи ихъ капиталомъ, инспекція стала превращаться въ органъ общей полиціи, порывая съ своимъ прошлымъ: между той и другой дѣятельностью не было ничего общаго кромѣ названія. Но въ этой новой роли фабричная инспекція неминуемо должна была столкнуться съ полиціей. Правительственная политика, направлявшая всѣ свои усилія къ полицеизаціи учрежденій и общества, предопредѣлила исходъ этого столкновенія въ пользу полиціи и общей администраціи. Инспекція должна была потерять свою самостоятельность — то именно качество, которое и придаетъ ей всюду такой нравственный авторитетъ. Борьба за власть между фабричной инспекціей и полиціей велась не на мѣстахъ, а въ центрѣ. Она была частнымъ эпизодомъ въ борьбѣ между министерствомъ финансовъ, стремившимся сохранить за фабричной инспекціей прежнее положеніе, и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, стоявшимъ за переводъ ея къ себѣ и окончательное подчиненіе полицейскимъ цѣлямъ. Извнѣ казалось, что борются двѣ личности, подталкиваемыя честолюбіемъ и стремящіяся усилить свою власть за счетъ другого вѣдомства. Но такого личнаго объясненія было бы недостаточно. Министерство финансовъ явилось естественнымъ представи-

[1]) *Объяснительная записка къ Законопроэкту 1886 г.* (См. *А. Кобеляцкій*, стр. 20).

телемъ интересовъ промышленности, т. е. интересовъ крупнаго капитала, который смотритъ на всякіе рабочіе волненія и безпорядки исключительно съ экономической точки зрѣнія; соображенія полицейскаго и политическаго свойства его мало интересовали. Фабриканты ничего не имѣли противъ несогласій и недоразумѣній съ рабочими, если они давали имъ „пользу,“ даже противъ стачки, если она... кончалась пораженіемъ рабочихъ. Для министерства внутреннихъ дѣлъ стояли на первомъ планѣ полицейскія и политическія соображенія. Чтобы не было стачекъ и волненій, чтобы все было тихо! Инспекція затѣмъ и создана, чтобы предупреждать несогласія и мирно ихъ улаживать. И громадный поворотъ въ сторону реакціи, не пощадившей даже суды, привелъ къ торжеству министерства у Полицейскаго моста. Фабричная инспекція не только должна уступить свою власть полиціи, но и перейти въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. Неопредѣленность положенія ея между двумя министерствами толкали инспекцію то въ одну, то въ другую сторону: но и то и другое движеніе лишь укрѣпляло за ней полицейскія функціи. [1])

Разъ у фабричной инспекціи оказалась однородная съ полиціей задача по надзору за „должнымъ благоустройствомъ и порядкомъ“, то ничего нѣтъ удивительнаго, что полиція стала вторгаться въ область своей сосѣдки. „Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаружено было,—заявилъ съ горечью министръ финансовъ въ циркулярѣ 12 марта 1898 г.,—что разслѣдованіе причинъ возникшихъ неудовольствій среди рабочихъ, не исключая разбора заявленій чисто техническаго свойства, касавшихся основаній расчетовъ, продолжительности рабочаго времени и т. п., производимо было чинами полиціи не только безъ участія фабричной инспекціи, но даже безъ ея вѣдома“. Вотъ до чего дошло дѣло! Озабоченный такимъ непрошенымъ вмѣшательствомъ полиціи въ область фабричной инспекціи, миинистръ финансовъ обратилъ вниманіе, что только съ выполненіемъ фабричной инспекціей въ точности ея обязанностей „возможно разсчитывать на своевременное и спокойное устраненіе, при самомъ ихъ возникновеніи, по-

[1]) Вся эта борьба между вѣдомствами сама по себѣ необыкновенно ярко характеризуетъ, во что вырождается самовластіе бюрократіи. При кабинетскомъ парламентскомъ правительствѣ ничего подобнаго быть не можетъ.

водовъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ фабрикантовъ и рабочихъ", разъяснилъ, что главнѣйшая обязанность инспекціи, заключающаяся въ принятіи мѣръ къ предупрежденію споровъ и недоразумѣній „никоимъ образомъ не можетъ быть передаваема полиціи" [1]). Какъ сильно измѣнилось положеніе фабричной инспекціи, объ этомъ краснорѣчиво говорятъ наказы 1894 г. и 1900 г. Наказъ 1894 года ни словомъ не упоминаетъ объ обязанностяхъ фабричной инспекціи по отношенію къ полиціи. Отношенія этихъ двухъ органовъ выражались лишь въ томъ, что чины фабричной инспекціи имѣютъ право требовать отъ мѣстной полиціи содѣйствія и сообщенія свѣдѣній о всѣхъ доходящихъ до полиціи слухахъ о готовящихся забастовкахъ и нарушеніяхъ порядка (ст. 46 Указа 1894 г.) но не обратно. Совсѣмъ иное въ Наказѣ 1900 г. Здѣсь фабричная инспекція уже не только требуетъ содѣйствія отъ мѣстной полиціи, но сама *обязана* доводить незамедлительно до свѣдѣнія губернскаго начальства (ст. 15) и чиновъ мѣстной полиціи (ст. 17) о наступившихъ уже волненіяхъ рабочихъ или такихъ нарушеніяхъ закона, которыя явно угрожаютъ нарушеніемъ порядка. Фабричная инспекція поставлена на одну доску съ полиціей! Вмѣстѣ съ ней раздѣляетъ одно и то же дѣло! Одинъ и тотъ же призракъ рабочей стачки и рабочихъ безпорядковъ вызываетъ главную ея дѣятельность! Правда, тотъ же Наказъ 1900 г. пытается разграничить поле дѣятельности. Если общій мѣстный надзоръ за соблюденіемъ благоустройства и порядка на фабрикахъ и заводахъ осуществляется фабричнымъ присутствіемъ, фабричной инспекціей и полиціей, то „*ближайшій надзоръ за внутреннимъ* благоустройствомъ и распорядкомъ... возлагается *исключительно* на чиновъ фабричной инспекціи" (ст. 2). За ней, слѣдовательно, должно сохраняться исключительное право надзора внутри промышленнаго заведенія. Полиціи же, согласно инструкціи Главнаго по фаб. и горн. дѣламъ присутствія отъ 14 августа 1900 года, въ особенности поручается: „1) принятіе мѣръ къ возстановленію *нарушеннаго наружнаго* порядка и благочинія въ случаяхъ буй-

[1]) Сборникъ, стр. 214. Циркуляръ этотъ хорошо разъясняетъ нашу мысль о томъ, что каждое движеніе мин. внутр. дѣлъ къ передачѣ власти изъ рукъ фабрич. инспекціи въ руки полиціи лишь укрѣпляло за инспекціей полицейскія функціи.

ства, насилія, противозаконныхъ сборищъ, и т. п. 2) принятіе мѣръ къ устраненію неблагонамѣренной среди рабочихъ агитаціи и 3) принятіе мѣръ противъ виновныхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ" (ст. II). Но такое размежеваніе по надзору за внутреннимъ и наружнымъ порядкомъ если и распредѣляло между инспекціей и полиціей поле дѣятельности—въ сущности и это разграниченіе ничего не говорило, хотя бы потому, что для устраненія неблагонамѣренной агитаціи среди рабочихъ полиція такъ или иначе должна была получить надзоръ и за „внутреннимъ" распорядкомъ, то принципіальной грани между тѣмъ и другимъ органомъ оно не проводило, сохраняя инспекцію и полицію въ одной и той же плоскости. Такое ложное положеніе фабричной инспекціи коренилось въ исходномъ пунктѣ нашего законодательства: въ передачѣ инспекціи въ 1886 г. полицейскихъ функцій. Измѣнить это положеніе можно было бы только однимъ путемъ—снявъ съ инспекціи обязанности, чуждыя институту фабричнаго надзора, какъ органу охраны интересовъ труда. Разъ этого не было сдѣлано, (а не сдѣлано потому, что такая политика составляла душу полицейскаго режима, желѣзнымъ кольцомъ охватившаго всю Россію и всюду продвигавшаго свои полицейскія щупальца), то все дальнѣйшее развитіе въ сторону ополицеиванія фабричной инспекціи было только логичнымъ съ бюрократической точки зрѣнія.

Реакція шла впередъ, достигнувъ своей вершины при Плеве. И всесильный министръ внутреннихъ дѣлъ принимаетъ рѣшительную попытку перевести фабричную инспекцію въ свое вѣдомство. Незамѣтно совершавшееся измѣненіе характера дѣятельности фабричной инспекціи завершилось закономъ 30 мая 1903 года „о порядкѣ и предѣлахъ подчиненія фабричной инспекціи начальникамъ губерній и о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ во внутренней организаціи ея". Формально инспекція еще „состоитъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ"; но дальнѣйшее содержаніе закона ясно показало, что фактически инспекція поставлена въ прямую служебную зависимость отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. „Мѣстные чины фабричной инспекціи—говорилъ законъ—дѣйствуютъ подъ руководствомъ губернатора (градоначальника, оберполицеймейстера) по примѣненію закона и изданныхъ въ его развитіе правилъ, инструкцій и наказовъ относительно соблюде-

нія на фабрикахъ и заводахъ должнаго благоустройства и порядка". „Назначенія на должности старшихъ фабричныхъ инспекторовъ и фабричныхъ инспекторовъ производятся по предварительномъ сношеніи съ подлежащимъ губернаторомъ". „Губернатору (градоначальнику, оберполицеймейстеру) предоставляется разрѣшать чинамъ фабричной инспекціи краткосрочные, до двухъ недѣль, отпуски; требовать отъ чиновъ фабричной инспекціи представленія очередныхъ и срочныхъ докладовъ по дѣламъ инспекціи; въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ отмѣнять противорѣчащія закону и интересамъ общественнаго порядка распоряженія чиновъ фабричной инспекціи". Что жъ все это значило? Только то, что фабричная инспекція поставлена въ полную зависимость отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и его губернскихъ представителей. Фабричный инспекторъ приглашался слѣдить за соблюденіемъ фабричныхъ законовъ съ точки зрѣнія интересовъ общественнаго порядка, и если его дѣятельность не будетъ отвѣчать этимъ интересамъ, какъ ихъ понимаетъ губернаторская власть, то фабричный инспекторъ рискуетъ очень важными служебными выгодами: по новому закону не только назначеніе на должность, но распредѣленіе по участкамъ и даже представленіе къ наградамъ производится по предварительномъ сношеніи съ подлежащимъ губернаторомъ. Несмотря на постепенное поглощеніе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ фабричной инспекціи, въ такой постановкѣ его обязанностей и служебнаго положенія заключалось уже много нового. Если законъ повторялъ, что инспекція состоитъ по прежнему въ вѣдѣніи министерства финансовъ, если онъ заявлялъ, что „министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ предоставляется по взаимному соглашенію давать руководящія указанія... объ отношеніяхъ чиновъ фабричной инспекціи къ губернаторамъ (градоначальникамъ, оберполицеймейстерамъ)", то эти нормы были ничѣмъ инымъ, какъ расшаркиваніемъ передъ всесильнымъ когда-то министромъ финансовъ и не имѣли никакого реальнаго значенія, разъ инспекція дѣйствуетъ подъ руководствомъ губернатора. Чтобы укрѣпить эту зависимость отъ губернаторской власти, чтобы не дать другимъ, стоящимъ надъ фабричнымъ инспекторомъ, органамъ той же инспекціи удержаться въ старой позиціи, Плеве провелъ черезъ законъ новую норму: если прежде руководителями инспекціи являлись окруж-

ные инспектора, „представляющіе по преимуществу наблюдательный органъ, учрежденный для достиженія единства дѣйствій чиновъ фабричной инспекціи“ (ст. 18 Наказа 1900 г.), то теперь главная ихъ функція была пріостановлена. Законъ 30 мая 1903 г. „временно“ пріостановилъ дѣйствіе правилъ 7 іюня 1899 г., согласно которымъ на окружныхъ инспекторовъ возлагается наблюденіе за инспекціей и объединеніе ея дѣйствій, сохранилъ за ними только разработку свѣдѣній по промышленной статистикѣ и производство ревизій. Окружные инспектора были превращены въ канцелярскихъ чиновниковъ по письменной части.

Такъ сказалось на обязанностяхъ и служебномъ положеніи института фабричной инспекціи специфическое вліяніе полицейскихъ интересовъ русскаго бюрократическаго строя.

На институтѣ фабричныхъ инспекторовъ—его организаціи, полномочіяхъ, а, слѣдовательно, и дѣятельности—сказалось огромное вліяніе и другой двигательной силы, опредѣляющей наше фабричное законодательство,—вліяніе интересовъ капитала. Какъ органъ карающій правонарушеніе или точнѣе раскрывающій ихъ для наказанія другими учрежденіями, фабричная инспекція была поставлена въ полную зависимость отъ тѣхъ статей закона, которыми обезпечивается наказаніе правонарушителей. Но въ матеріальномъ правѣ фабричнаго законодательства, какъ мы знаемъ, для самыхъ грубыхъ нарушеній не установлено никакихъ наказаній: капиталъ можетъ безнаказанно ихъ нарушать. При такихъ условіяхъ и репрессивная дѣятельность инспекціи, какъ бы строго она ни относилась къ правонарушенію, была заранѣе и безповоротно обречена на безплодіе. Инспекторъ можетъ возмущаться, негодовать, можетъ даже составлять протоколъ, но разъ извѣстное нарушеніе, въ родѣ правилъ о сверхурочныхъ работахъ, не наказуется, протоколъ инспектора, если бы даже онъ его и составилъ, далъ бы нравственное удовлетвореніе только самому инспектору. Правонарушеніе или остается безъ всякихъ репрессій, или вызываетъ возмездіе окольными путями, — наказываютъ не за то, за что слѣдовало. Въ этомъ вынуждены были признаться и сами фабричные инспектора въ извѣстной своей запискѣ.

„Положеніе и дѣятельность инспекціи—говорили они—

поставлены въ крайне тяжелыя условія. Нашъ уставъ о промышленности, долженствующій охватить всѣ стороны взаимныхъ отношеній между работодателями и рабочими, на самомъ дѣлѣ затрагиваетъ лишь чисто формальную сторону этихъ отношеній, регулировать же дѣйствительныя ненормальности промышленной жизни этотъ уставъ не можетъ. Фабричные инспектора неоднократно указывали на устарѣлость и непригодность Устава о промышленности для настоящей плодотворной работы; *съ самыми существенными и тягостными для рабочихъ закононарушеніями со стороны фабрикантовъ фабричнымъ инспекторамъ законъ не даетъ возможности бороться.* Такъ, нарушеніе правилъ о рабочемъ времени и о сверхурочныхъ работахъ для фабриканта почти безнаказанно, съ злоупотребленіями фабрикантовъ по увольненію рабочаго до срока найма у фабричныхъ инспекторовъ нѣтъ средствъ бороться. Статьи 96, 97, 98-я Уст. о пром. представляются мертвыми для блага рабочихъ, статья 139-я этого устава совершенно не упорядочиваетъ вопроса о расцѣнкахъ, ст. 51 Устава о наказ.—совершенно не жизненна, всѣ статьи Уст. угол. судопр. о стачкахъ, равно и циркуляры о нихъ въ родѣ принудительнаго расчета, не согласуются съ практикой стачекъ и т. д.

Такимъ образомъ *фабричнымъ инспекторамъ остается лишь прибѣгать къ окольнымъ путямъ взысканія съ фабрикантовъ не за настоящіе ихъ проступки, а за чисто формальныя нарушенія, а также обращаться къ нравственному воздѣйствію, и если фабричными инспекторами что и сдѣлано, въ смыслѣ улучшенія положенія рабочихъ, то это достигнуто лишь именно нравственнымъ воздѣйствіемъ, а не чѣмъ другимъ*".

Но законодательство наше знаетъ и такія правонарушенія, которыя влекутъ за собой извѣстное наказаніе. Какъ ни ничтожно оно у насъ, интересы капитала, проникнувъ въ законодательство и административное право, постарались по возможности обезопасить себя отъ каръ. Для того, чтобы мировой и окружный судъ или фабричное присутствіе могли наказать фабриканта или завѣдывающаго за правонарушеніе, эти органы судебной и административной юстиціи должны имѣть передъ собою протоколъ фабричнаго инспектора. И тутъ то сказалось все вліяніе капитала на законодательство

и правительство. Законодатель кратко заявилъ, что „чины инспекціи о замѣченныхъ ими нарушеніяхъ правилъ составляютъ протоколы“ (ст. 56 Уст. о пром.). Кажется, ясно. Но въ рукахъ бюрократіи, покровительствующей буржуазіи, эта статья закона получила соотвѣтствующее разъясненіе. Въ наказѣ фабричной инспекціи 1894 года министерство финансовъ пояснило, что фабричный инспекторъ, установивъ фактъ нарушенія, „долженъ выяснить причины такого нарушенія и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно является слѣдствіемъ недостаточнаго пониманія закона, устранить таковое...“ (ст. 33 Наказа). О протоколѣ, карѣ — ни слова! Вопреки общему правилу: „никто не можетъ отговариваться незнаніемъ закона“, для буржуазіи бюрократія самовольно создала свой „законъ“ обратнаго содержанія!! Фабричный инспекторъ обязанъ составлять протоколъ лишь ...въ тѣхъ случаяхъ, когда причиной допущеннаго нарушенія закона или обязательныхъ постановленій является *злой умыселъ или корыстныя побужденія, а равно повтореніе того же нарушенія...*“ (ст. 34 Наказа). Вотъ какими привилегіями награжденъ капиталъ. Чтобъ притянуть къ отвѣтственности пролетарія, достаточно одного факта правонарушенія; къ капиталистамъ и ихъ агентамъ власть не такъ строга: надо быть отъявленнымъ мошенникомъ, чтобъ вызвать репрессію со стороны фабричной инспекціи, благородные же правонарушители съ миромъ отпускаются домой для дальнѣйшей спокойной дѣятельности въ этомъ же родѣ. Но — кто бы могъ подумать—и эти правила оказались, повидимому, слишкомъ „суровыми“ для капитала. По крайней мѣрѣ въ Наказѣ 1900 года, смѣнившемъ Наказъ 1894 года, обязанность инспекціи по составленію протоколовъ была уже формулирована еще вразумительнѣе. „При обнаруженіи нарушеній закона или изданныхъ въ его развитіе постановленій, надзоръ за исполненіемъ коихъ возложенъ на чиновъ фабричной инспекціи, сіи чины обязаны составлять протоколъ *или же удостовѣрить сіе нарушеніе...*“ (ст. 65 Наказа 1900 г.). Инспектору предоставлена еще большая свобода: онъ можетъ ограничиться удостовѣреніемъ правонарушенія и... успокоиться. Кто понимаетъ тонкости бюрократической фразеологіи, кто успѣлъ проникнуть въ истинное содержаніе такихъ даже актовъ вѣжливости, какъ „честью просимъ“, не оши-

бется, если истолкуетъ выборъ, предоставляемый инспекціи, въ прямое приказаніе лишь удостовѣрить правонарушеніе.

Протоколъ и, слѣдовательно, привлеченіе фабрикантовъ и ихъ агентовъ къ отвѣтственности *должны* были сдѣлаться рѣдкими исключеніями. Фабрикантамъ былъ обезпеченъ иммунитетъ! И, дѣйствительно, лучшимъ подтвержденіемъ этого логически неизбѣжнаго вывода служитъ сама жизнь. По своду отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ соотношеніе между обнаруженными правонарушеніями и числомъ протоколовъ выражается въ слѣдующихъ поистинѣ невѣроятныхъ цифрахъ [1]).

Года.	Число правонарушеній.	Число протоколовъ.
1900	18.234	922
1901	31.438	1667
1902	32.638	1714

На 19 правонарушеній составляетъ инспекція одинъ протоколъ, а 18 не вызываютъ даже попытки привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности. Результатъ этотъ, повторяемъ, неизбѣженъ, разъ серьезныя правонарушенія вовсе не караются закономъ, а тамъ, гдѣ кара установлена, инспекція не обязана составлять протоколы и привлекать къ суду. Отсюда еще не слѣдуетъ, что протоколъ приведетъ къ наказанію. Было бы странно, если бы тѣ самыя силы, благодаря которымъ безнаказанность предпринимателей была возведена въ принципъ фабричныхъ законовъ и нормирующихъ дѣятельность инспекціи правилъ,—если бы тѣ же силы не оказали своего вліянія и въ процессѣ судебнаго или административнаго разбирательства. Такъ оно и въ дѣйствительности: по большинству протоколовъ выносится оправдательный къ конечномъ счетѣ приговоръ.

Фабричные инспектора оправдывали себя противъ обвиненія въ снисходительномъ отношеніи къ фабрикантамъ. „*Какіе же протоколы*— спрашивали они въ запискѣ—*можетъ составлять фабричный инспекторъ?* По Уставу о промышленности наказуются, почти исключительно, чисто формальныя нарушенія. Составлять протоколы за ошибку въ записи срока паспорта въ именномъ спискѣ, за ненаписаніе объявленія о замѣстителѣ и т. д., при некультурности завѣдыва-

[1]) Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за соотвѣтствующіе годы, стр. VII, XV, XXI.

ющихъ на маленькихъ фабрикахъ (на большихъ такихъ нарушеній не найти), не принесетъ никакой пользы. Съ учрежденіемъ главнаго по фабричнымъ и горно-заводскимъ дѣламъ присутствія положеніе въ этомъ отношеніи еще ухудшилось: *главное присутствіе стало часто отмѣнять рѣшенія мѣстныхъ присутствій* по протоколамъ, составленнымъ фабричными инспекторами. Мотивомъ отмѣны послужило главнымъ образомъ то же несовершенство Уст. о промышленности; такъ, напримѣръ, на ручныя ткацкія фабрики, которыхъ въ Московской губ. много и на коихъ особенно часто возникаютъ всякія недоумѣнія, главное присутствіе смотритъ какъ на неправильно подчиненныя надзору фабричной инспекціи, ибо онѣ по смыслу Уст. о пром. суть ремесленныя заведенія, а не фабрично-заводскія. Дѣйствительно ст. 1 и 2-я Уст. о пром. не заключаютъ ясныхъ опредѣленій отличія фабрики отъ ремесленнаго заведенія и требуютъ коренного измѣненія, но пока такового еще нѣтъ, и фабричному инспектору нѣтъ силъ бороться съ злоупотребленіями владѣльцевъ подобныхъ фабрикъ, кои обжаловали рѣшенія мѣстныхъ присутствій въ главное присутствіе и добились отмѣны взысканій по протоколамъ, составленнымъ фабричными инспекторами на ихъ фабрикахъ. Рабочіе же съ этихъ фабрикъ идутъ и идутъ съ жалобами къ фабричнымъ инспекторамъ, но послѣднимъ уже нельзя налагать на фабрикантовъ штрафовъ даже и за формальныя нарушенія, а стало быть и окольными путями нельзя помочь рабочему". Поставленная въ такія условія при выполненіи своей карательной функціи, фабричная инспекція въ Россіи должна на каждомъ шагу чувствовать свое безсиліе. Нарушеніе, грубое и непрерывное, фабричныхъ законовъ должно было сдѣлаться общераспространеннымъ явленіемъ, бороться съ которымъ у инспекціи нѣтъ силъ. Если ея дѣятельность по надзору за исполненіемъ закона не даетъ и не можетъ дать крупныхъ общественныхъ результатовъ, то въ этомъ повинны не сами фабричные инспектора, не ихъ личная злая воля или профессіональная уступчивость фабрикантамъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе подобнаго заключенія. Зло заключается не въ личности фабричныхъ инспекторовъ, а въ тѣхъ общихъ, отъ нихъ независящихъ, условіяхъ, которыя наложили свою тяжелую руку и на фабричное законодательство

и на права и обязанности фабричныхъ инспекторовъ. Это почувствовали и сами инспектора, давшіе болѣе или менѣе открытое выраженіе своимъ мыслямъ въ извѣстной запискѣ московскихъ фабричныхъ инспекторовъ [1]). Какъ нелѣпо положеніе фабричной инспекціи въ роли карательной инстанціи, тому яркимъ доказательствомъ можетъ служить совершенно невѣроятный, но несомнѣнный фактъ: инспекція лишена права преслѣдованія за нарушенія обязательныхъ постановленій, издаваемыхъ фабричными присутствіями въ огражденіе санитарныхъ интересовъ рабочихъ!

Классовые интересы капитала оказали свое вліяніе и на опредѣленіе тѣхъ полномочій, какими снабжена фабричная инспекція въ роли органа, предупреждающаго несогласія между рабочими и фабрикантами и примиряющаго ихъ. Конечно, здѣсь капиталу было меньше простора для дѣйствія, потому что предупредительная работа инспекціи была использована бюрократіей въ своихъ политическихъ и полицейскихъ цѣляхъ: конкуррентомъ капитала выступило само правительство. Поставивъ въ обязанность инспекціи во что бы то ни стало предупреждать забастовки, законодатель сумѣлъ однако согласить интересы правительства и буржуазіи. Фабричный инспекторъ вмѣшивается во всѣ мельчайшія детали фабричнаго быта, но правъ и здѣсь у него немного. Онъ опекаетъ рабочихъ, стремясь умиротворить волну развивающагося неудовольствія среди нихъ, но его опека нисколько не ограничиваетъ интересовъ капитала, его эксплоататорской дѣятельности. Хотя инспекторъ свидѣтельствуетъ, разрѣшаетъ, утверждаетъ, скрѣпляетъ, выдаетъ и производитъ всякія другія дѣйствія, но свобода капитала въ сущности сохранена въ неприкосновенности. Фабрикантъ не смѣетъ самолично открыть фабричную лавку. Но чѣмъ ограничиваетъ эксплуатацію труда капиталомъ требованіе: „открытіе фабричныхъ лавокъ инспекція разрѣшаетъ, когда она можетъ представить особыя выгоды для рабочихъ“. Гдѣ и когда фабричная лавка даетъ рабочимъ не только особыя, но просто выгоды? [2]). Инспекторъ разрѣшаетъ от-

[1]) Напечатана въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, №№ 42, 45 и 47 за 1905 годъ.

[2]) Намъ приходилось слышать, что на одной очень крупной фабрикѣ фабричная лавка давала недавно—можетъ быть и теперь—200.000 руб. чистаго дохода!

ступленія отъ закона объ $11^1/_2$ часовомъ рабочемъ днѣ. Но зачѣмъ фабриканту это разрѣшеніе и чѣмъ оно его стѣсняетъ, когда неисполненіе этого требованія не наказуется. Инспекторъ утверждаетъ таксы за пользованіе отъ фабрики квартирами, баней, чайными, столовыми. Но чѣмъ страдаютъ интересы фабриканта отъ такой опеки инспектора, если послѣдній наблюдаетъ лишь за тѣмъ, чтобы размѣры платы не были *чрезмѣрными?*" Мало ли простора господамъ фабрикантамъ въ предѣлахъ до этой чрезмѣрности? И что такое чрезмѣрная плата? Вѣдь 10 рублей квартирныхъ съ человѣка въ мѣсяцъ фабрикантъ и безъ вмѣшательства инспекціи фактически не можетъ взять—въ такихъ случаяхъ идетъ рѣчь о 2, 3 или 4 рубляхъ, которые сами по себѣ, по существующимъ квартирнымъ цѣнамъ, могутъ быть не чрезмѣрной платой, а въ отношеніи къ заработку рабочаго представлять настоящее ростовщичество. И тутъ инспекторъ ничего не можетъ сдѣлать, потому что такая плата сама по себѣ не чрезмѣрна. Фабричный инспекторъ утверждаетъ цѣны отпускаемыхъ изъ фабричныхъ лавокъ товаровъ, „регулируя ихъ сообразно цѣнамъ, существующимъ въ данной мѣстности". Но такъ ли ужъ опасно фабриканту, если инспекторъ будетъ утверждать цѣны, когда такое опредѣленіе, какъ цѣны данной мѣстности, даетъ основаніе полному произволу въ толкованіи термина, когда высокой можетъ быть цѣна не по сравненію съ другими цѣнами, а по негодному качеству товара: во все входить инспекторъ, заваленный работой, фактически не можетъ, и фабрикантъ по прежнему благословляетъ свободу договора. Всѣ эти и имъ подобныя права фабричной инспекціи, не ограждая труда и не ограничивая фабрикантской эксплоатаціи, превращаются въ дѣйствительности въ сплошной и безконечный рядъ формальностей и формальностей. Тамъ, гдѣ фабричные инспектора дѣйствительно могли поставить предѣлъ эксплоатаціи, бюрократія, подъ давленіемъ капитала, не замедлила наложить на нихъ крѣпкую узду. Въ этомъ отношеніи необыкновенно характерная перемѣна произошла въ полномочіяхъ инспекціи по свидѣтельствованію расцѣнковъ заработной платы. Фабричные инспектора во исполненіе этой своей обязанности нерѣдко стали отказывать въ засвидѣтельствованіи расцѣнковъ платы, находя ихъ нарушающими интересы рабочихъ и требуя ихъ измѣненія.

Фабриканты поднялись на защиту своихъ прибылей—потребовалось вмѣшательство комитета министровъ, положеніе котораго, утвержденное 8 мая 1898 года, и опредѣлило, что „засвидѣтельствованіе чинами фабричной инспекціи расцѣнокъ заработной платы имѣетъ значеніе только удостовѣренія въ неизмѣнности объявленныхъ расцѣнокъ въ теченіе договорнаго времени," и потому инспекція не въ правѣ отказывать въ засвидѣтельствованіи. Причины негодованія фабрикантовъ слишкомъ очевидны: фабричные инспектора, отказывая въ засвидѣтельствованіи расцѣнокъ, тѣмъ самымъ вліяли на опредѣленіе заработной платы. Но ни правительство, ни тѣмъ болѣе фабриканты не могли сочувствовать такому „посягательству". Иное значеніе акта засвидѣтельствованія—разсуждалъ въ комитетѣ министровъ министръ финансовъ—„было бы равносильно утвержденію инспекціей нормъ заработной платы и *затрагивало бы ограждаемую закономъ незыблемость свободы договорныхъ отношеній*". Истинное значеніе пресловутой свободы договора раскрыто во всю его настоящую величину, какъ и истинныя цѣли нашего фабричнаго законодательства. Фабричные законы и ихъ исполнительные агенты не должны затрагивать свободы эксплоатаціи и покушаться на прибыль! Иначе „владѣльцы предпріятій лишились бы увѣренности въ устойчивости своихъ хозяйственныхъ разсчетовъ, чѣмъ, разумѣется, былъ бы нанесенъ тяжелый, трудно поправимый ударъ нашей промышленности". Надо спасать промышленность,—и она была спасена, а фабричный инспекторъ посаженъ на свое мѣсто. Но вѣдь фабричный инспекторъ долженъ не только оберегать интересы капитала, но и предупреждать нарушенія общественнаго спокойствія. Объ этой второй сторонѣ правительство всего менѣе могло позабыть—это значило бы позабыть себя. И комитетъ министровъ нашелъ выходъ: инспекторъ, опасающійся за сохраненіе порядка среди рабочихъ вслѣдствіе введенія предложенныхъ заводоуправленіемъ расцѣнокъ, долженъ сообщить о нихъ мѣстному губернатору, а губернаторъ, „имѣющій постоянное и тщательное попеченіе о благѣ жителей всѣхъ состояній управляемаго имъ края, охраняющій повсюду общественное спокойствіе и безопасность всѣхъ и каждаго и облеченный соотвѣтственно сему нравственною и матеріальною властью, ...можетъ воздѣй-

ствовать нравственными средствами, убѣжденіемъ сторонъ". [1]) Губернаторъ, въ роли отца и благодѣтеля всѣхъ и каждаго, внушающій фабриканту нравственными средствами необходимость уступки рабочимъ—что можетъ быть умилительнѣе этой идиллической картины, нарисованной собственными руками бюрократіи! Но въ такой патріархальности быта, которой такъ гордилась наша бюрократія, какъ истинно русскимъ началомъ, не могла процвѣтать законность, не могло быть и настоящихъ фабричныхъ законовъ и фабричной инспекціи. Попечительство надъ рабочими превратилось въ потворство капиталу и въ подавленіе всякихъ рабочихъ движеній, какъ бы законны они ни были съ точки зрѣнія небуржуазной и небюрократической справедливости. Фабричный инспекторъ приглашался оберегать гроши фабрикантовъ и нести полицейскую службу, и, выполняя эту миссію согласно требованіямъ „фабричнаго" законодательства, онъ въ лучшемъ случаѣ, могъ предаваться формалистикѣ, безвредной рабочимъ и полезной фабриканту. [2]).

Надо ли доказывать, что послѣдняя, наконецъ, обязанность фабричной инспекціи по умиротворенію и улаженію разногласій между рабочими и фабрикантомъ не имѣла для себя уже никакой опоры въ соотвѣтствующихъ правахъ инспекціи. Фабричные инспектора—говорится въ Наказѣ—обязаны принимать мѣры къ разсмотрѣнію жалобы и заявленія о неудовольствіяхъ между рабочими и заводоуправленіями, тщательно разслѣдовать степень основательности жалобъ, при-

---

[1]) Сборникъ, выпускъ II, стр. 230—237.

[2]) Журналъ комитета министровъ съ поразительною ясностью вскрываетъ истинныя причины фабричнаго законодательства и блестяще подтверждаетъ правильность сдѣланнаго нами анализа. Комитетъ между прочимъ говорилъ о трудности „провести ясную черту между обязательнымъ для государства попечительствомъ надъ рабочими и нежелательнымъ вмѣшательствомъ въ область свободнаго ихъ соглашенія съ фабрикантами". Если для большей точности послѣднюю фразу редактировать „въ область свободнаго соглашенія фабрикантовъ съ ними", если вспомнить дальше, что по мнѣнію комитета „надзоръ правительственной власти долженъ здѣсь имѣть задачею огражденіе этой свободы отъ *посторонних*ъ посягательствъ", то мы поймемъ, что въ нашемъ фабричномъ законодательствѣ попечительство надъ рабочими должно было сохранить въ неприкосновенности всю эксплоататорскую силу капитала по отношенію къ труду, что попечительство, которое не должно переходить въ нежелательное вмѣшательство, должно на практикѣ превратиться во вмѣшательство въ жизнь рабочихъ, имѣющее свои особыя, полицейскія цѣли и въ невмѣшательство въ жизнь капитала, то есть, превратиться на практикѣ въ простую формальность по отношенію къ капиталу. Только это и можетъ покрывать собой понятіе „желательнаго" вмѣшательства,—неактивнаго, безвреднаго.

нимать мѣры къ выясненію вызвавшихъ ихъ причинъ, и стараться достигнуть миролюбиваго соглашенія сторонъ, а, если послѣднее не состоится, то отсылать стороны къ судебному разбирательству... Инспектору, слѣдовательно, не дано никакихъ правъ, чтобы привести фабриканта къ уступкѣ рабочимъ. Онъ можетъ лишь просить, убѣждать, доказывать словомъ воздѣйствовать своимъ нравственнымъ авторитетомъ и, если фабрикантъ не уступитъ, отсылаетъ рабочаго въ судъ. Такой порядокъ могъ быть выгоденъ только капиталу. Рабочему судъ недоступенъ, а между тѣмъ огромная масса претензій и неудовольствій рабочихъ принадлежитъ къ такимъ, въ которыхъ нѣтъ признака формальнаго правонарушенія со стороны фабриканта: это тѣ именно претензіи, которыя касаются чисто матеріальныхъ интересовъ рабочаго—неуплаты или задержанія заработной платы, увольненія рабочаго, неправильной оцѣнки труда и т. д. До суда далеко, рабочій и не пойдетъ къ нему, потому что одно только упоминаніе о судѣ влечетъ за собой изгнаніе рабочаго съ фабрики,—и фабриканты, отлично сознавая всю безпомощность рабочаго и все безсиліе фабричнаго инспектора, эксплоатируютъ рабочихъ, обсчитывая и обирая смиренныхъ и прогоняя въ шею непокорныхъ. А фабричный инспекторъ можетъ лишь пріятно осклабиться и посовѣтовать рабочему судъ. Это безсиліе сознаютъ и сами фабричные инспектора, съ горечью писавшіе въ своей запискѣ.

„При разговорахъ съ забастовщиками на большинствѣ фабрикъ и заводовъ фабричнымъ инспекторамъ приходилось выслушивать отъ рабочихъ весьма нелестные отзывы о ихъ дѣятельности, такъ какъ большинство рабочихъ Московской губерніи, по своей некультурности и неразвитости, считали виновниками своихъ несчастій не несовершенство нашего фабричнаго законодательства, а бездѣйствіе фабричныхъ инспекторовъ; болѣе развитая и малочисленная часть рабочихъ (механическій цехъ) отлично видятъ безсиліе фабричнаго инспектора при существующихъ условіяхъ и на забастовкахъ заявляли, что они понимаютъ, что фабричные инспектора могутъ лишь „просить“ фабрикантовъ, ничего же существеннаго сдѣлать для нихъ не могутъ, при всемъ своемъ желаніи. Такимъ образомъ *инспектора на дѣлѣ являются не регуляторами отношеній между фабрикантами и*

рабочими, а буферами между потребностями рабочихъ и несовершенствомъ закона".

У рабочихъ, помимо суда, остается одно только средство защитить свои интересы—стачка. Сплошь и рядомъ, возмущенные жестокой эксплоатаціей на фабрикахъ, рабочіе дружной толпой собираются встать за свое правое дѣло; является фабричный инспекторъ, чтобы предупредить стачку. Но въ чьихъ интересахъ это предупрежденіе, если фабрикантъ не уступитъ рабочимъ? Какъ ни дорого обходится стачка рабочимъ, но во многихъ случаяхъ она только одна можетъ помочь имъ, а фабричный инспекторъ, радѣя о полицейскомъ спокойствіи бюрократическаго самовластія, всѣми силами стремится предупредить забастовку. И такое посредничество выгодно только фабриканту. Сколько бы сочувствія рабочимъ ни выказывалъ фабричный инспекторъ, его участіе въ лучшемъ случаѣ не приноситъ рабочимъ вреда—гдѣ фабрикантъ уступаетъ, онъ уступилъ бы и стачкѣ. Но тамъ, гдѣ фабрикантъ не уступилъ рабочимъ, фабричный инспекторъ, предупредившій стачку, не только не оказываетъ тѣмъ помощи рабочимъ, но дѣйствуетъ во вредъ ихъ интересамъ: въ его лицѣ фабрикантъ пріобрѣтаетъ лишь поддержку своимъ эксплоататорскимъ инстинктамъ.

Тѣ же экономическіе интересы капитала наложили свое клеймо и на другой органъ надзора за соблюденіемъ на фабрикахъ и заводахъ „должнаго благоустройства и порядка": на мѣстныя по фабричнымъ дѣламъ присутствія. На эти учрежденія была возложена троякаго рода задача: во-первыхъ, изданіе обязательныхъ постановленій о мѣрахъ къ охраненію жизни, здоровья и нравственности рабочихъ—та важная отрасль фабричной гигіены, которая въ передовыхъ странахъ образуетъ чуть ли не главное содержаніе законодательной дѣятельности по охранѣ труда; во-вторыхъ, контроль надъ дѣйствіями фабричной инспекціи—присутствія разсматриваютъ жалобы на распоряженія чиновъ инспекціи и по своему усмотрѣнію отмѣняютъ ихъ; въ-третьихъ, рѣшеніе дѣлъ, по протоколамъ фабричной инспекціи о нарушеніяхъ уставао промышленности, совершенныхъ завѣдывающими фабрикъ и заводовъ. Такимъ образомъ фабричныя присутствія, по закону 1886 года, совмѣщали функціи санитарнаго законодательства, контролера надъ инспекціей и ад-

министративнаго судилища надъ завѣдывающими. Въ первомъ и третьемъ случаѣ дѣятельность фабричныхъ присутствій непосредственно затрагивала промышленный капиталъ: денежныя кары на завѣдывающихъ, какъ и выполненіе требуемыхъ обязательными постановленіями санитарныхъ мѣръ падали на карманъ фабрикантовъ. И тѣ запротестовали. Для изслѣдователя, стоящаго внѣ фабричныхъ интересовъ, ясно, что фабричныя присутствія не могли подать повода къ особому недовольству. Кары, установленныя закономъ, ничтожны, для обязательныхъ постановленій вовсе не имѣлось какой-нибудь реальной опоры въ законодательной нормѣ, а при такихъ условіяхъ и рѣшенія присутствій не могли быть тягостными для фабрикантовъ. Но капиталъ желалъ бы эксплоатировать не подвергаясь никакимъ ограниченіямъ,—и противъ пристутствій началась обычная агитація-проводившаяся въ нѣдрахъ канцелярскихъ учрежденій министерства финансовъ. Агитація принесла плоды. По закону 1886 года присутствія составлялись изъ пяти лицъ, принадлежащихъ къ губернской администраціи, и двухъ представителей отъ земства и города. Закономъ 14 марта 1894 года эти послѣднія два мѣста были отняты отъ общественнаго самоуправленія и переданы... представителямъ торговопромышленнаго капитала. Такимъ образомъ фабриканты и заводчики стали судьями своего же дѣла. Что такая перемѣна въ личномъ составѣ присутствій была въ интересахъ капитала и должна была рѣшительно отразиться на характерѣ дѣятельности присутствій—это больше чѣмъ очевидно. Намъ нечего впрочемъ пускаться въ область догадокъ. По откровенному признанію крупнаго петербургскаго фабриканта Санъ-Галли, много лѣтъ участвовавшаго въ фабричныхъ присутствіяхъ, „мы относились къ протоколамъ обвиненій промышленниковъ по возможности снисходительно, признавая законъ о штрафахъ очень суровымъ“; „когда намъ всѣмъ (помощнику градоначальника, прокурору, жандармскому начальнику и заводчикамъ) было жалко обязать подсудимаго платить 200—300 руб. штрафа“, тогда „мы“ судили по аналогіи правилъ мировыхъ судей... [1]).

Но перемѣной въ личномъ составѣ „реформа“ не огра-

[1]) Санъ-Галли, Curriculum vitae СПБ., 1903 стр. 56—57.

ничилась. Присутствія, какъ мы видѣли, были снабжены полномочіями судебнаго учрежденія по разбору правонарушеній завѣдывающихъ. Его рѣшенія, въ видахъ все того же полицейскаго умиротворенія фабрикъ и заводовъ, предполагалось первоначально признать не подлежащими обжалованію; но государственный совѣтъ сжалился надъ фабрикантами и призналъ рѣшенія присутствій, окончательными лишь въ предѣлахъ до 100 рублей; при бо́льшихъ взысканіяхъ жалоба на присутствіе приносилась министру финансовъ и разрѣшалась послѣднимъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. И этотъ порядокъ оказался невыгоднымъ капиталу. „Такъ какъ министры не имѣютъ возможности лично входить въ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ жалобъ, то на практикѣ дѣло сводилось въ большинствѣ случаевъ къ чисто формальному разрѣшенію послѣднихъ, что *вовсе не соотвѣтствовало интересамъ представителей промышленности*“... Такъ объяснялась оффиціально необходимость новой реформы. Невыгодно капиталу—и все. Въ такой зловредной дѣятельности присутствія оказались повинными и въ исполненіи возложенной на нихъ обязанности по изданію санитарныхъ постановленій. Правила эти оказывались „иногда мало цѣлесообразными, иногда *слишкомъ стѣснительными* и даже превосходящими полномочія присутствій“, а между тѣмъ они могли быть отмѣнены только по жалобѣ промышленниковъ. „По этимъ причинамъ фабриканты и заводчики центральнаго и лодзинскаго района давно уже ходатайствовали объ измѣненіи закона въ томъ смыслѣ, чтобы за мѣстными присутствіями было сохранено право составленія лишь *проектовъ* обязательныхъ постановленій...

И вотъ, чтобы парализовать непріятныя фабрикантамъ функціи присутствій издается законъ 7 іюня 1899 года. Мѣстныя присутствія, включающія въ кругъ своей дѣятельности и горнозаводскія предпріятія и потому переименованныя въ губернскія или областныя по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія, образуются уже изъ шести правительственныхъ членовъ, *четырехъ членовъ отъ мѣстныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ и членовъ отъ горнопромышленниковъ*. Число послѣднихъ въ законѣ не было почему то твердо опредѣлено; законодатель предоставилъ это взаимному соглашенію министровъ финансовъ и земледѣлія, „въ зави-

симости отъ степени развитія мѣстной горной промышленности" (ст. 6 раздѣла II). Такимъ образомъ на одного прибавленнаго члена отъ правительства промышленники получили двухъ новыхъ членовъ отъ фабрично-заводской промышленности и неопредѣленное число новыхъ делегатовъ отъ горнопромышленности. Заводчики и фабриканты сдѣлались въ присутствіи господами своихъ интересовъ... Тѣмъ же закономъ 7-го іюня произведено было и другое нововведеніе. Надъ мѣстными присутствіями, „для высшаго наблюденія за правильнымъ примѣненіемъ законоположеній, касающихся соблюденія на фабрикахъ, заводахъ и горныхъ промыслахъ должнаго порядка и благоустройства", учреждено было главное по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіе. На это новое учрежденіе были возложены кромѣ права изданія инструкцій, наказовъ и правилъ въ развитіе дѣйствующаго законодательства и нѣкоторыхъ другихъ полномочій, тѣ именно функціи мѣстныхъ присутствій и апелляціонныя права министровъ, которыя такъ стѣсняли господъ промышленниковъ. Главному присутствію было передано изданіе общихъ правилъ о мѣрахъ къ охраненію жизни, здоровья и нравственности рабочихъ и по организаціи врачебной помощи, а за мѣстными оставлено изданіе обязательныхъ постановленій, въ развитіе и примѣненіе къ мѣстнымъ условіямъ или частнымъ случаямъ, правилъ главнаго присутствія или переводя этотъ непонятный оффиціальный языкъ, столь характерный показатель полнаго безсилія бюрократ[1] и даже въ области законодательной техники—на обычную рѣчь, это значило: все дѣло почти полностью перенесено съ мѣстныхъ на главное присутствіе. Мѣстныя присутствія лишены были даже права касаться вопросовъ техническаго характера. Затѣмъ жалобы на рѣшенія и обязательныя постановленія мѣстныхъ присутствій приносятся уже не министру финансовъ, а главному присутствію, получившему право отмѣнять эти рѣшенія и постановленія. Какую же выгоду могли получить промышленники отъ передачи указанныхъ полномочій главному присутствію? Выгода для нихъ заключалась уже въ томъ, что надъ одной бюрократической коллегіей воздвигалась другая такая же инстанція, что надъ властью одной канцелярщины создавалась власть другой, что, иными словами, всякое живое дѣло, если къ нему была спо-

собна одна бумажная инстанція, должно было окончательно обратиться въ бумажную форму, когда ихъ явилось двѣ. И дѣйствительно практика показала, что если мѣстныя присутствія все же издавали обязательныя постановленія по санитарной части, хотя и страдавшія огромными недостатками, то въ рукахъ главнаго присутствія эта функція совершенно заглохла: старое было измято, а новаго не появилось. Кому была выгодна такая „дѣятельность“ главнаго присутствія,— ясно. Но промышленникамъ былъ выгоденъ новый порядокъ и потому, что самый составъ главнаго присутствія былъ приспособленъ къ нуждамъ промышленности, какъ принято говорить. На двѣнадцать членовъ отъ правительства (несчитая окружныхъ инспекторовъ, число которыхъ не опредѣлено въ законахъ) въ главномъ присутствіи засѣдаютъ девять членовъ отъ фабрикантовъ и горнопромышленниковъ. Если представителямъ промышленности не удавалось профильтровать и обезвредить для себя ту или иную мѣру или рѣшеніе въ мѣстномъ присутствіи, то имъ открывалось теперь средство наверстать потерянное въ главномъ присутствіи. И, дѣйствительно, поскольку дѣло касается карательныхъ рѣшеній, главное присутствіе возвело чуть ли не въ систему освобожденіе фабрикантовъ отъ взысканій, наложенныхъ мѣстными присутствіями.

И когда г. Литвиновъ-Фалинскій, повторяя за оффиціальными источниками, утверждалъ, что отъ главнаго присутствія „можно ожидать серьезнаго улучшенія карательной дѣятельности мѣстныхъ присутствій и устраненія излишнихъ поводовъ къ неудовольствіямъ“, то это было лицемѣрной оффиціозной игрой словъ: если считать улучшеніемъ такой порядокъ, который устранилъ неудовольствіе господъ фабрикантовъ, то г. Фалинскій правъ. Разумѣется, новая централистическая организація преслѣдовала не только интересы фабрикантовъ, но и извѣстныя техническія выгоды, связанныя съ правильно устроенной системой управленія особенно при обширности круга дѣятельности подчиненныхъ администраторовъ и многочисленности ихъ. Но въ іерархической системѣ правительственныхъ учрежденій, если ею преслѣдовались бы только интересы управленія, не могло и не должно было быть мѣста представителямъ промышленности. Вводя въ ихъ составъ заинтересованныхъ представи-

телей той самой промышленности, которую предстояло ограничивать и карать въ огражденіе жизни, здоровья и заработка рабочихъ, бюрократія сознательно подчиняла и дѣятельность этихъ учрежденій своекорыстнымъ интересамъ капитала и дѣлала судьею сторону, которая и безъ того торжествуетъ побѣду надъ изголодавшимся и безправнымъ рабочимъ. Для того, чтобы органы фабричнаго надзора могли свободно и производительно выполнять ту великую общественную задачу, которая выпала хотя бы на долю англійской фабричной инспекціи, — для этого необходимо было бы освободить этотъ институтъ отъ низшихъ до высшихъ инстанцій отъ какого бы то ни было участія представителей капитала,—какъ необходимо порвать и всякія цѣпи, крѣпко привязавшія его къ политическо-полицейскому аппарату бюрократическаго самовластія. Институтъ фабричной инспекціи, независимый и внутри и внѣ, переставшій быть органомъ капитала и полицейскихъ соображеній правительства,— только такое свободное [1]) учрежденіе способно съ честью для страны и съ пользой для рабочаго класса претворить въ жизнь требованія фабричнаго законодательства.

Мы показали сущность правъ и обязанностей нашей фабричной инспекціи. Не безъ боли продѣлали мы этотъ анализъ. Фабричный инспекторъ считавшійся многими по наслышкѣ истиннымъ другомъ и защитникомъ рабочихъ, въ ужасныхъ условіяхъ русской дѣйствительности становится лишь проводникомъ политическихъ интересовъ правящихъ и невольнымъ, молчаливымъ свидѣтелемъ безграничной эксплоатаціи труда капиталомъ. О защитѣ рабочихъ противъ капитала вы не найдете ни одного прямого указанія ни въ законѣ, ни въ наказахъ. И если фабричные инспектора становятся иногда на сторону рабочихъ, если они такимъ образомъ выполняютъ истинныя обязанности инспекціи труда, то это происходитъ помимо закона и его вдохно-

---

[1]) Мы говоримъ конечно о свободѣ въ чисто организаціонномъ смыслѣ—о томъ, чтобы учрежденія фабричнаго надзора не заключали въ своей средѣ представителей капитала и не были связаны съ такими правительственными учрежденіями, которыя давали бы имъ право пользоваться инспекціей въ цѣляхъ, постороннихъ этому институту. Фабричная инспекція должна быть организована въ совершенно независимое отъ администраціи учрежденіе. О другой свободѣ въ современномъ государствѣ, рѣзко отражающемъ интересы капитала, не можетъ быть и рѣчи. Вліяніе и капитала и правительства, покровительствующаго буржуазіи, на институтъ фабричной инспекціи неизбѣжно.

вителей, подъ тяжелыми впечатлѣніями фабричной жизни, гнетущими душу и умъ фабричнаго инспектора и будящими въ немъ инстинктивную потребность встать на защиту попранной справедливости. Съ такимъ именно чувствомъ дѣйствовали фабричные инспектора и въ Россіи въ первые годы фабричныхъ законовъ. Благодаря особенностямъ личнаго ихъ состава, несвязанные еще мертвящимъ шаблономъ и неизбѣжными традиціями въ дѣятельности всякаго административнаго учрежденія, фабричные инспектора перваго призыва съ жаромъ отдались своему новому дѣлу. Появившіеся въ печати первые отчеты фабричныхъ инспекторовъ произвели огромное впечатлѣніе: передъ русскимъ обществомъ выступили во всей наготѣ всѣ ужасы никогда и ничѣмъ не стѣснявшейся эксплоатаціи рабочихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ. Нищенскій заработокъ, безконечный рабочій день, эксплоатація дѣтскихъ силъ, невѣроятныя санитарныя условія, полный произволъ фабрикантовъ, отгрызающихъ штрафами до 40% заработной платы,—такая картина фабричныхъ патріархальныхъ порядковъ поразила неуспѣвшихъ еще стать чиновниками фабричныхъ инспекторовъ, и они повѣдали обществу всю правду. Но такая откровенность не могла понравиться господамъ фабрикантамъ. Началась ожесточенная ихъ агитація противъ фабричныхъ инспекторовъ. „Не прошло и года со дня открытія дѣйствій новаго института—жаловалось ярмарочное купечество въ 1887 году министру финансовъ,—а уже извѣстно, сколько имъ возбуждено недоразумѣній и вызвано непріятностей. Русскіе промышленники, оглядываясь на долгое, спокойное и патріархальное прошлое русскихъ производствъ, смѣютъ думать, что они заслуживаютъ у власти бо́льшаго довѣрія, чѣмъ то, какое имъ оказано введеніемъ стѣсняющаго какъ ихъ, такъ и ихъ рабочихъ новаго фабричнаго закона, отдающаго часто цѣлое предпріятіе на милость и немилость лица, въ фабричномъ дѣлѣ не компетентнаго и не имѣющаго ничего общаго ни съ интересами государства, ни съ нуждами промышленности. Ярмарочное купечество и производители не имѣютъ ничего противъ вмѣшательства государства во взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ. Они готовы привѣтствовать законъ, хорошо регулирующій эти отношенія и его истолкователей, стремящихся водворить миръ, тишину и любовь въ

фабричной средѣ, но они полагаютъ, что существующій законъ мало приближается къ этому идеалу, а его истолкователи явно уклоняются въ сторону, тенденціозно преслѣдуя совершенно непонятныя цѣли и только внося раздоръ и разладъ въ фабричную жизнь".

Ходатайства купцовъ и фабрикантовъ объ обузданіи фабричныхъ инспекторовъ остались вѣчнымъ памятникомъ классоваго цинизма россійскаго капитала. Онъ хотѣлъ чтобы не нарушали его спокойнаго и патріархальнаго прошлаго, которое было не чѣмъ инымъ, какъ ужасающей необузданной вакханаліей, въ которой гибли силы дѣтей, женщинъ и взрослыхъ рабочихъ, изнашиваясь въ нѣсколько лѣтъ; [1]) онъ желалъ бы попрежнему высасывать всѣ соки изъ рабочихъ, выжимая всѣми средствами прибыль, соединяя въ себѣ жестокость рабовладѣльца съ дикимъ самовластіемъ Титъ Титычей, и никто чтобъ не смѣлъ ему перечить; онъ хотѣлъ бы прежними патріархальными пріемами подавлять среди рабочихъ ропотъ голодныхъ и умирающихъ, чтобы стоны не доходили до общества, и всѣ благословляли бы миръ, тишину и любовь въ фабричной средѣ. И россійскіе купцы и фабриканты, попирая ногами жизнь рабочихъ, создавая на фабрикахъ такіе порядки, при видѣ которыхъ у свѣжихъ людей стыла кровь въ жилахъ, имѣли еще безстыдство доказывать что между рабочими, представителями матеріальнаго труда, и фабрикантами, „представителями *умственнаго труда* и капитала" нѣтъ противоположности интересовъ; наоборотъ: „союзъ этихъ двухъ родовъ труда могъ произойти не иначе, какъ на основаніи сходства интересовъ, ибо если бы эти послѣдніе были несходны, то и не явилось бы основаній, къ союзу". Да, отношенія фабриканта къ рабочему давали такое же право назвать ихъ союзомъ, какъ отношенія квартальнаго къ обывателю, ведомому въ участокъ и избиваемому по дорогѣ туда; а сходство интересовъ труда и капитала было такъ велико, что иной рабочій, у котораго пухли ноги отъ голода, пошатываясь могъ легко ошибиться дверью и попасть вмѣсто землянки въ палаццо, куда

[1]) „Побитые, небитые — для насъ все равно", говорилъ судебной власти одинъ изъ служащихъ Хлудовской фабрики: „я знаю — возразилъ слѣдователь — что для васъ даже пзжаренные нипочемъ". См. Пожитковъ „Положеніе рабочаго класса въ Россіи", „Правда", 1905, VI, стр. 98. Есть отдѣльное изданіе „Обществ. Пользы" 1908 г.

также пошатываясь, отъ усиленныхъ занятій умственнымъ трудомъ за тенерифомъ, невѣрной стопой пробирался Титъ Титычъ.

Такъ понимали справедливость посители капитала, защищая свой карманъ. И правительство сдалось на ихъ агитацію. Она привела не только къ тому, что фабричные законы сдѣлались пустой формой, но и къ рѣшительному ограниченію дѣятельности фабричныхъ инспекторовъ. Подъ вліяніемъ агитаціи капитала, выведеннаго на чистую воду въ первыхъ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ, съ 1886 года прекратилось обнародованіе дальнѣйшихъ отчетовъ. На гласность была наложена узда. Въ то время какъ всякія правонарушенія, совершенныя обывателемъ, отдавались на судъ общественнаго мнѣнія, дѣйствія фабрикантовъ, затрагивающія самые важные общественные интересы, были покрыты непроницаемой пеленой. Капиталъ удостоился тѣхъ же привилегій, какими пользовалось и пользуется наша бюрократія, задрапировавшаяся отъ нескромныхъ взоровъ фиговымъ листомъ цензуры.

Разумѣется, въ дѣйствіяхъ россійскаго капитала не было чего-либо исключительнаго. Его коллеги — французскіе буржуа — относились къ фабричной инспекціи не съ бо́льшимъ почетомъ. Если научная литература могла высказываться противъ увеличенія состава фабричныхъ инспекторовъ на томъ основаніи, что пожелай господа инспектора сами работать—пришлось бы меньше пользоваться дѣтскимъ трудомъ, (въ буржуазномъ Journal des Economists, 1887), то ничего нѣтъ удивительнаго, если въ 1888 г. палата высказалась 171 голосомъ за полную отмѣну инспекціи труда, если еще въ 1891 г. нашелся депутатъ, серьезно предлагавшій передать въ сельскихъ общинахъ обязанности фабричныхъ инспекторовъ... полевымъ сторожамъ [1]). Французская буржуазія добилась и непечатанія подлинныхъ отчетовъ фабричной инспекціи, изъ которыхъ всякій французскій гражданинъ могъ бы узнать, что представляютъ собой великіе меценаты и благотворители, о которыхъ говорятъ газеты, не въ благотворительныхъ базарахъ и на выставкахъ картинъ, а на самой фабрикѣ. Но даже всесильнымъ фран-

[1]) „Законодательная охрана труда“ изд. Водовозовой С.-Пб. 1901, стр. 147.

цузскимъ буржуа не удалось вовсе прекратить, какъ у насъ, печатанье отчетовъ: во Франціи все же появлялись краткіе, ничего не говорившіе отчеты Высшей Комиссіи по надзору, тогда какъ у насъ съ 1886 до 1902 года не появлялось никакихъ абсолютно извѣстій о дѣятельности фабричнаго надзора.—Съ 1902 г. стали опубликовываться общіе, суммарные своды голаго цифрового матеріала о дѣятельности инспекціи, сопровождаемые скудными выдержками изъ *отчетовъ*, но эти своды ничего почти не говорятъ ни уму, ни сердцу, ни воображенію. Россія съ середины 80-хъ годовъ остается въ полной неизвѣстности о томъ, что творится во внутренней жизни нашихъ фабрикъ и заводовъ. Эта безгласность произвела разрушительное вліяніе на характеръ дѣятельности фабричныхъ инспекторовъ. Разъ фабричный инспекторъ не могъ уже обращаться со страницъ своего отчета къ обществу, которое клеймило бы негодованіемъ недостойную эксплоатацію труда капиталомъ, дѣятельность инспектора теряла и для него самого свой высокій общественный смыслъ. Фабричнаго инспектора скрыли отъ общества крѣпкія стѣны канцелярій, его живая работа переводилась лишь въ бездушный исходящій номеръ, который не нуженъ былъ въ сущности даже начальству. Фабричный инспекторъ обезцвѣчивался и превращался въ безгласнаго чиновника, Этого только и надо было... капиталу. Tu l'as voulu Georges Dandin! Фабричный инспекторъ съ зажатой глоткой былъ желателенъ только капиталу, и капиталъ насѣлъ на фабричнаго инспектора, а тотъ, не имѣя силъ обороняться, постепенно примирялся со своимъ положеніемъ и молча глядѣлъ на business фабриканта. Изъ органа защиты труда противъ капитала — таково его настоящее назначенье—фабричный инспекторъ сталъ послушнымъ орудіемъ капитала. Здѣсь и кроется психологическая причина, почему фабричный инспекторъ сталъ такъ хладнокровно относиться къ десяткамъ тысячъ правонарушеній, составляя лишь сотни протоколовъ. Фабриканты, обезоруживъ инспектора, стали уже относиться къ нему по иному. Когда, напр., изданы были правила 1903 г. о сверхурочныхъ работахъ, предоставившія разрѣшеніе ихъ фабричнымъ присутствіямъ, представители московской полиграфической промышленности просили о передачѣ фабричному

инспектору функцій, возложенныхъ правилами на мѣстныя присутствія. Правда, механизмъ работы мѣстныхъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствій болѣе тяжеловѣсенъ, чѣмъ фабричнаго инспектора; его рѣшеніе можетъ состояться и дойдетъ по назначенію скорѣе, чѣмъ рѣшеніе коллегіальнаго присутствія. И все-таки, чтобы рѣшиться на подобную замѣну коллегіальнаго учрежденія *съ представительствомъ интересовъ промышленности* единоличной властью административнаго органа, необходима была по меньшей мѣрѣ увѣренность, что фабричный инспекторъ отнесется къ интересамъ промышленности съ той же „благожелательностью", какъ и свои же люди—члены присутствія. Какая, слѣдовательно, огромная перемѣна произошла во взглядахъ промышленниковъ на фабричную инспекцію со времени 80-хъ годовъ! Причины такой перемѣны до извѣстной степени могутъ быть объяснены тѣмъ, что предприниматели мало-по-малу привыкли къ фабричнымъ законамъ и къ дѣятельности органовъ надзора; но едва ли мы ошибемся, если еще въ большей степени припишемъ этотъ поворотъ измѣнившейся дѣятельности фабричныхъ инспекторовъ. Чтобы ни говорили, но кто не замѣтитъ огромной разницы въ характерѣ дѣятельности и служебномъ положеніи фабричныхъ инспекторовъ „перваго призыва" и современныхъ ихъ преемниковъ. Иначе и не могло быть. За двадцать лѣтъ, прошедшихъ со времени введенія фабричныхъ инспекторовъ, представители капитала заняли въ странѣ положеніе чуть-ли не самой сильной и вліятельной группы, интересы которой бережливо охраняетъ правительство; за эти же двадцать лѣтъ рѣзко измѣнились въ намѣчавшемся еще ранѣе направленіи задачи правительственной политики, и условія общественной дѣятельности. Надо ли удивляться, что дѣйствуя на этомъ измѣнившемся фонѣ, представители фабричнаго надзора, зависимые въ своемъ служебномъ положеніи отъ видовъ правительства и въ своей общественной функціи отъ вліянія предпринимательскихъ круговъ, превратились въ обычнаго типа чиновниковъ и ушли отъ своего первообраза — фабричнаго инспектора Западной Европы—на такое же далекое разстояніе, какъ далеко до англійскаго государственнаго строя русскому. Обезличеніе фабричной инспекціи, ея канцеляр-

кій духъ въ наше время открыто признаютъ и сами ея представители. „Долговременное чисто бумажное направленіе дѣла, безъ какихъ-либо руководящихъ идей говорилъ фабричный инспекторъ Н. А. Шевалевъ—внесло въ институтъ фабричной инспекціи много формализма, буквоѣдства. Если же припомнить постоянную ожесточенную борьбу противъ этого института фабрикантовъ и министерства внутреннихъ дѣлъ, по жалобамъ которыхъ часто перемѣщались и удалялись фабричные инспектора, то будетъ понятно, что выработался типъ довольно спокойныхъ, наиболѣе уравновѣшенныхъ фабричныхъ инспекторовъ, которые исправно выполняютъ свои обязанности и не возбуждаютъ никакихъ „осложняющихъ отношенія“ вопросовъ. Есть между фабричными инспекторами и люди, идеализирующіе свое дѣло даже при нынѣшней его постановкѣ, но громадное большинство недовольно, многіе уходятъ изъ инспекціи. Конечно, въ этомъ разлагающемъ вліяніи на фабричную инспекцію бумажнаго принципа виновниками являются не лица, а весь строй нашихъ учрежденій.“ [1])

Нашъ теоретическій выводъ совпалъ съ непосредственными наблюденіями надъ самой жизнью. Сила капитала и интересы полицейскаго государства наложили на полномочія и дѣятельность инспекціи неизгладимые слѣды. Фабричный инспекторъ сталъ безмолвнымъ свидѣтелемъ подвиговъ капитала, невольнымъ агентомъ видовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, скромнымъ канцелярскимъ чиновникомъ, аккуратно ведущимъ журналъ входящихъ и исходящихъ бумагъ, но не стало фабричнаго инспектора, защитника интересовъ рабочихъ. Функція фабричной инспекціи по надзору омертвѣла. Бюрократическій строй, чего бы не коснулся, всюду вносилъ съ собой смерть и разложеніе.

---

[1]) Н. А. Шевалевъ, Фабричная инспекція и рабочій вопросъ въ Россіи. *Вѣстникъ фабр. законод.* 1905, кн. III., стр. 10.

Рабочій вопросъ и фабричное законодательство въ Россіи *).

Рабочій классъ въ Россіи долгое время не составлялъ сколько - нибудь значительной по численности группы. Только въ послѣднюю четверть XIX в.,подъ вліяніемъ усиленнаго роста промышленности, рабочій классъ сталъ быстро увеличиваться въ числѣ. Въ 1887 г. число фабрично-заводскихъ и горныхъ рабочихъ составляло 1.318,048 человѣкъ, къ 1897 г. оно возросло до 2.098.262 [1]), а къ концу 1900 г. уже достигло почти 2.350.000 человѣкъ, при чемъ фабричныхъ рабочихъ числилось 1.714.715 (1900) [2]) и горнозаводскихъ рабочихъ 634.000 [3]) (по даннымъ за 1889 г.). Разумѣется, этими цифрами не выражается еще истинная численность рабочаго класса въ Россіи. Мы должны еще сюда присоединить сотни тысячъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, лицъ, занятыхъ наемнымъ трудомъ въ ремесленной и другихъ видахъ мелкой промышленности, не подчиненной надзору фабричной и горной инспекціи (и не вошедшихъ потому въ вышеприведенный подсчетъ), наконецъ, сотни тысячъ если не милліоны кустарей, работающихъ на фабрикантовъ и скупщиковъ. Всѣ эти лица объединены однимъ общимъ признакомъ, составляющимъ характеристическую особенность понятія рабочаго—всѣ они продаютъ свой трудъ по договору найма и получаютъ за него заработную плату. У всѣхъ ихъ и условія труда отличаются тѣми особенностями, которыя позволяютъ говорить о наличности рабочаго вопроса. Болѣе того, нигдѣ рабочій не подвергается

---

*) Печаталось въ журн. „Русское Богатство“ за 1903 г. кн. 5 и за 1904 г. кн. 4 и 5.

[1]) Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1897 годъ. Спб. 1900. Изд. мин. фин., Стр. III.

[2])Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за вторую половину 1900 г. Спб. 1902. Изд. мин. фин., стр. 65.

[3]) Сборникъ статист. свѣдѣній по горнозаводской промышленности Россіи за 1899 г. подъ ред. Лоранскаго. Спб. 1901 г.

такой безграничной эксплоатаціи, какъ именно въ этой мелкой и кустарной промышленности, изъятой отъ надзора инспекціи и не подчиненной дѣйствію фабричнаго законодательства. Статистическія данныя, собранныя земствами, показали, что рабочій день многихъ категорій кустарей продолжается отъ 13 до 20 час. въ сутки, заработная плата ихъ нищенская, падая въ нѣкоторыхъ промыслахъ до 5—10 коп. въ день, при чемъ санитарная обстановка труда прямо ужасна, женскій и дѣтскій трудъ эксплоатируются неограниченно. Все это говоритъ за то, что рабочій вопросъ въ Россіи не ограничивается одними фабрично-заводскими рабочими, что при оцѣнкѣ всей его огромной общественной важности не надо забывать милліоновъ тружениковъ, не входящихъ въ категорію фабричныхъ, но требующихъ такого же, если не болѣе рѣшительнаго, вмѣшательства государственной и общественной власти. На Западѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, Австраліи уже поднялось широкое движеніе въ пользу распространенія на мелкую и „домашнюю“ промышленность законодательства объ охранѣ труда, и несомнѣнно, что и въ Россіи долженъ быть поднятъ тотъ же вопросъ, тѣмъ болѣе, что эта форма промышленности получила у насъ огромное распространеніе.

Было бы, однако, большимъ заблужденіемъ думать, что законодательная охрана фабрично-заводскихъ рабочихъ достигла уже своей конечной цѣли. Ни одно западно-европейское государство не имѣетъ такого отсталаго и реакціоннаго фабричнаго законодательства, какъ наше. Продолжительность рабочаго дня, составлявшая по закону 2 іюня 1897 г. 11½ часовъ, была административнымъ путемъ увеличена для такъ называемыхъ непрерывныхъ производствъ до 12½ часовъ, тогда какъ даже ультра-буржуазная Франція, имѣвшая самое отсталое законодательство, не только не рѣшилась сдѣлать шагъ назадъ, но пошла впередъ и признала необходимымъ переходъ къ 10-ти часовому рабочему дню [1]). У насъ до

[1]) Насколько отстала Россія отъ культурныхъ странъ, наглядно показываетъ слѣдующая таблица о средней продолжительности рабочаго дня. Рабочій день составляетъ въ Австраліи—8 час., Великобританіи—9 ч., Соединенныхъ Штатахъ—$9^3/_4$ ч., Даніи—$9^3/_4$ ч., Норвегіи—10 ч., Швеціи—$10^1/_2$ ч., Франціи—$10^1/_2$ ч., Швейцаріи—$10^1/_2$ ч., Германіи—$10^1/_2$ ч., Голландіи—$10^3/_4$ ч., Бельгіи—11 час., Италіи—11 ч., Австріи—11 ч., Россіи—12 ч. Correspondenzblatt d. Generalkommission d. Gewerkschaften Deutschlands. 12 Jahrg., 1902. № 32. См. „Промышленность и Здоровье“. 1903 г. кн. 4, стр. 141.

сихъ поръ еще не вполнѣ запрещенъ ночной трудъ женщинъ и несовершеннолѣтнихъ, не принято никакихъ мѣръ къ охранѣ беременныхъ работницъ, не обезпечено школьное образованіе малолѣтнихъ, не поставлено границъ сверхурочнымъ работамъ: мало того, установленное въ законѣ ограниченіе сверхурочныхъ работъ 120-ью часами на 1 рабочаго въ годъ было затѣмъ отмѣнено 14 марта 1898 г. административной властью министра финансовъ. Но и скромныя требованія нашего законодательства на практикѣ не находятъ еще полнаго примѣненія. По оффиціальнымъ даннымъ, за вторую половину 1900 г. фабричной инспекціей обнаружено было 18.234 правонарушеній, изъ которыхъ не менѣе 8.000 представляли собой возможное или уже наступившее нарушеніе матеріальныхъ интересовъ, здоровья и жизни рабочихъ, въ томъ числѣ 323 случая задержки паспортовъ, 841—неправильнаго увольненія до истеченія срока найма, 1618 случаевъ незаконнаго уменьшенія заработной платы, 1076 нарушеній правилъ о сверхурочныхъ работахъ и продолжительности рабочаго дня, 236 случаевъ нарушенія правилъ о трудѣ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ, 1855 нарушеній обязательныхъ постановленій о мѣрахъ къ огражденію жизни и нравственности рабочихъ и т. д ; при этомъ, —что особенно характерно—огромное большинство этихъ правонарушеній остались безнаказанными для предпринимателей, такъ какъ на 18.234 правонарушенія инспекція составила. . . 922 протокола! [1]) Такимъ образомъ, если фабричное законодательство само по себѣ слишкомъ слабо ограждаетъ интересы рабочихъ, то органы фабричнаго надзора, оставляя безнаказаннымъ огромное большинство правонарушеній, еще сильнѣе дѣйствуютъ въ томъ же направленіи. О томъ, какъ много еще остается дѣла законодательству объ охранѣ труда, свидѣтельствуетъ краснорѣчиво хотя бы слѣдующій фактъ: „на чіатурскихъ марганцевыхъ промыслахъ

---

[1]) Разработано по таблицамъ „Свода отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ и т. д.“, на стр. 26—61. Интересно, что по инструкціи фабричнымъ инспекторамъ протоколы составляются ими лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда причиною допущеннаго завѣдывающимъ промышленнымъ заведеніемъ нарушенія закона или обязательныхъ постановленій является злой умыселъ или корыстныя побужденія или повторность нарушенія. (См. *Литвиновъ-Фалинскій*. Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи, Спб., 1900, стр. 335—336). Слѣдовательно, безнаказанность правонарушенія возводится у насъ чуть ли не въ принципъ.

работаетъ *довольно большое количество дѣтей въ возрастѣ отъ 7—8 лѣтъ до 12 лѣтъ*", такъ какъ „въ марганцевой промышленности дѣтскій трудъ примѣняется почти при всякой работѣ, за исключеніемъ работъ въ самыхъ штольняхъ" [1]).

Основная точка зрѣнія нашего фабричнаго законодательства—посильное огражденіе интересовъ предпринимателей—станетъ особенно яснымъ, если мы остановимъ свое вниманіе на тѣхъ частяхъ нашего законодательства, которыя говорятъ объ обязанности предпринимателей по врачебной помощи рабочимъ и вознагражденіи ихъ за несчастные случаи.

I.

Если не считать узаконеній, предоставляющихъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ издавать обязательныя постановленія объ устройствѣ и порядкѣ содержанія промышленныхъ заведеній въ санитарномъ отношеніи, и статей устава о промышленности, возлагающихъ на губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія изданіе такихъ же постановленій о врачебной помощи рабочимъ (ст. 52-я) и воспрещающихъ взысканіе съ послѣднихъ платы за нее (ст. 102-я),—то все матеріальное содержаніе дѣйствующаго права по интересующему насъ вопросу сведется къ одному правилу: высочайше утвержденнымъ 26-го августа 1866 г. положеніемъ комитета министровъ постановлено, „въ видѣ временной мѣры", чтобы „при фабрикахъ и заводахъ, имѣющихъ 1.000 рабочихъ, было устроено больничное помѣщеніе на 10 кроватей, выше 1.000—на 15 и болѣе, ниже 1.000—на 5 и болѣе кроватей, по разсчету 1% на 100 человѣкъ" [2]).

Правило это съ изданными въ разъясненіе его распоря-

---

[1]) „Статистика марганцеваго дѣла", изданіе совѣта съѣзда марганцепромышленниковъ, Кутаисъ, 1902, стр. 38—39. Для оцѣнки этого факта необходимо имѣть въ виду, что правила о надзорѣ промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ между фабрикантами и рабочими распространены на Кутаисскую губ. лишь съ 1 января 1903 г.

[2]) Выс. утв. 26 августа 1866 г. положеніе комитета министровъ было первоначально распубликовано въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ по медицинскому департаменту отъ 21 сентября 1866 г., напечатанномъ въ „Оффиціальномъ прибавленіи" къ „Сѣверной почтѣ" (№ 25 отъ 29 сентября), и только въ 1886 г. сенатъ обратилъ вниманіе на то, что положеніе это не было представлено въ сенатъ для обнародованія. Поэтому въ „Собраніи узакон. и распор. правительства", положеніе это появилось лишь въ 1888 году (№ 12). Интересно, что до сихъ поръ положеніе 26 августа 1866 г. не кодифицировано въ сводѣ законовъ.

женіями продолжаетъ служить единственнымъ основаніемъ для опредѣленія обязанностей владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій по обезпеченію врачебной помощью рабочихъ. Не трудно понять, что въ такой редакціи законъ долженъ былъ привести на практикѣ къ разнообразному его толкованію и примѣненію какъ фабрикантами, такъ и мѣстными властями. Исходя изъ органической связи между промысловымъ трудомъ и заболѣваніями рабочихъ, можно бы думать, что законъ относится ко всѣмъ вообще фабрикамъ и заводамъ, независимо отъ ихъ размѣровъ; что центръ тяжести его лежитъ въ словахъ, „по разсчету 1% на 100 человѣкъ“,—такъ понималъ смыслъ закона и государственный совѣтъ въ 1867 г.,—всѣ же остальныя приведенныя цифры имѣютъ лишь значеніе примѣровъ. Но что значитъ „по разсчету 1% на 100 человѣкъ“? Обязанъ-ли фабрикантъ устраивать больницу, если на фабрикѣ занято менѣе 100 рабочихъ, и должна-ли больница въ такомъ случаѣ имѣть не менѣе 5-ти кроватей?

Различію въ толкованіи закона соотвѣтствовало такое же различіе и въ примѣненіи его мѣстными присутствіями: если циркуляромъ медицинскаго департамента отъ 11-го іюля 1887 г. и было закрѣплено буквальное толкованіе закона въ томъ смыслѣ, что при 100 рабочихъ требуется одна кровать, при 200—двѣ и т. д., то одни присутствія по фабричнымъ дѣламъ обязывали къ организаціи правильной и полной врачебной помощи владѣльцевъ *всѣхъ* фабрикъ, подчиненныхъ надзору инспекціи, другія требовали этого только отъ фабрикъ съ числомъ рабочихъ не менѣе 50-ти, третьи—100 и болѣе, четвертыя—при 300 и болѣе рабочихъ, освобождая фабрики съ меньшимъ числомъ отъ устройства больницъ и возлагая на нихъ лишь амбулаторное лѣченіе рабочихъ [1]).

Затрудненія по толкованію и примѣненію дѣйствующаго закона еще болѣе усилились при сопоставленіи его съ правилами о больничномъ сборѣ, установленномъ въ разное

---

[1]) При изложеніи дѣйствующаго законодательства и законопроекта о врачебной помощи фабрично-заводскимъ рабочимъ мы пользовались неизданными матеріалами министерства финансовъ. Впрочемъ, цифровыя данныя о современномъ положеніи врачебной помощи рабочимъ были уже раньше опубликованы и разработаны въ книгѣ г. Дементьева „Врачебная помощь фабричнымъ рабочимъ“, Спб. 1899, изд. мин. фин.

время въ десяти городахъ (Петербургѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ, Харьковѣ, Кронштадтѣ, Москвѣ, Владивостокѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Варшавѣ и Николаевѣ). Такъ какъ сборъ этотъ, взимаемый и съ фабричныхъ рабочихъ, даетъ послѣднимъ право требовать отъ городовъ безплатной врачебной помощи, то владѣльцы въ этихъ городахъ могли считать себя освобожденными отъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ положеніемъ комитета министровъ. И, дѣйствительно, нѣкоторыя присутствія, какъ московское, петербургское, варшавское, ссылаясь на установленные въ этихъ городахъ больничные сборы и на обязанность городовъ оказывать врачебную помощь рабочимъ, уплачивающимъ этотъ сборъ, освободили фабрики и заводы отъ устройства больницъ.

Не мало сомнѣній вызывало и умолчаніе закона о многихъ вопросахъ, тѣсно связанныхъ съ его содержаніемъ. Обязанъ-ли предприниматель оказывать рабочему только больничное лѣченіе? Не исключается-ли закономъ обязанность фабрикантовъ оказывать своимъ рабочимъ помощь амбулаторную и помощь на дому? Большинство присутствій требуетъ амбулаторной помощи и лѣченія заболѣвшихъ на дому, нѣкоторыя—кромѣ этой помощи, еще устройства больницъ и родильныхъ пріютовъ; во многихъ губерніяхъ присутствія по фабричнымъ дѣламъ не издали никакихъ постановленій, и толкованію предпринимателей предоставленъ полный просторъ. И дальше, въ теченіе какого срока обязанъ владѣлецъ промышленнаго заведенія лѣчить своихъ рабочихъ? Въ теченіе всей болѣзни рабочаго или по срокъ найма? Не ограничиваются-ли обязанности предпринимателя по лѣченію своихъ рабочихъ двухнедѣльнымъ срокомъ въ силу ст. 105 уст. пром., предоставляющей завѣдывающему предпріятіемъ расторгнуть договоръ найма рабочаго вслѣдствіе неявки рабочаго на работы по уважительнымъ причинамъ болѣе двухъ недѣль? Не значитъ ли это, что рабочій, проболѣвшій свыше 2-хъ недѣль и, слѣдовательно, подлежащій исключенію изъ числа рабочихъ, лишается въ дальнѣйшемъ права на врачебную помощь со стороны предпринимателя? Вопросы эти имѣютъ далеко не теоретическое значеніе уже по тому одному, что та же ст. 105 предоставляетъ завѣдывающему фабрикой или заводомъ право расторгнуть договоръ

найма вслѣдствіе „обнаруженія у рабочаго заразительной болѣзни“. Какъ заявляетъ намъ фабричный инспекторъ г. Литвиновъ-Фалинскій, практика въ дѣйствительности обнаруживаетъ подобное отношеніе къ заболѣвшимъ рабочимъ, въ особенности къ тѣмъ, которые подвергаются заболѣваніямъ, требующимъ продолжительнаго лѣченія, травматическимъ поврежденіямъ и профессіональнымъ болѣзнямъ [1]), т. е. по истеченіи двухъ недѣль больной рабочій получаетъ расчетъ. Несмотря на всю важность этой стороны вопроса, ни законъ, ни административныя распоряженія не даютъ на него отвѣта [2]), и предприниматели безъ особенныхъ затрудненій раздѣлываются съ больными рабочими.

При такой неопредѣленности требованій законъ могъ получить на практикѣ слишкомъ слабое примѣненіе. И дѣйствительно, современная организація врачебной помощи рабочимъ, сложившись подъ непосредственнымъ вліяніемъ распорядительной дѣятельности фабричныхъ присутствій, „клонившейся,—по увѣренію составителей законопроекта, — къ облегченію владѣльцевъ фабрикъ“, представляетъ злую насмѣшку надъ закономъ. Оффиціальное изслѣдованіе, произведенное въ 1898 году, показало, что изъ 19,292 промышленныхъ заведеній, подчиненныхъ дѣйствію фабричной инспекціи въ 1897 г., врачебная помощь въ томъ или иномъ видѣ оказывалась лишь въ 3,488 фабрикахъ и заводахъ, т. е. въ 18% всего ихъ числа, съ 1.017,309, или 69,9% рабочихъ. Такимъ образомъ, 15,804 фабрики съ 436,616 рабочими не оказывали послѣднимъ *никакой врачебной помощи*. При этомъ оказалось, что чѣмъ мельче предпріятіе, тѣмъ хуже организована помощь: въ то время, какъ среди 194 фабрикъ, имѣющихъ по 1,000 рабочихъ и болѣе, врачебная помощь предоставлялась въ 95,4% предпріятій (185) съ 94,7% рабочихъ (400,836 человѣкъ), въ группѣ мелкихъ фабрикъ, имѣющихъ не свыше 15-ти рабочихъ, такихъ оказалось всего 1,7% съ 2,8% рабочихъ. По отдѣльнымъ мѣстностямъ степень обезпеченія фабричныхъ рабочихъ врачебной помощью представляла чрезвычайное разнообразіе, и

---

[1]) См. *Литвиновъ-Фалинскій*, „Фабричное законодательство и т. д.“, стр. 219.

[2]) *Литвиновъ-Фалинскій* „Отвѣтственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ“, Спб., 1903, стр. 232.

если въ однѣхъ губерніяхъ врачебная помощь оказывалась на большинствѣ фабрикъ, то въ другихъ — всего на одной или двухъ фабрикахъ изъ сотни. Но эта характеристика далеко еще не изображаетъ истиннаго положенія дѣла: съ точки зрѣнія *качества* врачебной помощи картина окажется еще менѣе благопріятной. Изъ 3,488 фабрикъ, оказывающихъ врачебную помощь, лишь въ 1,028 (съ 579,726 рабочими) оказывалась не только первоначальная и амбулаторная, но и больничная помощь, и при томъ, частью въ фабричныхъ, частью въ общественныхъ больницахъ по соглашенію фабрикантовъ съ вѣдающими ихъ учрежденіями—земствами, городами, обществомъ Краснаго Креста. Однако, и здѣсь, какъ выяснилось, лишь немногія фабричныя больницы удовлетворяли своему назначенію, большинство же было устроено только „для формальнаго соблюденія требованій закона“, что подтверждается и данными о расходахъ на ихъ содержаніе: тогда какъ обычная стоимость годичнаго содержанія больничной койки опредѣляется въ 350 рублей, на фабрикахъ она колебалась отъ 852 до 83 руб., т. е. опускалась иногда до такой цифры, при которой сколько-нибудь удовлетворительная постановка больничнаго дѣла безусловно невозможна. Но если таково было положеніе фабрикъ съ больничнымъ лѣченіемъ рабочихъ, то что же сказать о тѣхъ 1,913 фабрикахъ съ 397,000 рабочихъ, гдѣ помощь оказывалась только первоначальная или амбулаторная, или о тѣхъ 547 заведеніяхъ съ 40,652 рабочими, которыя и оффиціальная статистика занесла въ группу фабрикъ „съ собственною, но безусловно неудовлетворительною организаціей дѣла“? Относительно послѣднихъ прямо заявляется, что „по существу онѣ должны быть признаваемы не дающими рабочимъ врачебной помощи“, но и о значеніи первыхъ не можетъ быть двухъ мнѣній, если только вспомнить, какимъ тяжелымъ и продолжительнымъ заболѣваніямъ подвергается промысловый рабочій. Такимъ образомъ, общая постановка дѣла въ дѣйствительности не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ, но она, какъ и слѣдовало ожидать, еще хуже въ тѣхъ городахъ, гдѣ введенъ больничный сборъ: въ то время, какъ въ прочихъ мѣстностяхъ имперіи число фабрикъ, дающихъ рабочимъ больничную помощь, достигло 26% и въ нихъ число рабочихъ 62,2% общаго ихъ числа, въ упо-

мянутыхъ выше городахъ оно составляетъ всего 1,4% съ 7,4% рабочихъ! Преобладающая форма врачебной помощи на фабрикахъ этихъ городовъ — амбулаторіи, и неудивительно, что расходы владѣльцевъ предпріятій, исчисленные на одного рабочаго, здѣсь въ полтора раза ниже, чѣмъ въ остальной Россіи. Во всѣхъ этихъ данныхъ оффиціальнаго изслѣдованія съ полной ясностью выступаетъ неудовлетворительность современной постановки этого дѣла въ Россіи. Третьей части рабочихъ (32,8%) не оказывается никакой врачебной помощи, болѣе четверти (27,3%) пользуется лишь первоначальной и амбулаторной и 39,3%—полной больничной помощью. „Фабричная медицина въ настоящемъ ея видѣ,—по заявленію министерства финансовъ,—есть преимущественно фельдшерская медицина со всѣми недостатками послѣдней. Болѣе или менѣе рѣдкіе наѣзды врачей не приносятъ рабочимъ никакой пользы; въ тѣхъ же случаяхъ,—а ихъ большинство,—когда фабричными лѣчебными заведеніями завѣдываетъ обремененный своими прямыми обязанностями уѣздный врачъ, нерѣдко состоящій одновременно врачемъ на всѣхъ фабрикахъ уѣзда, врачебная помощь рабочимъ становится вполнѣ фиктивной". Подобная характеристика представляетъ въ сущности повтореніе того, что было сказано д-ромъ Е. Дементьевымъ на всероссійскомъ торговопромышленномъ съѣздѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. „Неисполненіе закона 1866 года на фабрикахъ,—говорилъ докладчикъ,—явленіе обычное. Не только на фабрикахъ съ числомъ рабочихъ въ 100—200, но даже и на крупныхъ или вовсе не существуетъ никакой врачебной помощи рабочимъ, или имѣется нѣчто худшее, т. е. поставлено гдѣ нибудь требуемое закономъ число голыхъ кроватей, какъ единственный признакъ больницы, безъ какихъ бы то ни было самыхъ необходимыхъ ея принадлежностей; имѣется невѣжественный, нерѣдко вѣчно пьяный фельдшеръ, а врачемъ больницы номинально считается обыкновенно уѣздный врачъ, состоящій врачемъ одновременно на всѣхъ фабрикахъ уѣзда" [1]).

Мы говорили до сихъ поръ о врачебной помощи рабочимъ фабрично-заводской промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекціи. Если обратиться къ изученію за-

[1]) См. докладъ № 16, V, „Врачебная помощь рабочимъ и страхованіе ихъ отъ болѣзней", стр. 5.

конодательства о врачебной помощи на *горныхъ заводахъ и промыслахъ*, то и здѣсь мы встрѣтимся съ тѣми же особенностями, характеризующими положеніе дѣла на фабрикахъ. Въ дѣйствующемъ законодательствѣ нѣтъ ни одной статьи, которая бы точно опредѣляла обязанность горнопромышленниковъ по лѣченію своихъ рабочихъ. „Устройство врачебной части на частныхъ горныхъ заводахъ и промыслахъ опредѣляется особыми правилами“ — такова единственная статья закона, устанавливающая общее положеніе для всей частной горнопромышленности (ст. 659, прим. по прод. 1895 г.). Приведенная въ ней ссылка на другія статьи закона немногимъ разъясняетъ дѣло; изъ нея мы узнаемъ только, что врачебная помощь должна быть безплатной, что на присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ (нынѣ—по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ) возлагается изданіе обязательныхъ постановленій о врачебной помощи рабочимъ. Такъ какъ объединенныя присутствія несомнѣнно руководятся одними и тѣми же началами по отношенію къ фабричной и къ горной промышленности, то надо думать, что объемъ и характеръ врачебной помощи для рабочихъ въ той и другой опредѣляется одинаково, другими словами, что постановленія прилутствій о лѣченіи горнорабочихъ такъ же неопредѣленны, разнообразны и неудовлетворительны по существу, какъ и относительно фабричныхъ рабочихъ. Основаніемъ для этихъ постановленій прежде и теперь служитъ, очевидно, извѣстное намъ положеніе 1866 года[1]). Несмотря на то, что законодатель не счелъ возможнымъ точнѣе опредѣлить врачебную помощь горнорабочимъ вообще, для отдѣльныхъ категорій горнорабочихъ обязанность предпринимателей выражена вполнѣ ясно. Такъ, нефтепромышленники „должны оказывать находящимся на ихъ промыслахъ рабочимъ медицинскую помощь“ (ст. 599 уст. горн.), въ этихъ видахъ нефтепромышленники облагаются особымъ сборомъ въ размѣрѣ отъ $^1/_{50}$ до $^1/_{20}$ коп.

---

[1]) Такъ, на основаніи обязательнаго постановленія, изданнаго 9 апрѣля 1893 г., „горные заводы и промыслы, имѣющіе число рабочихъ 100 и свыше, обязаны устроить отдѣльное больничное помѣщеніе съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждые 100 человѣкъ рабочихъ имѣлось не менѣе 1 кровати“ (ст. 4); „горные заводы и промыслы, имѣющіе не менѣе 400 рабочихъ, при своихъ больничныхъ помѣщеніяхъ должны имѣть постояннаго врача, посѣщающаго ежедневно заводъ или промыселъ въ опредѣленные часы“ (ст. 5). См. *Л. Бертенсонъ*. Санитарное врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Замосковныхъ и Средневолжскаго округовъ. СПБ., 1895. Стр. 27.

съ пуда нефти на образованіе спеціальнаго фонда, предназначеннаго для разныхъ нуждъ, въ томъ числѣ и для организаціи медицинской помощи (ст. 555 уст. гор.). Затѣмъ правилами о наймѣ на частные золотые и платиновые промыслы прямо устанавливается, что „лѣченіе и довольствіе больныхъ рабочихъ, не исключая и золотничниковъ (старателей) относится на счетъ промышленника, при чемъ, однако, суточныхъ денегъ не производится"; но при легкихъ увѣчьяхъ, происшедшихъ вслѣдствіе непринятія золотопромышленникомъ мѣръ безопасности и требующихъ врачебной помощи и временнаго призрѣнія, больной пользуется въ лазаретѣ безъ всякаго вычета изъ условленной платы (ст. 36 прил. къ ст. 661 уст. горн., по прод. 1895 г.).

Полную противоположность законоположеніямъ о врачебной помощи рабочимъ, занятымъ на частныхъ горныхъпромыслахъ и въ фабрично-заводской промышленности, представляютъ статьи, касающіяся врачебной помощи рабочимъ казенныхъ горныхъ заводовъ и промысловъ. Врачебная помощь этимъ рабочимъ была установлена еще положеніемъ о горнозаводскомъ населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ, высочайше утвержденнымъ 8 марта 1861 г. Лѣченіе рабочихъ составляетъ прямую обязанность заводоуправленій. Въ устраиваемыхъ ими больницахъ заболѣвшій рабочій содержится за счетъ завода первые два мѣсяца; пользованіе въ больницѣ долѣе двухъ мѣсяцевъ производится лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ, но если болѣзнь явилась результатомъ заводскихъ работъ, то заболѣвшій содержится въ больницѣ до совершеннаго выздоровленія (ст. 65). Въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь затягивается дольше 2 мѣсяцевъ и рабочій не имѣетъ права на лѣченіе въ больницѣ за счетъ завода, лѣченіе производится за счетъ вспомогательныхъ кассъ горнозаводскихъ товариществъ [1]). Рабочіе казенныхъ горныхъ заводовъ и рудниковъ de jure пользуются, слѣдовательно, самой широкой врачебной помощью, и поскольку дѣло касается этихъ рабочихъ, ничего большого отъ закона нельзя и требовать. Такъ поставлена врачебная помощь относительно рабочихъ казенныхъ горныхъ заводовъ и промысловъ уральскихъ, олонецкихъ (см. положеніе о горнозавод-

[1]) Объ ихъ дѣятельности см. ниже.

скомъ населеніи каз. гор. зав. и пром., въ особомъ приложеніи къ IX тому), алтайскихъ (стт. 1189 и 1193 уст. горн.), и нерченскихъ (примѣч. къ ст. 1244 уст. горн.). Въ исполненіе требованій закона на всѣхъ 13 казенныхъ уральскихъ заводахъ устроены заводскія больницы (на врачебную помощь истрачено въ 1899 г. 104.437 р.), въ олонецкомъ горномъ округѣ имѣется больница и пріемные покои для александровскаго завода и трехъ вспомогательныхъ заводовъ, на заводахъ западной горной области своихъ больницъ нѣтъ, но больные перевозятся на лѣченіе въ больницу г. Кѣльцы. Въ общемъ медицинская часть на казенныхъ заводахъ обходится свыше 119.000 руб. при 34.427 рабочихъ, т. е. по $3^1/_2$ р. на человѣка въ годъ (цифра, близкая стоимости врачебной помощи фабрично-заводскимъ рабочимъ [1]).

Какъ поставлена медицинская часть на частныхъ горныхъ заводахъ и промыслахъ,—объ этомъ не имѣется сводныхъ данныхъ. Судя по свѣдѣніямъ, разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ отчета горнаго департамента, частные горные заводы и промыслы устроили у себя около 150 больницъ и 100 пріемныхъ покоевъ; если даже имѣть въ виду, что по нѣкоторымъ горнымъ округамъ не приведено цифровыхъ данныхъ [2]), и допустить, что съ присоединеніемъ послѣднихъ общее число больницъ увеличилось бы вдвое, то и при такомъ неправдоподобномъ предположеніи мы имѣли бы право считать больничное лѣченіе удѣломъ очень немногихъ рабочихъ: стоитъ только вспомнить, что въ 1897 г. состояло въ имперіи 3.412 зводовъ, рудниковъ, копей, промысловъ, не считая слишкомъ 1.150 предпріятій по добычѣ руды и, 2.246 каменоломенъ. Помимо заводскихъ больницъ врачебную помощь могли оказывать горнорабочимъ больницы земствъ и городовъ, но судя по отчету горнаго департамента эта форма помощи практиковалась на горныхъ заводахъ и промыслахъ

---

[1]) См. *Отчетъ горнаго департамента* за 1899. Спб., 1901, стр. 164—168; о частныхъ горныхъ заводахъ—стр. 258—281, 368—372, 407—410, 444—457.

[2]) По восточно-екатеринбургскому горному округу съ 23.000 рабочихъ („во всѣхъ заводахъ содержались больницы"), міасскому съ 3.200 раб., замосковному краю—съ 27.500 раб. („на заводахъ округа имѣются больницы или пріемные покои"), петербургско-олонецкому съ 7.500 раб. („на заводахъ, за исключеніемъ двухъ, имѣются больницы"), по южной Россіи съ 119.000 раб. („имѣются больницы и пріемные покои, число которыхъ продолжаетъ ежегодно увеличиваться").

очень рѣдко. Конечно, слабой распространенностью больничнаго лѣченія на горныхъ заводахъ и промыслахъ еще не опредѣляется качество медицинской помощи. Но и съ этой стороны горная промышленность мало чѣмъ отличается отъ фабрично-заводской. Многочисленныя изслѣдованія Л. Бертенсона[1]), обозрѣвшаго въ началѣ 90-хъ годовъ горные промыслы и заводы Юга Россіи, Ц. Польскаго, Урала, замосковныхъ и средневолжскаго округовъ, обнаружили всю неприглядность постановки медицинскаго дѣла. Полная зависимость дѣла отъ доброй воли заводовладѣльцевъ и отсюда его случайность, отсутствіе надзора за врачебными учрежденіями, недоувлетворительное и нерѣдко отвратительное состояніе больницъ, участіе одного и того же врача на многихъ заводахъ, малообученный низшій медицинскій персоналъ—вотъ что нашелъ г. Бертенсонъ на горныхъ заводахъ и промыслахъ. Интереснѣе всего то, что даже на казенныхъ горныхъ заводахъ Урала, гдѣ обязанность заводоуправленій по оказанію своимъ рабочимъ больничной помощи, какъ мы видѣли, прямо предписывается закономъ и при томъ въ широкомъ объемѣ, медицинское дѣло страдало тѣми же недостатками, что и въ другихъ частяхъ имперіи: многіе госпитали не имѣли постоянныхъ врачей, находились въ отвратительномъ санитарномъ состояніи и нерѣдко завѣдывались фельдшерами. Законъ, слѣдовательно, исполнялся формально. Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ; медицинская помощь горнорабочимъ сдѣлала за этотъ періодъ нѣкоторые успѣхи, тѣмъ болѣе, что присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ въ обязательныхъ постановленіяхъ стали нормировать обязанность горнопромышленниковъ по лѣченію рабочихъ. И тѣмъ не менѣе врачебная помощь на горныхъ заводахъ и промыслахъ до сихъ поръ остается, повидимому, для десятковъ, если не сотенъ тысячъ рабочихъ пустымъ звукомъ. На всероссійскомъ съѣздѣ геологовъ въ Петербургѣ, происходившемъ въ февралѣ нынѣшняго года, Д. П. Никольскій представилъ чрезвычайно мрачную картину условій жизни развѣдочныхъ рабочихъ. Помѣщенія для нихъ—говорилъ докладчикъ,—не

---

[1]) Кромѣ вышеуказанной работы *Л. Бертенсона* о замосковномъ и средневолжскихъ округахъ, см. *его* же работы: „Санитарно-врчебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Урала“, Спб , 1892, „Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ промыслахъ Царства Польскаго“, Спб., 1893 и др.

отвѣчаютъ самымъ минимальнымъ требованіямъ, пища крайне скудная и непитательная; *только 4% рабочихъ вполнѣ здоровы; медицинская помощь совсѣмъ не организована.* На горныхъ промыслахъ сплошь и рядомъ происходятъ катастрофы, уносящія десятки и сотни жертвъ; быстрая и правильная подача медицинской помощи необходима здѣсь прежде всего. Между тѣмъ, даже въ пресловутыхъ горныхъ промыслахъ юга Россіи, заботливость которыхъ по отношенію къ рабочимъ такъ восхвалялъ г. Брандтъ въ своей книгѣ объ иностранныхъ капиталахъ, дѣйствительность не отвѣчаетъ самымъ скромнымъ требованіямъ гуманности. Горные инженеры г.г. Фрезе и Кулибинъ, командированные на югъ горнымъ департаментомъ въ 1898—1899 гг., въ своемъ отчетѣ заявили, что „организація медицинской помощи въ отношеніи быстрой перевозки при несчастныхъ случаяхъ поставлена большей частью дурно; больницы и пріемные покои отстоятъ иногда далеко отъ шахты, а при самыхъ шахтахъ нѣтъ чистыхъ помѣщеній, гдѣ можно было бы подать первую помощь. На большинствѣ рудниковъ нѣтъ никакихъ приспособленій для выдачи раненыхъ изъ шахты“: изувѣченные доставляются въ больницы, отстоящія отъ шахтъ на разстояніи 2—7 верстъ, на рукахъ или на трясучихъ дрогахъ [1]). Врачебная помощь на золотыхъ пріискахъ томской горной области безусловно неудовлетворительна; несмотря на рядъ лѣтъ, протекшихъ со времени учрежденія горнозаводскихъ присутствій и съѣздовъ золотопромышленниковъ (1895 и 1897 г.г.), „и по настоящее время медицинское дѣло на пріискахъ нисколько не улучшилось. Преслѣдуя исключительно личные интересы и слишкомъ односторонне понимая нужды промысла, золотопромышленники менѣе всего стремились къ удовлетворенію этой насущной потребности“ [2]).

---

[1]) «О мѣрахъ, необходимыхъ для предупрежденія взрывовъ рудничныхъ газовъ“. Извлеченіе изъ отчета, представленнаго горному департаменту горными инженерами *П. В. Кулибинымъ* и *А. П. Фрезе*. Александровскъ-Грушевскій, 1901. Стр. 29.

[2]) *Колычевъ*. Врачебная помощь на пріискахъ Томской горной области. *Промышленность и Здоровье*, кн. 6. Стр. 29. См. также *Вѣстникъ Золотопромышленности*, № 14, 1902: медицинская помощь на золотыхъ пріискахъ Сибири и „количественно и качественно“ находилась въ 1908 г. въ томъ же неудовлетворительномъ положеніи, какъ и въ предыдущіе годы.

II.

Изученіе вопроса о врачебной помощи рабочимъ, какъ онъ разрѣшенъ въ законѣ, административной практикѣ и въ жизни съ неизбѣжностью приводитъ къ выводу, что современная постановка этого дѣла безусловно неудовлетворительна и требуетъ коренной реформы. Оффиціальная характеристика врачебнаго дѣла на фабрикахъ и заводахъ заставляла предполагать, что составленный нынѣ законопроектъ возложитъ на владѣльцевъ промышленныхъ заведеній усиленную отвѣтственность по обезпеченію рабочихъ врачебной помощью, признаетъ за каждымъ рабочимъ право на медицинскую помощь и создастъ такія условія, при которыхъ это право могло бы стать реальной дѣйствительностью. Подобное заключеніе съ неприложностью вытекало изъ результатовъ оффиціальнаго изслѣдованія и изъ принципіальнаго права рабочихъ на медицинскую помощь, признаннаго и дѣйствующимъ законодательствомъ. Къ крайнему удивленію, составители законопроекта пришли къ выводу, который рѣшительно расходится съ оффиціальной же оцѣнкой. Коренные недостатки дѣйствующаго порядка оказались, по мнѣнію составителей проекта, не въ „фиктивности“ врачебной помощи, не въ „формальномъ соблюденіи“ фабрикантами закона, которое требовало бы со стороны законодателя и администраціи рѣшительнаго противодѣйствія, а въ томъ, что законъ 1) создаетъ крайне неуравнительный, а во многихъ случаяхъ прямо непосильный для владѣльцевъ промышленныхъ заведеній налогъ; 2) возлагаетъ на фабрикантовъ совершенно чуждое имъ дѣло и 3) создаетъ какъ бы самостоятельную отрасль общественной врачебной помощи одной части населенія и тѣмъ крайне затрудняетъ общественное управленіе (т. е. земства и города) въ исполненіи возложенной на него обязанности—охраны общественнаго здравія всего населенія [1]).

Нетрудно понять, что соображенія эти, послужившія къ установленію въ законопроектѣ болѣе снисходительныхъ требованій, не могутъ имѣть серьезнаго значенія. Если вѣрно-

[1]) Тезисы эти, представляютъ почти дословное повтореніе тѣхъ заключеній о законѣ 1866 г., къ которымъ пришелъ г. Дементьевъ въ своемъ докладѣ нижегородскому торговопромышленному съѣзду (см. стр. 9 доклада).

что законъ, требуя отъ предпринимателей обезпеченія рабочихъ врачебной помощью, возлагаетъ на нихъ „чуждое имъ дѣло, которое уже по тому одному не можетъ итти сколько-нибудь удовлетворительно“, то съ такимъ же правомъ можно было бы утверждать, что и веденіе фабричнаго предпріятія составляетъ для фабрикантовъ, „чуждое“ имъ дѣло, такъ какъ у огромнаго большинства владѣльцевъ промышленныхъ заведеній такъ же мало техническихъ свѣдѣній, какъ и врачебныхъ. Это отдѣленіе спеціальныхъ знаній отъ личности предпринимателя и составляетъ одну изъ органическихъ особенностей промышленнаго капитализма. Изъ дальнѣйшихъ соображеній составителей законопроекта можно было бы заключить, что разбираемому положенію придается особый смыслъ,—въ немъ заключается требованіе о переложеніи повинности съ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній на органы, вѣдающіе общественное здравіе, съ правомъ спеціальнаго обложенія фабрикантовъ. Въ этомъ видѣ мысль совершенно вѣрна. Общественное учрежденіе, имѣющее своей спеціальной задачей медицинскую помощь населенію, во многихъ случаяхъ, несомнѣнно, можетъ скорѣе достигнуть цѣли, чѣмъ больница при фабрикѣ, уже по тому одному, что администрація такой больницы склонна видѣть въ своихъ кліентахъ не столько больныхъ, сколько рабочихъ. Для мелкихъ предпріятій устройство собственной больницы можетъ оказаться даже не по силамъ, а больница при такомъ предпріятіи, хотя бы она и удовлетворяла требованіямъ закона, можетъ не отвѣчать своему назначенію именно въ виду скромныхъ ея размѣровъ: на фабрикѣ, имѣющей при 100—200 рабочихъ больницу всего съ 1—2 кроватями, число больныхъ можетъ временами превышать число кроватей, хотя въ среднемъ, по произведеннымъ подсчетамъ, при 100 рабочихъ одна больничная кровать бываетъ занята больными всего 210 дней въ году. Въ этомъ смыслѣ утвержденіе о желательности и необходимости передачи медицинскаго дѣла съ фабрики въ руки медицинскаго общественнаго учрежденія несомнѣнно правильно, но при одномъ условіи — при условіи спеціальнаго обложенія тѣхъ изъ владѣльцевъ даже самыхъ мелкихъ предпріятій, которые переложатъ осуществленіе врачебной помощи рабочимъ на общественные органы. Другими словами, освобожденіе извѣстныхъ предпрія-

тій отъ устройства у себя врачебной помощи рабочимъ никоимъ образомъ не должно отождествляться съ освобожденіемъ этихъ предпріятій отъ обязанности по лѣченію своихъ рабочихъ; наоборотъ, разъ предпріятіе освобождается отъ устройства фабричной больницы, лѣченіе должно производиться за его счетъ спеціальными общественными учрежденіями. Между тѣмъ составители законопроекта, какъ увидимъ дальше, изъ совершенно правильной мысли о желательности замѣны индивидуальной фабричной медицины общественною путемъ логическаго прыжка пришли къ выводу о необходимости освободить мелкія и даже среднія предпріятія отъ всякой вообще обязанности по оказанію врачебной помощи своимъ рабочимъ. Поступивъ такъ, они въ корнѣ подорвали свое же собственное положеніе, потому что отдѣленіе врачебной помощи отъ фабрики обозначаетъ только замѣну натуральной повинности денежною, но никакъ не сложеніе повинности или—что́ тоже—лишеніе десятковъ и сотенъ тысячъ рабочихъ права на медицинскую помощь. Не говоримъ уже о томъ, что составители проекта не выдержали своего положенія и въ другомъ отношеніи: разъ они стали на точку зрѣнія необходимости отдѣленія больницъ отъ фабрикъ, почему они попрежнему признаютъ за предпринимателями право устройства фабричныхъ больницъ, и, по прежнему оставляя на ихъ рукахъ это „чуждое“ имъ дѣло, тѣмъ самымъ обрекаютъ его на гибель?

Неубѣдительно и третье соображеніе. Мы совершенно не понимаемъ, почему требованіе закона объ обезпеченіи фабрикантами больничной помощи своимъ рабочимъ „крайне затрудняетъ общественное управленіе въ исполненіи возложенной на него обязанности“. При добросовѣстномъ исполненіи фабрикантами своей обязанности они только облегчатъ общественнымъ органамъ осуществленіе задачъ охраненія народнаго здравія, и въ этомъ случаѣ раздѣленіе функцій между фабрикой и общественными органами такъ же мало повредитъ дѣлу, какъ распредѣленіе ихъ между городами и земствомъ. Если же составители законопроекта, говоря такъ, имѣли въ виду нерадѣніе фабрикантовъ, за которое расплачиваются общественные органы, по свидѣтельству самого же министерства финансовъ „далеко не располагающіе средствами, достаточными на удовлетвореніе потребностей мѣ-

стнаго населенія", то вѣдь ясно, что въ этомъ вина не закона, а его исполнителей или, точнѣе, тѣхъ административныхъ инстанцій, которымъ принадлежитъ надзоръ за исполненіемъ закона; но ставъ на эту точку зрѣнія, мы неизбѣжно должны притти къ мысли о необходимости усиленія контроля за исполненіемъ фабрикантами закона.

Единственно серьезнымъ возраженіемъ можно было бы признать указаніе на неуравнительность и тяжесть созданнаго закономъ налога. Но поскольку рѣчь идетъ о тягости обложенія—противъ этого утвержденія говорятъ сами цифры. По произведеннымъ подсчетамъ, расходы фабрикантовъ на врачебную помощь составили въ 1897 г. 3 руб. 91 к. на одного рабочаго. Можно ли утверждать, что такой расходъ не по силамъ фабрикантамъ, когда производительность одного рабочаго въ Россіи составляла въ томъ же году 1.350 р., другими словами, когда расходъ этотъ составлялъ 29 коп. на каждые 100 рублей цѣнности произведеннаго товара? О непосильности обложенія въ сущности не можетъ быть рѣчи и потому, что при общеобязательности налогъ входитъ въ издержки производства и въ конечномъ счетѣ уплачивается потребителемъ. Что же касается неуравнительности обложенія, то она дѣйствительно имѣетъ мѣсто; въ то время, какъ на фабрикахъ, занимающихъ свыше 1.000 рабочихъ, врачебная помощь обходилась по 3 р. 68 к. на рабочаго, для мелкихъ заведеній, имѣющихъ до 15-ти рабочихъ, она составляла 13 р. 24 к. Но, во-первыхъ, фактъ такой неуравнительности имѣетъ очень ограниченное значеніе: подобныхъ фабричекъ, съ числомъ рабочихъ до 15-ти, оказалось 155 (не оказывали медицинской помощи 8623 фабрики съ числомъ рабочихъ до 15!); въ дальнѣйшихъ же группахъ врачебные расходы быстро падаютъ и близко подходятъ къ средней нормѣ. Такъ, предпріятіямъ съ 16—50 рабочими медицинское дѣло обходилось уже по 5 р. 52 к., съ 51—100 рабочими—4 р. 18 к., съ 101—500 рабочими—4 р. 01 к., съ 501—1000 рабочими—3 р. 83 к. и свыше 1000 рабочихъ—по 3 р. 68 к.

Во-вторыхъ, неуравнительность расходовъ по врачебной помощи составляетъ частный видъ общаго правила, что въ крупныхъ предпріятіяхъ издержки производства ниже, чѣмъ въ мелкихъ, и въ этомъ результатѣ законъ ни въ чемъ не

повиненъ. Наконецъ, неуравнительность обложенія при желаніи фабрикантовъ могла бы быть легко устранена путемъ устройства общихъ для нѣсколькихъ фабрикъ больницъ или путемъ соглашенія съ общественными органами, вѣдающими народное здравіе: имѣющіяся данныя показываютъ, что для мелкихъ фабрикъ (до 15-ти рабочихъ) при совмѣстномъ устройствѣ больницъ, пріемныхъ покоевъ, амбулаторій расходы эти приближаются къ средней стоимости врачебной помощи на всѣхъ фабрикахъ вообще. Такимъ образомъ, не законъ, а сами фабриканты виноваты въ томъ, что, благодаря ихъ инертности, расходы по обезпеченію рабочихъ врачебной помощью ложатся на мелкія предпріятія тяжелѣе, чѣмъ на крупныя. Бездѣйствіе это особенно характерно въ виду тѣхъ льготъ, которыя оказывали земства мелкимъ фабрикамъ. По свидѣтельству самого министерства финансовъ, плата, взимаемая земствами съ фабрикантовъ за врачебную помощь рабочимъ, бываетъ нерѣдко ниже стоимости ея самому земству. Какъ велики льготы именно для мелкихъ фабрикъ, можно видѣть изъ того, что уѣздныя земства Московской губерніи обыкновенно взимаютъ съ фабрикъ, имѣющихъ до 100 рабочихъ, по 2 р. 50 к. съ рабочаго въ годъ, съ фабрикъ же, занимающихъ свыше 100 рабочихъ—по 3 р., въ нѣкоторыхъ же уѣздахъ взимается съ фабрикъ до 50-ти рабочихъ по 1 рублю; за эту плату рабочій пользуется полной врачебной помощью, и при томъ прекрасно организованной.

Мы останавливались такъ долго на характеристикѣ недостатковъ дѣйствующаго закона, нарисованной составителями законопроекта, потому, что она являлась для нихъ исходной точкой: признавъ тягость закона для фабрикантовъ, они естественно должны были подумать о смягченіи его требованій. При такой точкѣ зрѣнія вся количественная и качественная недостаточность врачебной помощи, признанная министерствомъ финансовъ, должна была, какъ мотивъ къ расширенію или измѣненію требованій закона, незамѣтно отодвинуться на задній планъ. Въ этомъ легко убѣдиться при разборѣ постановленій законопроекта.

Законопроектъ министерства финансовъ объ обезпеченіи врачебной помощью рабочихъ покоится на слѣдующихъ основаніяхъ.

Врачебная помощь рабочимъ заведеній фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ частныхъ дорогъ обезпечивается за счетъ владѣльцевъ этихъ предпріятій. Подъ врачебной помощью понимается не только первоначальная помощь при внезапныхъ заболѣваніяхъ и несчастныхъ случаяхъ, амбулаторное лѣченіе, но и больничное лѣченіе съ полнымъ содержаніемъ заболѣвшихъ; при этомъ въ случаѣ болѣзней, не сопровождающихся потерей трудоспособности, рабочій пользуется амбулаторнымъ лѣченіемъ до истеченія договора найма, при потерѣ же трудоспособности—лѣченіемъ не долѣе трехъ мѣсяцевъ независимо отъ срока договора; если же болѣзнь послѣдовала отъ „несчастнаго случая", то лѣченіе рабочихъ лежитъ на предпринимателѣ до полнаго ихъ выздоровленія. Для исполненія этой обязанности по лѣченію рабочихъ владѣльцу промышленнаго заведенія предоставляется устраивать больницы, самостоятельно или совмѣстно съ владѣльцами другихъ заведеній, или входить въ соглашеніе съ городскими и земскими управленіями и соотвѣтствующими имъ установленіями въ неземскихъ губерніяхъ, съ обществомъ Краснаго Креста и другими медицинскими учрежденіями. До сихъ поръ законопроектъ, по крайней мѣрѣ, съ принципіальной стороны, не представляетъ особыхъ отличій отъ дѣйствующаго закона или, вѣрнѣе, установившейся практики; съ формальной же точки зрѣнія за нимъ нельзя даже не признать извѣстнаго преимущества передъ дѣйствующимъ закономъ, такъ какъ въ немъ точно опредѣлены во времени обязанности владѣльцевъ предпріятій и способы ихъ осуществленія. Но дальнѣйшія статьи законопроекта подрываютъ все практическое значеніе проектированныхъ правилъ.

Дѣйствительно. Въ настоящее время размѣры больничной помощи опредѣляются закономъ—по одной кровати на 100 человѣкъ, законопроектъ же предоставляетъ это дѣло рѣшенію мѣстныхъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствій, при чемъ „высшимъ предѣломъ ихъ требованій принимается одна кровать на сто рабочихъ", Такимъ образомъ, требованіе, считавшееся до сихъ поръ *нормальнымъ*, признается теперь *максимальнымъ*, и не безъ основанія можно опасаться, что мѣстныя присутствія, наполовину составленныя изъ представителей торговопромышленнаго класса

(изъ 10 членовъ присутствія—*четыре* являются представителями отъ промышленности) лишь въ исключительныхъ случаяхъ согласятся повысить свои требованія до этого „высшаго предѣла“. Составители проекта полагали, что „неудобство общихъ нормъ въ столь живомъ дѣлѣ, какъ врачебная помощь, не позволяетъ предписывать въ самомъ законѣ какія-либо точныя цифровыя требованія въ отношеніи размѣра и организаціи ея“, а между тѣмъ, при предполагаемомъ порядкѣ это „ясное дѣло“, пройдя черезъ руки заинтересованныхъ членовъ мѣстныхъ присутствій, сдѣлается жертвою бездушнаго формализма. Въ общественныхъ интересахъ, передача функцій законодательной власти административнымъ присутствіямъ столь же мало допустима, какъ и въ дѣлѣ регулированія продолжительности рабочаго дня.

Но и это требованіе законопроекта, слишкомъ скромное по сравненію съ дѣйствующимъ, подверглось еще новому сокращенію. Установивъ всеобщую обязанность фабрикантовъ по лѣченію рабочихъ, законопроектъ въ п. 5 опредѣляетъ, что „промышленныя предпріятія съ числомъ рабочихъ менѣе 500, въ случаѣ неимѣнія въ недалекомъ разстояніи отъ нихъ другихъ промышленныхъ заведеній, съ коими они могли бы войти въ соглашеніе для совмѣстнаго устройства врачебной помощи; равно въ случаѣ отказа отъ соглашенія городскихъ и земскихъ учрежденій, вслѣдствіе ненаселенности и малонаселенности мѣста, гдѣ расположено промышленное предпріятіе, не допускающей для сказанныхъ установленій надлежащаго устройства врачебной помощи безъ чрезмѣрныхъ затратъ,—*могутъ быть освобождаемы* мѣстными по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіями *отъ обязательнаго устройства собственныхъ больницъ*“. Въ этомъ случаѣ на нихъ возлагается лишь обязанность оказывать первоначальную и амбулаторную помощь. Не трудно понять, что такое постановленіе по существу уничтожаетъ принципъ обязательности лѣченія фабрикантами своихъ рабочихъ, открываетъ широкій просторъ усмотрѣнію мѣстныхъ присутствій и грозитъ обратить основныя требованія проекта въ пустой звукъ. При громадности разстояній и рѣдкости населенія въ Россіи, предусмотрѣнные въ законопроектѣ поводы къ освобожденію предпринимателей отъ устройства больницъ могутъ сдѣлаться не отдѣльными исключеніями, а

общимъ правиломъ. Реальное значеніе этого станетъ яснымъ, если принять въ разсчетъ, что изъ 1,453.926 рабочихъ на русскихъ фабрикахъ, зарегистрованныхъ въ 1897 г., на долю промышленныхъ предпріятій, имѣющихъ до 500 рабочихъ, приходилось около 800.000 человѣкъ; другими словами, при широкомъ толкованіи законопроекта *болѣе половины всѣхъ рабочихъ могутъ быть лишены больничной помощи или, вѣрнѣе, всякой помощи вообще*; „на такихъ фабрикахъ,—заявляютъ составители проекта,—врачебная помощь въ сущности осталась бы въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ настоящее время", но вѣдь изъ оффиціальныхъ же источниковъ мы знаемъ, что „фабричная медицина въ настоящемъ ея видѣ есть преимущественно фельдшерская медицина со всѣми недостатками послѣдней". Такимъ образомъ, оберегая матеріальные интересы предпринимателей и заботясь о смягченіи „тяготы" дѣйствующаго закона, составители проекта принесли имъ въ жертву интересы общественнаго здравія. И это тѣмъ болѣе странно, что, по мнѣнію самихъ составителей проекта, всѣ расходы по обезпеченію жизни и здоровья занятыхъ въ промыслѣ рабочихъ должны лежать на предпріятіи, ибо освобожденіе предпринимателей отъ этихъ расходовъ было бы равносильно ничѣмъ не оправдываемому переложенію ихъ на государственный и общественный счетъ. При оцѣнкѣ разсматриваемой нами статьи необходимо еще имѣть въ виду, что законопроектъ, перечисляя категоріи предпріятій, обязанныхъ къ обезпеченію своихъ рабочихъ врачебной помощью, ни словомъ не упоминаетъ о ремесленной и кустарной промышленности и, слѣдовательно, принципіально освобождаетъ владѣльцевъ предпріятій, имѣющихъ менѣе 16-ти рабочихъ, отъ какой бы то ни было медицинской помощи рабочимъ. Если еще прибавить, что въ законопроектѣ не установлено никакихъ наказаній за неисполненіе требованій будущаго закона, то нельзя будетъ не признать, что проектированныя правила на практикѣ должны привести къ ничтожнымъ результатамъ.

Судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, только что разсмотрѣнный законопроектъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ сравнительно съ той редакціей, въ какой онъ имѣется у насъ. Сохраняя въ неприкосновенности свои основныя черты, законопроектъ въ этой новой редакціи слѣдую-

щимъ образомъ опредѣляетъ обязанность владѣльцевъ предпріятій по устройству больничной помощи рабочимъ. „Въ особо уважительныхъ случаяхъ, при отсутствіи другихъ промышленныхъ предпріятій, съ которыми можно было бы войти въ соглашеніе для совмѣстнаго устройства врачебной помощи рабочимъ, промышленное *предпріятіе съ числомъ рабочихъ до 200 освобождается отъ обязательнаго оказанія своимъ рабочимъ больничнаго лѣченія*, промышленное же *предпріятіе съ числомъ рабочихъ менѣе 100—отъ обязательства какъ амбулаторнаго, такъ и больничнаго лѣченія*". Сравнивъ эту статью съ выше разобранной 5-ой статьей первой редакціи, мы увидимъ, что и въ новомъ видѣ статья съ той же, если не съ большей заботливостью оберегаетъ интересы... предпринимателей. По прежней редакціи присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ *могутъ освобождать* отъ устройства собственныхъ больницъ предпріятія съ числомъ рабочихъ до 500; теперь, если вѣрить точности сообщенія *Новаго Времени* ipso jure *освобождаются* отъ этого предпріятія до 200 рабочихъ и при томъ не только отъ обязанности „устройства собственныхъ больницъ", какъ это было въ первой редакціи, но и отъ обязательнаго оказанія больничнаго лѣченія вообще, т. е. не только въ собственныхъ, но и въ другихъ больницахъ. По первой редакціи законопроекта предпріятія до 500 рабочихъ, освобожденныя отъ устройства собственныхъ больницъ, обязаны, по меньшей мѣрѣ, оказывать своимъ рабочимъ амбулаторную и первоначальную медицинскую помощь, теперь же предпріятія съ числомъ рабочихъ до 100 освобождаются отъ обязательства, какъ амбулаторнаго, такъ и больничнаго лѣченія; слѣдовательно, около половины всѣхъ фабрично-заводскихъ рабочихъ будетъ на законномъ основаніи лишено всякой медицинской помощи! Въ новую редакцію внесены, правда, нѣкоторыя поправки положительнаго свойства: за нарушеніе правилъ о врачебной помощи устанавливается денежная кара до 500 руб., срокъ больничнаго лѣченія при неспособности рабочаго по болѣзни продолжать работу удлиненъ съ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ („въ особо уважительныхъ случаяхъ"); но поправки эти не могутъ измѣнить общаго характера законопроекта—его явнаго стремленія превратить обязанность предпринимателей по лѣченію рабочихъ въ пустой звукъ.

Составители проекта, какъ бы забывъ о всей неудовлетворительности фабричной медицины въ Россіи, сосредоточили свое вниманіе на охранѣ матеріальныхъ интересовъ предпринимателей, будто бы непосильно обремененныхъ требованіями дѣйствующаго закона, а при такой точкѣ зрѣнія и не могло получиться ничего цѣльнаго и систематичнаго. Отсюда и эта „умѣренность“ требованій законопроекта, и ограниченность сферы ихъ примѣненія, и безпредѣльная широта полномочій главнаго и мѣстныхъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствій,—этихъ административныхъ учрежденій съ усиленнымъ представительствомъ торговопромышленныхъ элементовъ.

Составители законопроекта пожелали примирить экономію предпринимателей съ интересами общественнаго здравія,—соединить несоединимое,—неудивительно, что ошибочная основная точка зрѣнія должна была привести къ неправильному и одностороннему рѣшенію. Взятый въ цѣломъ, законопроектъ является съ формальной стороны простымъ повтореніемъ закона 1866 года, съ матеріальной же—рѣшительнымъ шагомъ назадъ, и въ этомъ своемъ видѣ безусловно не удовлетворяетъ ни потребностямъ времени, ни дѣйствительнымъ интересамъ общественнаго здравія. Основныя положенія законопроекта, если сопоставить ихъ съ данными оффиціальнаго изслѣдованія, раскрывшими фиктивность дѣйствующаго законодательства и всю ничтожность оказываемой рабочимъ врачебной помощи, должны поразить своей неожиданностью: министерство финансовъ считаетъ необходимымъ устранить неудовлетворительный по его мнѣнію законъ и приходитъ къ законопроекту, который въ конечномъ счетѣ является лишь парафразой дѣйствующаго.

III.

Разсмотрѣнный нами законопроектъ грѣшитъ, однако, и другимъ крупнымъ недостаткомъ, настолько крупнымъ, что если бы въ законопроектѣ все остальное было безупречно, то и тогда мы должны были бы признать его абсолютно не удовлетворяющимъ своему назначенію. Дѣйствующее законодательство, возлагая на предпринимателей обязанность по оказанію рабочимъ врачебной помощи, категорически вос-

прещаетъ взиманіе съ нихъ платы за эту помощь и только („Воспрещается взиманіе съ рабочихъ платы: 1) за врачебную помощь, 2) за освѣщеніе мастерскихъ и 3) за пользованіе при работахъ для фабрики орудіями производства". Ст. 102 уст. о пром.). Но вѣдь ясно, что одной безплатной врачебной помощи мало, что больной рабочій, поставленный въ необходимость кормить себя и свою семью, долженъ еще пользоваться денежнымъ пособіемъ, чтобы не погибнуть съ голода. При крайне низкой заработной платѣ рабочій не имѣетъ возможности накоплять сбереженія, между тѣмъ, при поденномъ или сдѣльномъ вознагражденіи больной рабочій лишается своего заработка. Въ виду этого въ государствахъ, введшихъ у себя обязательное страхованіе рабочихъ на случай болѣзней, рабочимъ не только оказывается безплатная врачебная помощь, но и производится денежная выдача въ размѣрѣ опредѣленной части заработной платы. Въ тѣхъ же государствахъ, гдѣ нѣтъ обязательнаго страхованія и гдѣ обязанность по денежному вспомоществованію больнымъ не возлагается на предпринимателей, эту функцію выполняютъ широко распространенныя рабочія организаціи и кассы, накопляющія свои капиталы изъ взносовъ рабочихъ и отчасти предпринимателей. Законопроектъ министерства финансовъ совершенно не затронулъ этой стороны вопроса: въ немъ нѣтъ ни слова о денежномъ пособіи больнымъ. Очевидно, и здѣсь въ заботахъ объ облегченіи „тяготы" предпринимателей министерство финансовъ не осмѣлилось внести въ свой проектъ требованіе о денежной помощи больнымъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что подобный расходъ полностью долженъ быть переложенъ на владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій. Насъ интересуетъ сейчасъ тотъ только фактъ, что составители законопроекта не сочли нужнымъ подумать объ охранѣ самыхъ серьезныхъ интересовъ рабочаго и обошли молчаніемъ вопросъ о денежной помощи больнымъ. Между тѣмъ, независимо отъ законодательства жизнь стала намѣчать пути къ рѣшенію этого важнаго вопроса. Къ несчастію, какъ покажетъ дальнѣйшее изложеніе, найденныя ею средства оказались слишкомъ скромными для достиженія намѣченной цѣли. На помощь рабочимъ въ случаѣ болѣзни, смерти, инвалидности и другихъ несчастій явились различныя учрежденія и капи-

талы. Прежде всего на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ сами предприниматели признали необходимость денежной помощи рабочимъ. Съ этой цѣлью владѣльцы промышленныхъ предпріятій стали выдавать изъ собственныхъ средствъ пособія больнымъ, нуждающимся, престарѣлымъ, вдовамъ, сиротамъ, на похороны, или учреждать особые вспомогательные и пенсіонные капиталы. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ пособія и кассы носятъ чисто благотворительный характеръ; насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, эта форма помощи не получила, да и не могла получить, особаго значенія уже по тому одному, что право рабочихъ на пособіе исключительно зависитъ отъ доброй воли владѣльца предпріятія.

Значительно важнѣе та помощь, которая оказывается рабочимъ на счетъ штрафныхъ капиталовъ, образующихся при каждой *фабрикѣ* изъ денежныхъ взысканій, налагаемыхъ на рабочихъ завѣдывающимъ промышленнымъ предпріятіемъ за неисправную работу, прогулы и нарушенія порядка. По инструкціи, утвержденной министромъ финансовъ 4 декабря 1890 г., изъ штрафныхъ капиталовъ производятся выдачи рабочимъ, потерявшимъ навсегда способность къ труду, лишившимся временно возможности трудиться по болѣзни, беременнымъ женщинамъ, на погребеніе и въ случаѣ утраты или потери имущества отъ пожара или другихъ несчастій. По даннымъ за 1900 г. [1]) поступленія въ штрафной капиталъ составили 872.000 руб., въ томъ числѣ штрафовъ съ рабочихъ—575.000 р., процентовъ съ капитала 87.000 р., расходовъ по произведенію на выдачу пособій рабочимъ 498.312 руб. (общій расходъ—688.525 руб.). Общая сумма штрафныхъ капиталовъ составила на 1 янв. 1901 г. 2.592.376 руб. Расходованіе штрафныхъ капиталовъ выразилось въ выдачѣ пособій по случаю полной потери трудоспособности—94.897 руб., временной потери по болѣзни—153.997 руб., беременности—73.785 р., на похороны—79.558 р., по разнымъ другимъ поводамъ—96.072 руб. Такимъ образомъ, денежное пособіе больнымъ составило главный расходъ. Но изъ этихъ же данныхъ видно, что пособіе изъ штрафныхъ капиталовъ не представляетъ еще

[1]) См. „Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ“.

рѣшенія вопроса: что значатъ 500.000 руб. пособія въ годъ на 1.700.000 фабрично-заводскихъ рабочихъ! Ничтожность этой помощи станетъ еще яснѣе, если вспомнить, что съ тѣхъ поръ, какъ законъ воспретилъ фабрикантамъ брать въ свою пользу штрафныя деньги съ рабочихъ, сумма поступленій стала изъ года въ годъ уменьшаться; что вопреки явному смыслу закона, возлагающаго обязанность по вознагражденію увѣчныхъ рабочихъ на владѣльцевъ промышленнаго заведенія, изъ штрафныхъ капиталовъ пособія производятся и увѣчнымъ рабочимъ, и тѣмъ еще сильнѣе уменьшается общая сумма капиталовъ, что штрафные капиталы существовали въ 1900 г. всего на 4.913 промышленныхъ заведеніяхъ изъ 18.312; что самый размѣръ пособій зависитъ отъ состоянія штрафного капитала, и, слѣдовательно, самое пособіе не представляетъ прочной помощи нуждающимся.

Наряду съ штрафными капиталами при *отдѣльныхъ фабрикахъ* существуетъ еще *общій по имперіи капиталъ* для выдачи пособій больнымъ и увѣчнымъ, составляющійся изъ штрафныхъ капиталовъ закрывающихся промышленныхъ заведеній и изъ денежныхъ взысканій, налагаемыхъ на завѣдывающихъ промышленными заведеніями судомъ или губернскими по фабричнымъ дѣламъ присутствіями за нарушеніе устава о промышленности. Капиталъ этотъ образованъ выс. утв. 29 мая 1895 г. мнѣніемъ госуд. совѣта, но какъ великъ онъ,—этого мы не знаемъ. Едва ли онъ значителенъ и можетъ играть серьезную роль для рабочихъ, такъ какъ по инструкціи 7-го мая 1902 г. „больные и увѣчные рабочіе или ихъ семьи могутъ получать единовременное пособіе не свыше 100 руб. и срочное пособіе по 8 руб. въ мѣсяцъ лишь *„при наличности“* капитала, имѣющагося въ распоряженіи на сей предметъ“. Ясно, что пособія изъ этого капитала могутъ имѣть только случайный характеръ. Такіе же штрафные капиталы, пополняемые взысканіями съ рабочихъ за неисправную работу, прогулы и нарушеніе порядка, составляются и при каждомъ *горномъ промыслѣ*. Выдачи изъ этихъ капиталовъ, согласно правиламъ 25 окт. 1894 г., производятся почти въ тѣхъ же случаяхъ, что изъ фабричныхъ штрафныхъ капиталовъ (потерявшихъ трудоспособность навсегда по болѣзни или увѣчью, беремен-

нымъ,—всѣмъ этимъ лицамъ не свыше $^1/_2$ заработка, на похороны—не свыше 10 руб.). Кромѣ того, подобно фабричнымъ рабочимъ, и горнозаводскіе рабочіе могутъ получать также пособіе изъ *особаго по имперіи капитала*. Для горныхъ промысловъ и заводовъ до послѣдняго времени не имѣлось узаконенія, подобнаго существовавшему въ видѣ ст. 155_1 уст. пром. (по прод. 1895 г.) для фабрично-заводскихъ предпріятій правилу объ образованіи особаго капитала для выдачи больнымъ и увѣчнымъ рабочимъ. Въ виду этого главное по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіе 15 фев. 1901 г. сдѣлало постановленіе объ обращеніи денежныхъ взысканій съ завѣдывающихъ горными промыслами и заводами и свободныхъ штрафныхъ капиталовъ въ доходъ казны, а затѣмъ высочайше утвержденнымъ 16 апр. 1901 года мнѣніемъ государственнаго совѣта: постановлено обратить эти поступленія на образованіе особаго капитала для выдачи вспомоществованія больнымъ и увѣчнымъ горнорабочимъ. Такимъ образомъ, нынѣ фабричные и горнозаводскіе рабочіе пользуются одними и тѣми же правами на пособіе изъ отдѣльныхъ по каждому промышленному предпріятію и изъ общаго по имперіи штрафныхъ капиталовъ. Но общіе по имперіи капиталы недавняго происхожденія и не могутъ быть значительными; трудно думать, чтобы и въ будущемъ они достигли большихъ размѣровъ, такъ какъ фабричная инспекція—какъ мы уже видѣли — слишкомъ снисходительно относится къ самымъ важнымъ правонарушеніямъ, а губернскія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія, наполовину составленныя изъ представителей отъ промышленности, и подавно не будутъ склонны карать денежными штрафами владѣльцевъ предпріятія въ пользу штрафныхъ по имперіи капиталовъ. О скромной роли штрафныхъ при фабрикахъ капиталовъ мы уже говорили; на горныхъ промыслахъ, имѣющихъ почти втрое меньше рабочихъ, чѣмъ фабрики, пособія изъ этихъ капиталовъ должны быть еще скромнѣе.

Остается послѣдняя форма помощи—изъ особыхъ больничныхъ вспомогательныхъ кассъ, образующихъ свои капиталы путемъ правильныхъ отчисленій со стороны рабочихъ и отчасти хозяевъ. Подобнаго рода кассы, выдающія своимъ членамъ твердо установленное пособіе и въ заранѣе опредѣ-

ленныхъ случаяхъ, представляли бы наилучшій способъ обезпеченія больныхъ рабочихъ, если бы въ силу многихъ условій нашей государственной жизни эти кассы не получили такого ничтожнаго распространенія. Въ *фабричной* промышленности первое мѣсто принадлежитъ больничнымъ кассамъ Царства Польскаго, издавна существовавшимъ здѣсь. Капиталы этихъ кассъ составлялись изъ штрафовъ, взимаемыхъ съ рабочихъ, добровольныхъ отчисленій изъ заработной платы въ размѣрѣ 1%—3% и очень скромныхъ субсидій со стороны фабрикантовъ, которые лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вносили половину суммъ, поступавшихъ отъ рабочихъ, обыкновенно же принимали на себя уплату недостающихъ кассѣ суммъ для покрытія годичныхъ расходовъ. Больничныя кассы оказывали рабочимъ врачебную помощь, денежное пособіе больнымъ въ размѣрѣ $^1/_3$—$^1/_2$ заработка, пособія на похороны умершихъ рабочихъ и членовъ ихъ семействъ; завѣдываніе кассами находилось въ рукахъ владѣльцевъ фабрикъ. Въ такомъ видѣ кассы существовали до 1891 года, когда на губерніи Царства Польскаго было распространено дѣйствіе закона 3 іюня 1886 г., воспрещающаго вычеты изъ заработной платы на медицинскую помощь; фабричная инспекція потребовала, чтобы всѣ расходы на врачебную помощь были приняты на счетъ фабрикъ, а вычеты съ рабочихъ служили только для выдачи денежныхъ пособій больнымъ и на похороны. Кромѣ того, министерство финансовъ разъяснило, что, въ виду положительнаго требованія закона обращать штрафы съ рабочихъ на составленіе особаго при каждой фабрикѣ капитала, направленіе этихъ штрафовъ на образованіе фонда кассъ не можетъ быть допущено. Вслѣдствіе этого однѣ больничныя кассы закрылись, другія превратились въ обыкновенныя вспомогательныя кассы на случай болѣзни и смерти. Но такъ какъ потребность въ больничныхъ кассахъ живо ощущалась рабочимъ населеніемъ въ случаяхъ болѣзней, то, для обезпеченія возможности продолженія несомнѣнно полезной дѣятельности этихъ кассъ, министерство разрѣшило производить отчисленіе изъ заработной платы рабочихъ на составленіе фондовъ для выдачи пособій рабочимъ, но подъ условіемъ разрѣшенія со стороны властей, согласія рабочихъ на вычеты и непревышенія вычетами 3% заработной платы. Съ другой стороны варшавское

и петраковское губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія, желая способствовать возстановленію больничныхъ кассъ, выработали нормальные уставы. По нормальному уставу [1]), въ больничныя кассы поступаютъ отчисленія изъ заработной платы въ размѣрѣ не свыше 1%, штрафныя деньги и добровольныя пожертвованія фабрикантовъ, и на эти средства кассы выдаютъ пособія: 1) больнымъ рабочимъ—въ размѣрѣ ½ средняго поденнаго заработка въ теченіе срока не свыше 3—6 мѣсяцевъ, 2) беременнымъ работницамъ—въ томъ же размѣрѣ въ теченіе двухъ недѣль до родовъ и двухъ недѣль послѣ родовъ, 3) на погребеніе умершихъ членовъ кассы въ размѣрѣ 20-ти-кратнаго поденнаго средняго заработка и 4) одновременныя пособія во всѣхъ тѣхъ несчастныхъ случаяхъ, когда рабочіе имѣютъ право по закону на пособіе изъ штрафныхъ капиталовъ. Сколько больничнихъ кассъ существуетъ нынѣ на польскихъ фабрикахъ, какова ихъ дѣятельность—объ этомъ, къ сожалѣнію, не имѣется данныхъ.

Кромѣ Польши, больничныя и вспомогательныя кассы организованы кое-гдѣ въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Гродненской и Ковенской губерніяхъ. Въ собственно русскихъ губерніяхъ фабричныя кассы—недавняго происхожденія и, судя по даннымъ г. Татищева, общее число ихъ очень невелико (десятка два).

Значительно шире, по сравненію съ фабричными, развились у насъ *горнозаводскія кассы*. Почти всѣ онѣ сосредоточены въ двухъ районахъ—въ Польшѣ и на Уралѣ и при томъ въ первой—на частныхъ, во второмъ—на казенныхъ горныхъ промыслахъ и заводахъ. Такая группировка кассъ вполнѣ понятна: въ Польшѣ сами горнорабочіе и предприниматели,—въ большинствѣ случаевъ иностранцы, — настолько уже культурны, что и тѣ и другіе не могли не оцѣнить всей важности подобнаго рода вспомогательныхъ учрежденій; возникновеніе же кассъ на Уралѣ объясняется тѣсными отношеніями, издавна существовавшими тамъ между казенными заводами и приписаннымъ къ нимъ населеніемъ. Самый фактъ большей распространенности кассъ на горныхъ промыслахъ самъ по себѣ является слѣдствіемъ значительно и

[1]) *Татищевъ*, стр. 54.

профессіональной опасности труда горнорабочихъ. По изслѣдованію г. Тигранова, произведенному въ 1898 г., въ Польшѣ кассы состояли на 17 заводахъ, насчитывали 22.676 членовъ или 59% всего числа горнорабочихъ (38.380 человѣкъ) и имѣли 360.469 руб. капиталовъ. Насколько можно судить по нашимъ законодательнымъ актамъ, дѣйствующія въ Польшѣ кассы бываютъ двухъ родовъ. Во-первыхъ, ссудо-сберегательныя и вспомогательныя кассы; какъ видно изъ утвержденнаго 23 декабря 1894 г. нормальнаго устава ссудо-сберегательныхъ и вспомогательныхъ кассъ для рабочихъ и служащихъ на частныхъ горныхъ заводахъ и промыслахъ II горнаго округа въ Царствѣ Польскомъ, онѣ ставятъ своей цѣлью: 1) пріемъ отъ членовъ вкладовъ съ начисленіемъ процентовъ, 2) выдачу ссудъ и 3) выдачу пособій въ случаѣ разныхъ несчастій, и для этого накопляютъ капиталъ, производя отчисленія изъ заработка рабочихъ—въ размѣрѣ 4—5% и изъ средствъ предпринимателя—въ размѣрѣ 15% общей суммы взносовъ первой группы. Во-вторыхъ, больничныя кассы: согласно утвержденному 7 февраля 1895 г. уставу больничныхъ кассъ, учреждаемыхъ на горныхъ заводахъ и промыслахъ Царства Польскаго, „онѣ имѣютъ цѣлью предоставить своимъ членамъ въ случаѣ болѣзни или смерти пособія“. Пособія эти заключаются: a) въ безплатной врачебной помощи, которой могутъ пользоваться не только сами рабочіе, но и члены ихъ семьи, родители и родственники, находящіеся на ихъ попеченіи, b) въ выдачѣ больнымъ денегъ по указанной въ уставѣ нормѣ (12 к.—до 40 к. въ день) на срокъ до 3-хъ и въ крайнемъ случаѣ до 6 мѣсяцевъ, c) на похороны и d) чрезвычайныя нужды. Средства больничныхъ кассъ образуются изъ вычетовъ съ рабочихъ въ размѣрѣ не менѣе 1% и не болѣе 3% заработной ихъ платы и изъ взносовъ горнопромышленниковъ, которые должны быть, по крайней мѣрѣ, равны суммѣ первыхъ. Нормальный уставъ больничныхъ кассъ не признаетъ, слѣдовательно, за ними права выдачъ разныхъ пенсій, какъ это практиковалось во многихъ кассахъ, посѣщенныхъ г. Тиграновымъ (пенсіи на дожитіе въ размѣрѣ 1 р. 24 к.—15 р. въ мѣсяцъ, вдовамъ—$^2/_3$ инвалидной пенсіи, дѣтямъ до 14 лѣтъ—отъ 45 к. до 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ). Но за то больничныя кассы по этому уставу оказываютъ своимъ членамъ врачебную помощь, хотя по закону

9 марта 1892 г. оплата ея возложена всецѣло на владѣльцевъ горнопромышленныхъ предпріятій. Для пониманія этой ихъ особенности надо имѣть въ виду, что до изданія нормальнаго устава владѣльцы или вовсе не дѣлали взносовъ въ кассу или участвовали въ ней очень незначительными суммами. между тѣмъ теперь доля ихъ участія должна быть по меньшей мѣрѣ равна долѣ рабочихъ; а такъ какъ опытъ обязательнаго страхованія рабочихъ отъ болѣзней въ Германіи показалъ, что расходы на врачебную помощь и денежныя пособія больнымъ равны, то и въ новомъ порядкѣ владѣльцы промысловъ фактически оплачивали бы врачебную помощь, внося въ кассу требуемые по уставу взносы; къ тому же въ нормальномъ уставѣ прямо заявляется, что взносы владѣльцевъ во всякомъ случаѣ должны покрывать расходы на медицинскую часть, а если этого нѣтъ—они обязаны произвести соотвѣтственную доплату. Мало того, даже „за взносомъ въ больничную кассу суммы потребной на всѣ расходы по безвозмездной медицинской помощи рабочимъ“ владѣльцы заводовъ и промысловъ „не освобождаются отъ обязанности устроить больничное помѣщеніе при самомъ заводѣ или промыслѣ, а также и отъ прочихъ своихъ законныхъ обязанностей въ отношеніи медицинской помощи рабочимъ, поскольку таковыя не исполняются вмѣсто нихъ больничною кассою“. Такимъ-то образомъ полагало министерство земледѣлія упорядочить дѣятельность больничныхъ кассъ на горныхъ заводахъ Польши, развивавшихся до тѣхъ поръ внѣ всякаго правительственнаго воздѣйствія и не имѣвшихъ даже утвержденныхъ правительствомъ уставовъ. Вмѣшательство власти во внутреннюю организацію кассъ вызывалось безусловной необходимостью, такъ какъ кассы, сложившись въ періодъ до изданія закона 9 марта 1892 г., обязавшаго, согласно общеимперскому закону, владѣльцевъ горныхъ промысловъ оплачивать врачебную помощь рабочимъ, фактически перелагали оплату врачебной помощи на рабочихъ и главныя суммы поступали въ кассы отъ рабочихъ [1]). Послѣ изданія закона нѣкоторые владѣльцы прекратили свои взносы въ кассу и изъяли врачебное дѣло изъ рукъ кассъ.

[1]) Изъ 13 кассъ, существовавшихъ до 90-хъ годовъ, 4 не получали отъ владѣльцевъ предпріятія никакихъ взносовъ, въ остальныхъ взносы владѣльцевъ составляли $^1/_2$—$^1/_3$ взносовъ рабочихъ, изрѣдка больше.

другіе—сохранили его за ними, оплачивая кассамъ расходы по врачебной помощи или дѣлая взносъ въ размѣрѣ взносовъ рабочихъ, иногда съ нѣкоторой прибавкой. Нормальный уставъ 1895 г. и имѣлъ въ виду урегулировать врачебную дѣятельность кассъ въ такомъ направленіи, чтобы расходы на медицинскую помощь рабочимъ всецѣло перелагались на владѣльцевъ предпріятія.

Но жизнь показала, что дѣятельность кассъ очень слабо приспособляется къ нормальному уставу 1895 г. и закону 1892 г. Г. Тиграновъ, обозрѣвшій польскія кассы въ 1898 г., нашелъ въ ихъ организаціи и дѣятельности множество крупныхъ недостатковъ, въ особенности же смѣшеніе въ кассахъ разныхъ видовъ страхованія—отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ и старости,—малый или ничтожный размѣръ взносовъ со стороны хозяевъ, полное отсутствіе или недостаточное представительство интересовъ рабочихъ въ управленіи кассами и т. д. [1]). Нѣкоторыя кассы принимали на себя даже обезпеченіе увѣчныхъ рабочихъ, составляющее прямую обязанность предпринимателей. Въ виду такихъ результатовъ правительство сочло необходимымъ вновь регулировать дѣятельность больничныхъ кассъ въ Польшѣ. Высочайше утвержденнымъ 30 іюня 1900 г. положеніемъ комитета министровъ, кассы горнорабочихъ Ц. Польскаго, не имѣющія утвержденныхъ уставовъ, подчиняются надзору горной или фабричной инспекціи; отчетность и капиталы кассъ совершенно отдѣляются отъ заводскихъ; наниматели уплачиваютъ одну треть взносовъ рабочихъ въ больничныя кассы и половину взносовъ рабочихъ въ кассы, принявшія на себя пенсіонное обезпеченіе инвалидовъ, вдовъ и сиротъ; изъ вѣдѣнія кассъ *исключено оказаніе врачебной помощи рабочимъ и выдача вознагражденій потерпѣвшимъ на работахъ*, если несчастіе произошло при условіяхъ, вызывающихъ отвѣтственность владѣльца предпріятія; къ участію въ управленіи кассою допущены рабочіе. Такимъ образомъ, правительство признало нужнымъ запретить кассамъ врачебную помощь рабочимъ, ограничивъ дѣятельность ихъ выдачей денежныхъ пособій больнымъ и пенсій извѣстнаго рода, но за то

---

[1]) *Тиграновъ*, „Кассы взаимопомощи рабочихъ частныхъ горныхъ заводовъ и промысловъ въ Ц. Польскомъ“, Спб. 1900 г.

понизило размѣръ взносовъ предпринимателей по сравненію съ требованіями нормальнаго устава 1895 года [1]).

Значительно шире матеріальное участіе казны, какъ владѣльца горныхъ заводовъ и промысловъ, въ дѣятельности вспомогательныхъ кассъ при горнозаводскихъ товариществахъ, образованныхъ на казенныхъ заводахъ и промыслахъ.

Мы уже видѣли, что управленія казенныхъ заводовъ оказываютъ своимъ рабочимъ—членамъ горнозаводскихъ товариществъ [2]) полную больничную помощь, кромѣ того, всѣмъ больнымъ за исключеніемъ холостыхъ безсемейныхъ, они выдаютъ денежное пособіе въ размѣрѣ одной трети жалованья или задѣльной платы—холостымъ, имѣющимъ на своемъ попеченіи родителей или ближайшихъ родственниковъ, половины оклада—женатымъ бездѣтнымъ и двухъ третей—женатымъ съ дѣтьми (ст. 65). Независимо отъ этого пособія на помощь рабочимъ приходятъ еще горнозаводскія товарищества, образованныя на казенныхъ горныхъ заводахъ и рудникахъ „въ видахъ упроченія связи между заводами и работающими въ оныхъ людьми, для поощренія сихъ послѣднихъ къ горному труду“ и имѣющія своей цѣлью, „попеченіе о рабочихъ въ болѣзни, старости и при домашнихъ несчастьяхъ, призрѣніе вдовъ и сиротъ, распространеніе нравственности между горнорабочимъ населеніемъ, разборъ возникающихъ между рабочими несогласій [3]) и вообще принятіе мѣръ, полезныхъ для благосостоянія горнорабочаго населенія (ст. 55 въ редакціи, установленной выс. утв. 11 марта 1902 г. мнѣніемъ госуд. совѣта). Средства вспо-

---

[1]) На основаніи этого законоположенія министромъ земледѣлія выработаны и 29 ноября 1901 г. утверждены временныя правила о вспомогательныхъ кассахъ рабочихъ горнозаводскихъ предпріятій „Гута Банкова“, Сосновицкаго общества, „Екатерины“, Французско-Итальянскаго общества, „Графъ Ренардъ“, общества Челядзь, „Флора“, „Иванъ“, „Антонъ“. Варшавскаго общества. См. Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и госуд. имущ. за восьмой годъ его существованія“, Спб., 1902 г., стр. 305.

[2]) Согласно примѣч. къ ст. 65 положенія о горнозаводскомъ населеніе казенныхъ горныхъ заводовъ (положеніе это составляетъ особое приложеніе къ тому IX зак. о сост.), рабочіе, не принадлежащіе къ мѣстному горнозаводскому товариществу, въ случаѣ болѣзни содержатся въ заводской больницѣ на счетъ завода въ теченіе одного мѣсяца, долѣе одного мѣсяца—лишь въ особо утвержденныхъ случаяхъ и безъ срока, до полнаго выздоровленія—если болѣзнь явилась слѣдствіемъ заводскихъ работъ. Отсюда видно, насколько шире права рабочихъ-членовъ горнозаводскаго товарищества и какой сильный стимулъ созданъ закономъ для поступленія рабочихъ въ товарищества.

[3]) Въ прежней редакціи закона: „успѣшнѣйшій разборъ возникающихъ *по работамъ* несогласій“.

могательныхъ кассъ при горнозаводскихъ товариществахъ пополняются 1) вычетомъ отъ двухъ и не болѣе трехъ процентовъ изъ жалованья и задѣльной платы каждаго члена товарищества, 2) взносомъ отъ завода суммы, равной итогу всѣхъ вычетовъ, поступившихъ въ теченіе года съ заводскихъ людей, участвующихъ въ кассѣ, 3) штрафными по договорамъ вычетами, взыскиваемыми съ заводскихъ людей за неисполненіе ими обязанностей по заводу и 4) разными другими источниками. Изъ этихъ средствъ кассы производятъ выдачу пенсій и временныхъ пособій. Пенсіи назначаются изъ кассы только за выслугу лѣтъ; на основаніи „Положенія о вспомогательныхъ кассахъ горнозаводскихъ товариществъ казенныхъ горныхъ заводовъ и рудниковъ", утвержденнаго 26 мая 1893 г. министромъ государственныхъ имуществъ, полная пенсія опредѣляется въ размѣрѣ половины средняго годового оклада за службу или работу на заводѣ въ теченіе 35 лѣтъ (§ 14), при этомъ, если неспособность къ труду наступитъ раньше, то пенсія назначается въ меньшемъ размѣрѣ, составляя за 10—15 лѣтъ работы—$^1/_6$ оклада, за 15—20 лѣтъ—$^1/_5$, за 20—25 лѣтъ—$^1/_4$, за 25—30 лѣтъ—$^1/_3$. По смерти члена товарищества, получавшаго пенсію или имѣвшаго въ день смерти право на нее, пенсія производится его вдовѣ и дѣтямъ въ размѣрѣ $^1/_3$ пенсіи—бездѣтной вдовѣ и $^1/_2$—$^2/_3$ пенсіи вдовѣ съ дѣтьми. Единовременныя пособія выдаются членамъ товарищества и ихъ семействамъ при болѣзни, уволеннымъ вовсе отъ работъ или службы за болѣзнью безъ пенсіи и въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ (§ 24). Заболѣвшій членъ товарищества содержится на средства завода въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; затѣмъ, по прекращеніи пользованія на счетъ завода, если болѣзнь послѣдовала не отъ заводскихъ занятій (когда больной лѣчится за счетъ завода до полнаго выздоровленія), лѣченіе его продолжается за счетъ вспомогательной кассы и, сверхъ того, больному выдается денежное пособіе изъ той же кассы въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ оно производилось ему въ первые мѣсяцы болѣзни отъ завода, согласно вышеуказанной 65 ст. положенія 8 марта, 1861 г., т. е. холостому и вдовому, имѣющему на попеченіи родителей или ближайшихъ родственниковъ,—$^1/_3$ оклада, женатому бездѣтному—$^1/_2$, женатому съ дѣтьми—$^2/_3$

(§ 25); въ случаяхъ, не требующихъ больничнаго режима, касса оказываетъ безплатную врачебную помощь на дому (§ 26). Такихъ вспомогательныхъ кассъ существовало на казенныхъ горныхъ заводахъ *шестнадцать*; онѣ насчитывали на 1 января 1902 г. 11.852 членовъ, имѣли собственнаго капитала 1.668,277 руб. и произвели въ теченіе 1901 года 97.652 руб. расхода [1]).

Изъ всего этого видно, насколько совершеннѣе организація и дѣятельность горнозаводскихъ товариществъ на казенныхъ заводахъ, чѣмъ больничныхъ горнозаводскихъ кассъ въ Польшѣ. Товарищества выдаютъ пенсіи на старость, оказываютъ врачебную помощь и денежныя пособія больнымъ до ихъ выздоровленія и во всѣхъ этихъ расходахъ казна принимаетъ *равное* участіе съ самими рабочими, не смотря на то, что до поступленія больного на попеченіе товарищества, т. е. не менѣе 2-хъ мѣсяцевъ, казна единолично несетъ всѣ расходы по лѣченію и денежному вспомоществованію; не говоримъ уже о томъ, что лѣченіе и пенсіи рабочимъ, лишившимся работоспособности отъ увѣчья на заводскихъ или рудничныхъ работахъ, на основаніи закона 15 мая 1901 г., производятся исключительно за счетъ завода и при томъ въ самомъ широкомъ объемѣ, оставляя далеко позади себя то вознагражденіе, которое полагается всей огромной массѣ нашихъ фабрично-заводскихъ и горнопромышленныхъ рабочихъ на основаніи дѣйствующихъ законовъ объ отвѣтственности за несчастные случаи. Къ сожалѣнію, горнозаводскія товарищества были учреждены только на казенныхъ заводахъ, такъ какъ предоставленное частнымъ горнозаводскимъ предпріятіямъ право учреждать по обоюдному согласію заводовладѣльцевъ и рабочихъ горнозаводскія товарищества, не получило на практикѣ никакого примѣненія.

Мы познакомились съ учрежденіями, приходящими на помощь больному рабочему денежнымъ пособіемъ. Изученіе ихъ съ достаточной ясностью обнаружило всю безпомощность русскаго рабочаго при наступленіи болѣзни. Однѣ только больничныя кассы на горныхъ заводахъ Польши и вспомо-

[1]) *Тирановъ.* Горнозаводскія товарищества казенныхъ горныхъ заводовъ и рудниковъ въ періодъ съ 1897 по 1901 г., СПБ., 1902 г.

гательныя кассы горнозаводскихъ товариществъ при казенныхъ горныхъ промыслахъ даютъ своимъ членамъ опредѣленное пособіе. Но чѣмъ совершеннѣе организація этихъ учрежденій, тѣмъ неудовлетворительнѣе покажется намъ вся постановка этого дѣла въ Россіи. Позабудемъ недостатки больничныхъ горнозаводскихъ кассъ въ Польшѣ, но и тогда общее число горнорабочихъ, пользующихся правильнымъ пособіемъ на случай болѣзни составитъ 35.000 человѣкъ, т. е. около $^1/_{18}$ всего числа горнорабочихъ. На фабрикахъ и заводахъ помощь этого рода распространена еще меньше и оказывается немногими, въ большинствѣ случаевъ молодыми учрежденіями, функціонирующими въ Польшѣ, Прибалтійскомъ краѣ, кое-гдѣ въ Литвѣ и въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ. Огромное большинство фабрично-заводскихъ рабочихъ принуждено надѣяться на помощь штрафныхъ капиталовъ, слишкомъ скромныхъ для правильнаго обезпеченія не только увѣчныхъ, инвалидовъ, но даже больныхъ. Въ конечномъ счетѣ милліонамъ фабрично-заводскихъ и горнопромышленныхъ рабочихъ приходится обращаться къ благотворительнымъ капиталамъ, существующимъ на немногихъ предпріятіяхъ, или даже къ личному добросердечію самого предпринимателя. Но можно ли придавать какое-нибудь серьезное значеніе этой благотворительности, разъ прямыя требованія закона, предъявляемыя предпринимателямъ, во многихъ случаяхъ промысловой жизни остаются неисполненными, какъ это показало намъ изученіе хотя бы одного врачебнаго дѣла. Больной рабочій и его семья при нынѣ дѣйствующемъ порядкѣ остаются, слѣдовательно, предоставленными самимъ себѣ съ правомъ умереть съ голода. Такое отношеніе законодательства и владѣльцевъ предпріятій еще болѣе несправедливо въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь рабочаго тѣсно связана съ его профессіональнымъ трудомъ, и когда невольная безработица заболѣвшаго стоитъ въ прямой причинной связи съ небрежностью владѣльца и его уполномоченныхъ, гоняющихся только за прибылью и нисколько не думающихъ объ охранѣ здоровья и жизни рабочихъ. Законодатель, который бы поставилъ своей цѣлью дѣйствительное обезпеченіе врачебной помощи больнымъ рабочимъ, не могъ бы обойти вопроса о денежномъ имъ пособіи и такъ или иначе разрѣшилъ бы его. Законопроектъ министерства финансовъ со-

всѣмъ не коснулся его, и тѣмъ еще рѣзче подчеркнулъ свое одностороннее отношеніе къ владѣльцамъ промышленныхъ предпріятій. Чтобы сказать: владѣльцы промышленныхъ заведеній съ числомъ рабочихъ до 200 освобождаются отъ устройства больницъ, а до 100—отъ обязательства оказывать врачебную помощь вообще; высшимъ требованіемъ больничной помощи должна быть одна кровать на сто рабочихъ; рабочіе не имѣютъ права въ случаѣ болѣзни на денежное пособіе—для этого не стоило производить всю ту работу, которую произвело министерство финансовъ. Для этого надо было только пожалѣть фабрикантовъ и заводчиковъ и оставить все постарому.

Законодатель, который бы задался цѣлью помочь рабочимъ, долженъ былъ бы подумать не только объ обезпеченіи медицинской помощи, но и о денежномъ пособіи больнымъ. Обѣ эти задачи неотдѣлимы одна отъ другой и могутъ быть осуществлены только путемъ обязательнаго страхованія отъ болѣзней,—тѣмъ путемъ, на который уже сорокъ лѣтъ тому назадъ вступило наше законодательство въ статьяхъ, опредѣляющихъ дѣятельность вспомогательныхъ кассъ при горнозаводскихъ товариществахъ. Только съ объединеніемъ рабочихъ въ больничныя кассы, привлеченіе къ обязательному въ нихъ участію предпринимателей и рабочихъ и сосредоточеніемъ въ кассѣ медицинской и денежной помощи больнымъ,—только при такихъ условіяхъ вопросъ о врачебной помощи рабочимъ можетъ получить правильное разрѣшеніе въ дѣйствительности.

IV.

Грандіозный техническій прогрессъ, вызвавшій къ жизни всю современную крупную промышленность, явился для милліоновъ людей источникомъ жесточайшихъ страданій. Когда англійскіе рабочіе, въ тяжелую для нихъ переходную эпоху отъ ручного труда къ механическому, громили фабричныя зданія и разбивали машины, лишавшія ихъ заработка, они и не подозрѣвали, что тѣ же машины станутъ злѣйшимъ врагомъ и тѣхъ, кому онѣ дадутъ работу. Стоя у раскаленной печи или быстро движущихся машинъ, со-

временный рабочій изо дня въ день подвергается дѣйствію жара и холода, пыли и дыма, вредныхъ испареній и сквознаго вѣтра; ослабленный плохимъ питаніемъ и отвратительными квартирными условіями, организмъ рабочаго быстро изнашивается, и болѣзнь каждый вечеръ подстерегаетъ его у фабричныхъ воротъ. Разрушительное вліяніе процессовъ производства на рабочихъ всюду вызывало вмѣшательство законодательной власти, стремящейся вознаградить больныхъ за потерю заработка и за расходы по лѣченію. Мы видѣли, что и у насъ принимались мѣры въ этомъ направленіи, но, къ сожалѣнію, ни дѣйствующее право, ни проектированный правительствомъ законъ не могутъ обезпечить рабочимъ той помощи, въ которой они нуждаются. Однако, болѣзнь еще изъ меньшихъ золъ. Среди грохота машинъ, тѣсно разставленныхъ въ фабричномъ корпусѣ и движущихся съ быстротой нѣсколькихъ тысячъ оборотовъ въ минуту, въ чаду литейныхъ, гдѣ расплавленный металлъ, искрящійся милліонами огненныхъ брызгъ, течетъ горящимъ потокомъ у ногъ рабочаго, въ сырыхъ и темныхъ подземныхъ шахтахъ, гдѣ стихійныя силы природы грозятъ обваломъ, пожаромъ и наводненіемъ, рабочій стоитъ лицомъ къ лицу со смертью и другими „несчастными случаями“, готовыми превратить крѣпкаго человѣка въ жалкаго калѣку. Трудно себѣ представить, какихъ огромныхъ жертвъ въ видѣ несчастныхъ случаевъ требуетъ отъ рабочихъ промышленность. Германская статистика показала, что промышленныя и сельскохозяйственныя предпріятія даютъ въ годъ (1899) до 440.000 несчастныхъ случаевъ, легкихъ и тяжелыхъ, между тѣмъ какъ во время франко-прусской войны потери нѣмцевъ убитыми, ранеными и выбывшими изъ строя составили 128.000 человѣкъ [1]). Въ Россіи, гдѣ промышленность слабѣе развита и гдѣ статистика несчастныхъ случаевъ до самаго послѣдняго времени почти не регистрировалась, общее число жертвъ значительно меньше, чѣмъ у нашихъ сосѣдей, но все же оно велико и у насъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ подчиненной надзору инспекціи фабричной промышленности произошло (въ 1901 г.) 27.135 несчастныхъ случаевъ [2]), въ горной же и горнозаводской

[1]) *Бліохъ*. Будущая война, т. V, стр. 386. Спб. 1898. Разумѣется, число убитыхъ въ войнѣ несравненно больше, чѣмъ убитыхъ въ промышленности.

[2]) См. ниже прим. 5.

(1899)—13.321, не считая нѣкоторыхъ заводовъ, перешедшихъ въ министерство финансовъ и давшихъ (въ 1898 г.) 7.693 несчастныхъ случая въ двухъ только заводахъ Путиловскимъ и Невскомъ [1]); по другому оффиціальному источнику [2]), послѣ произведеннаго нами подсчета число несчастныхъ случаевъ въ горной промышленности опредѣлилось въ 12.457 (1901 г.), не считая казенныхъ заводовъ, относительно которыхъ въ „отчетѣ“ вовсе не имѣется данныхъ. Но ни та, ни другая статистика, дающая до 50.000 несчастныхъ случаевъ для фабричной и горнозаводской промышленности, не выражаетъ истинной величины явленія, потому что регистрація несчастій ведется у насъ крайне неполно, какъ это признаютъ и оффиціальныя изданія; дѣйствительное число несчастныхъ случаевъ должно быть по крайней мѣрѣ втрое или даже вчетверо больше, чѣмъ показано [3]), т. е. отъ 150 до 200 тысячъ въ годъ. Надо ли доказывать, какъ необходима помощь рабочимъ, пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ, какое огромное значеніе съ общественной точки зрѣнія имѣетъ правильное рѣшеніе этой задачи. Въ необходимости и важности ея никто никогда и не сомнѣвался, какъ не сомнѣвались и въ томъ, что обязанность по вознагражденію должна лежать на предпринимателѣ; разногласіе существовало и существуетъ лишь по вопросу, въ какомъ размѣрѣ, въ какой формѣ и при какихъ условіяхъ потерпѣвшіе имѣютъ право на вознагражденіе. Не трудно понять, что неодинаковое отношеніе къ вопросу, обнаруживающееся въ разныхъ странахъ и въ разныя времена,

---

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи за 1899 г. подъ редакціей Лоранскаго, Спб. 1901 г., стр. LXXI слѣд.

[2]) Отчетъ горнаго департамента за 1900 и 1901 годъ. Спб. 1903.

[3]) Въ недавно появившейся „Статистикѣ несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи за 1901 годъ“ (Спб. 1903, изд. мин. фин.) заявляется: „неустановавшаяся еще у насъ регистрація несчастныхъ случаевъ дала намъ за 1901 г. втрое или, можетъ быть, вчетверо меньшія числа...“ (стр. 11). Основаніемъ къ такому выводу послужилъ критическій разборъ статистическихъ данныхъ, изъ котораго выяснилось, что Россія даетъ $14{,}_6$ несчастныхъ случаевъ на 1000 рабочихъ, тогда какъ Германія—$40{,}_2$ Франція—$58{,}_6$. Относительно горной имѣются совершенно аналогичныя заявленія; такъ, у Лоранскаго (стр. LXXIII), въ отчетѣ горнаго департамента: „многіе случаи не только незначительные, но и повлекшіе за собой значительныя поврежденія, остались неизвѣстными горному надзору, вслѣдствіе неаккуратности нѣкоторыхъ фирмъ, а иногда изъ желанія скрыть эти случаи во избѣжаніе отвѣтственности“ (стр. 636).

объяснялось затрогиваемыми здѣсь матеріальными интересами предпринимателей. Если бы дѣло шло только о справедливости, кто осмѣлился бы поднять голосъ противъ полнаго денежнаго удовлетворенія несчастныхъ тружениковъ (или ихъ семействъ), продавшихъ свой трудъ фабриканту и на службѣ у него потерявшихъ здоровье или жизнь? Если бы на первый планъ выдвигались общественные интересы, что можно было бы возразить противъ такого порядка, при которомъ каждый членъ рабочей арміи имѣлъ бы право въ случаѣ несчастія на достаточное для дальнѣйшаго существованія обезпеченіе и тѣмъ избавилъ бы государство и мѣстную общину отъ огромныхъ расходовъ по призрѣнію? Но въ вопросѣ объ обезпеченіи увѣчныхъ были замѣшаны интересы капитала, которые оказались сильнѣе всѣхъ другихъ соображеній. Первоначально, чтобы получить вознагражденіе за несчастный случай, потерпѣвшій или члены его семьи должны были обратиться къ суду, доказать вину хозяина или его уполномоченныхъ. Но, во-первыхъ, доказать на судѣ причинную связь между несчастіемъ и дѣйствіями или упущеніями предпринимателя во многихъ случаяхъ было дѣломъ крайне труднымъ, хотя бы въ дѣйствительности несчастіе и произошло по винѣ предпринимателя; во-вторыхъ, огромное большинство несчастныхъ случаевъ по существу не находилось ни въ какой связи съ дѣйствіями предпринимателя, и если бы потерпѣвшіе вздумали обратиться къ суду, поиски ихъ остались бы безрезультатными. Въ итогѣ примѣненіе къ несчастнымъ случаямъ нормъ гражданскаго права оставляло девять десятыхъ потерпѣвшихъ безъ вознагражденія [1]), какъ это показала практика всѣхъ западно-европейскихъ государствъ. Дѣйствительно, чего могли добиться потерпѣвшіе, когда по швейцарской статистикѣ лишь 12% несчастныхъ случаевъ вызывались виной владѣльца предпріятія [2]), а по германскимъ даннымъ—19,76%. Надо ли удивляться, что въ Англіи—5% и во Франціи едва 5—10% всѣхъ несчастныхъ случаевъ заканчивались присужденіемъ вознагражденія потерпѣвшимъ [3]), что въ Германіи 80% увѣчныхъ оставались безъ

[1]) Dr. Zasher. Die Arbeiterversicherung im Auslahde. 1898—1903. Heft IV S. 17.
[2]) Zacher, Heft IV, S. 38.
[3]) Zacher, ibidem. Heft IV-a, S. 27, Heft, V S. 17.

матеріальнаго возмѣщенія [1]). Подобный порядокъ, разумѣется, былъ въ интересахъ однихъ только предпринимателей, крѣпко державшихся за него, и не могъ не вызывать рѣшительныхъ протестовъ со стороны рабочихъ. Для всѣхъ, непричастныхъ къ этой борьбѣ интересовъ становилась очевидной непримѣнимость общегражданскихъ нормъ къ вознагражденію несчастныхъ случаевъ.

Безпристрастное наблюденіе надъ промышленной жизнью приводило къ выводу, что огромное большинство несчастныхъ случаевъ съ рабочими вытекаетъ изъ самого техническаго процесса производства, изъ условій и обстановки производства; что вопросъ о виновности или невиновности предпринимателя не имѣетъ почти никакого значенія, такъ какъ несчастные случаи неразрывно связаны со всѣмъ техническимъ прогрессомъ, и если ограженіями машинъ и другими мѣрами предосторожности и можетъ быть сокращена численность катастрофъ съ рабочими, то совершенно ихъ предупредить при современной техникѣ нѣтъ никакой возможности; что если въ нѣкоторыхъ случаяхъ несчастіе и происходитъ по винѣ или неосторожности рабочаго, то не надо забывать, при какихъ условіяхъ производится работа въ фабричныхъ и заводскихъ помѣщеніяхъ: когда рабочій проводитъ по 12 часовъ въ душной, смрадной, шумной мастерской, чувство осторожности, свойственное нормальному человѣку въ нормальной обстановкѣ, должно естественно притупиться (статистика показала, что большинство несчастныхъ случаевъ приходится не на первые, а на послѣдніе часы работы). Если можно говорить о винѣ, то лишь о „винѣ предпріятія“, т. е. о профессіональномъ рискѣ. Въ виду этого законодательство объ отвѣтственности предпринимателей должно быть построено на совершенно иныхъ, болѣе близкихъ къ промышленной жизни, основаніяхъ: рабочій не долженъ доказывать связи между дѣйствіями предпринимателя и несчастнымъ случаемъ; наоборотъ, предприниматель долженъ отвѣчать за всякое несчастіе съ рабочимъ, происшедшее вслѣдствіе или во время производства; отъ этой отвѣтственности онъ можетъ быть освобожденъ, если

[1]) Schippel. Social demokratisches Reichstags-Handbuch. Berlin. 1902. S. 104. Изъ рѣчи Бебеля, произнесенной въ парламентѣ въ 1879 г.

докажетъ, что несчастіе произошло вслѣдствіе дѣйствія стихійныхъ силъ природы или по злому умыслу потерпѣвшаго. Начало это было проведено въ жизнь во многихъ европейскихъ государствахъ и не потому, конечно, чтобы идея справедливости восторжествовала въ современномъ капиталистическомъ обществѣ; правовая реформа въ интересующей насъ области явилась результатомъ возрастающаго значенія рабочаго класса и той партіи, которая была носительницей его политическихъ интересовъ. Чтобы свергнуть старый порядокъ, пришлось повести ожесточенную борьбу, длившуюся—что удивительно характерно—во Франціи, Италіи, Россіи цѣлыхъ двадцать лѣтъ [1]). Эта продолжительность законодательной разработки вопроса была бы совершенно непонятной, если бы дѣло не шло о борьбѣ матеріальныхъ интересовъ: ни съ технической, ни съ юридической стороны переходъ отъ нормъ гражданскаго права къ спеціальному закону объ отвѣтственности не представляетъ никакихъ затрудненій, а соціально-политическая необходимость подобнаго закона была такъ же очевидна, какъ и другихъ законодательныхъ актовъ, направленныхъ къ охранѣ труда. Побѣда рабочихъ была, впрочемъ, далеко не изъ блистательныхъ. Капитулировавъ передъ новымъ принципомъ, предприниматели постарались сдѣлать его для себя наименѣе опаснымъ: въ законодательство всѣхъ почти странъ внесены были нормы, сократившія число вознаграждаемыхъ по спеціальному закону случаевъ и ограничившія матеріальныя права потерпѣвшихъ извѣстной долей дѣйствительнаго ихъ заработка (при обращеніи къ суду на прежнихъ основаніяхъ рабочій могъ получить вознагражденіе въ размѣрѣ всего его заработка). Кромѣ того, новый порядокъ сохранилъ одну изъ главныхъ особенностей прежняго—за немногими исключеніями онъ не давалъ потерпѣвшимъ гарантій въ томъ, что слѣдующая имъ сумма будетъ дѣйствительно уплачена предпринимателемъ. Увѣчные и ихъ семьи поставлены были въ прямую зависимость финансоваго благополучія предпріятія и даже доброй воли его хозяина.

Отъ всѣхъ этихъ недостатковъ оказалась свободной только третья форма обезпеченія—обязательное страхованіе рабо-

[1]) Zacher, Heft VI, S. 15, Heft IV, S. 38.

чихъ, наиболѣе полно осуществленное въ Германіи и Австріи [1]). Рабочіе не зависятъ уже здѣсь отъ матеріальнаго благополучія отдѣльной фабрики или завода; въ случаѣ несчастія они имѣютъ дѣло со страховой, организованной на началахъ взаимности предпринимателей, кассой, финансовая прочность которой стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній; средства страховыхъ кассъ образуются изъ взносовъ предпринимателей, соразмѣрно степени опасности предпріятія и суммѣ выдаваемой заработной платы; организація кассъ и участіе въ нихъ принудительны. Такимъ путемъ удалось создать институтъ, благами котораго пользуются милліоны рабочихъ, безъ страха глядящихъ въ будущее, такъ какъ они знаютъ, что въ случаѣ несчастія ихъ семьи будутъ обезпечены. И это замѣчательное учрежденіе XIX вѣка было призвано къ жизни чисто политическими мотивами, не имѣющими ничего общаго съ конечной цѣлью страхованія и въ скрытомъ видѣ подтверждающими фактъ огромнаго вліянія рабочихъ партій: правительство Бисмарка, убѣдившись въ непригодности созданныхъ имъ исключительныхъ законовъ противъ соціалъ-демократіи и устрашенное ростомъ новаго движенія среди рабочихъ, задумало привлечь ихъ на свою сторону, ослабить силы политическаго противника, и въ этихъ видахъ предложило систему страхованія рабочихъ. Въ императорскомъ

---

[1]) Въ русской литературѣ для обозначенія германской системы страхованія отъ несчастныхъ случаевъ употребляются различнаго рода термины: обязательное, обязательное государственное, государственное, общегосударственное взаимное страхованіе, и т. д.; примѣненіемъ термина „государственное“ желаютъ какъ бы оттѣнить, что обязательное страхованіе проведено государственной властью, а не добровольнымъ соглашеніемъ предпринимателей, что союзы взаимнаго страхованія пользуются публично-правовымъ положеніемъ. Самое правильное называть германскую систему обязательнымъ страхованіемъ, такъ какъ при такомъ опредѣленіи легко выдѣлить государственное страхованіе въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. организуемое и всецѣло управляемое государственной властью, отъ обязательнаго, носителемъ котораго являются союзы взаимнаго страхованія предпринимателей въ Германіи и Австріи. Такъ, напр., выработанный въ 80-хъ годахъ обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ проектъ устава „Государственной кассы страхованія“ имѣлъ въ виду именно государственную, правительственную кассу; то же имѣло въ виду горное вѣдомство во второй половинѣ 90-хъ годовъ и т. д. Къ сожалѣнію, неопредѣленность терминологіи не всегда позволяетъ отличить, высказывается ли данное учрежденіе за обязательное или за государственное страхованіе. Въ нашей статьѣ мы будемъ строго отдѣлять обязательное отъ государственнаго, чтобы не подать повода къ ошибочному заключенію, будто мы стоимъ за введеніе государственнаго страхованія. Напротивъ, мы рѣшительно высказываемся противъ государственнаго (правительственнаго) страхованія въ пользу обязательнаго.

посланіи къ рейхстагу (отъ 17 ноября 1881 года), приступившему къ обсужденію законопроекта о страхованіи рабочихъ, заявлялось, что „лѣченіе соціальныхъ золъ должно происходить не исключительно путемъ репрессій противъ соціалъ-демократическихъ крайностей, но равнымъ образомъ положительнымъ содѣйствіемъ благу рабочихъ“. Бисмаркъ, по идеѣ котораго и всеобщее избирательное право „въ странѣ съ монархическими традиціями и лойяльнымъ образомъ мыслей“ должно было повести „къ монархическимъ выборамъ, устранивъ вліяніе либеральныхъ буржуазныхъ классовъ“ [1]), не менѣе опредѣленно высказывалъ свой взглядъ и на политическія цѣли, преслѣдуемыя страхованіемъ. Задача государственной политики—говорилось въ мотивахъ къ первому законопроекту (1880—81 г.)—должна состоять въ томъ, чтобы привить неимущимъ классамъ населенія воззрѣніе на государство не только какъ на необходимое, но и благодѣтельное и для нихъ учрежденіе. Въ рѣчи 18 мая 1889 г. по поводу страхованія инвалидности и старости Бисмаркъ конкретно разяснилъ эту мысль на примѣрѣ французовъ, привязанныхъ къ правительству, какъ бы оно ни было плохо, потому что большинство изъ нихъ получаютъ ренту отъ государства. Что именно соціалъ-демократы были причиной созданнаго Бисмаркомъ страхованія, показываетъ и рѣчь его въ рейхстагѣ 26 ноября 1884 года, когда онъ заявилъ: „если бы не было соціалъ-демократовъ и если бы многіе не испытывали передъ ними страха, не существовало бы и тѣхъ умѣренныхъ успѣховъ, которыхъ достигли мы въ области соціальныхъ реформъ“ [2]). Рабочая партія, возражая противъ частностей, сочувственно относилась къ идеѣ обязательнаго страхованія, но и на этотъ разъ интересы труда столкнулись съ интересами капитала. Защитниками послѣднихъ явились въ рейхстагѣ либеральныя партіи, рѣшительно выступившія противъ расширенія государственной компетенціи и за сохраненіе принципа индивидуальной отвѣтственности; въ противовѣсъ проекту Бисмарка три либеральныя партіи внесли предложеніе (Буля) [3]) о

---

[1]) Herkner, Die Arbeiterfrage, Berlin. 1902. S. 130. (Изъ письма Бисмарка).

[2]) Schippel, SS. 105, 107, 117. Herkner—132.

[3]) Schippel, S. 1901.

распространеніи на владѣльцевъ всѣхъ почти промышленныхъ заведеній отвѣтственности, установленной для желѣзнодорожныхъ предпріятій. Формально, слѣдовательно, борьба какъ будто происходила между принципами манчестерскаго либерализма и принудительности, лежащей въ основѣ обязательнаго страхованія, но въ дѣйствительности за этой идеологической формой борьбы скрывались очень опредѣленные интересы капитала, открыто выступившіе наружу, когда зашла рѣчь о сохраненіи или исключеніи въ системѣ страхованія частныхъ страховыхъ обществъ. Либеральные ораторы стояли за сохраненіе частнаго страхованія,—промышленной отрасли, въ которой уже тогда были затрачены большіе капиталы и которой въ будущемъ представлялись еще болѣе блестящія перспективы. Ораторы либерализма, въ родѣ Бамбергера, нападая на правительственный законопроектъ, жаловались на разореніе частныхъ страховыхъ обществъ, тогда какъ тѣ „старались заслужить благодарность своихъ согражданъ“. Такая апологія и идеализація частнаго страхованія, всегда и всюду являвшагося tertius gaudens въ борьбѣ изувѣченнаго несчастнымъ случаемъ рабочаго съ неохотно раскошеливающимся предпринимателемъ, заставила Бисмарка писать: „я всегда думалъ, что частныя страховыя общества стремятся только получить деньги отъ своихъ согражданъ; если они хотятъ еще благодарности, то это очень ловкая операція“ [1]). Такимъ образомъ вопросъ, быть ли закону объ отвѣтственности или обязательному страхованію, рѣшался въ ту или иную сторону отнюдь не по техническимъ достоинствамъ или недостаткамъ той или иной системы; то была чисто экономическая и политическая дилемма, рѣшеніемъ которой въ пользу страхованія прежде всего затрогивались интересы капитала: предпринимателямъ была выгоднѣе или, вѣрнѣе, казалась болѣе выгодной система индивидуальной отвѣтственности. Въ этомъ убѣждаетъ насъ исторія и другихъ европейскихъ законодательствъ о вознагражденіи увѣчныхъ. Когда въ парламентахъ обсуждался вопросъ о примѣненіи германской системы, всюду—въ Италіи [2]), Франціи [3]), Англіи [4]) сто

[1]) См. Іоллосъ. Страхованіе рабочихъ въ Германіи. „Рус. Мысль“. 1895, кн. I, стр. 139.
[2]) Sacher. Heft VI, S. 17.
[3]) Sacher. Heft IV, S. 39.
[4]) Sacher. Heft V, S. 18.

ронники индивидуальной отвѣтственности выдвигали возраженіе о дороговизнѣ обязательнаго страхованія. Приводились, конечно, и другіе аргументы, но несомнѣнно, что рѣшающимъ моментомъ въ пользу закона объ индивидуальной отвѣтственности явились въ конечномъ счетѣ правильно или неправильно понятые интересы предпринимателей.

Совершенно тѣмъ же путемъ шло и въ Россіи развитіе законодательства объ отвѣтственности предпринимателей. Иначе и не могло быть. Сущность отношеній между предпринимателями и рабочими была въ Россіи той же, что и всюду; оберегая свои интересы, предприниматели могли сочувствовать только такому законодательству, которое не предъявляло бы къ нимъ большихъ требованій о вознагражденіи, и эту тенденцію такъ или иначе имъ удавалось проводить въ жизнь. Въ то время, какъ рабочіе до послѣдняго года не имѣли даже никакой законной возможности заявить о самыхъ скромныхъ своихъ пожеланіяхъ, въ распоряженіи предпринимателей находился цѣлый арсеналъ средствъ для защиты своихъ интересовъ: и печать, и профессіональные съѣзды, и корпоративныя организаціи, и ходатайства передъ высшимъ правительствомъ, и участіе въ предварительномъ обсужденіи проектируемыхъ ими мѣропріятій, и власть денегъ, и личныя связи, и вся наша покровительственная политика, позволявшая затормозить всякое требованіе рабочихъ, связанное съ нѣкоторыми матеріальными пожертвованіями для предпринимателей, какъ несовмѣстимое съ интересами „отечественной“ промышленности. Все наше фабричное законодательство носитъ въ себѣ явственные слѣды этого сильнаго, никогда не прекращавшагося вліянія представителей промышленности, настолько сильнаго, что интересы капитала стали въ законѣ отождествляться съ интересами національными и государственными.

Рабочіе, вступившіе въ стачку для поднятія заработной платы, едва покрывающей у насъ минимальныя потребности самаго примитивнаго существованія, подлежатъ жестокой уголовной карѣ въ видѣ тюремнаго заключенія; между тѣмъ предприниматели за самовольное пониженіе платы рабочимъ подвергаются всего денежному взысканію отъ 100 до 300 р., хотя бы слѣдствіемъ подобнаго дѣйствія возникли рабочіе безпорядки, подавленные „безъ помощи чрезвычайныхъ мѣръ“.

За самовольный отказъ отъ работы до истеченія срока найма или безъ законнаго предупрежденія рабочій подвергается аресту до одного мѣсяца, тогда какъ фабрикантъ за досрочное увольненіе рабочаго не несетъ никакой отвѣтственности и только постановленіемъ суда можетъ быть присужденъ къ уплатѣ рабочему извѣстнаго вознагражденія. Съ точки зрѣнія общественнаго спокойствія, во имя котораго санкціонированы были такія серьезныя кары для рабочихъ, досрочное увольненіе фабрикантомъ рабочихъ гораздо опаснѣе самовольнаго ихъ отказа отъ работы, и тѣмъ не менѣе законодатель счелъ возможнымъ ввести такое распредѣленіе ролей между предпринимателями и рабочими, возложивъ за однородныя правонарушенія имущественную отвѣтственность на первыхъ и личную на вторыхъ. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что и правовыя нормы объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими должны были сложиться крайне неблагопріятно для послѣднихъ.

V.

До самаго новѣйшаго времени законодательство наше не знало спеціальной отвѣтственности предпринимателей [1]). За крайне немногими исключеніями, гдѣ эта отвѣтственность допускалась (ст. 683 X. т. объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій, ст. 329, 330 XII т. — судохозяевъ и судопромышленниковъ и ст. 70 прим. 1. Полож. 8 марта 1861 г., замѣненная недавно правилами 15 мая 1901 г. о пенсіяхъ рабочимъ казенныхъ горныхъ заводовъ и рудниковъ), къ дѣламъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ рабочихъ примѣнялась общая норма гражданскаго права (ст. 684), по которой „всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому-либо его дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе и не составляло ни преступленія, ни проступка, если только

[1]) Мы останавливаемся подробнѣе, чѣмъ намъ хотѣлось бы, на нормахъ гражданскаго права и дѣятельности обществъ частнаго и взаимнаго страхованія, потому что съ изданіемъ новаго закона 1903 г. первыя сохраняютъ свою силу для огромной массы рабочихъ, вторыя же должны получить еще большее примѣненіе; разумѣется, юридическія основанія дѣятельности страховыхъ обществъ должны будутъ приспособиться къ новымъ требованіямъ закона.

будетъ доказано, что онъ не былъ принужденъ къ тому требованіями закона или правительства или необходимою личною обороною, или же стеченіемъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ предотвратить". На основаніи этой нормы, приноровленной къ условіямъ, совершенно чуждымъ фабрично-заводской средѣ, увѣчные рабочіе или ихъ семьи искали въ судѣ вознагражденія. Приходилось начинать длившійся мѣсяцами, а то и годами процессъ, исходъ котораго далеко не всегда былъ благопріятенъ для потерпѣвшихъ. Около рабочихъ образовался классъ особаго рода „увѣчныхъ адвокатовъ", бравшихъ себѣ такое вознагражденіе за труды, что выигравшему процессъ рабочему доставались лишь крохи; зло было такъ велико, что нѣкоторые совѣты присяжныхъ повѣренныхъ вынуждены были установить норму % вознагражденія адвокатовъ по дѣламъ объ увѣчьяхъ. Оставшійся безъ всякихъ средствъ, неувѣренный въ благополучномъ исходѣ процесса, рабочій нерѣдко соблазнялся предложеніемъ пойти на мировую, и въ этихъ случаяхъ предприниматель отдѣлывался грошами. Насколько тяжело было положеніе рабочихъ, искавшихъ вознагражденія судомъ, какъ рѣдко достигалась ими цѣль, показываютъ нѣкоторыя оффиціальныя данныя. По свѣдѣніямъ, собраннымъ министерствомъ юстиціи по губерніямъ Петербургской, Московской, Варшавской, Владимирской и Петроковской, за $3^1/_2$ года (съ 1 янв. 1890 г. по 1 іюня 1893 г.) рабочими и членами ихъ семействъ возбуждены были 519 исковъ о вознагражденіи за увѣчья или смерть вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, изъ нихъ *удовлетворены были лишь 138 или* $26,_5$ % *всего числа исковъ* [1]). Въ самыхъ промышленныхъ губерніяхъ Имперіи, съ наиболѣе развитымъ крупнымъ производствомъ, три четверти потерпѣвшихъ ушли изъ суда съ разбитыми надеждами и разбитой жизнью! Да и можно ли было ожи-

[1]) Данныя эти позволяютъ косвеннымъ образомъ заключить, какое огромное число потерпѣвшихъ не думали даже обращаться къ суду (потому ли что не знали своихъ правъ, или пошли на мировую съ предпринимателемъ). Въ 1901 году въ названныхъ пяти губерніяхъ произошло 536 несчастныхъ случаевъ; если признать эту цифру нормальной, то въ $3^1/_2$ года цифра несчастій, закончившихся смертью и тяжкимъ увѣчьемъ, достигла бы свыше 1850, т. е. въ три съ половиной раза больше числа предъявленныхъ исковъ. Конечно, въ 1890—1893 г.г. число рабочихъ было меньше, чѣмъ въ 1901 г., но вѣдь и данныя о несчастныхъ случаяхъ должны быть увеличены въ три и даже четыре раза.

дать другихъ результатовъ! Вѣдь на потерпѣвшаго выпадала тяжелая задача доказать, что несчастіе произошло по винѣ предпринимателя, между тѣмъ и въ дѣйствительности такихъ случаевъ могло быть сравнительно немного: по даннымъ германской статистики 43,$_{40}$% несчастій должны быть приписаны профессіональной опасности производства, 19,$_{76}$%—винѣ владѣльца предпріятія, 25,$_{64}$% винѣ рабочаго и, наконецъ, 4,$_{45}$% и 3,$_{28}$%—совмѣстной ихъ винѣ и винѣ соработниковъ или постороннихъ.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло долгіе годы, и всѣ понимали ненормальность подобнаго порядка. Проводникомъ новаго правосознанія явились суды, которые стали относиться съ большимъ вниманіемъ къ нуждамъ рабочихъ, такъ какъ не могли не видѣть, что огромное большинство несчастій зависитъ отъ условій самаго производства. Суды стали чаще удовлетворять иски рабочихъ о вознагражденіи, и эта судебная практика вызвала къ жизни совершенно новое явленіе—страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Необходимость страхованія была очевидна: въ предпріятіяхъ съ большимъ числомъ рабочихъ несчастья могли принять массовый характеръ, предпріятію предстояло бы произвести сразу большой расходъ по удовлетворенію потерпѣвшихъ, который могъ бы оказаться не по силамъ; чтобы снять съ себя рискъ, и пришлось прибѣгнуть къ страхованію въ страховыхъ акціонерныхъ обществахъ. Операція эта до 90-хъ годовъ развивалась очень слабо, и только съ этого времени начинается быстрый ея ростъ. Въ 1901 году собрано было страховыхъ премій по коллективному страхованію рабочихъ 3.438.000 р.; если допустить, что размѣръ премій въ этомъ году оставался такимъ же, какъ въ 1898 г., т. е. 2 р. 83 к. на одного застрахованнаго, то число застрахованныхъ рабочихъ должно было быть въ 1901 г. слишкомъ 1.200,000 человѣкъ, т. е. около половины всего числа фабрично-заводскихъ. Приблизительный подсчетъ нашъ показываетъ, какое огромное значеніе пріобрѣла въ нашей жизни новая форма обезпеченія потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ. Значеніе это зависѣло не только отъ степени распространенія ея, но и отъ спеціально правовыхъ особенностей. Согласно „общимъ условіямъ по коллективному страхованію отъ несчастныхъ случаевъ“, утвер-

жденнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ 20 іюля 1887 г., страховыя общества обязываются уплатить условленное по полису денежное вознагражденіе, когда застрахованнымъ лицамъ *во время исполненія ими обязанностей по упомянутому въ полисѣ занятію* будетъ причинено какимъ-либо несчастнымъ случаемъ такое поврежденіе въ здоровьѣ, послѣдствіемъ котораго будетъ или смерть, или потеря на всю жизнь способности снискивать пропитаніе трудомъ (инвалидность), или, наконецъ, временная потеря способности къ труду; не даютъ права на вознагражденіе: 1) всѣ, не вызванныя несчастнымъ случаемъ, *обыкновенныя болѣзни*, 2) несчастные случаи, происшедшіе отъ землетрясенія, войны, народныхъ смутъ, *противозаконныхъ дѣйствій или злого умысла страхователя или самого пострадавшаго лица*, явно нетрезваго поведенія или драки и самоубійства, безразлично—будетъ ли совершено оно въ здравомъ умѣ или въ состояніи психическаго разстройства; 3) несчастные случаи, приключившіеся не во время самаго исполненія застрахованнымъ лицомъ служебныхъ обязанностей по упомянутому въ полисѣ занятію. Такимъ образомъ, страхованіемъ въ акціонерныхъ обществахъ выдвигалось на первый планъ условіе, чтобы несчастіе произошло *во время исполненія* обязанностей застрахованнымъ лицомъ, и въ этихъ случаяхъ потерпѣвшіе имѣли право на полученіе страховой суммы; принципъ этотъ, хотя и обставленный многочисленными ограниченіями, съ формальной стороны рѣшительно отличался отъ начала, принятаго въ общихъ законахъ, такъ какъ потерпѣвшимъ не надо было доказывать, что причиненный вредъ произошелъ по винѣ предпринимателя; вознагражденіе не зависѣло и отъ того, могъ ли быть этотъ вредъ предотвращенъ или нѣтъ. Съ юридической стороны, слѣдовательно, страхованіе уже приближалось къ спеціальному законодательству объ отвѣтственности предпринимателей и въ этомъ смыслѣ опередило дѣйствовавшее у насъ право.

Но страхованіе въ акціонерныхъ обществахъ связано было для рабочихъ съ массой такихъ, выражаясь мягко, „неудобствъ“, что значеніе этой формы обезпеченія потерпѣвшихъ стало болѣе чѣмъ проблематичнымъ. Во-первыхъ, самая идея профессіональнаго риска обставлена была множествомъ ограниченій; если, напр., ткачъ былъ подхваченъ

передаточнымъ ремнемъ и изувѣченъ не въ томъ отдѣленіи, гдѣ работаютъ ткацкіе станки, а въ сосѣднемъ, куда посланъ былъ по дѣлу, то страховое общество могло отказать въ выдачѣ вознагражденія на томъ основаніи, что несчастіе произошло не по упомянутому въ полисѣ занятію; страховое общество не выдавало вознагражденія и за несчастные случаи, происшедшіе отъ противозаконныхъ дѣйствій или злого умысла самого страхователя (фабриканта, заводчика и прочихъ владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій), т. е. даже въ такихъ случаяхъ, когда и по дѣйствующему общему праву рабочіе должны быть вознаграждены. Во-вторыхъ, самый размѣръ вознагражденія установленъ былъ такой низкій, что страхованіе приносило рабочимъ ничтожную пользу. По общему правилу, страховое вознагражденіе на случай смерти составляетъ 1000-кратный дневной заработокъ и на случай инвалидности—1500 кратный. Другими словами, въ случаѣ смерти семья потерпѣвшаго получала почти $3^1/_2$ годичный его заработокъ (при 288 рабочихъ дняхъ въ году), цифра, ничтожность которой станетъ ясной, если вспомнить, что суды обыкновенно присуждали вознагражденіе въ размѣрѣ 10-лѣтняго заработка; при инвалидности же потерпѣвшему выдавалась обществомъ пенсія, которая при полной потерѣ трудоспособности составляла отъ 6% (при 30-тилѣтнемъ возрастѣ потерпѣвшаго) до 10% (при 62 лѣтнемъ) страховой суммы или, такъ какъ средняя страховая сумма достигала 907 рублей, то предѣлы пенсій колебались отъ 54 руб. до 90 руб. въ годъ; при другихъ видахъ инвалидности (всѣхъ степеней три) пенсія значительно понижалась. Ясно, какое ничтожное вознагражденіе причиталось рабочимъ въ частныхъ страховыхъ обществахъ. Да и трудно было бы ожидать иного. Вѣдь страхованіе представляло собою не установленный закономъ способъ обезпеченія потерпѣвшихъ, а добровольный актъ предпринимателей, которые путемъ страхованія снимали съ себя рискъ въ случаѣ несчастій; страховая сумма была поэтому не тѣмъ вознагражденіемъ, которое полагается потерпѣвшимъ по закону (при обращеніи къ суду потерпѣвшій, въ случаѣ признанія иска, имѣлъ право на *полное* вознагражденіе всего понесеннаго имъ убытка), а значительно меньшимъ. Только при такомъ условіи предприниматели и имѣли интересъ страховать своихъ

рабочихъ. Послѣдніе, конечно, могли не согласиться на то вознагражденіе, которое выдавало страховое общество; для нихъ страхованіе было сдѣлкой между третьими лицами, имѣющей свою силу только для предпринимателя и общества, и потому рабочіе отнюдь не лишались права обратиться къ суду и обычнымъ порядкомъ добиваться вознагражденія. Такъ какъ при обращеніи къ суду часть риска все же оставалась на предпринимателѣ и цѣль страхованія не достигалась вполнѣ, то страховыя общества (за большую, конечно, премію) стали заключать страхованіе и съ гражданской отвѣтственностью по суду; въ этомъ послѣднемъ случаѣ общество должно было уплатить выигравшему дѣло рабочему все, что постановлено было судомъ въ его пользу. Къ несчастью, рабочіе такъ плохо были освѣдомлены о значеніи заключеннаго въ ихъ пользу страхованія, что считали страховую сумму полагающимся имъ по закону вознагражденіемъ; къ тому же искать судомъ почти невозможно, и неудивительно, что застрахованные рабочіе такъ рѣдко возбуждали противъ страховыхъ обществъ судебные процессы [1]). Въ третьихъ, предприниматели, пользуясь тѣмъ же невѣдѣніемъ рабочихъ, нерѣдко привлекали ихъ къ... платежу страховыхъ премій, вопреки явному смыслу закона, возлагающаго обязанность по вознагражденію увѣчныхъ всецѣло на владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій, и—что всего печальнѣе—въ подобнаго рода дѣяніяхъ встрѣчали сочувствіе и поддержку со стороны главнаго по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія. Присутствіе это по частному дѣлу (по жалобѣ владѣльца механической мастерской, оштрафованнаго мѣстнымъ присутствіемъ за то, что вычиталъ изъ заработной платы „по мелочамъ“ половину страховой преміи) признало, что „взиманіе платы по страхованію рабочихъ не относится къ числу запрещенныхъ закономъ“ [2]), несмотря на то, что истинный смыслъ за-

---

[1]) Незначительное количество процессовъ, по мнѣнію г. Пресса („Страхованіе рабочихъ въ Россіи“, СПБ. 1900, стр. 17), „всего лучше доказываетъ, что установившіяся въ самое послѣднее время нормы всего болѣе удовлетворяютъ требованіямъ заинтересованныхъ сторонъ при настоящемъ положеніи вещей“. Разсужденіе это такъ же правильно, какъ если бы мы сказали: незначительное количество процессовъ противъ прусской полиціи всего лучше доказываетъ, что нормы ея дѣятельности удовлетворяютъ правосознанію общества.

[2]) Сборникъ постановленій главнаго по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія. СПБ. 1903. Изд. мин. фин. стр. 297.

кона не допускалъ никакихъ сомнѣній. Вѣдь признать за предпринимателемъ право подобнаго рода вычетовъ все равно, что уменьшить право потерпѣвшихъ на вознагражденіе или даже вовсе лишить ихъ его. И мы дѣйствительно знаемъ, что когда поднятъ былъ вопросъ о реформѣ горнозаводскихъ кассъ въ Польшѣ, накоплявшихъ средства частью взносами рабочихъ, законодатель категорически запретилъ кассамъ выдавать вознагражденіе потерпѣвшимъ отъ несчастныхъ случаевъ, такъ какъ это дѣло составляетъ прямую и единственную обязанность предпринимателей.

Но самый важный недостатокъ частнаго страхованія заключался въ томъ, что страховыя общества всяческими путями урѣзывали полагающееся потерпѣвшимъ вознагражденіе. Эта сторона дѣятельности обществъ, позорная и заслуживающая самаго рѣшительнаго осужденія, въ послѣднее время приняла такіе размѣры, что привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе. Пріемы обирательства рабочихъ всюду были одни и тѣ же. Случилось несчастье съ застрахованнымъ рабочимъ. Осталась семья безъ всякихъ средствъ. Пріѣзжаетъ страховой агентъ, главный герой всей закулисной драмы. Вмѣсто того, чтобы предложить потерпѣвшимъ причитающуюся имъ страховую сумму, агентъ вступаетъ въ торгъ и назначаетъ нищенское вознагражденіе. Тѣ отказываются; агентъ исчезаетъ. И вотъ бѣдняки сидятъ безъ хлѣба, топчутся у фабричной или заводской конторы, просятъ о заступничествѣ; но денегъ нѣтъ—какъ нѣтъ. Агентъ беретъ своихъ кліентовъ измором, и тѣ въ концѣ концовъ соглашаются на все. Конечно, у потерпѣвшихъ есть право обратиться къ суду, но вѣдь процессъ, всячески оттягиваемый страховымъ обществомъ, можетъ затянуться—и дѣйствительно затягивается — на многіе годы, и рабочимъ не оставалось иного выхода, какъ смириться. Казалось бы, потерпѣвшіе могли бы найти защиту у предпринимателя, застраховавшаго своихъ рабочихъ; но этого не было: если бы предприниматели стали настаивать на полномъ вознагражденіи потерпѣвшихъ, страховые агенты немедленно пригрозили бы повышеніемъ страховыхъ премій, и первые предпочитали умыть руки во всемъ этомъ дѣлѣ. Командированный въ 1902 г. министромъ земледѣлія въ юго-восточную

и южную горныя области, Л. Бертенсонъ [1]) собралъ массу подобнаго рода фактовъ, приведшихъ его къ убѣжденію, что „заявленія правительственнаго надзора и указанія печати о ненормальности положенія и о крайней необходимости упорядоченія частнаго страхованія нисколько не преувеличены и требуютъ самаго серьезнаго вниманія со стороны правительства". „Страховыя общества—оффиціально заявлялъ окружной инженеръ г. Абрамъ—употребляютъ всѣ усилія къ пониженію причитающихся рабочимъ страховыхъ премій и даже при точномъ опредѣленіи утраты трудоспособности или при смертныхъ случаяхъ, когда размѣръ вознагражденія точно опредѣленъ, *торгъ съ рабочимъ начинается обыкновенно съ назначительныхъ суммъ*". Согласно рапорту окружного инженера г. Хованскаго, страховыя общества прибѣгаютъ *„къ угрозамъ"*, въ случаѣ недовольства рабочаго назначаемымъ агентомъ пособіемъ, лишить его совершенно преміи, послѣ чего рабочему ничего больше не остается, какъ искать удовлетворенія въ судѣ, гдѣ, по множеству примѣровъ, *дѣла страховыми обществами затягиваются на срокъ до 5 лѣтъ"*; отъ этого страдаетъ только увѣчный рабочій, такъ какъ страховое общество, имѣя у себя на службѣ постоянныхъ юрисконсультовъ и агентовъ, можетъ вести тяжбу до безконечности". Въ назначеніи размѣра вознагражденія агенты допускали *„полный произволъ"* и, несмотря на точное опредѣленіе врачемъ степени потери трудоспособности, предлагали потерпѣвшимъ „несоразмѣрно малыя вознагражденія". На нѣкоторыхъ рудникахъ такой врачебной экспертизы совершенно не дѣлалось, и все рѣшалось „по личному и крайне капризному усмотрѣнію самого агента". Были и такіе рудники, на которыхъ *„врачи, получая вознагражденіе отъ страховыхъ обществъ, являлись въ сущности тѣми же агентами* страховыхъ обществъ". Мало того, *„страховыя общества выговаривали себѣ право допускать или не допускать пострадавшаго рабочаго къ дальнѣйшей работѣ на рудникѣ или заводѣ* и пользовались этимъ обстоятельствомъ, какъ мѣрой къ пониженію страховой преміи". То же самое подтвердилъ и

[1]) Докладъ г. Бертенсона министру напечатанъ былъ, съ разрѣшенія министра, въ журналѣ „Промышленность и Здоровье", 1903, январь. Курсивъ всюду нашъ.

г. Кулешовъ [1]). Торговля, запугиваніе, оттягиваніе сдѣлки и выдачи преміи—обычные пріемы, пускавшіеся въ ходъ агентами и дѣлавшіеся возможными только вслѣдствіе невѣдѣнія рабочихъ, неумѣнія вычислить причитающіяся имъ суммы, безпомощности оставшихся безъ заработка инвалидовъ. Благодаря всѣмъ этимъ некрасивымъ манипуляціямъ г.г. агентовъ, вознагражденіе застрахованныхъ рабочихъ стало насмѣшкой надъ человѣческимъ достоинствомъ. Г. Кулешовъ сообщилъ факты, которые способны вызвать глубокое негодованіе. Страховое общество „послѣ продолжительнаго торга" уплатило за убитыхъ рабочихъ въ одномъ случаѣ 30 руб., въ другомъ—30 руб. и путевые расходы по отправкѣ на родину жены и двухъ малолѣтнихъ дѣтей погибшаго, въ третьемъ—100 р.; „такая оцѣнка погибшихъ отъ работъ рабочихъ далеко ниже въ хорошій годъ цѣнъ крупнаго скота у насъ на ярмаркахъ".

И сколько такихъ случаевъ! Печать переполнена жалобами на дѣйствіе страховыхъ обществъ и ихъ агентовъ. Недавно еще докторъ Б. открытымъ письмомъ страховому обществу „*Россія*", напечатанномъ въ „*Вѣстникѣ Юга*" (1903), обратился, „какъ врачъ, пользовавшій инвалида Х. и какъ человѣкъ", съ предложеніемъ доплатить Х-у недоданные ему 600 рублей и „обращаетъ вниманіе на произвольныя, ничѣмъ не объяснимыя дѣйствія агентовъ" [2]). Къ сожалѣнію, подобные голоса оставались безъ отвѣта, потому что дѣйствія агентовъ не имѣли случайнаго характера, а составляли „честный" коммерческій пріемъ для повышенія дивидендовъ за счетъ изувѣченныхъ тружениковъ,—пріемъ, несомнѣнно встрѣчавшій сочувствіе со стороны заправилъ страховыхъ обществъ. До какой степени страховыя общества эксплоатируютъ потерпѣвшихъ, наглядно показала катастрофа на Анненскомъ рудникѣ (близъ Юзовки, въ концѣ 1902 года), унесшая въ могилу 60 рабочихъ: несмотря на неоднократныя требованія администраціи рудника, общество „Россія", въ которомъ были застрахованы погибшіе, цѣлыми недѣлями не приступало къ ликвидаціи убытковъ,

[1]) „Больничное лѣченіе и страхованіе рабочихъ на рудникахъ Грушевско-Власовскаго района Донской области", Воронежъ (Перепечатано изъ журнала „Медицинская Бесѣда"), стр. 6—7.

[2]) См. „Днѣпр. Вѣст." № 47. 1903.

и владѣлецъ принужденъ былъ обратиться телеграммой къ тремъ министрамъ—внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ—съ просьбой „оказать воздѣйствіе на страховое общество“.

Словомъ, у насъ повторилось буквально то же, что и на Западѣ. „Большинство процессовъ объ увѣчьяхъ—заявлялъ Феликсъ Форъ въ французской палатѣ въ 1882 г.—ведутся при совершенно особенныхъ, безнравственныхъ условіяхъ... По соглашенію съ предпринимателемъ страховое общество выговариваетъ себѣ право вести процессъ противъ рабочаго, и тактика общества состоитъ въ томъ, чтобы водить рабочаго изъ одного суда въ другой, пока тотъ, утомленный борьбой, не согласится на ничтожное вознагражденіе“. Страховыя общества во Франціи систематически „доводили дѣла до суда и затягивали процессъ до... 7 лѣтъ“. Въ германскомъ рейхстагѣ заявлялось, что лейпцигскій банкъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ отказывалъ $^5/_6$ потерпѣвшихъ въ выдачѣ премій, такъ какъ-де по обстоятельствамъ несчастія банкъ не является отвѣтственнымъ [1]). Частное страхованіе представляло, однако, довольно значительныя неудобства и для предпринимателей: страховая премія изъ года въ годъ повышалась, и въ настоящее время тарифныя ставки у насъ значительно опередили германскія и австрійскія. Сложный механизмъ страхового дѣла, коммерческій характеръ предпріятія приводили къ тому, что половина собранныхъ премій уходила на расходы страховыхъ обществъ и дивиденды акціонерамъ; потерпѣвшіе получали вторую половину. Въ виду этого среди предпринимателей возникла мысль о взаимномъ страхованіи. Къ сожалѣнію, форма взаимнаго страхованія не получила у насъ сколько-нибудь значительнаго распространенія. До изданія закона 2-го іюня 1903 г., всего возникло три общества: рижское, одесское, иваново-вознесенское и нѣсколько обществъ—горнопромышленниковъ Юга Россіи, бакинскихъ нефтепромышленниковъ, уральскихъ и амурскихъ золото-промышленниковъ, кутаисскихъ марганцепромышленниковъ—находились въ періодѣ образованія. Причина такого явленія заключалась не только въ новизнѣ этой формы—не надо забывать,

[1]) Ср. Zacher. Heft. IV. S. 38, Heft IX S. 9, Schippel, S. 104.

что страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ было вообще у насъ дѣломъ молодымъ,—но и въ медлительности центральныхъ учрежденій, отъ которыхъ зависѣло разрѣшеніе проектируемыхъ обществъ [1]). Между тѣмъ съ принципіальной точки зрѣнія появленіе обществъ взаимнаго страхованія предпринимателей отъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими и служащими имѣло огромное значеніе.

По уставу иваново-вознесенскаго общества послѣднее „принимаетъ на себя гражданскую отвѣтственность своихъ членовъ и выдаетъ вознагражденіе за смерть, увѣчье и другія поврежденья въ здоровьѣ, причиненныя рабочему или служащему всѣми несчастными случаями, происшедшими въ предѣлахъ фабрики, а при исполненіи ими своихъ обязанностей также и въ другихъ мѣстахъ"; отъ этой отвѣтственности оно освобождается, если докажетъ, что причиною нанесенія вреда пострадавшему является 1) дѣйствіе непреодолимой внѣшней или стихійной силы, которое нельзя было предусмотрѣть и предотвратить, 2) преступленіе или проступокъ лицъ, къ промышленному предпріятію непричастныхъ, 3) такія умышленныя дѣйствія другихъ рабочихъ, которыя не вытекаютъ изъ существа работъ въ предпріятіи, и 4) собственная грубая вина или злая воля пострадавшаго. Предѣлы безотвѣтственности во взаимныхъ обществахъ были, такимъ образомъ, формулированы почти такъ же широко, что и въ частныхъ, съ той лишь, невыгодной для рабочихъ, разницей, что взаимныя не вознаграждаютъ несчастій отъ грубой вины [2]). Зато во взаимныхъ обществахъ впервые былъ проведенъ принципъ правильнаго пенсіоннаго вознагражденія, т. е. не въ видѣ скромнаго процентнаго отчисленія произвольной страховой суммы, въ какую благоугодно было предпринимателю застраховать рабочаго, а въ видѣ опредѣленной и значительной части годичнаго заработка потерпѣвшаго. Въ случаѣ полной потери трудоспособности пострадавшему уплачивалась пожизненная пенсія въ размѣрѣ а) полнаго послѣдняго годичнаго его заработка, если этотъ заработокъ не превышалъ 300 руб. (въ другихъ

[1]) Министерство внутр. дѣлъ не согласилось, напр., съ положеніемъ устава общества взаимнаго страхованія южныхъ горнопромышленниковъ—объ обязательности участія въ обществѣ всѣхъ владѣльцевъ каменноугольныхъ предпріятій Донецкаго района.

[2]) Въ другихъ уставахъ упоминается, наоборотъ, только о грубой винѣ, но не о злой волѣ.

обществахъ—240 руб.) и в) двухъ третей того же заработка—лицамъ обоего пола, не имѣющимъ семьи и $^3/_4$ заработка—лицамъ семейнымъ, но не менѣе 300 руб. (240 р.) при превышающемъ 300 р. (240 р.) годичномъ заработкѣ. Такимъ образомъ, при заработкѣ въ 240—300 р., потерпѣвшіе отъ несчастныхъ случаевъ пожизненно получаютъ полное годичное содержаніе.

Несомнѣнно, что подобное вознагражденіе является почти идеальнымъ: такъ какъ указанный выше предѣлъ значительно превышаетъ средній по всей Россіи заработокъ фабричныхъ рабочихъ (по своду отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1900 и 1901 г. онъ составляетъ 200 рублей), то, слѣдовательно, рабочіе въ тѣсномъ смыслѣ слова обезпечены въ случаѣ несчастія пенсіей въ размѣрѣ годичнаго заработка. Насколько выше вознагражденіе въ обществахъ взаимнаго страхованія по сравненію съ акціонернымъ, всего лучше покажетъ слѣдующій разсчетъ: застрахованный на случай полной инвалидности приблизительно въ размѣрѣ 1400-кратнаго поденнаго 65-ти копеечнаго заработка, на сумму 907 руб. (такова была средняя страховая сумма въ 1898 г.), получилъ бы въ частныхъ страховыхъ обществахъ, какъ мы видѣли, отъ 54 до 90 руб. пенсіи, тогда какъ во взаимномъ страхованіи при томъ же годичномъ заработкѣ въ 187 руб. (288 рабочихъ дней по 65 к.) его пенсія составила бы 187 руб., т. е. была бы вдвое — втрое выше. Положимъ, несчастный случай закончился смертью; у погибшаго остались жена и двое малолѣтнихъ дѣтей. Частное страховое общество должно будетъ одновременно уплатить полностью всю страховую сумму, т. е. 670 рублей—такова была въ 1898 г. средняя сумма страхованія на случай смерти, равная приблизительно 1000 поденщинъ по 65 к., и этимъ всѣ обязательства общества закончатся; семья должна прожить на доходъ съ 670 р., дающихъ въ лучшемъ случаѣ 30 руб. въ годъ. Въ обществахъ же взаимнаго страхованія, напр., иваново-вознесенскомъ, при заработкѣ не свыше 180 р., т. е. совсѣмъ подходящемъ къ нашему случаю, жена получала бы ежегодно, до выхода въ замужество, пенсію въ размѣрѣ 50% заработка, или 90 руб., и двое малолѣтокъ по 25% каждый, или 90 руб., всѣ вмѣстѣ—180 руб.[1]).

[1]) При повышеніи заработка размѣръ пенсій понижается; въ обществахъ одесскомъ и рижскомъ пенсіи для указанныхъ выше лицъ составляютъ 30% и

Взаимное страхованіе, слѣдовательно, представляло собою высшую и болѣе благопріятную для потерпѣвшихъ форму обезпеченія. Сама жизнь, независимо отъ дѣйствующаго законодательства и вопреки ему, осуществила принципъ отвѣтственности за такъ называемый профессіональный рискъ. Произошло то же самое, что наблюдалось и въ другихъ областяхъ нашего фабричнаго законодательства: право отставало отъ жизни. Но общественная мысль, выражающая скрытыя надежды и потребности времени, шла еще дальше неузаконенной практики и выдвигала на очередь вопросъ о безусловной необходимости обязательнаго или государственнаго страхованія рабочихъ. Уже въ 1882 г. общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ представило правительству „Проектъ Устава государственной кассы страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ". За введеніе страхованія (обязательнаго) стали затѣмъ высказываться многочисленныя учрежденія и совѣщанія предпринимателей— варшавскій мануфактурный комитетъ (въ концѣ 80-хъ годовъ), съѣзды: нижегородскій всероссійскій 1896 г., уральскихъ горнопромышленниковъ 1897 и всѣхъ послѣдующихъ годовъ, золотопромышленные — первый томскій, первый и третій ачинско-минусинскіе, семипалатинско-семирѣчинскій (въ періодъ 1897—1902 гг.), отдѣльные дѣятели на петербургскомъ съѣздѣ по распространенію сбыта металловъ. Необходимость страхованія была признана и нѣкоторыми земствами—московскимъ, владимірскимъ, костромскимъ—и даже самимъ правительствомъ: по крайней мѣрѣ министерство земледѣлія въ одномъ изъ своихъ отчетовъ заявляло о выработкѣ устава государственной кассы помощи горнорабочимъ и называло ее въ числѣ „мѣропріятій, которыя подлежатъ осуществленію въ настоящемъ (1898 году)" [1]; какъ увидимъ дальше, необходимость страхованія проводилась нѣкоторыми вѣдомствами и при обсужденіи законопроекта объ отвѣтственности предпринимателей. Мало того, наканунѣ законодательнаго утвержденія этого проекта государственный

15%, всего 60%, за то размѣръ пенсій не находится ни въ какой зависимости отъ заработка потерпѣвшихъ. Ясно, что условія перваго общества благопріятствуютъ людямъ съ скромнымъ заработкомъ, второго и третьяго — съ болѣе высокимъ.

[1]) „Обзоръ дѣятельности мин. зем. и госуд. имущ. за 4-й годъ существованія". Спб. 1898, стр. 283, 290; содержаніе законопроекта стр. 262, слѣд.

совѣтъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, поручилъ министру финансовъ разработать основанія ко введенію обязательнаго страхованія рабочихъ и собрать необходимый статистическій матеріалъ. Послѣднимъ торжествомъ идеи обязательнаго страхованія рабочихъ явились труды общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ: образованная при немъ спеціальная комиссія съ участіемъ представителей науки, промышленности и оффиціальныхъ вѣдомствъ начала съ осени 1902 г. обширную работу по изученію конкретныхъ условій, при которыхъ могло бы осуществиться у насъ страхованіе болѣзней, несчастныхъ случаевъ, старости и инвалидности, и уже опубликовала богатый матеріалъ. Не говоримъ уже о томъ, что вся передовая періодическая печать и даже реакціонныя „Московскія Вѣдомости“ вели оживленную кампанію въ пользу этой формы обезпеченія рабочихъ.

Получилась своеобразная картина. Дѣйствующее право упорно держится устарѣлыхъ принциповъ; жизнь коррективомъ къ нему выдвигаетъ судебную практику, частное и взаимное страхованіе, въ которыхъ проводятся новыя, болѣе удовлетворяющія требованіямъ времени, начала; общественная же мысль, перешагнувъ черезъ цѣлую эпоху, еще не пережитую нами (законодательство объ отвѣтственности предпринимателей), дружно и убѣдительно заявляетъ о необходимости новой, болѣе совершенной формы обезпеченія увѣчныхъ рабочихъ посредствомъ обязательнаго или государственнаго страхованія. Но послѣднее общественное движеніе далеко не представляло собою единства. Уже тотъ фактъ, что необходимость принудительнаго страхованія одновременно признавалась людьми и учрежденіями, стоящими на стражѣ чисто общественныхъ интересовъ, и узкопрофессіональными классовыми организаціями, земствами и правительствомъ, прогрессивной печатью и реакціонными „Московскими Вѣдомостями“, что самыя основы страхованія понимались различно, то въ видѣ обязательнаго, то въ видѣ государственнаго страхованія,—даетъ намъ право сомнѣваться въ тождествѣ идеаловъ и намѣреній, воплощавшихся въ страхованіи его различными сторонниками. Можно доказать—и это мы надѣемся въ свое время сдѣлать—что для промышленныхъ предпріятій, уже нынѣ страхующихъ своихъ рабочихъ въ частныхъ обществахъ, обяза-

тельное страхованіе было бы только желательнымъ. Но если въ его пользу высказывались сибирскіе золотопромышленные съѣзды въ то время, какъ работающіе въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ южно-енисейскіе промышленники, послѣ обсужденія проектовъ различнаго рода кассъ на шести съѣздахъ въ концѣ концовъ выдаютъ изъ бюро съѣзда потерявшимъ трудоспособность рабочимъ... 125 руб. въ годъ (1902), а тобольско-акмолинскій съѣздъ отвергаетъ необходимость помощи дряхлымъ и увѣчнымъ на томъ основаніи, что вопросъ и безъ того рѣшенъ существующими законоположеніями, то мы смѣемъ утверждать, что обязательное страхованіе было для нихъ лишь предлогомъ, маневромъ для оправданія полной своей безучастности къ нуждамъ рабочихъ. Разсчетъ былъ простой: покуда вы создадите еще страхованіе, пройдутъ десятки лѣтъ, а для насъ тѣмъ временемъ все останется постарому, и никто не посмѣетъ бросить въ насъ упрекъ—вѣдь мы желаемъ страхованія. Когда г. фонъ-Дитмаръ, одинъ изъ лидеровъ пресловутаго бюро съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи, высказывался за учрежденіе общегосударственнаго взаимнаго страхованія всѣхъ промышленныхъ предпріятій, то мы были бы готовы отдать должное его соціально-политической гуманности, если бы... пожеланіе не находилось въ явномъ противорѣчіи съ своеобразной критикой законопроекта объ отвѣтственности предпринимателей: г. Дитмаръ находилъ [1]), что проектъ устанавливаетъ „боевой“ порядокъ въ отношеніи отдѣльнаго предпринимателя, заставляетъ послѣдняго „отвѣчать за результаты дѣйствія принадлежащаго ему предпріятія, какъ отвѣчаетъ владѣлецъ бодливой коровы за ея проступки“, возлагаетъ на него трудную обязанность доказать связь несчастія съ злымъ умысломъ потерпѣвшаго или стихійной силой, если предприниматель хочетъ избавиться отъ отвѣтственности за несчастные случаи, и т. д. Но стоя на такой точкѣ зрѣнія, относясь отрицательно даже къ законопроекту объ отвѣтственности, слишкомъ благосклонному къ интересамъ предпринимателей, никоимъ образомъ нельзя было желать обязательнаго страхованія, потому что устанавливаемый здѣсь объемъ отвѣтственности во всякомъ случаѣ

[1]) „Горнозаводскій Листокъ“, № 9, 1903.

шире, чѣмъ въ законопроектѣ. Очевидно, и въ данномъ случаѣ, пожеланіе было неискреннее, такъ какъ съ введеніемъ обязательнаго страхованія жертвы предпринимателей были бы во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ при проектированномъ порядкѣ. Пойдемъ дальше. Когда прогрессивная печать доказывала необходимость обязательнаго страхованія, то положеніе это находилось въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ, что проводилось ею и по другимъ вопросамъ. Но когда „Московскія Вѣдомости“, десятки лѣтъ поучавшія немногочисленныхъ своихъ читателей о развращеніи мужика и рабочаго и о необходимости крутой съ ними расправы, стали критиковать законъ объ отвѣтственности и вопить о государственномъ страхованіи рабочихъ, то публицисты Страстного бульвура, очевидно, надѣялись посредствомъ страхованія достигнуть совершенно постороннихъ цѣлей, достаточно опредѣлявшихся событіями рабочей жизни за послѣдніе годы. Наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію, что и въ правительственныхъ сферахъ необходимость и возможность осуществленія у насъ обязательнаго страхованія не получили еще всеобщаго признанія. Въ то время, какъ государственный совѣтъ принципіально признавалъ его своевременность (1903 г.), министерство финансовъ приводило цѣлый рядъ соображеній совершенно противоположнаго свойства и доказывало преимущество законовъ объ индивидуальной отвѣтственности передъ страхованіемъ. Словомъ, лозунгъ „государственное или обязательное страхованіе рабочихъ“ далеко не имѣлъ одного и того же значенія, и даже въ однѣхъ и тѣхъ же сферахъ одновременно съ нимъ выставлялись и другіе принципы. Но чѣмъ бы ни руководились глашатаи новой идеи, какіе бы прозрачные интересы ею ни прикрывались, одинъ фактъ остается несомнѣннымъ: къ началу XX вѣка идея обязательнаго страхованія широко пустила корни и пріобрѣла наибольшія общественныя симпатіи. Чѣмъ бы онѣ ни вызывались, но кто не усмотритъ огромнаго поворота хотя бы во взглядахъ правительства, всего 10 лѣтъ тому назадъ, въ лицѣ одного изъ самыхъ вліятельныхъ у насъ вѣдомствъ, высказывавшагося даже противъ закона объ отвѣтственности, будто бы могущаго породить не существующій у насъ рабочій вопросъ.

VI.

Въ то время, какъ жизнь по своему разрѣшала предъявлявшіеся къ ней запросы, въ канцеляріяхъ правительственныхъ учрежденій происходила разработка законопроекта объ отвѣтственности предпринимателей. Казалось бы, требованія времени были такъ ясны, способы для ихъ удовлетворенія такъ просты, что разработка подобнаго законопроекта не должна бы представлять никакихъ особыхъ затрудненій; но на дѣлѣ вышло иное: двадцать три года понадобились на то, чтобы превратить скромный проектъ въ законъ. Мы говоримъ о высочайше утвержденныхъ 2-го іюня 1903 г. правилахъ „о вознагражденіи потерпѣвшихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ рабочихъ и служащихъ, а равно членовъ ихъ семействъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности". Уже одно то обстоятельство, что законъ появился въ свѣтъ въ моментъ усиленнаго интереса къ обязательному страхованію, что на его созданіе пошло чуть ли не четверть вѣка, въ теченіе котораго тѣ же юридическіе принципы были осуществлены практикой, что, наконецъ, законъ 2-го іюня 1903 г. по своимъ началамъ значительно уступаетъ высочайше утвержденнымъ 15 мая 1901 г. „Временнымъ правиламъ о пенсіяхъ рабочимъ *казенныхъ* горныхъ заводовъ и рудниковъ, утратившимъ трудоспособность на заводскихъ или рудничныхъ работахъ",—заранѣе даетъ право заключить о тенденціяхъ этого важнаго законодательнаго акта, о той борьбѣ принциповъ и интересовъ, которая происходила въ его подготовительной стадіи. И, дѣйствительно, достаточно познакомиться съ исторіей законопроекта, чтобы убѣдиться въ разнообразіи оказывавшихся на содержаніе новаго закона давленій[1]).

Въ 1880 году совѣтъ торговли и мануфактуръ, при участіи представителей разныхъ министерствъ, получилъ порученіе отъ правительства составить проектъ правилъ объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ заведеній за увѣчья и смерть рабочихъ. Выработанныя имъ правила, предварительно поступившія на обсужденіе московскаго от-

[1]) Изложеніе внѣшней исторіи закона ведется нами по оффиціальнымъ источникамъ.

дѣленія совѣта и трехъ комитетовъ торговли и мануфактуръ, и послужили министру финансовъ И. А. Вышнеградскому основаніемъ къ составленію записки объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за увѣчья и смерть рабочихъ, предложенной 25 февраля 1889 г. на благоусмотрѣніе государственнаго совѣта. Министръ задумалъ одновременно достигнуть двухъ діаметрально противоположныхъ цѣлей—обезпечить потерпѣвшимъ средства къ существованію и охранить владѣльцевъ предпріятій отъ „чрезмѣрныхъ и неосновательныхъ претензій со стороны рабочихъ“, и неудивительно, что эта двойственная задача не удалась ему, что фактически она упростилась въ одностороннее покровительство предпринимательскимъ интересамъ. Проектъ Вышнеградскаго являлся лишь „дополненіемъ и развитіемъ“ существующихъ правилъ X тома, т. е., говоря проще, оставилъ все постарому. Сущность проектированныхъ правилъ сводилась къ тому, что предприниматель (кромѣ случаевъ прямого неисполненія предписываемыхъ закономъ или административной властью мѣръ предосторожности) отвѣчалъ за несчастіе, происшедшее отъ непринятія обычныхъ или примѣняемыхъ уже въ сосѣднихъ промышленныхъ заведеніяхъ мѣръ предосторожности, другими словами, только въ случаѣ вины съ его стороны (или со стороны уполномоченныхъ) и при томъ вины, наличность которой устанавливалась въ зависимости... отъ предохранительной практики сосѣднихъ предпріятій. Мало того, исходя изъ невѣрнаго представленія объ „естественномъ общеніи между рабочими одного и того же промышленнаго района“, Вышнеградскій пришелъ къ выводу, что для пострадавшаго чрезвычайно упрощаются способы представленія доказательствъ вины предпринимателя, и потому бремя доказательства онъ попрежнему оставилъ на рабочемъ. Крайне интересно, что представители наиболѣе передовыхъ промышленныхъ районовъ—варшавскій мануфактурный комитетъ и меньшинство членовъ петербургскаго совѣта торговли и мануфактуръ — нашли нужнымъ, вмѣсто предположеннаго узаконенія, ввести, по примѣру Германіи, обязательное страхованіе рабочихъ отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ; но и И. А. Вышнеградскій сослался на то, что разработка этого вопроса потребовала бы, въ виду трудности и сложности его, болѣе или менѣе продолжитель-

наго времени, и потому едва-ли было бы основаніе „откладывать всякое усовершенствованіе въ относящихся сюда узаконеніяхъ“. Какой ироніей звучатъ теперь эти слова, когда за 23 года можно было бы провести самую грандіозную общественную реформу! У Вышнеградскаго, однако, такое отрицательное отношеніе къ страхованію было вполнѣ логичнымъ и безъ ссылокъ на сложность работы, потому что даже въ законопроектъ объ отвѣтственности онъ не счелъ возможнымъ внести принципъ профессіональнаго риска опасаясь затронуть интересы предпринимателей. Проектъ Вишнеградскаго представлялъ даже шагъ назадъ въ сравненіи съ гражданскимъ правомъ, такъ какъ въ немъ устанавливалась отвѣтственность не за всякій вредъ, а только въ нѣкоторыхъ, сравнительно немногочисленныхъ, случаяхъ; на это и указывалъ бывшій министръ юстиціи Манасеинъ, находившій такое ослабленіе имущественной отвѣтственности предпринимателей „нежелательнымъ и невозможнымъ“. Не менѣе любопытно то, что у Вышнеградскаго не возникало даже мысли о политическомъ значеніи правильно построеннаго и благопріятнаго рабочимъ законодательства объ отвѣтственности, какъ лучшаго средства къ улаженію недовольства среди рабочихъ и вытекающихъ отсюда осложненій во внутренней жизни.

Законопроектъ И. А. Вышнеградскаго вмѣстѣ съ замѣчаніями на него отдѣльныхъ вѣдомствъ перешелъ къ новому министру финансовъ С. Ю. Витте. Наступила вторая стадія въ исторіи разсматриваемаго акта. С. Ю. Витте сталъ на иную точку зрѣнія, чѣмъ его предшественникъ. Правда, подобно ему, г. Витте отказывался отъ обязательнаго страхованія въ виду связанныхъ съ нимъ трудностей, особенно по оцѣнкѣ жертвъ со стороны предпринимателей,—за „отсутствіемъ у насъ какихъ либо статистическихъ данныхъ о числѣ несчастныхъ случаевъ, ихъ послѣдствіяхъ, смерти, неспособныхъ къ труду рабочихъ“ и т. д.; но зато онъ хорошо понималъ, какое огромное политическое значеніе имѣетъ то или иное рѣшеніе вопроса объ отвѣтственности. С. Ю. Витте исходилъ изъ положенія, что „вопросъ о рабочемъ пролетаріатѣ—столь опаснымъ и вреднымъ для спокойствія государства—далеко не имѣлъ у насъ такого значенія, которое побуждало бы правительство къ принятію

соотвѣтствующихъ мѣръ съ такою, какъ въ Германіи, поспѣшностью, ибо у насъ контингентъ фабричныхъ рабочихъ былъ еще незначителенъ". Техническія затрудненія съ одной, слабое развитіе пролетаріата—съ другой, покровительство интересамъ предпринимателей—съ третьей стороны,—вотъ тѣ мотивы, которые склонили г. Витте къ введенію не страхованія, а спеціальнаго законодательства объ отвѣтственности, построеннаго на отличныхъ отъ общаго гражданскаго права основаніяхъ. Въ этомъ была другая особенность его проекта. Въ данномъ вопросѣ задача законодателя, по мнѣнію г. Витте, заключалась не въ томъ, чтобы развить и дополнить общія начала гражданской отвѣтственности, какъ это проводилось въ проектѣ Вышнеградскаго, а, наоборотъ, въ „измѣненіи этихъ началъ сообразно видамъ государственной политики и интересамъ общества и въ справедливомъ соображеніи интересовъ какъ рабочихъ, такъ и работодателей". Законопроектъ долженъ былъ преслѣдовать „прежде всего цѣли государственной политики", но все зависѣло отъ того, какъ понимаются эти цѣли.

По общимъ условіямъ всей русской жизни не могло возникнуть никакихъ сомнѣній въ томъ, что министерство финансовъ „не упуститъ изъ виду интересовъ владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій"; и, дѣйствительно, оно не нашло возможнымъ строго и послѣдовательно провести въ законопроектѣ теорію отвѣтственности за такъ называемый профессіональный рискъ. Но, разумѣется, предпринимателямъ всякія жертвы, даже минимальныя, были ненавистны. Въ 1893 году уполномоченные съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи и Царства Польскаго, поддержанные совѣщательной конторой желѣзозаводчиковъ, представили правительству записку, въ которой высказывались противъ законопроекта, находя, что онъ неминуемо приведетъ къ подрыву промышленности и даже къ закрытію отдѣльныхъ предпріятій. 15 марта 1893 г. законопроектъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ; соединенные департаменты гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, законовъ и государственной экономіи признали законопроектъ заслуживающимъ одобренія. Казалось, все близилось къ благополучному концу, но при разсмотрѣніи законопроекта въ общемъ собраніи государственнаго совѣта (24 мая 1893 г.) представителемъ од-

ного изъ самыхъ вліятельныхъ у насъ вѣдомствъ были высказаны сомнѣнія относительно соотвѣтствія проектируемаго закона „общему духу“ нашего законодательства и опасеніе, не возникнетъ ли съ введеніемъ его въ дѣйствіе несуществующій рабочій вопросъ. Законопроектъ провалился, и все дальнѣйшее его движеніе было надолго пріостановлено.

Такимъ образомъ, первымъ подводнымъ камнемъ, о который разбился проектъ, оказались политическія соображенія. Въ настоящее время, когда законопроектъ, правда, въ очень измѣненномъ видѣ, сталъ закономъ, почти не вѣрится, чтобы аргументы эти могли подорвать вѣру въ правомѣрность и цѣлесообразность (съ точки зрѣнія правительственныхъ интересовъ) проектированныхъ правилъ. Какое противорѣчіе съ нашимъ законодательствомъ можно было отыскать въ нихъ? Право потерпѣвшихъ на вознагражденіе давно уже признавалось дѣйствующими законами; если и предполагалось обставить его нѣкоторыми новыми условіями, благопріятствующими потерпѣвшимъ, то, съ другой стороны, развѣ оно не суживалось хотя бы въ тѣхъ постановленіяхъ, которыя декретировали вознагражденіе лишь въ извѣстной долѣ дѣйствительнаго убытка? Да, наконецъ, развѣ выработавшіяся на практикѣ и признававшіяся государственной властью новыя формы обезпеченія потерпѣвшихъ, близкія по основаніямъ къ проектируемымъ, не отвѣчали этому „общему духу“ нашихъ законовъ?

Еще меньше можно было раздѣлить опасенія противниковъ законопроекта. Рабочій вопросъ, съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать его, давно уже существовалъ въ русской жизни, когда на сцену выдвинутъ былъ законопроектъ объ отвѣтственности предпринимателей. Тяжелое экономическое положеніе рабочаго класса было фактомъ, на который правительство реагировало фабричными законами 1882, 1884, 1885, 1886, 1890 гг., а рабочіе—рядомъ стачекъ и волненій, свидѣтельствовавшихъ о пробудившемся среди нихъ самосознаніи и стремленіи собственными усиліями подняться вверхъ. Моментъ сознательности, неслучайности возникшаго у насъ рабочаго движенія хорошо сознавался и въ правительственныхъ сферахъ. Еще въ 1886 году государственный совѣтъ пришелъ къ выводу, что причины, вызвавшія фабричныя волненія въ 1884 и 1885 гг.

во Владимірской и Московской губерніяхъ, „не имѣли вовсе случайнаго характера, а обусловливались неправильными отношеніями между фабрикантами и рабочими“, т. е. незаконными дѣйствіями первыхъ, направленными къ „извлеченію преувеличенныхъ выгодъ“; „возникающее отсюда раздраженіе противъ фабрикантовъ, при трудности для темнаго люда отыскивать законнымъ образомъ защиту своихъ правъ, постоянно поддерживаетъ въ рабочихъ склонность искать возстановленія этихъ правъ путемъ стачекъ и безпорядковъ; кромѣ того, накопляющееся постепенно недовольство въ средѣ фабричныхъ рабочихъ дѣлаетъ эту арену доступною къ воспріятію преступныхъ ученій, направленныхъ къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя“. Можно ли было послѣ всего этого утверждать, что проектированный законъ создастъ у насъ „несуществующій“ рабочій вопросъ! Министерство финансовъ сознавало, что законъ необходимъ именно въ политическихъ интересахъ, какъ лучшій оплотъ противъ названныхъ ученій, хотя по его убѣжденію при громадныхъ у насъ разстояніяхъ и разбросанности промышленныхъ центровъ „сознаніе въ средѣ самихъ рабочихъ ненормальности ихъ положенія дѣлало лишь весьма медленные шаги впередъ“. Не слѣдуетъ, конечно, думать, что обнаружившееся въ правительственныхъ сферахъ раздвоеніе происходило изъ различія въ пониманіи задачъ государственной политики; они разно понимали лишь дѣйствіе будущаго закона, такъ какъ первые видѣли въ немъ уступку рабочимъ, которая можетъ вселить въ нихъ еще большія надежды, вторые же—вѣрное средство къ умиротворенію недовольныхъ рабочихъ.

Законопроектъ былъ погребенъ въ нѣдрахъ канцелярій. Послѣ продолжительнаго затишья министерство снова приступило къ его „разработкѣ“ въ особыхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ главнымъ образомъ въ 1899—1901 гг. Начался третій періодъ въ исторіи разсматриваемаго закона. Уже изъ отношенія къ проекту государственнаго совѣта можно было заключить, что составители законопроекта проявятъ въ дальнѣйшемъ большую сдержанность, что основныя его начала будутъ сужены и—такъ какъ вся наша политика по рабочему вопросу въ концѣ концовъ опредѣлялась интересами „отечественной промышленности“, отождествлявшими-

ся съ личными выгодами предпринимателей,—будутъ отмѣчены рѣзко выраженнымъ снисхожденіемъ къ этимъ послѣднимъ. Иначе и не могло быть потому, что министерство финансовъ привлекло къ совѣщаніямъ не только делегатовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, но *и представителей промышленности*, отношеніе которыхъ къ законопроекту достаточно характеризовалось петиціей горнозаводчиковъ 1893 года... Стоитъ сравнить законопроектъ 1893 года съ многочисленными его позднѣйшими редакціями, и передъ нами со всей очевидностью обнаружится новая и рѣшительно проводимая тенденція къ уменьшенію правъ увѣчныхъ на вознагражденіе, къ расширенію случаевъ безотвѣтственности предпринимателей, къ ограниченію сферы дѣятельности будущаго закона. Объ обязательномъ страхованіи не могло быть уже и рѣчи. Министерство финансовъ стало даже проводить мысль о преимуществѣ закона объ отвѣтственности надъ обязательнымъ страхованіемъ и пыталось подкрѣпить ее рядомъ аргументовъ; въ числѣ ихъ приводилось и то соображеніе, что „обязательное страхованіе и самая его организація болѣе принудительная, нежели свободная, соотвѣтствуетъ складу жизни народовъ германской націи и выработана, несомнѣнно, примѣнительно къ тѣмъ условіямъ, въ которыя исторически вылилась промышленная жизнь этихъ народовъ“[1]). Выходило, будто принужденіе болѣе соотвѣтствуетъ складу жизни конституціонной Германіи, чѣмъ монархической Россіи. Составители законопроекта заявляли дальше: во Франціи, Англіи, Швейцаріи и Даніи было признано предпочтительнымъ изданіе законовъ объ индивидуальной отвѣтственности предпринимателей на томъ основаніи, что у нихъ не было необходимаго статистическаго матеріала для введенія обяза-

[1]) Мы не станемъ приводить здѣсь всѣхъ соображеній, въ силу которыхъ рѣшено было отклонить обязательное страхованіе. Скажемъ только, что и въ этомъ пунктѣ замѣчается поразительное сходство съ доводами, высказывавшимися на Западѣ противъ страхованія; вообще все развитіе законодательной, судебной и страховой практики по вопросу объ отвѣтственности, какъ это видно и изъ всего предшествующаго изложенія, представляетъ всюду буквальное повтореніе одного и того же процесса. Очень характерно, что не только наше министерство финансовъ, но и западноевропейскіе дѣятели находили несоотвѣтствіе обязательнаго страхованія народному „духу“. (Ср. въ Италіи—Zasher, VI, S. 17, во Франціи—Heft IV, X. 42). Самый фактъ обнаружившагося такимъ образомъ сродства между „духомъ“ русскимъ, итальянскимъ и французскимъ всего лучше доказываетъ, какъ мало убѣдительна подобнаго рода аргументація.

тельнаго страхованія, опытъ же Австріи, воспользовавшейся германской статистикой, вызвалъ на практикѣ различныя серьезныя опасенія. Едва ли эта аргументація была убѣдительна: какъ мы уже показали, въ перечисленныхъ государствахъ обязательное страхованіе не осуществилось не вслѣдствіе какихъ либо техническихъ затрудненій, а въ силу давленія заинтересованныхъ промышленныхъ круговъ, не желавшихъ отождествлять справедливости съ личными денежными интересами.

Разумѣется, повторено было и обычное заявленіе, „что вопросъ о введеніи у насъ обязательнаго страхованія требуетъ столь продолжительной и тщательной разработки, что онъ не можетъ быть окончательно разрѣшенъ въ столь короткій срокъ, какъ того требуютъ справедливые интересы рабочихъ, а равно обезпеченіе порядка и спокойствія въ нашихъ наиболѣе промышленныхъ районахъ".

Какъ бы то ни было, отрицательное отношеніе къ вопросу объ обязательномъ страхованіи рабочихъ со стороны вѣдомства, которому принадлежитъ забота объ ихъ благѣ, вполнѣ гармонировало и съ тѣми измѣненіями, какія произведены были въ первоначальномъ законопроектѣ. Даже въ самую послѣднюю минуту, насколько можно судить изъ сравненія проекта 1901 г. съ закономъ, нѣкоторыя благопріятныя для рабочихъ статьи были вновь сужены, даже тѣ, въ пользу которыхъ высказывалось само министерство финансовъ. Идея вознагражденія потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ, преломившись сквозь призму политическихъ и предпринимательскихъ интересовъ, получила иную, чѣмъ первоначально, окраску и совершенно иное содержаніе. Законопроектъ, превратившись въ законъ 2 іюня 1903 г., сталъ тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ сдѣлаться по общему складу всего нашего фабричнаго законодательства, съ его неодинаковымъ отношеніемъ къ предпринимателямъ и рабочимъ, съ его нерѣшительностью и половинчатостью. Разборъ основныхъ положеній новаго закона всего лучше подтвердитъ эту мысль.

VII.

Въ чемъ заключается содежаніе закона 2 іюня 1903 г.? „При несчастныхъ случаяхъ въ предпріятіяхъ фабрично-

заводской, горной и горнозаводской промышленности владѣльцы предпріятій обязаны вознаграждать рабочихъ за утрату долѣе, чѣмъ на три дня, трудоспособности отъ тѣлеснаго поврежденія, причиненнаго имъ работами по производству предпріятія, или происшедшаго вслѣдствіе таковыхъ работъ". Отъ обязанности вознаграждать рабочихъ и членовъ ихъ семействъ (если послѣдствіемъ несчастнаго случая была смерть) владѣлецъ предпріятія освобождается „только въ томъ случаѣ, если докажетъ, что причиною несчастнаго случая были злой умыселъ самого потерпѣвшаго или грубая неосторожность его, не оправдываемая условіями и обстановкою производства работъ". Вознагражденіе самихъ потерпѣвшихъ производится въ видѣ *пособія*—со дня несчастія по день возстановленія трудоспособности или признанія утраты ея постоянною,—въ размѣрѣ половины заработка потерпѣвшаго и *пенсіи*, назначающейся въ случаяхъ постоянной утраты трудоспособности: при полной ея утратѣ—въ размѣрѣ $^2/_3$ годового содержанія потерпѣвшаго, а при неполной—въ уменьшенномъ размѣрѣ, соотвѣтственно степени ослабленія трудоспособности; кромѣ того, предприниматель обязанъ возмѣщать потерпѣвшему расходы по лѣченію впредь до излѣченія или прекращенія лѣченія. Въ случаѣ же смерти потерпѣвшаго, послѣдовавшей немедленно за несчастнымъ случаемъ, или же во время лѣченія, или же не позднѣе двухъ лѣтъ со дня несчастнаго случая, если лѣченіе было прекращено ранѣе, владѣлецъ предпріятія обязанъ 1) уплатить на погребеніе (30 руб. на взрослаго и 15 руб. на малолѣтняго) и 2) выдавать пенсіи: а) вдовѣ, въ размѣрѣ одной трети годового содержанія умершаго, пожизненно; б) дѣтямъ обоего пола: законнымъ, узаконеннымъ, усыновленнымъ и внѣбрачнымъ, а равно воспитанникамъ и пріемышамъ, до достиженія ими 15-лѣтняго возраста, каждому—въ размѣрѣ одной шестой при жизни одного изъ родителей и одной четвертой круглымъ сиротамъ; в) родственникамъ въ прямой восходящей линіи, пожизненно, каждому—въ размѣрѣ одной шестой, и г) братьямъ и сестрамъ, круглымъ сиротамъ, до достиженія ими 15-лѣтняго возраста каждому—въ размѣрѣ одной шестой. Общая совокупность пенсій вышеназваннымъ членамъ семейства рабочаго не должна превышать $^2/_3$ годового его содержанія. По взаимному соглашенію сторонъ, пенсіи могутъ быть замѣняемы единовременными

выдачами въ размѣрѣ десятикратнаго годичнаго пенсіоннаго платежа (для малолѣтнихъ пенсіонеровъ—по числу лѣтъ, въ теченіе которыхъ они имѣютъ право на пенсію). Размѣръ вознагражденія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется порядкомъ, указаннымъ въ законѣ; фабричный инспекторъ (для горной промышленности—окружный) является той инстанціей, которая провѣряетъ правильность состоявшагося между сторонами соглашенія или приводитъ ихъ къ соглашенію, а при несогласіи между ними даетъ заключеніе о правѣ потерпѣвшаго на вознагражденіе и о размѣрахъ послѣдняго. Въ такого рода случаяхъ потерпѣвшіе должны искать вознагражденія судомъ, при чемъ для предъявленія исковъ о назначеніи вознагражденія полагается двухлѣтній срокъ. Пенсіи и пособія не могутъ быть обращаемы на пополненіе казенныхъ и частныхъ взысканій, причитающихся съ вознаграждаемыхъ рабочихъ или ихъ семействъ; право на вознагражденіе не можетъ быть закладываемо, отчуждаемо или инымъ образомъ передаваемо. Настоящія правила примѣняются къ вознагражденію не только рабочихъ, но и служащихъ, обязанныхъ присутствовать при производствѣ работъ и получающихъ годового содержанія не свыше 1.500 р.

Вотъ что говоритъ новый законъ. Не трудно видѣть, что по существу своему онъ приближается къ соотвѣтствующимъ западно-европейскимъ актамъ объ отвѣтственности предпринимателей и рѣшительно отличается отъ примѣнявшихся до сихъ поръ нормъ гражданскаго права. Потерпѣвшіе не должны доказывать чьей бы то ни было вины; они имѣютъ право на вознагражденіе въ силу самаго факта тѣлеснаго поврежденія, „причиненнаго имъ работами по производству предпріятія или происшедшаго вслѣдствіе таковыхъ работъ“. Этого права они лишаются въ извѣстныхъ, указанныхъ закономъ, случаяхъ, доказательство которыхъ составляетъ уже дѣло владѣльцевъ предпріятія. Тогда какъ основное начало прежняго права фактически гласило: владѣлецъ предпріятія безотвѣтственъ, пока потерпѣвшіе не докажутъ своего права, новый законъ внесъ принципъ—владѣлецъ отвѣтственъ, пока онъ не докажетъ противнаго. Но стоитъ ближе присмотрѣться къ новымъ правиламъ, и станетъ яснымъ, какое ограниченное примѣненіе получилъ новый принципъ, какъ слабо обезпечивается новымъ закономъ

дѣйствительное полученіе потерпѣвшими слѣдуемаго имъ вознагражденія, какая значительная масса рабочихъ остается внѣ его дѣйствія.

Владѣлецъ предпріятія свободенъ отъ отвѣтственности, если докажетъ, что причиной несчастнаго случая были злой умыселъ самого потерпѣвшаго или грубая неосторожность его. Не слѣдуетъ прежде всего думать, что безотвѣтственность наступаетъ только въ этихъ случаяхъ. Если сравнить законъ съ различными его проектами, то окажется, что къ числу причинъ, освобождающихъ предпринимателя отъ обязанности вознаградить потерпѣвшихъ, относилось и дѣйствіе непреодолимой внѣшней или стихійной силы и преступленіе или поступокъ лицъ, къ промышленному предпріятію непричастныхъ. Не можетъ быть, однако, никакого сомнѣнія, что и нынѣ, хотя законъ объ этомъ прямо не говоритъ, предприниматель не отвѣчаетъ за дѣйствіе стихійной силы и за дѣйствія третьихъ лицъ. Мы, дѣйствительно, знаемъ изъ представленія министра финансовъ государственному совѣту, что „несчастные случаи, обязанные своимъ происхожденіемъ проявленію высшихъ стихійныхъ силъ, должны исключать какую бы то ни было отвѣтственность предпринимателей“. Законодатель счелъ излишнимъ упоминать объ этомъ, такъ какъ находилъ подобный выводъ естественно вытекающимъ изъ текста закона („работами или вслѣдствіе работъ“); кромѣ того, крайняя трудность точнаго опредѣленія понятія стихійной силы могла бы повести къ тому, что подъ дѣйствіе этой силы подводились бы случаи, несомнѣнно требующіе вознагражденія. Въ виду этого и сочли нужнымъ не вводить въ новый законъ ссылки на дѣйствіе стихійныхъ силъ, какъ на условіе, исключающее отвѣтственность, а предоставить оцѣнку этихъ исключительныхъ происшествій суду. Что касается дѣйствій третьихъ лицъ, то, такъ какъ о нихъ говорилось во всѣхъ проектахъ, неупоминаніе въ законѣ, вѣроятно, должно быть объяснено тѣмъ, что исключеніе это также предполагалось само собою понятнымъ. Въ пользу правильности нашего пониманія говоритъ самая редакція закона о вознагражденіи тѣлесныхъ поврежденій, причиненныхъ *работами* по производству предпріятія или происшедшихъ *вслѣдствіе* таковыхъ работъ: ни подъ одну изъ терминологическихъ категорій закона не

подойдутъ разсмотрѣнныя двѣ группы случаевъ. Иначе и не можетъ быть. Разъ законопроектъ 1893 года и проектъ 1901 г., говоря объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи, причиненные *во время или вслѣдствіе* производства, исключали отвѣтственность за дѣйствія стихійной силы и непричастныхъ къ производству лицъ, то это ограниченіе объема отвѣтственности и подавно имѣетъ мѣсто въ законѣ, поставившемъ на смѣну термины „*работами или вслѣдствіе работъ*“. Въ первоначальной редакціи понятіемъ времени привносился новый признакъ, расширявшій предѣлы отвѣтственности для всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые не вызывались дѣйствіемъ стихійной силы и третьихъ лицъ и въ то же время не были слѣдствіемъ производства; теперь фактъ несчастія, происшедшаго *во время* производства, уже не считается обстоятельствомъ, создающимъ отвѣтственность предпринимателя, предѣлы отвѣтственности сужены, и, слѣдовательно, предѣлы безотвѣтственности, во всякомъ случаѣ, не могутъ быть менѣе ограничены, чѣмъ въ первоначальныхъ редакціяхъ закона [1]).

Уже внѣшняя перемѣна, произведенная замѣной словъ „во время или вслѣдствіе“ словами „работами или вслѣдствіе работъ“, позволяетъ судить о сознательной тенденціи законодателя къ ограниченію предѣловъ отвѣтственности предпринимателей. Мы показали, что новый законъ, въ сущности, освобождаетъ владѣльцевъ предпріятія отъ обязанности

[1]) Ни одно законодательство не даетъ столько простора административной интерпретаціи предѣловъ безотвѣтственности предпринимателей, какъ наше. Швейцарскій законъ 1881 г. исключаетъ высшую силу, дѣйствія третьихъ лицъ, собственную вину потерпѣвшихъ; въ новѣйшихъ актахъ, вмѣсто перечисленія случаевъ безотвѣтственности, положительно опредѣляются случаи отвѣтственности: предприниматель отвѣчаетъ за несчастіе „при исполненіи работъ или вслѣдствіе работъ“ (французскій законъ 9 апр. 1898), „при работѣ“ (итальянскій—17 марта 1898), „вслѣдствіе и во время работъ“ (англійскій—1897), вызванное „самимъ производствомъ, его условіями или орудіями производства“ (датскій—7 янв. 1898). Наше законодательство самымъ неудачнымъ образомъ примѣняетъ оба способа положительный и отрицательный—для опредѣленія предѣловъ отвѣтственности. Насколько неудачна редакція закона, сколько недоразумѣній вызоветъ она, можетъ показать слѣдующій примѣръ. Изъ объяснительной записки министерства финансовъ ясно видно, что потерпѣвшіе рабочіе не лишаются права на вознагражденіе и „въ тѣхъ случаяхъ, которые происходятъ по винѣ соработниковъ, такъ какъ въ выборѣ себѣ товарищей по работѣ рабочіе, въ большинствѣ случаевъ, не болѣе властны, нежели въ выборѣ распорядителей работъ“. Между тѣмъ, юристъ г. Нолькенъ, основываясь на текстѣ закона, пришелъ къ выводу, что законъ исключаетъ отвѣтственность предпринимателя за дѣйствія соработниковъ (см. *Право*, 1903, № 30, стр. 1865).

вознагражденія потерпѣвшихъ, если тѣ докажутъ, что причиной несчастія было дѣйствіе стихійной силы природы, преступленіе или проступокъ третьихъ лицъ, непричастныхъ къ производству, злой умыселъ самого потерпѣвшаго или грубая неосторожность его, не оправдываемая условіями и обстановкою производства работъ. Устанавливая безотвѣтственность въ этомъ широкомъ объемѣ, законъ сильно подорвалъ значеніе идеи т. н. профессіональнаго риска, положенной въ его основу. Пусть предприниматели не отвѣчаютъ за дѣйствіе стихійной силы или непричастныхъ къ дѣлу лицъ, но какимъ образомъ и почему законъ освободилъ ихъ отъ вознагражденія за несчастія, вызванныя „грубой неосторожностью“ потерпѣвшаго? Весь смыслъ законодательства объ отвѣтственности въ томъ и заключается, что вопросъ о вознагражденіи принципіально отдѣляется отъ вопроса о виновности и не ставится въ зависимость отъ послѣдняго. Потерпѣвшій рабочій вознаграждается потому, что съ нимъ случилось несчастіе, отъ котораго онъ не убережся, а слѣдовательно, и не могъ уберечься: вѣдь элементъ сознательности выдѣленъ въ категорію „злого умысла“, предполагающаго со стороны потерпѣвшаго извѣстный разсчетъ на полученіе пенсіи. Законодательство объ отвѣтственности, дѣлая вознагражденіе независимымъ отъ виновности потерпѣвшаго или предпринимателя, разсматривая несчастіе, какъ результатъ производственныхъ условій, нигдѣ не признаетъ за потерпѣвшимъ полнаго вознагражденія за понесенные убытки, но это ограниченіе матеріальныхъ правъ рабочаго только тогда и можетъ имѣть оправданіе, если за качественнымъ ихъ пониженіемъ послѣдуетъ количественное расширеніе вознаграждаемыхъ случаевъ. Въ этомъ увеличеніи „количества“ за счетъ „качества“ и заключается весь соціально-политическій смыслъ выдвинутаго жизнью законодательства; ни во французскомъ, ни въ итальянскомъ законахъ мы не найдемъ безотвѣтственности предпринимателя за грубую неосторожность потерпѣвшаго. Защитники ex officio нашего фабричнаго законодательства ссылаются на дальнѣйшія слова закона, освобождающаго-де отъ обязанности вознаграждать не всякую вину, а грубую неосторожность, не оправдываемую условіями и обстановкою производства работъ. Но чѣмъ отличается эта „неоправдываемая“ неосторожность отъ всякихъ другихъ

видовъ неосторожности, что образуетъ конститутивныя ея особенности? На этотъ вопросъ нельзя дать никакого отвѣта, потому что фактически и теоретически понятія эти едва ли могутъ быть точно разграничены, а между тѣмъ, неопредѣленность термина неизбѣжно должна привести къ тому, что безъ вознагражденія останутся многіе рабочіе, ставшіе жертвой самой обыкновенной неосторожности. Пусть не говорятъ, что и европейскія законодательства выдѣляютъ грубую неосторожность. Да, французскій законъ 1898 года, въ случаѣ несчастія, вызваннаго непростительной ошибкой потерпѣвшаго, предоставляетъ право понизить размѣръ слѣдуемаго по общимъ правиламъ вознагражденія; но вѣдь, во-первыхъ, отъ уменьшенной пенсіи еще далеко до полной потери ея, а, во-вторыхъ, принципъ этотъ во французскомъ законодательствѣ уравненъ, въ интересахъ рабочихъ, другимъ справедливымъ началомъ: если будетъ обнаружена непростительная ошибка хозяина или его замѣстителей, то размѣры вознагражденія могутъ быть повышены до полнаго ущерба, причиненнаго потерпѣвшему. Составители закона отлично сознавали всю несправедливость ссылки на вину или неосторожность самого рабочаго, какъ на обстоятельство, лишающее потерпѣвшаго правъ на вознагражденіе или же уменьшающее размѣры его, а равно и на вину или небрежность предпринимателя, какъ на основаніе, могущее усиливать отвѣтственность послѣдняго. „Цѣлесообразность исключенія изъ новаго закона ссылки на вину, въ какой бы формѣ и съ чьей бы стороны она ни проявилась, была признана и представителями нашей промышленности въ происходившихъ по этому дѣлу совѣщаніяхъ. Дѣйствительно, съ установленіемъ такого порядка, по которому обнаруженіе вины или неосторожности самого рабочаго влекло бы за собою лишеніе его права на вознагражденіе или же вліяло бы на размѣръ послѣдняго, вызывалась бы по справедливости необходимость предоставленія рабочимъ права требовать полнаго возмѣщенія причиненныхъ имъ убытковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ установлена вина или же упущеніе со стороны предпринимателя... При растяжимости понятія вины или неосторожности вообще и чрезвычайной трудности выясненія истинныхъ причинъ несчастія въ частности, порядокъ этотъ создалъ бы почву, благопріятную для

развитія сутяжничества, которое, умаляя въ сильной степени значенія и достоинство самого закона, повело бы къ обостренію отношеній между нанимателями и рабочими". Министерство финансовъ приводило затѣмъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ соображеній, истинность и убѣдительность которыхъ стоитъ выше всякихъ сомнѣній. Нельзя упускать изъ виду,—говорило оно,—что нарушеніе рабочими правилъ предосторожности, въ которомъ можно усмотрѣть вину или неосторожность, весьма часто проистекаетъ исключительно отъ недостатка вниманія или разсѣянности, зависящихъ отъ физической усталости, малой умственной развитости и иныхъ, тому подобныхъ, причинъ [1]). Неосторожность или вина являются всегда, безъ всякихъ исключеній, однимъ изъ факторовъ несчастія, тогда какъ другимъ остается кроющаяся въ условіяхъ производства опасность; наконецъ, самая неосторожность рабочихъ едва ли не въ большинствѣ случаевъ является слѣдствіемъ условій работъ: находясь постоянно въ опасной обстановкѣ, рабочіе невольно привыкаютъ къ ней, а эта привычка ослабляетъ ихъ бдительность, и безъ того ослабленную естественнымъ утомленіемъ ихъ. При относительной умѣренности проектированныхъ министромъ финансовъ вознагражденій, угроза лишить неосторожнаго рабочаго права на вознагражденіе имѣла бы слишкомъ малое значеніе по сравненію съ присущимъ человѣку чувствомъ самосохраненія. Въ виду всего этого министерство пришло къ выводу, что основаніемъ отвѣтственности предпринимателя долженъ служить лишь фактъ несчастія, независимо отъ того, былъ ли онъ послѣдствіемъ ошибки, неосторожности или небрежности нанимателя или самого рабочаго; при подобной перестановкѣ вопроса съ юридической почвы на экономическую, гражданская отвѣтственность предпринимателей превратилась бы въ простую обязанность вознаграждать рабочихъ во всѣхъ случаяхъ, причина которыхъ кроется или связана съ условіями производства, и потому-то рѣшено было назвать законъ объ отвѣтственности „правилами о вознагражденіи".

---

[1]) Количество увѣчій зависитъ не только отъ времени дня, какъ это доказала и оффиціальная русская „Статистика несчастныхъ случаевъ", но и отъ грамотности рабочихъ: такъ, на промыслахъ Балахно-Сабунчинскаго района среди грамотныхъ было увѣчныхъ 33%, а среди неграмотныхъ 67% (*Нефтяное Дѣло*, 1902, № 4, „Матеріалы къ статистикѣ поврежденій").

Что можно было бы возразить противъ подобной аргументаціи, или что еще сказать въ доказательство справедливости основной мысли? Кому не ясно, что всякое упоминаніе въ законѣ о неосторожности рабочаго разрушаетъ все принципіальное его значеніе и низводитъ законъ на степень ухудшеннаго гражданскаго права объ отвѣтственности? И, дѣйствительно, ни въ законопроектѣ 1893 г., ни въ проектѣ 1901 г. не было и рѣчи о неосторожности, и только въ самую послѣднюю минуту, по неизвѣстнымъ соображеніямъ (очевидно, изъ неумѣренной жалости къ интересамъ капитала), вопреки всей убѣдительной аргументаціи составителей законопроекта, какъ deus ex machina, появилась въ законѣ „грубая неосторожность", сохранивъ за нимъ, тѣмъ не менѣе, прежнее названіе правилъ о вознагражденіи. Къ несчастью, „грубая неосторожность, неоправдываемая условіями и обстановкою производства", даетъ, несмотря на оговорку, такое широкое поле для произвольнаго ея толкованія, что трудно себѣ представить, какой случай неосторожности не подойдетъ подъ это понятіе. Чтобы составить себѣ хотя приблизительное представленіе, какъ сильно подрываетъ „грубая неосторожность" практическое значеніе, правилъ для рабочихъ, укажемъ на данныя германской статистики: имѣвшіе мѣсто въ 1897 году несчастные случаи съ рабочими, занятыми въ промышленности, были вызваны въ 17,30% случаяхъ виной предпринимателя, въ 29,74%—виной рабочихъ и въ 10,14%—виной тѣхъ и другихъ и, наконецъ, въ 42,82%—производственными условіями; въ сельскомъ хозяйствѣ (по даннымъ за 1891 г.) первыя три группы случаевъ составляли 18,61%, 24,99% и 23,39% [1]). Такъ какъ новый нашъ законъ не обращаетъ никакого вниманія на вину предпринимателя, и, слѣдовательно, случаи совмѣстной вины предпринимателя и рабочаго должны разсматриваться, какъ если бы они были вызваны единоличной виной рабочаго, то, съ точки зрѣнія нашего законодательства, до 40% несчастныхъ случаевъ могутъ быть подведены подъ понятіе разныхъ видовъ неосторожности, въ томъ числѣ и грубой.

Уже по тѣмъ ограниченіямъ, которымъ подверглось основ-

[1]) „Unfallstatistik", статья Zacher'a въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Bd. VII, 270.

ное положеніе закона объ отвѣтственности предпринимателей, можно понять, что новый законъ не устанавливаетъ отвѣтственности за профессіональныя болѣзни рабочихъ. Хотя и въ этихъ случаяхъ связь съ условіями производства такъ же безспорна, какъ и въ несчастныхъ случаяхъ, даже болѣе безспорна, потому что профессіональныя заболѣванія всего меньше можно приписывать неосторожнымъ дѣйствіямъ рабочихъ,—тѣмъ не менѣе новый законъ не счелъ нужнымъ обезпечить ихъ отъ одного изъ ужаснѣйшихъ бичей профессіональной жизни. И въ этомъ пунктѣ наблюдается рѣшительный регрессъ.

По законопроекту 1893 г. владѣльцы предпріятій обязаны были вознаграждать рабочихъ „въ случаѣ смерти, увѣчья и *другихъ поврежденій въ здоровьѣ (профессіональныхъ болѣзней)*“, въ полномъ согласіи съ швейцарскимъ закономъ 1881 года. Съ этимъ согласились въ то время и соединенные департаменты государственнаго совѣта. Но и много позже, въ 1900 году, соединенные департаменты промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи проводили ту же точку зрѣнія; они исходили изъ того положенія, что крайне неблагопріятныя условія нѣкоторыхъ производствъ неминуемо приводятъ къ преждевременному изнашиванію организма и сокращенію продолжительности жизни, что явленіе это общеизвѣстно въ заводской и фабричной практикѣ и при современномъ состояніи прикладныхъ знаній не поддается пока устраненію, что потому профессіональныя заболѣванія, по справедливости, должны быть приравнены къ увѣчьямъ И, несмотря на все это, министерство финансовъ отказалась отъ этого начала подъ тѣмъ предлогомъ, что практическое осуществленіе отвѣтственности предпринимателей за профессіональныя заболѣванія“ представило бы чрезвычайныя затрудненія“, породило бы „рядъ трудно разрѣшимыхъ недоразумѣній“ и даже „было бы несправедливо“. Такъ были исключены и профессіональныя заболѣванія рабочихъ изъ числа обстоятельствъ, создающихъ отвѣтственность предпринимателей. Къ сожалѣнію, оба намѣченныя нами явленія—сокращеніе объема отвѣтственности за несчастные случаи и исключеніе профессіональныхъ болѣзней—печальныя сами по себѣ, пріобрѣтутъ еще болѣе регрессивный смыслъ, если напомнить что появившіяся

непосредственно передъ закономъ 2 іюня 1903 г. временныя правила 15 мая 1901 г. о пенсіяхъ рабочимъ казенныхъ горныхъ заводовъ и рудниковъ провели самую широкую защиту интересовъ рабочихъ. Правила эти, распространяющія свое дѣйствіе приблизительно на 37000 человѣкъ, вознаграждаютъ рабочихъ (или ихъ семьи) за смерть, увѣчья и *профессіональныя болѣзни*, полученныя *во время* или вслѣдствіе работы, и лишаютъ права на вознагражденіе въ *одномъ* только случаѣ, если единственною причиною увѣчья или болѣзни является злой умыселъ потерпѣвшаго; мало того, подобно практикѣ германскаго обязательнаго страхованія, въ случаѣ смерти потерпѣвшаго, вызванной злымъ его умысломъ, *„члены его семьи имѣютъ право на полученіе пенсіи на общемъ основаніи“*. Такъ какъ редакція временныхъ правилъ („во время“) позволяетъ отнести къ вознаграждаемымъ случаямъ и несчастія отъ стихійныхъ силъ, дѣйствія третьихъ лицъ, то казенные горнорабочіе имѣютъ право на вознагражденіе абсолютно во всѣхъ случаяхъ, кромѣ одного— злого умысла, не повлекшаго за собой смерти потерпѣвшаго. По сравненію съ подобной постановкой принципа во временныхъ правилахъ, новый законъ 2 іюня 1903 г. пріобрѣтаетъ значеніе слабой и нерѣшительной попытки, возбуждающей невольный вопросъ; ужели по отношенію къ представителямъ одного и того же рабочаго класса могутъ быть допустимы двѣ различныя юридическія нормы, ужели частные предприниматели не были бы обязаны отвѣчать за несчастія съ рабочими и профессіональныя ихъ заболѣванія въ томъ же объемѣ, какъ и казна?

Но пойдемъ дальше, къ тѣмъ статьямъ закона, которыми устанавливаются размѣры пенсій, и мы снова найдемъ въ нихъ явные слѣды тенденціи къ ограниченію правъ рабочихъ, будемъ ли мы сравнивать законъ съ его проектами или другими законодательными актами. Мы уже знаемъ, что пенсія потерпѣвшимъ (или ихъ семьямъ) назначается въ видѣ извѣстной доли годового ихъ содержанія. По законопроекту 1893 г. потерпѣвшій получалъ пенсію въ размѣрѣ *полнаго* послѣдняго годового содержанія, но во всѣхъ дальнѣйшихъ проектахъ и въ законѣ она сведена была къ двумъ третямъ. Доли членовъ семьи (въ случаѣ смерти потерпѣвшаго) въ законѣ были незначительно повышены въ сравненіи съ тѣмъ, что предпо-

лагалось прежде,—вдовы или вдовцы съ 30% до $^1/_3$ дѣтей—съ 15% до $^1/_6$, родителей—съ 15% до $^1/_3$, общая сумма пенсій всѣмъ этимъ лицамъ—съ 60% до %; но зато другими нормами, установленными въ законѣ, это увеличеніе было уничтожено. Въ то время какъ въ законопроектѣ и дѣйствующихъ у насъ обществахъ взаимнаго страхованія, при опредѣленіи годового содержанія потерпѣвшихъ, поденный заработокъ умножался на 280 (въ уставѣ Иваново-Вознесенскаго общества—„не менѣе 280"), въ законѣ рабочій годъ принятъ въ 260 дней, другими словами, годовое содержаніе уменьшено въ немъ почти на мѣсячный окладъ. Для увѣчныхъ малолѣтнихъ пенсія вычисляется не по годовому содержанію взрослыхъ „того же рода работъ", какъ это было въ законопроектѣ 1893 г., а по заработной платѣ „чернорабочихъ". Такимъ образомъ, размѣръ пенсій сталъ во всякомъ случаѣ ниже, чѣмъ прежде предполагалось (доли членовъ семьи увеличены въ общей сложности на $9^2/_3\%$, доля же самого потерпѣвшаго уменьшена на $33^1/_3\%$, а такъ какъ число несчастныхъ случаевъ, заканчивающихся смертью, несравненно меньше, чѣмъ число увѣчій, сопровождающихся потерей трудоспособности, то внесенныя въ законъ измѣненія долей въ общемъ итогѣ клонятся къ явной выгодѣ предпринимателей). Какъ далеко, однако, закону 2 іюня до временныхъ правилъ 1901 г.! Казенные горнорабочіе имѣютъ право: вдова (или вдовецъ при нетрудоспособности его) на половину пенсіи, малолѣтніе—на одну треть, пенсія назначенная работницѣ вслѣдствіе увѣчья или болѣзни, не прекращается вступленіемъ ея въ бракъ, тогда какъ по закону 2 іюня въ подобномъ же случаѣ пожизненная пенсія замѣняется единовременной выдачей въ размѣрѣ тройной годичной пенсіи. Рабочее годовое содержаніе опредѣляется не фиктивное, а дѣйствительное—по среднему годовому заработку въ послѣдніе три года. Для казенныхъ горнорабочихъ нѣтъ и того крайне серьезнаго ограниченія въ давностномъ срокѣ, которому подверглись всѣ остальные рабочіе: тогда какъ первые лишаются права на пенсію только въ томъ случаѣ, если они въ теченіе *десяти лѣтъ* не подали прошенія о назначеніи пенсіи, вторымъ для предъявленія исковъ о назначеніи вознагражденія положенъ *двухлѣтній* срокъ, исчисляемый при томъ для потерпѣвшихъ *со дня несчастнаго случая*. Огра-

ниченіе это, грозящее рабочимъ огромнымъ ущербомъ, глубоко несправедливо и не можетъ быть оправдано никакими соображеніями; наоборотъ, тотъ фактъ, что наши рабочіе плохо освѣдомлены о своихъ правахъ, что несчастные случаи сплошь и рядомъ порождаютъ длящіяся заболѣванія, удаляющія моментъ выздоровленія на многіе мѣсяцы, давалъ бы право ожидать для рабочихъ не только не сокращенной, но удлиненной давности, особенно въ виду обширности нашей территоріи и значительнаго распространенія отхожихъ промысловъ. Составители законопроектовъ полагали, что сохраненіе общаго давностнаго срока (10-лѣтняго) чрезвычайно затруднило бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ возстановленіе на судѣ во всѣхъ подробностяхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ несчастный случай, но едва ли это соображеніе было правильнымъ: почему, въ такомъ случаѣ, въ нашемъ общемъ законодательствѣ не примѣняются такіе же сокращенные давностные сроки для такихъ дѣяній, какъ убійство, относительно котораго возстановленіе на судѣ всѣхъ подробностей является, пожалуй, еще болѣе затруднительнымъ? Вѣдь при изслѣдованіи несчастныхъ случаевъ всегда почти имѣются на лицо объективныя данныя въ видѣ извѣстнаго техническаго устройства предпріятія.

Съ изданіемъ законовъ о спеціальной отвѣтственности предпринимателей, построенныхъ на принципѣ профессіональнаго риска, самымъ кореннымъ образомъ измѣнилась роль суда. Разъ не надо доказывать чьей либо вины, а достаточно одного подтвержденія факта несчастія, судебный процессъ становится излишнимъ; мѣсто суда можетъ замѣнить и другое учрежденіе, лишь бы оно было компетентно и приспособлено къ рѣшенію тѣхъ немногихъ вопросовъ, которыхъ неизбѣжно придется коснуться при выясненіи правъ потерпѣвшаго. Такъ и поступили многія европейскія государства. Новымъ закономъ 2-го іюня также установленъ новый порядокъ осуществленія потерпѣвшими своихъ правъ; но, къ сожалѣнію, порядокъ этотъ вызываетъ рядъ очень серьезныхъ сомнѣній. Потерпѣвшимъ предоставляется двоякаго рода возможность: или обратиться къ суду, или заключить съ предпринимателемъ соглашеніе о видѣ и размѣрѣ причитающагося имъ вознагрженія, свидѣтельствуемое фабричнымъ инспекторомъ (или окружнымъ инженеромъ). Первый способъ,

по идеѣ законодателя, является какъ бы исключеніемъ; нормальнымъ же признается свидѣтельствованіе соглашенія у фабричной (горной) инспекціи, которая провѣряетъ его со стороны соотвѣтствія съ закономъ и отказываетъ въ засвидѣтельствованіи соглашенія, если признаетъ его явно, и существенно нарушающимъ настоящія правила. Если добровольнаго соглашенія между сторонами не послѣдуетъ, то по обращенію одной изъ нихъ къ фабричному инспектору, тотъ разъясняетъ имъ права и обязанности согласно требованіямъ закона и условіямъ настоящаго случая и такимъ образомъ пытается достигнуть соглашенія; если и тутъ соглашенія не послѣдуетъ, или инспекція откажетъ въ засвидѣтельствованіи, потерпѣвшему предоставляется искать судомъ. Чтобы склонить стороны къ нормальному разрѣшенію спора, въ законѣ установлены извѣстныя невыгоды для владѣльца предпріятія, который вздумалъ бы не свидѣтельствовать соглашенія у инспекціи (ст. 38), и для потерпѣвшихъ въ случаѣ предъявленія ими иска помимо предварительнаго обращенія къ инспекціи (ст. 40). Разъ инспекторъ найдетъ соглашеніе отвѣчающимъ требованіямъ закона и засвидѣтельствуетъ его, соглашеніе признается равносильнымъ мировой сдѣлкѣ, заключенной на судѣ, и такъ какъ (по ст. 1366 Уст. Гр. Суд.) дѣло, прекращенное такой сдѣлкой, „почитается *навсегда оконченнымъ*, и какъ тяжущіеся, такъ и наслѣдники ихъ не могутъ возобновить сего дѣла“, то ясно, какое огромное юридическое значеніе имѣетъ актъ свидѣтельствованія инспекціей. Засвидѣтельствованное соглашеніе предоставляетъ увѣчнымъ очень важную привилегію; въ виду возможности уклоненія предпринимателей отъ уплаты увѣчнымъ выговореннаго сдѣлкой вознагражденія и необходимости въ такомъ случаѣ обращенія къ суду, законъ для огражденія интересовъ увѣчныхъ допустилъ принудительное исполненіе по засвидѣтельствованнымъ инспекціей актамъ, правда въ ограниченномъ размѣрѣ —лишь при требованіяхъ до 300 рублей и при посредствѣ однихъ лишь земскихъ начальниковъ и городскихъ судей (но не мировыхъ судей и уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ). Съ другой стороны, закономъ предоставлены извѣстныя льготы увѣчнымъ и въ случаѣ обращенія ихъ къ суду: дѣла о вознагражденіи увѣчныхъ производятся въ порядкѣ сокращеннаго судопроизводства, по

искамъ допускается предварительное исполненіе судебныхъ рѣшеній безъ истребованія отъ потерпѣвшихъ обезпеченія, потерпѣвшіе пользуются правомъ бѣдности безъ признанія за ними сего права судомъ.

Итакъ, центральной фигурой всего этого порядка является фабричный (или горный) инспекторъ. Но пригодна ли инспекція для той важной роли, которая ей поручена? Прежде всего возникаетъ сомнѣніе, какимъ образомъ фабричные инспектора, заваленные массой работы, справятся съ новой и многотрудной обязанностью. Если вспомнить, что производимая небольшимъ штатомъ 214 участковыхъ инспекторовъ работа измѣряется во всемъ, что относится къ ихъ обязанностямъ, десятками тысячъ (котловъ, посѣщеній, разобранныхъ жалобъ, засвидѣтельствованныхъ документовъ, обнаруженныхъ правонарушеній и т. д.), то невольно должно явиться опасеніе, что фабричная инспекція не сможетъ отнестись къ новой своей функціи съ той внимательностью, которая здѣсь безусловно необходима. Вѣдь при 25,000 несчастныхъ случаевъ или, вѣрнѣе, при 75—100,000 случаяхъ, каждому инспектору придется разобрать не десятки, а сотни соглашеній, въ отдѣльныхъ же, наиболѣе развитыхъ, промышленныхъ районахъ—еще больше, между тѣмъ всякая невнимательность, при неизбѣжной спѣшности работы, должна тяжело отозваться на матеріальной судьбѣ увѣчныхъ. Конечно, изъ подобнаго положенія есть выходъ—необходимо увеличить число фабричныхъ инспекторовъ; но пока этого нѣтъ, рабочіе слишкомъ реально будутъ чувствовать на себѣ всю тяжесть создаваемаго новымъ закономъ порядка. Допустимъ, однако, что штатъ инспекціи будетъ приноровленъ къ числу увѣчныхъ, но и тогда останется одно очень серьезное возраженіе. Засвидѣтельствованное инспекціей соглашеніе навсегда оканчиваетъ дѣло о вознагражденіи. Ясно, что, предоставляя дѣйствіямъ инспекціи такую огромную юридическую силу, законъ долженъ былъ бы представить потерпѣвшимъ извѣстныя гарантіи въ томъ, что инспекція дѣйствительно отнесется къ своему дѣлу съ полнымъ знаніемъ и безпристрастіемъ, что засвидѣтельствованіе инспекціей не отвѣчающаго обстоятельствамъ даннаго случая соглашенія будетъ по требованію увѣчныхъ вновь пересмотрѣно или обжаловано въ опредѣленномъ порядкѣ. Къ несчастью, ника-

кихъ гарантій законъ не далъ увѣчнымъ. Во второмъ случаѣ то или иное рѣшеніе вопроса не представляло бы никакихъ затрудненій—это дѣло чисто техническое, но въ первомъ законъ и не могъ бы дать никакой гарантій. Дѣйствительно, вопросъ вѣдь сводится къ тому, какія основанія были предполагать, что фабричная инспекція болѣе всѣхъ другихъ органовъ или учрежденій окажется способной, даже если бы у ней была полная къ тому физическая возможность, къ выполненію судебно-нотаріальной функціи, осуществляемой, при томъ, безапелляціонно?[1]). Если держаться точки зрѣнія г. Литвинова-Фалинскаго, что „обращеніе къ столь авторитетному, въ разрѣшеніи различнаго рода споровъ между нанимателями и рабочими, посреднику, какимъ является фабричный инспекторъ, вполнѣ можетъ отвѣчать интересамъ каждой изъ сторонъ“ [2]), тогда, конечно, не приходилось бы ставить и вопроса. Но едва ли удовлетворитъ кого-нибудь подобное вульгарное и лишенное всякой доказательности утвержденіе. Исторія института фабричной инспекціи въ Россіи даетъ право къ совершенно обратнымъ заключеніямъ. Не новая мысль о томъ, что „все наше фабричное законодательство вызывалось главнѣйшимъ образомъ интересами сохраненія общественнаго порядка“,[3]) какъ нельзя лучше подтверждается и на всемъ развитіи правомочій института фабричныхъ инспекторовъ. Пока фабричная инспекція была подчинена одному лишь министерству финансовъ, отъ нея почти исключительно требовался надзоръ за исполненіемъ фабричныхъ законовъ, и хотя одностороннее покровительство интересамъ капитала, проводившееся во всей политикѣ министерства финансовъ, неизбѣжно должно было отразиться и на характерѣ дѣятельности чиновъ инспекціи, но все же подобное направленіе умѣрялось личными качествами фабричныхъ инспекторовъ перваго призыва и публичностью ихъ дѣятельности. Но по мѣрѣ того, какъ агитація предпринимателей противъ инспекціи приводила къ та-

---

[1]) Законъ не исключаетъ возможности оспаривать мировое соглашеніе (слѣдовательно, и актъ, засвидѣтельствованный инспекціей), но лишь на указанныхъ въ законѣ основаніяхъ: за отсутствіемъ свободной воли одной изъ сторонъ, за противозаконностью цѣли сдѣлки и т. д.

[2]) Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ, Спб. 1903, стр. 49.

[3]) *М. Александровъ.* Фабричная инспекція въ Россіи. *Промышл. и Здоровье*, 1903, кн. 8, стр. 8.

кимъ важнымъ результатамъ, какъ прекращеніе публичности отчетовъ [1]), а функціи фабричныхъ инспекторовъ усложнялись совершенно посторонними ихъ назначенію обязанностями, институтъ фабричныхъ инспекторовъ сталъ рѣшительно мѣнять свою физіономію. Что бы ни говорили,—фактъ возбужденія инспекціей преслѣдованія противъ предпринимателей по 920 протоколамъ при... 31438 правонарушеніяхъ (1901 г.) съ достаточной опредѣленностью свидѣтельствуетъ о новѣйшей тенденціи въ жизни фабричнаго надзора. Съ другой стороны, основной характеръ дѣятельности долженъ былъ измѣниться параллельно все усиливавшейся зависимости фабричныхъ инспекторовъ отъ другихъ вѣдомствъ, завершившейся высочайшимъ повелѣніемъ 30 мая 1903 „о порядкѣ и предѣлахъ подчиненія чиновъ фабричной инспекціи начальникамъ губерніи и о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ во внутренней организаціи ея". Отнынѣ фабричные инспектора, находясь въ вѣдѣніи министерства финансовъ, „дѣйствуютъ подъ руководствомъ губернатора (градоначальника, оберъ-полицеймейстера)", которымъ предоставляется даже право „требовать отъ чиновъ фабричной инспекціи представленія очередныхъ и срочныхъ докладовъ по дѣламъ инспекціи", а „въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ отмѣнять противорѣчащія закону и интересамъ общественнаго порядка распоряженія чиновъ фабричной инспекціи" (ст. 5). Такимъ образомъ, фабричная инспекція была низведена на степень подчиненной губернскому начальству полицейской власти; законъ окончательно закрѣпилъ за ней то положеніе, которое намѣчалось уже въ наказѣ чинамъ инспекціи 11 февраля 1900 г. (на губернскомъ начальствѣ лежитъ общій надзоръ за распорядкомъ на фабрикахъ и заводахъ, осуществляемый при содѣйствіи фабричныхъ присутствій, чиновъ фабричной инспекціи и полиціи). Спрашивается теперь, можно-ли не опасаться, что сведенные къ роли чиновъ полиціи фабричные инспектора окажутся не подходящими для той серьезной и отвѣтственной функціи, къ которой они при-

[1]) Съ появленіемъ „Свода отчетовъ" дѣло не измѣнилось: сводныя сухія цифры ничего не говорятъ; только отчеты отдѣльныхъ инспекторовъ могли бы разъяснить истинную роль фабричной инспекціи, степень примѣненія предпринимателями закона и т. д.; только такіе отчеты могли бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывать давленіе на дѣйствія предпринимателей и инспекціи.

званы закономъ 2-го іюня? Техническія свѣдѣнія, которыми обладаютъ многіе изъ инспекторовъ, имѣютъ, конечно, значеніе для нѣкоторыхъ сторонъ ихъ дѣятельности, но они не могутъ замѣнить собой тѣхъ данныхъ, безъ которыхъ нельзя и представить себѣ фабричнаго инспектора въ роли вершителей права по дѣламъ объ увѣчьяхъ. Для правильнаго разрѣшенія этой новой задачи безусловно необходима извѣстная юридическая опытность, потому что новый законъ своими многочисленными, то явно выраженными, то молчаливо подразумѣваемыми, ограниченіями идеи профессіональнаго риска ставитъ фабричныхъ инспекторовъ въ необходимость, чуть ли не на каждомъ шагу, примѣнять юридическую интерпретацію. Самый принципъ опредѣленія правъ увѣчныхъ волей единоличнаго административнаго органа не даетъ никакихъ гарантій въ правомѣрности его дѣйствій; закономъ создается какъ бы новый видъ земскихъ начальниковъ со смѣшеніемъ административныхъ и судебныхъ функцій, но безъ отвѣтственности за неправильныя рѣшенія. Для правильной постановки вопроса необходимо было бы создать такія формы, при наличности которыхъ не возникало бы нынѣ основательныхъ опасеній, что фабричная инспекція склонна будетъ снисходительно относиться къ интересамъ предпринимателей. Съ этой цѣлью слѣдовало бы создать извѣстное представительство отъ предпринимателей и рабочихъ, и тогда, можно быть увѣреннымъ, дѣятельность административнаго учрежденія получила бы совершенно иное направленіе. Такъ, напр., поступили въ Даніи. Рѣшеніе всѣхъ притязаній увѣчныхъ подлежитъ, на основаніи закона объ отвѣтственности предпринимателей, особому совѣту (Arbeiterversicherungs-Rat), который состоитъ изъ трехъ назначаемыхъ королевской властью членовъ (изъ нихъ одинъ долженъ быть врачемъ), *двухъ представителей отъ работодателей и двухъ отъ рабочихъ.* Совѣту подлежитъ не свидѣтельствованіе соглашеній между предпринимателемъ и рабочимъ, въ которомъ уже должно сказаться извѣстное преобладаніе перваго, а рѣшеніе вопроса о правѣ увѣчнаго, возбуждаемаго при томъ даже не по иниціативѣ послѣдняго: предприниматель обязанъ увѣдомить совѣтъ о происшедшемъ у него несчастіи, и все дальнѣйшее производство уже течетъ независимо отъ воли той или другой стороны. Такая постановка

вопроса и такой составъ „совѣта“ исключаютъ всѣ тѣ опасенія, которыя неизбѣжны при передачѣ функцій судьи фабричному инспектору. Законъ 2-го іюня не представляетъ даже гарантій, что основной для выясненія права документъ—протоколъ о несчастномъ случаѣ—не будетъ составленъ во вредъ рабочему, тогда какъ по Временнымъ Правиламъ 1901 года протоколъ (или какъ онъ зовется въ правилахъ—дознаніе) составляется при участіи не только полицейской власти и представителя отъ заводоуправленія, но и члена горнозаводскаго попечительнаго приказа, т. е. рабочаго.

Не выдерживаетъ никакого сравненія установленный нашимъ закономъ порядокъ и съ тѣми, которые приняты въ другихъ странахъ, введшихъ у себя законы объ отвѣтственности предпринимателей. Во Франціи, напр., искъ о вознагражденіи возбуждается администраціей, и въ теченіе 5 дней со дня полученія документовъ объ увѣчьѣ разсматривается предсѣдателемъ гражданскаго суда, который выступаетъ въ роли разъяснителя закона и склоняетъ стороны къ соглашенію; иначе дѣло черезъ очень короткій срокъ разсматривается судомъ въ упрощенномъ порядкѣ; въ теченіе двухъ недѣль рѣшеніе можетъ быть обжаловано. Въ Англіи дѣла о вознагражденіи рѣшаются третейскимъ судомъ черезъ избираемыхъ сторонами—посредниковъ или судьею графства. Такимъ образомъ, въ каждомъ изъ этихъ трехъ государствъ, созданы извѣстныя гарантіи въ томъ, что интересы обѣихъ сторонъ будутъ одинаково представлены, что рѣшеніе будетъ постановлено лицомъ или учрежденіемъ независимымъ, близко знакомымъ съ правомъ, что неправильное рѣшеніе, гдѣ оно постановляется единолично, можетъ быть отмѣнено. При такихъ условіяхъ становится очевиднымъ, какимъ огромнымъ недостаткомъ страдаетъ нашъ законъ, какой серьезной опасностью угрожаетъ онъ правосудію, облечивъ единоличную административную власть безапелляціонными судебными полномочіями и остановивъ свой выборъ на такомъ органѣ, вся дѣятельность котораго исключаетъ возможность безпристрастнаго отношенія къ порученному дѣлу. Единственное достоинство новаго порядка—введеніе сокращеннаго судебнаго производства для дѣлъ объ увѣчьяхъ—не связано съ новой функціей фабричной инспекціи и могло бы имѣть мѣсто и при всякой другой организаціи.

Всякій законъ имѣетъ цѣну лишь постольку, поскольку имъ достигается конечная его цѣль. Къ сожалѣнію, правила 2-го іюня, не давая гарантій, что права увѣчныхъ будутъ опредѣлены въ точномъ согласіи съ закономъ, не представляютъ увѣчнымъ никакого обезпеченія и въ томъ, что они получатъ причитающееся имъ вознагражденіе. Въ этомъ заключается самая слабая сторона закона. Законъ возлагаетъ матеріальную отвѣтственность на владѣльцевъ предпріятія, въ которомъ произошло несчастіе; слѣдовательно, все будущее несчастныхъ калѣкъ зависитъ отъ матеріальнаго благополучія предпринимателя, и если въ его дѣлахъ произойдетъ крахъ, всѣ права увѣчныхъ мигомъ превратятся въ пустой звукъ. Если владѣлецъ предпріятія состоятеленъ, то и въ этомъ случаѣ право увѣчныхъ зависитъ отъ доброй его воли; сколько мытарствъ придется пережить имъ, прежде чѣмъ они получатъ свою пенсію! Чтобы понудить владѣльца къ платежу, въ законѣ установлена одна только карательная мѣра—пеня въ размѣрѣ. . . . 1% въ мѣсяцъ, и только при шестимѣсячной просрочкѣ онъ обязуется обезпечить платежи страхованіемъ. Но какими мѣрами можно понудить предпринимателя къ страховкѣ—объ этомъ въ законѣ нѣтъ никакихъ указаній, потому что... его и нельзя понудить. Въ одной изъ болѣе раннихъ редакцій закона, при неисполненіи предпринимателемъ этой обязанности, фабричный инспекторъ входилъ въ судъ съ прошеніемъ объ объявленіи владѣльца несостоятельнымъ должникомъ; при такой угрозѣ можно быть увѣреннымъ, что предприниматели дѣйствительно выполнили бы свое обязательство, но теперь, за неимѣніемъ въ законѣ какой бы то ни было карательной статьи, исполненіе требованій закона предоставлено доброй волѣ каждаго владѣльца, его порядочности и совѣстливости. Ровно никакого значенія по тѣмъ же основаніямъ не имѣетъ и обязательство страхованія въ случаѣ добровольнаго закрытія предпріятія. Такъ какъ обязанность по вознагражденію увѣчныхъ составляетъ чисто личное, а не вещное право, то и при продажѣ предпріятія другому лицу всѣмъ увѣчнымъ, имѣющимъ требованія къ предпринимателю, грозитъ опасность умереть съ голоду: законъ говоритъ, что при добровольномъ отчужденіи предпріятія обязательства „могутъ быть возложены на новаго владѣльца“, если же такого соглашенія о пере-

ходѣ обязательствъ нѣтъ, то владѣлецъ обязанъ застраховать увѣчныхъ или, вѣрнѣе,—такъ какъ законъ нашъ не грозитъ, подобно итальянскому, штрафомъ въ 4.000 лиръ за нестрахованіе рабочихъ,—ничего не обязанъ сдѣлать. Надо ли говорить, что, въ случаѣ несостоятельности предпріятія, всѣ заботы законодателя, выражающіяся въ причисленіи требованій увѣчныхъ къ долгамъ перваго разряда, не могутъ имѣть почти никакого практическаго значенія. Такимъ образомъ, ни въ одномъ случаѣ законъ, въ сущности, не обезпечиваетъ за потерпѣвшими реальнаго вознагражденія: все оно въ правахъ, льготахъ,—словомъ, въ одной лишь мечтѣ. Не трудно, конечно, понять, что подобнаго рода отношеніе къ нуждамъ увѣчныхъ могло возникнуть только при неумѣренномъ покровительствѣ интересамъ капитала. Необезпеченность увѣчныхъ неизбѣжно связана съ принципомъ индивидуальной отвѣтственности, и если ужъ рѣшено было отдать ему предпочтеніе передъ другими, необходимо было обставить этотъ принципъ извѣстными гарантіями въ пользу потерпѣвшихъ. Практика европейскихъ государствъ показываетъ, что нежелательныя послѣдствія индивидуальной отвѣтственности могутъ быть въ значительной степени обезврежены. Чтобъ обезпечить увѣчныхъ отъ нищеты и горя, стоило только послѣдовать примѣру Италіи или Франціи. Въ Италіи законодатель постановилъ, что предприниматели обязаны застраховать своихъ рабочихъ отъ всѣхъ предусмотренныхъ въ законѣ несчастныхъ случаевъ, предоставляя имъ произвести страхованіе въ любомъ изъ учрежденій—въ коммерческихъ, или страховыхъ обществахъ, или въ національной страховой кассѣ, въ фабрично-заводской кассѣ или въ обществахъ взаимнаго страхованія; отвѣтственнымъ остается отдѣльный предприниматель, но онъ безусловно обязанъ перенести свой рискъ на страховое учрежденіе. Еще оригинальнѣе разрѣшила задачу Франція: не признавъ возможнымъ обязательное страхованіе, законъ создалъ особаго рода государственную гарантію въ видѣ спеціальнаго фонда (fonds Spécial de garantie), образуемаго изъ поступленій добавочнаго налога въ 4 сантима со всѣхъ промышленныхъ предпріятій (т. е. 4% надбавки къ патентному сбору) и въ 5 сантимовъ съ гектара горной разработки; если несчастный случай влечетъ за собою смерть

или постоянную потерю трудоспособности, то вознагражденіе потерпѣвшимъ уплачивается изъ фонда гарантіи „національной рентной кассы на случай старости“; касса эта взыскиваетъ потомъ съ отдѣльнаго предпринимателя или страхового учрежденія, въ которомъ были застрахованы потерпѣвшіе. И у насъ, слѣдовательно, было возможно создать извѣстное обезпеченіе увѣчнымъ, и если это не сдѣлано, то объ этомъ можно только глубоко пожалѣть. Защитники новаго закона, конечно, ссылаются на добровольное страхованіе рабочихъ, какъ на неизбѣжное послѣдствіе, но вѣдь и во Франціи подобное страхованіе было широко распространено, и законодатель, тѣмъ не менѣе, не счелъ возможнымъ обойтись безъ серьезнаго къ нему корректива.

Но законодатель не счелъ возможнымъ даже эти ограниченныя, по своему содержанію и практическому значенію, нормы примѣнить ко всѣмъ категоріямъ рабочихъ. Уже изъ самаго названія закона слѣдуетъ, что сфера его примѣненія ограничивается фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленностью. Сопоставляя высочайше утвержденное 2-го іюня 1903 г. мнѣніе государственнаго совѣта съ законопроектами, нетрудно замѣтить, что внѣ дѣйствія новыхъ правилъ остались заведенія ремесленной, строительной, сельскохозяйственной промышленности, мастерскія и иныя промышленныя заведенія частныхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій и, наконецъ, предпріятія казенныхъ управленій. Поскольку рѣчь идетъ о послѣднихъ, нельзя особенно жалѣть объ изъятіи ихъ изъ сферы дѣйствія новаго закона. Для казенныхъ горнорабочихъ, какъ мы знаемъ, изданы образцовыя Временныя правила 1901 года; что же касается рабочихъ остальныхъ вѣдомствъ, то хотя къ нимъ и можетъ быть примѣненъ законъ 2-го іюня [1]), но послѣдуетъ ли это въ дѣйствительности, сказать съ увѣренностью нельзя: насколько можно судить по оффиціальнымъ матеріаламъ, соотвѣтствующія министерства находили для себя болѣе подходящимъ примѣненіе временныхъ правилъ, а не

[1]) Согласно п. XVI Выс. утв. 2-го іюня 1903 г. мнѣнія госуд. совѣта положено „поручить подлежащимъ министрамъ и главноуправляющимъ войти въ госуд. совѣтъ въ теченіе года со дня введенія въ дѣйствіе настоящаго узаконенія съ представленіями о распространеніи правилъ на предпріятія казенныхъ управленій, а равно на мастерскія и иныя промышленныя заведенія частныхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій.

закона 2-го іюня. Въ такомъ именно смыслѣ въ свое время высказывались министерства Двора и Удѣловъ, военное, морское (послѣднее—по особымъ основаніямъ), и надо думать, что для рабочихъ этихъ вѣдомствъ рано или поздно будутъ примѣнены Временныя правила 1901 г. Совсѣмъ иное соціально-политическое значеніе имѣетъ это изъятіе для многочисленныхъ отраслей частной промышленности: по отношенію къ нимъ, очевидно, не рѣшились примѣнить законъ 2-го іюня, изъ опасенія непосильныхъ для промышленности жертвъ. Хотя закону 2-го іюня очень далеко до идеала, но все же онъ совершеннѣе того „общаго основанія законовъ гражданскихъ“, на которомъ должны обосновывать свои притязанія всѣ эти сотни тысячъ рабочихъ, оставшихся теперь за бортомъ. Почему были допущены такія широкія исключенія, мы этого не знаемъ. Фактъ тотъ, что даже въ проектѣ 1901 года ремесленная промышленность ставилась на ряду съ фабрично-заводской. Министерство финансовъ съ большой убѣдительностью доказывало, въ опроверженіе опасеній относительно обременительности для заведеній ремесленныхъ требованій новаго закона, что послѣднія и въ настоящее время несутъ отвѣтственность передъ потерпѣвшими рабочими на общемъ основаніи гражданскихъ законовъ, и потому, въ данномъ случаѣ, дѣло сводилось бы лишь къ замѣнѣ однихъ обязательствъ другими, въ спеціальномъ законѣ указанными; хотя новымъ порядкомъ расширяются случаи отвѣтственности, но зато „значительно“ ослабляется высота вознагражденій; къ тому же, несчастные случаи въ ремесленныхъ заведеніяхъ „чрезвычайно рѣдки“. Все это было безусловно вѣрно, и... тѣмъ не менѣе, интересы капитала снова одержали верхъ надъ интересами потерпѣвшихъ рабочихъ. Между тѣмъ, исключеніе ремесленныхъ рабочихъ имѣетъ важное значеніе, потому что установленныя главнымъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіемъ нормы для разграниченія фабричной (подчиненной надзору инспекціи) отъ нефабричной, ремесленной промышленности позволяютъ относить къ первой лишь тѣ заведенія, у которыхъ имѣется не менѣе 20 рабочихъ. Всѣ остальныя заведенія подойдутъ подъ понятіе ремесленной промышленности, и, слѣдовательно, десятки, если не сотни тысячъ рабочихъ

останутся при прежнемъ правовомъ порядкѣ [1]). Строительные рабочіе исключались изъ круга дѣйствія новыхъ правилъ уже въ проектѣ 1901 г., хотя многочисленныя катастрофы, происходящія въ большихъ городахъ при постройкѣ многоэтажныхъ зданій и убивающія однимъ ударомъ десятки неповинныхъ въ алчности строителей жертвъ, требовали бы самой рѣшительной защиты интересовъ строительныхъ рабочихъ. И куда бы мы ни обратились—къ Франціи, Италіи или Швейцаріи (не гороря уже объ Австріи и Германіи съ ихъ обязательнымъ страхованіемъ),—всюду мы найдемъ въ законахъ объ отвѣтственности и въ строительныхъ промыслахъ. Къ мастерскимъ частныхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ компаній, вѣроятно, вскорѣ будутъ примѣнены правила закона 2-го іюня (см. прим. 1); но за то огромная масса рабочихъ въ сельско-хозяйственной промышленности абсолютно исключена изъ сферы дѣйствія новаго закона. Трудно понять, почему законодатель выдѣлилъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ особое положеніе. Жизнь показываетъ, что число несчастныхъ случаевъ съ рабочими, занятыми при сельско-хозяйственныхъ машинахъ, изъ года въ годъ возрастаетъ. Во многихъ мѣстахъ земствами собранъ богатый матеріалъ, иллюстрирующій степень распространенія увѣчій въ сельскомъ быту. Министерство земледѣлія издало для подвѣдомственныхъ ему учрежденій обязательное постановленіе по огражденію рабочихъ при работахъ на сельско-хозяйственныхъ машинахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вошло въ сношеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о предоставленіи земскимъ учрежденіямъ права издавать подобныя обязательныя постановленія. Обычное представленіе о земледѣліи, какъ наименѣе опасномъ производствѣ, объясняющееся только тѣмъ, что сельско-хозяйственныя предпріятія не сосредоточиваютъ значительныхъ рабочихъ массъ и

---

[1]) По инструкціи, изданной къ примѣненію новаго закона, органы надзора составляютъ списки заведеній, на которыхъ распространяются правила 2-го іюня. Но „ремесленныя заведенія, подчиненныя надзору фабричной инспекціи, въ означенные списки не вносятся“. Такимъ образомъ ремесленныя заведенія, даже подчиненныя надзору инспекціи, не подлежатъ дѣйствію новыхъ правилъ объ отвѣтственности предпринимателей. Чтобы судить о томъ, какое огромное значеніе имѣетъ это постановленіе инструкціи, достаточно вспомнить слѣдующія цифры: изъ 18.279 заведеній, подчиненныхъ фабричной инспекціи, 7.224 занимали работой менѣе 20 рабочихъ каждое. Слѣдовательно, на всѣ эти 7.224 заведенія не распространяется законъ 2-го іюня!

удалены другъ отъ друга на большія разстоянія, въ дѣйствительности оказалось ложнымъ, какъ только были собраны точныя статистическія данныя. Въ Германіи и Австріи многіе высказывались противъ страхованія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на томъ именно основаніи, будто эта категорія тружениковъ рѣдко подвергается несчастнымъ случаямъ, и когда, тѣмъ не менѣе, страхованіе распространилось и на нихъ, то вскорѣ же пришлось убѣдиться въ недостаточности первоначально назначенныхъ страховыхъ ставокъ и въ необходимости значительнаго ихъ повышенія. Въ 1899 г., по даннымъ германской статистики, на 1.000 застрахованыхъ въ промышленности приходилось 7,39 вознагражденныхъ несчастныхъ случаевъ, а въ сельскомъ хозяйствѣ—4,58; въ томъ числѣ смертныхъ случаевъ въ промышленности (на 1.000 застрахованныхъ)—0,72 и въ сельскомъ хозяйствѣ—0,23. Изъ этихъ данныхъ видно, что сельское хозяйство далеко не представляетъ для рабочихъ той степени безопасности, которая позволяла бы относиться совершенно безразлично къ вопросу объ обезпеченіи увѣчныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Но приведенныя цифры относятся къ сельскому хозяйству въ тѣсномъ смыслѣ, въ „сельско-хозяйственной же промышленности“, которая въ значительной своей части включена въ Германіи въ группу промышленности, процентъ несчастныхъ случаевъ значительно выше: такъ мукомольное производство занимало въ Германіи, по даннымъ 1897 года, второе мѣсто по числу несчастій. Между тѣмъ, у насъ значительная группа такъ назыв. предпріятій сельско-хозяйственной промышленности абсолютно исключена изъ сферы дѣйствія новаго закона. Къ такимъ предпріятіямъ отнесены сельско-хозяйственныя заведенія, „находящіяся внѣ городскихъ поселеній, въ предѣлахъ собственныхъ или арендуемыхъ имѣній и земель и служащія для переработки продуктовъ собственнаго и частью мѣстнаго сельскаго или собственнаго лѣсного хозяйства“, — заводы кирпичные, черепичные, гончарные, известе-обжигательные, крахмальные, смолокуренные, маслодѣльни, сыроварни и т. п. съ числомъ наемныхъ рабочихъ не свыше двадцати, хотя бы они и употребляли механическіе двигатели; лѣсопильни, имѣющія не болѣе одного рамнаго станка, мельницы—водяныя, вѣтряныя и приводимыя

въ движеніе механическими двигателями, имѣющія не болѣе четырехъ жерновыхъ поставовъ или одного вальцоваго, сукновальни, шерсточесальныя машины (не болѣе одного постава), маслобойни (не свыше 10 рабочихъ или 3 ручныхъ прессовъ), предпріятія сельско-хозяйственнаго винокуренія и некоторыя другія. Словомъ, огромное число рабочихъ въ сельско-хозяйственныхъ предпріятіяхъ съ несомнѣннымъ промышленнымъ характеромъ, не говоря уже о рабочихъ при сельско-хозяйственныхъ машинахъ, остались внѣ дѣйствія закона 2-го іюня. Результатъ этотъ не покажется неожиданнымъ, если вспомнить, какое приниженное юридическое состояніе создано въ Россіи сельско-хозяйственнымъ рабочимъ Положеніемъ о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы. Освобождая владѣльцевъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій отъ спеціальной отвѣтственности, законодатель, очевидно, руководился тѣми же соображеніями, въ силу которыхъ въ свое время счелъ нужнымъ освободить ихъ и отъ платежа государственнаго промысловаго налога.

V.

Таковъ законъ 2-го іюня 1903 года. Съ какой бы стороны мы ни подошли къ нему—со стороны ли объема отвѣтственности предпринимателей, сферы примѣненія новыхъ правилъ, размѣровъ вознагражденія или способа обезпеченія потерпѣвшихъ,—мы должны будемъ признать его неудовлетворительнымъ. Не нужно удаляться въ глубь теоретическихъ разсужденій или въ область западноевропейской практики: достаточно сравнить законъ 2-го іюня въ Временными правилами 15-го мая [1]), чтобы воочію убѣдиться въ многочисленныхъ дефектахъ, какъ основного его принципа, такъ и деталей. Не давая потерпѣвшимъ сколько-нибудь прочныхъ гарантій въ томъ, что они дѣйствительно получатъ даже то скромное вознагражденіе, которое имъ полагается, законъ въ то же время оставилъ для сотенъ тысячъ рабочихъ

[1]) По поводу Временныхъ правилъ 15-го мая „Извѣстія министерства земледѣлія“ писали: „Вполнѣ естественно, что тѣ же начала признаются отнынѣ желательными и для заводовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Въ этомъ законѣ, несомнѣнно, слѣдуетъ видѣть тѣ вѣхи, по коимъ суждено итти нашему будущему законодательству“ (№ 33, 1901, стр. 651).

старый порядокъ, со всѣми его еще болѣе значительными недостатками. Неудовлетворительность закона 2-го іюня должна быть ясна всякому, хотя бы изъ сравненія его съ первоначальной редакціей законопроекта 1893 г. Надо быть оптимистомъ ex officio, въ родѣ г. Литвинова-Фалинскаго [1]), чтобы отважно (въ 1902 году) заявлять—„продолжительная разработка способствовала совершенству законопроекта“, или невѣжественнымъ и заинтересованнымъ въ дѣятельности страховыхъ обществъ человѣкомъ, чтобы радоваться закону, находить, что „все имъ предусмотрѣно“, что нѣтъ почти обстоятельствъ, „при которыхъ потерпѣвшіе могли бы лишиться опредѣленнаго имъ вознагражденія“, и горевать только объ одномъ, какъ бы „законъ не послужилъ поводомъ къ... нравственной порчѣ широкой массы народа“ [2]). Еще болѣе легкомысленно заявлять, что „на примѣрно такихъ же началахъ“ [3]), что и законъ 2-го іюня, построены Временныя правила 15-го мая; „примѣрность“ эта такъ же далека отъ истины, какъ далеко закону 2-го іюня до германскаго закона объ обязательномъ страхованіи.

Было бы, конечно, глубоко несправедливо не видѣть въ новомъ законѣ извѣстнаго прогресса въ сравненіи съ общимъ гражданскимъ правомъ, не признавать за нимъ значенія мѣры, до нѣкоторой степени благопріятной интересамъ рабочихъ. Скажемъ больше: еслибы законъ появился двадцать лѣтъ тому назадъ, мы должны были бы его привѣтствовать, какъ крупный актъ русскаго законодательства по рабочему вопросу. Но въ томъ-то и дѣло, что жизнь значительно опередила законъ и, отвѣчая на запросы времени, выработала такія формы обезпеченія увѣчныхъ, въ сравненіи съ

---

[1]) См. Литвиновъ-Фалинскій въ „Страховомъ Обозрѣніи“, 1902, кн. 9.

[2]) П. Гринбергъ, „Страховое Обозрѣніе“, 1902, кн. 10, стр. 591, 592.

[3]) *Литвиновъ-Фалинскій*. Новый законъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ, Спб. 1903, стр. 27. Кстати необходимо отмѣтить одну характерную особенность многочисленныхъ, но повторяющихъ другъ друга „трудовъ“ г. Литвинова-Фалинскаго: почти всѣ его „собственныя“ разсужденія представляютъ дословную перепечатку изъ оффиціальныхъ, но не опубликованныхъ матеріаловъ. Конечно, особенность эта придаетъ большую практическую цѣнность приводимой въ книгѣ мотивировкѣ, но вѣдь болѣе чѣмъ странно выдавать чужія разсужденія за свои, тѣмъ болѣе, что „разсужденія“ г. Литвинова имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они являются изложеніемъ мнѣнія законодателя. Не лучше ли было бы, еслибы г. Литвиновъ цитировалъ въ ковычкахъ оффиціалные матеріалы и не вводилъ бы тѣмъ въ заблужденіе читателей. Во всякомъ случаѣ, усвоенный г. Литвиновымъ пріемъ не можетъ быть названъ литературнымъ.

которыми многое въ новомъ законѣ покажется намъ и устарѣлымъ, и недостаточнымъ. Что сказали бы мы о законѣ, который санкціонировалъ бы 12-ти часовой рабочій день, когда на практикѣ уже установился 10-ти часовой? Что новаго дастъ законъ 2-го іюня тѣмъ рабочимъ, которые уже застрахованы въ обществахъ взаимнаго страхованія? Пока страхованіе не признано обязательнымъ, все значеніе закона 2-го іюня заключается только въ томъ, что онъ формулировалъ уже установившуюся въ жизни идею, ввелъ идею профессіональнаго риска, какъ основаніе отвѣтственности предпринимателей, опредѣлилъ права увѣчныхъ рабочихъ въ видѣ пенсіонныхъ (или единовременныхъ) платежей и тѣмъ поставилъ извѣстный предѣлъ торгамъ и обирательствамъ, практиковавшимся до сихъ поръ при каждомъ удобномъ случаѣ, упростилъ порядокъ назначенія вознагражденія и облегчилъ положеніе рабочаго-истца въ судѣ.

Но если несомнѣнны нѣкоторыя выгоды для рабочихъ, то также безспорны и нѣкоторыя „неудобства“ закона для предпринимателей. Если взять всю промышленность, какъ одно цѣлое, то общій итогъ матеріальныхъ жертвъ, возложенныхъ на нее съ введеніемъ новаго закона, фактически долженъ нѣсколько увеличиться. Теоретически, этого не должно бы быть: пусть число несчастныхъ случаевъ, вознаграждаемыхъ по правиламъ 2-го іюня, увеличилось въ сравненіи съ прежнимъ, но вѣдь размѣры вознагражденія значительно понизились, и еслибы число вознаграждаемыхъ случаевъ возросло на половину, то и тогда общій расходъ остался бы безъ измѣненій [1]). Но этотъ теоретическій разсчетъ былъ бы вѣренъ при одномъ лишь условіи—еслибы и прежде владѣльцы предпріятій, въ предѣлахъ требованій

---

[1]) Конечно, мы сдѣлали произвольное допущеніе: быть можетъ, число вознаграждаемыхъ по закону случаевъ увеличится въ значительно большей пропорціи, и тогда весь нашъ разсчетъ можетъ обернуться не въ пользу предпринимателей. Во всякомъ случаѣ моментъ этотъ наступитъ не раньше, чѣмъ число вознаграждаемыхъ увѣчій увеличится на половину. Дѣйствительно, если годовой заработокъ рабочаго—a, и число вознаграждаемыхъ увѣчій (возьмемъ для простоты несчастные случаи, оканчивающіеся смертью или полной инвалидностью)—b, то расходъ промышленности до введенія новаго закона будетъ равенъ ab; при вознагражденіи въ $^2/_3$ a общій расходъ ab будетъ достигнуть только при числѣ увѣчій $\frac{3}{2}$b ($^2/_3$ a.x=ab или $x=\frac{a:b}{\frac{3}{2}}=\frac{2a}{3}$, т. е. при ростѣ числа вознаграждаемыхъ увѣчій на половину.

гражданскаго права, уплачивали всѣмъ потерпѣвшимъ и въ полномъ размѣрѣ причиненныхъ увѣчьемъ убытковъ; но этого и не было. Пользуясь юридическимъ невѣжествомъ рабочаго, неопредѣленностью его правъ и матеріальной его безпомощностью, длительностью и дороговизной процесса, предприниматели и страховыя общества съ удобствомъ примѣняли всяческія средства къ тому, чтобы уменьшить число вознаграждаемыхъ несчастій и заставить потерпѣвшаго или его семью примириться съ тѣмъ, что дадутъ, и въ этомъ направленіи добились блестящихъ результатовъ. Теперь многое измѣнилось или, по крайней мѣрѣ, должно измѣниться. Ни предприниматели, ни страховыя общества не имѣютъ уже прежняго простора для примѣненія благовидныхъ своихъ операцій. Большая опредѣленность права и извѣстный контроль со стороны фабричной инспекціи должны будутъ повести къ тому, что число вознаграждаемыхъ несчастій и размѣры дѣйствительнаго вознагражденія станутъ ближе къ установленнымъ нынѣ правовымъ нормамъ, чѣмъ это было до сихъ поръ (требованія закона, какъ мы разъясняли выше, *полностью* и теперь не будутъ осуществлены), и въ конечномъ счетѣ потребуютъ отъ промышленности, взятой въ цѣломъ, нѣсколько большихъ расходовъ. По тѣмъ же соображеніямъ передъ владѣльцами предпріятій должна была возникнуть въ большей степени, чѣмъ прежде, необходимость обезпечить себя отъ неравномѣрныхъ, иногда значительныхъ расходовъ по вознагражденію увѣчныхъ (при массовыхъ, напр., катастрофахъ). Единственнымъ средствомъ къ избавленію себя отъ подобнаго риска является страхованіе, частное или взаимное. Но акціонерныя страховыя общества, пользуясь моментомъ, недостаточнымъ распространеніемъ у насъ взаимнаго страхованія, не замедлили значительно поднять тарифъ [1]).

---

[1]) Такимъ образомъ, у насъ повторилось буквально то же самое, что происходило въ свое время во Франціи наканунѣ введенія въ дѣйствіе закона 1898 года. Страховыя общества подъ предлогомъ расширенія отвѣтственности подняли страховую премію до 10, 11 и даже 15% заработной платы. Дороговизна частнаго страхованія заставила предпринимателей подумать о созданіи другихъ болѣе выгодныхъ для себя формъ, но такъ какъ къ осуществленію ихъ по разнымъ соображеніямъ они всетаки не приступали, а между тѣмъ опасность матеріальнаго риска отъ несчастныхъ случаевъ, въ особенности для мелкихъ предпринимателей, становилась болѣе чѣмъ вѣроятной, то предприниматели повели энергичную кампанію противъ закона и потребовали его пере-

Разумѣется, у страховыхъ обществъ были къ тому извѣстныя основанія: нельзя уже теперь выдавать потерпѣвшимъ произвольное вознагражденіе, какъ прежде, потому что, во-первыхъ, условія страхованія должны соотвѣтствовать требованіямъ закона, во-вторыхъ, заключаемыя страховыми обществами сдѣлки о вознагражденіи должны подлежать такому же свидѣтельствованію фабричныхъ инспекторовъ, какъ и соглашеніе между предпринимателемъ и потерпѣвшимъ. Какъ бы то ни было, повышеніе тарифа акціонерными компаніями заставило нѣкоторыхъ немедленно же приспособиться къ новому порядку и приступить къ учрежденію обществъ взаимнаго страхованія. Появились извѣстія о возникающихъ обществахъ въ Москвѣ (уже утвержденъ „Россійскій взаимный страховой союзъ“, распространяющій свои операціи на цѣлый рядъ губерній), въ Лодзи, въ Кіевѣ, Вильнѣ, Варшавѣ и другихъ городахъ.

Но наряду съ этимъ стало обнаруживаться и иное теченіе. Вмѣсто того, чтобы пойти навстрѣчу требованіямъ закона и въ той или иной формѣ обезпечить своихъ рабочихъ, промышленники нашли болѣе удобнымъ повалить самый законъ: въ промышленныхъ кругахъ открылась рѣшительная и энергичная кампанія противъ введенія въ дѣйствіе новыхъ правилъ съ 1 января 1904 г. Въ разныхъ мѣстахъ и подъ разными предлогами, съ энергіей, заслуживающей лучшаго примѣненія, предприниматели возбудили рядъ ходатайствъ объ отсрочкѣ на одинъ годъ новаго закона. Первымъ застрѣльщикомъ выступилъ съѣздъ металлозаводчиковъ сѣвернаго и прибалтійскаго районовъ, представившій министру финансовъ докладную записку съ ходатайствомъ „объ отдаленіи срока введенія означеннаго закона до 1-го января 1905 года, т. е. до того времени, пока всѣ подготовительныя мѣры будутъ приняты и урегулированы усиліями и стараніями правительственныхъ чиновъ и представителей промышленности“. За нимъ послѣдовало петербургское общество для содѣйствія улучшенію и развитію фабрично-заводской промышленности (не смѣшивать съ обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ!), просившее,

---

смотра или, по крайней мѣрѣ, отсрочки, мотивируя просьбы необходимостью подготовиться къ осуществленію страхованія. См. Zacher. Heft IVa. S.S. 19—20, 22.

кромѣ того, о созывѣ совѣщанія изъ представителей разныхъ промышленныхъ районовъ для обсужденія „порядка введенія закона 2-го іюня“, и, наконецъ, XXVIII съѣздъ горнопромышленниковъ юга Россіи. Комиссія и члены этого съѣзда, въ оправданіе своего пожеланія, указывали, что предприниматели не успѣли достаточно ознакомиться съ новымъ закономъ, что его введеніе можетъ породить массу недоразумѣній, вредно отразиться на интересахъ промышленности, что фабричная инспекція не подготовлена къ примѣненію закона и т. д. Хотя отдѣльные ораторы протестовали противъ подобнаго ходатайства, хотя представитель министерства внутреннихъ дѣлъ предупреждалъ, что „подобное ходатайство можетъ быть понято рабочими, какъ желаніе владѣльцевъ предпріятій воспрепятствовать проведенію новаго закона въ жизнь“, а фабричные инспектора заявляли о своей ознакомленности съ закономъ и полной подготовленности къ его осуществленію, съѣзду всетаки удалось провести свое[1]). Помимо того, господа горнопромышленники стали подкапываться и подъ самыя основанія закона, принявъ резолюцію ходатайствовать объ „освобожденіи предпринимателя отъ отвѣтственности въ случаѣ отказа потерпѣвшаго рабочаго отъ лѣченія[2]). Случилось то, чего можно было ждать. Повторилась та же

---

[1]) На съѣздѣ раздавались рѣчи, блестяще иллюстрирующія наше утвержденіе, что для многихъ промышленныхъ „дѣятелей“ заботы о благѣ рабочихъ и восторгъ передъ обязательнымъ страхованіемъ—одно лицемѣріе. „Насъ напрасно запугиваютъ (?!) закономъ,—говорилъ инженеръ г. Ясюковичъ, одинъ изъ организаторовъ общества для продажи издѣлій русскихъ металлургическихъ заводовъ, представляющаго въ сущности синдикатъ. *Мы люди, видѣвшіе виды.* Намъ необходимо ходатайствовать объ отложеніи закона. Изъ насъ никто еще ничего не сдѣлалъ, чтобы воспринять законъ. *Для рабочихъ же будетъ лучше.* И теперь рабочіе, получившіе увѣчье, могутъ искать свои права судомъ. Для нихъ существуетъ право бѣдности: двери суда открыты для нихъ“... (Цитируемъ по харьковскимъ газетамъ). Такими рѣчами гг. горнопромышленники, во всякомъ случаѣ, выдали себѣ свидѣтельство о бѣдности.

[2]) „Предприниматели стали агитировать противъ закона и въ другой формѣ. Управленіе Александровскаго южно-россійскаго завода въ Екатеринославѣ—читаемъ въ „Южной Россіи“—нашло, что семейства умершихъ рабочихъ злоупотребляютъ великодушіемъ заводской администраціи и требуютъ выдачи пенсій и пособій даже въ тѣхъ случаяхъ, когда смерть рабочихъ произошла не отъ травматическихъ поврежденій, а какъ послѣдствіе какой-нибудь внутренней болѣзни. Чтобы оградить себя отъ такихъ посягательствъ Александровскій заводъ пожелалъ производить въ своей больницѣ вскрытіе всѣхъ умершихъ рабочихъ, чтобы заручиться доказательствами того, что онъ не виноватъ въ смерти, которая могла произойти отъ какихъ-нибудь внутреннихъ осложненій. Найти какія-нибудь опороченныя внутренности у рабочихъ было бы, конечно, не особенно трудно, и тогда заводъ могъ бы, съ спокойною совѣстью, отклонять всѣ домогательства семействъ умершихъ рабочихъ. Необычайная

кампанія, которую въ свое время предприниматели повели противъ закона 2-го іюня 1897 года о продолжительности рабочаго времени на фабрикахъ и заводахъ, и которая закончилась отмѣной правилъ о сверхурочныхъ работахъ, въ корнѣ подорвавшей практическое значеніе закона. Ободренные подобной удачей, предприниматели и на этотъ разъ рѣшили попытаться задержать примѣненіе закона объ отвѣтственности и выдвинули цѣлый арсеналъ аргументовъ, разсчитанныхъ на то, чтобы устрашить и правительство перспективой всевозможныхъ бѣдствій. По обычной тактикѣ своей предприниматели почти не говорили о вредныхъ послѣдствіяхъ закона для своихъ личныхъ интересовъ, выставляя на первый планъ интересы... рабочихъ и государства. Введеніе въ дѣйствіе новаго закона съ 1 янв. 1904 года—говорилось въ докладной запискѣ совѣта съѣздовъ металлозаводчиковъ сѣвернаго и прибалтійскаго районовъ и повторялось на съѣздѣ южныхъ горнопромышленниковъ—„а) лишитъ промышленниковъ возможности своевременно оградить себя отъ случаевъ слишкомъ неравномѣрной, тяжелой и непосильной матеріальной отвѣтственности; б) застанетъ представителей правительственнаго надзора и медицинскаго персонала мало подготовленными къ примѣненію новыхъ правилъ и къ спокойному проведенію закона въ жизнь; в) не представитъ достаточной гарантіи въ обезпеченіи потерпѣвшихъ рабочихъ или ихъ семействъ въ малыхъ предпріятіяхъ и г) породитъ много недоразумѣній между обѣими заинтересованными сторонами, что отразится на значительномъ увеличеніи споровъ и возбужденіи исковъ и претензій, а все это вызоветъ крайне опасное обостреніе отношеній между рабочими и администраціей предпріятій“. Законъ 2-го іюня—говорили они въ заключеніе—„не можетъ дать рабочему классу полнаго и безусловнаго обезпеченія отъ послѣдствій несчастныхъ случаевъ, и единственнымъ кореннымъ рѣшеніемъ этого вопроса слѣдуетъ признать принципъ общаго для всѣхъ, обязательнаго государственнаго страхованія, расходы по которому въ то же время будутъ представ-

---

просьба Александровскаго южно-россійскаго завода была представлена черезъ екатеринославское врачебное отдѣленіе на разсмотрѣніе медицинскаго департамента, который отклонилъ претензію завода, указавъ на несоотвѣтствіе ея дѣйствующему законодательству“.

лять вполнѣ равномѣрное и справедливое обложеніе промышленности". Вся эта аргументація въ высшей степени характерна и по тому „искусству", съ какимъ предприниматели соединили въ одно интересы свои, рабочихъ и государства, придавъ такимъ образомъ вопросу одно общеполитическое значеніе, и по тому удивительному выводу, который они сдѣлали изъ нея. Законъ 2-го іюня не обезпечиваетъ рабочихъ и въ этомъ отношеніи уступаетъ закону о государственномъ страхованіи, говорили промышленники. Но въ такомъ случаѣ всякій имѣлъ бы право сказать имъ: „почему же вы въ свое время не приняли мѣръ для защиты интересовъ рабочихъ, почему, съ присущей вамъ энергіей, вы не ходатайствовали передъ правительствомъ о необходимости скорѣйшаго введенія страхованія въ то время, когда законъ былъ только проектомъ и всѣ ваши замѣчанія принимались съ готовностью". Но въ томъ и заключалось все лицемѣріе представленнаго ходатайства, что всѣ трогательныя заботы о рабочемъ были—простой отпиской, которая должна была затормозить осуществленіе даже скромнаго по своимъ требованіямъ закона. Предприниматели убоялись нѣкоторыхъ матеріальныхъ жертвъ и порѣшили, во что бы ни стало, подорвать законъ, и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ тотъ неожиданный выводъ, къ которому они пришли въ своемъ ходатайствѣ: изложивъ всѣ свои соображенія противъ закона 2-го іюня, съѣздъ „въ виду этого" постановилъ просить министра не о введеніи обязательнаго страхованія, какъ это неизбѣжно вытекало изъ всего предшествующаго, а объ... „отдаленіи срока введенія закона до 1 января 1905 года"... Такимъ неожиданнымъ оборотомъ они выдали всѣ свои скрытые планы. Какъ было не желать прежнихъ правовыхъ нормъ, когда подъ ихъ защитой можно было платить рабочему за оба вышибленныхъ глаза... три рубля[1]).

По счастію, агитація предпринимателей закончилась для нихъ пораженіемъ. Въ оффиціозномъ органѣ министерства финансовъ (*Торгово-Промышленная Газета*, № 270, 1903) было категорически заявлено, что „законъ обязательно всту-

[1]). *Д. П. Никольскій.* Къ характеристикѣ горнозаводскаго дѣла на Уралѣ въ санитарномъ отношеніи. *Промышленность и Здоровье.* 1902, кн. 2, стран. 24.

питъ въ силу съ 1 января 1904 г.", ходатайства же предпринимателей „оставлены министерствомъ финансовъ безъ послѣдствій". Послѣ такого категорическаго заявленія всѣ опасенія за судьбу закона стали излишни.

Защищая новыя правила отъ нападокъ со стороны предпринимателей и настаивая на необходимости осуществленія ихъ въ жизни съ 1 янв. 1904 г., мы ни чуть не желали сказать, что совершенство закона 2-го іюня стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Наоборотъ, все наше изслѣдованіе должно было показать, что законъ этотъ представляетъ слабую и нерѣшительную попытку защищать интересы увѣчныхъ, не достигаетъ, и не можетъ достигнуть своей конечной цѣли, если только не считать таковою... охрану интересовъ капитала. Мы отрицательно относились ко всѣмъ критическимъ оцѣнкамъ закона, исходившимъ изъ промышленныхъ круговъ только потому, что не вѣрили и не вѣримъ въ искренность ихъ восторговъ передъ обязательнымъ страхованіемъ и хулы по адресу новаго закона. Чтобы дискредитировать какое-нибудь новшество, всегда существовало—и понынѣ существуетъ—два пріема: можно опорочить новый порядокъ, или сравнивая его со старымъ, которое въ такихъ случаяхъ надѣляется небывалыми совершенствами, или противопоставляя ему еще болѣе совершенный, но далекій отъ современности идеалъ, въ разсчетѣ на то, что пока осуществится этотъ идеалъ, все останется постарому, и тѣ, кому дорога эта старина, тѣмъ временемъ вдоволь наловятъ рыбы въ мутной водѣ. Предприниматели наши избрали второй путь. Они хорошо понимали, что, высказывая теоретическія симпатіи обязательному страхованію, они ничѣмъ не рискуютъ: если на выработку закона 2-го іюня ушло слишкомъ двадцать лѣтъ, то сколько же времени понадобится тяжелоходному бюрократическому механизму, чтобы вызвать къ жизни обязательное страхованіе. Вотъ почему вѣнцомъ практическихъ желаній предпринимателей является отсрочка закона 2-го іюня сначала на годъ, а затѣмъ... и навсегда.

Законъ 2-го іюня, не обезпечивая потерпѣвшихъ рабочихъ, страдаетъ непоправимыми недостатками, и можно только порадоваться, что представители организованныхъ интересовъ предпринимателей заявили объ этомъ во всеуслышаніе. Примѣненіе закона должно повлечь за собою извѣстныя

жертвы и со стороны предпринимателей, но какъ они ничтожны въ сравненіи съ тѣми страданіями, которыя неизбѣжно выпадутъ на долю живыхъ „отбросовъ“ производства, сколько мукъ они переживутъ, сколько слезъ прольютъ, прежде чѣмъ фабричная контора выброситъ имъ нѣсколько рублей; сколько натерпятся они страха, что вотъ-вотъ предпріятіе рухнетъ и своимъ банкротствомъ увлечетъ безслѣдно и ихъ жалкіе гроши. На законъ 2-го іюня мы должны смотрѣть, какъ на временную переходную мѣру, которая—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше—должна уступить свое мѣсто обязательному страхованію. Только съ осуществленіемъ этого страхованія будутъ устранены всѣ недостатки, составляющіе сущность законовъ объ индивидуальной отвѣтственности. Если въ промышленныхъ кругахъ были болѣе распространены истинныя представленія объ этой формѣ обезпеченія увѣчныхъ, они давно бы провели ее въ жизнь въ своихъ же собственныхъ интересахъ. Правда, кругъ вознаграждаемыхъ несчастныхъ случаевъ значительно здѣсь расширяется, но зато организація взаимнаго страхованія сберегаетъ массу расходовъ, хотя бы по тому одному, что она не разсчитана на полученіе прибылей, подобно частному акціонерному страхованію. Въ то время какъ въ Германіи и Австріи стоимость обязательнаго страхованія рабочихъ не достигаетъ 2 % заработной платы, повышая издержки производства всего на $^1/_4$—$^1/_2$ %, въ Россіи акціонерное страхованіе, вознаграждавшее рабочихъ жалкими крохами, обходилось въ 1898 году въ $1^1/_2$ %, теперь же послѣ новыхъ и значительныхъ повышеній русскаго тарифа дороговизна нашего частнаго страхованія должна была стать исключительной. Оно и понятно: тогда какъ въ Германіи расходы по всей системѣ обязательнаго страхованія составляютъ всего 10—12 %, въ акціонерныхъ обществахъ уходило на расходы и дивиденды въ Россіи, по даннымъ 1898 года, почти 50 % всѣхъ собранныхъ премій (по подсчету С. Прокоповича за 1902 годъ указанныя двѣ статьи поглощали всего 21,6 %), во Франціи 30—40 %. До изданія закона 2 іюня предприниматели, искренно или неискренно высказываясь въ пользу обязательнаго страхованія, представляли себѣ его, какъ мечту изъ прекраснаго далека, ни къ чему ихъ не обязывающую, и не подозрѣвали, что вскорѣ наступитъ время, когда сама жизнь

заставитъ ихъ организовать обезпеченіе увѣчныхъ на новыхъ основаніяхъ. Если бы дѣло шло только объ интересахъ рабочихъ, они не сдѣлали бы никакихъ усилій въ этомъ направленіи; но теперь когда законъ 2 іюня сталъ фактомъ, когда неравномѣрность обложенія, какъ слѣдствіе этого закона, становится для отдѣльныхъ предпріятій чѣмъ-то реальнымъ и грозитъ неравенствомъ условій конкурренціи, промышленники сами поймутъ всѣ преимущества обязательнаго страхованія, тѣмъ болѣе, что расходы при этой системѣ могутъ быть, какъ и всякій налогъ на промышленность, съ удобствомъ извлечены изъ потребительскихъ кармановъ [1]). Но одного этого сознанія, даже еслибы оно стало общераспространеннымъ, все же мало. Сколько бы преимуществъ ни представляло взаимное страхованіе предпринимателями рабочихъ, все же оно требуетъ изъ года въ годъ расходовъ, и разъ страхованіе не предписано закономъ, успѣхи его будутъ тормозиться эгоистическими интересами предпринимателей. Примѣръ Франціи приводитъ именно къ этому заключенію. Несмотря на то, что агитація противъ закона 1898 г. о вознагражденіи рабочихъ оправдывалась неподготовленностью предпринимателей, не успѣвшихъ-де остановить своего выбора на извѣстной формѣ страхованія, въ дѣйствительности распространеніе страхованія не сдѣлало почти никакихъ успѣховъ, по крайней мѣрѣ, за 3 года, протекшихъ со времени примѣненія закона: кто прежде не страховалъ, тѣ и потомъ не страховали своихъ рабочихъ; не увеличилось не только коммерческое, но и взаимное страхованіе. И что особенно характерно: мелкая промышленность, существованію которой законъ, по всеобщему мнѣнію, грозилъ гибелью и единственнымъ выходомъ для которой считалось страхованіе, рѣшительнымъ образомъ опровергала всѣ предсказанія—она попрежнему не думаетъ страховать рабочихъ [2]).

---

[2]) Ср. Zacher, Heft IVa, S. 38?

[1]) Предпринимателямъ особенно улыбается мысль, что при обязательномъ страхованіи расходы упадутъ на обывателя. „При ближайшемъ изученіи вопроса становится яснымъ, что промышленникъ, служащій лишь посредникомъ между рабочей силой, какъ производителемъ, и населеніемъ, какъ потребителемъ, долженъ быть и въ данномъ случаѣ (т. е. при вознагражденіи увѣчныхъ) только передаточной инстанціи, назначеніе которой состоитъ въ собраніи со всего населенія нѣкоторой дани для обезпеченія рабочаго. Иначе говоря, какъ и всякій налогъ, расходы по обезпеченію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, естественно, должны будутъ рано или поздно быть перенесены почти всецѣло

При такихъ условіяхъ, единственнымъ рѣшеніемъ вопроса можетъ быть признаніе обязательности страхованія законодательной властью. Только въ этомъ случаѣ интересы рабочаго класса будутъ сполна удовлетворены. Недостаточность вновь созданнаго порядка и необходимость обязательнаго страхованія хорошо сознавались и въ правительственныхъ сферахъ. При обсужденіи законопроекта одно изъ министерствъ опредѣленно высказалось, что „цѣль, съ которою проектированъ законъ — матеріальное обезпеченіе рабочихъ и ихъ семействъ на случай неспособности къ труду или смерти — по глубокому его убѣжденію, могла бы быть достигнута съ большимъ успѣхомъ путемъ введенія обязательнаго страхованія рабочихъ подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ правительства; проектированный законъ, по мнѣнію этого вѣдомства, является „лишь скромной попыткой вмѣшательства правительственной власти въ дѣло обезпеченія рабочихъ“. Еще опредѣленнѣе выразило свой взглядъ другое вѣдомство. По его мнѣнію, изданіе закона объ отвѣтственности явилось бы для горнопромышленныхъ предпріятій безразличнымъ мѣропріятіемъ, „запоздалымъ актомъ, не отвѣчающимъ современному положенію дѣла“; среди владѣльцевъ и рабочихъ горныхъ и горнозаводскихъ предпріятій, какъ и въ правительственныхъ горныхъ сферахъ идея обязательнаго государственнаго страхованія давно уже назрѣла и имѣетъ самое широкое распространеніе; для обезпеченія увѣчныхъ представляется необходимымъ изданіе закона объ обязательномъ государственномъ страхованіи, со включеніемъ въ него причинъ, дающихъ право на вознагражденіе за профессіональныя болѣзни. И дѣйствительно, если законъ 2 іюня слабо ограждаетъ интересы фабричныхъ рабочихъ, то въ горныхъ и горнозаводскихъ предпріятіяхъ, гдѣ каждый годъ происходятъ душу раздирающія катастрофы, гдѣ профессіональная опасность работъ достигаетъ своего максимума, гдѣ сама жизнь давно уже заставила предпринимателей и рабочихъ организовать кассы, законъ объ индивидуальной отвѣтственности пріобрѣтаетъ значеніе мѣры

на потребителя, такъ какъ сама промышленность, особенно въ настоящее время, не имѣетъ никакой возможности вынести этотъ расходъ только на своихъ плечахъ“. (Изъ докладной записки съѣзда балтійскихъ и сѣверныхъ металлозаводчиковъ, см. *Горнозаводскій Листокъ*, 1903, № 26, стр. 6405). Какое странное разсужденіе!

именно безразличной. Признавая вмѣстѣ съ названными вѣдомствами огромную важность обязательнаго страхованія рабочихъ, мы съ рѣшительностью должны были бы возразить противъ идеи *государственнаго* страхованія: по всѣмъ условіямъ русской общественной жизни, съ ея слабо развитой частной иниціативой и широкимъ распространеніемъ государственнаго хозяйства, по всѣмъ особенностямъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, непосредственно затрогивающаго интересы однихъ лишь представителей капитала и труда, передача страхованія въ руки государства, замѣна союзовъ взаимнаго страхованія, пользующихся публично-правовымъ положеніемъ, штатомъ безучастныхъ къ дѣлу и незаинтересованныхъ во всей экономической сторонѣ организаціи чиновниковъ, явилась бы съ культурно-политической точки зрѣнія мѣрой, отрицательное вліяніе которой съ избыткомъ перевѣсило бы положительныя стороны института обязательнаго страхованія. По счастію, государственное страхованіе, повидимому, и не входитъ въ планы законодательной власти. Высочайше утвержденнымъ 2-го іюня 1903 года мнѣніемъ государственнаго совѣта (отдѣлъ XVIII) [1]) министру финансовъ поручено въ теченіе пяти лѣтъ со дня введенія въ дѣйствіе настоящаго узаконенія войти въ установленномъ порядкѣ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о введеніи обязательнаго страхованія утратившихъ трудоспособность рабочихъ и служащихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Рѣшеніе это имѣетъ такую огромную принципіальную важность, что мы готовы были бы сказать: въ немъ все оправданіе закону 2 іюня 1903 года.

---

[1]) Ср. статью барона Нольккена въ *Прав.* 1903. № 27.

Законъ 2-го іюня 1903 г. и примѣненіе его на практикѣ [1]).

Инструкція чинамъ надзора.—Общія условія коллективнаго страхованія.—Коммерческія страховыя общества и законъ.—Организація обществъ взаимнаго страхованія.—Агитація предпринимателей противъ новаго закона.

Послѣ многолѣтнихъ скитаній законопроектовъ по правительственнымъ инстанціямъ и ожесточенной борьбы съ предпринимателями Россія добилась, наконецъ, новаго закона объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими. Агитація, поведенная представителями промышленности въ пользу отсрочки закона 2 іюня 1903 г., на первыхъ порахъ не привела къ положительнымъ для нихъ результатамъ, и законъ, какъ было ранѣе установлено, былъ введенъ въ дѣйствіе съ 1 января 1904 года. Со стороны правительства не замедлили послѣдовать распоряженія, необходимыя для приведенія закона въ дѣйствіе. Прежде всего была издана „*Инструкція* присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ, чинамъ фабричнаго и горнаго надзора, а также учрежденіямъ и лицамъ, ихъ замѣняющимъ, по примѣненію закона 2 іюня 1903 года о вознагражденіи потерпѣвшихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ“ (представленная министромъ финансовъ сенату для распубликованія 13 дек. 1903 г.). Изданіе инструкціи представлялось настоятельно необходимымъ. Къ несчастью, инструкція не оправдала самыхъ скромныхъ ожиданій: все неясное и недоговоренное въ законѣ не получило и въ ней разрѣшенія; всѣ же указанія, которыя ею даны, явились новымъ и серьезнымъ ограниченіемъ сферы дѣятельности новаго закона. Дѣйствію новыхъ правилъ объ отвѣтственности предпринимателей за

[1]) Печаталось въ журн. *Правда*, за 1904 г., кн. 5.

несчастные случаи съ рабочими подлежатъ, какъ извѣстно, одни лишь заведенія фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности. Передъ органами, примѣняющими законъ, естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ: чѣмъ же отличаются заведенія фабрично-заводской промышленности отъ ремесленной, изъятой изъ сферы новыхъ правилъ. Наивно-примитивная формулировка фабрично-заводской и ремесленной промышленности, принятая въ дѣйствующемъ законодательствѣ и заимствованная изъ постановленій 1723 и 1799 гг., давно вызывала на практикѣ безконечныя недоразумѣнія; административныя власти по-разному опредѣляли границы между тѣми и другими заведеніями и въ послѣднее время остановились на правилѣ считать ремесленнымъ всякое заведеніе, въ которомъ работаетъ не свыше 20 рабочихъ, независимо отъ того, пользуется ли оно механическимъ двигателемъ или нѣтъ. Негодность всѣхъ до сихъ поръ дѣлавшихся попытокъ къ разграниченію фабрично-заводской отъ ремесленной промышленности и побудила министерство финансовъ высказаться въ законопроектѣ за подчиненіе новымъ правиламъ всей промышленности безъ исключенія, но законодательная власть не согласилась съ этимъ. Вопросъ оставался открытымъ. Новая инструкція не только не разрѣшила его, но еще болѣе запутала. По инструкціи мѣстныя по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія утверждаютъ составляемые инспекціей проекты списковъ заведеній, на которыя распространяются правила 2-го іюня; сюда вносятся всѣ промышленныя заведенія, которыя, на основаніи ст. ст. 1-й и 2-й уст. пром., могутъ быть отнесены къ числу заведеній фабрично-заводской и горной промышленности *хотя бы они были изъяты изъ-подъ надзора фабричной или горной инспекціи*; съ другой стороны, *ремесленныя заведенія, подчиненныя надзору фабричной инспекціи, въ означенные списки не вносятся*. Такимъ образомъ, создалась еще большая путаница, чѣмъ раньше. Прежде знали,—разъ промышленное заведеніе признано подлежащимъ надзору инспекціи, оно тѣмъ самымъ какъ бы признается фабричнымъ, и потому на него распространяется дѣйствіе всего фабричнаго законодательства. Теперь иное дѣло. Заведеніе можетъ подчиняться надзору инспекціи и дѣйствію фабричнаго законо-

дательства, но законъ 2-го іюня къ нему примѣняться не будетъ.

Между тѣмъ установленное инструкціей новшество имѣетъ огромное практическое значеніе для рабочихъ. Поскольку подчиненіе закону 2-го іюня заведеній, изъятыхъ изъ-подъ надзора фабричной инспекціи, представляетъ теоретически прогрессивное начало, такъ какъ съ его привнесеніемъ расширяется кругъ дѣйствія новаго закона, поскольку практически оно безразлично: промышленныя заведенія, относимыя къ числу фабрично-заводскихъ, почти исчерпываются кругомъ заведеній, подчиненныхъ надзору фабричной и горной инспекціи. Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ второй изъ отмѣченныхъ курсивомъ принциповъ. По даннымъ фабричныхъ инспекторовъ, изъ общаго числа 18.279 заведеній, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, 7224 принадлежали къ числу имѣющихъ менѣе 20-ти рабочихъ; слѣдовательно, всѣ эти 7224 заведенія могутъ быть причислены къ ремесленной промышленности и, какъ ремесленныя, исключены изъ списковъ заведеній, на которыя распространяется новый законъ. Но, вѣдь, самый фактъ сознанной необходимости подчинить эти заведенія надзору инспекціи служилъ доказательствомъ, что производство въ нихъ представляло огромную опасность для рабочихъ. Другими словами, владѣльды наиболѣе опасныхъ заведеній мелкой промышленности освобождены отъ обязанности вознаграждать увѣчныхъ по правилалъ 2-го іюня. Вотъ практическій результатъ инструкціи для десятковъ тысячъ рабочихъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что, замѣнивъ одно неопредѣленное правило другимъ, еще болѣе неопредѣленнымъ, инструкція ввела органы, примѣняющіе законъ, въ настоящій заколдованный кругъ. Инструкція, правда, предвидитъ возможность разногласій и потому предписываетъ фабричной инспекціи вносить въ списки и такія заведенія, „принадлежность конхъ къ числу заведеній, подлежащихъ дѣйствію закона 2-го іюня, вызываетъ у чиновъ надзора сомнѣнія“; съ другой стороны, она предоставляетъ право обжалованія владѣльцу предпріятія, получившему извѣщеніе о включеніи его заведенія въ списокъ. Но всѣ эти поправки не устранятъ путаницы, зависящей отъ неопредѣленности самого критерія.

Инструкція подробно указываетъ порядокъ дѣйствій фаб-

ричныхъ инспекторовъ по примѣненію закона, вмѣняя имъ въ обязанность производить на мѣстѣ происшествія разслѣдованіе обстоятельствъ несчастнаго случая, повлекшаго за собою смерть или тяжкое тѣлесное поврежденіе (вся огромная масса менѣе тяжелыхъ несчастныхъ случаевъ останется, слѣдовательно, внѣ непосредственнаго надзора инспекціи). Что заваленный множествомъ дѣлъ фабричный инспекторъ не въ силахъ будетъ выполнить даже этой, возложенной на него, обязанности, что требованіе новой инструкціи въ огромномъ большинствѣ случаевъ останется мертвой буквой,— этого, конечно, не надо и доказывать. Не станемъ говорить о другихъ постановленіяхъ инструкціи — всѣ они почти исключительно технически-административнаго характера. По самымъ же главнымъ вопросамъ, оставшимся неразъясненными въ законѣ,—какія группы рабочихъ и въ какихъ именно случаяхъ имѣютъ право на вознагражденіе, какими данными (таблицами) должны руководиться чины инспекціи для критической оцѣнки врачебной экспертизы и, слѣдовательно, для опредѣленія матеріальныхъ правъ увѣчнаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что понимать подъ „грубой неосторожностью, не оправдываемою условіями и обстановкою производства работъ“, лишающей рабочаго права на вознагражденіе,—по всѣмъ этимъ и многимъ другимъ вопросамъ инструкція не дала никакихъ указаній. Единственное исключеніе составляетъ ст. 25-я инструкціи, согласно которой „явно и существенно нарушающими правила 2-го іюня почитаются тѣ соглашенія (между предпринимателемъ и рабочимъ при засвидѣтельствованіи соглашенія фабричной инспекціей), въ коихъ владѣлецъ предпріятія выговариваетъ для себя освобожденіе отъ какой-либо обязанности, возложенной на него прямымъ постановленіемъ сихъ правилъ или рѣшеніемъ суда, или же потерпѣвшая сторона отказывается отъ полученія вознагражденія въ причитающемся ей размѣрѣ“. Спрашивается, однако, ужели фабричная инспекція не обязана считать „явно и существенно“ нарушающими законъ 2-го іюня и тѣ соглашенія, въ которыхъ условленное сторонами вознагражденіе, независимо отъ „отказа потерпѣвшей стороны“, не соотвѣтствуетъ степени дѣйствительной утраты трудоспособности? Не беремся сказать, причисляли ли составители инструкціи и эти случаи къ явнымъ нару-

шеніямъ закона, но вся исторія закона объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими, какъ и всего нашего фабричнаго законодательства вообще, вся дѣятельность органовъ надзора по примѣненію этого законодательства приводятъ къ заключенію, что многія недомолвки въ законѣ и административныхъ распоряженіяхъ не являются случайными и ведутъ на практикѣ къ рѣшительному ограниченію правъ трудящихся. Если соглашенія о вознагражденіи, не отвѣчающемъ степени утраты трудоспособности потерпѣвшихъ, не признаются явно и существенно нарушающими законъ, то вся дѣятельность инспекціи по примѣненію закона неизбѣжно обратится въ одностороннее покровительство интересовъ капитала: зависимые и юридически неопытные рабочіе не могутъ критически относиться къ вопросу, соотвѣтствуетъ ли предлагаемое предпринимателями вознагражденіе дѣйствительнымъ ихъ правамъ.

Вслѣдъ за инструкціей опубликованы были нормы, регулирующія дѣятельность страховыхъ обществъ,—„общія условія коллективнаго страхованія, заключаемаго на основаніи ст. 52 закона 2 іюня 1903 г.“, утвержденныя министромъ внутреннихъ дѣлъ 22 декабря 1903 г. Необходимость изданія новыхъ правилъ, взамѣнъ дѣйствовавшихъ до сихъ поръ „общихъ условій по коллективному страхованію отъ несчастныхъ случаевъ“ 20 іюля 1887 года, вытекала изъ измѣнившагося матеріальнаго содержанія нормъ объ отвѣтственности за несчастные случаи съ рабочими. Правила 1887 г. появились еще въ такое время, когда основаніемъ вознагражденія рабочихъ служило общее гражданское право, обязывающее всякое лицо вознаградить за вредъ или убытки, причиненные кому-либо его дѣйствіемъ или упущеніемъ. Сами по себѣ правила эти служили извѣстнымъ коррективомъ къ праву, такъ какъ „по общимъ условіямъ“ 20 іюля потерпѣвшіе вознаграждались страховымъ обществомъ и въ такихъ случаяхъ, которые входили въ понятіе профессіональнаго риска и не вознаграждались еще по дѣйствовавшимъ общегражданскимъ нормамъ. Моментъ виновности въ несчастіи предпринимателя или его уполномоченныхъ, игравшій такую исключительную роль для признанія за потерпѣвшимъ права на вознагражденіе, въ страховыхъ условіяхъ былъ замѣненъ, съ извѣстными ограниченіями, идеей профессіо-

нальной опасности производства, не требовавшей уже доказательства вины и тѣмъ облегчавшей положеніе увѣчныхъ. Но расширивъ кругъ вознаграждаемыхъ несчастій, коллективное страхованіе рабочихъ по общимъ условіямъ 1887 г. значительно сократило полагавшееся потерпѣвшимъ вознагражденіе. Страховая сумма была не тѣмъ вознагражденіемъ, которое слѣдовало бы потерпѣвшимъ по общему праву, т.-е. не полнымъ возмѣщеніемъ убытковъ, а произвольной суммой, устанавливавшейся единоличнымъ соглашеніемъ предпринимателя со страховымъ обществомъ, помимо воли и знанія рабочаго. То была, въ сущности, добровольная подачка, уплачивавшаяся потерпѣвшимъ въ расчетѣ, что они удовлетворятся страховой выдачей и не станутъ искать судомъ, памятуя всѣ неудобства судебной волокиты. Теперь матеріальныя нормы отвѣтственности стали иными. Идея профессіональнаго риска получила въ законѣ 2-го іюня правовое признаніе; опредѣлены случаи и размѣры вознагражденія. Поэтому въ „общихъ условіяхъ“ 1903 г. не могло оказаться мѣста тѣмъ нормамъ 1887 года (§§ 18—20), въ которыхъ выступало своеобразное законодательное творчество страхового общества, или, вѣрнѣе, административной власти: страховыя общества обязаны вознаграждать въ точномъ согласіи съ требованіями не этого статурнаго права, а закона 2 іюня. Страховое общество обязано, поэтому, выдавать не только *вознагражденіе за увѣчье*. По полученіи увѣдомленія о происшедшемъ несчастномъ случаѣ общество безъ замедленія должно приступить и къ уплатѣ установленныхъ закономъ *пособій*, назначаемыхъ потерпѣвшимъ до дня возстановленія трудоспособности или признанія утраты ея постоянною, *врачебныхъ расходовъ* и *похоронныхъ суммъ*. Въ случаѣ неисполненія обществомъ этого требованія предприниматель имѣетъ право выдавать такія пособія въ предусматриваемыхъ закономъ размѣрахъ (ст. ст. 6,10,11) за счетъ общества. Прежде правильность расчета страхового общества съ застрахованнымъ потерпѣвшимъ никѣмъ не контролировалась, и на этой почвѣ, какъ было оффиціально установлено, происходила невѣроятная эксплоатація рабочихъ страховыми обществами. Теперь соглашеніе обществъ съ потерпѣвшими о видѣ и размѣрѣ причитающихся имъ вознагражденій подлежитъ засвидѣтельствованію со стороны фабричной (и

горной) инспекціи, которая отказываетъ въ немъ, если соглашеніе не отвѣчаетъ требованіямъ закона 2-го іюня. Коллективное страхованіе предпринимателемъ своихъ рабочихъ попрежнему является, конечно, добровольнымъ актомъ и устанавливается соглашеніемъ со страховымъ обществомъ. Общество, однако, „въ правѣ отклонить предложенное страхованіе безъ объясненія причинъ“. Сущность страхованія заключается въ томъ, что предприниматель перелагаетъ съ себя на общество отвѣтственность по вознагражденію потерпѣвшихъ; къ обществу и должны предъявляться иски. Если, вопреки этому правилу, искъ будетъ предъявленъ къ страхователю, то послѣдній обязанъ выдать обществу довѣренность на веденіе дѣла; въ противномъ случаѣ общество, хотя и не освобождается отъ отвѣтственности передъ потерпѣвшими, но не обязано при исчисленіи страхового вознагражденія руководиться постановленнымъ противъ страхователя судебнымъ рѣшеніемъ. Если несчастный случай произошелъ по установленной судомъ винѣ страхователя или его представителя, то съ общества не слагается отвѣтственность передъ потерпѣвшими, но страхователь обязанъ возмѣстить обществу уплаченныя послѣднимъ по такому несчастному случаю вознагражденія. Страхованіе прекращаетея истеченіемъ срока, на который оно было заключено; послѣ каждаго заявленія о несчастномъ случаѣ общество имѣетъ однако право прекратить страхованіе.

Таковы нормы, установленныя административными распоряженіями въ дополненіе къ закону 2-го іюня. Ничего неблагопріятнаго интересамъ предпринимателей онѣ въ себѣ не заключаютъ; напротивъ, изъятіемъ подчиненныхъ фабричной инспекціи ремесленныхъ заведеній изъ сферы дѣйствія новыхъ правилъ онѣ создали для многочисленныхъ предпринимателей огромную льготу, поставивъ тысячи ремесленныхъ рабочихъ внѣ закона. Какъ же отнеслись предприниматели къ новому закону объ отвѣтственности за несчастные случаи съ рабочими?

Законъ 2-го іюня, созданный подъ сильнымъ давленіемъ предпринимательскихъ интересовъ, отнесся къ послѣднимъ съ большой предупредительностью. Этого не отрицаютъ даже сами промышленники.

Сравнивая текстъ законопроекта съ текстомъ закона, со-

вѣтъ съѣзда горнопромышленниковъ Урала открыто призналъ, что заключенія VIII-го съѣзда, принятыя имъ относительно законопроекта, нашли въ законѣ 2-го іюня „нѣкоторое удовлетвореніе“. Тогда какъ законопроектомъ предполагалось освободить владѣльцевъ предпріятій отъ отвѣтственности лишь въ случаѣ доказаннаго злого умысла со стороны потерпѣвшаго, съѣздъ находилъ необходимымъ присоединить сюда случаи „явной неосторожности пострадавшаго при существованіи всѣхъ, установленныхъ правилами, мѣръ предосторожности“,—и законодатель привнесъ въ законъ къ числу обстоятельствъ, освобождающихъ предпринимателя отъ отвѣтственности, грубую неосторожность потерпѣвшаго. Законопроектъ, при опредѣленіи годичнаго заработка рабочихъ, принималъ годъ равнымъ 280 рабочимъ днямъ, но съѣздъ высказался за 240 дней, и въ законѣ годъ оказался приравненнымъ къ 260 поденщинамъ. Законопроектъ предоставлялъ потерпѣвшимъ право выбора больницы, но съѣздъ признавалъ такой порядокъ невыгоднымъ и нежелательнымъ, такъ какъ „это передавало бы пострадавшаго въ руки врача, менѣе заинтересованнаго въ его выздоровленіи“, и законодатель обошелъ въ законѣ глухимъ молчаніемъ право увѣчныхъ по своему усмотрѣнію выбирать больницу[1]).

Но какъ бы скромны ни были требованія закона по отношенію къ предпринимателю, все же исполненіе закона связано съ извѣстными матеріальными расходами. Возможность массовыхъ несчастій съ рабочими и значительныхъ одновременныхъ выдачъ по удовлетворенію увѣчныхъ давно уже вызвала къ жизни страхованіе рабочихъ въ коммерческихъ страховыхъ обществахъ. Своего максимума эта форма коллективнаго страхованія достигла въ 1900 году, когда число застрахованныхъ рабочихъ поднялось до 936,$_3$ тысячъ человѣкъ. Съ этого времени, подъ вліяніемъ ли развитія обществъ взаимнаго страхованія предпринимателей отъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими (число застрахованныхъ поднялось здѣсь съ 16,$_4$ тыс. до 76 тысячъ), или все возраставшей дороговизны коммерческаго страхованія, число рабочихъ, застрахованныхъ въ коммерческихъ обществахъ,

[1]) Труды XII-го съѣзда уральскихъ горнопромышленниковъ, бывшаго 15—22 января 1904 г. въ Екатеринбургѣ. Екат. 1904 г., стр. 51—52.

стало понижаться—до 911,$_4$ тыс. въ 1901 г. и 890,$_5$ тыс. въ 1902 г.[1]). Таково было распространеніе коммерческаго страхованія почти наканунѣ введенія въ дѣйствіе новаго закона. Какое вліяніе произведутъ законъ и новыя общія условія коллективнаго страхованія на дальнѣйшее распространеніе этой формы страхованія, сказать съ точностью нельзя. Если руководиться опытомъ Франціи, то введеніе закона объ отвѣтственности предпринимателей не должно и у насъ повлечь за собою роста коммерческаго страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Оно и понятно.

Въ 1902 г. полная потеря трудоспособности страховалась коммерческими страховыми обществами въ 1103 руб. или, при среднемъ годичномъ заработкѣ нашихъ рабочихъ въ 203 руб., въ сумму 5,$_4$ годичныхъ заработковъ. По закону 2-го іюня въ томъ же случаѣ предприниматель или страховое общество обязаны уплатить 10-ти-кратную пенсію въ размѣрѣ $^2/_3$ годового заработка или 6,$_{65}$ годичныхъ заработковъ. Такимъ образомъ, уже сравненіе размѣра вознагражденія, установленнаго страховыми обществами и закономъ, показываетъ, что страховыя общества, обязанныя теперь слѣдовать требованіямъ закона, должны были повысить размѣръ выдачъ, а, слѣдовательно, и размѣръ страховой преміи, взимаемой съ предпринимателей. Конечно, чтобы приблизиться къ требованіямъ закона, т. е. поднять страховую сумму на недостающіе 1,$_{25}$ годичнаго заработка, повышеніе страховыхъ премій не должно было бы быть особенно значительнымъ. Но дѣло въ томъ, что во второй группѣ заключавшихся обществами страхованій—на случай смерти—страховая сумма составляла всего 766 руб. или 3,$_8$ годичныхъ заработковъ (1902 г.), между тѣмъ по закону 1903 года вознагражденіе семьѣ убитаго рабочаго, при извѣстномъ ея составѣ, можетъ достигнуть тѣхъ же 6,$_{65}$ годичныхъ заработковъ. И самое главное—страховыя общества не исполняли передъ потерпѣвшими даже этихъ обязательствъ. Пользуясь неопредѣленностью дѣйствовавшаго до сихъ поръ права и полной юридической и экономической безпомощностью потерпѣвшихъ рабочихъ и членовъ ихъ семействъ, страховыя общества систематически обсчитывали рабочихъ, расплачи-

[1]) См. статью С. Прокоповича въ *Экономической Газетѣ*. 1904 г. № 11.

вались съ ними жалкими грошами,—страховая сумма, причитающаяся потерпѣвшимъ, превратилась въ простую фикцію. Теперь этой безграничной, вызывающей всеобщее осужденіе, эксплоатаціи положенъ извѣстный предѣлъ. Расчетъ страхового общества съ потерпѣвшими подлежитъ контролю фабричной инспекціи.

Реагируя на измѣнившіяся правовыя нормы, страховыя коммерческія общества подняли тарифъ до неслыханной высоты, косвенно подтверждая тѣмъ, какъ сильно расходилась до сихъ поръ страховая практика съ условіями коллективнаго страхованія. Судя по свѣдѣніямъ, появившимся въ печати, степень повышенія тарифа различна, вѣроятно въ зависимости отъ различія производствъ, страхующихъ своихъ рабочихъ. По однимъ извѣстіямъ, страховыя общества подняли страховую премію вдвое противъ прежняго, да и то неохотно принимаютъ рабочихъ на страхъ отъ несчастныхъ случаевъ[1]); по другимъ повышеніе это еще болѣе значительно. Такъ, металлозаводчики сѣвернаго и прибалтійскаго районовъ заявляли въ докладной запискѣ министру финансовъ, что „страховыя общества наотрѣзъ отказываются принять на себя страхованіе рабочихъ съ обязательствомъ вознагражденія ихъ по правиламъ новаго закона, и, насколько извѣстно совѣту съѣздовъ, одно только общество изъявило свое согласіе на такое страхованіе, но при условіи увеличенія существовавшей до этого времени страховой преміи *въ пять разъ*[2]). Докладчикъ XXVIII съѣзду горнопромышленниковъ юга Россіи, вычисляя „несомнѣнно преувеличенную“ цифру стоимости взаимнаго страхованія въ $7,_{37}\,\%$ заработной платы (насколько оно преувеличено, видно изъ того, что въ рижскомъ обществѣ взаимнаго страхованія фабрикантовъ отъ несчастныхъ случаевъ страховая премія составляла всего $1,_{1}\,\%$ заработной платы, а съ введеніемъ новаго закона едва ли превыситъ $2\,\%$), заявлялъ, что даже эта невѣроятная цифра вдвое меньше платежей, требуемыхъ нашими страховыми обществами за реализацію отвѣтственности по новому закону[3]). Что страховыя акціонерныя обще-

---

[1]) См. *Рус. Вѣд.* №3, 1904 г.; *Горнозаводскій Листокъ*, № 10, 1904 г.

[2]) *Горнозаводскій Листокъ*, № 26, 1903 г.

[3]) Докладъ № XVI г. Дитмара XXVIII-му съѣзду горнопр. юга Россіи. Харьковъ, 1903 г., стр. 22.

ства, повышая премію въ два и болѣе раза, руководились не одними только требованіями новаго закона, но и печальной необходимостью измѣнить прежнюю тактику расплаты, показываетъ примѣръ „Одесскаго общества взаимнаго страхованія фабрикантовъ и ремесленниковъ отъ несчастій съ ихъ рабочими и служащими", постановившаго, въ виду введенія закона 2-го іюня, повысить тарифъ преміи на 60% противъ нынѣ существующаго[1]). О томъ же говоритъ рѣшеніе организаторовъ Виленскаго общества взаимнаго страхованія, постановившихъ взимать премію въ размѣрѣ 50% противъ страховыхъ коммерческихъ обществъ[2])

Выяснившаяся дороговизна страхованія въ коммерческихъ (акціонерныхъ) обществахъ, несомнѣнно, задержитъ дальнѣйшее развитіе коллективнаго страхованія. Мелкіе предприниматели, которые до сихъ поръ не страховали своихъ рабочихъ и которымъ почему-либо недоступна организація обществъ взаимнаго страхованія, попрежнему, вѣроятно, станутъ отклонять отъ себя заботы объ обезпеченіи увѣчныхъ рабочихъ посредствомъ страхованія въ коммерческихъ обществахъ, увѣренные, что въ случаѣ предъявленія къ нимъ претензіи увѣчные, все равно, ничего съ нихъ не взыщутъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было во Франціи: высказывавшіяся здѣсь предсказанія, что новый законъ объ отвѣтственности 1898 года заставитъ мелкихъ предпринимателей обратиться къ коммерческому страхованію, были блестяще опровергнуты дѣйствительностью. Но та же дороговизна коммерческаго страхованія, дѣйствуя отталкивающимъ образомъ на новыхъ мелкихъ кліентовъ, должна побудить болѣе или менѣе крупныхъ предпринимателей къ устройству обществъ взаимнаго страхованія. И дѣйствительно, изъ разныхъ мѣстъ сообщаютъ объ организаціи фабрикантами и заводчиками новыхъ такихъ обществъ. Къ ихъ устройству приступили фабриканты и заводчики Петербурга, Варшавы, Лодзи, Кіева (и юго-западнаго края), Вильны (и прилегающихъ къ ней губерній Гродненской, Ковенской, Витебской, Минской) и другихъ городовъ; владѣльцы предпріятій однородныхъ производствъ—сахарныхъ заводовъ (при кіевскомъ

---

[1]) *Горнозавод. Листокъ*, № 2, 1904 г.
[2]) См. *СПБ. Вѣдомости*, 1904 г.

обществѣ взаимнаго отъ огня страхованія свеклосахарныхъ и рафинадныхъ заводовъ), кирпичныхъ заводовъ (въ Кіевѣ); съѣзды горнопромышленниковъ—V-ый Подмосковнаго бассейна, XII уральскихъ горнопромышленниковъ, III-ій съѣздъ золотопромышленниковъ Пермской губерніи (всѣ три съѣзда состоялись въ январѣ и февралѣ 1904) [1]) и т. д. императорское техническое общество, разрабатывающее проектъ общества фабрикантовъ и заводчиковъ для взаимнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими. Въ Москвѣ уже организованъ „россійскій взаимный страховой союзъ", уставъ котораго утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ 29 іюля 1903 г. (учредителемъ союза является нижегородско-ярмарочное отдѣленіе общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ); новое страховое общество принимаетъ на себя взаимное страхованіе отъ огня и коллективное страхованіе рабочихъ и служащихъ отъ несчастныхъ случаевъ.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ, отнюдь не претендующихъ на полноту, съ ясностью слѣдуетъ фактъ оживленнаго, небывалаго прежде практическаго интереса предпринимателей къ устройству обществъ взаимнаго страхованія. Это широкое движеніе вызвано, конечно, чисто эгоистическими соображеніями—наибольшей дешевизной взаимнаго страхованія,—и въ ней кроется залогъ прочности движенія. На XII-омъ съѣздѣ уральскихъ горнопромышленниковъ было высчитано, что если бы въ будущемъ число несчастныхъ случаевъ на частныхъ заводахъ Урала было такимъ же, какъ въ 1900 и 1901 гг., то на уплату потерпѣвшимъ всѣхъ требуемыхъ новымъ закономъ пособій и пенсій понадобился бы расходъ всего въ $1,_{39}{}^{0}/_{0}$ заработной платы. Но какъ бы дешева ни была эта форма страхованія, все же она требуетъ извѣстныхъ періодическихъ платежей со стороны предпринимателей, тѣмъ большихъ, чѣмъ строже постановленія закона, чѣмъ энергичнѣе защищаются имъ интересы рабочихъ.

Все, что мы знаемъ о законѣ 2-го іюня, самымъ рѣшительнымъ образомъ исключаетъ мысль объ излишнемъ сни-

---

[1]) Мы не касаемся здѣсь тѣхъ обществъ взаимнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, которыя возникли (Одесское, Рижское, Иваново-Вознесенское) или предположены были къ учрежденію еще до появленія закона 2-го іюня.

схожденіи законодателя къ рабочимъ. Наоборотъ, въ новомъ законѣ съ поразительной ясностью отразилось огромное общественное вліяніе предпринимателей, успѣвшихъ заблаговременно устранить изъ закона все, что грозило имъ сколько-нибудь серьезнымъ ущербомъ. Но господинъ капиталъ не успокоился на этомъ. Не добившись столь желанной отсрочки закона 2-го іюня, предприниматели, въ одиночку и сообща, стали продолжать свои нападки на новыя правила, съ явно выраженной (въ видѣ резолюціи) или скрытой надеждой, что правительство подвергнетъ ихъ переработкѣ, соотвѣтствующей классовымъ интересамъ ихъ, капиталистовъ. Это критическое отношеніе къ закону дало себя явственно знать уже теперь, несмотря на то, что со времени введенія новыхъ правилъ прошло всего четыре мѣсяца. Предприниматели прежде всего стали искать путей къ обходу закона и при изобрѣтательности своей скоро нашли ихъ. Какъ извѣстно, вознагражденіе потерпѣвшихъ опредѣляется въ видѣ извѣстной доли годового ихъ содержанія, которое слагается изъ денежнаго заработка и довольствованія натурой (если, конечно, рабочій его получаетъ), расцѣниваемаго для харчей—по дѣйствительной ихъ стоимости и для квартиры—въ размѣрѣ 20% денежнаго годового заработка. Противъ этой послѣдней нормы и ополчились предприниматели. Что подъ ихъ давленіемъ дѣйствительный заработокъ рабочаго замѣненъ былъ въ законѣ условной величиной (рабочій годъ принятъ равнымъ 260 рабочимъ днямъ), значительно понизившей пенсію рабочимъ,— до этого предпринимателямъ нѣтъ дѣла. Г. Дитмаръ, новый лидеръ южныхъ горно-промышленниковъ, объединенныхъ прочной организаціей и, благодаря ей, съ поразительной энергіей отстаивающихъ каждый грошъ, который можетъ перепасть рабочимъ, сказалъ отъ имени своихъ коллегъ: въ отношеніи каменноугольныхъ предпріятій Донецкаго бассейна 20%-ная оцѣнка представляемыхъ рабочимъ безплатныхъ квартиръ во много разъ превышаетъ дѣйствительную ихъ стоимость, „вслѣдствіе чего промышленники, очевидно, принуждены будутъ лишить рабочихъ даровыхъ квартиръ, взимая за пользованіе ими хотя бы по 1 руб. въ годъ“ [1]). Чтобы понять, что значитъ эта невинная

[1]) См. *Горнозаводскій Листокъ*, № 2, 1904, стр. 6533.

на первый взглядъ фраза, какой огромный ущербъ кроется для рабочихъ въ введеніи этой ничтожной платы за квартиры, мы приведемъ расчетъ, сдѣланный тѣмъ же г. Дитмаромъ. Въ 1900 г. средній денежный заработокъ рабочихъ въ шахтахъ составлялъ 343 руб.; но рабочіе, сверхъ того, пользовались безплатными квартирами, стоимость которыхъ при опредѣленіи вознагражденія за увѣчья принимается въ размѣрѣ 20% денежнаго заработка. Квартирное довольствіе слѣдовательно, должно быть оцѣнено по закону въ 69 руб. въ годъ, а всего годовое содержаніе рабочаго въ 412 руб. Съ уничтоженіемъ безплатныхъ квартиръ все мѣняется. „*Взимая* съ рабочаго за квартиру 6 руб. въ годъ и *прибавивъ* ему жалованье 6 р.“,— говорилъ несовсѣмъ грамотно г. Дитмаръ,—годовое содержаніе опредѣлится въ 349 рублей“ [1]). Изъ этого откровеннаго заявленія видно, что назначеніе платы за квартиры—простой обходъ закона, потому что вычетъ за квартиру немедленно же возвращается рабочимъ въ видѣ прибавки къ жалованью. А между тѣмъ, пользуясь подобнымъ пріемомъ, горнопромышленники уменьшаютъ пенсію рабочимъ, вполнѣ потерявшимъ трудоспособность съ 274 руб. до 232 руб. или на 42 руб. въ годъ, при единовременной же уплатѣ всей пенсіи — на 420 руб. И господа горнопромышленники не остались равнодушными къ такому незаконному способу умаленія правъ рабочихъ. Управляющій рудниками южно-русскаго днѣпровскаго металлургическаго общества просилъ окружного инженера Екатеринославскаго округа утвердить таксу на квартиры для рабочихъ Криворожскихъ желѣзныхъ рудниковъ въ размѣрѣ 25 коп. въ мѣсяцъ съ холостыхъ за помѣщеніе въ общихъ казармахъ и 1 руб. за пользованіе отдѣльной семейной квартирой [2]).

Но южные горнопромышленники не ограничились однимъ только этимъ. Они подняли настоящій походъ противъ мѣстныхъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствій, обвиняя тѣхъ въ нарушеніи интересовъ капитала. По закону 2-го іюня въ извѣстныхъ, указанныхъ имъ случаяхъ (ст. 9, 16 и 17), въ основаніе расчета пенсій увѣчнымъ кладется искусственно созданная единица—средняя поденная

---

[1]) Докладъ, стр. 19.

[2]) *Горнозаводскій Листокъ*, № 2, 1904.

плата чернорабочимъ. На ея основаніи вычисляется пенсія малолѣтнимъ, подросткамъ, рабочимъ, занятымъ въ предпріятіяхъ, дѣйствующихъ не круглый годъ, или не получавшимъ въ предпріятіи никакой платы; словомъ, реальное значеніе этой единицы довольно значительно. Заработная плата чернорабочимъ устанавливается присутствіями на каждое трехлѣтіе для всей губерніи или отдѣльныхъ уѣздовъ и мѣстностей. И вотъ противъ этихъ-то, установленныхъ присутствіями, платъ чернорабочимъ и возстали горнопромышленники. Въ цѣломъ рядѣ статей г. Дитмара, принявшаго, повидимому, на себя роль пресловутаго г. Авдакова, горнопромышленники стали доказывать неправильность установленныхъ присутствіями платъ, явно будто бы превышающихъ фактическія цѣны на чернорабочихъ[1]). Присутствія — говорили они—неправильно причисляли къ группѣ чернорабочихъ настоящихъ спеціалистовъ-рабочихъ, разъ только у нихъ на расчетныхъ книжкахъ значилось „чернорабочій“; запрошенныя присутствіями городскія и земскія управы опять-таки сообщали, будто бы цѣны, относящіяся къ спеціалистамъ рабочимъ—плотникамъ, столярамъ и т. д. Такимъ путемъ, по мнѣнію промышленниковъ, и получились цѣны, значительно выше дѣйствительныхъ. Всякій, конечно, понимаетъ, что вся эта кампанія поднята предпринимателями съ цѣлью пониженія пенсій рабочимъ, что все ихъ негодованіе — просто Wuth über den verlorenen Groschen. Они и сами признаются, что „увеличенныя (sic!) присутствіями среднія платы вынудятъ промышленниковъ платить значительно больше, чѣмъ слѣдуетъ по закону“, и выражаютъ опасеніе, какъ бы установленныя присутствіями цѣны не оказали вліянія и „на повышеніе цѣнъ на рабочія руки какъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ“.

Никогда еще не бывало въ Россіи, чтобы съ предпринимателей брали больше, чѣмъ слѣдуетъ по закону. Всегда происходило обратное: предприниматели желали платить и платили рабочимъ меньше, чѣмъ требуется по фабричнымъ законамъ. Такъ оно случилось и теперь. Какимъ образомъ расцѣнка труда, установленная мѣстными по фабричнымъ и

---

[1]) См. статьи въ *Горнозаводскомъ Листкѣ*, въ №№ 2, 7, 14 за 1904 г.

горнозаводскимъ дѣламъ присутствіями, могла быть выше дѣйствительныхъ цѣнъ? Какимъ образомъ присутствія могли совершить дѣйствіе чуть ли не въ явный ущербъ предпринимателямъ? Мы ставимъ эти вопросы, потому что при сколько-нибудь объективномъ отношеніи къ дѣлу такимъ сомнѣніямъ не могло бы быть мѣста. Вѣдь всѣ мы хорошо знаемъ, что изъ десяти членовъ, образующихъ составъ мѣстныхъ присутствій, четыре являются представителями промышленности. Уже однимъ этимъ составомъ, при полномъ отсутствіи представителей отъ трудящихся, заранѣе исключается возможность хоть сколько-нибудь пристрастнаго отношенія къ предпринимателямъ. И дѣйствительно, стоитъ просмотрѣть утвержденныя присутствіями платы[1]), чтобы убѣдиться, какъ мало посягаютъ онѣ на карманы промышлен-

ПРИСУТСТВІЯ.	Взрослые.		Подростки.		Малолѣтніе.	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
С.-Петербургское	70	50	35	30	25	20
Екатеринославское . . .	100	80	60	60	50	50
Харьковское a)	70	60	50	40	30	30
„ b)	60	50	40	35	25	25
Херсонское.	90	—	40	—	30	—
Донское a)	85—60	—	—	—	—	—
„ b)	105—70—75	—	50—35	—	25	—
Виленское	70	60	60	60	30	30
Минское	65	45	50	40	25	20

Примѣчаніе къ таблицѣ. *Харьковское* присутствіе установило двѣ платы: a) для городовъ Харькова, Сумъ и Харьковскаго уѣзда и b) для остальныхъ мѣстностей губерніи. — *Донское* установило отдѣльно платы: a) по окр. Таганрога, Ростова и Н. Черкасска—одну для городовъ, другую — для округовъ и b) по всей области—одну для работъ подземныхъ, другую — для работъ на поверхности, третью—для горныхъ заводовъ.

[1]) Судя по даннымъ, разбросаннымъ въ періодическихъ изданіяхъ, присутствіями утверждены сдѣдующія таксы платъ чернорабочимъ:

никовъ. Изъ четырехъ южныхъ губерній наибольшія платы чернорабочимъ установлены именно въ тѣхъ, которыя извѣстны самой высокой въ Россіи заработной платой (въ Екатеринославской заработокъ рабочаго достигаетъ, по своду отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1901 г., 323 рублей, въ Области Донской — 278 р. и въ Херсонской — 266 р.). Именно противъ этихъ трехъ присутствій и подняли кампанію горнопромышленники. Вслѣдъ за агитаціей въ печати совѣтъ съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи обратился въ Главное по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіе съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ постановленія Екатеринославскаго присутствія о платѣ чернорабочимъ и „опредѣленіи среднихъ поденныхъ платъ чернорабочимъ на мѣстѣ на основаніи фактическихъ данныхъ“ [1]). Горнопромышленники не остановились, слѣдовательно, передъ серьезнымъ упрекомъ по адресу присутствія въ томъ, что оно составляло таксу не на основаніи фактическихъ данныхъ. Эта безцеремонность объясняется тѣмъ поразительнымъ успѣхомъ, котораго добились промышленники въ Харьковскомъ присутствіи. Присутствіе предложило первоначально цѣну въ 85 коп. взрослымъ и соотвѣтствующія цѣны остальнымъ чернорабочимъ. Но поднялось неудовольствіе, и присутствіе признало необходимымъ пригласить къ участію въ засѣданіи представителей разныхъ отраслей промышленности. Такимъ образомъ, сверхъ постоянныхъ членовъ-делегатовъ промышленности, оказались еще приглашенные изъ той же предпринимательской среды, а при такомъ усиленномъ представительствѣ промышленникамъ не стоило никакого труда провести черезъ присутствіе новую, на пятиалтынный пониженную таксу (съ 85 до 70 к. и т. д.), хотя старшій фабричный инспекторъ остался при особомъ мнѣніи, настаивая на правильности сообщенныхъ имъ цифръ [2]). Повторяемъ, нельзя ни на одну минуту сомнѣваться въ томъ, что установленныя тремя названными присутствіями цѣны не превышаютъ дѣйствительныхъ; сомнѣніе можетъ быть только въ обратную сторону, такъ какъ до сихъ поръ вся дѣятельность мѣстныхъ учрежденій носила на себѣ явный

---

[1]) Цитируемъ буквально по *Горнозаводскому Листку*, № 15, 1904.

[2]) См. *Горнозаводскій Листокъ*, № 7, 1904, стр. 6630—31.

отпечатокъ односторонней заботливости объ интересахъ капитала. Если промышленники тѣмъ не менѣе предприняли и противъ нихъ агитацію, то только потому, что „первоначальное накопленіе“ росло и растетъ именно за счетъ всѣхъ такихъ пятиалтынныхъ. Испытавъ въ одномъ присутствіи удачу, почему не попытать счастья въ другомъ?

Предприниматели, однако, и на этомъ не успокоились. Они рѣшили не только обойти законъ и повести борьбу съ органами, его примѣняющими, но и добиться отмѣны тѣхъ его статей, которыя почему-либо кажутся имъ нарушающими ихъ интересы. Прежде всего чуть ли не всѣ собранія горнопромышленниковъ—съѣзды XXVIII-ой юга Россіи, XII-ый Уральскій, V-ый Подмосковный, III-ій Пермскихъ золотопромышленниковъ—приняли рѣшеніе ходатайствовать передъ правительствомъ объ измѣненіи и дополненіи ст. 10-й правилъ 2-го іюня, „не ожидая практики примѣненія ея“, 1) въ томъ смыслѣ, „чтобы промышленникъ по своему усмотрѣнію могъ бы требовать отъ потерпѣвшаго, чтобы онъ лѣчился или въ его заводской больницѣ, если таковая имѣется, или въ другой больницѣ по его усмотрѣнію, оплачивая это лѣченіе, и 2) тѣмъ, что если потерпѣвшій откажется исполнить требованія эти, прерветъ самовольно лѣченіе или вовсе откажется отъ медицинской помощи, онъ тѣмъ самымъ теряетъ право на вознагражденіе“ [1]). Такимъ образомъ горнопромышленники, ссылаясь на некультурность рабочаго, просятъ—ни болѣе, ни менѣе, какъ о лишеніи вознагражденія за увѣчья тѣхъ рабочихъ, которые не пожелали бы лѣчиться тамъ, гдѣ этого потребуетъ предприниматель. Ясно, что ходатайство это предпринято представителями промышленности въ интересахъ своихъ, а не рабочаго. По ст. 10 закона 2 іюня, если потерпѣвшій не пользовался отъ предпринимателя безплатной врачебной помощью, послѣдній обязанъ возмѣстить ему расходы по лѣченію впредь до излѣченія или прекращенія лѣченія. Законъ, слѣдовательно, предоставилъ потерпѣвшимъ неограниченную свободу лѣчиться отъ увѣчій, гдѣ имъ удобнѣе. Иного рѣшенія законодатель не могъ и принять. Оффиціально установлено, что только немногія пред-

[1]) Цитируемъ по резолюціи XII-го съѣзда уральскихъ горнопромышленниковъ, Труды, стр. 61.

пріятія имѣютъ свои больницы и вообще правильно организованную врачебную помощь. Министерство финансовъ открыто называло фабричную медицину „фельдшерской“ медициной со всѣми присущими ей недостатками, а горнозаводская ни въ чемъ ей не уступала. Сказать: рабочій обязанъ лѣчиться въ фабричной или заводской больницѣ—во многихъ случаяхъ значило бы сознательно калѣчить людей. Предоставлять предпринимателю право указывать потерпѣвшимъ другую (не заводскую) больницу или врачей, у которыхъ тѣ обязаны лѣчиться, значило бы насиловать волю свободнаго человѣка, подавлять тотъ могучій инстинктъ самосохраненія, который живетъ въ каждомъ изъ насъ и ведетъ къ конечной цѣли—избавленья отъ страданій и увѣчій—гораздо вѣрнѣе всякихъ попечительныхъ заботъ. Можно бы еще понять предложеніе, которое сводилось бы къ признанію законодательной властью прямой обязанности потерпѣвшихъ лѣчиться, хотя такая обязанность и теперь явно подразумѣвается закономъ. Но принуждать рабочихъ пользоваться врачебной помощью по указанію предпринимателя—это значитъ не только не гарантировать потерпѣвшимъ наиболѣе дѣйствительной медицинской помощи, но и подвергать серьезной опасности прикадлежащее имъ по закону право на вознагражденіе. Дѣйствительно, поднятый промышленниками вопросъ заключается не въ томъ только, будто „потерпѣвшій увѣчье рабочій *часто* въ силу тѣхъ или иныхъ соображеній или же еще чаще по своему неразвитію отказывается лѣчиться, уходитъ изъ больницы, только благодаря чему увѣчье самое незначительное, которое могло бы пройти безслѣдно, даетъ въ результатѣ иногда даже полную инвалидность“, [1])—противъ возможности такихъ случаевъ, повторяемъ, было бы достаточно одного признанія законодателемъ обязанности лѣчиться. Вопросъ, поставленный на съѣздахъ, имѣетъ и другую сторону: въ случаѣ осуществленія предлагаемой предпринимателями поправки къ закону увѣчные рабочіе были бы поставлены въ полную и исключительную зависимость отъ фабричныхъ и заводскихъ врачей, экспертиза которыхъ и будетъ имѣть рѣшающее значеніе для опредѣленія степени утраты трудоспособности, а, слѣдовательно, и размѣра матеріаль-

[1]) Труды, стр. 54.

ныхъ правъ на пенсію. При всемъ уваженіи къ представителямъ врачебной профессіи, каждый, ссылаясь на существующій печальный опытъ, обязанъ сказать, что зависимые отъ предпринимателя заводскіе или фабричные врачи не могутъ защитить и не защищаютъ интересовъ увѣчныхъ рабочихъ съ той энергіей, какой тѣ заслуживали бы. Если, по свидѣтельству оффиціально командированнаго на югъ лица (въ 1902 г.), на нѣкоторыхъ рудникахъ „врачи, получая вознагражденіе отъ страховыхъ обществъ, являлись въ сущности тѣми же агентами“ [1]) (въ дѣятельности которыхъ органы надзора и авторъ отчета раскрыли самыя непривлекательныя стороны), то можно ли ждать нелицепріятнаго отношенія фабричныхъ и горнозаводскихъ врачей въ такомъ щекотливомъ для нихъ дѣлѣ, гдѣ приходится выбирать между непосредственными интересами властвующаго надъ ними предпринимателя и интересами увѣчныхъ рабочихъ? Правда, вслѣдствіе недомолвки ли, или сознательнаго намѣренія законодателя, и теперь рабочіе нисколько не гарантированы отъ вредныхъ сторонъ дѣятельности зависимыхъ фабричныхъ и заводскихъ врачей. По правиламъ новаго закона, при полученіи извѣщенія о несчастномъ случаѣ, полиція приглашаетъ „врача“ для медицинскаго освидѣтельствованія и участія въ составляемомъ ею протоколѣ (если протоколъ составленъ безъ участія „врача“, его приглашаютъ въ извѣстные сроки владѣлецъ или завѣдующій предпріятіемъ). Законъ не говоритъ, о какомъ врачѣ идетъ рѣчь; лишь въ дальнѣйшихъ статьяхъ (ст. 24—28) онъ заявляетъ, что для составленія медицинскихъ свидѣтельствъ, требуемыхъ какъ при полицейскомъ протоколѣ, такъ и позднѣе—при опредѣленіи степени утраты трудоспособности, каждая изъ сторонъ *имѣетъ право* приглашать *уѣзднаго, городового* или *полицейскаго врача*. Изъ сопоставленія этихъ статей закона предприниматели (напр.—пермскіе золотопромышленники) вывели заключеніе, повидимому, правильное, что для опредѣленія характера полученнаго поврежденія и заключенія по вопросу о потерѣ или сокращеніи работоспособности законъ не исключаетъ возможности приглашать *заводскаго* или земскаго врача,

[1]) См. отчетъ по командировкѣ Л. Бертенсона въ журналѣ *Промышленность и Здоровье*, январь 1903.

такъ какъ указаніе на правительственныхъ—уѣзднаго, городового или полицейскаго—врачей сдѣлано лишь въ смыслѣ обязательности для этихъ врачей явки по требованію заинтересованной стороны. И судебная практика признала по одному дѣлу, что даже заводскій врачъ обязанъ по приглашенію полиціи являться для освидѣтельствованія потерпѣвшаго Несомнѣнно, что владѣльцы фабрикъ и заводовъ, пользуясь своимъ правомъ, будутъ для всякихъ освидѣтельствованій главнымъ образомъ приглашать своихъ фабричныхъ или заводскихъ врачей. Существующая вѣроятность участія въ освидѣтельствованіи врачей хозяйской стороны до нѣкоторой степени парализуется правомъ потерпѣвшихъ по своему усмотрѣнію избирать врачей для лѣченія и освидѣтельствованія. Неравенство положенія—юридическаго и соціальнаго—той и другой стороны поведетъ, конечно, къ тому, что и теперь предприниматели будутъ значительно энергичнѣе и съ большимъ успѣхомъ осуществлять свое право, чѣмъ рабочіе. Если законодатель, слѣдуя требованіямъ предпринимателя, признаетъ *обязанностью* потерпѣвшихъ лѣчиться по указанію предпринимателей, то медицинская экспертиза, играющая такую исключительную роль при опредѣленіи матеріальнаго вознагражденія увѣчныхъ, будетъ всецѣло передана въ руки фабрично-заводскихъ врачей и, слѣдовательно, поставлена въ зависимость отъ интересовъ хозяйскихъ.

Пользуясь полнымъ умолчаніемъ закона и инструкціи о тѣхъ таблицахъ, которыми слѣдуетъ пользоваться лицамъ и учрежденіямъ, примѣняющимъ новыя правила объ отвѣтственности и въ частности устанавливающимъ степень утраты трудоспособности, предприниматели сосредоточили это дѣло въ своихъ рукахъ: на разныхъ съѣздахъ рѣшено уже образовать особыя совѣщанія *заводскихъ* и *фабричныхъ* врачей для выработки соотвѣтствующей скалы. Всякій пойметъ, что и тутъ должно сказаться зависимое положеніе врачей отъ предпринимателей, что и тутъ должны пострадать интересы рабочихъ. При правильной постановкѣ дѣла лѣченіе увѣчныхъ и опредѣленіе степени ихъ инвалидности должно было бы находиться въ рукахъ совершенно независимыхъ учрежденій и врачей—земскихъ, городскихъ или даже правительственныхъ, спеціально къ тому назначенныхъ, но отнюдь не заводскихъ или фабричныхъ.

Какъ ни благосклоненъ законъ къ интересамъ предпринимателей, въ ихъ глазахъ онъ оказался повиннымъ и въ томъ, что нарушаетъ принципъ равноправности сторонъ и даетъ преимущество одной сторонѣ—рабочимъ въ ущербъ другой. Такое нарушеніе найдено ими въ введеніи новаго указанія въ ст. 737 уст. граж. суд. о томъ, что судебныя рѣшенія, состоявшіяся по дѣламъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, подлежатъ предварительному исполненію, т.-е. взысканіе присужденнаго вознагражденія можетъ быть допущено немедленно же по постановленіи судебнаго рѣшенія и прежде вступленія его въ законную силу. Такая практика—говорили представители промышленности—во многихъ случаяхъ поведетъ къ тому, что владѣлецъ предпріятія, обязанный немедленно уплатить потерпѣвшему рабочему присужденное вознагражденіе, не будетъ имѣть возможности, въ случаѣ отмѣны этого рѣшенія второй инстанціей, вернуть уплаченное, такъ какъ полученныя рабочимъ по суду деньги будутъ, внѣ сомнѣнія, израсходованы, взысканіе же съ движимаго или недвижимаго имущества крестьянина или мастерового фактически почти невозможно [1]). И промышленники, возмущенные своимъ безправіемъ въ сравненіи съ рабочими, постановили возбудить ходатайство о томъ, „чтобы къ предварительному исполненію могли бы направляться рѣшенія по вознагражденію потерпѣвшихъ лишь при условіи непревышенія суммы, размѣръ которой обусловливаетъ разрѣшеніе земскимъ начальникамъ направлять дѣла, рѣшаемыя ими, къ предварительному исполненію“ [2]). Другими словами, по мнѣнію представителей промышленности, законодатель не долженъ дозволить предварительнаго исполненія на сумму свыше 300 руб. Вотъ въ чемъ несправедливость и вотъ средства къ ея устраненію. Изобразивъ столь печальнымъ свое положеніе, промышленники позабыли, однако, въ своей аргументаціи упомянуть объ одной „маленькой“ подробности. Признавъ возможнымъ предварительное исполненіе судебныхъ рѣшеній по дѣламъ объ увѣчьяхъ, законодатель прямо заявилъ (ст. 738 уст. гр. суд.), что „отъ суда зависитъ допустить предварительное исполненіе рѣ-

[1]) См. Труды, стр. 89.

[2]) Труды, стр. 61. Резолюція эта, принятая на XII урал. съѣздѣ, повторяется и на другихъ съѣздахъ.

шенія безъ истребованія или съ истребованіемъ обезпеченія отъ стороны, просящей объ исполненіи". Обезпеченіе это можетъ заключаться въ пріостановленіи передачи истцу или продажи арестованнаго или описаннаго имущества или передачи истцу суммъ, взысканныхъ уже или имѣющихъ быть взысканными съ отвѣтчика. Такимъ образомъ отъ *суда* зависитъ, допустить ли предварительное исполненіе, или нѣтъ (ср. ст. 736 уст. гр. суд.); но судъ не станетъ злоупотреблять этимъ правомъ въ ущербъ предпринимателю, тѣмъ болѣе что судъ можетъ потребовать обезпеченія отъ стороны, просящей объ исполненіи, а въ такомъ случаѣ предпринимателю не грозитъ никакой матеріальной опасности. При такомъ порядкѣ не представлялось никакой необходимости въ особыхъ законодательныхъ мѣрахъ по огражденію якобы нарушенныхъ интересовъ предпринимателей. Но въ томъ и дѣло, что предприниматели озабочены не самымъ принципомъ предварительнаго исполненія рѣшенія, а суммой, которая можетъ быть этимъ предварительнымъ путемъ взыскана съ нихъ. Чтобы обезопасить себя отъ послѣдствій предварительнаго исполненія, они и рѣшили обезпечить себя на всякій случай предѣльной суммой въ 300 руб. Добившись такого постановленія, предприниматели могли бы безъ всякаго для себя риска томить увѣчнаго по судамъ. Пусть рабочій, получавшій 300 руб. въ годъ, лишится полной трудоспособности. При единовременномъ расчетѣ онъ долженъ былъ бы получить 2000 руб., и если бы судъ, присудивъ истцу эту сумму, допустилъ предварительное исполненіе, предприниматель надолго избавился бы отъ исполненія своего обязательства уплатой трехсотъ руб. Это ли не просто и удобно! Это ли не равенство въ правахъ рабочаго и заводчика!

Претензіи предпринимателей къ новому закону получили еще одно очень характерное выраженіе. Все, что мы слышали отъ нихъ до сихъ поръ, сводилось къ признанію необходимости облегчить „непосильное" бремя предпринимателей измѣненіемъ тѣхъ или иныхъ его статей. Но золотопромышленники Пермской губерніи и этимъ не удовлетворились. Законъ 2-го іюня 1903 г. — говорилось на III-мъ съѣздѣ — ставитъ многихъ мелкихъ и даже среднихъ промышленниковъ въ тяжелое положеніе, и на практикѣ могутъ возникнуть

случаи, когда золотопромышленникъ окажется не въ состояніи выплачивать пострадавшему рабочему присужденную ему пенсію. Какъ же быть? Съѣздъ разрѣшилъ сомнѣнія просто и оригинально. Исходя изъ вышеприведеннаго соображенія, съѣздъ постановилъ ходатайствовать, чтобы, въ слу́чаѣ несостоятельности золотопромышленника въ уплатѣ пенсій пострадавшимъ рабочимъ, *правительство приняло этотъ расходъ на себя*[1]). Итакъ, законъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими долженъ, по мнѣнію промышленниковъ, быть замѣненъ не чѣмъ инымъ, какъ закономъ объ отвѣтственности... правительства! По небрежности и алчности золотопромышленника рабочіе будутъ калѣчиться обвалами породы, у золотопромывальныхъ машинъ, а платить за вознагражденіе по увѣчью будетъ казна изъ тѣхъ, можетъ быть, денегъ, которыя собраны были путемъ налоговъ съ самихъ потерпѣвшихъ. Что же! Школа протекціонизма пріучила нашихъ предпринимателей ко всему. Если промышленныя и банковыя предпріятія въ теченіе ряда лѣтъ пользуются ссудами изъ Государственнаго банка на особыхъ основаніяхъ, почему же не зародиться было идеѣ, что правительство обязано платить по неисполненнымъ предпринимателями обязательствамъ?

Мы привели рядъ фактовъ и возраженій, выдвинутыхъ представителями промышленнаго капитала противъ закона 2-го іюня и достаточно ярко характеризующихъ цѣль поднятой ими агитаціи. Предприниматели находятъ законъ полнымъ недостатковъ и несовершенствъ. Въ этомъ они глубоко правы. Общая и спеціальная печать не перестаетъ раскрывать слабыя стороны новыхъ правилъ — какъ ихъ идеи, такъ и исполненія. Но въ то время какъ незаинтересованные критики видятъ эту слабость именно въ томъ, что законъ съ поразительнымъ снисхожденіемъ отнесся къ интересамъ предпринимателей и потому представляетъ лишь нерѣшительную попытку обезпеченія увѣчныхъ рабочихъ, предприниматели со всей присущей имъ энергіей повели аттаку противъ закона, какъ мѣры, будто бы по отношенію къ нимъ несправедливой, требующей отъ нихъ непосиль-

---

[1]) См. *Уральское Горное Обозрѣніе*, № 9. 1904 г.

ныхъ жертвъ и чуть ли не грозящей имъ полнымъ разоренiемъ. Отсюда почти всѣ ихъ требованiя сводятся къ отмѣнѣ или иной редакцiи тѣхъ статей закона, которыя прямо или косвенно касаются интересовъ предпринимателей. Эта агитацiя ведется ими такъ рѣшительно и съ такимъ искусствомъ, а общественная власть, принадлежащая въ странѣ представителямъ капитала, такъ велика, что нѣтъ ничего невѣроятнаго, если законодатель уступитъ дружному напору соединенныхъ силъ, и пойдетъ на тѣ или иныя измѣненiя. Во Францiи агитацiя предпринимателей противъ закона 1898 года объ отвѣтственности за несчастные случаи привела къ фактической отсрочкѣ введенiя его въ дѣйствiе. Въ Россiи подъ вліянiемъ тѣхъ же предпринимательскихъ интересовъ законъ получилъ совершенно иное, несравненно болѣе умѣренное, содержанiе, чѣмъ въ первоначальныхъ законопроектахъ. Но предпринимателямъ и этого мало—они требуютъ реформы закона въ томъ же регрессивномъ направленiи, вторично посягая на интересы увѣчныхъ рабочихъ, и безъ того слабо огражденные. Нѣкоторые представители промышленности, въ оправданiе и объясненiе поднятой ими агитацiи, ссылаются на то, будто „появленiе новаго закона было неожиданностью для нихъ“; „если бы новый законъ не былъ продуктомъ канцелярской работы, а былъ бы предварительно обсужденъ и разработанъ какъ на съѣздахъ горнопромышленниковъ, такъ и въ правительственныхъ комиссiяхъ съ участiемъ уполномоченныхъ представителей разныхъ отраслей промышленности, то многихъ недоразумѣнiй при проведенiи въ жизнь идеи вознагражденiя потерпѣвшихъ рабочихъ не было бы...“ [1]). Но во всемъ этомъ объясненiи нѣтъ почти ни слова правды. Изъ заявленiя совѣта XII-ому съѣзду уральскихъ горнопромышленниковъ мы знаемъ, напротивъ, что опубликованiе закона „не является неожиданностью, ибо еще вниманiю VIII съѣзда въ 1900 году былъ представленъ проектъ этого закона“ [2]). Изъ оффiцiальной исторiи закона извѣстно, что къ совѣщанiямъ по разработкѣ законопроекта, происходившимъ въ 1899—1901 гг. подъ предсѣдательствомъ В. И. Ковалевскаго, были приглашены представи-

---

[1]) *Горнозаводскiй Листокъ*, № 2, 1904, стр. 6533—34.
[2]) Труды, стр. 51.

тели отъ промышленности. Если же новыя правила о вознагражденіи за увѣчья „явились продуктомъ канцелярской работы“, то не потому, чтобы при ихъ разработкѣ недостаточно были представлены интересы предпринимателей (въ дѣйствительности было совсѣмъ иное), а потому, что не была выслушана другая сторона, для которой „несчастные случаи, причиненные работами по производству предпріятія или происшедшіе вслѣдствіе таковыхъ работъ“ являются не объективнымъ юридическимъ терминомъ закона, а реальной и тяжелой дѣйствительностью.

Возбужденная предпринимателями агитація затрогиваетъ самые важные общественные интересы въ лицѣ тысячъ потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ и членовъ ихъ семействъ. Вотъ почему печать, въ сознаніи важности рѣшающагося здѣсь вопроса, обязана неустанно повторять и доказывать, что выдвигаемая представителями промышленности реформа направлена не къ улучшенію редакціи закона со стороны юридической техники, а къ пониженію установленныхъ въ немъ требованій по вознагражденію за увѣчья и, слѣдовательно, къ умаленію принадлежащихъ увѣчнымъ правъ. Всякая въ этомъ направленіи уступка предпринимателямъ будетъ произведена за счетъ увѣчныхъ и только ихъ однихъ.

Полицейскій соціализмъ въ Россіи*) (зубатовщина).

Великій 1905 годъ—годъ славныхъ побѣдъ и неслыханныхъ страданій пролетаріата — показалъ всему міру удивительную политическую зрѣлость и организованность русскаго рабочаго. Вчерашніе рабы, забитые и безправные, повели ожесточенную борьбу съ полицейскимъ самовластіемъ, вынося всю тяжесть ея на своихъ плечахъ. Пролетаріатъ выказалъ чудеса героизма и самоотверженія, сознательности и дисциплины,—и на его грозную силу правительство обрушилось всѣмъ своимъ военно-полицейскимъ аппаратомъ, съ чудовищной жестокостью подавляя всякое политическое движеніе среди рабочихъ. Правительство поняло, что его смертельный и непримиримый врагъ — не буржуазія, не либералы, а одинъ только пролетаріатъ, организованный въ соціалъ-демократическую партію. Поняло то, о чемъ смутно догадывалось многіе годы. Правительство давно ждало появленія своего врага, пыталось задушить его еще въ колыбели, но всѣ попытки должны были остаться и остались безплодными. Пролетаріатъ росъ числомъ и сознаніемъ и, когда почувствовалъ свои силы, первымъ вступилъ въ бой на завоеваніе свободы и счастья для измученной и разоренной самодержавіемъ страны. Пролетаріатъ сталъ подъ красныя знамена...

Правительство не „уберегло“, пролетаріатъ оберегся: онъ пошелъ туда, куда зовутъ его классовые интересы.

Пролетаріатъ и самодержавіе непримиримы. Политика полицейскаго правительства въ рабочемъ вопросѣ состояла въ поддержаніи монархіи за счетъ пролетаріата. И въ тотъ моментъ, когда пролетаріатъ, отказавшись отъ роли пассив-

---

*) Статья эта издана была подъ тѣмъ же заглавіемъ подъ псевдонимомъ Григорьевскаго въ видѣ отдѣльной брошюры въ 1906 г. Журналъ „Образованіе“.

ной жертвы, нашелъ въ себѣ силы стать активнымъ творцомъ новыхъ политическихъ формъ, существующій строй раскрылъ всю свою вражду къ рабочему классу. Если въ прежніе годы тупые буржуа могли еще питать иллюзіи о возможности у насъ соціальной монархіи, то 1905 годъ уничтожилъ ихъ окончательно: связь самодержавія съ пролетаріатомъ поддержана была... одними лишь пушками и пулеметами. Разрывъ, рѣшительный и безповоротный, между пролетаріатомъ и самодержавіемъ былъ неизбѣженъ. Онъ подготовлялся развитіемъ капиталистическаго хозяйства и вытекалъ изъ него. Въ январскіе и декабрскіе дни правительство пустило въ ходъ свой послѣдній аргументъ — силу штыковъ. До этой кровавой развязки штыки замѣнялись чаще плетью, тюрьмой и цѣлой системой утонченнаго полицейскаго воздѣйствія. Правительство не останавливалось передъ самыми свирѣпыми и хитроумными махинаціями, лишь бы укрѣпить рабочихъ на пути монархической вѣрноподданности. Изобрѣтательности его въ полицейскомъ укрощеніи рабочаго класса не было конца, — и все же пораженіе самодержавнаго правительства было неотвратимо. Въ этомъ убѣждаетъ драматическая развязка полицейскаго соціализма — грандіознаго опыта, предпринятаго самодержавнымъ правительствомъ для искорененія крамолы въ рабочемъ классѣ.

Вся политика правительства въ отношеніи къ рабочимъ въ теченіе десятковъ лѣтъ заключалась въ мѣрахъ полицейскаго укрощенія. Законодатель и администрація пытались привести рабочую массу въ состояніе тишины и спокойствія, всегда считавшихся въ полицейскомъ государствѣ показателемъ благополучія гражданъ. Издававшіеся съ этой цѣлью законы и распоряженія направлены были съ одной стороны къ физическому прекращенію возникшихъ и проявившихся наружу недовольства и „безпорядковъ“; съ другой—къ созданію такихъ „попечительныхъ“ нормъ, которыя бы не дали рабочимъ возможности впредь выказывать свое недовольство: фабрика, по уставу о промышленности, превращена была въ какой-то дисциплинарный батальонъ, въ которомъ заводской администраціи и полиціи предоставлена карательная власть надъ рабочими, а рабочіе лишены

какой бы то ни было самостоятельности. Но этихъ мѣръ пресѣченія и предупрежденія оказалось мало. Рабочее движеніе не только не утихало, а, наоборотъ, съ каждымъ годомъ принимало все большіе размѣры. Ни административныя, ни уголовныя кары не могли удержать рабочихъ отъ неуклоннаго движенія впередъ—къ измѣненію не только экономическаго, но и правового своего положенія. Среди рабочихъ быстро распространялось политическое самосознаніе: политическая пропаганда, какъ видно изъ множества дѣлъ о такъ называемыхъ политическихъ преступленіяхъ, несмотря на жестокія репрессіи, захватывала все большія рабочія массы. Соціализмъ дѣлалъ блестящія завоеванія. И тутъ-то у нашей бюрократіи родилась коварная мысль: захватить потокъ рабочаго движенія въ свои руки, отвести его съ политическаго русла на свою полицейскую мельницу и использовать его въ своихъ интересахъ. Недостаточно каръ и пресѣченій—надо дать рабочимъ что-нибудь положительное и самимъ вмѣшаться во внутренній міръ рабочаго, противопоставивъ свою пропаганду революціонной. Тогда вмѣсто ожесточенія и недовольства существующимъ правительствомъ —разсуждали въ канцеляріяхъ и участкахъ,—рабочіе почувствуютъ къ нему привязанность и благодарность,—и у революціонеровъ исчезнетъ почва подъ ногами. Но какъ это сдѣлать? Задача была не изъ легкихъ. Чтобы привлечь рабочій классъ на свою сторону, у правительства оставался одинъ только путь экономическихъ уступокъ (политическихъ уступокъ самодержавіе не желало и не могло дать), а для этого пришлось бы по меньшей мѣрѣ: 1) измѣнить фабричное законодательство въ пользу рабочихъ и 2) предоставить имъ право союзовъ, собраній, стачекъ. Но первое неизбѣжно связано съ „посягательствомъ“ на интересы капитала, составлявшаго опору существующаго правительства. Въ то же время эксплоатація труда капиталомъ есть фактъ, все болѣе возбуждающій рабочихъ противъ фабрикантовъ и покровительствующей имъ власти. Зачѣмъ же власти терять свой престижъ изъ-за интересовъ капитала, отождествляемыхъ съ интересами правительства? Зачѣмъ правительству—глубокомысленно разсуждали въ участкахъ—изъ-за неудовольствія рабочихъ капиталистической эксплоатаціей терять вѣрноподданныхъ монархистовъ? Надо раздѣлить интересы капитала

и власти и,—такъ какъ противъ капиталистовъ, друзей существующаго строя, все же нельзя было открыто выступить,—вести противъ капитала борьбу тайно, негласно. Второе рѣшеніе—признаніе за рабочими права союзовъ, собраній, стачекъ—встрѣчало еще большія затрудненія. Права эти несовмѣстимы съ даннымъ политическимъ строемъ: пытаться такими средствами сохранить неограниченную монархію, значитъ подкапываться подъ нее самое. Но рабочіе силой вещей толкаются на путь объединенія, это движеніе неизбѣжно; предстояла, слѣдовательно, задача захватить это движеніе, объединить рабочихъ, не давая имъ права союзовъ, собраній и стачекъ, а этого при данныхъ политическихъ условіяхъ и во имя сохраненія этихъ условій можно достигнуть лишь тайнымъ, негласнымъ путемъ. Такимъ образомъ планъ овладѣть рабочимъ движеніемъ неизбѣжно требовалъ для своего осуществленія таинственныхъ, негласныхъ средствъ. Это диктовалось и самой цѣлью задуманной мѣры: вѣдь она заключалась въ томъ, чтобы подъ видомъ покровительства и защиты интересовъ труда отвести рабочихъ, незамѣтно для нихъ самихъ, отъ вліянія противоправительственной пропаганды и всѣми силами удержать ихъ на новомъ, „легальномъ“ пути; а такія задачи не принято раскрывать. Стоило рабочимъ разузнать въ чемъ дѣло, понять истинныя намѣренія руководителей „рабочаго движенія съ дозволенія начальства“ и подлинную ихъ идейную физіономію—и новый курсъ немедленно былъ бы взятъ рабочими на подозрѣніе, и правительственная пропаганда не достигла бы никакихъ результатовъ. Словомъ, положеніе вещей, цѣль и средства требовали таинственности, внѣзаконности и достойныхъ такой конфиденціальности исполнителей. Для этого нѣтъ болѣе подходящаго учрежденія, какъ тайная полиція въ лицѣ охранныхъ отдѣленій.

Таковъ, повидимому, былъ планъ организаторовъ правительственнаго рабочаго движенія. Разъ вмѣшательство власти съ цѣлью предупрежденія политической пропаганды среди рабочихъ признано полезнымъ и необходимымъ въ интересахъ самодержавнаго правительства, то при существующихъ политическихъ условіяхъ оно неизбѣжно должно было стать дѣломъ тайной полиціи; полицейскій по идеѣ „соціализмъ“ долженъ былъ стать полицейскимъ и на практикѣ.

Иниціаторомъ этого дѣла выступилъ бывшій начальникъ московскаго охраннаго отдѣленія Зубатовъ, встрѣтившій сочувствіе въ средѣ московской администраціи въ лицѣ тогдашняго генералъ-губернатора великаго князя Сергія Александровича и оберъ-полицеймейстера Трепова.

Идея полицейскаго соціализма была, конечно, не русскимъ изобрѣтеніемъ. Несмотря на кажущуюся самобытность русской зубатовщины, бюрократія и здѣсь имѣла передъ собой достойные примѣры „гнилого“ Запада,—Франціи прежде всего. Самодержавное правительство дѣйствовало такъ, какъ правительство Наполеона III. Жестоко подавляя всякія попытки рабочаго класса къ самостоятельности, къ политическому объединенію, къ организаціи союзовъ и стачекъ, преслѣдуя республиканскія и соціалистическія идеи четвертаго сословія, наполеоновское правительство въ то же время пыталось склонить на свою сторону симпатіи рабочихъ и внушить имъ довѣріе къ имперіи. Сначала оно прибѣгало къ мѣрамъ матеріальной помощи рабочимъ, широко организуя общественныя работы или устраивая рабочія квартиры, затѣмъ повело идейную кампанію въ рабочихъ массахъ при посредствѣ кузена императора, принца Наполеона. И какъ напоминаетъ эта кампанія наши зубатовскіе пріемы! Конечно, русскій рабочій нашихъ дней не пережилъ, подобно французскому пролетаріату, временъ республики, не зналъ и всеобщаго избирательнаго права, какъ права (а не идеи). Не прятался и принцъ Наполеонъ за стѣнами охраннаго отдѣленія. Но все же агитація велась не безъ игры въ прятки. Такъ какъ правительство не желало разрѣшить политической кампаніи во Франціи, то ее начали за границей, въ журналѣ „l'Esperance“, провозгласившемъ союзъ между имперіей и рабочими классами (1860), а затѣмъ повели въ самой странѣ въ цѣломъ ряду „рабочихъ брошюръ“. Многія изъ этихъ брошюръ, по свидѣтельству Фрибура, хотя и подписаны были именами извѣстныхъ массѣ рабочихъ, были написаны редакторами на жалованіи у правительства[1]). Несмотря на всѣ эти отличія политическаго и организаціоннаго свойства, кругъ идей, внушавшихся рабочимъ, до по-

[1]) Вейль утверждаетъ, что всѣ другія свидѣтельства говорятъ за то, что брошюры были написаны самими рабочими.

разительности напоминалъ зубатовщину. Зубатовцы проводили мысль о вредѣ политическаго движенія для рабочихъ. А въ рабочихъ брошюрахъ внушали рабочимъ: „Довольно съ насъ политическихъ декламацій! Мы хотимъ хлѣба“. Зубатовцы напирали на фабрикантовъ, какъ единственныхъ и главныхъ виновниковъ бѣдственнаго положенія рабочей массы, а друзья французской имперіи восклицали: „Орлеанистская буржуазія, оставшаяся владычицей высокихъ общественныхъ должностей, сѣетъ раздоръ между народомъ и императоромъ“. Зубатовскій „рабочій“ писалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, что глава верховной власти является отцомъ и другомъ рабочихъ. А одна изъ французскихъ брошюръ заканчивалась словами: „Соединимтесь вокругъ императора въ тотъ моментъ, когда привилегированные удаляются отъ его трона. Онъ пересоздалъ Румынію, Италію и вскорѣ освободитъ Польшу, Венгрію, а затѣмъ всѣ угнетенные народы. Онъ поощрилъ общества взаимнаго вспомоществованія, разрѣшилъ кооперативныя общества, заключилъ выгодные торговые договоры, предпринялъ грандіозныя публичныя работы и вскорѣ приступитъ къ реформамъ, желаннымъ рабочими[1]).

Такъ дѣйствовали во Франціи предтечи русской зубатовщины. Были они и у нашихъ ближайшихъ сосѣдей съ Запада.

Роль Зубатова прусское правительство еще въ 1862 году поручило „рабочему“ Эйхлеру. Въ противовѣсъ рабочимъ союзамъ, возникавшимъ подъ вліяніемъ ненавистной правительству прогрессивной партіи, Эйхлеръ сталъ вести пропаганду въ томъ смыслѣ, что союзы эти, основанные на самопомощи, никакой пользы рабочему принести не могутъ, что лишь правительство въ состояніи оказать рабочимъ поддержку, и проговорился, что Бисмаркъ, глава правительства, готовъ дать 30,000 талеровъ на устройство производительнаго товарищества. Но прусскіе рабочіе не поддались, и агитація провалилась. „Рабочій“ Эйхлеръ исчезъ съ лица

---

[1]) См. Weill, „Histoire du mouvement social en France“. Paris. 1904. pp. 55—58. Недовѣріе парижскихъ рабочихъ ко всему, что исходило или было связано съ именемъ Наполеона III, было такъ велико, что учредителямъ французской секціи „Интернаціонала“ пришлось прежде всего разувѣрять рабочихъ, что „Интернаціоналъ“ не наполеоновская затѣя. (Weill, p. 99).

земли, чтобы вскорѣ воскреснуть въ видѣ... полицейскаго агента. И когда въ 1878 г. соціалисты напомнили Бисмарку про миссію Эйхлера, Бисмаркъ вынужденъ былъ согласиться, что „Эйхлеръ находился на службѣ у полиціи и доставлялъ отчеты“[1]).

Мы не настаиваемъ, конечно, на томъ, чтобы русская бюрократія сознательно слѣдовала французскому или прусскому образцу: для этого она была прежде всего слишкомъ невѣжественна. Одинаковые интересы момента заставили ее прибѣгнуть къ аналогичнымъ средствамъ, хотя по размѣрамъ движенія, его характеру и результатамъ русскій полицейскій „соціализмъ“ оказался неимѣющимъ себѣ равнаго.

Подробная исторія этого чреватаго колоссальными послѣдствіями начинанія еще не вполнѣ выяснена. Оглашанные въ печати факты позволяютъ съ достовѣрностью установить лишь главные моменты въ развитіи „полицейскаго соціализма“ [2]). Зубатовъ и его полицейскіе агенты: „рабочіе“ Аѳанасьевъ, Слѣповъ, Красивскій, Жилкинъ, Чибриковъ, Янченковъ и другіе повели дѣло въ двоякомъ направленіи. Во-первыхъ, приступили къ агитаціи среди рабочихъ въ защиту попранныхъ правъ, преимущественно матеріальнаго свойства. Съ открытыми листами, выданными московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, какъ предсѣдателемъ московскаго столичнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія, „рабочіе“ входили на фабрики, вопреки запрету владѣльцевъ и фабричной инспекціи, и вступались здѣсь за рабочихъ передъ фабричной администраціей, дѣйствуя отъ имени „Союза московскихъ рабочихъ“, импонируя рабочимъ своей неприкосновенностью и своей дѣятельностью. На фабрикѣ французскаго подданнаго Гужона весной 1902 г. агенты эти подъ угрозой забастовки предъявили къ заводоуправленію отъ имени рабочихъ претензію въ 40.000 р., недополученныхъ рабочими съ фабрики. Фабричная администрація отказала, на фабрикѣ началась забастовка; владѣльцу фабрики полиція стала угрожать арестомъ и высылкой, если онъ не выполнитъ требованія

---

[1]) См. предисловіе Бернштейна къ сочиненіямъ Лассаля. Стр. 109 и 110 нѣмецкаго изданія.

[2]) Наиболѣе полно собраны относящіеся сюда факты въ заграничной нелегальной печати и въ рядѣ статей „Какъ устраивали въ Москвѣ рабочій вопросъ“, помѣщенныхъ въ шараповской газетѣ „Русское Дѣло“ за 1905 годъ, №№ 3, 4, 5 и слѣд.

рабочихъ, и только вмѣшательство французскаго посла положило конецъ многонашумѣвшему въ Москвѣ инциденту. Агенты переходили съ фабрики на фабрику, требуя отъ фабричной администраціи даже помѣщенія подъ устройство отдѣленій Союза. Арестованный на одной изъ фабрикъ Московскаго уѣзда „рабочій“ Янченковъ показалъ: „Рабочіе объ отводѣ имъ помѣщенія (для отдѣленія Союза) не будутъ спрашивать разрѣшенія ни хозяина, ни конторы, ни станового пристава, ни исправника, а выберутъ самиподходящее мѣсто и будутъ тамъ собираться, а въ случаѣ притѣсненій прямо обратятся къ Булыгину. Митрополитъ московскій Владиміръ вступилъ первымъ въ члены Союза, а московскій оберъ-полицеймейстеръ пожертвовалъ печатный станокъ, на которомъ печатаютъ теперь разные листки и брошюры“... Въ заключеніе своего показанія Янченковъ присовокупилъ, что „прошло время, когда были рабовладѣльцы и рабы, и когда рабы, уподобляясь пчеламъ, кормили своихъ господъ „задарма“: теперь и рабы будутъ жить какъ господа“ [1]). Арестованные жандармскимъ начальствомъ и препровожденные въ Москву, Янченковъ, Чибриковъ и Васютинъ были... тотчасъ же освобождены московскими властями. Не станемъ приводить другихъ случаевъ, такъ какъ уже здѣсь вскрывается одна изъ сторонъ „полицейскаго соціализма“. „Рабочіе“ агенты направляли главное оружіе своей агитаціи противъ фабрикантовъ и ихъ эксплоататорской дѣятельности: въ ихъ объясненіи къ этому сводилась единственная причина бѣдственнаго положенія рабочихъ. На неразвитую массу рабочихъ центральнаго района такое объясненіе могло производить большое впечатлѣніе и встрѣчать въ ней вѣру, тѣмъ болѣе, что „рабочіе“ дѣйствовали съ исключительной „убѣжденностью“ и свободой, заставлявшими предполагать, что на ихъ сторонѣ не только правда, но и начальство. Рабочія забастовки, союзы и агитаціи запрещены,—и тѣмъ не менѣе забастовка, союзы и агитація, идущія отъ извѣстныхъ лицъ, не влекутъ за собой никакого наказанія ни для этихъ лицъ, ни для ихъ послѣдователей. Такой фактъ, разумѣется, не могъ не производить на рабочихъ сильнаго впечатлѣнія. Къ тому же, разоблачая мнимые или дѣйствительные грѣхи

[1]) „Русское Дѣло“. № 3. Стр. 9—10.

предпринимателей, „рабочіе“ противопоставляли ихъ разрушительной и вредной власти благожелательное отношеніе правительства къ рабочимъ, разбивающееся о противодѣйствіе со стороны фабрикантовъ. Агенты не останавливались даже передъ заманчивой картиной соціалистическихъ порядковъ, увѣряя рабочихъ, что правительство велитъ вскорѣ отобрать фабрики у фабрикантовъ и передать ихъ рабочимъ, и подобныя увѣренія не казались рабочимъ далекими отъ истины, такъ какъ забастовщикамъ, напр., на фабрикѣ Гужона агенты выдавали изъ таинственной кассы союза по 250 р. въ недѣлю. Правительство готово все сдѣлать для рабочихъ, если только рабочіе не будутъ слушаться „мелкихъ интеллигентовъ“. Въ нихъ агенты охраннаго отдѣленія указывали рабочимъ второго главнаго врага. Мелкій интеллигентъ—подъ этимъ названіемъ слыли соціалъ-демократическіе агитаторы—стремится совратить рабочихъ съ истиннаго пути во вредъ интересамъ рабочихъ. Политическая агитація способна погубить только дѣло рабочихъ: рабочіе не заинтересованы ни въ какой политикѣ, они должны твердо стоять на пути однихъ лишь экономическихъ требованій и слѣдовать указаніямъ власти; все остальное приложится отъ правительства. Политическіе агитаторы приносятъ рабочимъ лишь тюрьму и страданія и нисколько не облегчаютъ участи рабочихъ, такъ какъ мелкій интеллигентъ при посредствѣ рабочихъ добивается своихъ, чуждыхъ рабочимъ, цѣлей.

Отчеты фабричной инспекціи, до сихъ поръ нигдѣ не опубликованные, вводятъ насъ подробнѣе въ курсъ зубатовской программы и выставленныхъ на ея основѣ требованій. Всѣ жалобы рабочихъ—говоритъ инспекція—„составлялись какъ бы по одному шаблону, съ перечисленіемъ почти всегда однихъ и тѣхъ же требованій, весьма часто совершенно незаконныхъ и выраженныхъ въ грубой формѣ“. Требованія эти заключались въ слѣдующемъ:

1) Требованія улучшенія условій труда вообще, путемъ измѣненія условій найма, крупнаго повышенія заработной платы и одновременнаго сокращенія продолжительности рабочаго дня (послѣднее—главнымъ образомъ на механическихъ заводахъ).

2) Требованія уплаты за нѣсколько прошлыхъ лѣтъ (иногда за все время пребыванія рабочаго на фабрикѣ) за про-

гулы не по винѣ рабочаго, за потерю времени при пріемкѣ матеріаловъ и сдачѣ готоваго товара, за проносъ его къ мѣстамъ пріемки и т. д.

3) Требованія вознагражденія: а) за прогулы не по винѣ рабочаго въ размѣрѣ средняго сдѣльнаго заработка, такъ какъ за эти прогулы рабочіе обыкновенно получаютъ поденную плату, размѣръ которой значительно ниже средняго дневного сдѣльнаго заработка; б) за трату времени (безъ особаго вознагражденія) на заправку становъ, навивку и присучку основъ, на мотаніе для себя шпуль, за чистку товара, за подметаніе проходовъ между станами, за потерю времени вслѣдствіе неисправности становъ, хотя всѣ эти работы и были оговорены и предусмотрѣны въ правилахъ внутренняго распорядка и расцѣнкахъ; в) за сверхурочныя работы за всѣ прошлые годы, за переносъ станковъ съ одного мѣста на другое, за мытье половъ въ спальняхъ, за заправку керосиновыхъ лампъ.

4) Измѣненіе слѣдующихъ условій работъ: а) установленіе болѣе точнаго способа пріемки товара, такъ какъ въ иныхъ фабрикахъ при пріемкѣ вершки или отбрасывались или прибавлялись, къ чему рабочіе относились крайне не довѣрчиво; б) установленіе правила, чтобы шпульники давались отъ конторы фабрики, а не нанимались бы самими ткачами (здѣсь необходимо замѣтить, что въ настоящее время почти всѣ фабрики сами нанимаютъ шпульниковъ, и такой порядокъ, повидимому, найденъ и справедливымъ и цѣлесообразнымъ); в) отмѣна взиманія платы за воду и дрова, употребляемыя на артельныхъ кухняхъ, и отмѣна платы за пользованіе помѣщеніями столовыхъ, спаленъ и квартиръ; г) требованіе точнаго исполненія ст. 95 и 96 Уст. о пром.; д) отмѣна правила, издавна установленнаго на нѣкоторыхъ фабрикахъ, въ силу существовавшихъ прежде патріархальныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, что истребленіе клоповъ въ спальняхъ относится къ обязанностямъ рабочихъ. При этомъ рабочіе не стѣснялись требовать отъ хозяевъ доплаты имъ за истребленіе клоповъ до 200 руб., за бутылки для керосина 150 руб., однимъ словомъ старались содрать возможно больше денегъ въ свою пользу, что особенно и характеризовало всѣ упоминаемыя здѣсь коллективныя жалобы и требованія рабочихъ, съ которыми они

обращались въ инспекцію въ теченіе января, февраля, марта и апрѣля 1902 г.—въ тотъ самый періодъ, когда началъ проявлять свою дѣятельность такъ называемый „Совѣтъ рабочихъ“.

Этотъ перечень требованій, возбужденныхъ рабочими подъ вліяніемъ зубатовской пропаганды, многое объясняетъ — и тактику, и содержаніе, и успѣхъ движенія. При всемъ непримиримо отрицательномъ отношеніи къ полицейскому соціализму, необходимо признать: зубатовщина не столько создавала поводы къ неудовольствію, сколько пользовалась уже существующими, придавая имъ лишь опредѣленную формулировку. Какъ видно изъ перечня, зубатовщина предъявляла требованія объ *исполненіи закона*, но не измѣненіи, по крайней мѣрѣ въ перечнѣ нѣтъ другихъ случаевъ. Ясно, что зубатовщина не желала затронуть авторитетъ закона и законодателя. Разсчетъ былъ тонкій. Она, очевидно, хотѣла какъ бы показать рабочимъ: законы святы, но исполнители лихіе супостаты. Предъявленіе жалобъ, какъ свидѣтельствуютъ и фабричные инспектора, „пріурочивалось рабочими къ окончанію срока ихъ найма и ко времени прекращенія работъ на фабрикѣ“—вотъ какая законность!! Несмотря на утвержденіе инспекціи, что „главное значеніе рабочими придавалось самымъ незаконнымъ требованіямъ“, въ дѣйствительности въ приведенномъ ими перечнѣ очень мало незаконныхъ требованій. Зубатовщина, конечно, не ограничивалась ими, рисуя передъ рабочими и возбуждая въ нихъ желанія иного рода, но здѣсь рабочіе стояли на почвѣ закона. Перечень передаетъ точно картину той ужасающей эксплоатаціи, которая процвѣтала на фабрикахъ центральнаго района и которая выражалась не только въ несоблюденіи разныхъ требованій закона, но и въ самомъ беззастѣнчивомъ, не караемомъ, однако, законами, пользованіи даровымъ трудомъ рабочихъ. Рабочіе терпѣли прогулы по винѣ фабрики и лишались заработка, принимали товары, переносили ихъ, заправляли станы, присучали основы, мотали шпули, подметали проходы, переносили станки, морили клоповъ и т. д.— и *все безплатно*, и за этотъ безплатный трудъ съ нихъ еще брали за пользованіе помѣщеніемъ столовыхъ, отгрызали вершки да не доплачивали за сверхурочныя работы! Картина поистинѣ патріархальныхъ отношеній: всѣ эти десятки ви-

довъ безплатнаго труда мало чѣмъ отличались отъ крестьянскихъ повинностей крѣпостной эпохи. Прибавьте къ этому невыносимому экономическому существованію несомнѣнный фактъ, что все наше фабричное законодательство не ограждаетъ интересовъ рабочихъ, что фабричная инспекція, лишенная по закону карательной власти, во многихъ случаяхъ правонарушеній вынуждалась къ бездѣйствію и попустительству эксплоатаціи, и вы поймете, какъ тяжело положеніе фабричныхъ рабочихъ, какое неудовольствіе годами накопилось въ ихъ средѣ, и какъ нетрудно было подвинуть ихъ на путь требованій, адресованныхъ предпринимателямъ и инспекціи. Зубатовщина, повторяемъ, не создавала новыхъ поводовъ къ протесту, а пользовалась существовавшими. Съ зубатовщиной или безъ зубатовщины,—эти требованія, вытекавшія изъ самой сущности ненормальныхъ отношеній на фабрикѣ, все равно вышли бы наружу и вылились бы либо въ форму коллективныхъ жалобъ, либо забастовокъ. Полицейскій соціализмъ ставилъ лишь своей цѣлью использовать недовольство въ своихъ интересахъ, т. е. завладѣть имъ, прежде чѣмъ оно успѣетъ вылиться въ политическое противоправительственное теченіе. Эксплоатація существуетъ, недовольство растетъ, стачка все равно неизбѣжна—такъ пусть же я буду ее направлять, увѣряя рабочихъ, что всему виной экономическія условія или, вульгарно говоря, фабриканты, а не политическій строй (покоящійся... на промышленной буржуазіи и защищающій ея интересы въ правѣ!): вотъ что составляло прочную, казалось, основу зубатовщины. Она подходила къ дѣйствительно больному мѣсту и, нажимая здѣсь, заставляла больного слѣдовать за собой. Цѣли и требованія рабочихъ были основательны и справедливы, и если мы рѣшительно осуждаемъ зубатовщину, то потому, что *ея* цѣли и *ея* средства были нечисты. Конечно, въ политическомъ разсчетѣ правительства скрывалось недомысліе: использовать недовольство, вытекающее изъ даннаго политическаго строя, въ цѣляхъ... оправданія и сохраненія этого строя,—такая задача не по плечу ни одному правительству міра, ибо она неосуществима. Всѣ наши негодованія по адресу полицейскаго соціализма нисколько не повредили бы ему, если бы соціальныя и политическія силы не опрокинули его.

Экономическія требованія рабочихъ были вполнѣ обо-

сованы; мы по крайней мѣрѣ не встрѣтили въ отчетахъ инспекціи ни одного доказательства противнаго. Цифры денежныхъ претензій рабочихъ къ фабрикантамъ могли быть произвольными, и мы охотно вѣримъ, что инспекціи трудно было ихъ провѣрить—опять-таки не по винѣ рабочихъ, а по винѣ предпринимателей и закона. Въ справедливыхъ и законныхъ требованіяхъ рабочихъ—говорится въ отчетѣ фабричной инспекціи—было трудно разобраться „вслѣдствіе отсутствія точныхъ данныхъ, такъ, напр., относительно прогуловъ не по винѣ рабочаго и относительно сверхурочныхъ работъ за прошлые годы; затрудненія эти встрѣчались потому, что *ни на одной фабрикѣ не ведется учета прогульныхъ дней тѣхъ рабочихъ, которые работаютъ сдѣльно, учетъ же сверхурочнымъ работамъ, если гдѣ и ведется, то крайне небрежно и неточно, а въ большинствѣ случаевъ эти сверхурочныя работы просто скрываются*“. Очевидно, въ такомъ веденіи и состояніи книгъ всего менѣе были повинны рабочіе. И что же получилось? Рабочихъ обсчитывали и обманывали, не выплачивая заработаннаго и не записывая его въ книги, а когда тѣ стали требовать своего, то инспекція, а за ней и мировые суды отказывали истцамъ „за неимѣніемъ точныхъ данныхъ“, т. е. по винѣ законодателя, не каравшаго за такую эксплоатацію, и органовъ надзора, не имѣвшихъ средствъ къ предупрежденію ея. Фабричная инспекція негодуетъ, что рабочіе требовали за истребленіе клоповъ въ фабричныхъ казармахъ 200 р. и старались содрать возможно больше денегъ въ свою пользу“, но это негодованіе слѣдовало бы обратить совсѣмъ не по тому адресу. Негодовать можно было на тѣ порядки, въ силу которыхъ предприниматель, набивая биткомъ свои казармы рабочими, не только не отвѣчаетъ передъ закономъ за нарушеніе санитарныхъ правилъ, но даже возлагаетъ на рабочихъ натуральную повинность по приведенію фабричнаго жилья въ сколько-нибудь сносное состояніе. Рабочему не платили за трудъ, въ чемъ бы тотъ не выражался, слѣдуемое не записывалось въ книги, и потомъ на рабочихъ же негодовали за то, что они не могутъ доказать суммы иска! Нѣтъ, большинство экономическихъ требованій были и „законны“ и справедливы, и все несчастье рабочихъ заключалось въ томъ, что имъ трудно было доказать размѣръ

претензій. На почвѣ такихъ отношеній капитала къ труду зубатовщинѣ не трудно было показать себя безкорыстнымъ защитникомъ справедливости, не трудно было и добиться положительныхъ для рабочихъ результатовъ, тѣмъ болѣе, когда требованія ихъ были законны даже съ формальной точки зрѣнія. Естественно, что „многіе фабриканты были вынуждены измѣнить нѣкоторые порядки вообще“. Это признаютъ и фабричные инспектора. Подъ вліяніемъ агитаціи пресловутаго союза ткачей, фабриканты единогласно рѣшили: „1) не допускать работы болѣе $11^1/_2$ часовъ, 2) непремѣнно оплачивать прогулы по винѣ конторы по 60 коп. въ день, 3) повысить расцѣнокъ на заправку становъ“...— такъ сообщаетъ отчетъ инспектора по одному изъ участковъ (1902. XIII). Но были случаи и обратнаго рода. Такъ, одна крупная фабрика, насчитывающая до 6,000, „перешла съ 18-часовой двухсмѣнной работы на одну $11^1/_2$-часовую какъ по ткацкой, такъ и по прядильной. Причиной, по заявленію одного изъ директоровъ, послужили повышенныя требованія рабочихъ, а также и то настроеніе, которое совпало со временемъ организаціи союзовъ въ Москвѣ между рабочими; поэтому правленіе, боясь какихъ-нибудь осложненій между рабочими и администраціей, рѣшило часть рабочихъ разсчитать“. (1902. XX).

Въ такомъ родѣ велась новая пропаганда на фабрикахъ и заводахъ. Какой бы „легальный“ характеръ она ни носила, все же она происходила въ формѣ подпольной агитаціи. Организаторы новаго курса, наряду и одновременно съ этой мелкой, по фабричной агитаціей, задумали широкую открытую пропаганду, которая уже одними своими размѣрами и легальностью импонировала бы рабочимъ. Для этого они воспользовались учреждавшимся „Обществомъ взаимнаго вспомоществованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ“, утвержденнымъ 14 февраля 1902 года. Уставъ этого общества представлялся совершенно исключительнымъ въ исторіи русской общественности явленіемъ. Въ то время какъ всякія вообще союзныя организаціи — будь то рабочихъ, крестьянъ или интеллигентовъ — всячески воспрещались правительствомъ, одни только механическіе рабочіе Москвы удостоились такого права. Причины предупредительнаго отношенія къ „Обществу“ властей не требуютъ теперь особыхъ поясненій. Объ

этомъ достаточно краснорѣчиво говорилъ самъ уставъ. „Московское общество взаимнаго вспомоществованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ—гласилъ § 1 устава [1])—имѣетъ цѣлью оказывать помощь своимъ дѣйствительнымъ членамъ и ихъ семействамъ“. Помощь оказывается въ видѣ пособія; пособія выдаются въ томъ случаѣ, если членовъ и ихъ семьи „постигнетъ какое-нибудь бѣдствіе или если они будутъ находиться въ затрудненныхъ обстоятельствахъ, какъ-то: смерть, болѣзнь, безработица, пожаръ и т. п.“ (§ 35). Такова была „почтенная“ цѣль общества, не совсѣмъ литературно выраженная. Но учредителямъ устава было не до литературности. Помощь рабочимъ была лишь мантіей, которой прикрывались полицейскія цѣли; онѣ вылѣзали изъ всѣхъ щелей устава, и нетрудно было распознать ихъ. Объ устраиваемыхъ обществомъ вечерахъ правленіе обязано своевременно *увѣдомлять начальника мѣстной полиціи* (§ 4, примѣчаніе). Къ участію въ обществѣ не допускаются лица, *состоящія подъ надзоромъ полиціи* (§ 12, примѣчаніе 2). Въ члены-соревнователи могутъ быть принимаемы слѣдующія лица, изъявившія готовность оказывать Обществу или его членамъ безвозмездныя услуги: члены фабричной инспекціи и *полиціи*, лица медицинскаго персонала, служащіе на фабрикахъ и заводахъ механическаго производства, лица, принадлежащія къ составу администраціи фабрикъ и заводовъ, а также священно-и церковнослужители (§ 18). Чины полиціи, готовые оказывать Обществу безвозмездныя услуги и за то принимаемые въ общество,—что можетъ быть трогательнѣе такого взаимодѣйствія участка и Общества [2]). Рабочій лишается права на пособіе въ случаѣ безработицы, если потерялъ заработокъ „вслѣдствіе принятыхъ по отношенію къ нему какихъ-либо *административныхъ мѣръ*“ (§ 35, прим. 1-ое). Правленіе Общества состоитъ изъ 8 членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ; но „избраніе“ это совершенно своеобразное: „каждое избирающее членовъ правленія и кандидатовъ къ нимъ общее собраніе выбираетъ таковыхъ въ числѣ 12-ти по каждому отдѣлу, изъ нихъ *московскій оберъ-полицеймейстеръ утверждаетъ по своему*

[1]) Уставъ Моск. общества и т. д. Москва, 1902.

[2]) Замѣтьте при этомъ, какъ тѣсно ограничивался уставомъ кругъ лицъ, могущихъ быть избранными въ члены-соревнователи.

выбору опредѣленное уставомъ число—8 человѣкъ“ (§ 43). Рабочее общество, правленіе котораго выбирается полицейской властью,—такого чудовища не знала до тѣхъ поръ даже русская дѣйствительность! Полицейская власть такъ органически вросла въ строй Общества, что даже должностныя лица, избранныя изъ своей среды правленіемъ, уже профильтрованнымъ сквозь призму полицейскаго усмотрѣнія, подлежали еще утвержденію оберъ-полицеймейстера (§ 44). *Ревизія дѣлъ и суммъ* Общества можетъ быть во всякое время произведена по распоряженію *московскаго оберъ-полицеймейстера* (§ 53). Въ общихъ собраніяхъ участвуютъ лишь дѣйствительные члены. *Посторонняя публика не допускается. Въ случаѣ надобности* [1]) *московскій оберъ-полицеймейстеръ можетъ командировать чиновъ полиціи* для присутствія въ общихъ собраніяхъ (§ 57). Полиція оповѣщается о днѣ, мѣстѣ и предметахъ, подлежащихъ обсужденію на собраніи; обсуждаться могутъ только тѣ вопросы, о коихъ доведено до свѣдѣнія московскаго оберъ-полицеймейстера (§§ 61, 62). Казалось бы, подборъ „дѣятелей“ и программа, проходящіе черезъ полицейскія руки, достаточно гарантируютъ и результатъ дѣятельности въ желанномъ полиціи направленіи, но и этими гарантіями не удовлетворились таинственные учредители. *Всѣ инструкціи*, издаваемыя общимъ собраніемъ должностныхъ лицъ [2]), *должны быть представлены предварительно московскому оберъ-полицеймейстеру на одобреніе* а въ случаѣ несогласія послѣдняго съ ихъ содержаніемъ вновь передаваться съ замѣчаніями оберъ-полицеймейстера на разсмотрѣніе общаго собранія (§ 66, примѣчаніе). Оберъ-полицеймейстеру принадлежитъ поразительное право—право вносить вопросы на обсужденіе и рѣшеніе общаго собранія, и въ этомъ отношеніи голосъ оберъ-полицеймейстера равенъ... двадцати голосамъ членовъ (§ 68). Даже годовой отчетъ Общества передается черезъ оберъ-полицеймейстера генералъ-губернатору и оттуда въ министерство внутреннихъ дѣлъ (§ 19). Наконецъ, власти—генералъ-губернаторъ—могутъ закрыть общество по своему

---

[1]) Особой „надобности“ въ такой предусмотрительности, собственно, не было: вѣдь полиція могла присутствовать на собраніяхъ въ видѣ членовъ-соревнователей.

[2]) Въ текстѣ устава, вѣроятно, опечатка: не должностныхъ лицъ, а должностнымъ лицамъ.

усмотрѣнію, „независимо отъ присвоеннаго генералъ-губернатору по закону права“... (§ 75).

Мы видимъ: во всѣ моменты дѣятельность Общества охвачена крѣпкимъ полицейскимъ кольцомъ. Задачи Общества, пріемъ въ члены, права на помощь, созывъ общаго собранія, программа дѣятельности, выборы должностныхъ лицъ, инструкція имъ, отчеты—вся жизнь Общества вплоть до его смерти, опредѣляемой административными властями независимо отъ присвоенныхъ имъ по закону правъ, находилась въ рукахъ полиціи и администраціи.

Организованныя на такихъ началахъ общества взаимопомощи должны были быть тѣмъ прочнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго правительство могло управлять рабочимъ движеніемъ въ интересахъ охраненія и сохраненія существующаго порядка. Обществомъ руководили близкіе власти люди, получавшіе отъ власти же свои директивы: попросту говоря—агенты охраннаго отдѣленія. Нелегальнымъ политическимъ организаціямъ, дѣйствующимъ тайно и навлекающимъ на головы участниковъ всякія кары, противопоставленъ „легальный“ союзъ, пользующійся благосклонностью мѣстныхъ властей. Иниціаторы полицейскаго соціализма, однако, не медлили: въ ожиданіи утвержденія устава они стали подготовлять рабочихъ къ дѣятельности въ будущемъ Обществѣ, и съ этой цѣлью были устроены общія собранія рабочихъ, происходившія съ мая 1901 года уже въ аудиторіи Историческаго музея въ Москвѣ, и порайонныя—въ разныхъ частяхъ города. И здѣсь и тамъ дѣйствовали одни и тѣ же заправилы и притомъ съ большимъ искусствомъ. Идеи развивались тѣ же, что и на фабрикахъ. Рабочіе приглашались слѣдовать только за руководителями, не поддаваться „мелкой интеллигенціи“, держаться спокойно, избѣгать стачекъ [1]), и тогда ихъ не оставятъ своей помощью мѣстныя власти,—и уставъ будетъ утвержденъ. Фабриканты изображались главными врагами рабочихъ. И рабочіе массами сыпали жалобы на бѣдственное свое положеніе на фабрикѣ.

---

[1]) Послѣ гужоновской исторіи бюрократія московская, повидимому, измѣнила свой взглядъ на пользу стачекъ, организованныхъ агентами-„рабочими“. По крайней мѣрѣ въ протоколахъ общихъ и порайонныхъ собраній, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, мы постоянно встрѣчали предостереженіе не прибѣгать къ забастовкамъ.

Политическія темы тщательно изгонялись; случайный ораторъ, который вздумалъ бы коснуться этого щекотливаго вопроса, искусно удалялся со сцены. Зато главари затрогивали и политику, побѣдоносно „разбивая“ Маркса и Энгельса. Ораторами на общихъ и порайонныхъ собраніяхъ выступали „знакомыя все лица“, съ поразительнымъ единодушіемъ развивавшія однѣ и тѣ же идеи. Никѣмъ не выбранные, всѣ эти Афанасьевы, Слѣповы, Жилкины руководили собраніемъ, руководясь въ свою очередь инструкціей московскаго оберъ-полицеймейстера, спеціально для того изданной [1]). Инструкція эта самымъ откровеннымъ образомъ устанавливаетъ связь руководителей „рабочихъ“ съ охраннымъ отдѣленіемъ. Впрочемъ, съ извѣстнаго момента руководители этого и не скрывали. На собраніяхъ рабочихъ охранное отдѣленіе все болѣе выступало, какъ то прибѣжище, гдѣ рабочіе находятъ и всегда найдутъ защиту отъ всякихъ неправдъ и притѣсненій. И, получивъ извѣстіе объ утвержденіи устава, „выбранные“ делегаты, оказавшіеся все тѣми же извѣстными намъ лицами, поспѣшили въ охранное отдѣленіе, гдѣ закупили экземпляры печатнаго устава и испросили разрѣшеніе г-ну N на дальнѣйшее руководство собраніями рабочихъ, пославъ изъ охраннаго отдѣленія благодарственныя телеграммы кому слѣдуетъ. Протоколы собраній, составлявшіеся однимъ изъ „руководителей“, говорятъ объ этомъ съ эпической простотой и естественностью.

Впечатлѣніе, производившееся этими собраніями на рабочихъ, несомнѣнно должно было быть огромнымъ. Здѣсь впервые, на „законномъ“ основаніи, могли они съ большей или меньшей откровенностью повѣдать свое горе, сюда шли они со своими нуждами, не подозрѣвая, что предоставленное имъ право собраній, которымъ не пользовался ни одинъ классъ русскаго общества, входитъ какъ одно изъ средствъ, въ тонко задуманную политическую комбинацію. Да, она была тонко задумана. Чтобы придать собраніямъ и учреждающемуся обществу непреложный нравственной авторитетъ, руководителямъ пришла въ голову остроумная мысль—привлечь къ дѣлу представителей науки, и не подозрѣвавшихъ истинной подкладки. Когда карты стали открываться, когда обнаружились планы полицейскихъ соціалистовъ, московскіе

[1]) Инструкція не была опубликована.

профессора не замедлили отказаться отъ всякаго участія, за исключеніемъ проф. И. Х. Озерова, продолжавшаго оставаться въ обществѣ взаимопомощи и дождавшагося даже избранія въ почетные его члены [1]). Если интеллигенція не

---

[1]) Господинъ И. Х. Озеровъ, въ концѣ концовъ вышедшій изъ этого дѣла и отказавшійся отъ почетнаго званія (почему?), тѣмъ не менѣе до самаго послѣдняго времени продолжалъ защищать его, даже когда въ печати стали появляться записки фабрикантовъ, раскрывавшія всю зубатовщину. Напечатанная на страницахъ газеты „Русь“ самозащита г. Озерова подъ громкимъ названіемъ „Рабочій вопросъ“ (№№ 26 и 28. 1905 г.) не сняла съ него тѣхъ обвиненій и упрековъ, которые высказывались по его адресу обществомъ. Статья г. Озерова умалчиваетъ именно о всѣхъ тѣхъ фактахъ, которые побудили остальныхъ участниковъ немедленно отказаться отъ лекторства на рабочихъ собраніяхъ и которые г. Озерову были во всякомъ случаѣ извѣстны не менѣе хорошо, чѣмъ его товарищамъ. Мы останавливаемся на этомъ фактѣ потому, что онъ имѣлъ общественное значеніе. Развращая рабочихъ, зубатовщина вносила собой ядъ и въ среду интеллигенціи: понадобилось не мало усилій, чтобы охранить ее отъ зараженія руками тѣхъ прививателей, которые смѣшивали миссію Зубатовыхъ и свою съ миссіей... Лассаля. По адресу интеллигенціи г. Озеровъ высказываетъ сплошную брань, обвиняя ее въ „гнусной клеветѣ, инсинуаціи относительно всѣхъ не такъ думающихъ“ и въ томъ числѣ относительно г. Озерова, и въ „заячьей трусости, какъ бы не запачкать свое имя“ (очевидно, пачкать свое имя есть добродѣтель!). Но „агитирующая“ интеллигенція, „наши крайнія партіи“ знали, что говорили. Онѣ были противъ руководимаго г. Озеровымъ начинанія не изъ-за какихъ-нибудь личныхъ счетовъ съ г. Озеровымъ. Нѣтъ, говоря словами самого же г. Озерова, „наши крайнія партіи „посылали намъ (т. е. вамъ, г. Озеровъ) упреки по слѣдующимъ мотивамъ: онѣ говорили, что мы (т. е. вы) работаемъ подъ бѣлымъ знаменемъ, что это примиряетъ рабочихъ съ существующимъ строемъ, связываетъ ихъ съ нимъ, и слѣдовательно вся предшествующая работа, по ихъ мнѣнію, этого строя идетъ на смарку (эту нелѣпую фразу надо читать такъ: вся предшествующая работа крайнихъ партій), что-де за нашей (вашей) спиной, нашими (вашими) именами пользуются для другихъ цѣлей...“ Да, такіе упреки имѣли основаніе, а не были „гнусной клеветой“. Всѣ приведенные г. Озеровымъ авторитеты, оправдывавшіе его поведеніе и нашедшіе себѣ мѣсто въ рекламной статьѣ г. Озерова не могутъ опровергнуть этихъ возраженій, потому что это значило бы опровергать подлинные факты. Г. Озеровъ не мало знаетъ ихъ, но онъ дипломатично умолчалъ. Однако, и въ „статьѣ“ г. Озерова, промелькнули обрывки истины. Общество, котораго не разрѣшали другимъ, разрѣшили Озеровскимъ „рабочимъ“. Предварительныя программы каждаго совѣщанія представлялись оберъ-полицеймейстеру на разрѣшеніе. Въ виду тѣсноты помѣщенія рабочихъ удерживали отъ посѣщенія совѣщанія „чтобы передъ помѣщеніемъ не образовалось большой толпы“ (кому понадобилось бояться большой толпы?). Въ собраніе допускались лишь... по билетамъ, которые раздавали гг. учредители „рабочіе“. Въ инструкціи „совѣта“ рабочихъ механическаго производства „проглядывала чья-то другая рука“, да и самъ „совѣтъ“ образовался самозванно (въ Россіи въ 1902 г. безъ разрѣшенія власти учреждаются открыто дѣйствующіе совѣты!!). Проектъ устава общества рабочихъ механическаго производства былъ „неизвѣстно кѣмъ составленъ“. Инструкція районныхъ собраній была „неизвѣстнаго происхожденія“. Довольно. Ужели, г. Озеровъ, вамъ не показались странными всѣ эти „чьи-то руки“ „неизвѣстнаго происхожденія“? Всякій русскій обыватель безошибочно узналъ бы эти руки, и вы, г. Озеровъ, ихъ тоже узнали. При чемъ же тутъ гнусная клевета, г. Озеровъ? И г. Озеровъ остается еще при убѣжденіи, что „мѣстная администрація искренно хотѣла итти навстрѣчу улучшенію рабочаго класса“. Почему же въ такомъ случаѣ вліятельныя московскія власти не добились законодательнаго признанія за всѣми рабочими права союзовъ?

сразу распознала когти полицейскаго соціализма, то масса рабочихъ и подавно. Она видѣла въ немъ свое дѣло, считала его своимъ успѣхомъ. Да и какъ было не считать! Передъ ними читаютъ профессора, имъ открыто право собраній, ихъ поддерживаютъ мѣстныя власти до оберъ-полицеймейстера, ихъ боятся фабриканты, ихъ требованія проводятся вопреки закону, они—сила! Конечно, то былъ миражъ; рабочіе были лишь простыми маріонетками, которыхъ заставляли плясать изъ Гнѣздниковскаго переулка. Тамъ дѣйствительно имѣли основаніе торжествовать. Московская система разрѣшенія рабочаго вопроса давала, казалось, удачные результаты. Рабочіе, если и не стали уходить изъ-подъ рукъ „мелкой интеллигенціи“, то все же по невидимой указкѣ простой полицейской власти заполняли ея полицейскія собранія. И точно, чтобы показать свою власть надъ рабочими, агенты-„рабочіе“ изъ охраннаго отдѣленія разыграли незначащійся въ фабричномъ календарѣ праздникъ 19 февраля 1902 г. и привели къ подножію памятника Александра II въ Кремль 50-тысячную толпу рабочихъ [1]).

Но игра только начиналась. Успѣхъ былъ чисто внѣшній. Съ дозволенія начальства, явнаго или скрытаго, не трудно повести тѣ же 50.000 человѣкъ, не только въ Кремль, но и на Кремль. Вся цѣнность для правительства полицейскаго соціализма могла-бы заключаться только въ томъ, что рабочіе отвлекаются имъ отъ политической пропаганды, что онъ создаетъ въ рабочихъ массахъ консервативное направленіе; но ни того, ни другого не было даже въ самый разгаръ зубатовской политики. Центральное правительство даже встревожилось дѣяніями московскихъ властей. Для тѣхъ, кто не зналъ внутреннихъ пружинъ движенія,—а такихъ было почти абсолютное большинство—выступалъ наружу лишь фактъ: рабочіе въ массѣ составляютъ силу, которая такъ же легко нарушаетъ правила фабричнаго распорядка, покидая въ неурочное время работы, какъ и государственный законъ, со-

---

[1]) Зубатовщина встрѣтила восторженный пріемъ на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, говорившихъ о новой эрѣ по рабочему вопросу. Циркуляръ по дѣламъ печати, предостерегавшій отъ ложнаго истолкованія 19 февраля, былъ направленъ именно противъ „Московскихъ Вѣдомостей“, а въ виду связей этой газеты съ московской администраціей—и противъ послѣдней. „Московскія Вѣдомости“, знавшія всю подноготную, не постѣснялись принять въ число своихъ сотрудниковъ гг. Афанасьевыхъ, Слѣповыхъ и К°.

бираясь скопищемъ и по своему желанію создавая демонстраціи, въ которыхъ во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего патріотическаго [1]). Событіе 19 февраля могло быть истолковано совершенно въ обратную сторону и сыграть роль прецедента для рабочихъ другихъ городовъ, вызвавъ и въ обществѣ представленіе о новомъ курсѣ правительства по рабочему вопросу. И дѣйствительно встревоженная центральная власть, не имѣя силъ открыто бороться съ всесильной московской администраціей, принуждена была прибѣгнуть къ курьезной мѣрѣ воздѣйствія на общество: къ секретному циркулярному внушенію печати [2]).

„Въ Москвѣ 19 февраля въ Кремлѣ происходило у памятника Императора Александра II торжественное молитвословіе, на коемъ присутствовали рабочіе нѣкоторыхъ московскихъ фабрикъ. Этому совершенно мѣстному торжеству, обусловленному именно тѣмъ, что въ московскомъ Кремлѣ сооруженъ памятникъ почившему монарху, нѣкоторые органы печати стараются придать характеръ знаменательнаго событія, имѣющаго очень реальную общественную цѣнность, служащаго выраженіемъ пробуждающагося общественнаго сознанія въ трудящихся массахъ, и какъ бы указывающаго на оффиціальное признаніе существованія у насъ класса рабочихъ. Такое объясненіе упомянутаго событія, представляясь по существу невѣрнымъ и крайне тенденціознымъ, отнюдь не должно быть допускаемо въ подцензурной печати. Не слѣдуетъ дозволять обобщенія этого отдѣльнаго факта и сообщенія ему характера всероссійскаго событія“.

Циркуляръ этотъ необыкновенно ясно показываетъ, что министерство Сипягина, выдвинутаго московскимъ генералъ-губернаторомъ, почувствовало въ дѣйствіяхъ московской администраціи политическую ошибку. Но Петербургъ не смѣлъ перечить Москвѣ, и центральная власть министерства внутреннихъ дѣлъ не въ силахъ была руководить дѣйствіями подчиненной ей мѣстной администраціи. Враждебную московскому соціализму позицію заняло, повидимому, министерство финансовъ. Къ тому были серьезныя основанія. Министерство

---

[1]) Не надо забывать, что то было время злѣйшей реакціи. Правительство систематически запрещало праздновать 19 февраля, какъ и все вообще, что напоминало бы о либеральной эпохѣ Александра II.

[2]) Циркуляръ 26 февраля 1902 г. № 1825.

финансовъ являлось верховнымъ покровительствомъ отечественной промышленности, т.-е. фабрикантовъ, а фабриканты не могли не испытывать чувства величайшей тревоги и негодованія при видѣ московскихъ экспериментовъ. Для нихъ создалось дѣйствительно невыносимое положеніе—всякій провокаторъ изъ охраннаго отдѣленія могъ явиться на фабрику и диктовать ей свои требованія якобы отъ имени рабочихъ. Не менѣе тяжкимъ, унизительнымъ и ложнымъ стало положеніе подчиненной министерству финансовъ фабричной инспекціи. Надъ ней явилось новое безотвѣтственное начальство, противъ беззаконныхъ дѣйствій котораго она была безсильна. Роль фабричной инспекціи въ это время была фактически сведена къ нулю [1]). Министерство финансовъ вступило въ конфликтъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Но эта междувѣдомственная борьба, проходящая чуть ли не по всѣмъ актамъ правительства по рабочему вопросу и оказывавшая сильное вліяніе на ихъ содержаніе, отнюдь не вызывалась принципіальными соображеніями. Режимъ бюрократическаго самовластія открывалъ поле для борьбы лишь за личную власть. Полицейскій соціализмъ Москвы послужилъ новымъ толчкомъ къ обострению непріязни между министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, вызванной ихъ соперничествомъ, стремленіемъ перваго подчинить себѣ второго и закончившейся въ концѣ концовъ, побѣдой министерства внутреннихъ дѣлъ. Полицейскому соціализму, или негласному праву администраціи организовывать рабочихъ, министерство финансовъ попыталось противопоставить право самихъ рабочихъ группироваться въ союзы и выработало проектъ о предоставленіи рабочимъ права союзовъ и свободы стачекъ; но проектъ (не законопроектъ!) погибъ въ нѣдрахъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ въ самомъ правительствѣ не было единодушія по вопросу о московской политикѣ. Смѣнившій Сипягина Плеве относился, повидимому, болѣе подозрительно къ полицейскому соціализму, но та же зависимость отъ Москвы и вражда къ министерству финансовъ заставили и его поддерживать опыты

[1]) „При возникновеніи въ Москвѣ „рабочихъ союзовъ“ примирительная роль фабричной инспекціи стала было игнорироваться рабочими, но затѣмъ снова быстро возстановилась, когда рабочіе увидѣли, что навязанные имъ союзы не улучшили нисколько ихъ положенія“. Изъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1902 г.

московской администраціи. Опыты неуклонно расширялись. За Обществомъ взаимопомощи рабочихъ механическаго производства въ Москвѣ стали организовываться ткачи, пуговичники, кондитера, парфюмеры, табачники. Рабочими этихъ производствъ были поданы на утвержденіе уставы обществъ взаимопомощи [1]). Общество ткачей было вскорѣ разрѣшено (если не ошибаемся—и всѣ другія). Первое собраніе членовъ состоялось 19 января 1903 года (пріемъ дѣйствительныхъ членовъ производился съ 21 декабря 1902 г. и къ открытію общества насчитывалось уже до 800 человѣкъ); предсѣдателемъ общества былъ избранъ уже извѣстный намъ, съ позволенія сказать, „рабочій“ Красивскій [2]).

Не прекратились и другія проявленія зубатовской пропаганды—уловленіе человѣковъ посредствомъ лекцій и уличныя демонстраціи (о стачкахъ что-то не было слышно), но уже совсѣмъ другого направленія и съ другими результатами.

Съ уходомъ профессоровъ зубатовская пропаганда не прекратилась. Ушедшихъ пришлось замѣстить новыми лицами. Тѣ и не замедлили явиться. Но то были уже не представители либеральной интеллигенціи, а реакціонеры чистѣйшей воды, пріютившіеся подъ неопрятнымъ крылышкомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ [3]). На страницахъ этой гнусной газеты и въ аудиторіи Историческаго музея ведется съ 1903 г. рѣшительная „патріотическая“ пропаганда, дополнявшаяся раздачей книгъ, брошюръ и листковъ соотвѣтствующаго содержанія. Соціальный вопросъ былъ вытѣсненъ богословскими темами. Происхожденіе этихъ чтеній было несомнѣнно оффиціознымъ. „*По иниціативѣ мѣстной правительственной власти* въ Москвѣ составился кружокъ извѣстныхъ читателямъ „Московскихъ Вѣдомостей“ лицъ, приступившихъ къ устройству для рабочихъ общеобразовательныхъ чтеній“ [4])—такъ говорила московская газета. И эта связь „рабочихъ“ съ властями и Страстнымъ бульваромъ не оставляла уже

---

[1]) „Московск. Вѣдом.“. № 135, 1903.

[2]) „Московск. Вѣдом.“. № 22, 1903.

[3]) „Весьма отрадно, что наблюденіе за этими чтеніями находится въ рукахъ не той литературно-общественной группы, которая однимъ своимъ прикосновеніемъ обращаетъ великое народно-просвѣтительное движеніе въ источникъ только новыхъ разладовъ, но въ рукахъ серьезныхъ людей, свято, по-русски понимающихъ задачи народнаго просвѣщенія“... „Моск. Вѣд.“ № 141, 1903.

[4]) „Московскія Вѣдомости“, № 209, 1903.

сомнѣнія въ цѣляхъ и характерѣ обществъ взаимопомощи и всего связаннаго съ нимъ движенія. „Рабочіе“ въ родѣ Слѣпова, открыто нынѣ (1905) повѣдавшаго въ „Русскомъ Дѣлѣ“ о своемъ служеніи въ охранномъ отдѣленіи и кстати обругавшаго гостепріимнаго Грингмута, наводняли столбцы „Московскихъ Вѣдомостей“ своими писаніями, въ которыхъ истинно-русскія начала щедро поливались елеемъ, купленнымъ на средства Гнѣздниковскаго переулка. А „дорогой собратъ, рабочій Василій Савельевъ“ эхомъ отзывался изъ Петербурга, куда зубатовщина закинула свои сѣти, и поучалъ въ тонъ: „Сила наша, мощь несокрушимая—въ единеніи съ Царемъ самодержавнымъ, а не съ жалкими тявкушами изъ-за чужой спины [1]). Московскіе „рабочіе“ въ назиданіе иногороднимъ шлютъ патріотическое письмо генералу Богдановичу, и генералъ печатаетъ его брошюрой „1 января 1903 года, русскому народу на добрую память“.

„Русскіе люди, братья по вѣрѣ, опомнитесь и отвернитесь отъ темныхъ людей—писали московскіе „рабочіе“.—Вѣдь, слушая ихъ, поддаваясь ихъ ученію, мы помогаемъ имъ разорять и губить нашу родину-мать. Осмотритесь внимательнѣе, и вы увидите, что тѣ люди, которые подбиваютъ насъ къ бунтамъ, не друзья намъ, а самые злѣйшіе враги. Дорогіе братья, соединимся всѣ въ тѣсную семью, двинемтесь дружно навстрѣчу врагамъ и отразимъ ихъ, какъ дѣлали наши дѣды и прадѣды... Если мы будемъ итти прямою дорогой, то Царь нашъ и правительство всегда помогутъ намъ. Найдется также много людей на Руси, истинно любящихъ родину, и они не откажутъ намъ въ поддержкѣ. Съ Богомъ, братья! Съ нами онъ всегда былъ и всегда будетъ, если мы станемъ защищать родину отъ враговъ [2]).

И московская газета съ паѳосомъ вторила: „Таковъ вѣчный, твердый голосъ истинной, національной Россіи и настоящихъ русскихъ людей, среди которыхъ—и князей и рабочихъ—одинъ общій совѣтъ“. Но „настоящіе русскіе люди“ частью были просто скромными сыщиками [3]). Съ

---

[1]) „Московскія Вѣдомости“, № 69, 1903.

[2]) „Моск. Вѣд.“, № 17. 1903.

[3]) Къ характеристикѣ заправилъ зубатовскаго союза: въ потребительномъ обществѣ при обществѣ механическаго производства въ первый же годъ оказалась... растрата въ 1200 руб. (См. „Русскій Листокъ““, № 116, 1903). Очевидно, ничто земное было имъ не чуждо.

ними-то торжественно объединились духовенство, полиція, „Московскія Вѣдомости“, „Русское Собраніе“ и казнокрады. Власть публично кокетничаетъ, съ „рабочими“. Министръ Плеве 7 апрѣля 1903 г., принимая въ Москвѣ денутатовъ механическаго, ткацкаго, пуговичнаго, кондитерскаго, парфюмернаго и табачнаго—все знакомыхъ намъ—производствъ, хвалить одного изъ нихъ за статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Власть въ точномъ смыслѣ слова лобызается съ ними, а „Правительственный Вѣстникъ“ увѣковѣчиваетъ на своихъ столбцахъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ „полный неподдѣльной искренности, разсказъ о знаменательномъ днѣ 7 апрѣля“ [1]). Ложь рожденная въ темныхъ и грязныхъ закоулкахъ охраннаго отдѣленія, наполовину разоблаченная, вновь прикрывается реакціонной частью общества и правительствомъ во спасеніе истинно-русскихъ началъ, во имя совращенія рабочихъ съ пути политическаго протеста. Средство оправдывается „благой“ цѣлью. Помимо новыхъ, практикуются и старые пріемы, но уже не съ такимъ блескомъ. Несмотря на всѣ усилія, ореолъ зубатовскаго дѣла блекнетъ. Манифестація 19 февраля 1902 г. въ Кремлѣ уже не повторяется въ слѣдующемъ году; очевидно, и власти опасаются ея. „Въ текущемъ 1903 году—наивно лукавитъ господинъ Слѣповъ—рабочіе Москвы, дабы опровергнуть распускаемые толки о переодѣтыхъ дворникахъ и городовыхъ въ Кремлѣ, рѣшили отпраздновать день 19 февраля, но только не такъ, какъ въ прошломъ году. Московскіе рабочіе рѣшили доказать, что въ Кремлѣ были именно они, а не замаскированные дворники, переодѣтые въ рабочихъ“ и въ этихъ будто бы видахъ обратились къ фабрикантамъ съ просьбой о прекращеніи работъ 19 февраля [2]). Слѣповъ заметалъ слѣды. За замаскированныхъ дворниковъ и городовыхъ принималась не масса рабочихъ, а ея руководители вродѣ Слѣповыхъ, Афанасьевыхъ и К°, и эти толки вполнѣ подтверждались. Новая же форма празднованія опредѣлилась не въ цѣляхъ реабилитаціи добраго имени этихъ господъ, а по приказанію начальства. Манифестація замѣняется богослуженіемъ въ церквахъ. Въ 1904 г. совѣтъ организованныхъ рабочихъ г. Москвы—такъ повѣствуетъ московская

[1]) „Правит. Вѣстн.“, № 83, 1903.
[2]) „Московскія Вѣдомости“, № 18. 1903.

газета—„*выработалъ программу* грандіозной и въ высшей степени знаменательной демонстраціи“ которая и была разыграна 1 февраля [1]). Патріотизмъ манифестантовъ былъ, слѣдовательно, заранѣе подготовленъ, но грандіозность осталась лишь въ воображеніи газеты. Совѣтъ организованныхъ рабочихъ не могъ уже вести за собой рабочихъ и сталъ подкрѣплять себя городскими подонками и хулиганами. Чернь выражала патріотизмъ въ безобразничаньи, и... власти поспѣшили запретить манифестацію по случаю войны.

Одновременно съ Москвой опыты переносились въ Петербургъ, Одессу, Минскъ и др. города.

Полицейское происхожденіе двухъ Петербургскихъ рабочихъ обществъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Освѣдомленный въ замыслахъ самодержавія „Свѣтъ“ излагалъ первичную исторію одного изъ обществъ въ выраженіяхъ, не требующихъ особаго поясненія (ноябрь, 1902 г.).

„За послѣднее время,—сообщалъ „Свѣтъ“,—по иниціативѣ столичныхъ заводскихъ рабочихъ В. И. Пикунова, С. А. Горшкова, И. С. Соколова, С. Е. Устюжанина, Д. В. Старожилова, Г. Н. Солодовникова, А. И. Егорова, Е. Ф. Пахомова, С. С. Семенова, А. И. Кузьмина и Н. А. Одинцова, въ мѣстномъ фабрично-заводскомъ населеніи получила распространеніе мысль о возможности очень серьезнаго улучшенія въ жизненныхъ условіяхъ рабочей среды путемъ развитія въ ней сословной (?!) самодѣятельности и взаимной помощи. Съ вѣдома столичной администраціи, 10 ноября, въ трактирѣ „Выборгъ“, на Финляндскомъ проспектѣ иниціаторы дѣла имѣли по этому предмету частное собесѣдованіе съ нѣсколькими товарищами, а 13 ноября ими было подано прошеніе г. исправляющему должность с.-петербургскаго градоначальника, камергеру В. Э. Фришу, о разрѣшеніи товарищескаго собранія. Со стороны послѣдняго рабочіе встрѣтили внимательное и сочувственное отношеніе къ своей просьбѣ и получили обѣщаніе, что онъ окажетъ зависящее отъ него содѣйствіе для удовлетворительнаго разрѣшенія предпринятаго ходатайства. Ободренные пріемомъ г. исправляющаго должность градоначальника и успѣшнымъ началомъ своего дѣла, рабочіе отправились въ департаментъ министер-

[1]) „Московскія Вѣдомости“, № 33. 1904.

ства внутреннихъ дѣлъ, чтобы выяснить отношеніе министерства къ задуманному ими дѣлу. Директоръ департамента, статскій совѣтникъ А. А. Лопухинъ, выразилъ имъ свое сочувствіе и готовность помочь осуществленію ихъ намѣреній. Вслѣдствіе этого, въ воскресенье, 17 ноября, въ томъ же трактирѣ „Выборгъ“ состоялось первое въ Петербургѣ оффиціально разрѣшенное собраніе рабочихъ, а 21 числа, въ 10 час. 30 мин. утра, рабочіе имѣли честь быть принятыми г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, который выслушалъ благодарность рабочихъ за данное имъ разрѣшеніе собраться на товарищескія собесѣдованія по вопросамъ ихъ жизненнаго обихода и высказалъ свое намѣреніе поощрять ихъ дѣятельность въ усвоенномъ ими направленіи“. Почтенная газета не указывала, о какомъ обществѣ шла рѣчь. Повидимому, описывалось возникновеніе петербургскаго Общества взаимнаго вспомоществованія механическихъ рабочихъ. По „усвоенному направленію“ это общество во всякомъ случаѣ не отличалось отъ знаменитаго нынѣ с.-петербургскаго общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. При его родахъ участвовали не только простые сыщики, а люди, почтенные и пріятные во всѣхъ отношеніяхъ. Къ предсѣдателю „О-ва распространенія просвѣщенія въ духѣ православной церкви“, протоіерею Орнатскому, въ Петербургѣ явилась въ одинъ прекрасный день депутація отъ московской организаціи фабричныхъ рабочихъ (зубатовской) съ просьбой организовать среди петербургскихъ рабочихъ религіозно-нравственныя бесѣды. Обратились, конечно, за санкціей къ Плеве. По иронiи судьбы, Плеве, устранившій Зубатова отъ должности, не устоялъ передъ рекомендаціями Москвы, и, когда къ нему явилась депутація во главѣ съ Грингмутомъ и не менѣе почтеннымъ генераломъ Богдановичемъ, министръ разрѣшилъ новое общество для Петербурга. Союзъ рабочихъ „учредился при содѣйствіи департамента полиціи [1]).

---

[1]) „Гражданинъ“, 1905 г. № 3—5. Стр. 39. „Самъ“ Мещерскій принималъ участіе въ нарождавшемся обществѣ. Кн. Мещерскій однимъ изъ первыхъ былъ посвященъ въ тайны зубатовщины и приложилъ къ ней свою почтенную руку, обошедшуюся странѣ, по словамъ газетъ, уже при Горемыкинѣ въ 2 милліона рублей. Въ дневникѣ „Гражданина“, помѣченномъ 4 февраля 1903 г., передается бесѣда сначала со священникомъ, затѣмъ съ двумя московскими „рабочими“. Уважаемые собесѣдники расходились въ выборахъ формы для организаціи взаимопомощи; таинственные москвичи предлагали объединеніе по про-

Уставъ общества былъ утвержденъ министерствомъ 15 февраля 1904 года. Предсѣдателемъ былъ избранъ и утвержденъ о. Георгій Гапонъ, съ благословенія митрополита и министра внутреннихъ дѣлъ. Отъ послѣдняго Гапонъ получилъ по особой инструкціи право, не имѣвшееся даже у градоначальника: право свободно и самостоятельно открывать отдѣленія союза во всемъ Петербургѣ. Такъ, съ теченіемъ времени, появились одиннадцать отдѣловъ союза. Торжественное открытіе новаго общества состоялось 11 апрѣля 1904 года—все говорило о самодержавіи, православіи и народности. Одинъ изъ ораторовъ-рабочихъ—читаемъ мы въ отчетѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“—„въ очень доступной формѣ выяснилъ своимъ товарищамъ идеи русскаго національнаго самосознанія и самодѣятельности; другой—подробно остановился на историческомъ обзорѣ попытокъ русскихъ рабочихъ организоваться въ правильныя, закономъ разрѣшенныя сообщества; третій отмѣтилъ отличіе новаго устава отъ всѣхъ прочихъ, его широкія правомочія и, главное, большое довѣріе правительства къ самимъ рабочимъ, объединившимся въ только что открытомъ собраніи. Изъ рѣчи предсѣдателя собранія, о. Гапона, выяснилось, что уставъ собранія, утвержденный 15 февраля 1904 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, впервые въ Россіи далъ возможность дѣйствительнаго объединенія безъ всякаго вмѣшательства администраціи. Все основано на глубокомъ довѣріи и, главное, на идейномъ, безкорыстномъ и трезвомъ служеніи интересамъ рабочихъ. Первые шаги новаго общества даютъ полное основаніе вѣрить, что рабочіе вполнѣ оправдаютъ возложенныя на него надежды. Въ концѣ засѣданія по единодушному требованію была отправлена телеграмма министру внутреннихъ дѣлъ съ почтительнѣйшей просьбой повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества, Обожаемаго Монарха, всеподданнѣйшія чувства рабочихъ, одушевленныхъ ревностною любовью къ Престолу и отечеству. Все собраніе троекратно, при громадномъ энтузіазмѣ, пропѣло „Боже, Царя храни!“ и прокричало „ура“.

фессіи, Мещерскій—организацію по фабричную, со старостами, въ единеніи съ хозяевами и подъ надзоромъ инспекціи и полиціи. Хитрый князь опасался слишкомъ широкихъ организацій! Нюхъ не обманулъ его, когда онъ говорилъ: „я долженъ признаться съ полной откровенностью, что продолжаю чувствовать себя совсѣмъ не дома, какъ только вхожу въ область тѣхъ мечтаній о взаимопомощи, которыя сюда прилетѣли изъ Москвы“.

Задача общества или „собранія“, какъ разъяснило правительственное сообщеніе послѣ 9 января, состояла въ „отвлеченіи рабочихъ отъ вліянія преступной пропаганды“. Въ самомъ уставѣ эта цѣль была, конечно, изложена въ болѣе невинной формѣ.

Согласно уставу „собраніе“ русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербурга учреждается: а) для трезваго и разумнаго провожденія членами собранія свободнаго отъ работъ времени съ дѣйствительной для нихъ пользой, какъ въ духовно-нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ, отношеніяхъ; б) для возбужденія и укрѣпленія въ средѣ членовъ рабочихъ русскаго національнаго самосознанія; в) для образованія и развитія въ нихъ разумныхъ взглядовъ на обязанности и права рабочихъ и, наконецъ, г) для проявленія членами „собранія“ самодѣятельности, способствующей законному улучшенію условій труда и жизни рабочихъ.

Средствами для достиженія намѣченной цѣли является: а) пріобрѣтеніе полезныхъ изданій газетной и журнальной печати Россіи, основаніе библіотеки, устройство читальни, образованіе изъ среды своихъ сочленовъ духовнаго и свѣтскаго хора и музыкальныхъ кружковъ, устройство какъ въ постоянномъ помѣщеніи „собранія“, такъ и въ наемныхъ помѣщеніяхъ, концертовъ, семейныхъ и литературно-вокальныхъ вечеровъ; б) еженедѣльныя кружковыя и общія собранія членовъ для разумно-всесторонняго обсужденія своихъ нуждъ и для своего самообразованія; в) устройство бесѣдъ религіозно-нравственнаго характера, а также чтеній съ поясненіемъ; г) организація, съ надлежащаго разрѣшенія, лекцій по общеобразовательнымъ предметамъ, въ особенности по родиновѣдѣнію и въ частности по рабочему вопросу, которыя указывали бы и разъясняли рабочему его правовое положеніе и законные пути выйти изъ невѣжества и грязи къ свѣту; д) учрежденіе капитала взаимопомощи на случай болѣзни, безработицы и особой нужды своихъ членовъ; е) учрежденіе на основаніи особо выработаннаго и утвержденнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ устава похоронной кассы, а также открытіе, съ особаго каждый разъ разрѣшенія подлежащей власти, и другихъ учрежденій, способствующихъ усиленію заработка, обезпечивающихъ взаимопо-

мощь при наступленіи матеріальныхъ затрудненій и вообще всякихъ тяжелыхъ обстоятельствъ и ж) устройство въ помѣщеніи „собранія“ чайной (съ закусочной), а съ развитіемъ дѣлъ общества — открытіе и своей потребительной лавки.

Такъ возникло въ Петербургѣ второе зубатовское общество, сыгравшее такую колоссальную роль въ событіи 9 января,

Зубатовщина въ Минскѣ начала прививаться въ концѣ 1901 года (ея идейнымъ вдохновителемъ оказалась здѣсь нѣкая Марія Вильбушевичъ). „Съ разрѣшенія властей, въ одномъ изъ увеселительныхъ залъ стали собираться рабочіе по дереву для обсужденія, *въ присутствіи жандармскаго полковника*, своихъ нуждъ“—такъ живописали „Петербургскія Вѣдомости“ [1]). Предполагалось устроить клубъ, но предложенный уставъ былъ почему-то не утвержденъ. Покачто рабочіе образовывали собранія—сначала вошли столяры, затѣмъ и другія профессіональныя группы. „Когда-же устройство собраній для выясненія вопросовъ ремесла было признано неудобнымъ, организованъ былъ такъ называемый ферейнъ, который просуществовалъ болѣе года, и *все время былъ вполнѣ терпимъ властями* [2]). Ходатайство о легализаціи ферейна получило благоріятный исходъ; министерство внутреннихъ дѣлъ вернуло утвержденный уставъ, сдѣлавъ въ немъ нѣсколько значительныхъ измѣненій, касающихся участія полицейскаго надзора въ дѣлахъ общества. Уставъ общества взаимнаго вспомоществованія рабочихъ и работницъ въ ремесленномъ производствѣ былъ близнецомъ московскаго. Причины слишкомъ понятны. Даже петербургская газета съ удовлетвореніемъ заявляла, что „значительное содѣйствіе устройству общества въ Минскѣ оказалъ начальникъ мѣстной жандармской полиціи, г. Васильевъ“.

Бюрократическое правительство, поглощенное борьбой изъ-за междувѣдомственной власти, неспособно было оцѣнить опыты полицейскаго соціализма, хотя бы съ точки зрѣнія

[1]) „Петербургскія Вѣдомости“, №. 1902.
[2]) „Петербургскія Вѣдомости“, № 226. 1903.

собственныхъ интересовъ. Съ присущей всякой бюрократіи близорукостью, съ ея девизомъ: „послѣ меня хоть потопъ“, центральная власть затѣвала опасную для себя же игру, не сознавая даже этой опасности. Полицейскій соціализмъ распространялся, но судьба его уже была предрѣшена. Съ того момента, какъ раскрылась закулисная сторона его, какъ сорванъ былъ фиговый листъ съ зубатовщины, предпріятіе обречено было на безплодіе и гибель. Что съ этической точки зрѣнія полицейскій соціализмъ не выдерживалъ самой снисходительной критики и не вызывалъ ничего, кромѣ брезгливости, объ этомъ не стоитъ и распространяться. Дѣло рабочихъ правое, великое и святое не нуждалось въ подобныхъ неразборчивыхъ средствахъ. Зубатовщина могла только развратить рабочихъ, пріучая ихъ къ осуществленію даже дѣйствительныхъ правъ при посредствѣ полицейскаго участка. Что съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ пролетаріата полицейскій соціализмъ былъ глубоко вреднымъ явленіемъ,— это также не требуетъ доказательствъ. Рабочіе могутъ добиться гражданскихъ и политическихъ правъ и улучшенія матеріальныхъ условій только путемъ самостоятельной политической и хозяйственной организаціи и борьбы, зубатовщина же ставила своей цѣлью именно не допустить рабочихъ до этого. Но политика— есть волеизъявленіе силы правительства, и этой силѣ въ полицейскомъ государствѣ нѣтъ никакого дѣла ни до нравственности, ни до классовыхъ интересовъ пролетаріата. Если мы говорили, что разоблаченный полицейскій соціализмъ былъ обреченъ на гибель, то потому, что онъ былъ построенъ на неправильномъ политическомъ расчетѣ, на ложной оцѣнкѣ политическихъ силъ. Дѣйствительно, на чемъ долженъ былъ держаться полицейскій соціализмъ? На двухъ основаніяхъ: 1) на борьбѣ полицейскихъ рабочихъ организацій противъ экономической эксплоатаціи труда капиталомъ, слѣдовательно, на борьбѣ противъ капиталистовъ, и 2) на увѣренности полиціи, что, дѣйствуя такъ, она въ силахъ руководить настроеніемъ рабочихъ и подчинить его видамъ правительства. Здѣсь и крылось огромное историческое недоразумѣніе.

Невольно разжигая въ рабочихъ недовольство экономическими условіями или пользуясь имъ, полицейскій соціализмъ велъ рабочихъ противъ капиталистовъ, пытаясь умиротворить

скрытыя политически революціонныя силы пролетаріата за счетъ капитала. Внутренній миръ и прочность бюрократическаго режима должны быть куплены цѣной извѣстныхъ матеріальныхъ „жертвъ“ класса капиталистовъ. Получалось удивительное противорѣчіе. Правительство, десятки лѣтъ опиравшееся на промышленную буржуазію и имѣвшее въ ней дѣйствительнаго защитника существующаго режима и противника всякихъ политическихъ нововведеній, потому что съ ними должны были прекратиться безпримѣрныя привилегіи капитала,—это же самое правительство выступило противъ промышленной буржуазіи. Московскіе или владимірскіе фабриканты должны быть отданы въ жертву во имя... сохраненія самодержавія! Ясно, что раньше или позже фабриканты должны были дать рѣшительный отпоръ полицейскому соціализму. Взамѣнъ нѣсколькихъ тысячъ захваченныхъ въ руки полицейской агентуры рабочихъ, политическая благонадежность которыхъ еще представляла для правительства неизвѣстную и неиспытанную величину, правительство собственными руками создавало себѣ враговъ изъ „людей порядка“, превращая вѣрныхъ своихъ слугъ въ политически неблагонадежныхъ, толкая капиталистовъ на путь политической оппозиціи. Зубатовщина создавала противоправительственное теченіе среди промышленной буржуазіи,—и этотъ результатъ былъ неизбѣженъ. Разумѣется, онъ сказался не сразу. Прежде, чѣмъ перейти къ политической оппозиціи противъ существующаго строя, предприниматели попытались задавить полицейскій соціализмъ домашними, обычными средствами. Не видя въ жизни ничего, кромѣ прибыли, они пытались прежде всего защитить ее, не понимая глубокой связи между полицейскимъ соціализмомъ и существующимъ строемъ. Они видѣли только то, что на фабрику, гдѣ въ теченіе многихъ лѣтъ они привыкли дѣлать „чего моя нога изволитъ“, деспотически третируя рабочихъ и произвольно нарушая ихъ права,—туда ворвалась какая-то чужая сила, угрожающая и прибыли и хозяйскому самовластію и даже праву, существованіе котораго до сихъ поръ не замѣчали. Прибыль въ опасности—и буржуазія заволновалась.

Поведеніе фабрикантовъ на первыхъ порахъ не выражало ничего, кромѣ отвратительнаго своекорыстія, кромѣ страха за матеріальный ущербъ. Они пытаются вначалѣ бороться

съ отдѣльными рабочими, посѣщавшими собранія въ музеѣ и и порайонныя, выслѣживаютъ ихъ, изгоняютъ съ фабрикъ. Не видя успѣха отъ такой дѣятельности, они прибѣгаютъ тогда къ унизительному пресмыкательству передъ министерствомъ финансовъ, занимая противъ новаго курса позицію, достойную мелкихъ торгашей, но не „просвѣщенныхъ буржуа". Они возмущаются не правительствомъ, не тѣмъ, что зубатовщина есть отвратительное развращеніе рабочихъ полиціей въ цѣляхъ сохраненія существующаго строя; нисколько. Они взволнованы лишь тѣмъ, что зубатовщина носитъ антикапиталистическій и потому революціонный, противоправительственный характеръ. Защищая лишь свой карманъ, они дѣлаютъ видъ, что возмущены непатріотическимъ характеромъ новаго курса. По крайней мѣрѣ въ запискѣ, поданной министерству финансовъ нѣкоторыми московскими промышленниками, они высказываютъ все свое грошовое негодованіе не на строй и власти, создавшія зубатовщину, а на... рабочихъ, униженно прося о защитѣ противъ нихъ. Дѣйствительно, въ запискѣ между прочимъ говорилось [1]):

„Хотя выборъ рабочими на отдѣльныхъ фабрикахъ представителей для сношенія съ завѣдывающими тѣми фабриками не можетъ представлять какого-либо вреда, а, напротивъ, можетъ служить къ большему удобству при установленіи взаимныхъ соглашеній между хозяевами и рабочими, тѣмъ не менѣе объединеніе принадлежащихъ къ различнымъ фабрикамъ рабочихъ, состоящихъ изъ разныхъ слоевъ рабочаго класса, является крайне опаснымъ, въ особенности въ томъ настроеніи, когда они, какъ выше объяснено, задаются уже разборомъ вопросовъ характера государственнаго; и если въ предоставленіи имъ извѣстной организаціи имѣется въ виду отвлеченіе ихъ отъ участія въ антиправительственной политической дѣятельности, то не менѣе опаснымъ оказывается допущеніе ихъ къ дѣятельности антикапиталистической, которая, несомнѣнно, имѣетъ одинаковое политическое значеніе, тѣмъ болѣе, что справиться съ массами, увлеченными какимъ-либо успѣхомъ въ этомъ отношеніи, можетъ впослѣдствіи оказаться чрезвычайно труднымъ, если даже не совершенно невозможнымъ.

---

[1]) Записка приведена въ оправдательной статьѣ г. Озерова въ „Руси", № 28. 1905.

Результатъ вышеизложеннаго не замедлилъ уже выразиться тотчасъ же на дѣлѣ. 21 февраля прекращена работа ткачами на фабрикѣ товарищества шелковой мануфактуры (Гужона и Мусси), вслѣдствіе чего 936 человѣкъ ткачей разочтены, и, кромѣ того, должны будутъ прекратить работу еще около 600 человѣкъ, занимающихся подготовительными и зависимыми отъ прекращенныхъ работами. Поводомъ къ остановкѣ послужило, по иниціативѣ главарей— представителей общества механическаго производства (не имѣющихъ къ товариществу шелковой мануфактуры никакого отношенія), требованіе о возвышеніи платы, т. е. измѣненіе договорныхъ отношеній (фабричная инспекція явилась въ этомъ дѣлѣ совершенно безсильной). На дняхъ готовится, смотря по исходу названнаго дѣла, такое же требованіе на сосѣдней фабрикѣ товарищества Бѣляева, имѣющей около 600 рабочихъ; въ такомъ же положеніи очутились уже и нѣкоторыя другія крупныя фабрики. Не подлежитъ сомнѣнію, что при успѣшности въ легкомъ измѣненіи договорныхъ отношеній, обнаружившемся даже въ такое время, какъ Великій постъ, теченіе это распространится по всему внутреннему фабричному округу. Положеніе чрезвычайно опасное".

Московскіе фабриканты рѣшились 8 іюля 1902 г. довести до свѣдѣнія охраннаго отдѣленія московскаго оберъ-полицеймейстера о „чрезвычайной опасности положенія". На это домашнее средство власть отвѣтила еще болѣе по-домашнему. Начальникъ охраннаго отдѣленія, выслушавъ заявленіе, пожелалъ съ ними подробнѣе побесѣдовать. Приглашеніе было принято, и 26 іюля 1902 г. въ ресторанѣ Тѣстова (какъ просто устраивались дѣла!) состоялось знаменитое собесѣдованіе московскихъ фабрикантовъ съ Зубатовымъ. Объ этомъ мелкомъ самомъ по себѣ фактѣ необходимо упомянуть, потому что онъ не только необыкновенно характеренъ для дѣйствій той и другой стороны, но и потому, что въ трактирѣ Тѣстова была подробно изложена Зубатовымъ сущность полицейскаго соціализма. Фабриканты на совѣщаніи записали эту программу въ 16 пунктахъ и довели ее конфиденціально до свѣдѣнія Петербурга. Этотъ историческій документъ, опубликованный газетой „Русское Дѣло", гласилъ:

„1. Вслѣдствіе, во-первыхъ, неправильной постановки школъ фабричныхъ, въ особенности школъ Техническаго

Общества, и школъ воскресныхъ, руководимыхъ неблагонадежными учителями и, во-вторыхъ, вслѣдствіе односторонняго и пристрастнаго направленія печати—явной и подпольной,—россійское торгово-промышленное сословіе поставлено нынѣ въ обособленное отъ всѣхъ сословій положеніе, такъ что рабочій классъ, интеллигенція и духовенство смотрятъ уже на представителей этого сословія, говоря вообще, какъ на мошенниковъ.

2. Кромѣ преступнаго направленія школъ и печати, и само торгово-промышленное сословіе виновно въ томъ, что давало поводы утвержденію сказаннаго на него взгляда со стороны рабочаго класса, интеллигенціи и духовенства, допуская, вслѣдствіе лицепріятныхъ попущеній со стороны чиновъ фабричной инспекціи, обиды, штрафы, обмѣры, плохое харченіе и иныя дѣйствія, извѣстныя подъ названіемъ эксплоатаціи рабочаго люда. Въ то же время это сословіе, заботясь по собственному своему побужденію, объ улучшеніи быта рабочихъ, не дѣлало ничего, чтобы предавать возможно широкой гласности все, что дѣлаемо было имъ въ этой области.

3. Нынѣ торгово-промышленное сословіе можетъ найти искреннее сочувствіе и защиту своихъ законныхъ правъ только въ охранномъ отдѣленіи канцеляріи г. московскаго оберъ-полицеймейстера, которое, сознавая всю трудность положенія этого сословія, принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ предупрежденію и пресѣченію преступленій, направляемыхъ противъ него, какъ представителя капитала, со стороны рабочаго класса и интеллигенціи; но, къ великому сожалѣнію, само это сословіе, не будучи посвящено во всѣ изгибы дальновидной и прозорливой политики начальства, не только не сочувствуетъ его предначинаніямъ, какъ бы этого можно было ожидать отъ вѣрноподданныхъ, но даже, повидимому, противодѣйствуетъ этимъ начинаніямъ.

4. Причиною такового поведенія торгово-промышленнаго сословія служатъ ложные слухи, распускаемые французскимъ гражданиномъ Ю. Гужономъ, который въ минувшемъ мартѣ не допустилъ къ себѣ на фабрику агентовъ московскаго оберъ-полицеймейстера, подозрѣвая въ нихъ подстрекателей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они имѣли приказаніе его превосходительства предупредить готовившуюся на этой фабрикѣ

стачку. Не взирая на то, что г. Гужонъ подлежалъ строгой отвѣтственности за таковыя дѣйствія, онъ все-таки не былъ привлеченъ къ оной ни въ судебномъ, ни въ административномъ порядкѣ.

5. Нынѣ законъ возлагаетъ охрану законныхъ правъ хозяевъ и рабочихъ на фабричную инспекцію; но это учрежденіе, по мнѣнію охраннаго отдѣленія, оказалось безсильнымъ въ своей области, потерявъ въ глазахъ рабочихъ всякое довѣріе вслѣдствіе разныхъ лицепріятныхъ допущеній, кои были практикуемы имъ въ отношеніи хозяевъ. Поэтому охранное отдѣленіе, въ видахъ соображеній государственной важности, не только рѣшилось принять на себя ту часть обязанностей фабричной инспекціи, которая обнимаетъ взаимоотношенія хозяевъ и рабочихъ, но и почти склонно поставить на самомъ этомъ учрежденіи, какъ на анахронизмѣ, крестъ.

6. Возлагая на себя бремя этихъ обязанностей, охранное отдѣленіе, незнакомое со всѣми особенностями фабрично-заводскаго быта, приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы проникнуть къ глубину этихъ новыхъ своихъ обязанностей, и, по изслѣдованіи ихъ оно, пришло къ непоколебимому убѣжденію, что единственнымъ средствомъ, могущимъ предотвратить погромы капиталовъ и частной собственности, подобные тѣмъ, что произошли минувшей весной въ Полтавской и Харьковской губ., является расширеніе правъ фабричныхъ рабочихъ, но отнюдь не въ законодательномъ порядкѣ, какъ на этомъ настаиваетъ г. министръ финансовъ, представившій недавно законопроектъ о свободѣ стачекъ и о представительствѣ рабочихъ, а въ порядкѣ, такъ сказать, внѣзаконномъ, нелегальномъ.

7. Расширеніе правъ фабрично-заводскихъ рабочихъ (вопреки Устава о предупрежденіи и пресѣченіи и т. д.) должно состоять въ объединеніи рабочихъ каждой фабрики въ отдѣльное цѣлое, имѣющее свой комитетъ, состоящій изъ членовъ, добровольно выбираемыхъ изъ своей среды рабочими обоего пола. Эти комитеты имѣютъ намѣчать желательныя для рабочихъ измѣненія въ расцѣнкахъ, таксахъ, распредѣленіи рабочаго времени и вообще въ правилахъ внутренняго распорядка. Хозяинъ имѣетъ вѣдаться впредь съ своими рабочими не непосредственно, а чрезъ комитетъ. Ко-

митеты отдѣльныхъ фабрикъ данной округи состоятъ между собою въ общеніи въ видахъ достиженія однообразія дѣйствія. Общій надзоръ за комитетами сосредоточивается въ охранномъ отдѣленіи, которое назначаетъ въ сихъ цѣляхъ особыхъ агентовъ изъ среды опытныхъ и благонадежныхъ рабочихъ, умудренныхъ долгимъ опытомъ въ искусствѣ управлять народными громадами.

8. Дабы утвердить это обоюдополезное для хозяевъ и рабочихъ учрежденіе, чтобы грядущія событія не застали ихъ врасплохъ, охранное отдѣленіе озаботилось не только подысканіемъ благонадежныхъ и испытанныхъ въ забастовкахъ рабочихъ (даже изъ бывшихъ въ административной ссылкѣ), но и устройствомъ питомника (лабораторіи) для образованія будущихъ дѣятелей, руководимаго также людьми, искусными въ этой области. Всѣ эти учителя и руководители получаютъ приличное вознагражденіе въ видѣ жалованья, харчевыхъ, проѣздныхъ и наградныхъ.

9. Средства для поддержанія сего учрежденія доставляются „Обществомъ взаимопомощи рабочихъ механическихъ мастерскихъ“, учрежденнымъ 14 февраля 1902 г., гдѣ участвуютъ въ качествѣ членовъ тысячи рабочихъ обоего пола и даже подростки. Кромѣ того, поступаютъ пожертвованія отъ высокопоставленныхъ особъ, интеллигенціи, духовенства и разныхъ лицъ, исключая, впрочемъ, купцовъ и промышленниковъ.

10. Дабы рабочіе могли уяснить себѣ возможно основательнѣе свои права и обязанности, истекающія изъ новаго порядка вещей, охранное отдѣленіе открыло лекціи, привлекши къ этому дѣлу его высокопреосвященство московскаго митрополита, который, по приглашенію гражданскаго начальства, уже приступилъ къ новому дѣлу просвѣщенія фабричныхъ рабочихъ свѣтомъ Христова ученія, произнеся слово на собраніи, бывшемъ въ Политехническомъ музеѣ 10 іюня 1902 года.

11. Въ видѣ перваго опыта, такъ сказать, генеральной репетиціи управленія народными громадами, былъ произведенъ 19 минувшаго февраля охраннымъ отдѣленіемъ сборъ всѣхъ фабричныхъ рабочихъ Московской губерніи безъ различія сословій къ памятнику Царя Освободителя, гдѣ выборные возложили вѣнокъ. Этотъ внезапный сборъ 50,000-й

толпы, произведенный вопреки закона о рабочемъ времени, вызвалъ глубокое умиленіе его императорскаго высочества августѣйшаго генералъ-губернатора и его превосходительства г. московскаго оберъ-полицеймейстера, не предполагавшаго, чтобы такая громада могла оставаться спокойною безъ надзора за ней чиновъ полиціи.

12. Кромѣ лекцій и репетицій сказаннаго свойства, образованіе рабочихъ подъ руководствомъ опытныхъ людей происходитъ въ народныхъ домахъ и чайныхъ московскаго столичнаго попечительства о народной трезвости, содержимыхъ на средства, отпускаемыя г. министромъ финансовъ. Рабочіе, посѣщающіе эти собранія, хотя и не брегутъ закономъ о продолжительности рабочаго дня, но со временемъ это явленіе будетъ устранено.

13. Благодаря такимъ порядкамъ, Москва избавлена была нынѣшнею 1902 г. весною и лѣтомъ отъ многихъ изъ приготовлявшихся безпорядковъ, кромѣ гужоновскаго, который, впрочемъ, устроилъ по своему упорству самъ Гужонъ, и даниловскаго, имѣющаго всѣ признаки политическаго, а не экономическаго; тогда какъ въ Петербургѣ безпорядки не прекращались въ теченіе всего лѣта: тамъ дѣйствуютъ нагайки, штыки, а въ Москвѣ прозорливая предусмотрительность попечительнаго начальства.

14. Предпочтеніе внѣзаконному пути проведенія въ жизнь новыхъ условій бытія фабричнаго рабочаго, а не законодательному, дано по соображеніямъ высокой государственной важности, но и, кромѣ того, въ случаѣ утвержденія новыхъ условій бытія въ законодательномъ порядкѣ, какъ этого желаетъ г. министръ финансовъ, и при недостаточной наличности способныхъ и обученныхъ дѣятелей, можно испортить столь благое начинаніе въ самомъ началѣ, что, само собою разумѣется, весьма нежелательно для рабочихъ и въ особенности для хозяевъ.

15. Всѣми перечисленными мѣропріятіями охранное отдѣленіе успѣло въ короткій срокъ снискать искреннѣйшее довѣріе къ себѣ рабочихъ, потому что они убѣдились, что каждый униженный и оскорбленный находитъ въ охранномъ отдѣленіи отеческое вниманіе, совѣтъ, поддержку, помощь словомъ и дѣломъ, такъ что нынѣ даже „Музей Труда“, учрежденный при Императорскомъ техническомъ обществѣ, повидимому, сталъ терять подъ собою почву.

16. Представителямъ торгово-промышленнаго сословія при существующемъ положеніи вещей остается лишь замкнуть ту цѣпь, отдѣльными звеньями которой являются рабочій классъ, интеллигенція и духовенство, и такимъ образомъ облегчить въ значительной степени нелегкую задачу проведенія въ жизнь—не только Москвы и Московской губерніи, но и во всей Россіи—хотя внѣзаконнаго, но спасительнаго порядка взаимоотношеній между хозяевами и рабочими".

Полицейскій соціализмъ былъ раскрытъ съ цинической откровенностью. Охранное отдѣленіе призвано рѣшать судьбы рабочаго вопроса въ Россіи посредствомъ спеціальной полицейской агентуры, дѣйствующей на внѣзаконномъ основаніи и замѣняющей собой законодателя! Самыя мрачныя опасенія, самые подозрительные слухи объ участіи тайной полиціи въ рабочемъ движеніи стали непреложной истиной. Отнынѣ не могло быть никакихъ сомнѣній насчетъ сущности, программы и тактики полицейскаго соціализма. Оставалась неразоблаченной лишь цѣль его—предпринимателямъ нашли нужнымъ сообщить, что новый порядокъ вводится „по соображеніямъ высокой государственной важности", но раскрыть ихъ было нетрудно. Полицейскій соціализмъ былъ призванъ, какъ послѣднее средство, къ сохраненію самодержавія отъ грозной волны народнаго движенія и самъ по себѣ былъ несокрушимымъ памятникомъ бюрократическаго разложенія. Если бы сгорѣли всѣ архивы и библіотеки, и уцѣлѣлъ одинъ только протоколъ зубатовской бесѣды, историкъ безошибочно опредѣлилъ-бы состояніе Россіи по одному этому документу. Онъ говоритъ о полной анархіи среди бюрократіи, ея развращенности и безсиліи, о полной неспособности ея разрѣшить вопросъ. Мѣстная полицейская власть въ этомъ анархическомъ состояніи присваиваетъ себѣ не только права другихъ органовъ административной власти, но и функціи законодательнаго учрежденія, и эта попытка не только не встрѣчаетъ противодѣйствія сверху, но узаконяется на будущія времена. Безпредѣльный полицейскій произволъ становится верховнымъ россійскимъ закономъ, и этому произволу призываются къ присягѣ граждане, и этихъ гражданъ лицемѣрно увѣряютъ, что только въ произволѣ тайной полицейской агентуры они могутъ найти и найдутъ

отеческое наставленіе и защиту своихъ правъ!! И къ этимъ средствамъ бюрократіи пришлось прибѣгнуть при „желѣзномъ канцлерѣ“ Плеве, когда Россія, казалось, поднялась на вершину бюрократическаго самовластія, когда все внутри и внѣ страны сгибалось передъ мнимой силой великой державы!

Теперь, послѣ неслыханныхъ пораженій на Дальнемъ Востокѣ и всѣхъ разоблаченій нашихъ внутреннихъ непорядковъ, для всѣхъ стало яснымъ, что полицейскій соціализмъ былъ однимъ изъ проявленій глубочайшаго кризиса въ правительствѣ и политическомъ строѣ. Тогда эту истину сознавали немногіе, но въ ихъ числѣ не было фабрикантовъ. Московскіе промышленники, люди практическіе, хорошо понимали, что полицейскій соціализмъ, какъ способъ къ умиротворенію политическаго броженія среди рабочихъ, предположено произвести за счетъ ихъ кармана, и потому они протестовали. Но то не былъ еще политическій протестъ противъ режима. Согласившись на недостойные переговоры съ Зубатовымъ, фабриканты также недостойно вели себя и въ отстаиваніи своихъ интересовъ. Они говорили не какъ граждане, а какъ купцы, они не нападали, а торговались. Съ ихъ стороны не послѣдовало ни одного энергическаго протеста противъ полицейскаго насилія. Нѣтъ, они говорили о тѣхъ жертвахъ, какія приходится нести русскому фабриканту по отношенію къ своимъ рабочимъ, увѣряя, что русскій фабрикантъ въ сравненіи съ западноевропейскимъ является чѣмъ-то въ родѣ миссіонера. „Они не могутъ уразумѣть, какія причины заставляютъ извѣстные кружки раздувать такъ называемый рабочій вопросъ? Почему оказывается необходимымъ выдѣлить во что бы то ни стало 1% населенія (т. е. рабочихъ) въ *балованныхъ дѣтей*, а 99% предоставить волѣ Божьей? И еще болѣе удивляются фабриканты, почему наши духовныя власти дѣйствуютъ въ томъ же духѣ, совершенно забывая, что передъ лицомъ церкви нѣтъ ни фабричныхъ, ни заводчиковъ, а есть лишь православные люди“[1]).

Православные люди еще многаго не понимали. Но вскорѣ и они поняли, въ чемъ дѣло. Правильно понятые клас-

[1]) „Русское Дѣло“, 1905, № 5.

совые интересы привели и фабрикантовъ къ сознанію, что причина полицейскаго соціализма и всего произвола, которому они подчинены во многихъ сторонахъ своей промысловой жизни, коренятся въ существующемъ самодержавномъ строѣ. Правительство, оберегая „истинно-русскія начала“ и нуждаясь въ усиленной поддержкѣ, стало искать опоры въ рабочемъ классѣ, пытаясь привлечь его къ себѣ путемъ формальныхъ, неискреннихъ уступокъ, якобы клонящихся къ улучшенію матеріальныхъ условій труда (на иныя—политическія — уступки оно пойти не могло, потому что цѣль заключалась именно въ сохраненіи существующаго полновластія), а эти уступки должны были производиться на счетъ капитала и помимо его воли. Противъ такого положенія фабриканты увидѣли себя вынужденными вступить на путь политической борьбы. Не мало было и другихъ поводовъ. Нуждаясь въ денежныхъ средствахъ, бюрократія стала искать новыхъ источниковъ дохода и, не имѣя физической возможности что-либо еще выжать изъ народа, обратилась къ промышленному и торговому капиталу, чтобы привлечь его къ усиленному обложенію. Но буржуазія энергично протестовала—друзья правительства становились его врагами. Когда правительство предложило проектъ новаго промысловаго налога, въ комиссіи въ ноябрѣ 1904 года промышленники единодушно протестовали противъ него. „Представители промышленности, — заявилъ отъ имени ихъ консервативный г. Крестовниковъ—посовѣтовавшись между собою, пришли къ заключенію, что проектъ представляетъ для промышленности чрезвычайную опасность; больше всего пугаетъ неизвѣстность, насколько вообще отъ этихъ измѣненій увеличатся тяготы обложенія; сознавая вполнѣ, что въ теперешнее тяжелое время нужно увеличить рессурсы государственнаго казначейства [1]), промышленность проситъ выяснить цифру, на какую предполагается увеличить промысловый налогъ, и предоставить представителямъ промышленности самимъ разложить ее между отдѣльными отраслями“. Другіе промышленники, въ дополненіе къ Крестовникову, заявили, что

[1]) Это патріотическое сознаніе осталось, однако, голой теоріей. Во все время войны промысловый налогъ не былъ увеличенъ, подоходный не созданъ, вообще прямое обложеніе не увеличилось ни на копейку. Бѣдный капиталъ былъ пощаженъ, зато съ народныхъ массъ были взяты повышенные косвенные налоги.

проектъ внушаетъ имъ прямо ужасъ; возражаютъ они не изъ-за оппозиціи, а защищая свое право на существованіе [1]). Купеческій „потреотизмъ“ испарился. Наконецъ старый другъ потерялъ для фабрикантовъ всякій интересъ. Средства казны были истощены. Казенные заказы промышленности, ссуды на законныхъ и еще чаще на непредусмотрѣнныхъ уставомъ государственнаго банка основаніяхъ, всякія льготы—все это должно было пріостановиться и при томъ надолго. Государственный кредитъ пошатнулся, бумажныя цѣнности падали внизъ. Такой режимъ съ такими послѣдствіями не могъ уже привлекать къ себѣ промышленную и денежную буржуазію, — и она оттолкнула стараго союзника, отмѣчая на биржѣ слухи и шансы, благопріятные заключенію мира и введенію представительнаго образа правленія, повышеніемъ фондовыхъ и промышленныхъ бумагъ, неблагопріятные—рѣзкимъ ихъ пониженіемъ. Рабочее движеніе 1905 года довершило переломъ. Правительство, пораженное размѣрами и силой движенія, игнорируя полностью всѣ политическія требованія рабочихъ, отвѣтило на экономическія требованія рядомъ законопроектовъ по рабочему законодательству. Представители капитала увидѣли въ этомъ теченіи новую попытку спасти бюрократическій строй за счетъ прибыли и тутъ-то открыто выступили съ политической оппозиціей противъ существующаго режима. Они потребовали демократической конституціи [2]). Такимъ образомъ интересы капитала, затронутые бюрократіей, привели буржуазію къ конфликту съ отживающимъ государственнымъ строемъ, но въ ряду многихъ, однородныхъ по существу, поводовъ къ оппозиціи наибольшую роль сыгралъ именно полицейскій соціализмъ. Онъ вызвалъ наибольшее негодованіе промышленниковъ и навелъ ихъ на мысль о необходимости перемѣны государственнаго строя. По крайней мѣрѣ

[1]) „Торгово-Промышл. Газета“, № 268. 1904.

[2]) Демократическія идеи недолго гуляли въ головахъ фабрикантовъ и купцовъ—всего лишь три, четыре мѣсяца (декабрь 1904, январь—мартъ 1905). По мѣрѣ роста рабочаго движенія, по мѣрѣ усиленія революціоннаго настроенія въ массахъ, россійская буржуазія стала освобождаться отъ всякаго демократизма, открыто высказываясь за цензовое избирательное право, систему двухъ палатъ и т. д. Въ октябрскіе дни этотъ переломъ окончательно завершился, а въ декабрѣ буржуазія уже открыто стала на сторону правительства, привѣтствуя жестокую расправу правительственныхъ войскъ съ революціонерами. •

въ большинствѣ записокъ, обнародованныхъ фабрикантами и фабричнымъ техническимъ персоналомъ, зубатовщинѣ отводилось главное мѣсто въ обвинительномъ актѣ противъ стараго режима.

Полицейскій соціализмъ, желая спасти бюрократическій строй, создавалъ ему новыхъ враговъ въ лицѣ торгово-промышленной буржуазіи, до тѣхъ поръ державшей себя совершенно лойяльно. Неразборчивое средство привело какъ разъ къ обратнымъ результатамъ. Но, оттолкнувъ старыхъ друзей, пріобрѣла-ли бюрократія путемъ полицейскаго соціализма новую поддержку въ рабочемъ классѣ?

Успѣхъ новаго курса въ этой своей части зависѣлъ отъ двухъ условій—степени распространенія полицейскихъ рабочихъ союзовъ и вліянія ихъ на рабочую среду. Но ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи опытъ руководства умами рабочихъ не оправдалъ надеждъ его творцовъ. Несмотря на всѣ усилія, полицейскій соціализмъ получилъ въ сущности скромное примѣненіе. Въ нѣсколькихъ городахъ, главнымъ образомъ Москвѣ, Одессѣ, Петербургѣ, полицейской агентурой было создано нѣсколько рабочихъ союзовъ, которые не могли остановить движенія, постепенно захватывавшаго рабочую массу. Съ тѣхъ поръ, какъ сущность полицейскаго соціализма была разоблачена, онъ могъ разсчитывать лишь на самые некультурные и мало активные элементы: полиція и въ особенности ея тайные агенты не могли служить тѣмъ притягательнымъ огнемъ, на который шла бы масса, хорошо испытавшая на своей шкурѣ отеческое наставленіе участка. Ее можно было завлечь, но не привлечь, да и то не афишируя своей связью съ охраннымъ отдѣленіемъ, а напротивъ, упрятывая какъ можно дальше полы гороховаго пальто. Но именно эта необходимость хоронить подальше концы таинственной махинаціи исключала возможность широкаго и прочнаго вліянія зубатовскихъ союзовъ на рабочихъ. Суть дѣла знали десятки, сотни агентовъ охранныхъ отдѣленій; масса-же, не замѣчая привязи, воображала себя свободными членами свободнаго союза и потому говорила и дѣйствовала, повинуясь своему инстинкту. Господа охранщики, разумѣется, сдерживали ея рѣчи и дѣйствія, призывая къ „порядку“; но сами-же нарушали этотъ порядокъ и пріучали другихъ къ его нарушенію, такъ

какъ сами зубатовскіе союзы были не чѣмъ инымъ, какъ организованнымъ насиліемъ, не имѣвшимъ никакой опоры въ россійскомъ правѣ. Масса чувствовала себя свободной въ мысляхъ, зубатовскіе заправилы—въ дѣйствіяхъ: въ нѣдрахъ зубатовщины воспитывался микробъ революціи. Quem perdere vult, prius dementat. Бюрократія, думая о спасеніи, себя-же губила. Самонадѣянная, привыкшая править Россіей изъ участковъ, подавляя всякую самостоятельность мысли и дѣйствія посредствомъ полицейскихъ агентовъ и репрессій, она возомнила, что та же полиція можетъ не только укрощать и подавлять, но и воспитывать. И здѣсь заключалось роковое для нея недоразумѣніе. Увѣренность, что полиція можетъ руководить настроеніемъ подвѣдомственныхъ ей рабочихъ, оказалась жестокимъ самообманомъ. Нельзя надолго подставлять пролетаріату интересы правительства и выдавать ихъ за его собственные. Зубатовщина сорганизовала рабочихъ, дала имъ форму, но не смогла заполнить ее своимъ содержаніемъ. Это содержаніе опредѣлилось условіями существованія пролетаріата, и въ одинъ прекрасный день проснувшееся классовое самосознаніе должно было разорвать всѣ путы и обратить охранскую организацію на революціонный путь, воспользовавшись ею, какъ силой. Такъ и случилось. Революціонные плоды зубатовщины ярко сказались уже лѣтомъ 1903 г. въ Одессѣ, гдѣ руководимое Шаевичемъ зубатовское общество вызвало грандіозную и бурную всеобщую забастовку. Но то, что произошло въ Петербургѣ, превзошло всякія ожиданія. На улицахъ Петербурга главное зубатовское учрежденіе — „С.-Петербургское общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ“ съ его 11-тью отдѣлами—перешло 8 января 1905 г. къ „пропагандѣ, явно революціонный“ (изъ правительственнаго сообщенія), а 9 января правительство разстрѣляло 200.000-ую толпу рабочихъ, двинувшихся подъ руководствомъ зубатовскаго общества съ политической петиціей къ Зимнему дворцу. Пролетаріатъ подчинилъ полицейское общество своимъ экономическимъ и политическимъ цѣлямъ. Полицейскій соціализмъ привелъ къ результатамъ, діаметрально противоположнымъ плану его творцовъ: зубатовщина и здѣсь создала режиму новыхъ политическихъ противниковъ. Правительство, въ оправданіе принятыхъ имъ послѣ 9 января репрессивныхъ мѣръ, въ

оффиціозномъ циркулярѣ „Петербургскаго Телеграфнаго Агентства“ наивно ссылалось на то, что полиція, какъ показали послѣднія событія, „не была въ состояніи предотвратить рабочее движеніе или руководить имъ, ибо рабочіе пошли по пути политическихъ требованій“. Но полиція этого не въ силахъ сдѣлать ни при какихъ условіяхъ, средствахъ, полномочіяхъ и личномъ составѣ. Опыты „предотвращенія и руководства“ рабочимъ движеніемъ посредствомъ полиціи и другихъ органовъ бюрократическаго самовластія могла зародиться только въ средѣ самодержавной, стоящей надъ всякимъ правомъ, бюрократіи, переоцѣнивающей свое значеніе и склонной видѣть во всякомъ общественномъ теченіи, ей враждебномъ, результатъ не скрытыхъ въ глубинѣ жизни народныхъ силъ, а посторонняго вліянія злонамѣренныхъ лицъ. И сколько-бы лицъ, причастныхъ къ администраціи, ни принимало участіе въ полицейскихъ рабочихъ союзахъ, для большей части рабочихъ скрытыя пружины останутся неизвѣстными; двигаясь подъ давленіемъ своихъ огромныхъ нуждъ, заражаясь настроеніемъ окружающихъ, рабочая масса, въ концѣ концовъ, пойдетъ своимъ путемъ и обратитъ даже такой союзъ въ орудіе своихъ интересовъ. И это должно было случиться [1]). Полицейскій соціализмъ покоился на политически ложномъ разсчетѣ. Онъ сѣялъ „истинно-русскія начала“ и пожалъ революціонную бурю.

Петербургское общество и его отдѣлы были „временно“ закрыты, механическое-же общество, съ предсѣдателемъ Ушаковымъ, уцѣлѣло и понынѣ продолжаетъ работу.

Московскіе союзы послѣ 9 января оживились: и они стали предъявлять требованія, но исключительно экономическаго характера. На собраніи 20 января въ Грузинскомъ народномъ домѣ, рабочіе механическаго производства обсуждали записку московскихъ фабрикантовъ, представленную въ министерство финансовъ, но здѣсь восторжествовалъ экономизмъ, несмотря на то, что записка на первый планъ выдвигала политическіе принципы въ духѣ конституціонализма. „Давно-ли фабриканты и заводчики сдѣлались нашими друзья-

[1]) Еще 6 января даже „Новое Время“, говоря объ опытахъ заигрыванія администраціи съ рабочими, предчувствовало, что „поддержаніе существующаго положенія вещей (т. зубатовщины) неминуемо будетъ грозить общественному порядку“.

ми? — говорилъ одинъ рабочій. — Если они дѣйствительно желаютъ намъ добра, то почему-же во время послѣднихъ забастовокъ они не нашли нужнымъ вести переговоры съ рабочими, а обратились за содѣйствіемъ къ полиціи и военной силѣ? Развѣ мы имѣли намѣреніе грабить имущество ихъ или посягать на ихъ жизнь?"

Основной политическій мотивъ фабрикантской записки былъ обращенъ къ рабочимъ его экономической стороной, и рабочіе, вмѣсто того, чтобы согласиться съ нѣкоторыми пунктами записки и признать враждебность къ нимъ самимъ существующаго строя, вспомнили лишь о противоположности интересовъ капитала и труда. Фабриканты—искренно или неискренно высказывались за неприкосновенность личности и жилищъ рабочихъ какъ за политическое требованіе, которое не признается самодержавнымъ строемъ, на каждомъ шагу грубо попирается имъ и можетъ быть осуществлено только въ конституціонномъ государствѣ. А рабочіе повернули это требованіе не къ правительству, а фабрикантамъ и свели важное политическое требованіе къ скромному экономическому интересу, нарушаемому фабрикантами.

„Это хорошо — говорилъ одинъ „рабочій" — что, наконецъ-то, предприниматели вздумали признать неприкосновенность нашей личности и нашихъ жилищъ. А до сихъ поръ развѣ мы пользовались этимъ правомъ? Нѣтъ. Фабриканты подвергали насъ обыскамъ при выходѣ съ фабрикъ за ворота, обыскамъ, которые не допускаются закономъ. Мало того, что насъ обыскивали въ воротахъ,—имѣли право обыскивать даже наши квартиры. Если они признаютъ теперь неприкосновенность нашихъ личности и жилищъ, то не должны унижать насъ, подвергая обыскамъ, причисляя тѣмъ самымъ къ ворамъ. Что касается равноправности всѣхъ предъ закономъ, то предъ нимъ и всегда мы юридически равноправны, но главную-то роль играетъ въ данномъ дѣлѣ капиталъ. Мы хотя предъ закономъ и равноправны съ хозяевами, но по средствамъ не равносильны, и пословица „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ на судись" — не утратила и до сихъ поръ своего смысла".

Фабриканты говорили объ участіи промышленниковъ и рабочихъ въ выборахъ законодательныхъ, а рабочіе склонялись къ участію въ... прибыляхъ предпріятія.

„Не лучше-ли намъ, рабочимъ —говорили они—возбудить предъ правительствомъ ходатайство объ участіи рабочихъ въ прибыляхъ, получаемыхъ отъ нашихъ трудовъ предпринимателями“, и съ этимъ огромное большинство было согласно [1]).

Такимъ образомъ незамѣтно для рабочихъ кто-то сводилъ ихъ съ политической злобы дня на путь экономическихъ интересовъ, неизбѣжно сталкивалъ ихъ съ фабрикантами, и вмѣсто язвъ строя выступали эгоистическія черты фабрикантовъ. То были зубатовцы, оставшіеся до конца вѣрными своей „платформѣ“.

Неудивительно, что петиція, выработанная московскимъ обществомъ механическихъ и другихъ рабочихъ и адресованная правительству, сохранила исключительно экономическій характеръ: зубатовцы крѣпко натягивали вожжи и не позволяли рабочимъ сбиваться на политическій путь, попросту игнорируя политическія требованія, все еще раздававшіяся даже на зубатовскихъ собраніяхъ [2]).

Въ петиціи, покрытой 2.500 подписей и врученной министру финансовъ въ концѣ марта 1905 г., послѣ подробной мотивировки, выставлены были слѣдующія ходатайства о неотложныхъ нуждахъ рабочихъ:

1) Разрѣшить въ законодательномъ порядкѣ учрежденіе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, такъ какъ только путемъ объединенія рабочихъ интересовъ можетъ быть достигнуто необходимое улучшеніе въ условіяхъ труда, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ опытъ западно-европейскихъ государствъ.

2) Уничтожить уголовную отвѣтственность за стачки, которыя касаются лишь области частно-правовыхъ отношеній и служатъ необходимымъ средствомъ въ борьбѣ съ предпринимателями за улучшеніе условій труда.

3) Ввести представителей рабочихъ въ совѣщательныя учрежденія, занимающіяся обсужденіемъ условій труда, такъ какъ засѣдающіе тамъ хозяева являются плохими представителями и защитниками интересовъ труда.

4) Учредить спеціальные промышленные суды съ рав-

---

[1]) Отчетъ о собраніи 20 января, цитируемъ по „Рус. Листку“.

[2]) Политика проникла и сюда, и власти временно (въ мартѣ) запретили собранія рабочихъ въ Грузинахъ и другихъ мѣстахъ.

нымъ участіемъ въ составѣ ихъ представителей отъ хозяевъ и рабочихъ для разбора неизбѣжно возникающихъ недоразумѣній въ области фабрично-заводскаго обихода.

5) Расширить предѣлы дѣятельности фабричныхъ старостъ, преобразовавъ этотъ институтъ по образцу фабричныхъ комитетовъ въ Германіи, ибо нынѣшніе старосты представляютъ лишь передаточную инстанцію, не имѣющую даже совѣщательнаго голоса.

6) Пересмотрѣть фабрично-заводское законодательство въ смыслѣ уравненія рабочихъ въ правахъ съ хозяевами.

7) Сократить продолжительность рабочаго дня, чтобы дать трудящемуся люду время для самообразованія и разумныхъ развлеченій, поднимающихъ умственный и нравственный уровень рабочихъ.

8) Отмѣнить сверхурочныя работы, произвольно удлиняющія продолжительность рабочаго дня; въ случаяхъ-же крайней необходимости допускать ихъ съ двойной оплатой.

9) Ввести государственное страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, отъ болѣзни и на старость, чтобы трудящійся людъ получилъ необходимое обезпеченіе въ тяжелые моменты своей жизни.

10) Открыть рабочимъ доступъ къ общему и профессіональному образованію, введя въ программы спеціальныхъ школъ необходимыя для рабочихъ экономическія свѣдѣнія, касающіяся важнѣйшихъ сторонъ современнаго промышленнаго строя.

11) „Распространить дѣйствія фабрично-заводскаго законодательства на ремесленныя предпріятія въ интересахъ объединенія условій промышленнаго труда во всѣхъ областяхъ его примѣненія“.

Правительство превратило эту полицейскую махинацію въ крупное событіе. Господа изъ охранныхъ отдѣленій были встрѣчены министромъ финансовъ съ отмѣнной торжественностью, а рѣчи министра были отпечатаны брошюрой въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ для раздачи московскимъ рабочимъ.

Но никакими оффиціальными рекламами нельзя было уже спасти полицейскаго соціализма. Онъ безвозвратно погибъ.

Зубатовщина не захватила въ свои грязныя руки рабочаго движенія и не спасла самодержавія. Оно вынуждено

было капитулировать передъ тѣми самыми рабочими массами, которыхъ такъ опасалось. Временно задержавъ ростъ революціоннаго сознанія, та же зубатовщина къ другому моменту сконцентрировала его и привела къ первымъ шагамъ открытой революціи противъ самодержавія и всего существующаго строя. Тамъ-же, гдѣ ей не принадлежала активная революціонизирующая роль, зубатовщина не могла ни предупредить, ни задержать ни заглушить революціоннаго движенія. Декабрьское вооруженное возстаніе въ Москвѣ, этомъ центрѣ полицейскаго соціализма, показало воочію полное безсиліе и безплодіе всей многолѣтней зубатовской пропаганды.

Не исполнивъ своей политической миссіи, зубатовскіе союзы потеряли всякое практическое значеніе и какъ экономическія организаціи. Они утонули въ массѣ свободныхъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, выросшихъ во всѣхъ промышленныхъ центрахъ страны. Многіе рабочіе, по невѣдѣнію попавшіе въ зубатовщину, стали переходить въ подлинные рабочіе союзы. Зубатовщина совершенно стушевалась и гдѣ-то вдали стала влачить жалкое существованіе на пользу и радость тѣхъ, кто двадцатаго числа ходитъ въ охранное отдѣленіе за жалованіемъ.

Опытъ кончился жесточайшимъ крушеніемъ. Это вынуждено было признать и правительство. На каучуковомъ языкѣ комитета министровъ, засѣдавшаго 11 января 1905 г., черезъ 2 дня послѣ кроваваго вокресенья, признаніе гласило: рабочіе союзы, „образованные „иногда (?!) при помощи полицейскаго усмотрѣнія“, явились „угрозою общественному спокойствію“. Но по инерціи-ли, неисповѣдимому самомнѣнію и ослѣпленію бюрократіи, или вслѣдствіе безсилія разложившагося самодержавія, полицейскіе рабочіе союзы и вся вообще организація до сихъ поръ не упразднены. Мало того. Еще лѣтомъ 1905 года въ Петербургѣ нѣкто Джанни, содержатель курсовъ иностранныхъ языковъ, вкупѣ съ однимъ военнымъ, директоромъ департамента и чиновникомъ особыхъ порученій, пытался создать какое-то таинственное Общество Труда, съ трескомъ провалившееся на первомъ-же учредительномъ собраніи.

Съ 17 октября самодержавіе оффиціально упразднено. Одна изъ главныхъ цѣлей зубатовщины — защита самодержавія — пала. Чтобы сохранить эти союзы — а оно ихъ со-

храняетъ—правительство, очевидно, должно будетъ поставить имъ новую цѣль—защиту конституціонной монархіи и, дабы не дискредитировать своего дѣла, должно будетъ убрать его изъ рукъ охраннаго отдѣленія. Негласное, внезаконное „право“ союзовъ, составлявшее при самодержавіи исключительную привилегію тайной полиціи, должно стать явнымъ и свободнымъ правомъ всѣхъ. Правительство не станетъ уже прятаться за полицейскими ширмами. Тщательно закрасивъ старую зубатовскую вывѣску, оно по примѣру ученыхъ пруссаковъ напишетъ: „Королевско-Прусскій желѣзнодорожный союзъ составителей поѣздовъ въ Альтонѣ“, а его девизомъ: „постоянно пропагандировать преданность королю и отечеству... и противодѣйствовать теченіямъ, враждебнымъ императору и государству“ [1]). Для новой работы монархическихъ „рабочихъ“ союзовъ найдутся свои конституціоналисты-зубатовцы (старые, самодержавные зубатовцы уйдутъ съ пенсіей на покой), и союзы, защищая конституціонную монархію, съ утроенной энергіей поведутъ борьбу съ „разрушительными“ тенденціями соціалъ-демократической рабочей партіи.

Зубатовскіе союзы еще не продѣлали этого цикла развитія, но они на пути къ нему. Уничтоженное, растерявшееся правительство стараго порядка, поглощенное разстрѣломъ демократіи, еще не взялось за „творческую“ работу; но за него уже дѣйствуютъ герои междуцарствія, подталкиваемые инстинктомъ самосохраненія.

Семенъ роди Ивана,
Иванъ роди Петра.

Зубатовщина роди гапоновщину, гапоновщина роди ушаковщину. Полицейскій соціализмъ черезъ революціонную бурю противъ самодержавія (не монархіи!) привелъ къ „независимой рабочей партіи.“ Независимые ушаковцы прочно унаслѣдовали отъ прародителя первородный „грѣхъ“ его — активную вражду къ соціалъ-демократіи. Въ этомъ весь смыслъ существованія, вся программа малочисленной и маловліятельной группы. И пусть утѣшатся зубатовцы, гапоновцы, ушаковцы: правительство не оттолкнетъ ихъ и не забудетъ. Для борьбы съ соціалъ-демократіей всѣ они пригодятся.

---

[1]) См. Кулеманъ. „Профессіональное движеніе. Спб., 1901. Стр. 318.

Такъ писали мы [1]), не рѣшаясь еще называть вещи ихъ именами.

Но событія съ безпощадной жестокостью сорвали съ гапоновщины и ушаковщины покрывало таинственности, и дѣтища зубатовщины очутились передъ пролетаріатомъ во всей ихъ отвратительной полицейской наготѣ. Всѣ знали, что гапоновское и ушаковское общества рабочихъ родились въ стѣнахъ охраннаго отдѣленія, но въ великое 9-ое января кровь, пролитая рабочими на улицахъ Петербурга, смыла, казалось, всю полицейскую грязь и дала новую жизнь и новое содержаніе полицейскимъ рабочимъ союзамъ. Такъ лишь казалось. Масса пролетаріата дѣйствительно пошла новымъ революціоннымъ путемъ и зажила новымъ соціалистическимъ идеаломъ, но руководители союзовъ остались прежними полицейскими агентами и провокаторами, а сами союзы—орудіемъ полицейско-самодержавной политики правительства. Разоблаченіе, сдѣланное на страницахъ *Руси* однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Гапона, положило конецъ всякимъ сомнѣніямъ: Георгій Гапонъ оказался шпіономъ, предателемъ и провокаторомъ. Появленіе Гапона въ прежней роли правительственнаго агента сдѣлалось очевиднымъ еще осенью 1905 года, когда „герой“ 9 января устами бесѣдовавшихъ съ нимъ рабочихъ сталъ въ русской печати рѣзко порицать революціонное теченіе среди Петербургскаго пролетаріата, а въ заграничной [2]), восхвалять черезъ интервьюеровъ геній великаго Витте. Отъ этихъ отзывовъ недавняго революціонера такъ сильно попахивало предательствомъ и продажностью, что не оставалось сомнѣній въ сношеніяхъ Гапона съ правительствомъ Витте. Не доставало только прямыхъ уликъ, — и онѣ были приведены рабочимъ Петровымъ, открыто бросившимъ въ лицо Гапону обвиненіе, что онъ, Гапонъ, при посредствѣ своей правой руки—Матюшинскаго, получилъ отъ Витте, черезъ тов. мин. Тимирязева, 30.000 рублей для собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ [3]), что таинственное лицо, сочувствующее рабочимъ, отъ имени котораго Гапонъ уже раньше давалъ деньги, не

[1]) „Образованіе“, январь, 1906.

[2]) Интервью съ Гапономъ нашли себѣ мѣсто на страницахъ *Руси*.

[3]) Какъ извѣстно, часть этихъ денегъ была растрачена господами гапоновщами

кто иное, какъ „конституціонное“ правительство Витте. Впечатлѣніе, произведенное этимъ разоблаченіемъ на ближайшихъ участниковъ гапоновскаго союза, было такимъ ошеломляющимъ, что одинъ изъ нихъ, рабочій Черемухинъ, повидимому, потрясенный неожиданностью открытія, покончилъ съ собой въ присутствіи Гапона. Съ теченіемъ времени стали открываться новыя подробности предательства. Выяснилось, что Гапонъ, котораго еще такъ недавно правительство не безъ удовольствія повѣсило бы, пріѣзжалъ въ Петербургъ и получилъ право свободнаго въ немъ проживанія отъ Витте; что сношенія съ Витте велись черезъ извѣстнаго агента тайной полиціи, Манасевича-Мануйлова, состоявшаго чиновникомъ особыхъ порученій при Витте; что въ то самое время, какъ въ печати Гапонъ съ неслыханной наглостью обвинялъ представителей прессы въ подкупности (письмо въ *Русь*), Георгій Гапонъ проводилъ цѣлые часы въ отдѣльныхъ кабинетахъ ресторановъ, охраняемыхъ чинами охраннаго отдѣленія, съ завѣдующимъ политической частью чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Рачковскимъ [1]).

Послѣдній печатный документъ о Гапонѣ, появившійся въ связи съ его таинственнымъ исчезновеніемъ, приноситъ столько правдоподобныхъ штриховъ для характеристики новѣйшей дѣятельности Гапона, что его приходится привести почти цѣликомъ.

„Судъ рабочихъ, говорилось въ немъ, имѣлъ неопровержимыя доказательства того, что:

1) Георгій Гапонъ, вернувшись въ декабрѣ 1905 г. въ Россію, вступилъ въ сношенія черезъ чиновника особыхъ порученій при гр. Витте, Мануйлова, и имѣлъ рядъ свиданій съ бывшимъ директоромъ департамента полиціи Лопухинымъ, съ товарищемъ директора департамента полиціи Рачковскимъ и съ начальникомъ петербургскаго охраннаго отдѣленія, полковникомъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ Герасимовымъ. Они обѣщали ему содѣйствіе по открытію отдѣловъ, если онъ разскажетъ все, что знаетъ про революцію и революціонеровъ. Гапонъ разсказалъ. 2) Около 15 января 1906 г. Ге-

[1]) „Двадцатый вѣкъ,“ 11 апр. 1906.

оргій Гапонъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ Дурново письмо, въ которомъ каялся въ своей прошлой революціонной дѣятельности и событіяхъ 9-го января. Письмо передано черезъ Рачковскаго. 3) Георгій Гапонъ взялъ на себя спеціальное порученіе Рачковскаго и Герасимова узнать и выдать заговоры противъ царя, Витте и Дурново. Для этого онъ взялъ на себя „соблазнить“ одного изъ близкихъ ему людей въ провокаторы. Гапонъ уговаривалъ его получить 25,000 рублей за выдачу только одного дѣла, а за четыре дѣла можно будетъ заработать сто тысячъ рублей. Отъ имени Рачковскаго Гапонъ гарантировалъ ему личную безопасность на случай, если они узнаютъ про предательство. Георгій Гапонъ уговаривалъ не смущаться предстоящими жертвами предательства и не колебаться, такъ какъ „25,000 рублей большія деньги“. 4) Георгій Гапонъ былъ амнистированъ манифестомъ 21 октября 1905 г. и зналъ объ этомъ, но вступилъ въ сношенія съ правительствомъ, получилъ отъ него деньги и паспортъ на имя П. Н. Гребницкаго, уѣхалъ на короткое время за-границу, а вернувшись въ декабрѣ 1905 г.— жилъ по этому паспорту въ Петербургѣ, объясняя рабочимъ, что вынужденъ жить нелегально, такъ какъ правительство его преслѣдуетъ. 5) Пользуясь своимъ вліяніемъ на рабочаго Черемухина, Георгій Гапонъ взялъ съ него клятву и далъ ему револьверъ, чтобъ убить рабочаго Николая Петрова за опубликованіе въ печати про сношенія Гапона съ правительствомъ. 18 февраля, во время засѣданія центральнаго комитета подъ предсѣдательствомъ Гапона, Черемухинъ самъ застрѣлился изъ этого револьвера. 6) Кромѣ 10,000 руб., полученныхъ за напечатанный въ Англіи разсказъ про событія 9 января 1905 года, Георгій Гапонъ получилъ лѣтомъ 1905 г. отъ частнаго лица для дѣла рабочихъ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Деньги эти рабочимъ не переданы.

Застигнутый на мѣстѣ преступленія, Георгій Гапонъ самъ все призналъ, но объяснилъ, что все это сдѣлалъ ради имѣвшейся у него идеи.

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, судъ постановилъ: Георгій Гапонъ предатель, провокаторъ и растратилъ деньги рабочихъ; онъ осквернилъ честь и память товарищей, павшихъ 9 января 1905 года.

Георгія Гапона предать смерти.
Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Члены суда[1]).

Такимъ оказался Георгій Гапонъ, выброшенный волной революціоннаго движенія на ея гребень въ историческіе январскіе дни. Если-бъ онъ не былъ убитъ, карьера его какъ руководителя рабочимъ движеніемъ была бы все равно кончена навсегда. Безславно погибло и гапоновское собраніе рабочихъ. Разоблаченія полицейской дѣятельности Гапона внесли въ ряды членовъ этого общества большое смятеніе, и они стали массами покидать его. Лишенные всякой поддержки,—союзъ держался правительственной субсидіей и провокаторами — члены этого полицейскаго учрежденія сдѣлали новую попытку спасти его и обратились... къ господамъ либераламъ изъ конституціонно-демократической партіи за „духовной и матеріальной поддержкой“. И господа либералы, хватающіеся за всякую связь съ рабочими, рѣшили, по предложенію Ф. И. Родичева, притти организаціи на помощь и выработать имъ уставъ [2]). Счастливаго пути, господа либералы!

Не остался безъ послѣдствій кризисъ въ гапоновщинѣ и для его почтеннаго собрата—ушаковщины. „Независимый соціалистъ“ оказался очень зависимымъ отъ ласкъ самодержавнаго правительства: неработающій рабочій состоялъ на жалованіи экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Выяснилось множество подробностей компрометирующаго характера, и результатомъ тоже массовое бѣгство изъ общества. „Ушаковская партія независимыхъ соціалистовъ“—сообщала печать еще въ февралѣ,—почти закончила свое существованіе, такъ какъ члены партіи узнали компрометирующія данныя о дѣятельности Ушакова, которая идетъ въ разрѣзъ съ интересами рабочихъ. Замѣчаются массовыя оставленія партіи [3]).

---

[1]) „Двадцатый Вѣкъ,“ № 23. 1906. Оговариваемся: редакція газеты „Д. В.“ считала этотъ документъ мистификаціей, совпаденіе указанныхъ въ немъ фактовъ съ ранѣе опубликованными и, наконецъ, таинственная смерть Гапона дѣлаетъ его, напротивъ, въ нашихъ глазахъ подлиннымъ.

[2]) См. Отчетъ о засѣданіи Спб. комитета партіи народной свободы въ „Двадцатомъ Вѣкѣ“, 21 апр. 1906.

[3]) *Русь*, 18 фев. 1906.

Покрывало снято. Правительственная махинація раскрыта до самыхъ послѣднихъ закоулковъ. Свѣтъ, пролитый на всю эту по существу несложную смѣсь провокаторства съ предательствомъ, показалъ лишній разъ всю негодность, все безстыдство самодержавно-полицейскаго строя. Мимоходомъ освѣщались и другія затѣи охраннаго происхожденія — небезкорыстная дружба „конституціонно-монархической партіи рабочихъ“ съ правительствомъ Витте-Дурново. Такъ въ мартѣ министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново „призналъ не подлежащимъ удовлетворенію“ ходатайство „совѣта рабочихъ конституціонно-монархической партіи“, обратившагося въ лицѣ своихъ представителей—бывшаго рабочаго завода Гесслёра, Федора Жилкина и рабочихъ фабрики „Джемсъ-Бекъ“ крест. Андреева и Захарова—къ министру съ просьбой объ отпускѣ изъ суммъ правительства ежемѣсячно по двѣ тысячи рублей на расходы по содержанію „совѣта партіи и на открытіе еще трехъ совѣщательныхъ комитетовъ“ [1]). Господа „монархисты“ скромно просили 24,000 руб. въ годъ на открытіе еще трехъ комитетовъ. Сколько же ихъ было, вѣдаетъ одно лишь безконтрольное „правительство“ охранныхъ отдѣленій.

Самодержавно-полицейскій строй поддерживался усиліями провокаторовъ и шпіоновъ. Они были послѣдней его опорой. Что ни шагъ, всюду провокація или сыскъ. И даже въ самую послѣднюю минуту, къ первому дѣйствію комедіи, озаглавленной „Дума“, правительство пустило въ ходъ старый зубатовскій пріемъ. На этотъ разъ сѣти охраннаго отдѣленія должны были опутать не рабочихъ, а крестьянъ. Крестьянская зубатовщина началась съ дѣйствій нѣкоего господина Коренева, наводнившаго деревню прокламаціями отъ имени какого то русскаго союза: какъ и рабочая зубатовщина, крестьянская такъ энергично „работала“, что крестьяне стали переходить къ открытымъ антиправительственнымъ дѣйствіямъ, — и губернаторы возопили къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой унять союзъ. Пожаловался и генералъ-губернаторъ Дубасовъ, и правительство Витте поспѣшило переселить Коренева съ канцеляріей союза въ Петербургъ для новаго важнаго дѣла: уловленія въ сѣти охраннаго отдѣленія... крестьянскихъ депутатовъ думы, — дѣла, заблаговре-

---

[1]) *Русь*, 9 марта 1906.

менно организованнаго министерствомъ вн. дѣлъ. По разоблаченію *Рѣчи*, въ шифрованной телеграммѣ министръ внутреннихъ дѣлъ рекомендовалъ губернаторамъ пригласить къ себѣ всѣхъ членовъ государственной думы изъ крестьянъ подъ предлогомъ выдачи имъ прогонныхъ денегъ и убѣдить ихъ пріѣхать въ Петербургъ къ 20 апрѣля, остановиться въ спеціально отведенномъ помѣщеніи и вступить въ члены крестьянской группы, образуемой однимъ изъ членовъ думы—крестьянъ. Часть крестьянскихъ депутатовъ дѣйствительно размѣстилась въ нанятомъ помѣщеніи; предводимые присяж. повѣр. Заболотнымъ, депутаты Подольской губерніи посѣтили государственную канцелярію, послѣ чего г. Заболотный имѣлъ свиданіе съ товарищемъ мин. внут. дѣлъ Крыжановскимъ. Открытая „дружба“ Заболотнаго съ правительствомъ и ретивыя сыщицкія поползновенія на свободу казенныхъ жильцовъ со стороны одного изъ управляющихъ правительственными номерами показали трезвымъ крестьянамъ, въ чемъ дѣло, и тѣ рѣшили немедленно покинуть казенную квартиру.

Зубатовщина снова сорвалась.

Предъ пролетаріатомъ стоятъ жалкіе, разбитые остатки полицейскаго „соціализма“. Судьба его предрѣшена. Рабочая масса пройдетъ мимо наслѣдія зубатовщины и съ негодованіемъ отвернется отъ него. Она понесетъ свои силы, свой энтузіазмъ, свою революціонность въ ряды единой соціалъ-демократической рабочей партіи, вѣрной ей и въ счастьѣ и въ страданіяхъ. И не перестанетъ повторять: долой провокацію, долой „соціалистовъ“ охраннаго отдѣленія!

По поводу книги проф. И. Х. Озерова „Изъ жизни труда“[1]).

Подъ такимъ претенціознымъ и не совсѣмъ литературнымъ заглавіемъ собраны статьи. г. Озерова (числомъ одиннадцать), первоначально печатавшіяся въ *Русской Мысли*, *Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи*, и нѣкоторыхъ другихъ журналахъ. По содержанію своему онѣ касаются различныхъ сторонъ такъ называемаго рабочаго вопроса, но въ большинствѣ своемъ — не главныхъ, не тѣхъ, которыя образуютъ коренную его сущность, а второстепенныхъ. Статьи—общества потребителей, рабочіе клубы въ Англіи, бойкотъ, соціальный музей — говорятъ о мелочахъ въ жизни рабочихъ или о маленькихъ дѣлахъ, которыя не разрѣшаютъ и не могутъ разрѣшить рабочаго вопроса, какъ экономической и политической проблемы. Статьи — „Отчего Америка идетъ такъ быстро впередъ“, „Развитіе общечеловѣческой солидарности“ — мимоходомъ касаются „жизни труда“ и только двѣ статьи о законодательствѣ австралійскихъ колоній, да три другія—о борьбѣ общества и государства съ „дурными условіями труда“ (честь изобрѣтенія этого дурного слова принадлежитъ г. Озерову,)о фабричныхъ комитетахъ и коллективномъ договорѣ, о кассахъ взаимопомощи—приближаютъ насъ къ болѣе или менѣе важнымъ вопросамъ, оправдывающимъ названіе сборника. Конечно, выборъ темы — дѣло автора. Одинъ ищетъ въ жизни серьезныхъ вопросовъ и пытается охватить ихъ значеніе во всей глубинѣ, другой скользитъ взоромъ лишь по поверхности и останавливается только на томъ, что случайно встрѣтитъ въ полѣ зрѣнія. Г. Озеровъ писалъ статьи, очевидно, по случайнымъ поводамъ и такой же случайный характеръ носятъ онѣ, собранныя вмѣстѣ. Онѣ не даютъ ни описанія, ни анализа „жизни труда“. Это от-

[1]) Напечатано въ „Правдѣ“ 1904 г., кн. 4.

дѣльные наброски и ничего больше, за крайне немногими исключеніями, исполненные грубо, поверхностно и нерѣдко возбуждающіе полнѣйшее недоумѣніе. Если бы отъ насъ потребовали общей характеристики творчества г. Озерова, поскольку оно нашло себѣ выраженіе въ нѣкоторыхъ статьяхъ сборника, то мы не задумываясь примѣнили бы къ нему удивительныя строки, собственноручно начертанныя г. Озеровымъ: „Да, *мы люди безъ мысли, клѣтки безъ птицы, фонтаны безъ воды, фонографы чужихъ мыслей*, ужасно похожи другъ на друга. Оттого намъ и скучно въ обществѣ себѣ подобныхъ, и мы должны убивать время въ картежной игрѣ, попойкахъ, такъ какъ *нѣтъ у насъ собственныхъ садовъ мысли и не можемъ мы угощаться плодами, сочными плодами нашей мысли*. Черезъ наши головы только проходятъ чужія мысли, и оттого такъ скучно кругомъ насъ: *къ тому же мы боязливы, боязливы какъ зайцы*“. (стр. 291, курсивъ нашъ). Если отказаться отъ сходства, которое г. Озеровъ великодушно находитъ между собою и другими людьми („мы“), и предположить, что г. Озеровъ говорилъ только о самомъ себѣ, тогда мы получимъ неподражаемую автохарактеристику нашего автора. Продолжая сравненіе г. Озерова, мы сказали бы, что многія статьи въ сборникѣ представляютъ собою кашу чужихъ мыслей, обильно смоченную фонтаномъ воды, которою (т. е. кашей) никто не пожелаетъ угощаться. Дѣйствительно, цитированный нами пассажъ раскрываетъ двѣ основныя особенности творчества г. Озерова: во-первыхъ, убожество формы, изложенія и, во-вторыхъ, безпомощность мысли. Г. Озеровъ давно уже извѣстенъ, какъ очень плохой стилистъ, но за послѣднее время у него появилась еще гибельная страсть къ сравненіямъ, образамъ, метафорамъ, которыя настолько грубы и неудачны, что въ концѣ концовъ начинаютъ раздражать читателя; не говоримъ уже о томъ, что замѣна разсужденій цвѣтистыми фразами придаетъ всей аргументаціи автора бездоказательный характеръ, превращая цѣлыя страницы научной статьи въ уродливую пародію, въ жалкій наборъ нелѣпой трескотни (ср. стр. 77, 78, 79, 179, 290, 291, 292, 293). Какую цѣнность могутъ имѣть ламентаціи: „грустно и больно за *души* людей, которыя въ настоящее время *лежатъ въ кучѣ хлама:* ихъ кристальныя *души*, ихъ *сердца гніютъ* нерѣдко

въ ямъ"; „мы спускаемся въ нѣдра земли за каменнымъ углемъ, чтобы отоплять наши квартиры, согрѣть наше тѣло, но *за топливомъ души—за сердцемъ, которое нерѣдко лежитъ рядомъ съ нами*, мы не хотимъ руки протянуть" (по географическимъ свѣдѣніямъ г. Озерова, „мозгъ человѣка, его сердце лежитъ такъ близко, лежитъ на поверхности земли"). Какая польза читателю знать, что „мы—клѣтки безъ птицы", когда по другому произведенію г. Озерова „мы" же оказываемся въ болотной тинѣ, „*и мы начинаемъ квакать по-лягушечьи, отбрасываемъ высшіе идеалы...*" (См. безподобную по полнѣйшей безсмысленности статью проф. И. Х. Озерова „На современныя темы" въ сборникѣ „Итоги").

Конечно, профессоръ, погрузившійся въ тину и квакающій по-лягушечьи,—зрѣлище, весьма поучительное, но все же не стоило бы останавливаться на литературныхъ образахъ г. Озерова, если бы между формой изложенія и содержаніемъ не существовало глубокой связи. Въ старину говорили: „кто мыслитъ правильно, кто мыслитъ благородно, тотъ изъясняется пріятно и свободно", и это положеніе сохраняетъ свой глубокій смыслъ и въ обращенномъ видѣ. Сумбурное изложеніе, полное противоестественныхъ образовъ и сравненій, предполагаетъ такую же путаницу въ процессѣ мышленія и въ содержаніи мысли. Просматривая новѣйшія статьи г. Озерова, не трудно замѣтить, что нашъ авторъ временами совершенно теряетъ нить мысли и не владѣетъ предметомъ разсужденія. Онъ хочетъ что-то доказать. Высказываетъ положеніе въ видѣ общаго мѣста и немедленно подбираетъ факты. Онъ увлекается этимъ, и факты сыплются, какъ изъ рога изобилія, частью вовсе несвязанные между собою или связанные простымъ внѣшнимъ сходствомъ. Авторъ незамѣтно для себя удаляется въ сторону отъ предмета изложенія, выдвигаетъ новую тему, но затѣмъ спохватывается и круто поворачиваетъ къ первоначальной простымъ „итакъ", абсолютно не вытекающимъ изъ изложенія. Повторивъ нѣсколько разъ подобный процессъ, авторъ заканчиваетъ статью лирической маниловщиной, образцы который мы показали выше. Благодаря этому свойству нѣкоторыя изъ его статей являются простымъ наборомъ отрывочныхъ мыслей и фактовъ; разобраться въ нихъ нѣтъ никакой возмож-

ности, и только рецензенту выпадаетъ печальная необходимость слѣдить за прихотливыми и нелогичными скачками мысли. Мы предлагаемъ прочесть статьи г. Озерова „Отчего Америка идетъ такъ быстро впередъ“ и „Развитіе общечеловѣческой солидарности“, и мы убѣждены, что читатель будетъ все время испытывать недоумѣніе передъ безпомощностью автора, передъ тѣмъ хаосомъ идей и фактовъ, который преподносится въ статьяхъ подъ видомъ патентованной науки. Тема—развитіе общечеловѣческой солидарности. Авторъ начинаетъ съ трюистическаго положенія, что съ развитіемъ мѣнового хозяйства между производителями и потребителями устанавливается тѣсная экономическая связь, которая имѣетъ мѣсто не только въ предѣлахъ данной политической территоріи, но и внѣ ея, и ведетъ къ созданію т. н. мірового хозяйства. (Стр. 50—52). Разжевывая эту мысль г. Озеровъ вспоминаетъ, что при мѣновомъ хозяйствѣ „мы“ заинтересованы не только въ продуктивности труда другихъ, но и въ томъ, при какихъ условіяхъ работаютъ эти лица (53). Всякій понимаетъ, что какъ только авторъ приблизился къ послѣднему вопросу, общечеловѣческой солидарности пришлось убраться подальше. Г. Озеровъ забываетъ свою тему, вскакиваетъ на своего конька—„дурныя условія труда“, факты эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, мелкіе, индивидуальные, анекдотическіе, сыплются безъ конца (авторъ попутно вспоминаетъ, какъ бороться съ дурными условіями труда) (54—58); за эксплоатаціей вдругъ появляется неравномѣрность распредѣленія богатства, и снова факты—женщина, „надѣвшая на себя утюгъ“, чтобъ скорѣе пойти ко дну... (59—60), и все это, очевидно, должно доказать намъ развитіе общечеловѣческой солидарности. Но авторъ неудержимо мчится впередъ. Онъ уже говоритъ о „солидарности“ между отдѣльными странами. „Если мы будемъ разсматривать все человѣчество какъ цѣлое, то оно до сихъ поръ представляетъ тяжелую картину“. Снова цифры бѣдности, смѣняющіяся неожиданнымъ пророчествомъ, что промышленно-развитыя страны будутъ заставлять отсталыя правительства другихъ странъ „давать своему подавленному населенію больше свободнаго воздуха“, дабы развить покупную способность послѣднихъ (61—62). Г. Озеровъ возвращается къ положенію о ростѣ международныхъ торговыхъ связей.

Онъ говоритъ намъ о капиталахъ, затраченныхъ разными промышленными націями въ чужихъ странахъ (стр. 63—64); но тутъ вспоминаетъ, что эти капиталистическіе интересы нуждаются въ вооруженной защитѣ, и... передъ нами, очевидно, какъ иллюстрація общечеловѣческой солидарности выростаютъ цифры расходовъ государствъ на военные флоты (ст. 65). Что же изъ этого непосредственно слѣдуетъ? „Эти расходы являются страховой преміей по защитѣ интересовъ морской торговли. *Итакъ, интересы вышли изъ узкихъ рамокъ своей собственной территоріи. Это создаетъ новые общіе интересы и еще болѣе подчеркиваетъ солидарность людей между собою*, но здѣсь солидарность распространяется уже на цѣлые народы“... „Солидарность“ благополучно утверждена на землѣ пушками и броненосцами. Г. Озеровъ ищетъ новыхъ показателей солидарности и послѣ пророческаго отступленія (стр. 66—67) наталкивается на Соединенные штаты, куда бѣгутъ эмигранты. Но оказывается, что эмигранты вредно дѣйствуютъ на заработную плату американскаго рабочаго, и... рабочія организаціи и правительство вводятъ ограничительныя мѣры для эмигрантовъ (68—69). Затѣмъ г. Озеровъ опять возвращается къ пророчеству, что „культурныя націи будутъ вынуждать другія, менѣе культурныя, націи къ проведенію реформъ, ведущихъ къ развитію общественной самодѣятельности“ (70), и примѣромъ такого воздѣйствія является извѣстная нота американскаго правительства европейскимъ по поводу положенія евреевъ въ Румыніи (71—72). „Мы зависимъ теперь отъ мірового хозяйства, и чтобы понимать его нужно широко раскрыть глаза на міръ Божій. Въ своемъ огородѣ вы и съ завязанными глазами все легко найдете, а на обширномъ міровомъ рынкѣ и открытыхъ глазъ мало, нужно вооружить глазъ микроскопомъ и подзорными трубами, которыя даетъ только знаніе“ (73). При словѣ „знаніе“ г. Озеровъ вновь умчался въ сторону и „съ завязанными глазами“ сталъ городить „въ своемъ огородѣ“. Натѣшившись патетическими восклицаніями и пожонглировавъ уродливыми образами на тему „знаніе“ (74—78), г. Озеровъ неожиданно вспоминаетъ въ заключительныхъ строкахъ о... солидарности: „хочется *мечтать*, что *развивающаяся* человѣческая солидарность обезпечитъ всѣмъ условія человѣческаго существованія и... дастъ

намъ возможность посмотрѣть на міръ *всѣми тѣми очами*, которыми насъ надѣлила природа“...

Пусть г. Озеровъ мечтаетъ, сколько ему угодно, и смотритъ на міръ „всѣми тѣми очами“, которыми надѣлила его природа (очевидно, она была милостива и наградила г. Озерова нѣсколькими парами очей,—изъ благодарности и мистическаго восторга онъ даже сталъ величать ее Природой); но фактъ остается фактомъ: г. Озеровъ потерялъ способность владѣть предметомъ разсужденія, безъ всякаго порядка переѣскакивая отъ одной темы къ другой и неожиданно постулируя выводы. Но творенія г. Озерова слабы не только съ формально-логической стороны, они слабы и по существу. Возьмите только что названную статью, въ которой есть все, что угодно, кромѣ доказательства развитія общечеловѣческой солидарности. Нетрудно понять, что неудача г. Озерова вытекала изъ грубаго отождествленія съ солидарностью экономическихъ и иныхъ связей между людьми, порождаемыхъ развитымъ мѣновымъ хозяйствомъ. Этого тождества нѣтъ и не можетъ быть въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ, которое не только не создаетъ солидарности людей въ матеріальныхъ либо идеальныхъ интересахъ и нуждахъ, но, наоборотъ, разбиваетъ общество на отдѣльные классы, ведущіе между собою безпрестанную борьбу. То экономическое единство, которое образуется между хозяйствами данной политической единицы и даже между отдѣльными странами, есть зависимость однѣхъ хозяйственныхъ единицъ отъ другихъ, однѣхъ экономическихъ группъ отъ другихъ,—зависимость, которая опять таки исключаетъ всякое понятіе объ общечеловѣческой солидарности. Солидарность въ современномъ намъ обществѣ обнаруживается только въ предѣлахъ опредѣленныхъ классовыхъ группъ національныхъ и даже интернаціональныхъ, да и то не вездѣ и не всегда. Нельзя видѣть общечеловѣческой солидарности и въ коллективномъ удовлетвореніи нѣкоторыхъ потребностей (въ личной безопасности, путяхъ сообщенія, образованіи и т. д.), потому, что такое удовлетвореніе вытекаетъ изъ одного лишь факта общежитія, совмѣстнаго пребыванія людей на опредѣленной территоріи общины или государства и диктуется не общечеловѣческими интересами, а интересами болѣе сильной группы. Потребность общества въ пра-

восудіи удовлетворяется въ видѣ общегосударственныхъ законовъ и судовъ, но если мы исторически изучимъ содержаніе той и другой дѣятельности, то не только не найдемъ въ ней общечеловѣческой солидарности, но, наоборотъ, болѣе или менѣе рѣзко выраженные интересы господствующей группы общества. Въ центральныхъ городскихъ кварталахъ, гдѣ сосредоточены торговыя фирмы, потребности въ путяхъ сообщенія и освѣщеніи удовлетворены неизмѣримо лучше, чѣмъ на окраинахъ, гдѣ ютится голь, и т. п. Общечеловѣческая солидарность, которую г. Озеровъ пожелалъ намъ раскрыть въ мѣновомъ капиталистическомъ хозяйствѣ, имѣетъ съ послѣднимъ такъ же мало общаго, какъ и „солидарность"—съ фактомъ единства хозяйственной дѣятельности, завершающаго общественное раздѣленіе труда.

Возьмемъ другую статью „Отчего Америка идетъ такъ быстро впередъ". Подъ такимъ широковѣщательнымъ заглавіемъ прдподносятся въ сущности отчеты одной англійской комиссіи, наблюденія путешественника и разные другіе сырые матеріалы, искусственно и наскоро соединенные незначущими фразами самого автора. Статья обнаруживаетъ такія же скачки въ развитіи мысли, какъ и вышеразсмотрѣнная, и потому мы не будемъ останавливаться на этой ея сторонѣ. Обращаясь къ содержанію, мы найдемъ ту же массу противорѣчій, поверхностныхъ обобщеній и т. д. Свобода и образованіе—главныя причины экономическаго развитія Америки. Истина святая, хотя и не полная: не въ меньшей степени тѣми же причинами были широкій притокъ энергичныхъ европейскихъ работниковъ, естественныя условія страны, протекціонистская политика и др. Автору надо во что бы то ни стало противопоставить гнилую Западную Европу—бодрой Америкѣ: идя въ этомъ направленіи, онъ договаривается до того, что путы, лежащія на Европѣ,—это католицизмъ и... умственная подавленность населенія (268); но черезъ нѣсколько страницъ (271) мы узнаемъ, что Америка отстаетъ отъ другихъ странъ въ научныхъ занятіяхъ. Европу давятъ остатки феодальныхъ отношеній (268), но въ дальнѣйшемъ оказывается, что и въ Америкѣ капитализмомъ создается новый феодализмъ, который подчиняетъ себѣ весь политическій строй страны и развращаетъ общественное мнѣніе (286—289). На подобіе уличной прессы, которая раз-

малевываетъ желтую опасность, г. Озеровъ выдумалъ новое страшилище—американскую промышленность и пугаетъ ею Европу. Если націи Стараго Свѣта не воспользуются урокомъ Новаго, „онѣ погибнутъ“. (274). „Да, Европѣ предстоитъ серьезное испытаніе, и здѣсь побѣдитъ тотъ, кто будетъ обладать болѣе высокой культурой. Передъ *нами* большая работа, и для выполненія ея нужны люди, настоящіе люди, а не зайцы“ (290). Смѣемъ успокоить г. Озерова: опасность для Европы погибнуть отъ Америки—плодъ возбужденнаго воображенія самого автора, принявшаго за аксіому точку зрѣнія купца, испугавшагося конкурренціи. Выдвигать культурную работу какъ жгучій вопросъ дня, какъ ближайшую общественную задачу, „намъ“ предстоящую въ виду... американской опасности,—о мудрость змѣиная! Довѣрчивымъ читателямъ г. Озерова, встревоженнымъ его пророчествомъ, мы скажемъ по секрету: спите, то не голосъ пророка, а крикъ того пѣтуха, котораго, по заявленію г. Озерова, „мы, лѣнивые, все ждемъ“ и который никогда не „разсыплется богатымъ кладомъ“ передъ „нами“.

Своеобразное пониманіе г. Озеровымъ явленій жизни происходитъ отъ того, что онъ смотритъ на міръ „всѣми тѣми очами“, которыми его надѣлила природа. У г. Озерова нѣтъ никакой общей философской точки зрѣнія, которая позволила бы ему охватить жизнь въ ея главныхъ движеніяхъ и чертахъ; у него нѣтъ вообще никакой теоріи. Вмѣсто нея—отдѣльные взглядики, которые тонутъ въ жижицѣ „благожелательности“. Это наслѣдіе той школы, къ которой принадлежитъ г. Озеровъ и которая учила: факты, факты, факты прежде всего. Роль теоріи, связующей факты воедино, заняли благія пожеланія, посылаемыя въ догонку совершившейся или совершающейся исторіи, неспособныя ровно ничего измѣнить въ ней, ровно ничего не значущія, но зато придающія и жизни и самому автору такой елейный, благочестивый, добропорядочный видъ. Чуть рѣчь зайдетъ о рабочемъ, льются неудержимо потоки жалкихъ, неискреннихъ словъ: г. Озеровъ бьетъ въ колокола, думая возбудить интересъ въ обществѣ „къ забитымъ, голоднымъ и холоднымъ представителямъ труда [1]), ютящимся въ берлогахъ, ямахъ, углахъ

[1]) Холодные представители труда—что за дивный языкъ! Правописаніе цитаты сохранено въ подлинникѣ.

и работающимъ день и ночь... они не могутъ постоять за себя... они работаютъ своей кровью, и эта кровь на насъ, *и мы не въ силахъ смыть ее*“... (48). Оставьте всѣ эти „запахи пота, крови, слезъ“, которые яко бы ощущаетъ г. Озеровъ, и отъ всей тирады останется одно только цѣнное признаніе, что „мы не въ силахъ“ измѣнить дѣла. Такой выводъ необыкновенно характеренъ для благожелательной маниловщины г. Озерова и не является у него случайнымъ. „Трудно воздѣйствовать намъ, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — на наростаніе и улучшеніе фабричнаго законодательства, на водвореніе царства законности въ нашей общественной жизни; между тѣмъ косвенно, черезъ другія учрежденія, мы до извѣстной степени въ состояніи подготовлять почву для новаго будущаго“ (158). Пресловутые „мы“ раскрываются во всей ихъ ничтожной величинѣ, во всемъ убожествѣ ихъ идеаловъ: общество потребителей, касса взаимопомощи, чайная попечительства о народной трезвости какъ „рабочій клубъ“ — вотъ тѣ маленькія дѣла, при посредствѣ которыхъ не сразу, а „до *извѣстной* степени“, будетъ „*подготовляться*“, а не создаваться, и не самое будущее, а „почва“ для него. Вмѣшаться же въ самую жизнь — „намъ“ трудно, „мы“ не въ силахъ. Не надо думать, что различное отношеніе къ жизни зависитъ отъ различія вкусовъ, о которыхъ не принято спорить. Передъ нами особый идеалъ и особое пониманіе экономической жизни, не выдерживающіе критики по своей ненаучности. Исторія завоеваній, сдѣланныхъ въ области т. н. рабочаго вопроса, всюду представляетъ собою результатъ самодѣятельности непосредственно заинтересованныхъ группъ, но отнюдь не слѣдствіе распространенія въ обществѣ идей гуманности и справедливости. Распространеніе охраны труда на рабочихъ т. н. sweating system, не представляющихъ до сихъ поръ организованной силы, было не слѣдствіемъ пробудившейся въ обществѣ жалости къ этимъ безгранично эксплоатируемымъ труженикамъ, не слѣдствіемъ „пробуждающейся у потребителей совѣсти“, какъ это думаетъ г. Озеровъ, а результатомъ сознанія опасности, грозящей здоровью отъ употребленія производимыхъ при антисанитарной обстановкѣ продуктовъ; т. е. не столько защитой потребителями рабочихъ, сколько огражденіемъ потребителей отъ инфекціоннаго зараженія черезъ рабочихъ. Переходя къ зна-

ченію кооперацій въ Западной Европѣ и ея возможному значенію у насъ, мы наталкиваемся на другое заблужденіе г. Озерова. Если кооперація играетъ извѣстную роль въ жизни англійскихъ рабочихъ, то только потому, что она нашла для своего развитія подходящія общественныя условія и связанные съ ними общественные инстинкты Для г. Озерова кооперація существуетъ какъ благодѣтельнѣйшее, почти чудодѣйственное учрежденіе, an und für sich; отрывая ее отъ той почвы, на которой она выросла, г. Озеровъ съ присущей ему благожелательностью переноситъ кооперацію къ намъ въ Россію и потому то возлагаетъ на нее столько надеждъ. Выходитъ—стоитъ въ разныхъ мѣстахъ двумъ десяткамъ благожелательныхъ людей организовать потребительное общество, „обратить должное и серьезное вниманіе на это малое дѣло“, выписать газетку „Союзъ потребителей“, издаваемую при благосклонномъ участіи гг. Озерова и Анофріева, и кооперація пуститъ у насъ такіе же глубокіе корни, какъ и въ Англіи. Болѣе вредной и ненаучной мысли и придумать нельзя, а между тѣмъ ее не трудно отыскать у г. Озерова. Вотъ кассы взаимопомощи. „Конечно, говоритъ г. Озеровъ, пока нельзя проводить и параллели между немногими кассами взаимопомощи и тѣми колоссами, которые пышно распустились въ Англіи, но *хотѣлось бы вѣрить, что изъ горчичнаго зерна сѣемаго теперь въ Россіи, вырастутъ такіе же колоссы*, съ библіотеками, клубами, отдѣленіями, и тогда грозный призракъ болѣзни и безработицы не будетъ стоять передъ трудящимися“ (201). Коснется ли рѣчь потребительныхъ обществъ, г. Озеровъ пишетъ: „Конечно, намъ далеко еще до того идеала, который уже осуществленъ въ Англіи, но *крайне желательно развитіе въ разныхъ уголкахъ Россіи и этихъ организацій*: онѣ, помимо удешевленія средствъ къ существованію, даютъ возможность учиться (sic!!), а это главное...“ (176). Заговоритъ ли о рабочихъ клубахъ въ Англіи, нашъ авторъ, ничтоже сумняшеся, находитъ сходство между этими самоуправляющимися учрежденіями и чайными попечительства о народной трезвости, и, въ восторгѣ, „отъ души желаетъ успѣха этому движенію“ (236).

Мы уже не говоримъ, что, высказываясь по затронутымъ здѣсь вопросамъ, г. Озеровъ и въ деталяхъ допускаетъ грубыя ошибки. Г. Озеровъ думаетъ, наприм., что коопе-

ративныя общества могутъ произвести чуть ли не цѣлый переворотъ въ области производства въ смыслѣ улучшенія условій труда (ср. 178, 179), въ частности организовавъ собственныя мастерскія, и тогда не будетъ ни „пота“, ни „слезъ“. Но это — маниловщина чистѣйшей воды! Изслѣдователь англійскихъ кооперацій Д. Шлоссъ пришелъ къ выводу, что „преобладающая масса предпріятій, претендующихъ на званіе кооперативныхъ, ни въ чемъ не отступаютъ, со стороны принятаго ими способа вознагражденія, отъ обыкновенной системы наемнаго труда. Въ значительномъ большинствѣ нашихъ кооперативныхъ рабочихъ товариществъ служащіе—не болѣе, какъ люди, живущіе заработной платой; они не участвуютъ въ прибыляхъ предпріятій, которыя ведутся этими товариществами, и такъ же далеки отъ „службы у себя самихъ“, какъ если бы они работали у обыкновенной акціонерной компаніи, учрежденной на капиталистическихъ началахъ“ („Формы заработной платы“, Спб. 1900 г., стр. 351). Быть можетъ, г. Озеровъ окажется правымъ, что „развивающаяся кооперація обѣщаетъ *въ будущемъ* внести больше спокойствія въ мятущуюся совѣсть *современнаго потребителя*“, но цѣль ея вѣдь не въ успокоеніи совѣсти потребителя (какая заботливость о немъ!), а въ улучшеніи условій труда, и эта цѣль въ капиталистическомъ обществѣ не можетъ быть достигнута посредствомъ тѣхъ формъ кооперацiи, о которыхъ говоритъ намъ г. Озеровъ.

„Вѣра“, „мечтанія“, „отъ души пожеланія“ — вотъ что ставитъ г. Озеровъ на мѣсто научнаго анализа, и на каждомъ шагу сбивается въ самую скверную маниловщину. Во всей книгѣ мы не нашли ни одного здороваго, живого и жизненнаго идеала. И г. Озеровъ, видящій въ чайной трезвости—рабочій клубъ и въ московскомъ обществѣ рабочихъ механическаго производства—англійскую кассу взаимопомощи, имѣетъ въ себѣ еще мужество упрекать другихъ въ томъ, что они „зайцы“! Какъ у всѣхъ благожелательныхъ людей, у г. Озерова есть, впрочемъ, кромѣ мечтаній и добрыхъ чувствъ, и другая идея: онъ „отъ души“ желаетъ распространенія образованія; онъ до такой степени цѣнитъ знаніе, что при одномъ упоминаніи объ этомъ съ г. Озеровымъ дѣлается настоящая истерика: изъ устъ его низвергаются цѣлые потоки несвязныхъ восклицаній и образовъ. Что и гово-

рить: всякій, доказывающій, что „ученье—свѣтъ, а неученье —тьма“, заслужитъ безсмертіе у своего потомства. Но подъ руками г. Озерова даже самая азбучная истина превращается въ какую-то ложь. Вѣдь дѣло не въ томъ, полезно ли знаніе [1]) (это положеніе не нуждается больше ни въ провозглашеніи ни въ доказательствѣ), а въ томъ, что образованіе есть право, которое дается съ такимъ же трудомъ, какъ и всѣ другія права. Какъ показываетъ исторія, самое содержаніе знанія, передаваемаго народу черезъ школы, устанавливалось различно, въ зависимости отъ того, какое сословіе, какой классъ, какія общественныя условія господствовали въ данное время и въ данной странѣ. Заявленіе г. Озерова, что „мы не цѣнимъ всесторонняго умственнаго развитія человѣка“ (77),— есть простое измышленіе автора. Всѣ и давно знаютъ цѣну знанію, и если оно до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ странахъ не стало всеобщимъ достояніемъ, то только потому, что этому препятствуютъ извѣстныя условія, извѣстные интересы, не имѣющіе ничего общаго съ оцѣнкой пользы знанія. Г. Озеровъ, однако, такъ любитъ народъ, что хлопочетъ не объ элементарномъ его образованіи,—о, нѣтъ!—онъ мечтаетъ о томъ, чтобы „*милліоны* людей стали заниматься *наукой*“. Только на этомъ можетъ примириться нашъ авторъ. И какъ просто достигнуть этой цѣли: нужна лишь „хорошая постановка образованія“.

Мы были бы несправедливы, если бы не отмѣтили нѣкоторыхъ достоинствъ разбираемой книги. Они заключаются въ обиліи фактическаго матеріала. Правда, въ этомъ матеріалѣ не малую долю составляютъ факты, такъ сказать, сенсаціоннаго характера, не провѣренные критически, но этимъ фактамъ нерѣдко нельзя отказать ни въ интересности ни въ новизнѣ. Г. Озеровъ вообще съ большимъ вниманіемъ слѣдитъ за новѣйшей иностранной литературой, главнымъ образомъ за спеціальными, мало доступными изданіями и многое, что оттуда имъ взято, имѣло бы совсѣмъ иную цѣну, чѣмъ теперь, если бы авторъ умѣлъ разбираться въ фактахъ и чужихъ мнѣніяхъ и самостоятельно обобщать ихъ, или огра-

[1]) Для ультрабуржуазнаго направленія, проникающаго мысли г. Озерова, очень характерно, что иллюстраціей пользы знанія онъ избралъ... биржевую среду. „Только серьезное образованіе можетъ въ настоящее время помочь *намъ* разобраться“ въ биржевой спекуляціи и тѣмъ сохранить „наши средства“ (стр. 73, 74, 75 прим.).

ничивался бы однимъ лишь безхитростнымъ изложеніемъ прочитаннаго. Въ этомъ убѣждаютъ статьи г. Озерова, относящіяся къ раннему періоду литературной его дѣятельности, когда г. Озеровъ, не давая воли своимъ мыслямъ и своему патетическому лиризму, спокойно излагалъ предметъ. Таковы, наприм., его статьи о законодательствѣ австралійскихъ колоній, которыя и сейчасъ прочтутся не безъ интереса. Но немногое положительное, что есть въ книгѣ г. Озерова, гибнетъ въ кучѣ безсвязныхъ разсужденій, истерическихъ причитаній, уродливыхъ потугъ на поэзію, мелкобуржуазной пошлости и благожелательной маниловщины. Подальше отъ такихъ идеаловъ и такихъ книгъ!

Программные вопросы.*)

Россія наканунѣ великой реформы. Въ этомъ единогласно сходятся всѣ безпристрастные наблюдатели русской жизни. Идея управленія 140-милліоннымъ народомъ посредствомъ арміи чиновниковъ, снабженныхъ почти неограниченными полномочіями и дѣйствующихъ вопреки интересамъ и желаніямъ народа, давно уже признанная несостоятельной на Западѣ, потерпѣла крушеніе и у насъ. Бюрократія, считая лишь себя самое во всемъ компетентной творческой силой, прилагала героическія усилія, чтобы замѣнить свободу, самодѣятельность и желанія гражданъ своей волей, своими велѣніями. Гражданское общество ограничивалось въ своихъ правахъ. За счетъ ихъ всюду множилась и усиливалась административная власть, расширялись до безграничности ея полномочія, увеличивались штаты полиціи и корпуса жандармовъ, создавались новые полицейскіе органы, распространялось положеніе объ усиленной охранѣ. Признавая всякое свободное мнѣніе за ослушаніе, бюрократія создала представленіе объ обществѣ, какъ о внутреннемъ врагѣ, противъ котораго и были направлены всѣ орудія и средства, находящіяся въ распоряженіи современнаго государства. И эта политика, поглощавшая все вниманіе властей, ни къ чему ни привела: бюрократіи не только не удалось устранить несогласно съ ней мыслящихъ, но, наоборотъ, съ каждымъ годомъ все усиливались признаки недовольства въ массѣ населенія. Гражданское общество было взято подъ опеку; а бюрократія, оперируя съ лишеннымъ самостоятельности народомъ, привела государственное и общественное хозяйство къ такому разстройству, что несостоятельность бюрократіи и бюрократическаго способа управленія стала для всѣхъ очевидной. Ни одинъ изъ крупныхъ вопро-

*) Статья эта предназначалась для напечатанія въ журн. „Правда", и осталась не напечатанной. *Примѣч. изд. сборника.*

совъ, выдвинутыхъ требованіями жизни, не оказался по плечу бюрократіи. Передъ правительствомъ выросъ во всей его важности крестьянскій вопросъ; но вмѣсто того чтобы дать населенію возможность самостоятельно стать на ноги, правительство подчинило всю крестьянскую жизнь въ ея мельчайшихъ деталяхъ тягостной административной опекѣ (передѣлы земли, семейные раздѣлы, право передвиженія, земельную собственность, судопроизводство, самоуправленіе и т. д.), и крестьянское оскудѣніе не только не прекратилось, но, наоборотъ, достигло устрашающихъ размѣровъ. Россіи знакомъ и рабочій вопросъ. Милліоны тружениковъ бьются за кусокъ хлѣба и стремятся къ лучшей долѣ, а бюрократія не нашла ничего лучшаго, какъ усилить уголовное наказаніе за стачки, подчинить разныя стороны рабочей жизни административной власти, поставить фабричныхъ инспекторовъ въ положеніе органовъ полиціи, запретить всякаго рода союзы и собранія,—и рабочій вопросъ обострился донельзя. Огромныя массы народа глубоко невѣжественны; со стороны ихъ давно уже идетъ все возрастающій запросъ на образованіе. Но бюрократія не только не удовлетворила этихъ требованій, не только не пошла имъ навстрѣчу, но, наоборотъ, систематически тормозила дѣла народнаго просвѣщенія, принимая карательныя мѣры противъ тѣхъ членовъ образованнаго общества, которые были готовы пожертвовать своими знаніями и даже собою для блага народа. За послѣднія десятилѣтія крестьянство неоднократно переживало голодовки, и продовольственный вопросъ сталъ серьезной жизненной задачей. Но стоило бюрократіи вмѣшаться въ это дѣло, признать его своимъ, оттолкнуть отъ него общественныя силы и учрежденія,— и продовольственное дѣло въ рукахъ бюрократіи оказалось несостоятельнымъ. Экономическое положеніе страны ухудшается. Казалось бы, съ этимъ прежде всего должно было бы считаться финансовое управленіе, а между тѣмъ государственный бюджетъ не только не сокращался, но, наоборотъ, возросъ до неслыханныхъ размѣровъ. Бюрократія тратила сотни милліоновъ рублей, взятыхъ съ оскудѣвшаго народа, и тотъ не выходилъ изъ хронической недоимочности. И то же происходило всюду и во всемъ.

Режимъ бюрократической опеки, приведшій къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ, не былъ излюбленнымъ пріемомъ

управленія одного какого-нибудь вѣдомства, а всѣхъ вѣдомствъ вообще; не явился онъ и результатомъ личныхъ взглядовъ какого-нибудь отдѣльнаго представителя высшей административной власти. Очевидно, умаленіе правъ общества и расширеніе силы власти и круга вѣдомства административныхъ органовъ не представляли собой чего-нибудь случайнаго и зависили отъ какихъ-то глубокихъ причинъ иного порядка. Отъ какихъ же? Было бы заблужденіемъ искать эти причины въ самомъ фактѣ существованія бюрократіи. Безъ нея не обходится ни одно правительство міра, однако, нигдѣ бюрократическій режимъ съ сопровождающимъ его ограниченіемъ правъ личности не получилъ такого распространенія и силы, какъ у насъ. Не были тому причиной и особыя свойства нашей бюрократіи—ея централистическая организація, достигшая такого характернаго выраженія въ главномъ управленіи по дѣламъ мѣстнаго хозяйства,—этомъ „грандіозномъ вампирѣ централизаціи“, говоря словами кн. Мещерскаго. И во Франціи внутреннее управленіе построено на централистическихъ началахъ, однако, и тамъ дѣятельность бюрократіи и ея результаты всего менѣе напоминаютъ русскую дѣйствительность. Не зависѣлъ этотъ режимъ и отъ того, что въ нашемъ управленіи не было законности. Конечно, ближайшіе годы не замедлятъ выяснить, какъ много было допущено произвольныхъ дѣйствій со стороны бюрократіи. Но сказать, что наша дѣйствительность знала много случаевъ произвола, не значитъ еще объяснить, почему были возможны они—вѣдь, въ этомъ и заключается вся суть вопроса. И главное: русское общество подвергалось ограниченію въ правахъ не столько тѣми дѣйствіями бюрократіи, которыя представляли собою актъ произвола, сколько такими, которыя вытекали изъ существующихъ законоположеній и въ этомъ смыслѣ были вполнѣ законными. Развѣ администрація, воспрещая всякія народныя, общественныя и частныя собранія, закрывая торговыя и промышленныя заведенія, воспрещая отдѣльнымъ лицамъ пребываніе въ мѣстностяхъ усиленной охраны, передавая на разсмотрѣніе военнаго суда дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ общими уголовными законами,—развѣ не дѣйствовала она въ полномъ согласіи съ закономъ—стт. 16 и 17 Приложенія I къ ст. 1 т. XIV? Развѣ, вмѣшиваясь въ сферу мѣстнаго самоуправле-

нія, утверждая или не утверждая его выборныхъ дѣятелей, контролируя дѣйствія самоуправленія съ точки зрѣнія ихъ правильности, бюрократія совершала тѣмъ произвольныя дѣйствія? Развѣ суды, карая каторжными работами такъ называемыя политическія и религіозныя преступленія, дѣйствовали не по закону? Развѣ земскій начальникъ, издающій распоряженіе объ арестѣ крестьянина или отказывающій въ разрѣшеніи на переселеніе, выходитъ за предѣлы предоставленныхъ ему по закону полномочій? Будемъ справедливы къ бюрократіи: ограничиваютъ права личности и общества не столько незаконныя ея дѣйствія, сколько дѣйствія, съ формально-правовой точки зрѣнія вполнѣ законныя. Ставя шире вопросъ, отвлекаясь отъ разграниченія произвольныхъ и законныхъ актовъ бюрократіи, мы должны спросить, почему же и нормирующіе нашу жизнь законы, и дѣйствія органовъ исполнительной власти ограничиваютъ гражданъ въ правахъ и подводятъ ихъ во всѣхъ случаяхъ жизни подъ непрекращающуюся тягостную опеку?

Причины этого органическаго явленія коренятся въ общихъ государственныхъ условіяхъ, противополагающихъ правительство и народъ какъ чуждыя и нервныя стороны, сосредоточившихъ всю полноту власти не только административной и судебной, но и законодательной въ рукахъ одного лишь правительства, бюрократически организованнаго. Бюрократія издаетъ законы, бюрократія ихъ примѣняетъ, бюрократія себя контролируетъ, передъ собою отвѣчаетъ, — могло ли общество при такихъ условіяхъ быть обезпеченнымъ отъ нормъ и дѣйствій, которыя бы не ограничивали личность въ ея правахъ. Но современное русское общество не можетъ больше мириться съ ролью, отведенной ему въ существующемъ режимѣ: неслыханное оживленіе во всѣхъ слояхъ и классахъ русскаго народа, надежды и пожеланія, высказанныя въ земскихъ и городскихъ собраніяхъ, частныхъ обществахъ и въ періодической печати, говорятъ за то, что прежніе пріемы управленія признаются уже отжившими свой вѣкъ и не удовлетворяютъ интересамъ умственно созрѣвшаго и физически окрѣпшаго общественнаго организма. Необходима коренная и широко проведенная реформа, которая возвела бы населеніе на степень субъекта публичныхъ правъ, ограничила бы необъятныя

полномочія бюрократіи и сдѣлала бы ее отвѣтственной передъ населеніемъ, привлеченнымъ къ дѣлу государственнаго управленія. Что же нужно сдѣлать, чтобы создать нормальныя условія для нашей государственной, общественной и личной жизни?

Мы сказали уже, что характеръ реформы и ея направленіе съ желѣзной необходимостью диктуются требованіями времени. Всѣмъ классамъ и группамъ тѣсно въ рамкахъ существующихъ правовыхъ нормъ, не удовлетворяетъ ихъ и та политическая программа, которая съ такой настойчивостью проводилась въ правящихъ сферахъ. Покуда неограниченной компетенціи бюрократіи, въ себѣ самой сосредоточившей всю полноту административной, судебной и законодательной власти, противополагается неимѣющее самыхъ элементарныхъ правъ общество, никакія попытки создать прочный правовой порядокъ, какъ онъ понимается въ европейскихъ странахъ, не могутъ привести къ положительнымъ результатамъ. Необходимо прежде всего создать изъ самаго населенія прочную основу правопорядка, гарантировать населенію такія права, которыя и служили бы палладіумомъ его свободы и охраняли бы его не только отъ произвольныхъ дѣйствій бюрократіи, но и отъ энергичнаго вмѣшательства ея вообще въ жизнь общества. Всюду, гдѣ общество живетъ, волнуется, движется, защищаетъ свои интересы не только матеріальные, но и духовные, для обезпеченія правильнаго теченія государственной и общественной жизни были выработаны подъ давленіемъ различныхъ классовъ, составляющихъ это общество, соотвѣтствующія правовыя нормы, извѣстныя подъ общимъ именемъ правъ личной свободы и гражданскаго равенства. Нетрудно понять, что общественныя силы Россіи только тогда окрѣпнутъ и разовьются, когда за каждой личностью будетъ признано право личной свободы, „законная возможность человѣка, какъ говорятъ государствовѣды, распоряжаться собою и своимъ трудомъ для достиженія своихъ цѣлей и удовлетворенія своихъ потребностей“, а для этого личность должна быть обезпечена отъ внѣшняго насилія, т.-е. отъ произвольныхъ дѣйствій государства. Практически это основное требованіе развитой личности осуществляется всюду въ видѣ правила, что никто не можетъ быть лишенъ своихъ правъ иначе

какъ за преступленія и только по суду. Гражданинъ можетъ быть ограниченъ въ правахъ лишь за преступленія, т.-е. такія дѣйствія, которыя прямо запрещены закономъ подъ угрозой наказанія. Все, что не воспрещено, то считается дозволеннымъ, и кара за такія дѣйствія была бы произвольнымъ актомъ государства: отъ подобныхъ произвольныхъ дѣйствій личность и гарантируется требованіемъ отвѣтственности по суду. Разсматривая русскую дѣйствительность съ этой точки зрѣнія, нетрудно раскрыть, какъ далеко разнится она отъ того правового требованія, которое является основнымъ для современной западно-европейской жизни. Правда, и у насъ существуетъ та же юридическая норма въ видѣ ст. 10-й т. X, согласно которой „никто не можетъ быть лишенъ правъ состоянія или ограниченъ въ сихъ правахъ иначе, какъ по суду за преступленіе“, но она не получила у насъ значенія органическаго закона. Въ силу громадныхъ полномочій, присвоенныхъ бюрократіи, русское общество въ лицѣ многочисленныхъ его представителей подвергалось и подвергается административнымъ карамъ за дѣйствія, закономъ не запрещенныя и еще чаще за дѣйствія запрещенныя, которыя должны были бы подлежать суду. Вспомнимъ только, какое огромное распространеніе получили въ нашей жизни административныя высылки отдѣльныхъ лицъ, запрещеніе имъ опредѣленныхъ занятій, денежные штрафы и тюремное заключеніе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны, и т. д—и мы поймемъ, что требованіе нашего закона объ отвѣтственности русскаго гражданина лишь по *суду* и за преступленіе оставалось мертвой буквой. Роль суда стала исполнять администрація, которая, разумѣется, не считалась уже съ тѣмъ, составляетъ ли наказуемое ею дѣяніе преступленіе. Нерѣдко лица, оправданныя судомъ по обвиненію въ какомъ-либо преступномъ дѣяніи, тутъ же по выходѣ изъ суда подвергались административной карѣ въ видѣ ареста или высылки за то же, судомъ не поставленное имъ въ вину, дѣяніе. Надо ли доказывать, какое вредное вліяніе оказываетъ на весь ходъ общественной жизни эта неувѣренность въ прочности правъ, эта возможность административной кары, готовой каждую минуту обрушиться на обывателей всей своей тяжестью, какъ трудно сообразоваться населенію въ

своихъ дѣйствіяхъ не съ требованіями закона, а измѣнчивыми велѣніями администраціи, дѣйствующей подъ вліяніемъ измѣнчивыхъ интересовъ и соображеній. Первое, въ чемъ нуждается современное русское общество,—это въ признаніи абсолютной силы за нормой объ отвѣтственности за преступленіе по суду и, слѣдовательно, въ соотвѣтствующей отмѣнѣ тѣхъ административныхъ нормъ и дѣйствій, которыя противорѣчатъ этому закону.

Въ ряду такихъ нормъ, подлежащихъ немедленной отмѣнѣ и самымъ рѣшительнымъ образомъ ограничивающихъ права личной неприкосновенности, первое мѣсто занимаютъ статьи положенія объ усиленной охранѣ. На основаніи этихъ „временныхъ“ правилъ администраціи предоставлены такія исключительныя полномочія по аресту гражданъ, что личная свобода русскихъ подданныхъ стала пустымъ звукомъ. Въ мѣстахъ, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны, начальникамъ полиціи и жандармскихъ управленій предоставлено дѣлать распоряженія о задержаніи „не долѣе, однако, двухъ недѣль всѣхъ лицъ, внушающихъ основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ принадлежности къ противозаконнымъ обществамъ“ (ст. 21). Итакъ, по одному „основательному подозрѣнію“, покоящемуся на донесеніяхъ полицейскихъ агентовъ, каждому обывателю грозитъ арестъ до двухъ недѣль; но, гласитъ примѣчаніе къ той же статьѣ, по письменному распоряженію губернатора или градоначальника срокъ предварительнаго ареста можетъ быть продолженъ до одного мѣсяца со дня задержанія. Если бы положеніе объ усиленной охранѣ устанавливалось въ исключительныхъ случаяхъ, то и тогда огромная власть администраціи по аресту гражданъ была бы серьезнѣйшей угрозой праву личной неприкосновенности; но мы знаемъ, что большинство крупныхъ городскихъ центровъ было объявлено на положеніи усиленной охраны, и тѣмъ тяжелѣе почувствовали его на себѣ сотни тысячъ русскихъ обывателей. Однако, и въ мѣстностяхъ, не объявленныхъ на положеніи такой охраны, администрація получила громадныя полномочія по задержанію обывателей: согласно ст. 28-й одновременно съ объявленіемъ какой либо мѣстности въ положеніи усиленной охраны могли быть введены „въ нѣ-

которыхъ точно опредѣленныхъ смежныхъ губерніяхъ и областяхъ или даже во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ государства" особыя нормы, дающія административной власти право подвергать подозрѣваемыхъ въ совершеніи государственныхъ преступленій на срокъ до семи дней (ст. 29),— и эта норма стала общераспространенной. Для примѣненія ея не требуется даже „основательнаго" подозрѣнія, — достаточно простого подозрѣнія. Но всѣ эти семидневные, двухнедѣльные и мѣсячные аресты безъ суда, по одному лишь, ничѣмъ неконтролируемому и ничѣмъ неустранимому, усмотрѣнію администраціи и полиціи — ничто въ сравненіи съ маленькимъ примѣчаніемъ къ ст. 33-й, дѣйствующимъ на всемъ протяженіи имперіи: согласно ему по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ предварительный арестъ лицъ, предназначенныхъ къ высылкѣ въ опредѣленную мѣстность, можетъ быть продолженъ впредь до разрѣшенія вопроса о высылкѣ ихъ... Другими словами, въ такихъ случаяхъ—а ихъ множество (достаточно напомнить, что въ 1903 г. было подвергнуто высылкѣ въ сибирскія и несибирскія губерніи 1502 человѣка)— русскій обыватель по одному усмотрѣнію административной власти можетъ быть подвергнутъ въ сущности безсрочному заключенію. Надо ли доказывать полную ненормальность подобныхъ порядковъ! Надо ли доказывать, что, при существованіи подобныхъ полномочій административной власти, право личной неприкосновенности совсѣмъ не могло имѣть мѣста въ русской дѣйствительности!

Къ несчастію, однимъ арестомъ не ограничиваются права администраціи по отношенію къ гражданамъ. Ей предоставлено было и выселять административнымъ порядкомъ лицъ, „вредныхъ для государственнаго и общественнаго спокойствія", и высланныя по единоличному усмотрѣнію администраціи ставились и ставятся на новыхъ мѣстахъ поселенія въ положеніе лицъ, лишенныхъ чуть ли не всѣхъ правъ состоянія. Подвергаемыя полицейскому надзору, они лишаются не только права государственной и общественной службы, но и права педагогической дѣятельности, всякаго рода публичной дѣятельности (участія въ публичныхъ лекціяхъ, ученыхъ обществахъ, сценическихъ представленіяхъ и т. д.), права содержанія и службы въ типографіяхъ, литографіяхъ,

библіотекахъ и пр. права торговли книгами и пр.Они не могутъ участвовать въ обществахъ и компаніяхъ, конкурсныхъ управленіяхъ; быть опекунами и попечителями, заниматься врачебной дѣятельностью — иначе какъ съ разрѣшенія высшей административной власти. Не станемъ пересчитывать всѣхъ многочисленныхъ ограниченій, выпадающихъ на долю поднадзорныхъ (см. статьи 21 — 29 Прилож. II къ ст. I уст. предупр. и прес.); и сказаннаго достаточно, чтобы понять, какихъ серьезныхъ правъ лишаются русскіе граждане по одному усмотрѣнію административной власти, какая мучительная участь, какія физическія страданія выпадали на долю тѣхъ, кто имѣлъ несчастье внушить администраціи и полиціи „основательныя“ подозрѣнія въ политической неблагонадежности. Не станемъ и указывать, какое огромное распространеніе получили у насъ за послѣдніе годы случаи „временнаго задержанія“, высылки и неизбѣжно сопровождающей ее отдачи подъ надзоръ полиціи, сведшіе на нѣтъ жалкіе остатки права личной неприкосновенности и требованіе закона объ ограниченіи права по суду. На „временный“ арестъ не распространяются никакія гарантіи судебнаго производства, такъ какъ согласно ст. 1-й уст. угол. суд. „къ судебному преслѣдованію не относятся мѣры, принимаемыя полицейскими и другими административными властями для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ“,—тѣ именно мѣры, о которыхъ говоритъ положеніе объ усиленной охранѣ. Но при такихъ условіяхъ, когда каждое лицо по усмотрѣнію административной власти можетъ быть подвергнуто лишенію свободы, не имѣя никакихъ средствъ для самообороны, немыслимъ никакой правопорядокъ. Интересы всего русскаго общества требуютъ немедленной отмѣны всѣхъ этихъ исключительныхъ полномочій административныхъ органовъ и возстановленія правила, что только по суду граждане могутъ быть ограничены въ личной свободѣ, мѣстѣ жительства и другихъ публичныхъ и гражданскихъ правахъ. Разумѣется, и европейскія законодательства признаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ право временнаго ареста гражданъ за органами, занятыми или предварительнымъ слѣдствіемъ или пресѣченіемъ преступленій, но они обставили это право многими условіями, гарантирующими гражданамъ минимумъ административнаго произвола. Предва-

рительное заключеніе, какъ мѣра пресѣченія возможности уклониться отъ слѣдствія и суда, можетъ быть предпринято компетентной властью только по распоряженію суда; лицо, подвергаемое аресту, должно быть увѣдомлено о мотивахъ ареста, и власть, издающая распоряженіе объ арестѣ, принимаетъ на себя отвѣтственность за эту мѣру. Временный арестъ—вторая форма лишенія свободы—представляетъ для общества несравненно большую угрозу свободѣ его гражданъ, такъ какъ онъ обыкновенно производится административными органами (полиціей). Нѣтъ никакой надежды, что даже съ отмѣной положенія объ усиленной охранѣ русская полиція будетъ лишена тѣхъ полномочій, которыми пользуется западноевропейская; но тѣмъ настойчивѣе раздается требованіе русскаго общества, чтобы арестуемые по распоряженію полиціи пользовались тѣми же законными средствами къ немедленному возстановленію отнятой у нихъ свободы, какими давно пользуются европейскіе граждане.

Дабы обезпечить свободу личности отъ актовъ административнаго усмотрѣнія, необходимо установить основное и непоколебимое правило: всякое лицо, задержанное безъ объясненія причинъ, и всякое другое лицо за него могутъ потребовать представленія его (арестованнаго) судьѣ, который обязанъ подъ страхомъ штрафа: 1) издать распоряженіе о приводѣ арестованнаго, 2) потребовать объясненія причинъ ареста и 3) постановить опредѣленіе относительно дальнѣйшей участи заключеннаго. Если судъ найдетъ, что арестъ произведенъ незаконно, онъ освобождаетъ арестованнаго отъ заключенія, арестованный же, пользуясь общимъ гражданскимъ правиломъ, подобнымъ нашей статьѣ 684-ой X тома, имѣетъ право иска противъ лицъ, предписавшихъ такой незаконный арестъ. Этого требуетъ честь и спокойствіе русскихъ гражданъ. Какими бы гарантіями ни былъ обставленъ временный арестъ по распоряженію администраціи, въ конечномъ счетѣ онѣ сводятся къ вмѣшательству суда. Но для того, чтобы общество было увѣрено въ охранѣ своихъ правъ, необходимо, разумѣется, чтобы оно подлежало отвѣтственности передъ судомъ, дѣйствующимъ въ нормальныхъ условіяхъ, учрежденнымъ на основаніи общихъ, а не исключительныхъ законовъ. Необходимо, чтобы суды функціонировали съ соблюденіемъ тѣхъ формъ судоустройства и судопроиз-

водства, которыя, какъ независимость судей, устность и гласность процесса, служатъ гарантіей безпристрастія и законности. Къ несчастію, и съ этой стороны наша жизнь представляетъ рядъ глубокихъ и важныхъ отклоненій, вліяющихъ на непрочность субъективнаго права съ той же силой, что и административный произволъ. Основная форма общественнаго суда—судъ съ присяжными засѣдателями—подверглась рѣшительному умаленію. Цѣлый рядъ дѣлъ — такъ назыв. политическія дѣла — былъ изъятъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и переданъ судамъ съ сословными представителями, являющимися не чѣмъ инымъ, какъ носителями административной власти. Для важнѣйшихъ политическихъ дѣлъ создана была особая юрисдикція въ видѣ особаго присутствія правительствующаго сената съ сословными представителями и верховнаго уголовнаго суда (ст. 1030, т. XVI). Въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны, административной власти было предоставлено передавать на разсмотрѣніе военныхъ судовъ отдѣльныя дѣла о преступленіяхъ, общими законами предусмотрѣнныхъ, для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени. Такимъ образомъ создалась обширная группа исключительныхъ судовъ, дѣйствующихъ на особыхъ основаніяхъ. Въ этомъ процессѣ неуклоннаго ограниченія компетенціи суда народныхъ представителей не были пощажены и основныя гарантіи правильности судопроизводства. Министру юстиціи и—въ мѣстностяхъ усиленной охраны—административной власти предоставлено было требовать разсмотрѣнія при закрытыхъ дверяхъ всѣхъ тѣхъ судебныхъ дѣлъ, „публичное разсмотрѣніе коихъ можетъ послужить поводомъ къ возбужденію умовъ и нарушенію порядка“. Этому праву было дано такое широкое примѣненіе, что большинство дѣлъ, имѣющихъ сколько-нибудь жгучій общественный интересъ, были скрыты отъ глазъ общества, тѣмъ самымъ утратившаго ту великую сдерживающую власть надъ судебными дѣятелями, которая ему дана при гласномъ разбирательствѣ дѣла. Не говоримъ уже о томъ, что процессы при закрытыхъ дверяхъ стали практиковаться и во множествѣ такихъ случаевъ, публичное разсмотрѣніе которыхъ всего менѣе давало бы поводъ къ „возбужденію умовъ“. Поколеблены были и другія основы правильнаго судопроизводства, какъ несмѣняемость (взамѣнъ несмѣняемыхъ судеб-

ныхъ слѣдователей стали назначать смѣняемыхъ кандидатовъ на должность судебнаго слѣдователя) и независимость судей (обстановка закрытыхъ дверей представляла необычайно благопріятныя условія для давленія административной власти на судей). Нарушенъ былъ въ судебномъ процессѣ и принципъ равноправности сторонъ (прокуратуры и защиты), такъ какъ съ усиленіемъ распорядительной власти предсѣдателей въ нашихъ судахъ стало обнаруживаться явное умаленіе правъ защиты и, слѣдовательно, правъ подсудимыхъ. И вотъ, осуществляя свои попранныя права при подобныхъ условіяхъ судоустройства и судопроизводства, могло ли общество получить увѣренность, что судъ явится блюстителемъ закона и общественныхъ интересовъ, а не проводникомъ иныхъ, постороннихъ задачъ. Общество и не имѣло этой увѣренности, и его права, и безъ того шаткія, стали еще менѣе устойчивыми и прочными. Но развитое общество не можетъ удовлетвориться подобной постановкой судебнаго дѣла. Одинъ только — общій для всѣхъ — судъ присяжныхъ, обставленный всѣми гарантіями правильнаго судопроизводства, — только такой судъ нуженъ различнымъ слоямъ русскаго общества, только такой судъ можетъ и долженъ сдѣлаться защитникомъ его гражданской и политической свободы. И этого всѣ страстно требуютъ и желаютъ. Только такимъ путемъ личность и свобода обывателя могутъ быть обезпечены отъ тѣхъ многочисленныхъ ограниченій, которыми такъ богата современная намъ дѣйствительность. Только вполнѣ увѣренный въ своей личной неприкосновенности и лишеніи своихъ правъ только по суду русскій гражданинъ достигнетъ прочности права вообще; только тогда онъ получитъ то обличіе независимаго и энергичнаго дѣятеля, какимъ сдѣлала правовая жизнь европейца. Конечно, личную свободу, права личности надо понимать не только въ смыслѣ законномъ установленныхъ гарантій его тѣлесной неприкосновенности. Рядомъ съ этимъ необходимо строго установить неприкосновенность частнаго жилища и тайну частной переписки — тѣ два права, которыя, къ сожалѣнію, такъ часто нарушаются въ русской жизни. Неприкосновенность частнаго жилища, — та, о которой говорилъ англичанинъ, называющій свой домъ своей крѣпостью — требуетъ, чтобы распоряженіе о входѣ въ частное жилище исходило не отъ административной власти, какъ это

часто бываетъ у насъ, а только отъ суда. Если обыватель будетъ знать, что обыски могутъ быть только по рѣшенію суда, онъ будетъ вполнѣ обезпеченъ отъ тревожныхъ и непріятныхъ посѣщеній, производимыхъ администраціей нерѣдко безъ достаточныхъ къ тому основаній и правомочій. Не менѣе серьезное значеніе имѣетъ для него строгое охраненіе государствомъ почтовой тайны. И въ русскомъ законодательствѣ имѣются нѣкоторыя постановленія, направленныя къ обезпеченію почтовой тайны (ст. 1102 — 1104 улож. о нак.), но они говорятъ лишь о наказаніяхъ за передачу письма другому лицу или за распечатаніе, а не о томъ, что всего необходимѣе: имѣютъ ли право власти вскрывать письма и если да, то въ какихъ случаяхъ. Ибо нарушеніе почтовой тайны не столько происходитъ со стороны частныхъ лицъ или почтовыхъ служащихъ, сколько по приказу власти, руководящейся соображеніями такъ называемаго политическаго характера. И европейское общество, защищая почтовую тайну, добилось въ законодательствѣ признанія, что выдача корреспонденціи производится лишь по требованію чиновъ судебнаго вѣдомства, подъ ихъ личной отвѣтственностью, по указаннымъ въ законѣ поводамъ (въ случаѣ судебнаго слѣдствія, конкурса и др.). Для вскрытія письма по политическимъ мотивамъ въ Англіи, наприм., требуется именной приказъ министра, и право почтовой тайны, огражденное живымъ заступничествомъ народныхъ представителей, стало такъ строго охраняться, что съ 1853 года исторія насчитываетъ лишь нѣсколько единичныхъ случаевъ вскрытія писемъ. Въ этомъ отношеніи права русскаго общества слишкомъ слабо ограждены. Нарушеніе почтовой тайны по требованію администраціи стало у насъ такимъ общераспространеннымъ явленіемъ [1]), что необходимо прямое указаніе въ законодательствѣ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ оно допустимо, и тѣхъ гарантій, при

---

[1]) Какихъ огромныхъ размѣровъ достигло у насъ вскрытье почтовой корреспонденціи, объ этомъ болѣе чѣмъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ № 47-й за 1904 г. оффиціальнаго *Почтово-Телеграфнаго Журнала*:

„На основаніи дѣйствующихъ узаконеній, произведенія печати изданныя за-границей на русскомъ языкѣ въ печатномъ видѣ или воспроизведенныя при помощи гектографа, литографіи и другими способами, подлежатъ при ввозѣ въ Россію оплатѣ таможенными пошлинами. Въ случаѣ обнаруженія въ получаемыхъ изъ-заграницы закрытыхъ письмахъ при таможенномъ ихъ досмотрѣ вышеозначенныхъ печатныхъ произведеній, такія письма должны быть отсылаемы обратно. Упомянутымъ распоряженіемъ вовсе не установлено вскрытіе всѣхъ

наличности которыхъ оно могло бы наименѣе повредить интересамъ гражданскаго общества. Вскрытіе и задержаніе почтовой корреспонденціи и есть одно изъ многочисленныхъ проявленій того бюрократизма въ управленіи, который такъ сильно даетъ себя чувствовать почти во всѣхъ сторонахъ государственной и общественной жизни. И если мы вспомнимъ, что перлюстрація почтовой корреспонденціи является не только средствомъ къ удовлетворенію любознательности того или другого лица, сколько актомъ административной власти, влекущимъ для корреспондентовъ и цѣлаго ряда другихъ лицъ многія непріятныя послѣдствія до ареста включительно, то мы поймемъ, какъ сильно заинтересовано все общество въ правильномъ урегулированіи вопроса. Мысль, заключенная въ корреспонденціи, предназначается исключительно къ свѣдѣнію самого адресата; частная переписка поэтому всего менѣе можетъ служить орудіемъ распространенія идеи и, даже съ точки зрѣнія полицейской, къ ней неприменимы мѣры репрессій. Интимная мысль свободна какъ птица, и европейское законодательство давно признало безполезнымъ карать за нее человѣка: караются не мысли, а дѣйствія.

Свобода внутренняго міра людей отъ мѣръ внѣшняго воздѣйствія завоевана была европейскимъ обществомъ, послѣ многихъ столѣтій борьбы и страданій, и для идей религіозныхъ. Борьба эта привела къ признанію за личностью свободы совѣсти и свободы вѣроисповѣданія, — тѣхъ самыхъ правъ, необходимость которыхъ такъ сильно сознается различными группами русскаго общества. Свобода совѣсти за-

---

заграничныхъ закрытыхъ писемъ, потому что подобное вскрытіе писемъ совершенно нарушало бы основное начало о тайнѣ и неприкосновенности частной почтовой корреспонденціи. Напротивъ, въ означенномъ циркулярѣ было выражено, что закрытыя письма подлежатъ предъявленію въ таможнѣ для вскрытія лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ объемъ, внѣшній видъ и т. п. даютъ основаніе подозрѣвать пересылку предметовъ, подлежащихъ оплатѣ пошлиной, или запрещенныхъ къ ввозу въ Россію.

Между тѣмъ, одесская почтовая контора предъявляла въ мѣстную таможню всѣ безъ исключенія получаемыя изъ Турціи, и въ особенности изъ Іерусалима, закрытыя письма. Результатомъ неправильныхъ дѣйствій явилось вскрытіе за время меньше 5 мѣсяцевъ—80.423 и возвращеніе отправителямъ 74.554 писемъ. Начальникъ одесскаго почтово-телеграфнаго округа вовсе не обратилъ вниманія на такое огульное вскрытіе и возвращеніе писемъ и не донесъ о томъ главному управленію, вслѣдствіе чего почтовыя сношенія между Іерусалимомъ и Россіей оказались фактически прерванными.

За упомянутыя упущенія начальнику одесскаго округа и начальнику одесской конторы, по приказанію товарища министра, объявлены выговоры".

ключается въ правѣ гражданина исповѣдывать лишь то, во что онъ вѣритъ; свобода вѣроисповѣданій—въ правѣ совершать тѣ внѣшнія дѣйствія, въ которыхъ выражается культъ данной религіи. Свобода совѣсти, какъ безусловный аттрибутъ внутренняго міра человѣка, представляетъ, конечно, для всѣхъ безъ исключенія расъ и національностей одно и то же свойство духа—слѣдовать лишь собственнымъ своимъ велѣніямъ. „Никто не можетъ — доказывалъ Локкъ,—даже если бы хотѣлъ, согласовать свою вѣру съ предписаніемъ другого, такъ какъ вся жизнь и сила религіи заключается въ искреннемъ и полномъ убѣжденіи". И это основное свойство человѣческой души приводило неизбѣжно къ отрицанію всякихъ принудительныхъ мѣръ въ вопросахъ религіи. „Развѣ можетъ магистратъ,—спрашивалъ Локкъ,—принудить гражданъ быть богатыми или здоровыми? И если бы какой нибудь государь захотѣлъ, чтобы его подданные были здоровы, развѣ умѣстно было бы постановить закономъ, чтобы они лѣчились непремѣнно у римскихъ докторовъ? Или если бы онъ хотѣлъ, чтобы они разбогатѣли,—предписать имъ какой-нибудь выгодный промыселъ купца или кузнеца? Но если я могу еще разбогатѣть посредствомъ промысла, который мнѣ не нравится, или выздоровѣть отъ лѣкарства, которому я не довѣряю, то ни въ какомъ случаѣ я не могу найти спасенія въ исповѣданіи, въ истинѣ котораго я не убѣжденъ". Но, разумѣется, дѣло заключалось въ свободѣ совѣсти не какъ психологической проблемѣ. На кострахъ и въ тюрьмахъ свобода совѣсти завоевана была какъ право, какъ юридическая норма, признанная государственной властью и повлекшая за собою для личности важныя правовыя послѣдствія. Они заключались не только въ свободѣ вѣроисповѣданія, т. е. свободѣ публичнаго отправленія богослуженія, не только въ правѣ каждаго избирать ту или другую религію и переходить изъ одной религіи въ другую, но и въ томъ, что принадлежность къ тому или иному вѣроисповѣданію не имѣетъ никакого вліянія на пользованіе гражданскими и политическими правами. И съ этой стороны русское право представляетъ множество отклоненій, имѣющихъ тѣмъ большее значеніе, что ни въ одномъ государствѣ міра нѣтъ столькихъ вѣроисповѣданій, какъ въ Россіи. Вопросъ о свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданія, какъ неограниченномъ правѣ личности, есть во-

просъ о нравственной и внѣшней свободѣ десятковъ милліоновъ людей, которые, исполняя на ряду съ остальнымъ населеніемъ всѣ повинности передъ государствомъ, тѣмъ не менѣе не пользуются равными въ нимъ гражданскими и политическими правами. Дѣйствительно, законодательство наше признаетъ въ сущности лишь одну свободу вѣроисповѣданій — „да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языками по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силъ Имперіи“ (осн. зак. ст. 45). Но и свобода вѣроисповѣданія до сихъ поръ не составляетъ права многихъ милліоновъ русскихъ гражданъ: въ то время какъ даже евреи пользуются повсемѣстно, кромѣ одного города, правомъ публичнаго отправленія культа, многочисленные раскольники и сектанты, не признаваемые послѣдователями „исповѣданія праотцевъ своихъ“, не имѣютъ и этого права. По закону 3 мая 1883 г. за раскольниками хотя и признано право собираться для общественной молитвы не только въ частныхъ домахъ, но и въ особо предназначенныхъ для того моленныхъ, часовняхъ, но право это обставлено многими стѣсненіями. Исправленіе или возобновленіе моленной разрѣшается губернаторомъ и то подъ условіемъ, чтобы общій видъ исправляемаго или возобновляемаго строенія не былъ измѣненъ. На производство полной заново перестройки или для открытія новой моленной требуется разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Открытіе новой моленной разрѣшается, однако, только при извѣстныхъ условіяхъ—только тамъ, гдѣ раскольники не имѣютъ молитвенныхъ зданій и подъ условіемъ обращенія подъ моленную уже существующаго строенія. Распечатаніе раскольническихъ моленныхъ допускается лишь съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ по предварительномъ сношеніи съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода; распечатаніе же раскольническихъ скитовъ и монастырей безусловно запрещено. Такимъ образомъ одно изъ главныхъ основаній вѣротерпимости—свобода культа—поставлено въ зависимость отъ стѣснительныхъ условій административнаго усмотрѣнія. Хотя тотъ же законъ 3 мая 1883 г. долженъ былъ примѣняться и къ сектантамъ, но для нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ были установлены еще болѣе рѣши-

тельныя ограниченія. Положеніемъ комитета министровъ отъ 4 іюля 1894 г. было предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, объявить секту штунду болѣе вредною, съ воспрещеніемъ штундистамъ общественныхъ молитвенныхъ собраній. Вмѣстѣ съ тѣмъ было разъяснено, что права и льготы, дарованныя закономъ 1883 г. раскольникамъ менѣе вредныхъ сектъ, непримѣнимы къ штундистамъ [1]). Однако, скромныя привилегіи по закону 1883 г. оказались на практикѣ еще болѣе умаленными, о чемъ свидѣтельствуетъ извѣстное ходатайство старообрядцевъ Поволжья, поданное правительству въ 1901 г. и подписанное 49,753 старообрядцами. „Закономъ 1883 г.,—говорили они,—намъ не предоставлено религіозныхъ правъ, какими открыто пользуются лица всѣхъ другихъ исповѣданій, а дарована лишь условная свобода, полная ограниченій... Но въ дѣйствительности мы далеко не пользуемся и этими предоставленными намъ скромными, ограниченными правами. Смягченный закономъ 1883 г. предубѣжденный взглядъ на старообрядцевъ вновь и съ особенной настойчивостью сталъ приводиться въ послѣдніе годы и послужилъ причиною новыхъ стѣсненій старообрядцевъ. Молитвенныя зданія наши безъ достаточныхъ поводовъ отнимаются, запечатываются и закрываются, хотя бы зданія эти были разрѣшены министерствомъ; церковная утварь, священныя облаченія, святыя иконы, нами чтимыя, отбираются. Отъ духовныхъ нашихъ пастырей требуются подписки—отказаться отъ священнаго званія и совершенія службъ, закономъ 1803 г. дозволенныхъ“ [2]). Нечего и говорить, что по отношенію къ сектантамъ, какъ это видно изъ судебныхъ процессовъ, эмиграціи духоборовъ въ Америку и многихъ другихъ данныхъ, законъ 1883 года является еще болѣе умаленнымъ.

Если законодательство наше не совсѣмъ еще провозгласило свободу вѣроисповѣданія, т. е. свободное отправленіе культа, то еще больше стѣснена у насъ свобода совѣсти. Законы наши считаютъ допустимымъ переходъ въ господствующее исповѣданіе изъ христіанскихъ и нехристіанскихъ вѣроисповѣданій; но переходы въ обратномъ направленіи не

[1]) К. К. Арсеньевъ. Свобода совѣсти и вѣротерпимость. Спб. 1905, стр. 161—162.

[2]) *Арсеньевъ*, стр. 137—138.

дозволены подъ угрозой тяжкихъ наказаній. Тѣмъ болѣе запрещены переходы изъ господствующей религіи въ одно изъ сектантскихъ ученій, не разсматриваемые даже какъ отпаденіе, такъ какъ, по словамъ одного изъ отчетовъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, „законъ россійскаго государства не признаетъ отпаденій отъ православія“. Вслѣдствіе такого толкованія закона, милліоны людей числятся православными,— повторялъ общеизвѣстную мысль К. К. Арсеньевъ,—„не исповѣдуя или даже никогда не исповѣдывавъ православнаго ученія“. Таковыми являются „упорствующіе“ (бывшіе уніаты) въ привислянскомъ краѣ, возвратившіеся въ лютеранизмъ остзейскіе эсты и латыши, вновь впадающіе въ магометанство новокрещенцы изъ татаръ или осетинъ, сибирскіе инородцы, притягиваемые обратно буддизмомъ; въ такомъ же положеніи многіе изъ раскольниковъ и сектантовъ, которые, числясь православными, „не имѣютъ ничего общаго съ православіемъ“ [1]). Несовпаденіе между внутренними религіозными вѣрованіями лица и его оффиціальнымъ причисленіемъ къ опредѣленному вѣроисповѣданію стало у насъ возможнымъ только потому, что государственная власть не признаетъ свободы совѣсти. А между тѣмъ противорѣчіе это привело не только къ различнымъ стѣсненіямъ религіознаго характера, но и къ полной неопредѣленности юридическихъ отношеній, особенно въ области семейственнаго и брачнаго права (незаконные браки и т. д.).

Но самымъ главнымъ отличительнымъ свойствомъ дѣйствующаго у насъ законодательства является ограниченіе гражданскихъ и публичныхъ правъ для лицъ опредѣленнаго вѣроисповѣданія, и въ этомъ рельефно сказывается, какъ слабо признается у насъ свобода совѣсти. Ограничены въ правахъ не только представители такихъ сектъ, какъ скопцы, которымъ запрещено принимать къ себѣ въ семейство чужихъ дѣтей (ст. 61, т. XIV) и не выдаются паспорта для отлучки въ другія мѣста (ст. 62). Ограничены въ правахъ отступившіе отъ православной вѣры вообще: имъ запрещено имѣть жительство въ своихъ имѣніяхъ, населенныхъ православными, а самыя имѣнія берутся въ опеку (ст. 38). Въ силу ст. ст. 39 и 57-й, возлагающихъ на министерство

[1]) *Арсеньевъ*, ст. 281, 284.

внутреннихъ дѣлъ попеченіе объ охраненіи православія малолѣтнихъ дѣтей лица, совратившагося въ расколъ или ересь, административныя власти стали нерѣдко примѣнять отобраніе дѣтей и передачу ихъ на воспитаніе постороннимъ людямъ. Ничто, однако, не можетъ сравниться съ тѣми ограниченіями, которыя созданы были нашимъ законодательствомъ по отношенію къ евреямъ. Усиленное цѣлымъ рядомъ административныхъ циркуляровъ и распоряженій, законодательство наше подвергло гражданскія и политическія права евреевъ такому значительному умаленію, что трудно указать область права, въ которой для евреевъ не было бы создано исключительнаго положенія. Евреямъ закрытъ доступъ во всѣ безъ исключеній государственныя и общественныя должности; они не пользуются правомъ участія въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи (въ мѣстностяхъ евреямъ дозволеннаго жительства гласные изъ евреевъ назначаются губернаторомъ); имъ почти абсолютно воспрещено занятіе адвокатурой.

Евреи ограничены въ одномъ изъ самыхъ важныхъ для существованія правъ—въ правѣ повсемѣстнаго жительства. Только немногія категоріи евреевъ—лица съ высшимъ образованіемъ, купцы 1-й гильдіи (не вездѣ), ремесленники съ свидѣтельствомъ на званіе мастера (не вездѣ) и дѣти николаевскихъ солдатъ—имѣютъ право жительства со своими семьями по всей имперіи. Остальная многомилліонная масса еврейства имѣетъ право жительства лишь въ 10 губерніяхъ Царства Польскаго и въ 15 губерніяхъ т. н. черты осѣдлости, да и въ этихъ послѣднихъ до недавняго времени (до 1904 г.) они не имѣли права жительства въ предѣлахъ 50-тиверстной пограничной полосы и теперь еще не имѣютъ этого права въ сельскихъ мѣстностяхъ. Лишь въ городахъ и мѣстечкахъ „черты“ дозволено имъ жить (съ 1882 г.)—въ губерніяхъ черты осѣдлости образована была вторая черта въ видѣ отдѣльныхъ поселеній городского характера, вкрапленныхъ въ обширныя пространства сельскихъ мѣстностей.

Сильно ограничены и права евреевъ на образованіе: во многія учебныя заведенія ихъ вовсе не принимаютъ, въ гимназіи же и университеты они допущены лишь въ видѣ исключенія — ничтожной процентной нормы, составляющей

въ столицахъ 3%, въ остальныхъ центрахъ нечерты—5% и въ губерніяхъ черты осѣдлости—10%. Но еще тяжелѣе оказались для евреевъ исключительно для нихъ созданныя ограниченія въ гражданскихъ правахъ. На основаніи Временныхъ Правилъ 3 мая 1882 года было запрещено въ сельскихъ мѣстностяхъ черты осѣдлости совершеніе купчихъ крѣпостей и закладныхъ на имя евреевъ и арендныхъ договоровъ на недвижимыя имущества, находящіяся внѣ черты городовъ и мѣстечекъ; а положеніемъ комитета министровъ 10 мая 1903 г. воспрещено въ губерніяхъ, не входящихъ въ черту общей еврейской осѣдлости, совершеніе отъ имени или въ пользу евреевъ крѣпостныхъ актовъ: 1) служащихъ къ укрѣпленію за ними правъ собственности, владѣнія и пользованія недвижимыми имуществами, внѣ городскихъ поселеній расположенными, и 2) предоставляющихъ имъ возможность выдавать подъ обезпеченіе этихъ имуществъ денежныя ссуды. Такимъ образомъ евреямъ воспрещено какое бы то ни было владѣніе недвижимостью въ сельскихъ мѣстностяхъ на всемъ протяженіи имперіи и тѣмъ самымъ у нихъ отнята всякая возможность прилагать свой трудъ къ сельскому хозяйству. Въ силу самаго закона евреи были оттѣснены отъ земледѣльческихъ промысловъ въ сторону торговли, чтобы затѣмъ быть обвиненными нашей антисемитской печатью въ сознательномъ ихъ преклоненіи передъ культомъ торгашества и ненависти къ тяжелому сельскохозяйственному труду ... Въ длинномъ рядѣ ограниченій, выпавшихъ на долю евреевъ за послѣднюю четверть вѣка, единственнымъ исключеніемъ является указъ 11 августа 1904 года, который въ отличіе отъ всѣхъ предыдущихъ законодательныхъ и административныхъ актовъ „призналъ справедливымъ“ ввести нѣкоторыя благопріятныя евреямъ правовыя нормы. Но практическое значеніе новаго закона, при ближайшемъ изученіи его содержанія, оказывается очень скромнымъ. Въ однѣхъ своихъ частяхъ указъ 11 августа возстановляетъ тѣ права евреевъ, которыя имъ и безъ того принадлежали по закону, но были умалены толкованіями административной власти. Въ другихъ частяхъ онъ признаетъ за евреями новыя права—права евреевъ, имѣющихъ право жительства въ губерніяхъ внѣ черты, на проживаніе въ сельскихъ мѣстностяхъ черты осѣдлости (въ отмѣну пра-

вилъ 1882 года); но какое практическое значеніе можетъ имѣть для лицъ съ высшимъ образованіемъ или купцовъ 1-й гильдіи право жительства въ селахъ и деревняхъ губерній черты осѣдлости, когда владѣніе землей остается для нихъ запретнымъ,—не для торговли же будутъ они переѣзжать туда. Болѣе важное значеніе могло бы имѣть право повсемѣстнаго жительства, признанное за нижними чинами, участвующими на Дальнемъ Востокѣ, если бы отъ нихъ не требовалось безпорочное несеніе службы въ дѣйствующихъ войскахъ; очевидно, какая-нибудь власть должна будетъ удостовѣрять эту безпорочность; другими словами, право жительства евреевъ-солдатъ будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія этой власти, и законъ можетъ сдѣлаться мертвой буквой. Но всего серьезнѣе та оговорка въ указѣ (ст. 11), что дѣйствіе его „не распространяется на мѣстности, въ коихъ относительно евреевъ установлены особыя ограничительныя права". Такимъ образомъ, для Сибири, Москвы, Кіева, Николаева, Ялты, области войска Донского остаются въ силѣ всѣ до сихъ поръ существовавшія ограниченія права жительства евреевъ. Въ результатѣ всевозможныхъ ограниченій, охватывающихъ жизнь евреевъ со всѣхъ сторонъ, многомилліонная масса евреевъ оказалась скученной въ городахъ и мѣстечкахъ губерній черты осѣдлости. Оттѣсненные отъ образованія, государственныхъ и общественныхъ должностей, владѣнія и пользованія землей, евреи заполнили здѣсь всѣ отрасли торговли, промышленности и труда и развили такую ожесточенную между собою конкурренцію, что еврейская масса опустилась до самой безысходной нищеты. Несмотря на десятки тысячъ ежегодно выселяющихся въ Америку евреевъ, искусственно вдвинутая въ черту осѣдлости еврейская масса перестала уже находить средства къ существованію, и вопросъ о хлѣбѣ принялъ размѣры грознаго общественнаго бѣдствія. Какъ велики страданія еврейскаго пролетаріата даже въ нормальные годы, показываетъ тотъ фактъ, что въ 1898 году пришлось оказать организованную общественную благотворительность 19% всего еврейскаго населенія черты. Да и какой заработокъ можетъ имѣть еврейская масса въ чертѣ, когда всѣ профессіи переполнены, когда во многихъ центрахъ евреи-ремесленники составляютъ 13,3% населенія, когда въ такомъ богатомъ и торговомъ городѣ,

какъ Одесса, изъ 150.000 еврейскаго населенія до 50.000 представляютъ собою настоящихъ пролетаріевъ, не знающихъ, чѣмъ проживутъ они завтрашній день. И это тяжелое, безвыходное положеніе еврейскаго населенія является прямымъ послѣдствіемъ тѣхъ ограничительныхъ мѣръ, которымъ подвергнуты гражданскія и политическія права евреевъ. А между тѣмъ эти ограниченія являются не чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ ограниченія свободы совѣсти. Ограниченныя права евреевъ находятся въ связи, по крайней мѣрѣ, съ формальной юридической точки зрѣнія, съ ихъ религіознымъ исповѣданіемъ: стоитъ еврею перейти въ какое-нибудь христіанское вѣроисповѣданіе, и всѣ наложенныя на него ограниченія падутъ сами собою. Но чѣмъ бы ни являлись законы о евреяхъ—актомъ ли ограниченія свободы совѣсти или національности—они создали для евреевъ такое исключительное положеніе, какого не знаетъ ни одно современное законодательство, кромѣ румынскаго. Законы о евреяхъ, наслѣдіе среднихъ вѣковъ, находятся въ полномъ противорѣчіи съ экономической жизнью и ея основными двигательными силами. Для нея нѣтъ ни эллина, ни іудея; она знаетъ владѣющихъ и невладѣющихъ, капиталистовъ и пролетаріевъ, разбивая на эти группы всѣхъ безъ исключенія людей, независимо отъ ихъ національности и вѣроисповѣданія. И, дѣйствительно, еврейскій вопросъ, несмотря на множество тяжкихъ ограниченій, которымъ подвергнуты даже наиболѣе состоятельные и образованные элементы еврейства, является не столько вопросомъ о правахъ еврейской торгово-промышленой буржуазіи, сколько о правахъ многомилліоннаго еврейскаго пролетаріата. Но въ этомъ своемъ видѣ еврейскій вопросъ ставится и разрѣшается въ зависимости не отъ религіозныхъ или національныхъ свойствъ, а отъ тѣхъ общихъ условій, которыми опредѣляется настоящее и будущее всего пролетаріата вообще. Другими своими сторонами еврейскій вопросъ тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается съ интересами всего населенія, и этимъ опять утрачиваются его специфическія особенности. Лишая евреевъ элементарныхъ правъ личности и культивируя тѣмъ въ массахъ представленіе о евреяхъ, какъ о людяхъ, стоящихъ внѣ охраны закона, по отношенію къ которымъ дозволены всякія насилія, общество дожило до настоящей эпидеміи еврейскихъ

погромовъ. Кто поручится, однако, что дикая толпа, состоящая изъ подонковъ мѣщанско-буржуазнаго общества, не войдетъ во вкусъ и не начнетъ примѣнять тѣ же пріемы надъ другими? И мы, дѣйствительно, знаемъ, что та же толпа стала громить уже имущество, принадлежащее и христіанскому населенію и казнѣ: объ этомъ говоритъ оффиціальное сообщеніе С.-Петербугскаго агентства, обнародованное недавно во всѣхъ газетахъ. Безправіе евреевъ воспитало въ толпѣ самые человѣконенавистническіе инстинкты, которые побуждали ее сначала къ дѣйствіямъ противъ евреевъ, какъ locus minoris resistentiae, а затѣмъ и противъ другихъ: насиліе, испробованное надъ евреями и при томъ почти безнаказанно, стало обращаться въ привычку къ насильственной расправѣ вообще. Такими оказались отраженные результаты законодательныхъ мѣръ, цѣлую четверть вѣка примѣнявшихся къ 7-милліонному еврейскому населенію. Необходимость измѣненія этого режима стала теперь для всѣхъ очевидной. Еврейскій вопросъ сталъ общерусскимъ вопросомъ. Важность правильнаго его разрѣшенія сознается теперь и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, если судить по рѣчамъ кн. Святополкъ-Мирскаго съ иностранными корреспондентами. Только полное уравненіе евреевъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ можетъ положить конецъ тѣмъ уродливымъ и тяжелымъ явленіямъ, свидѣтелемъ которыхъ пришлось быть въ послѣдніе годы. Но такое уравненіе въ правахъ было бы провозглашеніемъ принципа свободы совѣсти, такъ настойчиво требуемой всѣмъ русскимъ обществомъ и для всѣхъ его слоевъ.

Мы переходимъ къ новому праву, о которомъ за послѣднее время такъ много говорятъ—къ вопросу о свободѣ печати. Общество слишкомъ хорошо видѣло всю безпомощность несвободной прессы въ борьбѣ съ окружающимъ его зломъ и слишкомъ часто переживало всю мучительность того состоянія, когда сознаешь все вокругъ себя происходящее, хочешь громко сказать свое слово, обличить однихъ, помочь другимъ, чувствуешь потребность излить все, что накопилось на душѣ, но какая-то невидимая сила независящихъ обстоятельствъ крѣпко стягиваетъ уста и обращаетъ всю силу разума, страсти и вдохновенія въ безсильную злобу и раздражительность. „Свободный обмѣнъ мыслей и мнѣній,—

говорили слишкомъ сто лѣтъ назадъ представители націи, создавшей на континентѣ первыя формы правового государства,—одно изъ драгоцѣнныхъ правъ человѣка; слѣдовательно, всякій гражданинъ можетъ свободно говорить, писать и печатать, отвѣчая только за злоупотребленія этою свободою въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ". Энтузіасты XVIII вѣка, увлеченные идеей естественнаго права, изображали дѣло очень просто: человѣку присуща потребность думать, писать и говорить; *слѣдовательно*, ему принадлежитъ право свободы печати и собраній. Въ своемъ воодушевленіи они не замѣчали той упорной и длительной борьбы, которую вела ихъ предшественница за эти права, и всего менѣе могли предвидѣть, что „естественныя права человѣка" такъ безжалостно будутъ нарушаться ихъ потомками, что потребуется почти цѣлое столѣтіе, прежде чѣмъ простой выводъ раціоналистической философіи станетъ прочной юридической нормой. Свобода печати далась европейскому обществу не какъ естественное право человѣка, а какъ завоеваніе демократіи необходимое ей для полной защиты своихъ интересовъ. Исторія этого завоеванія была всюду одной и той же: она составляла актъ въ борьбѣ безправнаго общества съ бюрократическимъ самовластіемъ за права народнаго суверенитета. Но выработанная французской бюрократіей система цензурной расправы съ печатью оказалась такой совершенной, что ее не преминули ввести у себя и другія бюрократическія государства. Къ числу ихъ принадлежитъ и Россія.

Трудно представить себѣ болѣе печальное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ находится наша печать. Стѣсненія начинаются уже съ момента зарожденія изданія. Необходимо, прежде всего, добиться разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ на право изданія; но, какъ показываетъ опытъ, разрѣшеніе это выдается при совершенно исключительныхъ условіяхъ: число вновь разрѣшавшихся изданій за послѣднія десятилѣтія было ничтожнымъ. Всякое новое изданіе, очевидно, разсматривалось какъ излишняя обуза для начальства. Даже въ столицахъ появленіе новаго органа печати было событіемъ, котораго приходилось ждать годами. Но вотъ изданіе, послѣ ряда мытарствъ, разрѣшено. Издатель, торопись! Если въ теченіе года ты не успѣешь орга-

низовать дѣло и пустить его въ ходъ, разрѣшенное тебѣ изданіе считается прекратившимся. И такъ какъ устройство періодическаго изданія со стороны денежной, технической и литературной представляетъ большія затрудненія, требующія не мало времени, то не одно изданіе покончило свое существованіе, не успѣвъ увидѣть свѣтъ. Отъ издателя требуется, сверхъ разрѣшенія, внесеніе денежнаго залога—обстоятельство, новой тяжестью падающее на изданіе и само по себѣ служащее серьезнымъ препятствіемъ къ возникновенію новыхъ органовъ періодической печати. Изданію можетъ не посчастливиться выборъ редактора или издатель можетъ оказаться неудачнымъ. Необходимъ переходъ изданія въ новыя руки,—и тутъ снова вырастаютъ „на законномъ основаніи“ такія же стѣсненія, какъ и при самомъ возникновеніи изданія. Прежде испрашивалось разрѣшеніе только на перемѣну редактора, о переходѣ же изданія отъ одного издателя къ другому требовалось лишь съ ихъ стороны увѣдомленіе. Казалось бы, что можетъ быть естественнѣе такого перехода имущественнаго права отъ одного лица къ другому. Не такъ, однако, посмотрѣла на дѣло бюрократія, всюду разыскивающая слѣды „неблагонадежности“,—на перемѣну издателя стало требоваться то же разрѣшеніе, что и при смѣнѣ редакторовъ. И этотъ новый порядокъ велъ къ тому, что изданія гибли,—тѣ, кто желали бы взять ихъ въ свои руки, въ большинствѣ случаевъ признавались къ этой цѣли не подходящими. Нетрудно понять, какъ тягостно вліяетъ весь этотъ разрѣшительный аппаратъ на все существованіе прессы. Необходимы поистинѣ героическія усилія, чтобы добиться права на изданіе и благополучно довести его до выхода перваго номера. Тутъ начинаются, однако, новыя еще большія стѣсненія.

Уже въ самомъ законѣ установлена мѣра дозволенной изданію свободы въ видѣ цѣлаго ряда запретовъ, вплоть до запрещенія печатать отчеты о земскихъ, дворянскихъ, городскихъ и общественныхъ собраніяхъ помимо разрѣшенія мѣстной администраціи. Рядомъ съ этими законодательными ограниченіями, сфера дозволенной прессѣ свободы опредѣляется циркулярными предложеніями, которыя исходятъ не только отъ министра внутреннихъ дѣлъ и главнаго управленія по дѣламъ печати, но и отъ разныхъ другихъ

административныхъ инстанцій. Циркуляры эти, накопляясь изъ года въ годъ и въ главныхъ своихъ частяхъ отъ одного министра внутреннихъ дѣлъ къ другому, создали въ концѣ концовъ такую массу всякаго рода ограниченій, что едва ли найдется сколько-нибудь важный общественный вопросъ, полный жгучаго интереса для современниковъ, который печать могла бы затронуть, не опасаясь серьезной отвѣтственности за ихъ нарушеніе. Въ этихъ закономъ и циркулярами установленныхъ запретахъ и слѣдуетъ въ значительной степени искать объясненія той поразительной безжизненности, которая въ теченіе ряда лѣтъ составляла характерную особенность русской печати. Еще тяжелѣе положеніе подцензурной печати. Въ самомъ принципѣ предварительной цензуры замѣчается уже одно изъ самыхъ рѣшительныхъ ограниченій свободы печати. Право исповѣданія извѣстныхъ взглядовъ или объясненіе извѣстныхъ событій ставится здѣсь въ зависимость не отъ закона или циркулярныхъ распоряженій въ толкованіи ихъ самими участниками періодическаго изданія, а отъ рѣшенія особой административной инстанціи—цензуры, которая во многихъ пунктахъ должна руководствоваться правилами, изданными не болѣе не менѣе какъ семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ. „Цензура, — говорится въ одномъ изъ такихъ постановленій 1828 года, вошедшихъ въ дѣйствующія правила въ руководство цензуры, — обязана отличать благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаніи Бога, человѣка и природы, отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію. Она должна притомъ различать творенія дидактическія и ученыя, назначаемы для однихъ ученыхъ, съ книгами, издаваемыми для общенароднаго употребленія“ (ст. 94). И хотя цензура обязана обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣренія автора и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія въ дурную сторону (ст. 105), а при разсматриваніи книгъ нравственнаго содержанія должна „не дѣлать привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ“ (ст. 106), но всѣми этими и имъ подобными правилами не достигается и не можетъ быть достигнуто отраженіе правъ печати отъ личнаго усмотрѣнія цензурной власти,

выходящаго за предѣлы цензурнаго устава. Подверженная, какъ административный органъ, всевозможнымъ вліяніямъ высшей административной власти и всякимъ временнымъ теченіемъ въ административномъ управленіи, цензура и по существу своему не можетъ не быть свободной отъ произвольныхъ дѣйствій, такъ какъ для понятія дозволенности, для различія „дурныхъ и буйственныхъ мудрованій“ отъ благонамѣренныхъ сужденій не имѣется никакого иного критерія, кромѣ личнаго усмотрѣнія лица цензурующаго. Установленныя закономъ гарантіи для опротестованія дѣйствій цензуры недостаточны, такъ какъ рѣшающей инстанціей въ случаѣ протеста является не судъ, а высшій органъ того же цензурнаго вѣдомства; въ тѣхъ же случаяхъ, когда статья имѣетъ значеніе только при своевременномъ ея появленіи въ свѣтъ, даже возстановленное право теряетъ для изданія всякій практическій интересъ.

Всего болѣе обнаруживаестя, однако, ненормальное положеніе нашей прессы въ той системѣ каръ, которой она подвержена. Казалось бы для обузданія и безъ того ограниченной печати достаточно было бы однихъ наказаній по суду въ случаѣ нарушенія ею законовъ, а между тѣмъ противъ нея создана была двойная система карательныхъ мѣръ. Изданія, освобожденныя отъ предварительной цензуры, въ случаѣ нарушенія въ нихъ законовъ, а неосвобожденныя отъ цензуры—ежели въ нихъ окажутся сочиненія, „по своему прямому содержанію или по косвеннымъ намекамъ“ принадлежащія къ числу караемыхъ уложеніемъ о наказаніяхъ, подвергаются судебному преслѣдованію. Кромѣ того, тѣ и другія изданія, „въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго направленія“, подлежатъ „дѣйствію административныхъ мѣръ и взысканій по особо установленнымъ на то правиламъ“. Такимъ образомъ, періодическая и непериодическая печать за одни и тѣ же правонарушенія можетъ быть подвергнута судебному и административному преслѣдованію. Нечего и говорить, какъ мало отвѣчаетъ такой порядокъ двойныхъ каръ основному принципу права non bis in idem. Но практика постаралась найти своеобразный выходъ изъ этого положенія. Когда первые судебные процессы противъ печати, разсмотрѣнные судомъ присяжныхъ, стали заканчиваться благопріятно для печати, то администрація прибѣгла къ болѣе

удобному для нея способу наложенія на печать административныхъ каръ, и этотъ порядокъ сдѣлался единственнымъ. И, надо сказать, для такого рода наказаній цензурный уставъ представлялъ необыкновенный просторъ. По отношенію къ безцензурнымъ изданіямъ министру внутреннихъ дѣлъ принадлежитъ право дѣлать предостереженія, при чемъ третье предостереженіе пріостанавливаетъ изданіе на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ и подвергаетъ его особой карательной цензурѣ. Если послѣ третьяго предостереженія министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ нужнымъ, независимо отъ предварительнаго пріостановленія повременнаго изданія на извѣстный срокъ, вовсе прекратить это изданіе, то ему предоставлялось до 1802 года входить о семъ съ представленіемъ въ первый департаментъ сената, а съ 1812 года вопросъ о совершенномъ прекращеніи изданія или о пріостановкѣ безъ опредѣленнаго срока было предоставлено обсужденію и рѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, юстиціи и оберъ-прокурора св. синода. И этотъ порядокъ сталъ уже примѣняться и къ подцензурнымъ изданіямъ. По отношенію къ безцензурнымъ изданіямъ, въ случаѣ нарушенія ими циркуляровъ о неоглашеніи или необсужденіи какого-либо вопроса государственной важности, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено пріостановить изданіе на срокъ до трехъ мѣсяцевъ. Подцензурное же изданіе, въ случаѣ „вреднаго направленія“, можетъ быть лишено министромъ права обсуждать вопросы о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій и неправильныхъ дѣйствіяхъ учрежденій и быть пріостановлено на срокъ до восьми мѣсяцевъ. Наконецъ, по отношенію всякихъ изданій министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется запрещать помѣщеніе частныхъ объявленій на срокъ отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ.

Мы видимъ, какія огромныя полномочія предоставлены высшей административной власти. Не прибѣгая къ суду и, слѣдовательно, не считаясь съ тѣмъ, является ли данное дѣяніе преступленіемъ, т.-е. запрещено ли оно прямо закономъ, министръ внутреннихъ дѣлъ „по личному усмотрѣнію“ можетъ примѣнить къ періодическимъ изданіямъ цѣлый рядъ серьезнѣйшихъ каръ: онъ можетъ лишить ихъ объявленій,— главнаго дохода, которымъ живутъ изданія, запретить обсужденіе извѣстныхъ вопросовъ, пріостановить ихъ на срокъ

(съ указаніемъ мотивовъ для безцензурныхъ и безъ всякихъ объясненій для подцензурныхъ) и войти съ представленіемъ о полномъ ихъ прекращеніи. И этимъ правомъ наказаній, помимо суда, административная власть пользовалась широко.

Достаточно сказать, что за періодъ 1862 и 1903 гг. на печать было наложено 581 наказаніе, совсѣмъ закрыто 25 изданій; объявлено предостереженій: первыхъ — 115, вторыхъ — 88 и третьихъ —56 съ пріостановкой на 18 лѣтъ слишкомъ; пріостановлено безъ обозначенія мотивовъ — 83 раза на 31 годъ, такъ что общій итогъ пріостановленныхъ на срокъ изданій достигъ 49 лѣтъ, воспрещена розничная продажа—186 и печатаніе частныхъ объявленій—26 разъ [1]).

Таково право, регулирующее дѣятельность седьмой великой державы. Во всѣ моменты жизни печать—съ ея зарожденія, когда опредѣлится благонадежность редактора и издателя, до поры возмужалости, когда циркуляры опредѣляютъ мѣру дозволеннаго, а цензура разрѣшаетъ вопросъ о „мудрованіи“, и до временной летаргіи или полной смерти, наступающей въ случаѣ „вреднаго направленія“,—русская печать подлежитъ режиму неограниченной опеки и административнаго усмотрѣнія. За всѣми ея дѣйствіями слѣдитъ исполнительная власть, карающая и милующая ее, когда сочтетъ нужнымъ; и эту судьбу изданія раздѣляютъ нерѣдко и отдѣльные его участники, тѣмъ же административнымъ порядкомъ водворяемые въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Даже подцензурная печать, ни одно слово которой не можетъ пройти безъ разрѣшенія цензуры, и та можетъ быть изобличена во вредномъ направленіи и закрыта, не вѣдая за что, хотя всякому очевидно, что въ изданіи, просмотрѣнномъ предварительной цензурой, никакихъ „вредныхъ“ идей не можетъ уже водиться.

Подобное положеніе печати глубоко ненормально. Ограниченная въ своемъ содержаніи, подчиненная суровому административному режиму, печать совсѣмъ перестала быть выразительницей общественнаго мнѣнія и тѣмъ самымъ перестала выполнять свое назначеніе. Было бы безцѣльнымъ доказывать, какую огромную важность имѣла бы даже для правительственной работы печать, отражающая въ себѣ всю пол-

[1]) См. *В. Богучарскій*, въ Энцикл. словарѣ Брокгауза.

ноту жизни во всемъ разнообразіи борющихся между собою интересовъ и идей; эта истина слишкомъ проста, и если правительство не признаетъ ея, считая бюрократію достаточно освѣдомленнымъ источникомъ, то оно поступаетъ такъ, очевидно, во имя опредѣленныхъ соображеній и интересовъ. И мы, дѣйствительно, знаемъ, что подчиненіе печати тяжелой административной опекѣ, исключающей компетенцію суда и лишающей ее тѣмъ самостоятельности, было всегда и вездѣ вѣрнымъ средствомъ бюрократіи для прочнаго ея господства надъ обществомъ. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всю полноту власти, бюрократія позаботилась о томъ, чтобы ни одно свободное слово, идущее изъ народа, не проявилось наружу, свобода—другъ критики, а критика — злѣйшій врагъ бюрократіи. И свободному слову были закрыты всѣ выходы. Печать терпѣлась лишь постольку, поскольку она не противорѣчила властолюбивымъ стремленіямъ бюрократіи; стоило печати свое сужденіе имѣть, и противъ нея выдвигался сложный аппаратъ карательныхъ мѣръ, бюрократіей же изобрѣтенный. Законодательство о печати являлось такимъ же орудіемъ къ подавленію неугодныхъ бюрократіи идей, какимъ лишеніе свободы гражданъ въ административномъ порядкѣ—для избавленія отъ неудобныхъ ей лицъ. Чтобы понять законодательство о печати, надо разсматривать его какъ единоличный актъ бюрократіи, проникнутый одними только ея интересами и направленный къ поддержанію во что бы то ни стало ея исключительныхъ правовыхъ полномочій во всемъ строѣ государственной и общественной жизни. И сколько бы ни доказывать и повторять, что всякому гражданину должно быть предоставлено право слова, что свобода печати не только не представляетъ опасности для государства, но, наоборотъ, служитъ лучшимъ оплотомъ его прочности, что режимъ стѣсненій привелъ къ атрофіи самые цѣнные общественные инстинкты, необходимые и государству,—всѣ эти доводы не могутъ подвинуть законодательство о печати ни однимъ шагомъ ближе къ свободѣ. И долго бы пришлось вести эту безплодную политику убѣжденія, если бы само общество не представляло собою силы, съ которой бюрократія принуждена считаться. Покуда бюрократія въ желаемомъ ей направленіи управляла законодательствомъ о печати, общество неуклонно продолжало развиваться. Его интересы множились, кругозоръ

идей расширялся. Неудовлетворенное стѣсненною печатью, оно силою необходимости искало иныхъ средствъ удовлетворенію своихъ потребностей и нашло ихъ. Помимо бюрократіи и вопреки ей, брешь въ печати молчанія была пробита и пробита тѣми, чьи интересы всего менѣе защищались подопечной печатью. За ними стали выступать и представители высшихъ классовъ, которые мало-по-малу стали испытывать и на себѣ всю невыгодность своего положенія въ борьбѣ за сохраненіе старыхъ или завоеваніе новыхъ привилегій, ведущейся съ закрытыми устами. Различные слои населенія воочію увидѣли, что бюрократическій шаблонъ, накладывающійся на всю Россію, задерживаетъ ея правильный ростъ и противорѣчитъ защищаемымъ ими интересамъ.

Если рабочій классъ или крестьянство заинтересованы въ свободномъ обсужденіи своихъ нуждъ, то не менѣе нуждается въ немъ и т. наз., интеллигенція, и торгово-промышленная буржуазія, и даже наши аграріи: вѣдь, даже для защиты интересовъ частнаго землевладѣнія аграріямъ необходимо поднять въ печати вопросъ и объ аграрныхъ безпорядкахъ, и о финансовой политикѣ правительства, явно покровительствующей торгово-промышленному капиталу, и о причинахъ, порождающихъ такое покровительство, и о средствахъ, при помощи которыхъ оно могло бы быть парализовано. Но и такому обсужденію нуждъ самой консервативной группы при современномъ положеніи печати не можетъ быть мѣста. И то же происходитъ со всѣми. Бюрократія и бюрократическіе способы управленія стали всѣмъ поперекъ пути. Передъ разными группами поставленъ вопросъ о жизни или смерти, и всѣ онѣ со свойственнымъ людямъ чувствомъ самосохраненія рѣшаютъ за жизнь. Но здоровая и полная жизнь общества и неограниченныя полномочія бюрократіи непримиримы. Между обществомъ и бюрократіей ведется борьба за право, и въ этой борьбѣ поднятъ вопросъ и о правахъ печати. Съ рѣдкимъ единодушіемъ, отражающимъ общее сознаніе невозможности мириться съ печатью молчанія, различныя группы русскаго общества сходятся въ одномъ общемъ требованіи. Онѣ требуютъ свободы печати, а для этого необходима отмѣна существующихъ для нея ограниченій — отмѣна предварительной цензуры, административныхъ наказаній, разрѣшительнаго порядка для появленія новыхъ изданій

и перехода ихъ изъ однѣхъ рукъ въ другія и передача преступленій по дѣламъ печати суду присяжныхъ.

Печать является лишь однимъ изъ средствъ выраженія общественнаго мнѣнія. У сколько-нибудь развитого общества существуетъ и другая потребность въ совмѣстномъ обсужденіи различныхъ, его волнующихъ вопросовъ жизни. Чѣмъ общество дифференцированнѣе, чѣмъ сильнѣе идущая въ его рядахъ борьба, чѣмъ серьезнѣе задачи, выдвигаемыя жизнью, тѣмъ эта потребность становится настоятельнѣе. Только въ совмѣстной устной бесѣдѣ привлеченныхъ однимъ общимъ дѣломъ людей могутъ опредѣлиться ихъ ближайшія дѣйствія, ихъ отношенія другъ къ другу и къ правительству, здѣсь создается привычка къ общественной работѣ, вырабатываются характеры, зарождаются и зрѣютъ идеи, торжествуетъ справедливость и обличается произволъ. Все, что можетъ радовать или печалить, возбуждать негодованіе или восторгъ, будить мысль или волновать чувство, все это съ неопредѣленной силой влечетъ людей другъ къ другу и заставляетъ ихъ соединиться въ собраніе, чтобы сообща обсудить волнующее ихъ событіе и принять рѣшеніе сообразно съ обстоятельствами случая. Повинуясь этому могучему общественному инстинкту, отвѣчающему требованіямъ практической жизни, европейскіе народы, послѣ длительной борьбы, всюду завоевали себѣ право собраній или сходокъ, обставленное минимальными ограничительными условіями. И этого права настойчиво требуютъ себѣ разныя группы русскаго общества. А между тѣмъ трудно найти другое законодательство, которое бы такъ мало признавало за обществомъ это право, какъ наше. Въ то время какъ въ другихъ своихъ частяхъ русское законодательство признаетъ за личностью хоть и крупицу правъ, здѣсь оно упорно отрицаетъ за ней какое бы то ни было право собраній. Русскій гражданинъ представляется нашему законодательству робкимъ существомъ, которое должно сидѣть дома, подъ охраной полиціи, имѣющей попеченіе, „чтобы молодые и младшіе почитали старшихъ и старыхъ, чтобы дѣти повиновались родителямъ, а слуги своимъ господамъ и хозяевамъ“ (ст. 122 Уст. пред. и прес.)

Выйдя изъ дому, онъ долженъ помнить, что молчаніе—золото. Если бы онъ вздумалъ, встрѣтившись съ сосѣдомъ, побесѣдовать съ нимъ о новѣйшихъ дѣйствіяхъ правитель-

ства или о событіяхъ дня, ему говорятъ—запрещено „распространять разсужденія, умствованія и толки предосудительные для правительства и разсѣивать слухи о военныхъ и политическихъ происшествіяхъ...“ (ст. 103). Если же онъ зайдетъ въ трактиръ попить чайку или въ клубъ поиграть въ карты, онъ долженъ хранить сугубое молчаніе, такъ какъ еще въ 1788 году послѣдовало запрещеніе „на биржахъ, въ клубахъ и трактирахъ говорить о дѣлахъ политическихъ или распоряженіяхъ военныхъ и умножать или увеличивать неприличные толки“ (ст. 103, прим. 1). Считая всякіе разговоры о такихъ дѣлахъ „неприличными“, законодательство наше не могло и мысли допустить, чтобы россійскіе обыватели могли гдѣ-нибудь сходиться и публично обсуждать интересующіе ихъ вопросы. Законодатель категорически заявилъ, что „запрещаются сходбища и собранія для совѣщанія или дѣйствія, общей тишинѣ и спокойствію противныхъ“ (ст. 111), и такъ какъ съ точки зрѣнія полиціи каждое многолюдное собраніе, будетъ ли оно происходить на открытомъ воздухѣ или въ закрытомъ помѣщеніи, признается противнымъ тишинѣ и спокойствію, то запретъ законодателя получилъ абсолютное значеніе. При первой попыткѣ народа собраться въ „шумное и безпорядочное скопище“ полиція разсѣиваетъ толпу, прибѣгая въ случаѣ надобности къ содѣйствію военной силы (ст. 113), и этотъ порядокъ, какъ хорошо знаетъ всякій, сплошь и рядомъ примѣнялся и примѣняется и къ такому скопищу, которое ничѣмъ не нарушаетъ тишины и спокойствія. Если бы собраніе произошло въ закрытомъ помѣщеніи, то его не трудно будетъ подвести подъ противозаконное сообщество, подъ которымъ понимаются „всѣ преслѣдующія вредную цѣль сборища, собранія, сходбища, товарищества, кружки, артели“, ибо въ глазахъ администраціи всякое собраніе для обсужденія общественныхъ или государственныхъ вопросовъ считалось и считается преслѣдующимъ вредную цѣль. Въ одномъ только случаѣ русскіе люди могутъ собраться на сходбище—по набатной тревогѣ во время пожара, наводненія и другихъ бѣдствій; во всѣхъ прочихъ случаяхъ набатныя тревоги строго запрещаются, и въ предупрежденіе злоумышленныхъ набатныхъ тревогъ „духовныя начальства должны строго наблюдать, чтобы у колоколенъ двери были крѣпки и всегда заперты...“ (ст. 114 и 115).

Русскій народъ, слѣдовательно, лишенъ права какихъ бы то ни было сходокъ. Это право представлялось, очевидно, законодателю такимъ опаснымъ, что самый запретъ его нашелъ себѣ мѣсто въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи *преступленій*. Ветхой стариной и наивностью вѣетъ отъ этихъ примитивныхъ правилъ, взятыхъ изъ воинскаго артикула 1716 года и другихъ актовъ XVIII вѣка. Казалось бы, что можетъ быть общаго между людьми, правами и потребностями той отдаленной эпохи и нашего времени, и, однако, невозможное стало возможнымъ. Какой протестъ подняла бы бюрократія, если бы ей вздумали предложить жалованіе по штатамъ того времени; но въ томъ, что къ людямъ XX вѣка примѣняютъ завѣты петровскихъ временъ она не увидѣла ничего ненормальнаго. Это могло случиться только потому, что интересы бюрократіи и общества прямо противоположны, что всякая норма, стѣснявшая въ чемъ-нибудь общество, являлась новымъ средствомъ къ сохраненію исключительнаго господства бюрократіи надъ обществомъ. Признать за обществомъ право сходокъ—это значило бы сдѣлать его своимъ судьею, признать его зрѣлымъ, способнымъ не только къ критической оцѣнкѣ, но и къ творческой дѣятельности въ области общественныхъ и государственныхъ задачъ,—и бюрократія предпочла держать взрослыхъ людей въ пеленкахъ петровской эпохи. Но жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Если право отстаетъ отъ нея, она нарушаетъ право, какими бы тяжелыми послѣдствіями не сопровождалось это нарушеніе для отдѣльныхъ лицъ. И мы, дѣйствительно, видимъ, что, несмотря на суровыя кары, различныя группы русскаго общества,—будетъ ли то учащаяся молодежь, повинующаяся однимъ запросамъ молодости и духа, или профессіональные или земскіе дѣятели, подталкиваемые неурядицами мѣстной жизни, труженики, движимые идейными и матеріальными интересами своего класса,—не могли противостоять потребности въ совмѣстномъ обсужденіи близкихъ имъ нуждъ. Законодателю ничего не остается, какъ признать эти дѣйствія закономѣрными, такъ какъ даже суровыя наказанія не могутъ уже заставить зрѣлыхъ общественныхъ лицъ отказаться отъ коллективнаго обсужденія вопросовъ жизни.

Свобода собраній, какъ одно изъ неприкосновенныхъ

правъ личности, не дастъ, однако, гражданамъ возможности обойтись безъ организацій постояннаго характера. Эта цѣль достигается другимъ основнымъ правомъ—свободой союзовъ. И тутъ снова русское законодательство рѣшительно расходится съ правомъ европейскихъ государствъ и самыми неотложными потребностями русскаго общества. Какія бы цѣли ни преслѣдовались ассоціаціей—будутъ ли то политическія, научныя или общественныя,—въ большинствѣ культурныхъ странъ для ихъ возникновеній требуется лишь простое заявленіе соотвѣтствующей власти. При такихъ условіяхъ граждане во всякое время и безъ всякихъ затрудненій могутъ организовать какое угодно общество (лишь бы оно отвѣчало нѣкоторымъ требованіямъ закона), смотря по надобности данной группы въ данную минуту. И это право союзовъ представляетъ одно изъ необходимѣйшихъ условій здоровой и дѣятельной общественной жизни, такъ какъ въ современномъ государствѣ борьба за тѣ или другіе интересы можетъ съ успѣхомъ вестись не отдѣльными личностями, а лишь цѣлыми группами. Самая сущность историческаго развитія, какъ классовая борьба, выдвинула союзы въ рядъ первыхъ средствъ, при помощи которыхъ обезпечивается успѣшность этой борьбы для каждой изъ борющихся сторонъ. Что „въ единеніи—сила“, это хорошо понимали люди во всѣ вѣка и во всѣхъ странахъ; но *правомъ* всѣхъ и каждаго оно стало лишь послѣ долгой борьбы демократіи. Представляя въ средніе вѣка исключительную привилегію земельной аристократіи и промышленной буржуазіи,—владѣющіе классы, пользуясь своей властью, признали право союзовъ только за собой—это корпоративное право было отнято въ XVI и XVII вв. все усиливающейся монархической властью, подчинившей себѣ дворянство и города и поставившей право союзовъ въ зависимость отъ разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. И только широкое демократическое движеніе, приведшее къ распредѣленію между короной и народомъ полноты власти, создало право союзовъ, какъ право всеобщее и не зависящее отъ разрѣшенія властей.

Современное русское законодательство поставило т. н. союзную свободу въ крайне тѣсныя рамки. *Права союзовъ въ европейскомъ смыслѣ у насъ совсѣмъ не существуетъ.* „Запрещается всѣмъ и каждому заводить и вчинать въ го-

родѣ общество, товарищество, братство или иное подобное собраніе безъ вѣдома или согласія правительства“ (ст. 116 уст. о пред. и прес.). На учрежденіе какого-либо общества требуется прямое разрѣшеніе правительства, и это условіе фактически парализовало естественную потребность населенія въ союзныхъ организаціяхъ. Что такъ наз., политическимъ союзамъ не могло быть мѣста при существующемъ бюрократическомъ режимѣ,— это не требуетъ и доказательствъ: вѣдь русскимъ обывателямъ запрещены даже разговоры о дѣлахъ политическихъ. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всю власть, бюрократія, естественно, должна была ревниво оберегать защищаемый ею политическій принципъ отъ всякаго посягательства со стороны общества: съ этимъ принципомъ несовмѣстимы „неприличные толки“, тѣмъ болѣе политическіе союзы. По теоріи бюрократическаго управленія дѣло государственное не есть дѣло гражданъ. Гражданинъ не долженъ соваться, куда его не просятъ: за него все сдѣлаетъ власть. Потому-то всякія ходатайства дворянскихъ или земскихъ собраній, если они выходили за предѣлы сословныхъ интересовъ губерніи или мѣстныхъ нуждъ и пользъ, встрѣчали систематическій протестъ со стороны власти: вѣдь такія ходатайства получали уже общегосударственный, т.-е. политическій характеръ. Право политическихъ союзовъ появилось у насъ только тогда, когда сама бюрократія стала нуждаться въ укрѣпленіи основного политическаго принципа въ виду усиливающагося въ общественныхъ кругахъ критическаго къ нему отношенія. Офиціальнаго разрѣшенія могли у насъ добиться только такіе союзы, какъ „Русское Собраніе“, какъ студенческое общество „Денница“, ставящія своей задачей поддерживать и охранять тѣ самыя политическія начала, на которыя опирается бюрократія. Общества иной окраски систематически преслѣдовались и не разрѣшались.

Но у бюрократіи не пользовались сочувствіемъ и общества научныя, просвѣтительныя. Въ то время какъ всюду широкое народное просвѣщеніе составляетъ одну изъ главныхъ заботъ правительства, у насъ бюрократія всегда смотрѣла на это дѣло какъ на неизбѣжное зло, исходя изъ справедливаго соображенія, что просвѣщенный народъ и неограниченная въ своихъ полномочіяхъ бюрократія непримири-

римы, возникновеніе и дѣятельность просвѣтительныхъ обществъ всячески тормозились. Многія изъ нихъ были урѣзаны въ своей дѣятельности или вовсе закрыты. Такая же судьба постигла и общественные союзы, какъ общества взаимопомощи, кооперативныя, особенно предназначавшіяся для рабочихъ и интеллигенціи. Исторія русскаго кооперативнаго движенія показываетъ, съ какой подозрительностью и недоброжелательностью относилась бюрократія ко всякаго рода попыткамъ и ходатайствамъ о разрѣшеніи новыхъ обществъ. Все движеніе проходило подъ знакомъ „неблагонадежности“. Было время—то были медовые года обновленной Россіи,—когда даже литературныя работы объ артеляхъ уничтожались по распоряженію комитета министровъ (В. Скалонъ „Артели на Руси“, 1873 г.). Сильнѣе всѣхъ испытали на себѣ ограниченія союзной свободы трудящіеся. Бюрократія, какъ свидѣтельствуютъ факты, еще допускала возможность организаціи рабочими или, вѣрнѣе, для рабочихъ обществъ взаимопомощи на случай болѣзни, увѣчій, смерти. Одни изъ этихъ обществъ—горнозаводскія кассы въ Польшѣ и на Уралѣ—организованы были давно, ставили своей задачей исключительно взаимопомощь и частью (на Уралѣ) являлись правительственными учрежденіями, такъ какъ они предназначались для горнорабочихъ казенныхъ заводовъ и рудниковъ. На фабрикахъ общества взаимопомощи устраивались на средства рабочихъ и хозяевъ при отдѣльномъ предпріятіи, и такихъ—очень мало, да и тѣ представляютъ собою не столько общество взаимопомощи, сколько простой благотворительный фондъ. Однако, такими примитивными средствами, съ ограниченнымъ кругомъ дѣйствія (благотворительность) и ничтожнымъ распространеніемъ, нельзя было достигнуть сколько-нибудь значительныхъ результатовъ. Рабочій классъ, сильно возросшій своей численностью, поставленный экономическимъ развитіемъ Россіи передъ разрѣшеніемъ многихъ жизненныхъ нуждъ, близко его касающихся, сталъ стремиться къ организаціи въ своей средѣ союзовъ, которые могли бы защитить его экономическіе и иные интересы, не охраняемые ни въ правѣ, ни въ жизни. Рабочее движеніе опредѣлилось въ Россіи съ такой же силой, какъ и въ другихъ странахъ. Право союзовъ стало однимъ изъ практическихъ его требованій. Бюрократія, убѣдившись въ

невозможности остановить это движеніе, рѣшила имъ овладѣть и направить его по новому руслу. Подъ непосредственнымъ руководствомъ и при непосредственномъ ея участіи въ нѣкоторыхъ городахъ стали учреждаться новаго типа общества взаимопомощи рабочихъ (подобно Московскому обществу рабочихъ механическаго производства), соединяющія въ себѣ кассу и рабочій клубъ и служащія не только для помощи рабочимъ въ случаѣ несчастій или смерти, но и для другихъ дѣлъ. Дѣйствія этихъ обществъ регулируются инструкціями, выработанными мѣстной администраціей, отдѣльные представители которой допускаются и въ члены общества.

Такой же характеръ носило и собраніе московскихъ рабочихъ передъ памятникомъ Александра II. Но разрѣшая рабочимъ въ такой формѣ устройство союзовъ и собраній, бюрократія, разумѣется, всего меньше устанавливала прецеденты для права союзовъ и собраній, такъ какъ это право предполагаетъ прежде всего свободное отъ какихъ бы то ни было постороннихъ воздѣйствій самоопредѣленіе самихъ рабочихъ. Интересы рабочаго класса требуютъ закономъ установленной свободы союзовъ и собраній, т. н. права коалицій. Право коалиціи устанавливаетъ, однако, не только устройство рабочихъ союзовъ явочнымъ (а не разрѣшительнымъ) порядкомъ, но и не ограничиваетъ функціи этихъ союзовъ одной лишь взаимопомощью въ случаѣ профессіональныхъ несчастій съ ихъ членами. За рабочими союзами самой жизнью признана еще болѣе важная функція по защитѣ правъ и интересовъ рабочихъ, вытекающихъ изъ договора найма между предпринимателемъ и рабочими. Вопросы о заработной платѣ, способахъ ея разсчета, продолжительности рабочаго дня, внутреннемъ распорядкѣ на фабрикахъ и заводахъ, штрафахъ,—всѣ эти и многіе другіе вопросы болѣе общаго характера представляютъ для рабочихъ первостепенную важность. Ихъ защиту и принимаютъ на себя рабочіе союзы, такъ какъ только объединенные въ союзѣ рабочіе въ силахъ противопоставить свои требованія огромной юридической и экономической власти предпринимателей: отдѣльный рабочій, подъ гнетомъ жестокой нужды, вынужденъ соглашаться на всякія условія, которыя ему предложатъ. Являясь орудіемъ самообороны труда противъ эксплоатаціи капитала, рабочіе союзы не всегда достигаютъ своей цѣли. Въ силу хода ве-

щей рабочіе должны иногда прибѣгнуть къ послѣднему средству—къ прекращенію работъ. И законодательство всѣхъ европейскихъ странъ, подъ дружнымъ напоромъ демократіи, признало стачки ненаказуемымъ правомъ трудящихся. Стачки—событіе внутренней жизни предпріятія, касающееся только сторонъ, въ немъ участвующихъ, и затрогивающее только ихъ экономическіе интересы, и представляютъ для рабочихъ такой же пріемъ давленія на измѣненіе условій труда, какимъ является у предпринимателей массовое увольненіе рабочихъ (Aussperrung). Взглядъ законодателя на стачки, какъ на наказуемое дѣяніе, могъ установиться только потому, что стачки нарушали интересы господствующаго въ современномъ обществѣ капитала: пользуясь своей властью и въ законодательствѣ, классъ капиталистовъ отождествилъ свои интересы съ интересами общегосударственными и въ цѣляхъ охраны этихъ мнимыхъ интересовъ государства санкціонировалъ суровыя уголовныя наказанія за стачки. Тамъ, гдѣ демократіи удалось добиться участія въ законодательной дѣятельности, ей пришлось разоблачить это отождествленіе, повести борьбу противъ притязаній капитала, и эта борьба увѣнчалась успѣхомъ въ видѣ признанія за рабочими коалиціоннаго права вообще и права стачекъ въ частности. Наше законодательство о стачкахъ носитъ такой же классовый характеръ, какой имѣло прежнее право европейскихъ державъ. Торгово-промышленная буржуазія, съ момента вовлеченія Россіи въ круговоротъ капиталистическаго хозяйства, постепенно достигла значенія наиболѣе сильной общественной группы, оказывая рѣшительное вліяніе на всю политику правительства и законодательную его дѣятельность. Достаточно вспомнить про нашъ протекціонизмъ, рѣзко расходящійся съ интересами землевладѣльческаго класса, чтобы понять, какую роль сталъ играть промышленный капиталъ въ странѣ дворянскаго землевладѣнія и дворянскихъ привилегій. Тѣмъ легче далась капиталу побѣда надъ трудомъ. По ст. 1358 ул. о нак., давно уже изданной, за стачку съ цѣлью принудить хозяевъ къ возвышенію заработной платы виновные подвергались аресту: зачинщики—на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, а прочіе — отъ семи дней до трехъ недѣль. Но вотъ произошли всѣмъ извѣстныя волненія въ 1884 и 1885 гг. среди рабочихъ Владимірской и

Московской губерній. Оффиціальное разслѣдованіе обнаружило, что волненія эти были вызваны „неправильными отношеніями между фабрикантами и рабочими“, т.-е. нарушеніемъ фабрикантами условій найма, уменьшеніемъ заработной платы, вычетами и штрафами, составлявшими „въ общей сложности до 40 % съ выдаваемой заработной платы“ (изъ сужденій государственнаго совѣта въ мартѣ и апрѣлѣ 1886 года) [1]). Хотя послѣ такого заявленія можно было ожидать, что законодатель направитъ свои заботы исключительно къ огражденію интересовъ рабочихъ— таковъ долженъ былъ быть единственно возможный логическій выводъ изъ оффиціальнаго разслѣдованія,—однако, на дѣлѣ получилось иное. Особая комиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора В. К. Плеве, рядомъ съ нѣкоторыми мѣрами, направленными въ пользу рабочихъ, предложила усиленіе уголовныхъ наказаній за стачки, и эти предложенія стали закономъ 3 іюня 1886 г. Виновные въ нарушеніи правъ рабочихъ а, слѣдовательно, и въ происшедшихъ событіяхъ, предприниматели оказались обиженной стороной, въ защиту которой и были установлены усиленныя кары рабочихъ. Могло это случиться только потому, что направленіе законодательства опредѣлялось подъ давленіемъ интересовъ господствующаго класса предпринимателей. Такъ создалась новая система суровыхъ каръ за стачки, фактически уничтожающая нормы до 1886 года. За прекращеніе работъ по стачкѣ съ цѣлью возвышенія заработной платы или измѣненія другихъ условій найма до истеченія срока послѣдняго, виновные подвергаются: подстрекавшіе къ стачкѣ—тюремному заключенію отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, прочіе участники — тюремному заключенію отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ (ст. 1358[3]). За стачку съ поврежденіемъ имущества положено тюремное заключеніе на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ подстрекавшимъ и отъ 4 до 8 мѣсяцевъ прочимъ участникамъ (ст. 1358[2]). Участники же стачекъ, дѣйствовавшіе на другихъ рабочихъ посредствомъ насилія или угрозъ подвергаются такой же карѣ, что и въ предыдущемъ случаѣ (ст. 1358[3]). Наконецъ, дѣла о стачкахъ были изъяты изъ вѣдѣнія мировыхъ судовъ, которымъ они были

[1]) Литвиновъ-Фалинскій, Фабричное законодательство, стр. 61. Спб. 1900.

подсудны на общемъ основаніи, и переданы окружнымъ. Но уголовныя кары по суду стали лишь однимъ изъ средствъ наказанія. Въ виду якобы чрезвычайныхъ трудностей, сопряженныхъ съ преслѣдованіемъ стачечниковъ въ судебномъ порядкѣ, противъ участниковъ стачекъ чаще всего стали примѣняться мѣры административнаго преслѣдованія [1]).

Въ силу циркулярнаго распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 12 августа 1897 года полиція получила полномочія арестовывать зачинщиковъ стачекъ и водворять ихъ на родину, и такимъ путемъ, по одному лишь усмотрѣнію административной власти, тысячи рабочихъ были лишены куска хлѣба. Но такой расправѣ пора положить конецъ. Пора отказаться отъ ложнаго представленія, будто экономическіе интересы капитала равнозначущи съ интересами государственными. Пора понять, что стачка является простымъ средствомъ экономической борьбы ограниченной въ правахъ рабочей массы съ всесильнымъ капиталомъ, который и такъ слишкомъ хорошо вооруженъ для этой борьбы; что стачка есть вынужденное и дорого обходящееся рабочимъ средство полуголодныхъ людей въ поискахъ сколько-нибудь сносныхъ условій труда,—средство, далеко не всегда приводящее къ благопріятнымъ для нихъ результатамъ. Стѣсненный въ пріисканіи заработка въ виду переживаемаго страной кризиса и войны, не получая отъ государства и общества какой-либо организованной помощи въ случаѣ безработицы или недостаточной заработной платы, гдѣ же найдетъ многомилліонный рабочій классъ силы не погибнуть въ борьбѣ за кусокъ хлѣба, какъ не въ самомъ себѣ, въ создаваемыхъ имъ рабочихъ союзахъ, стачкахъ и другихъ коллективныхъ дѣйствіяхъ. Рабочій классъ предоставленъ исключительно своимъ собственнымъ силамъ, и все, что препятствуетъ развитію этой самопомощи, грозитъ или искусственнымъ вырожденіемъ здоровой трудовой массы, или вспышками отчаянія и гнѣва класса, которому нечего терять. Необходимо отказаться отъ жестокихъ наказаній за стачки, сохраненіе которыхъ диктуется узко эгоистическими интересами капитала, и признать за рабочими требуемое ими право коалицій, такъ какъ внѣ коалицій нѣтъ для нихъ жизни, от-

---

[1]) Литвиновъ—Фалинскій, стр. 268.

казаться же отъ коалицій равносильно акту самоубійства. И русская дѣйствительность прекрасно знаетъ, что, несмотря на суровыя кары, стремленіе рабочихъ къ самопомощи, путемъ ли прочныхъ союзовъ или временныхъ дѣйствій „скопомъ", не прекращало своего упорнаго движенія впередъ. Въ министерствѣ финансовъ года три тому назадъ приступили уже къ выработкѣ проекта о предоставленіи рабочимъ права союзовъ и стачекъ, не получившаго, однако, движенія при Плеве. Проектъ этотъ долженъ быть теперь извлеченъ изъ архивной пыли и стать составной частью нашего законодательства. Пусть не говорятъ о преждевременности свободы рабочихъ союзовъ и стачекъ, потому-де и по отношенію къ торгово-промышленному капиталу существуютъ аналогичныя кары за стачку. Такіе законы дѣйствительно изданы и грозятъ они „за стачку торговцевъ или промышленниковъ для возвышенія цѣны не только предметовъ продовольствія, но и другихъ необходимой потребности товаровъ": зачинщикамъ—тюремнымъ заключеніемъ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, прочимъ участникамъ—отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ; если же подобная стачка торговцевъ или промышленниковъ поведетъ къ нарушенію общественнаго спокойствія, то зачинщики приговариваются къ лишенію нѣкоторыхъ особыхъ правъ и заключенію въ тюрьмѣ отъ 1 года 4 мѣс. до 2 лѣтъ (ст. ст. 913 и 1180 Уст. о нак.). Но въ томъ и заключается различіе между рабочимъ и торговцемъ съ предпринимателемъ, что въ то время какъ первый подвергается за стачки не только судебному, но и административному преслѣдованію, по отношенію ко вторымъ тотъ же законъ совершенно не примѣняется. Господствующій классъ оказался достаточно сильнымъ, чтобы атрофировать законъ, противорѣчащій его интересамъ. Какъ грибы, выросли всюду торговые и промышленные синдикаты, ведущіе къ повышенію товарныхъ цѣнъ, но никто изъ грюндеровъ не попалъ еще на скамью подсудимыхъ. Если предприниматели освобождены отъ каръ за стачки, несомнѣнно нарушающія интересы всего общества въ лицѣ всѣхъ безчисленныхъ потребителей повышенныхъ въ цѣнѣ товаровъ, то насколько же справедливѣе требованіе безнаказанности рабочихъ забастовокъ, затрогивающихъ однѣ лишь частныя выгоды отдѣльнаго лица!

Къ сожалѣнію, право не опредѣляется справедливостью.

Оно мѣняется лишь подъ давленіемъ того или иного класса, тѣхъ или иныхъ требованій жизни. И это сознаніе даетъ увѣренность, что устарѣвшія нормы будутъ отброшены созрѣвающими народными силами, до сихъ поръ почти не проявлявшими своего вліянія въ законодательствѣ страны. Свобода собраній и союзовъ не замыкаетъ, однако, собою длинной цѣпи требованій времени. Экономическая жизнь Россіи, за послѣднія десятилѣтія измѣнившаяся до неузнаваемости, опередила и другія стороны нашего права и такъ же настойчиво требуетъ ихъ реформы. Вовлеченная въ круговоротъ торговаго и промышленнаго капитализма, перерѣзанная сѣтью желѣзныхъ дорогъ, обложенная усиленными налогами на покрытіе надобностей возросшаго государственнаго хозяйства, связанная прочными нитями съ торговыми интересами всего міра, Россія перестала быть той неподвижной страной плуга и лаптей, какой она была еще недавно. Многомилліонное крестьянство, не находя въ землѣ достаточныхъ для существованія средствъ, выдѣлило изъ своей среды не одинъ милліонъ людей, колесящихъ всю Россію съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ, переселяющихся изъ деревень въ города, изъ городовъ въ деревни, кочующихъ изъ экономіи въ экономію, съ фабрики на фабрику. Сотни тысячъ людей закупаютъ товары въ одномъ мѣстѣ, чтобы продать ихъ въ другомъ. Между всѣми населенными пунктами идетъ непрерывный обмѣнъ людьми, идеями, товарами, не прекращающійся ни днемъ, ни ночью. Заинтересованный въ усиленіи быстроты оборота, капиталъ заставляетъ подчиненный ему міръ людей приспособляться къ его потребностямъ, ускорять разсчеты и дѣйствія, и движеніе, движеніе безъ конца стало естественнымъ лозунгомъ всей хозяйственной жизни. И люди, вовлеченные въ ея круговоротъ, должны переходить съ мѣста на мѣсто, послушные приказу капитала, жаждѣ наживы или голосу голоднаго желудка, и требуютъ признанія въ правѣ полной свободы передвиженій. Сколько-нибудь развитая хозяйственная жизнь и право свободнаго передвиженія неразъединимы. И повинуясь этому требованію всего гражданскаго общества, законодательство европейскихъ народовъ признало полную свободу передвиженій. Ничего подобнаго не знаетъ наше право. Несмотря на всѣ происшедшія въ хозяйственномъ строѣ Россіи перемѣны, несмотря на сообщенное ей

капитализмомъ движеніе, несмотря на необходимость всѣхъ безъ исключенія людей, къ какому бы классу, сословію, національности или религіи они ни принадлежали, въ безпрепятственной свободѣ перемѣщенія въ предѣлахъ имперіи и внѣ ея, русское право чуть ли не единственное во всей Европѣ сохранило въ неприкосновенности цѣлую систему ограниченій. Не говоря уже о томъ, что цѣлыхъ семь милліоновъ людей (евреи) лишены всякой вообще свободы передвиженія, законодательство наше для всѣхъ безъ исключенія подданныхъ связало право передвиженія паспортной системой. Русскій гражданинъ, слѣдуя общеизвѣстному афоризму, состоитъ изъ души, тѣла и паспорта. При всякой перемѣнѣ жительства, при всякой временной отлучкѣ онъ долженъ твердо помнить о третьей своей субстанціи, дабы, пріѣхавъ безъ паспорта, не подвергнуться временному задержанію и послѣдующей эвакуаціи этапнымъ порядкомъ. Но самая трудность заключается не въ храненіи паспорта—суровая дѣйствительность научитъ памятливости самаго разсѣяннаго человѣка,—а въ томъ, чтобы получить его. Сколько денегъ, хлопотъ, переписки, волокиты, волненій стоитъ каждому русскому обывателю, прежде чѣмъ онъ станетъ обладателемъ этого документа! Но ничье положеніе такъ не тягостно, какъ крестьянское. Восемьдесятъ милліоновъ людей, если не больше, связаны по рукамъ и ногамъ въ свободѣ передвиженія. Для возобновленія краткосрочныхъ видовъ на жительство и полученія пятилѣтнихъ паспортныхъ книжекъ требуется согласіе сельскаго общества, которое въ случаѣ малѣйшей недоимки отказываетъ въ немъ. Та же недоимка является законнымъ основаніемъ для отобранія у крестьянина паспортной книжки по распоряженію полиціи, вслѣдъ за тѣмъ высылающей его на мѣсто приписки. Для полученія паспорта неотдѣленными членами семьи необходимо согласіе домохозяина; въ случаѣ же пререканія дѣло окончательно опредѣлится по усмотрѣнію земскихъ начальниковъ. Такимъ образомъ право передвиженія крестьянъ поставлено въ полную зависимость отъ воли міра, двора, земскаго начальника, податной неисправности. Малѣйшая недоимка, и крестьянинъ, прочно устроившійся на новомъ мѣстѣ, безжалостно водворяется къ мѣсту приписки въ семидневный срокъ: все благополучіе идетъ прахомъ. И это безправное положеніе кре-

стьянъ является отголоскомъ не дореформенныхъ порядковъ, а Положенія о видахъ на жительство, изданнаго десять лѣтъ тому назадъ (3 іюня 1894 г.). Русскій крестьянинъ давно, казалось, освобожденный отъ крѣпости земли, въ дѣйствительности подвергся паспортному закрѣпощенію къ мѣсту приписки.

Если передвиженіе русскаго обывателя въ предѣлахъ страны связано со многими паспортными стѣсненіями, то еще болѣе—при выѣздѣ за-границу. Русскому подданному полагается сидѣть въ отечествѣ; чтобы отвадить его отъ заморскихъ путешествій, не только затруднена выдача губернаторскихъ паспортовъ, но и обложена крайне высокими пошлинами. Но, разумѣется, движеніе за-границу вызывается не столько личными прихотями обывателя, сколько торговыми интересами. И съ этой стороны паспортныя стѣсненія до такой степени тягостны для правильнаго теченія торгово-промышленной жизни, что даже на столбцахъ *Торгово-Промышленной газеты* — horribile dictu! — было заявлено объ этомъ во всеуслышаніе лицомъ изъ торговаго міра. Поѣздка за рубежъ должна быть, однако, временной. Въ противоположность законодательству всего свѣта, допускающему свободно эмиграцію съ перемѣной подданства, такъ какъ эмиграція всегда и вездѣ вызывается серьезными экономическими и иными интересами, наше законодательство не признаетъ въ сущности правомѣрныхъ способовъ оставленія отечества, разрѣшая его лишь тѣмъ, чье пребываніе оно считаетъ нежелательнымъ (евреи).

Всѣ эти паспортныя ограниченія свободы передвиженія самымъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчатъ хозяйственному строю страны. Они даже не въ интересахъ правительства, такъ какъ паспортная система задерживаетъ движеніе пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ и тѣмъ самымъ является одной изъ главныхъ причинъ убыточности казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства. Интересы огромной массы населенія, живущей однимъ лишь трудомъ, упорно требуютъ немедленной отмѣны паспортной системы. Тяжкимъ камнемъ виситъ она на народѣ и тянетъ его въ пропасть разоренія. Было бы легкомысліемъ игнорировать тѣ соображенія, которыя заставляютъ сохранять паспортъ на русскомъ обывателѣ. Паспортная система не только служитъ превосходнымъ орудіемъ бю-

рократіи для господства надъ обществомъ, но и составляетъ желательный аграріямъ пріемъ прикрѣпленія крестьянскихъ рабочихъ силъ въ деревнѣ. И это сознаніе противодѣйствующихъ реформѣ элементовъ должно удвоить энергію напора заинтересованныхъ въ ней группъ народа, поддерживаемыхъ къ тому требованіями развивающагося капитализма. Тотъ же хозяйственный строй выдвигаетъ новое требованіе личности— свободу труда, торговли и промышленности. Государство не должно устанавливать никакихъ стѣсненій для занятія той или другой отраслью, для перехода изъ одной профессіи въ другую, потому что подъ гнетомъ жизни массы принуждены безпрестанно мѣнять сферу своей дѣятельности. И съ этой стороны наше законодательство не находится на уровнѣ современныхъ требованій демократіи. Многія промысловыя занятія недоступны цѣлой группѣ подданныхъ (евреи). Свобода труда стѣснена узаконеніями о цеховомъ устройствѣ, превращающими занятіе ремесломъ въ привилегію сравнительно немногихъ. Знакомыя намъ паспортныя правила обращаютъ занятіе крестьянъ землею не столько въ право, сколько въ обязанность, стѣсняя тѣмъ переходъ къ другимъ отраслямъ труда. Мелочная бюрократическая регламентація стѣснительна и для плутократіи буржуазіи, не имѣющей даже права образованія акціонерныхъ компаній явочнымъ порядкомъ. Не имѣетъ она права и устройства мануфактуръ, фабрикъ или заводовъ въ городахъ губернскихъ, уѣздныхъ и ихъ округахъ, безъ „дозволенія губернскаго начальства“ (стр. 69 уст. пром.). Насколько стѣснительна для предпринимателей эта регламентація, всего лучше свидѣтельствуетъ фактъ, что дѣла объ устройствѣ въ столицахъ „колбасныхъ и кишечно-моечныхъ заведеній, слесарныхъ заведеній, кузницъ, заведеній для чистки пятенъ, картонажныхъ мастерскихъ“ и пр. восходили на разрѣшеніе министра финансовъ!

Но современная экономическая жизнь Россіи требуетъ не только свободы передвиженія и свободы труда, промышленности и торговли. Развитіе капиталистическаго хозяйства произвело огромную перемѣну въ соціальномъ строѣ, разрушивъ сословныя перегородки, раздѣлившія общество на отдѣльныя, неравныя въ правахъ, группы. Наслѣдіе крѣпостной эпохи и натуральнаго хозяйства, когда земельная собственность давала наибольшую экономическую власть, а

потому и наибольшія права, относя однихъ къ благородному, другихъ—къ „подлому“ сословію, дѣленіе это, разслоенное новообразовавшимися съ ростомъ торговли и ремеслъ городскими сословіями—купеческимъ и мѣщанскимъ, потеряло теперь всякій экономическій смыслъ. Раздѣленное горизонтальными пластами сословій, какъ юридическихъ категорій, съ малоправнымъ, но многочисленнымъ крестьянствомъ внизу и возвышающимися надъ нимъ группами мѣщанства, купечества и дворянства, малочисленными, но многоправными по мѣрѣ удаленія отъ основанія, русское общество было разсѣчено капитализмомъ въ вертикальномъ направленіи. Не взирая на званіе, сословіе, національность, капитализмъ произвелъ новое перераспредѣленіе общественныхъ группъ, возводя однихъ въ классъ владѣющихъ, отбрасывая другихъ къ пролетаріату. Движеніе, сообщенное хозяйственной жизни вторженіемъ капитализма, измѣнило плоскость вращенія сословныхъ группъ, такъ какъ осью вращенія сдѣлалась не земельная собственность, а капиталъ. Признаки этого новаго перераспредѣленія общества изъ сословныхъ группъ въ соціальныя слишкомъ очевидны, чтобы возбуждать какія-либо сомнѣнія. Дворянство потеряло огромную массу своихъ земель, перешедшихъ частью къ торгово-промышленному капиталу, частью къ крестьянству; сохранившіе землю стали типичными представителями аграрной буржуазіи; обезземеленные же дворяне ушли въ разныя профессіи интеллигентнаго пролетаріата, а нѣкоторая ихъ часть нашла себѣ мѣсто уже „на днѣ“ общественной жизни. Крестьянство перестало быть синонимомъ землероба. Происшедшій въ его средѣ процессъ дифференціаціи выдѣлилъ въ ней группу зажиточной земельной буржуазіи и пролетаріата, который заполнилъ собою ряды рабочаго класса. Мелкое ремесло и торговля—твердыня мѣщанства—стали гибнуть; одна часть мѣщанъ поднялась въ верхи капиталистическаго общества, другая ушла къ пролетаріямъ. Словомъ, взамѣнъ сословій русское общество оказалось распредѣленнымъ на классы (торгово-промышленной, земельной буржуазіи, пролетаріата), и въ каждомъ изъ этихъ классовъ очутились лица всѣхъ сословій и состояній. Сословный строй отжилъ свой вѣкъ: въ лицѣ сословій сохранилась и сохраняется устарѣвшая форма, лишенная своего реальнаго содержанія. И новая жизнь, заполнившая и разорвавшая эти формы, но-

вые классы, образовавшіеся въ предѣлахъ стараго сословнаго строя, требуютъ послѣдняго акта — ликвидаціи тѣхъ положительныхъ и отрицательныхъ правовыхъ привилегій, которыми были надѣлены сословія въ прошломъ. Капиталистическое общество демократично. Далекое отъ осуществленія соціальнаго равенства, оно съ неизбѣжностью выдвинуло, однако, требованіе гражданскаго равенства, т. е. отмѣны всякихъ сословныхъ привилегій и ограниченій. Разъ сословный строй устарѣлъ,—устарѣли и сословныя права. И русская жизнь съ настойчивостью требуетъ провозглашенія равенства всѣхъ передъ закономъ. По отношенію къ огромной части населенія—крестьянству—общественное мнѣніе въ послѣдніе годы съ рѣдкой настойчивостью высказывалось за освобожденіе его отъ всѣхъ многочисленныхъ сословныхъ ограниченій, изъ которыхъ слагается законодательство о крестьянахъ, требуя уравненія ихъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ. Но такимъ актомъ законодательства не были бы еще устранены всѣ особенности отжившаго сословнаго строя, въ видѣ многочисленныхъ привилегій высшихъ сословій. Въ значительной степени заполненное инороднымъ содержаніемъ —приливомъ разночинцевъ—дворянство, какъ сословіе, пользуется цѣлымъ рядомъ привилегій (право на занятіе государственныхъ должностей, — земскаго начальника, сословнаго учебнаго заведенія, дворянскихъ кассъ взаимопомощи, преимущественное право покупки и исключительное право аренды земель въ Сибири, пониженнаго процента по ссудамъ дворянскаго банка и т. д.). Конечно, неравенство передъ закономъ создано у насъ не только сословнымъ строемъ. Оно существуетъ и для отдѣльныхъ вѣроисповѣданій, и для отдѣльныхъ національностей, наприм., для поляковъ, которымъ запрещено пріобрѣтеніе земельной собственности въ 9 губерніяхъ Западнаго края, запрещено быть учителемъ въ народныхъ школахъ губерній русскихъ. Немало неравенства въ законодательствѣ создано у насъ и огражденіемъ классовыхъ интересовъ и земельнаго и промышленнаго капитала: въ то время какъ землевладѣлецъ и предприниматель за нарушеніе договора найма съ рабочимъ отвѣчаютъ только въ гражданскомъ порядкѣ, рабочіе за то же самое дѣяніе подвергаются уголовной карѣ въ видѣ ареста. Законодательство наше, такимъ образомъ, нарушаетъ основныя требованія гражданскаго ра-

венства: одинаковыя преступленія влекутъ одинаковыя наказанія для всѣхъ. Принципъ этотъ еще сильнѣе нарушается въ случаяхъ совершенія преступленія лицами, принадлежащими къ дворянству или высшему сословію, такъ какъ установленный для нихъ порядокъ утвержденія приговоровъ ведетъ къ пониженію кары. Гражданское равенство предполагаетъ, однако, не только равенство передъ закономъ. Оно заключаетъ въ себѣ и равенство передъ правосудіемъ, т. е. устраненіе сословныхъ судовъ, какими являются у насъ крестьянскіе суды или суды надъ лицами чиновнаго міра, предаваемыми судебному преслѣдованію лишь по постановленію своего начальства и при томъ для лицъ высшихъ классовъ, суды по политическимъ преступленіямъ; и доступъ всѣхъ гражданъ къ замѣщенію общественныхъ и государств. должностей, независимо отъ какихъ-либо сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ или національныхъ запрещеній, — принципъ нарушенный и въ законодательствѣ и еще больше въ административной практикѣ; и, наконецъ, равенство передъ налогомъ. Это послѣднее требованіе предполагаетъ не только устраненіе всякихъ налоговъ, для даннаго класса спеціально созданныхъ, каковыми являются мірскіе сборы или выкупные платежи для крестьянъ или коробочный сборъ, т. е. налогъ на убой скота и птицы, для евреевъ, это требованіе заключается и въ распредѣленіи налоговъ между гражданами, сообразно съ ихъ имущественнымъ благосостояніемъ, нашедшимъ себѣ такое яркое выраженіе въ общеподоходномъ налогѣ. Съ этой стороны необходима полная и коренная реформа нашихъ финансовъ: покоясь на косвенномъ обложеніи, всей тяжестью падающемъ на бѣдные классы, и даруя огромныя льготы представителямъ помѣстнаго землевладѣнія и торгово-промышленнаго капитала, слабо обложенныхъ, наша налоговая система представляетъ самый яркій образецъ неравенства гражданъ передъ налогомъ.

Фабрикантъ и рабочій [1]).

Двѣ жизни.

„Записки и воспоминанія рабочаго". „Жизнеописаніе заводчика и фабриканта Ф. К. Санъ-Галли".

Два года тому назадъ появились записки, обратившія на себя вниманіе всей нѣмецкой прессы. Авторъ, простой рабочій, писалъ свои воспоминанія исключительно для себя, и только благодаря счастливой случайности,—посредничеству извѣстнаго пастора Гере,—они увидѣли свѣтъ [2]). О жизни рабочихъ написаны цѣлые томы, ею занималась научная и изящная литература; но все это исходило отъ людей, стоящихъ вдали отъ рабочей среды, и если въ этихъ трудахъ внѣшнія событія передаются точно, то мысли и чувства рабочаго класса всегда окрашиваются извѣстнымъ субъективизмомъ писателей, незамѣтно для себя привносящихъ идеи той среды, къ которой они сами принадлежатъ. Отъ этого недостатка свободны „Записки и воспоминанія рабочаго". Карлъ Фишеръ,—такъ зовутъ ихъ автора,—пишетъ языкомъ, на которомъ говоритъ простой народъ; въ его распоряженіи очень скромный запасъ словъ и оборотовъ, и тѣмъ не менѣе передъ нами встаетъ съ поразительною выпуклостью все, что переживалъ этотъ бесхитростный, наивный человѣкъ. Литературному языку онъ учился по Лютеровой библіи и въ совершенствѣ овладѣлъ ея стилемъ. Со спокойствіемъ старинныхъ хроникъ говоритъ онъ о всей своей жизни, не переходя нигдѣ къ изліяніямъ чувствъ. „Чувства, настроенія, взгляды,—по вѣрному опредѣленію издателя,—изображаются лишь въ формѣ дѣйствія. Мы узнаемъ о нихъ, переживая ихъ съ авторомъ". Фишеръ го-

---

[1]) Издано было въ 1905 г. отдѣльной брошюрой подъ этимъ же названіемъ.

[2]) Denkwürdigkeiten und Erinnerungen eines Arbeiters, herausgegeben und mit einem Geleitwort versehen von Paul Göhre. Leipzig, Dieberichs 1903 SS. 390 (въ серіи Leben und Wissen, Bd. 2).

воритъ лишь о томъ, что видѣлъ, слышалъ, испыталъ, лишь о томъ, что выражалось вовнѣ словомъ, дѣйствіемъ. Иныхъ мыслей,—философскихъ, научныхъ или религіозныхъ,—вы не найдете въ автобіографіи. Она даже почти не касается внутренней, интимной жизни: никто не говорилъ Фишеру, что внутренній міръ человѣка столько же заслуживаетъ изображенія, какъ и внѣшнія его дѣйствія. И съ этой простой, но образной формой изложенія вполнѣ гармонируетъ содержаніе воспоминаній. Все здѣсь обыденно, несложно, элементарно. Да и что могло случиться въ жизни незамѣтнаго человѣка, въ сущности не разстававшагося съ деревней, полемъ, фабрикой, проведшаго дѣтскіе годы въ отцовской булочной, юношескіе—на земляныхъ желѣзнодорожныхъ работахъ, зрѣлые—въ одномъ изъ подготовительныхъ отдѣленій сталелитейнаго завода? И, несмотря на несложность жизненнаго пути, пройденнаго этимъ труженикомъ, книга читается съ захватывающимъ интересомъ. Вся его жизнь прошла лишь въ неустанномъ трудѣ, не дававшемъ ни минуты покоя, заставлявшемъ человѣка помышлять лишь о пищѣ и отдыхѣ. На всемъ этомъ безграничномъ фонѣ труда и лишеній нѣтъ ни одного свѣтлаго пятнышка, ни одной радости, во имя которой стоило бы дальше жить. Въ дѣтствѣ—двѣ-три прогулки въ лѣсъ съ товарищами, за которыя пришлось перенести страшные побои, позже—рѣдкія посѣщенія трактира, чтеніе библіи и рыбная ловля да прогулки за городъ по праздникамъ, — вотъ все, чѣмъ разнообразились и украшались нескончаемые мѣсяцы работы на желѣзнодорожномъ полотнѣ и на фабрикѣ. За всю жизнь—одно развлеченіе въ видѣ встрѣченнаго на площади канатнаго плясуна, но зато постоянно еле оплачиваемый трудъ, вѣчные поиски работы, болѣзни, больница, нищенство, тюрьма и подъ старость—жизнь полуинвалида на хлѣбахъ у родни. Сѣрыя безпросвѣтныя будни, сплошная вереница мелкихъ, незамѣтныхъ событій, переплетенныхъ длинной цѣпью страданій и лишеній. Но въ томъ и заключается все общественное значеніе „Воспоминаній“, что такъ именно, какъ ихъ авторъ, живутъ и жили десятки и сотни тысячъ рабочихъ. Фишеръ—рабочій эпохи только что начинавшагося капиталистическаго расцвѣта Германіи, стоявшій и до конца своей дѣятельности оставшійся въ сторонѣ отъ кооперативнаго и соціалъ-демократическаго движенія.

Дѣтство Фишера было самымъ безотраднымъ. Его отецъ былъ когда-то зажиточнымъ человѣкомъ, но затѣмъ въ спекуляціяхъ потерялъ весь свой достатокъ и, переходя изъ города въ городъ, мало-по-малу опустился до настоящей нищеты. Булочникъ по ремеслу, онъ едва могъ прокормить семью: питались картофелемъ и селедкой; даже на кофе не хватало средствъ. Тѣ немногія деньги, какія удавалось заработать, отецъ проигрывалъ въ карты. Подъ вліяніемъ ли этихъ неудачъ, или по природной своей злобѣ отецъ сдѣлался тираномъ всей семьи. Привѣтливый къ другимъ, здѣсь, въ своей семьѣ, онъ старался какъ бы наверстать утраченное имъ соціальное положеніе, держалъ и жену и дѣтей въ повиновеніи и черномъ тѣлѣ, не разговаривалъ съ ними иначе, какъ въ формѣ окриковъ и приказаній. Даже родной отецъ называлъ его почтительно „Господинъ сынъ“. Съ женой своей, интеллигентною и честною женщиной, отецъ Карла обращался варварски. Она не смѣла выходить изъ дому, и за все время совмѣстной жизни съ родителями молодой Карлъ могъ запомнить лишь два случая, когда мать, несмотря на запрещеніе отца, рѣшилась на нѣсколько часовъ оставить домъ. Обращеніе отца съ матерью сынъ называетъ не только „нечеловѣческимъ“ и „скотскимъ“, но просто „дьявольскимъ“. Она была мужу „и товарищемъ, и рабомъ, и ученикомъ, и торговкой, и прислугой, и нянькой, и прачкой, и штопальщицей, и я не знаю еще чѣмъ, а между тѣмъ съ ней обращались хуже, чѣмъ обращаются съ этими лицами, и не получала за трудъ ничего, кромѣ скуднаго корма, и то не всегда“. Билъ онъ жену нещадно, чѣмъ попало, и послѣ такихъ истязаній во всемъ домѣ надолго устанавливалась мертвая тишина. Однажды, съ ребенкомъ на рукахъ, мать куда-то вышла; мужъ, вернувшись домой и не заставъ ее, нарочно заперъ на ключъ дверь. Было всего десять часовъ вечера.

„Вскорѣ глухо постучали въ дверь и затѣмъ также въ наше окно. Когда мой дѣдъ открылъ его, мать моя стояла на улицѣ и была сильно взволнована. На вопросъ дѣда, что случилось, мать отвѣтила: „Я стояла, съ ребенкомъ на рукахъ, возлѣ двери, какъ вдругъ за моей спиной захлопнули и на ключъ заперли дверь. Кто бы это могъ подумать? Вѣдь такъ нельзя! Пойдите и отоприте дверь, чтобы я могла

войти". Тогда дѣдъ сунулся въ темнотѣ къ двери, но ключа въ ней не было. Тогда я услышалъ, что онъ нѣсколько разъ произнесъ: „Господинъ сынъ, господинъ сынъ!" Но все было тихо". Наконецъ дѣдъ провелъ мать черезъ окно. „И вслѣдъ затѣмъ въ прекрасную, тихую ночь послышалось по всему дому и далеко на улицу, какъ отецъ давалъ матери вечернее благословеніе, такъ что отъ ужаса волосы дыбомъ вставали. Вѣроятно, она стояла у двери, чтобы защитить свою спину, и потому отъ времени до времени слышно было, какъ полѣно ударялось въ дверь"...

Совершенно таково же было обхожденіе отца съ сыномъ. При всякомъ случаѣ онъ билъ его: и за невыученный урокъ, и за невыразительное чтеніе библіи, и за обращеніе къ отцу съ вопросомъ, и за самовольную отлучку изъ дома, и за прочетъ въ товарѣ или въ деньгахъ. Каждую недѣлю сынъ показывалъ отцу свою тетрадь.

„Тогда, — говоритъ Карлъ, — онъ обыкновенно бралъ палку, указывалъ ею на тетрадь, и спрашивалъ меня, могу ли я это прочесть, и когда я отвѣчалъ „да", тогда онъ говаривалъ: „Но я не могу", и тутъ я получалъ ужасающіе удары, и въ то время, какъ билъ меня, онъ все приговаривалъ: „Такая пачкотня, такая пачкотня! Вѣдь этого ни одинъ человѣкъ не можетъ прочесть! Вѣдь это еще хуже, чѣмъ въ прошлый разъ! Ты пишешь теперь еще ноты! Вотъ это, вѣроятно, твоя нотная тетрадь? Вся въ кляксахъ, вся въ кляксахъ! Ты думаешь, что деньги за твое ученіе я подбираю на улицѣ? Все идетъ къ лучшему! Развѣ это успѣхи!" Такъ приблизительно гласили его причитанія, но обыкновенно они бывали еще длиннѣе и безъ тѣхъ многихъ ругательныхъ словъ, которыя при этомъ мнѣ приходилось выслушивать".

Мальчику „часто доставалось больше ударовъ, чѣмъ хлѣба". Ему не позволялось имѣть собственнаго желанія; онъ долженъ былъ дѣлать лишь то, что приказывалъ отецъ; говорить онъ имѣлъ право только, когда спрашивали; на все надо было испрашивать разрѣшенія. У мальчика не было ни одной дѣтской шалости, радости. Все убивалось суровымъ отцомъ. Ни отъ матери, ни отъ отца онъ не видѣлъ ласки, поцѣлуевъ, объятій. Карлъ, впрочемъ, вспоминаетъ, что отецъ иногда бралъ его подъ мышки; „но когда онъ дѣлалъ къ тому приготовленія", т.-е. забиралъ съ собой березовый

прутъ, „то я всегда чувствовалъ себя нехорошо“. Объятія этого рода объяснялись просто тѣмъ, что „такъ бывало отцу, вѣроятно, удобнѣе“.

И на ряду съ этимъ жестокимъ обращеніемъ отецъ всячески эксплоатировалъ дѣтскія силы ребенка. Онъ заставлялъ его исполнять всякія работы по булочному дѣлу; отрывая его отъ приготовленія уроковъ, онъ приговаривалъ: „Твои уроки ты приготовишь завтра утромъ, я разбужу тебя въ 4 часа, тогда ученіе лучше пойдетъ“. Съ десяти лѣтъ Карлъ сталъ торговать на улицѣ хлѣбомъ.

Къ несчастью, и въ школѣ практиковались тѣ же пріемы, какіе были въ такомъ ходу дома. Мальчикъ росъ и воспитывался буквально въ атмосферѣ палочныхъ ударовъ. Вотъ кантоpъ — одинъ изъ лучшихъ учителей, у котораго можно было кое-чему научиться и къ тому „вовсе не бывшій звѣремъ“. И этотъ педагогъ, „если не чинилъ перьевъ, то держалъ, конечно, цѣлый день въ рукахъ палку, но въ общемъ онъ мало употреблялъ ее и главное—неподолгу. Мы получали не болѣе двухъ или четырехъ ударовъ по спинѣ, и только когда онъ бывалъ особенно золъ, — по шести ударовъ, а можетъ-быть и больше,—этого не знаю. Да и неудобно было ему, потому что скамьи были такъ длинны, что на каждой могли сидѣть по десяти мальчиковъ, и когда кантоpъ хотѣлъ кого-нибудь огрѣть палкой, тогда мальчики на передней скамьѣ должны были приподняться“... А вотъ и пасторъ. Кто-то нашалилъ; пасторъ сдѣлалъ выговоръ; нашъ Карлъ скорчилъ добродушную гримасу, которая должна была сказать шалуну: „Видишь ты, что бываетъ, когда шалятъ на урокахъ“. И тутъ пасторъ обрушился на Карла.

Если тебѣ это еще смѣшно, то я спущу тебя съ лѣстницы! Негодяй!.. Но, милые люди, при чтеніи эти строки ничего вамъ не скажутъ, но вы бы послушали, какимъ львинымъ голосомъ и съ какимъ гнѣвомъ онъ зарычалъ! При каждомъ словѣ повышалась сила его голоса, до послѣдняго, когда онъ пріостановился, чтобы еще съ большею торжественностью пустить мнѣ слово „негодяй“; къ тому я даже не зналъ, что оно означаетъ. Правда, благодаря отцу, я былъ посвященъ во всякаго рода ходячія ругательства,— Богъ знаетъ, откуда онъ ихъ взялъ, — но это слово отецъ, вѣроятно, позабылъ,—его я впервые узналъ отъ пастора“.

Случай этотъ произвелъ на мальчика глубокое впечатлѣніе. Онъ не сталъ обращать теперь никакого вниманія на преподаваніе. И когда онъ услыхалъ, что пасторъ другого толка проповѣдуетъ новое ученіе о воскресеніи мертвыхъ, увѣряя, будто люди, голодая, должны утѣшаться этимъ будущимъ,—нерасположеніе Карла къ священникамъ еще болѣе укрѣпилось. Человѣкъ религіозный до самой старости, Фишеръ открыто заявляетъ, что „оба эти пастора были причиной тому, что я всегда и всюду избѣгалъ въ моей жизни всѣхъ духовныхъ лицъ и ни разу въ жизни даже не разговаривалъ съ ними и не раскланивался ни съ однимъ изъ нихъ“. И даже побираясь, онъ никогда не заходилъ въ пасторскіе дома и осуждалъ тѣхъ бѣдняковъ, которые, не терпя пасторовъ, все же просили у нихъ милостыню, придерживаясь правила:

Der arme Mann kann keinen Pastor leiden,
Doch seine Pfennige, die nimmt er gern [1]).

Въ результатѣ такого воспитанія выросъ болѣзненный, робкій, забитый мальчикъ. И за это его снова били. Однажды отецъ спросилъ учителя, какъ учится сынъ, прилеженъ ли онъ, хорошо ли ведетъ себя. Учитель отвѣтилъ утвердительно. Но затѣмъ, отвернувшись отъ мальчика и подойдя близко къ отцу, сказалъ:

„Если сказать вамъ правду, то мальчикъ вашъ не совсѣмъ мнѣ нравится: онъ такой тихоня, такой тихоня, онъ недостаточно оживленъ, онъ долженъ быть болѣе живымъ“. Тогда мой отецъ отвѣтилъ: „Ну, онъ вялая собака, онъ еще поправится“; тогда учитель засмѣялся и также сказалъ: „Да, онъ еще поправится“. Послѣ этого учитель ушелъ, но я все это слышалъ, и мнѣ было жаль, что я не понравился учителю. Такимъ образомъ я рано узналъ про свои недостатки, но что же было дѣлать: когда я дома произносилъ слово или предлагалъ вопросъ, я тотчасъ же, безъ дальнѣйшей проволочки, получалъ пощечины за глупость или любопытство; когда я сдвигалъ стулъ съ мѣста или придвигалъ скамью къ окну, чтобы выглянуть на улицу, меня били палкой, и я долженъ былъ все ставить на мѣсто“.

Такъ прошло дѣтство, полное самаго глубокаго трагизма;

[1]) Хотя бѣднякъ и не терпитъ пастора, но гроши его беретъ онъ охотно.

такъ проходитъ дѣтство не одного Карла Фишера, а и всѣхъ тѣхъ тысячъ ребятишекъ, которые имѣли несчастье родиться въ одной съ нимъ средѣ.

Мы не имѣемъ возможности прослѣдить здѣсь всю жизнь Фишера. Оставляемъ въ сторонѣ и его пребываніе на заводѣ по приготовленію колесной мази, и его экзаменъ на званіе булочника-подмастерья.

Подходитъ время отбыванія воинской повинности. Къ великому огорченію Карла, его не принимаютъ на службу. Онъ видитъ въ этомъ своего рода оскорбленіе, забирается съ горя въ лѣсъ и „воетъ тамъ до восхода солнца“. Онъ поступаетъ на земляныя работы по укладкѣ желѣзнодорожнаго полотна. Семь лѣтъ продолжается здѣсь жизнь, полная лишеній и страшныхъ физическихъ усилій. „Какъ ныли мои кости! Кто не продѣлалъ этой работы, тотъ ея не знаетъ. Но все это изъ за денегъ, которыя были нужны“. А между тѣмъ трудъ плохо вознаграждался; весь заработокъ оставался у лавочниковъ, квартирохозяевъ, и даже честному Карлу не оставалось иного выхода, какъ бѣжать отъ хозяина, не уплативъ ему долга. Онъ доходитъ и до кражи, и до прошенія милостыни, и за послѣднее его забираютъ въ тюрьму. Работа даетъ себя знать. Карлъ нѣсколько разъ заболѣваетъ и ложится въ больницу.

Въ мельчайшихъ подробностяхъ проходитъ передъ нами вся жизнь землекоповъ, порядокъ работы, вознагражденія, разговоры, — и отъ всѣхъ этихъ страницъ вѣетъ потомъ и кровью. Не обходится дѣло и безъ несчастныхъ случаевъ. Обваломъ земли задавленъ насмерть рабочій изъ Помераніи. Какою грустью дышитъ эта маленькая картина похоронъ!

„Затѣмъ похоронили померанца. Но о сопровожденіи гроба не могло быть и рѣчи, да о похоронахъ и не было ничего извѣстно, и никто не былъ приглашенъ. Но одинъ товарищъ, силезецъ, позаботился объ этомъ, и пошелъ за гробомъ, и вернулся съ кладбища, и сталъ ходить въ своемъ праздничномъ, старинпаго покроя, платьѣ по стѣнѣ (гдѣ произошелъ обвалъ) вдоль всего ряда повозокъ и при этомъ жалобно голосилъ на своемъ родномъ языкѣ: „Аахъ, аахъ, аахъ! Такія похороны, такія похороны, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, такія похороны! Аахъ, аахъ, аахъ!“ Но одинъ изъ земляковъ-товарищей взглянулъ наверхъ и сталъ насмѣшливо под-

ражать ему: „Ааахъ, ааахъ!“ Но силезецъ вверху не обратилъ на это никакого вниманія и съ плачемъ пошелъ дальше мимо всѣхъ людей“.

Работы на желѣзной дорогѣ закончились для Фишера очень печально: въ поискахъ заработка онъ опасно захворалъ и больной въ теченіе нѣсколькихъ дней слонялся по городу, пока его не приняли въ больницу. Разсказъ о его скитаніяхъ полонъ неподдѣльнаго горя. Фишеръ идетъ въ полицію и проситъ о пріемѣ въ госпиталь; ему говорятъ, чтобы онъ непосредственно туда обратился. Но больница ему отказываетъ въ пріемѣ, потому что у него нѣтъ врачебнаго свидѣтельства. Онъ плетется къ врачу, на четверенькахъ поднимается къ нему на верхній этажъ, но врачъ грубо отказываетъ въ свидѣтельствѣ, потому что въ больницѣ нѣтъ мѣстъ. Измученный болѣзнью, не въ силахъ больше вести такую борьбу (всѣ эти дни Карлъ ночуетъ въ трактирѣ на узкой голой скамьѣ), онъ рѣшается итти пѣшкомъ изъ Ганау во Франкфуртъ, но дорогой встрѣчаетъ полицейскаго, разсказываетъ ему о своихъ злоключеніяхъ, и тотъ, сжалившись надъ больнымъ, даетъ ему совѣтъ: „Если я васъ изловлю въ нищенствѣ, тогда вы попадете въ госпиталь“. Больной продѣлываетъ, согласно указанію, все, что тотъ ему посовѣтовалъ, уличается тѣмъ же полицейскимъ въ прошеніи милостыни, отправляется въ участокъ, откуда его переводятъ сначала въ тюрьму и уже оттуда, послѣ врачебнаго обхода заключенныхъ, въ больницу. Нужно самому прочесть главу „Todtkrank nach Hanau“, чтобы понять, какія жестокости совершаются каждый день и во всѣхъ большихъ городахъ надъ больными изъ низшихъ классовъ.

Фишеръ поступаетъ на работу въ одно изъ отдѣленій (гончарное) большого сталелитейнаго завода. Начинается новая, не менѣе тяжкая трудовая жизнь, длящаяся цѣлыхъ 16 лѣтъ. Въ мельчайшихъ подробностяхъ знакомитъ насъ автобіографъ со всѣми событіями, происходящими въ этой новой для него тюрьмѣ, но и здѣсь дѣйствительность, почти фотографически воспроизведенная Фишеромъ, состоитъ изъ однихъ страданій и несправедливостей. День за днемъ проходитъ передъ вами монотонная трудовая жизнь этого необыкновенно симпатичнаго и честнаго человѣка, но она такъ тяжела и притомъ описывается съ такою безыскусственностью,

правдивостью и серьезностью, что вы съ напряженнымъ чувствомъ жалости и тревоги ждете неизбѣжной развязки. Въ пыли, въ жару, въ грязи и на сквознякѣ онъ работаетъ у раскаленной печи, взламываетъ заслонку, чтобы вынуть изъ печи обожженныя издѣлія и посадить туда сырыя, и эта каторжная работа производится съ невѣроятною напряженностью: въ теченіе семи дней Фишеру довелось провести... тринадцать смѣнъ, т. е. работать безъ перерыва шесть съ половиной дней и ночей подъ рядъ! „Боже мой, что за сверхурочныя работы мы должны были тутъ исполнять, и нельзя было отказываться, и такъ было не только у насъ, но повсюду!“ Фишеръ перешелъ затѣмъ въ формовальное отдѣленіе, гдѣ работа требовала огромнаго физическаго напряженія и преждевременно разрушала организмъ: на глазахъ Карла не одинъ его товарищъ выбылъ изъ строя. Между тѣмъ фабричная контора, пользуясь естественно возраставшею ловкостью рабочихъ, все сильнѣе и сильнѣе понижала расцѣнку сдѣльной работы. Въ то время, какъ при поступленіи на заводъ Карлу удавалось выдѣлывать въ день 150 плитъ и за это получать $4^1/_2$ марки, въ позднѣйшіе годы 100 плитъ оплачивались уже 90 пфенн., и чтобы заработать 3 марки 60 пфенн., надо было сработать 420 штукъ (контора на каждую сотню плитъ требовала еще лишнихъ пять) [1]). Разумѣется, приходилось надрываться изо всѣхъ силъ, чтобы одинокому какъ-нибудь свести концы съ концами; семейнымъ приходилось совсѣмъ плохо. Какъ трагична участь одного изъ его товарищей по работѣ, „Корла“! Обремененный семьей, тотъ трудился изо всѣхъ силъ въ одномъ изъ наиболѣе опасныхъ для здоровья отдѣленій завода. Карлъ видитъ это и предупреждаетъ своего друга бросить работу и перейти на другой заводъ.

„Кто знаетъ,—отвѣтилъ Корлъ,—примутъ ли они туда меня, вѣдь мнѣ уже больше 40 лѣтъ“. Тогда я отвѣтилъ: „Да, Корлъ, этого я тоже не знаю; можетъ быть ты и правъ, но вѣдь тебѣ здѣсь такъ скверно; ради Бога, попытайся вырваться изъ этого свиного хлѣва,—ты преждевременно здѣсь гибнешь!“ Тогда Корлъ отвѣтилъ: „Да, но уже поздно, вѣдь ничего нѣтъ; я зарабатываю лишь настолько, чтобы кое-какъ

---

[1]) 1 марка=100 пфенниговъ или 47 коп.

прожить съ семьей, для этого я долженъ день и ночь стоять здѣсь и губить здоровье... Здѣсь обманываютъ безъ конца, и даже тѣ деньги, которыя я привезъ съ собою, у меня выманили". Послѣ этого Корлъ медленно пошелъ къ себѣ на работу, какъ если бы у него было достаточно времени и онъ уже достаточно заработалъ для своей семьи. Нѣсколько лѣтъ спустя я встрѣтилъ обжигальщика; тогда я освѣдомился у него о Корлѣ и услыхалъ, что Корлъ уже болѣе года лежитъ больнымъ на дому и не выздоровѣетъ, а черезъ нѣсколько недѣль я прочелъ его имя въ газетѣ, въ спискѣ умершихъ; такъ умеръ Корлъ въ лучшіе годы жизни: теперь все уже было хорошо, — и инженеръ и мастеръ могли высчитать, какое колоссальное количество пыли необходимо было, чтобы свести въ могилу здороваго, сильнаго мужчину".

„Необходимо было всѣмъ быть довольнымъ, такъ какъ господинъ директоръ однажды вечеромъ прочелъ въ самомъ лучшемъ ресторанѣ докладъ о сущности современныхъ рабочихъ отношеній", и въ этомъ докладѣ приводилась мысль, что „всего лучше тому рабочему, который доволенъ своею судьбой". Фишеру представился случай подняться на лучше вознаграждаемое мѣсто счетчика, записывающаго сдѣльную работу каждаго изъ рабочихъ, но онъ отказался, потому что считалъ предложенную должность „бездѣльемъ".

Между тѣмъ работать становилось все труднѣе. Мастера вносили полный произволъ въ распредѣленіе работы, а слѣдовательно и заработка; вся жизнь Фишера на протяженіи многихъ лѣтъ—непрерывная борьба съ мастерами, эксплоатировавшими его и оскорблявшими въ немъ человѣческое достоинство. Эта жизнь не скрашивалась даже развлеченіями. Прогулки за городъ и рыбная ловля составляли чуть ли не единственную отраду Карла. Но и немногія минуты отдыха не проходили безъ омраченія: крестьяне не запрещали ему ловить рыбу, а частные владѣльцы гнали его. „Но если бы крестьяне поступали точно такъ же, тогда у меня пропадало бы все воскресенье, и я долженъ былъ бы пойти домой, на свою квартиру въ кабакѣ".

Однообразно текла жизнь Фишера на заводѣ. Отъ работы надъ твердою глиняною массой у него слабѣли руки; по ночамъ Карлъ не могъ спать отъ боли, а днемъ при всемъ желаніи онъ не могъ тягаться въ быстротѣ съ моло-

дыми рабочими. Заработокъ понизился до крайности, а между тѣмъ лучшую работу мастеръ отдавалъ молодымъ крестьянамъ, имѣвшимъ земельную собственность, и отнималъ ее отъ старыхъ рабочихъ, не имѣвшихъ ничего, кромѣ заработка. Самолюбіе Фишера оскорблялось на каждомъ шагу. Подъ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ онъ работалъ, были какъ разъ устроены тепловые ходы. Желѣзныя плиты раскалялись до красна, и на ногахъ рабочаго загорались деревянные башмаки. Отъ стоянія на раскаленномъ полу заболѣла у Карла нога, и, когда онъ однажды пошатнулся отъ боли, мастеръ бросилъ ему обвиненіе въ пьянствѣ. Наступили тяжелыя времена. „Ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ я зарабатывалъ только на пропитаніе, и я совсѣмъ опустился, такъ какъ мнѣ не на что было себѣ что-либо купить, и обувь износилась, и рубахи, и чулки изодрались въ клочья. Подошло мнѣ время пропадать“. Къ довершенію несчастья отъ Карла потребовали уплаты налоговъ. Какъ разъ получился заводомъ заказъ на такія плиты, по которымъ цѣны еще не были сбиты; Карлъ ожидалъ, что работу дадутъ ему, и онъ выбьется изъ нищеты; но его и тутъ обошли. Измученный нуждой и несправедливостью, Карлъ рѣшилъ разрубить узелъ, который все туже затягивался. Но онъ не знаетъ, гдѣ и какъ найти выходъ. Цѣлые часы проводитъ онъ въ молитвѣ и взываетъ къ Богу о помощи. И вотъ въ религіозномъ возбужденіи ему показалось, что онъ слышитъ слова Бога: „Когда ты пойдешь сегодня на работу и увидишь мастера, назови его по имени и возьми форму, и ударь ею по столу, и громко воскликни: я хочу, чтобы у меня было ежемѣсячнаго заработка больше ста марокъ. Здѣсь непорядокъ. Здѣсь рабочему приходится пропадать. Если ты такъ поступишь, то Я буду съ тобой“. Карлъ поступилъ такъ, и результатомъ явилась потеря мѣста на заводѣ. Оставшись безъ куска хлѣба, Карлъ однако „почувствовалъ себя свободно, и хорошо“, „страшное, годами длившееся напряженіе сразу исчезло“. Но спокойствіе смѣнилось гнѣвомъ, когда на увольнительномъ свидѣтельствѣ онъ увидѣлъ подпись директора завода.

Несчастный Карлъ почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ. Какъ! Человѣкъ, не имѣющій о немъ никакого понятія, прогоняетъ его съ завода, когда всѣ служащіе и

рабочіе, отъ перваго до послѣдняго, поступили на заводъ на глазахъ его, Карла! И это награда за то, что онъ шестнадцать лѣтъ „честно работалъ“! Несправедливость превращаетъ Карла въ фанатика, ищущаго правды. Его не интересуетъ вопросъ о томъ, примутъ его на работу или нѣтъ; проникнутый сознаніемъ своего нравственнаго превосходства, онъ хочетъ разъяснить виновникамъ своего несчастья, гдѣ правда. Онъ ни на минуту не допускаетъ возможности, чтобы притѣснители отказались выслушать его. Онъ ищетъ инженера, но тотъ рѣшительно уклоняется отъ бесѣды. Карлъ послѣ этого прибѣгаетъ къ послѣдней инстанціи—къ директору завода, чтобы узнать отъ него о причинѣ удаленія со службы.

Цѣлыми часами стоялъ Карлъ у дверей главной конторы, но его все не пускали туда, такъ какъ у директора были непрерывно посѣтители. „Размышленія у параднаго подъѣзда“ нѣмецкаго рабочаго, впервые увидѣвшаго „контору“ и пытающагося проникнуть взоромъ туда, откуда доносится такой раскатистый веселый смѣхъ,—одна изъ любопытнѣйшихъ страницъ для характеристики того тяжелаго настроенія, которое въ такихъ случаяхъ переживаютъ тысячи просителей-бѣдняковъ.

Наконецъ, Карлъ добился свиданія, но оно ни къ чему не привело, и, только стоя уже на улицѣ, онъ высказалъ все, что наболѣло у него на душѣ. Одни только каменьщики, работавшіе вблизи, понимали Карла и громкимъ одобреніемъ отвѣчали на всякое обличительное слово, срывавшееся съ устъ бѣдняка по адресу заводской администраціи. „Таково было мое разставаніе со сталелитейнымъ заводомъ, и я радовался, что каменьщики вплоть до послѣднихъ моихъ словъ выражали мнѣ на прощаніе свое одобреніе“.

На этомъ обрываются „Воспоминанія“. Что было съ авторомъ дальше, неизвѣстно. Сейчасъ Фишеру 61 годъ; полуинвалидъ, онъ доживаетъ свой вѣкъ у бѣдныхъ родственниковъ, помогаетъ имъ въ работѣ. „Воспоминанія“ написаны имъ въ послѣдніе два года исключительно по собственному побужденію и желанію.

II.

Передъ нами другая автобіографія. И она написана человѣкомъ, проведшимъ всѣ свои годы въ промышленности, но занявшимъ въ ней совсѣмъ иное положеніе. Мы говоримъ о „Жизнеописаніи заводчика и фабриканта Франца Карловича Санъ-Галли“ [1]). Мы не думаемъ ставить оба жизнеописанія на одну доску; наоборотъ, трудно себѣ представить большую противоположность. Написанная грубо, неправильнымъ русскимъ языкомъ, испещреннымъ кстати и — всего чаще — некстати иностранными словечками и изреченіями, въ непріятномъ тонѣ самовосхваленія, автобіографія заводчика даже по своему стилю не можетъ сравниться съ простотой фишеровскаго слога. Совершенно различны и характерны и намѣренія обоихъ авторовъ. Одинъ—скроменъ до самоуниженія, другой—преисполненъ горделиваго и слѣпого самовосхищенія; одинъ не рѣшается заикнуться о своей интимной жизни, другой выставляетъ ее напоказъ со всѣми отрицательными ея сторонами; одинъ пишетъ свои воспоминанія только для себя, чтобы вторично пережить всю горечь пройденнаго пути, другой—въ „назиданіе потомству“, такъ какъ увѣренъ въ поучительности подвиговъ своей жизни. Не думаемъ мы сравнивать и содержаніе обѣихъ автобіографій: что можетъ быть общаго между бѣднякомъ-рабочимъ, до глубокой старости не обезпечившимъ себѣ куска хлѣба, и милліонеромъ-фабрикантомъ, не знающимъ, какъ избавиться отъ избытка прибыли. „Жизнеописаніе“ интересно совсѣмъ съ другой стороны—какъ матеріалъ для характеристики нашей высшей промышленной буржуазіи. Для данной среды оно такъ же типично, какъ и „Воспоминанія“, и если по автобіографіи Фишера мы можемъ судить о жизни тружениковъ изъ народа, то по книжкѣ г. Санъ-Галли—о мысляхъ, чувствахъ и дѣлахъ нашей промышленной аристократіи. Съ этой именно точки зрѣнія „Жизнеописаніе“ заслуживаетъ полнаго общественнаго вниманія. Жизнь г. Санъ-Галли—это довольно обыкновенная исторія бѣднаго приказчика, пріѣхавшаго въ Россію изъ за-границы съ материнскимъ благословеніемъ и 100

[1]) Curriculum vitae заводчика и фабриканта Ф. К. Санъ-Галли. СПБ. 1903. Стр. 79.

таллерами въ карманѣ и мало-по-малу, благодаря труду, знанію дѣла, предпріимчивости, а, можетъ быть, и другимъ обстоятельствамъ, превратившагося въ крупнаго фабриканта. Но матеріальный успѣхъ кружитъ голову. Г. Санъ-Галли, возомнивъ себя міровою знаменитостью, счелъ нужнымъ повѣдать о всѣхъ своихъ дѣлахъ „въ назиданіе своему потомству“. Въ заголовкѣ своего жизнеописанія г. Санъ-Галли поставилъ стишки:

Bin Fabrikant in Russland,
Im ganzen Reiche bekannt;
Nennt man die besten Namen,
So wird auch der meine genannt [1]).

Увѣровавъ въ свою причастность къ сонму „лучшихъ именъ“ въ Россіи, г. Санъ-Галли уже говоритъ о себѣ, какъ величайшіе поэты, полагая, что самая ничтожная подробность его жизни представляетъ первостепенный интересъ. Если Пушкинъ надѣялся, что лишь въ будущемъ его имя назоветъ всякъ сущій въ Россіи языкъ, то г. Санъ-Галли полагаетъ, что уже при жизни достигъ этой славы: „Продажа произведеній моей фабрикаціи распространилась по всей Европейской и Азіатской Россіи, до Хивы и Туркестана, до Владивостока и Портъ-Артура и вноситъ по зернышку культуры во всѣ уголки дорогого мнѣ новаго отечества“. Да и какъ ему не быть знаменитостью, когда „въ историческомъ романѣ Данилевскаго „Мировичъ“ упоминается имѣніе „Каравалдай“, въ которое ѣздилъ отдыхать Ломоносовъ: я *тоже* время отъ времени уѣзжаю для отдыха въ „Каравалдай“. Въ чаду богатства нашъ заводчикъ не разъ повторяетъ: „Я богатъ“. Собственникъ „каменнаго особняка, художественно исполненнаго профессоромъ архитектуры“, иногда удостоивавшійся визита нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, г. Санъ-Галли почувствовалъ такой подъемъ духа и такую потребность быть откровеннымъ, что не задумался раскрыть самыя интимныя стороны своей жизни, убѣжденный въ важности и возвышенности всего, что касается его персоны. Получилось нѣчто трагп-комическое. Въ то время, какъ г. заводчикъ, погруженный въ хвастливое самосозерцаніе, говоритъ съ непзмѣнною гордостью о

[1]) „ Я—фабрикантъ, извѣстный всей Россіи; когда называютъ лучшія имена, и мое имя упоминается въ числѣ ихъ“..

своихъ дѣлахъ и чувствахъ, все выше поднимаясь въ собственныхъ своихъ глазахъ и съ торжествомъ оглядываясь на окружающихъ, у читателя не сходитъ съ лица улыбка, а временами онъ готовъ разразиться неудержимымъ хохотомъ. Но стоитъ только подумать, что передъ нами—одно изъ лицъ, не только имѣющихъ вліяніе на судьбу своего предпріятія, но вмѣшивающихся и въ городскія дѣла, и въ нѣкоторыя стороны общей промышленной жизни—и улыбка смѣнится тревогой и недоумѣніемъ. Послушайте, что говоритъ „общественный дѣятель“ г. Санъ-Галли о своей юности и зрѣлыхъ годахъ, и вы поймете, что такое представляютъ собою эти жрецы „господина“ капитала.

Вотъ что нашелъ нужнымъ сообщить г. заводчикъ о своихъ любовныхъ увлеченіяхъ во время своей юности.

„Въ это время (рѣчь идетъ объ юношескихъ „увлеченіяхъ“) я, двадцатипятилѣтній, горячій и довольно видный мужчина, много, очень много любилъ и не одною только платоническою любовью. Никогда я не покупалъ ласки отъ женщины деньгами, но также, съ другой стороны, не былъ стѣсненъ и не имѣлъ повода скупиться въ выборѣ милыхъ жертвъ—отче, я грѣшенъ! До сихъ поръ я не понимаю, какъ юноши могутъ избѣгать этого, когда кровь кипитъ и когда представляется случай удовлетворить жажду любви чуть ли не на каждомъ шагу. Но мой совѣтъ: сохрани себя чистымъ и воздержись, насколько это возможно; но духъ силенъ,—плоть немощна, и если ты попался, наслаждайся и будь благодарнымъ и всегда, слышишь ли, всегда, помни о послѣдствіяхъ“.

Вся мораль этого нравоученія съ его неопредѣленнымъ, но многозначащимъ „помни о послѣдствіяхъ“ безподобна. Всего комичнѣе, что нѣсколькими страницами раньше г. заводчикъ самымъ серьезнымъ тономъ заявляетъ о своихъ „возвышенныхъ чувствахъ“, вынесенныхъ имъ изъ любви къ искусству и поэзіи, и даже обращается къ другимъ съ призывомъ: „Прививайте дѣтямъ вашимъ прекрасное, воспитывайте ихъ на идеалахъ!“ И во исполненіе этого завѣта г. Санъ-Галли сообщаетъ о своихъ любовныхъ подвигахъ и даже даетъ практическій совѣтъ,—помнить о нежелательныхъ послѣдствіяхъ любви. „Пользовавшійся—иногда даже черезчуръ—удовольствіями мужскихъ и женскихъ обществъ“,

80-лѣтній заводчикъ пишетъ строки, отъ которыхъ должна была бы покраснѣть бумага и которыя самъ авторъ нашелъ нужнымъ привести на французскомъ языкѣ.

„Уже съ 16 лѣтъ,—повѣствуетъ далѣе авторъ,—я знаю то мистическое, полное прелести и сладкихъ мечтаній чувство, которое зовется любовью... Итакъ, я люблю женщинъ. Я люблю и уважаю женщинъ, серьезныхъ, вѣрныхъ спутницъ нашей жизни, нѣжныхъ матерей дорогихъ намъ дѣтей, которымъ онѣ передаютъ печать своего бытія. Эти славныя женщины—радость нашихъ дней и наше утѣшеніе. Но я люблю и обожаю также „веселыхъ“ женщинъ (les petites femmes). Онѣ такъ изящны, остроумны и веселы, даже и тѣ, которыя нѣсколько легкомысленны, разумѣется, если то не подколодныя змѣи. Послѣ тяжелаго дневного труда ихъ пріятное общество, ихъ смѣхъ, ихъ пѣніе являются для меня какъ бы легкимъ и вкуснымъ дессертомъ, который подается послѣ плотнаго обѣда. Ихъ присутствіе притупляетъ и смягчаетъ сухія соображенія и расчеты головы мыслителя, воодушевляетъ сердце и даетъ отдыхъ „уму“.

Итакъ, богатство и блудныя женщины,—вотъ утѣха одного „изъ лучшихъ“ на Руси людей. Но богатые купцы —честолюбивы; ихъ всегда привлекали чины и ордена. И нашъ фабрикантъ не только не остался чуждымъ этому стремленію, но даже съ поразительнымъ безстыдствомъ поясняетъ намъ, какъ достаются ордена.

„При посредствѣ В. И. Ковалевскаго я получилъ въ 1897 г. орденъ св. Станислава 1-й степени, а при посредствѣ нынѣшняго его преемника В. И. Тимирязева въ 1889 г.—чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а такимъ совѣтникомъ, какъ полагаю, на самомъ дѣлѣ я и былъ. Поводомъ къ полученію этого отличія было мое чувство досады, когда въ газетахъ я прочелъ, что одинъ богатый дѣлецъ, котораго я мало уважалъ, получилъ св. Станислава 1-й степени. Въ этотъ же день я присутствовалъ въ засѣданіи совѣта подъ предсѣдательствомъ В. И. Тимирязева. Когда во время засѣданія онъ былъ зачѣмъ-то вызванъ къ министру, я его задержалъ на минуту и просилъ передать министру, что я считаю себя обиженнымъ и брошу дѣло и уйду, если Иванъ Алексѣевичъ (Вышнеградскій) не дастъ также и мнѣ звѣзду. В. И. Тимирязевъ возвратился черезъ

полчаса и передалъ мнѣ отъ имени министра, что дать звѣзду онъ не можетъ, но что онъ представитъ меня къ чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Къ новому году я получилъ это званіе, и самымъ лучшимъ новогоднимъ подаркомъ для моей жены было, когда я назвалъ ее „ваше превосходительство“.

Здѣсь все удивительно характерно: и простота, съ какою достаются купцамъ и фабрикантамъ ордена, и жадность къ знакамъ отличія, и самодовольство, которое озаряетъ лица промышленныхъ тузовъ, когда „самого“ съ женой начинаютъ величать „ваше превосходительство“. Съ какой гордостью повторяетъ г. заводчикъ, что онъ „сталъ генераломъ не только своего дѣла, но и въ прямомъ смыслѣ“. Правда, онъ получилъ только личное дворянство, „налагающее обязанность вносить довольно крупную сумму въ пользу потомственныхъ дворянъ, фактически не давая никакихъ правъ вмѣшиваться, кажется, въ очень неблестящее положеніе ихъ учрежденій“; званіе потомственнаго дворянина снится ему во снѣ, онъ съ грустью говоритъ даже: „Но что тутъ дѣлать?“—и тѣмъ не менѣе съ плохо скрытой печалью заявляетъ дальше, что „не хотѣлъ бы потомственнаго дворянства“... Зеленъ виноградъ?

„Въ назиданіе своему потомству“ авторъ сообщаетъ и много другихъ фактовъ и нравоученій. Выражая сомнѣніе, чтобы ученый могъ быть министромъ, онъ даетъ наставленіе, основанное на личномъ опытѣ: „Старайтесь соприкасаться съ людьми выдающимися,—всегда что-нибудь пристанетъ“, рекомендуетъ покупать пустопорожнія мѣста, потому что „это—самое вѣрное помѣщеніе капитала“. Всѣ эти практическіе совѣты весьма характерны для той среды, къ которой принадлежитъ Санъ-Галли. Во всей книжкѣ нѣтъ ни одной строки, за которой чувствовался бы хоть намекъ на идею и идейность. Женщины, деньги, почести образуютъ центръ, вокругъ котораго вращаются всѣ помыслы автора. Конечно, онъ не чуждъ и общественной дѣятельности. Но что это была за дѣятельность и чѣмъ она одухотворялась? Какъ гласный петербургской Думы, г. Санъ-Галли становится во главѣ партіи „сангалліотовъ“. Г. заводчикъ не говоритъ о томъ, какими началами руководилась эта партія; по существу то была не партія, а закулисная котерія, имѣвшая

правильную организацію (члены ея собирались по понедѣльникамъ на квартирѣ у г. Санъ-Галли, гдѣ ихъ ждалъ „скромный ужинъ“) и пользовавшаяся, по словамъ г. Санъ-Галли, сочувствіемъ градоначальниковъ. Когда возникъ вопросъ объ измѣненіи Городового Положенія для Петербурга, то г. Санъ-Галли, все время дѣйствовавшій „ съ товарищи“ за кулисами, предупредительно спѣшитъ ознакомить высшее правительство „съ нѣкоторыми закулисными фактами“ изъ жизни городского самоуправленія. Г. заводчикъ участвовалъ и въ различныхъ засѣданіяхъ правительственныхъ учрежденій по дѣламъ промышленности, но и здѣсь эта дѣятельность нашла себѣ уничтожающую оцѣнку у самого автора: онъ признается, что въ присутствіи по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ „мы относились къ протоколамъ обвиненій промышленниковъ *по возможности снисходительно*, признавая законъ о штрафахъ очень суровымъ“. Крайне любопытно и отношеніе нашего фабриканта къ пошлинамъ. Защитникъ высокаго протекціонизма для машиностроенія, онъ становится на совершенно иную точку зрѣнія, когда дѣло касается пошлинъ на чугунъ и желѣзо,—тѣхъ металловъ, которые перерабатываются на его собственной фабрикѣ. Тутъ ужъ онъ доказываетъ, что пошлину надо уменьшить на половину, что такимъ путемъ можно было бы устранить чрезмѣрное поднятіе цѣнъ на металлы, созданное синдикатами, онъ мечетъ громы,—поскольку способно его слабое перо,—на синдикаты... по добычѣ металловъ, доказываетъ, что они противозаконны, и до такой степени увлекается ненавистью къ нимъ, что говоритъ: „Если допустить соединеніе фабрикантовъ для нормировки производства и цѣнъ, то, по справедливости, должны быть допущены соединенія рабочихъ для нормировки производительности рабочаго дня и размѣра вознагражденія за работу“. Но эта мысль приводится... только какъ примѣръ, который долженъ лишь устрашить невѣрующихъ. „Первое—равнозначаще допущенію эксплоатаціи правительства и народа, второе повлечетъ за собою стачки, насилія и, быть-можетъ, возмущеніе, бунтъ“,—и потому нужно „твердое исполненіе существующихъ законовъ какъ относительно фабрикантовъ, такъ и относительно рабочихъ“. Но все это—слова. Послушать одного изъ „лучшихъ“ въ Россіи людей,—такъ окажется,

что „цѣлью таможенныхъ пошлинъ должна быть защита труда“; въ дѣйствительности же, когда обсуждался правительственный проектъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими, г. Санъ-Галли вмѣстѣ съ другими фабрикантами настаивалъ на... значительномъ пониженіи нормъ вознагражденія потерпѣвшихъ, установленныхъ проектомъ. И все это дѣлалось во имя „справедливости“, такъ какъ чрезмѣрно высокое вознагражденіе затруднитъ-де „примиреніе между хозяиномъ и пострадавшимъ (какой прозрачный смыслъ имѣетъ это „примиреніе“!), породитъ притворщиковъ и причиняющихъ себѣ вредъ умышленно. Неудивительно, что г. заводчикъ сильно недолюбливаетъ и адвокатовъ, такъ какъ „иногда и *никъмъ* непрошенное вмѣшательство ихъ въ соглашеніе фабриканта съ рабочимъ вредно отзывается на ихъ *взаимныхъ* отношеніяхъ“,— другими словами, такъ какъ гораздо выгоднѣе имѣть дѣло съ полуграмотнымъ и юридически безпомощнымъ рабочимъ, чѣмъ съ профессіональнымъ защитникомъ его интересовъ. Зато вѣдь рабочіе знаютъ, что „я богатъ“, что „титулъ ваше превосходительство имѣетъ довольно большое значеніе въ административныхъ мѣстахъ“, и „гордятся тѣмъ, что ихъ хозяинъ получилъ такую большую награду!!“

Мы могли бы привести не мало фактовъ и мыслей для характеристики нашего заводчика, но и сказаннаго довольно. Каждая страница этой несравненной автобіографіи способна вызвать улыбку и недоумѣніе. С.-Галли, несомнѣнно, считаетъ себя крупною историческою фигурой современности и, въ сознаніи своего величія, не замѣчаетъ, что изображаетъ себя въ комическомъ видѣ. Едва ли найдется другое произведеніе, съ такою яркостью отражающее всѣ отрицательныя качества той высшей промышленной буржуазіи, на созданіе которой государствомъ и народомъ принесены были неисчислимыя жертвы.

374088/470
UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 10 25 08 08 013 1

Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ изданія: Москва, Кузнецкій мостъ, книжный магазинъ „Образованіе".
Петербургъ, т-во „Общест. Польза"
Б. Подъяческая, 39, с. д.